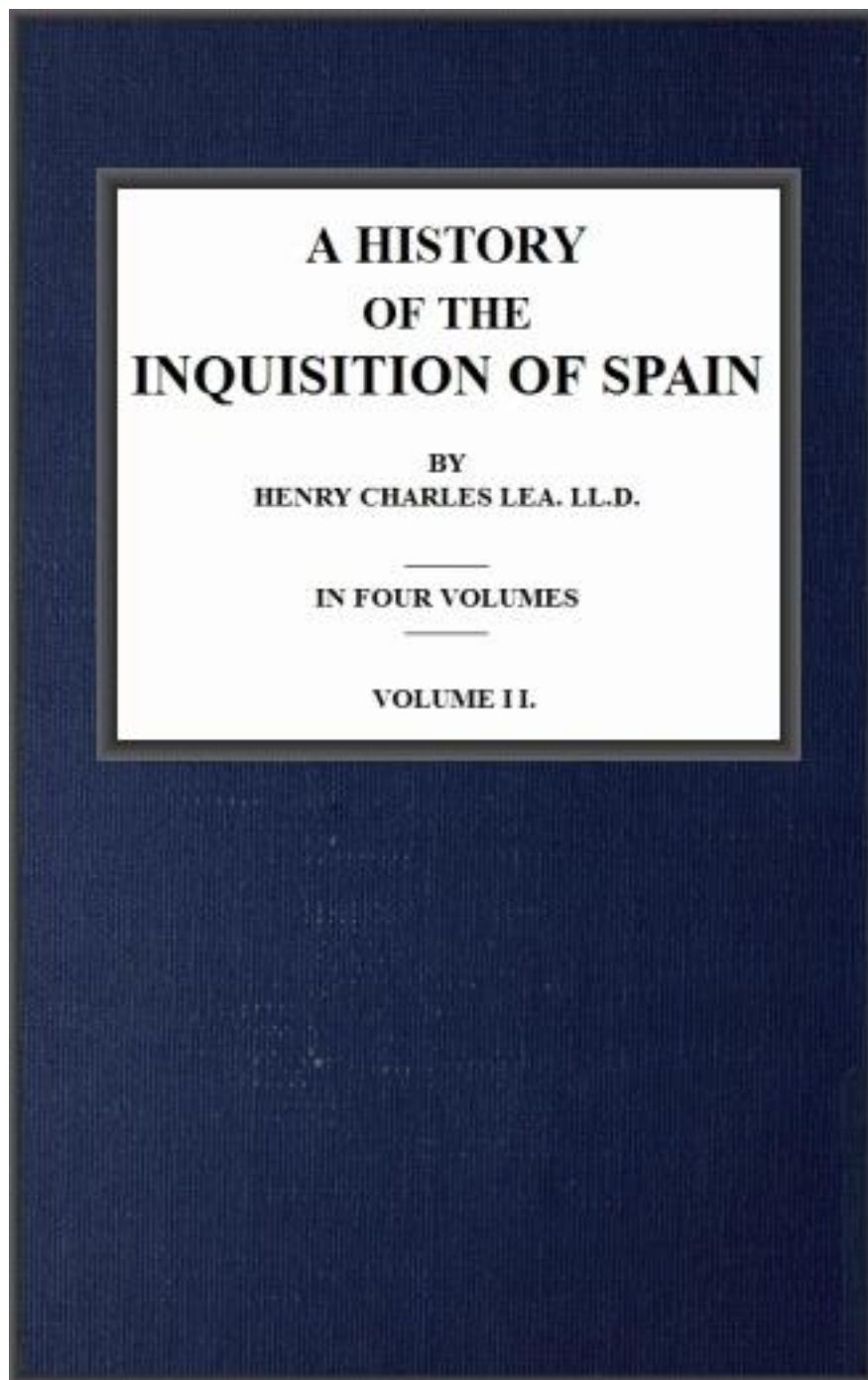

История инквизиции Испании; том 2

Генри Чарльз Ли

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории инквизиции Испании; том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История инквизиции Испании; том 2

Автор: Генри Чарльз Ли

Дата выхода: 21 октября 2013 г. [Электронная книга № 43990]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, доступных в интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ"; Т. 2 ***

Были предприняты все попытки воспроизвести оригинальную книгу в том виде, в каком она была напечатана. Исправлены некоторые типографские ошибки. [Список](#) следует за текстом.
(Примечание переводчика etext)

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ

РАБОТЫ ОДНОГО АВТОРА

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЯ УШНОЙ ИСПОВЕДИ И ИНДУЛЬГЕНЦИЙ В ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВИ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СВЯЩЕННИЧЕСКОГО БЕЗБРАЧИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ. Третье издание. (В стадии подготовки.)

ФОРМУЛЯР ПАПСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА. Один том, октаво. (Вышло из печати.)

СУЕВЕРИЕ И СИЛА. Очерки о пари закона, о пари битвы, об испытаниях, пытках. Четвертое издание, переработанное. В одном томе, 12 млн. экземпляров.

ИССЛЕДОВАНИЯ По ИСТОРИИ ЦЕРКВИ. Возвышение светской власти, преимущества духовенства, отлучение от церкви, ранняя Церковь и рабство. Второе издание. В одном томе 12 млн.

ГЛАВЫ Из РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ ИСПАНИИ, СВЯЗАННЫЕ С ИНКВИЗИЦИЕЙ. Цензура прессы, мистики и иллюминаты, Эндемониады, Эль-Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа, Брианда де Бардакси.

МОРИСКИ ИСПАНИИ. ИХ ОБРАЩЕНИЕ И ИЗГНАНИЕ. В одном томе, 12 млн.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ В ИСПАНИИ

ГЕНРИ ЧАРЛЬЗ ЛИ, ДОКТОР юридических наук

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ II.

Нью-Йорк
КОМПАНИЯ MACMILLAN
ЛОНДОН: MACMILLAN & CO., Ltd. 1922 г.
Все права защищены

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Авторское право, 1906 г.,
Компанией MACMILLAN.
-
Установлено и напечатано электротипом. Опубликовано в январе 1906 года.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II.

КНИГА III—ЮРИСДИКЦИЯ.
Глава I—Ересь.

	СТРАНИЦА
Важность, придаваемая единству веры	1
Народное отвращение к ереси	2
Ограничения инквизиционной юрисдикции	3

Классификация ереси — ересь является как грехом, так и преступлением	4
Первоначальная епископальная юрисдикция	5
Инквизиция обладает исключительной юрисдикцией	6
Согласие епископата — это просто формально	11
Юрисдикция Форума совести	10
Вопрос о папских индульгенциях	24
Расширение исключительной юрисдикции	26
Глава II—Регулярные приказы.	
Обычное духовенство требует освобождения от инквизиции	29
Колебания в борьбе — инквизиция торжествует	31
Соппротивление иезуитов — их поражение	33
Юрисдикция, принятая в Ссорах между Орденами	37
Глава III—Епископы.	
Торквемада тщетно добивается юрисдикции над епископами	41
Дела Давилы Сеговийского и Аранды Калаоррского	42
Дело Акуньи Саморской	45
Юрисдикция, возложенная лично на генерального инквизитора Манрике	44
Дело архиепископа Толедского Каррансы	45
Генеральный инквизитор Вальдес попадает в немилость	46
Пытается восстановить свое положение, преследуя Каррансу	48
Ортодоксальность Каррансы —Мельчор Кано	49
Комментарии Каррансы к Катехизису	54
Получено королевское и папское согласие на судебное преследование	56
Арест и заключение Каррансы под стражу, 22 августа 1559 г.	65
Он отводит Вальдеса и двух других судей	69
Проволочки—Судебный процесс начинается 30 июля 1561 г.	71
Продолжающиеся задержки —Вмешательство Тридентского собора в 1563 г.	73
Бесплодные усилия Пия IV ускорить судебный процесс	75
Пий V передает дело в Рим	77
Карранса прибывает в Рим 28 мая 1567 г. — Судебный процесс возобновлен	79
Григорий XIII возобновляет судебный процесс в 1572 г.	81
Приговор вынесен 24 апреля 1576 г.	82
Смерть Каррансы, 2 мая — Оценки его	84
Юрисдикции, заявленной в отношении епископов,	87
Дела Торо из Овьедо и Кейпо из Мехоакана	88
Глава IV —Эдикт веры.	
Его эффективность в стимулировании доносов	91

Его исчерпывающие подробности	93
Его анафема	95
Популярное обучение делации	99
Глава V —Обращения к Риму.	
Верховенство папской юрисдикции	103
Conversos покупают письма о помиловании у Святого Престола	104
Фердинанд и инквизиция игнорируют их.	105
Папские помилования, заявленные как хорошие на судебном форуме.	107
Борьба между Испанией и Римом — проданные и отозванные помилования.	108
Ссылка на Рим должностных лиц инквизиции.	118
Уступки Курии.	120
Карл V продолжает борьбу.	123
Он получает исключительную апелляционную юрисдикцию для генерального инквизитора.	126
Но Курия все еще рассматривает апелляции.	128
Трения продолжалось при Филиппе II и Филиппе III	129
Филипп IV добивается передачи папских писем	132
Дело Херонимо де Вильянуэвы	133
Его связь с монастырем Сан - Плачидо	134
Он добивается Оправдательного приговора инквизиции в 1632 г.	136
Арсе и Рейносо возобновляет Дело в 1643 г.	138
Приговор Вильянуэвы — Его апелляция в Рим была удовлетворена	143
Упорное сопротивление Филиппа IV	146
Копии документов , отправленных в Рим в 1651 году	154
Попытки вернуть их продолжались до 1660 г.	157
Апелляции к Риму, запрещенные при Бурбонах	159
КНИГА IV "ОРГАНИЗАЦИЯ".	
Глава I—Генеральный инквизитор и Верховный совет.	
Полномочия должностных лиц прекращаются вместе с генеральным инквизитором	161
поначалу Супрема была просто консультативным органом	162
Быстрое расширение ее функций	164
Она становится правящей силой	167
Ее борьба с генеральным инквизитором Мендосой в случае с Фройланом Диасом	169
Мендоса устраняет оппозиционных членов	174
Филипп V. принимает решение в пользу Супремы и Фройлана Диаса	177
Супрема низводит трибуналы до подчинения	179
Он постепенно вмешивается в приговоры и судебные процессы	181

Он требует ежемесячных отчетов о текущей деятельности	183
Централизация становится полной — Трибуналы являются всего лишь министерскими	185
Апелляционная юрисдикция генерального инквизитора и Супремы	187
Контроль над всеми деталями трибуналов	189
Контроль над финансами	190
Зарплаты и привилегии Супремы	194
Удовольствие от боев быков	198
Его доходы и расходы	200
Глава II-Трибунал.	
Постепенное разделение на округа	205
Организация Трибунала—Умножение должностных лиц	208
Тщетные попытки ограничить количество	211
Продажа должностей	212
Перепись должностных лиц в 1746 г.	216
Передача должности по наследству	218
Нежность, проявляемая к должностным преступлениям и их результатам	223
Посещения или инспекции Трибуналов	227
Дворца или здания Трибунала	230
Персонал Трибунала—Ассессор	232
Инквизиторы — их квалификация	233
Их обязанность посещать свои Районы	238
Промоутер Финансовый или прокурорский работник	241
Нотариусы или секретари	243
Альгуазиль	245
Нунций, Привратник и Тюремщик	246
Врач, хирург и Стюард	248
Финансовые чиновники	250
Зарплата и Аюдас де Коста	251
Отчеты	255
Глава III—Должностные лица, не получающие заработной платы.	
Калификадоры или Цензоры	263
Консультанты	266
Комиссары	268
Приближенные	272
Их чрезмерная численность и беспорядки	274
Квалификация, предписанная	279

Организацией должностных лиц—Эрмандад де Сан—Педро Мартир	282
Фернандо VII учреждает Рыцарский орден	283
Глава IV-Limpieza.	
Происхождение Лимпезы или чистота крови	285
Различие между старыми и новыми христианами	286
Религиозные ордена стремятся исключить новых христиан	287
Новые христиане исключены из колледжей	289
Церковь Толедо принимает Статут Лимпезы	290
Лимпеза применяется у францисканцев—обрядовиков	293
Это становится обязательным условием инквизиции	294
Проверка Лимпезы	295
Требуется количество поколений—Кающиеся инквизиции	297
Характер расследования —Это источник дохода	300
Лжесвидетельство и подкуп	304
Тщетные попытки Филиппа IV уменьшить зло Лимпезы	307
Печальные последствия Проскрипции	308
Ужас инквизиции усиливается	310
Жесткость ослабла при Реставрации	311
Остатки предрассудков на Майорке	312
КНИГА V-РЕСУРСЫ.	
Глава I—Конфискация.	
Необходимость конфискации для поддержки инквизиции	315
Конфискация заимствована из имперской юриспруденции	316
Ответственность за нее	317
Претензии Церкви по делам священнослужителей	318
Раздел, произведенный с феодалами	319
Наложный на всех примиренных или осужденных еретиков	320
Методы предотвращения уклонения от уплаты налогов	321
Комиссионные, выплачиваемые доносчикам	323
Хищническая практика Старой инквизиции	325
Вопрос об отчуждениях и кредиторах	326
Вопрос о приданом	332
Вопрос о завоеваниях	334
Тщательность конфискации—Обеспечение детей	335
Отчуждения после совершения ереси	339
Рабы конфискованных поместий	339
Строгое взыскание долгов	340

Рутинный бизнес—Ответственность получателей	341
Трудности, связанные с конфискацией	349
Исключительная юрисдикция инквизиции	349
Составы для конфискации	352
Потери и ветхость	363
Продуктивность	367
Устаревает в восемнадцатом веке	370
Распоряжение доходами	371
Щедрые дары фаворитам	372
Доброта Фердинанда	378
Необдуманные пожалования Карла V	380
Влияние конфискации	386
Глава II—Штрафы и епитимьи.	
Денежная епитимья	389
Отличается от конфискации	391
Иногда Конфискацию заменяют	394
Ее результативностью	396
Штрафы в качестве наказания	389
Глава III—Диспенсации.	
Реабилитация инвалидов	401
Борьба между короной, инквизицией и Папством	403
Продажа смягчения наказаний	408
Глава IV—Пособия.	
Должностные лица, получившие льготы,	415
Пятилетние разрешения на проживание,	416
Покровительство, предоставленное суверенам,	416
Противодействие капитулам Собора,	417
Докторские и магистратурные канонизации,	421
Предоставление канонизации в каждой Церкви в 1559 году,	423
Бесплодное сопротивление Церквей,	428
Продуктивность	431
Глава V—Финансы.	
Неспособность обеспечить постоянные фонды	433
Расточительность — Жалобы на бедность	435
Способность к восстановлению сил	439
Дефицит доходов в восемнадцатом веке	441
Финансовая организация—Получатель	445

Требуются подробные отчеты —Пренебрежение их предоставлением	447
Сундук с тремя ключами — Его неэффективность	450
<i>The Хунта Гасиенды</i>	453
Хищения	454
КНИГА VI—ПРАКТИКА.	
Глава I — Эдикт благодати.	
Природа эдикта благодати	457
Признание в соответствии с Эдиктом	459
Его полезность для инквизиции	460
Возрожден в 1815 году	463
Глава II—Инквизиционный процесс.	
Инквизиционный процесс в светской процедуре	465
Распущенность в Духовных судах	469
Строгая секретность в инквизиции	470
Его важность	476
Фискал как сторона в деле	478
Инквизиционный идеал	482
Глава III —Арест и наложение ареста на имущество.	
Обязанность доноса	485
Предварительные меры к аресту	486
Их игнорирование	491
Изолирование заключенного	493
Немедленный арест имущества	495
Обеспечение семей	499
Секретарша	501
Эмбарго	503
Глава IV—Секретная тюрьма.	
Степени тюремного заключения	507
Характер секретной тюрьмы	509
Террор, вызванный тюремным заключением	511
Заковывание заключенных в цепи	511
Побег из тюрьмы	513
Лишение всех внешних сношений	513
Ограничения на письменные принадлежности	517
Тюремные правила	518
Лишение таинств	520
Обращение с больными	522

Уход за женщинами—заклученными	523
Гуманные инструкции - не всегда выполняются	524
Расходы на содержание—Пайки	528
Взыскание расходов	533
Глава V—Доказательства.	
Судья предполагал взвесить характер доказательств	535
От свидетелей обвинения не требуется никакой квалификации	536
Строгая квалификация для свидетелей защиты	539
Принуждение свидетелей к даче показаний	540
Допрос свидетелей	541
Контроль над доказательствами Защиты	543
Утверждение доказательств	544
Соккрытие имен свидетелей	548
Лжесвидетельство	554
Характер допущенных доказательств	563
Отрицательные доказательства	567
Глава VI-Признание.	
Долг спасения душ	569
Срочность побуждения к признанию	570
Спонтанное признание, его частота	571
Признание должно быть полным — <i>Уменьшение</i>	573
Отрицание намерения	576
Донос на сообщников	577
Время признания	580
Отзыв признания	582
Отрицание вины— <i>Отрицание</i>	585
Приложение к документам	587

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ.

КНИГА III.

ЮРИСДИКЦИЯ.

ГЛАВА I.

ЕРЕСЬ.

Инквизиция была организована для искоренения ереси и обеспечения единообразия веры. Позже у нас будет возможность увидеть, насколько гибким стало определение ереси, и мы видели, как далеко продвинулась деятельность Святой Канцелярии по ее искоренению, но до последнего подавление неортодоксальной веры оставалось очевидной целью ее существования.

В наши дни тем, кто привык ко всеобщей терпимости, нелегко осознать важность, придаваемую государственными деятелями прошлого единству веры, или народное отвращение к любому отклонению от стандарта догмы. Эти убеждения были частью ментальных и моральных устоев общества и были результатом усердного учения Церкви на протяжении веков, пока оно не было отнесено к числу основных истин о том, что высшим долгом суверена является подавление инакомыслия любой ценой, и что ненависть к еретикам предписана каждому христианину как божественным, так и человеческим законом. Еретик был ядовитой рептилией, распространявшей заразу самым своим дыханием, и безопасность страны требовала его уничтожения как источника чумы. [1]

Более того, в более ранние периоды инквизиции, когда иерархия была заполнена новыми христианами сомнительной ортодоксальности, было важно знать, что таинства, необходимые для спасения, не были искажены отступничеством служителя, поскольку его намерение необходимо для их действительности. Никто не мог сказать, сколько было священников, подобных Андресу Гонсалесу, приходскому священнику Сан-Мартин-де-Талавера, который на суде в Толедо в 1486 году признался, что в течение четырнадцати лет он тайно был евреем, что у него не было никаких намерений, когда он служил мессу, и что он не давал отпущения грехов кающимся, исповедовавшимся ему. Была также широко распространена классическая история о Фрее Гарсии де Сапате, настоятеле монастыря иеронимитов в Толедо, который, приветствуя Гостей, обычно говорил: “Встань, маленький Питер, и позволь людям посмотреть на тебя”, и который всегда поворачивался спиной к кающемуся, которому он якобы даровал отпущение грехов. [2]

УСЛОВИЯ ЮРИСДИКЦИИ

Безжалостное рвение Святой Канцелярии могло бы постепенно избавить людей от этой опасности, но своими методами оно усилило необоснованное отвращение к ереси. Честный кавалерист Овьедо, живший примерно в середине шестнадцатого века, просто формулирует сложившееся мнение того времени, когда он говорит, что все возможные наказания,

предписанные канонами и допускаемые законами, должны быть применены к личностям и имуществу еретиков; они едят хлеб добрых людей, они оскверняют страну, своими разговорами они ведут души к гибели и своими браками и родственными связями растлевают кровь хороших домов. [3] Со временем это скорее увеличилось, чем уменьшилось. Гальчеран Альбанель, архиепископ Гранады, который был наставником Филиппа IV, написал своему бывшему ученику 12 апреля 1621 года, чтобы выразить свой ужас, узнав, что английскому послу было разрешено проводить богослужение в его доме по обрядам его секты. Король не должен допускать этого; это величайший из грехов, и если его не исправить, мы все погибнем. Это проклятый повод утверждать, что этот проклятый король разрешает испанскому послу отслужить мессу в Лондоне. Английский посол должен быть уволен, и английский король может отослать испанского посла; если Государственный совет вмешается, пусть Филипп укажет им путь Божий. У Лиценциата Ангуло должен быть епископат, потому что он сложил с себя полномочия фискала Совета, а не поставил свое имя на документе, в котором английский король был назван Защитником веры, а Альбанелл заявляет о своей готовности отказаться от своего престола в пользу Ангуло. [4] Для населения, усердно воспитанного в таких чувствах, ужасные церемонии аутодафе были триумфом веры, которым они гордились, и их переполняло благочестивое ликование, когда пламя *бразеро* пожирало тела еретиков, прошедших через бранный путь к вечному огню. Это было оправдание чести Бога, и необходимо понимать и иметь в виду этот характер, рассматривая выполнение инквизицией возложенной на нее задачи.

Юрисдикция Святой Канцелярии в отношении ереси была ограничена крещеными, поскольку крещение является условием, предшествующим ереси; некрещенные находятся вне Церкви, и она не имеет над ними духовной власти. На аутодафе 1623 года в Вальядолиде женщина, привлеченная к ответственности за иудаизм, заявила, что она не была крещена, после чего судебное разбирательство в отношении нее было прекращено, и она была заключена под стражу для проведения расследования. [5] Хотя крещение может быть законно совершено еретиком, все же в ходе судебного процесса над иностранными протестантами было проведено тщательное расследование деталей их крещения в их сектах, чтобы быть уверенным, что они были действительно крещены; в случае с Жаком Пинзоном в Толедо в 1598 году его защитник изобретательно, но тщетно доказывал, что этого нельзя было предположить, потому что этого не могло быть. доказано, что у служителя было надлежащее намерение, без которого обряд недействителен. [6]

Возраст накладывал тонкие ограничения на юрисдикцию инквизиции. Дети считались способными к совершению ереси, как только они становились *должниками*, в шесть или семь лет, но не привлекались к ответственности до тех пор, пока не достигали возраста благоразумия. Это было установлено Торквемадой на уровне двенадцати для девочек и четырнадцати для мальчиков, ниже которого их нельзя было заставлять публично отречься от престола, [7] но ограничение часто нарушалось. В 1501 году Инесита, дочь Маркоса Гарсии, в возрасте от девяти до десяти лет, и Изабель, дочь Альваро Ортолано, в возрасте десяти лет, были приговорены к явке с повинной. Один или два раза они признались, что соблюдают пост, и последней отец велел не есть свинину. [8] В 1660 году в Вальядолиде восьмилетний Джозеф Родригес, обвиняемый в иудаизме, регулярно предстал перед судом со всеми сложными процессуальными формальностями, занявший год, и был вынужден дать показания против своего отца и брата; он был тайно освобожден и помещен в тюрьму для покаяния для обучения.

[9] Конечно, максимального возрастного ограничения не было. В 1638 году в Вальядолиде столетняя Мария Диас была брошена в секретную тюрьму за иудаизм, и суд над ней продолжался. [10]

Ответственность перед инквизицией варьировалась в зависимости от степени ереси, которая тщательно классифицировалась теологами. Материальная ересь - это ошибка крещеного человека, возникающая из-за невежества, и, если невежество является преступным, его вряд ли можно считать истинной ересью, заслуживающей наказания. [11] Формальная или смешанная ересь - это добровольное и упорное заблуждение, упорство - это приверженность тому, что, как известно, противоречит учению Церкви. Эта формальная ересь снова подразделяется на внутреннюю, или ментальную, и внешнюю. Внутренняя, или ментальная, ересь - это то, что существует тайно и не проявляется ни словом, ни действием. Внешняя ересь подразделяется на оккультную и общественную. Внешнее оккультное - это то, что проявляется словами или знаками либо тайно, либо только для одного или двух человек — как если бы человек в уединении своей комнаты сказал: “Бога нет”, или высказал свою мысль в присутствии другого. Публичное внешнее - это то, что проявляется открыто, либо публично, либо более чем двум лицам. [12] Влияние этих различий на работу инквизиции станет очевидным позже.

ЕПИСКОПАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Было еще одно определение, еще более важное. Ересь была одновременно грехом и преступлением. Как грех это подлежало *внутреннему форуму*, или форуму совести; как преступление - *внешнему форуму*, или судебному форуму. Кающийся на sacramентальной исповеди, признающий еретическую веру, может получить sacramентальное отпущение грехов и быть помилован в глазах Бога, но преступление, подобное убийству или любому другому нарушению человеческих законов, все равно останется подлежащим наказанию в судебном порядке. Мы увидим, что в инквизиции кающийся, который исповедовался, раскаивался и получал отпущение грехов, все еще подвергался наказаниям, варьирующимся, в зависимости от обстоятельств, от легкой епитимьи до смертной казни.

До организации инквизиции в XIII веке осознание ереси было естественным атрибутом епископальной должности. Долг преследования был небрежно исполнен, и, когда катарская и вальденсийская ереси угрожали господству латинской церкви, а альбигойские крестовые походы сделали ее хозяином положения, инквизиция постепенно возникла в качестве помощи епископам. Существовало некоторое соперничество, но епископы, как правило, не участвовали в конфискациях, и, поскольку лишь немногие из них обладали достаточным усердием в преследовании, чтобы побудить их выполнять это безвозмездное служение, поле деятельности было фактически предоставлено новой организации в тех землях, где она была введена. Тем не менее права епископата оставались неоспоримыми. Юрисдикция в отношении ереси была признана совокупной, то есть ею пользовались оба трибунала, любой из которых имел право рассматривать любое дело, по которому он ранее принял меры. Наконец, в 1312 году Совет Вены в ответ на жалобы на жестокость инквизиторов сформулировал соглашение, согласно которому требовались совместные действия обеих юрисдикций во всех случаях заключения в тюрьму с суровым ограничением свободы, во всех приговорах к пыткам и во всех окончательных приговорах, если только тот, кого призвали к сотрудничеству, не явится в течение восьми дней. [13] Это, воплощенное в актах собора, технически известных как Клементины, оставалось

законом Церкви. Епископы, однако, оставались безразличными и редко предпринимали самостоятельные действия. Инквизиторские округа были большими, охватывая несколько епархий; епископальная юрисдикция была ограничена подданными одной епархии. Епископы не могли собраться в месте проведения трибунала, и когда готовилось аутодафе, они обычно делегировали своих Ординариев представлять их интересы или поручали действовать инквизитору.

Таково было несколько громоздкое сочетание епископальной и инквизиторской юрисдикции, которое принесло в Испанию основание Святой Канцелярии. Независимые действия епископов все еще время от времени продолжались, пример чего мы видели (Т. I, стр. 167) и это было признано, хотя и подчинено юрисдикции инквизиции, в записке Иннокентия VIII от 25 сентября 1487 г., наделяющей Торквемаду апелляционными полномочиями по делам в епископальных судах, независимо от того, действовали ли они отдельно или совместно с инквизиторами, при условии, что апелляция была подана до вынесения приговора. [14] Более того, папы того периода старались поддерживать утверждение об участии епископов в инквизиционных разбирательствах, что проявляется в надписи их писем, адресованных “Ordinarii et Inquisitoribus”, или предполагающих, что инквизиторы действовали как под епископальной, так и под папской властью. [15] Теоретически это продолжалось на протяжении всего шестнадцатого века. Авторитетные писатели рассматривают епископов и инквизиторов как обладающих совокупной юрисдикцией, так что оба могли преследовать в судебном порядке либо по отдельности, либо совместно, и по-прежнему ссылались на старые каноны, угрожая низложением епископа, который проявил небрежность в очищении своей епархии от ереси. [16]

ТРЕБОВАНИЕ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Таким образом, не существовало законодательства, лишаящего епископальный орден его традиционной юрисдикции в отношении ереси, однако инквизиция утверждала, и обосновала это утверждение, что ее компетенция была исключительной и что клементины просто предоставили епископам консультативную привилегию в указанных трех предложениях. В папских комиссиях генеральным инквизиторам не было предоставлено такого права на частную собственность, и единственный источник такого права следует искать в решительном решении Фердинанда о том, что ничто не должно мешать быстрому функционированию его любимого учреждения, и не допускается никаких претензий на долю в его финансовых результатах. Естественно, что он отдавал предпочтение инквизиции, поскольку процедура в духовных судах была публичной и с гораздо меньшей вероятностью приводила к обвинительному приговору, чем тайна трибуналов, и к 1500 году он, похоже, уладил дело к своему удовлетворению, поскольку в письме от 19 августа того же года архиепископу Кальяри он выражает удивление по поводу того, что прелат, без своей лицензии или поручения генерального инквизитора, вмешивался в дела, принадлежащие инквизиции, и взыскивал определенные денежные епитимьи, хотя ему уже было запрещено это делать. Этот запрет теперь решительно повторяется; он не должен иметь никакого отношения к делам инквизиции, за исключением оказания помощи инквизитору, когда это потребуется, и он должен немедленно передать свои коллекции получателю, Педро Лопесу, который отправляется на Сардинию. [17] Ничто не может быть более безапелляционным по тону, чем это послание, хотя трибунал Сардинии был полностью дезорганизован и должен был быть восстановлен путем отправки полного состава

должностных лиц. Исходя из этого, мы можем предположить, что если и было какое-либо сопротивление со стороны кастильского епископата, то к этому времени оно было преодолено.

То, что эта концентрация исключительной юрисдикции в инквизиции была делом рук королевской власти и не была повсеместно признана даже к середине шестнадцатого века, видно из замечания епископа Симанкаса, который сам был опытным инквизитором, когда он говорит, что обязанностью епископов является расследование случаев ереси, но они должны отправлять заключенного и показания инквизитору, ибо в противном случае их неопытность может привести к неудаче, как он часто обнаруживал; должен быть папский указ, предписывающий это, и, в противном случае, они должны будут отправить заключенного и показания инквизитору. король привык приказывать это епископам. [18] Из этого у нас есть пример, в 1527 году, когда генеральный инквизитор Манрике потребовал от генерального викария архиепископа Толедо выдачи священнослужителя, которого он арестовал и преследовал в судебном порядке. [19]

Симанкас по-прежнему признает обязанность епископа проводить предварительное расследование ереси, но даже это задолго до этого было запрещено, хотя шла длительная борьба, прежде чем оно было прекращено. В 1532 году ординарий Уэски издал Эдикт веры, составленный по образцу Эдикта инквизиции, призывающий к разоблачению еретиков, за что императрица-регентша резко упрекнула его в письме от 23 марта, назвав это нововведением, неизвестным с тех пор, как была введена инквизиция, и пригрозив ему соответствующими мерами за повторение подобного вторжения в юрисдикцию инквизиции. [20] Несмотря на это, архиепископ Валенсии Айала в 1565 году и его преемник блаженный Хуан де Рибера в 1576 году и еще один епископ в 1567 году повторили неосторожность, за которую их незамедлительно призвали к ответу. Когда в 1583 году епископ Тортозы совершил то же самое преступление, Верховный суд написал 14 января 1584 года, что папы предоставили инквизиции исключительную юрисдикцию в отношении ереси и запретили ее признание другими, и что он не должен в будущем вмешиваться в подобные дела. [21] Не смутившись этим, Таррагонский собор в 1591 году восстановил древнюю епископальную юрисдикцию, приказав всем епископам бдительно следить за своей паствой и, если они обнаружат каких-либо распространителей ереси, проследить за их наказанием в соответствии с канонами. [22] Насколько полностью оправданным был совет в этом и насколько ложным было утверждение Верховного, проявилось в 1595 году, когда архиепископ Гранады пожаловался Клименту VIII на то, что инквизиторы запретили ему издавать эдикт по вопросу ереси, и папа немедленно написал генеральному инквизитору, что этого нельзя допускать, поскольку полномочия, делегированные инквизиторам, никоим образом не противоречат закону. способ сокращения епископальной юрисдикции. [23]

ВВЕДЕНА В ДЕЙСТВИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

После этого, по крайней мере, Верховный не мог сослаться на невежество, и все же он упорствовал в утверждении, что знал, что это ложь. В Гватимале вспыхнула жестокая ссора между епископом Хуаном Рамиресом и комиссаром инквизиции Фелипе Руисом дель Карралем, который также был деканом капитула. Рамирес заключил его в тюрьму и взялся организовать что-то вроде собственного инквизиторского трибунала, после чего в 1609 году Верховный суд представил Филиппу III на подпись письмо, которое, как он описывает, составлено в форме, обычной для случаев, когда епископы вмешиваются в вопросы, касающиеся веры. Это

описывает, как папа, учреждая инквизицию, привлекал к себе все дела, связанные с ересью, и передавал их генеральному инквизитору и его заместителям, запрещая всем судьям и ординарным чиновникам вмешиваться в них, вследствие чего они перестали заниматься подобными делами и передавали инквизиторам все, что им становилось известно. Поскольку епископ наложил руку на дела, находящиеся вне его юрисдикции, ему приказано в будущем не вмешиваться ни во что, касающееся инквизиции, поскольку в противном случае будут приняты соответствующие меры. [24] Единственным основанием для этого лживого утверждения было, как мы увидим ниже, то, что в борьбе Фердинанда и Карла V за предотвращение апелляций инквизиции в Рим, от пап иногда получали сводки, в которых упоминались все дела, находящиеся на рассмотрении трибуналов, и передавались они генеральному инквизитору, с запретом любому, включая кардиналов и должностных лиц инквизиции, курия, чтобы принимать обращения от него. В этом нет абсолютно ничего, что имело бы отношение к первоначальной юрисдикции, и ничего, что ограничивало бы традиционные функции епископата, но Верховный Суд владел документами и мог утверждать относительно них все, что ему заблагорассудится.

Тем не менее епископы не отказались полностью от своих прав, и время от времени продолжали возникать случаи, в которых, конечно же, они терпели поражение. Они были достаточно частыми, чтобы оправдать включение в Формуляр 1645 года формулы, оформленной в соответствии с ними. Оно адресовано провизору Бадахоса и гласит, что налоговое управление жалуется на него как на начавшего судебное разбирательство против определенной партии за еретические утверждения; поскольку это дело относится исключительно к инквизиции, ему приказано передать его под обычным наказанием в виде отлучения от церкви и штрафа. Налоговый орган также требует, чтобы провизор был привлечен к ответственности, чтобы в будущем ни он, ни кто-либо другой не посмел узурпировать юрисдикцию инквизиции, и документ заканчивается заявлением о том, что судебное преследование начато. [25] Таким методам нелегко было противостоять. Когда в 1666 году барселонский трибунал узнал, что епископ Сольсонский во время посещения дал важные показания против некоторых сторон в вопросе веры, он сразу же потребовал документы, которые он незамедлительно передал. У него хватило наглости предложить привлечь его к ответственности, но Верховный мудро приказал ему не предпринимать против него никаких действий. [26] Однако Бенедикт XIV повторил утверждение Климента VIII о том, что папы, делегируя полномочия инквизиторам, никогда не намеревались вмешиваться в епископальную юрисдикцию или освобождать епископов от ответственности. [27]

Не довольствуясь таким образом лишением епископата его извечной юрисдикции в отношении ереси, инквизиторы стремились добиться рассмотрения класса дел, явно относящихся к духовным судам, на основании предполагаемой ереси — двоеженства, пренебрежения церковными обрядами, нарушений дисциплины и тому подобного. В 1536 году трибунал Валенсии вызвал большой ажиотаж, включив в свой Эдикт о вере ряд подобных вопросов, но по жалобе генерального викария Верховный суд распорядился исключить все, чего не было в старых эдиктах. [28] Попытки продолжались, и в 1552 году от Верховного суда потребовалось решение о том, что употребление свинины по субботам не является делом инквизиции, [29] и Конкордия 1568 год содержит положение, запрещающее инквизиторам рассматривать дела, принадлежащие Обычным людям.

ЕПИСКОПАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ

В carta acordada от 23 ноября 1612 года Верховный суд предпринял попытку определить границы конкурирующих юрисдикций, в которых он предоставил духовным судам исключительную юрисдикцию только над священнослужителями в вопросах, касающихся их обязанностей пасторов, служения Церкви, симонии и дел, связанных с орденами, бенефициями и духовными делами, в то время как он признал совокупную юрисдикцию в отношении ростовщичества, азартных игр и неводержанности. [30] Какими бы ограниченными ни были эти признания, сама Suprema их не соблюдала. В 1637 году Себастьян де лос Риос, кюра Томбрио-де-Арриба, который потерпел один или два несчастных случая при обращении с причастием и опасался обвинения своих врагов в непочтительности, донес на себя провизору Асторги и был оштрафован на четыре тысячи мараведи. Несмотря на это, в 1640 году он был привлечен к ответственности трибуналом Вальядолида; он тщетно ссылаясь на свой предыдущий судебный процесс; Верховный суд признал его недействительным, приказав заключить его в секретную тюрьму, где он и умер. [31] Этот процесс вторжения продолжался, и ближе к концу, когда реальной ереси было мало, чтобы занять его энергию, его записи полны случаев, которые, даже согласно его собственным определениям, несомненно относились к духовным судам — несоблюдение всевозможных церковных предписаний, нарушения при проведении мессы, причащение после еды, поедание мяса в дни поста, работа и невнимание к мессе в праздничные дни и другие разные дела, совершенно чуждые его первоначальным функциям. [32] То, что испанский епископат, по-видимому, приветствовал это освобождение от своих обязанностей и яростно сопротивлялся отмене инквизиции в 1813 году, которая вернула им, с ограничениями, их первоначальные функции, не говорит в пользу испанского епископата. После реставрации архиепископ Севильи в 1818 году собрал доказательства того, что священник Сан-Маркос много лет не исповедовался, а затем, вместо того чтобы наказать его, передал бумаги в трибунал. Вероятно, это было к счастью для грешного священника, поскольку Верховный распорядился, чтобы ничего не предпринималось, кроме как держать его под наблюдением, и чтобы архиепископа тепло поблагодарили и заверили, что необходимые шаги были предприняты. [33]

Была сохранена одна формальность, которая признавала епископальную юрисдикцию над ересью. Мы видели, что в случае с Клементинами согласие как епископа, так и инквизитора было необходимым для вынесения сурового заключения под стражу, вынесения приговора к пыткам и вынесения окончательного приговора. В булле Сикста IV, санкционирующей назначение инквизиторов Кастилии, на это не было сделано ни малейшего намека. На самом деле, никаких намеков не требовалось, поскольку в течение почти двух столетий это было само собой разумеющимся в инквизиторской процедуре, но первые инквизиторы не придавали этому значения, и Сикст в своей записке от 11 февраля 1482 г., вызванной жалобами на их жестокость, настаивал на согласии епископальных чиновников во всех решениях. [34] Фердинанд был не расположен ко всему, что угрожало вмешательству в автономию инквизиции, и его опыт общения в Валенсии с представителями Родриго Борджиа, отсутствующего архиепископа, показал ему, как можно воспользоваться этим епископским правом, чтобы воспрепятствовать судебному разбирательству и принудить к разделу добычи. Он, несомненно, сообщил Сиксту, что среди епископов и их должностных лиц было много евреев по крови, которым было бы небезопасно доверять, поскольку Сикст, за которым стоял Борджиа, ответил на такое возражение кратким письмом от 25 мая 1483 года, адресованным всем испанским архиепископам. В этом он приказал им предупредить всех своих суффрагисток

еврейского происхождения, чтобы они не вмешивались в дела инквизиции, а назначили Старого христианина, одобренного архиепископом, который должен обладать исключительными полномочиями во всех подобных вопросах. В случае, если это не было сделано, архиепископ должен был назначить назначение для каждой епархии, и назначенец должен был быть полностью независим от епископа. [35] Затем возник вопрос, может ли апелляционная юрисдикция Торквемады как генерального инквизитора отменять решения, в которых участвовали епископы, но этот вопрос был решен в пользу Торквемады кратким посланием Иннокентия VIII от 25 сентября 1487 года, таким образом, полностью подчинив епископальную юрисдикцию юрисдикции инквизиции. [36]

Фердинанд не был удовлетворен, но ему пришлось согласиться и принять решение епископов делегировать одного из инквизиторов в качестве своего представителя — прием, прецеденты которого можно найти в ранней инквизиции Лангедока. То, что это вскоре стало обычным явлением, указано в Инструкциях 1484 года, которые предупреждают инквизитора, возглавляющего комиссию, что он не должен считать себя выше своих коллег. [37] Другой план состоял в том, чтобы потребовать от епископов назначить генеральным викарием того, кого могут назначить инквизиторы, как Фердинанд приказал сделать епископам Арагона в письме от 27 января 1484 года. Выбранное таким образом лицо становилось должностным лицом трибунала и включалось в его платежную ведомость на получение жалованья, которое выплачивалось за счет конфискаций, за которые он мог проголосовать. У нас есть примеры этого в лице Мартина Наварро, служившего в Теруэле в 1486 году с ежегодным жалованьем в две тысячи суэльдо, и Мартина Гарсии, внесенного в качестве генерального викария с жалованьем в три тысячи суэльдо в платежную ведомость Сарагосы за тот же год. [38]

ЕПИСКОПАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ

Возможно, что епископы забеспокоились из-за такого поглощения своих полномочий и выразили протест Святому Престолу, поскольку в 1494 году, когда Александр VI дал поручения четырем новым генеральным инквизиторам, появилось новое условие, требующее, чтобы они выполняли свои функции совместно с Ординариями епархий, их викариями, должностными лицами или другими лицами, замещаемыми ординариями. [39] Фердинанд, однако, не привык терпеть сопротивление своей воле. Наиболее эффективным и экономичным способом было делегирование епископальной власти инквизитору, и он добивался этого любым необходимым давлением. Таким образом, когда в 1498 году епископ Таразоны отказался это сделать, Фердинанд в письме от 21 ноября отмахнулся от его доводов и повелительно приказал немедленно отправить делегацию. Епископ все еще сопротивлялся, и Фердинанд написал 4 января 1499 года, что он должен сделать это немедленно; никакие оправдания не будут приняты и ничто не изменит его решительной цели, но только в марте он узнал о покорности епископа. В том же 1499 году он столь же грубо сломил сопротивление двух других епископов, и когда в 1501 году архиепископ Таррагоны уведомил трибунал Барселоны о том, что без его участия некоторые дела, переданные им на рассмотрение в порядке апелляции, Фердинанд выразил свое возмущенное удивление; архиепископ должен немедленно устранить препятствие, а не ждать второго приказа. [40]

Решение Фердинанда состояло в том, чтобы превратить епископское согласие в простую формальную форму, и когда епископы осмеливались действовать или их генеральные викарии были ему неприятны, существуют различные случаи, свидетельствующие о его властных

методах обращения с ними. Из-за этого у него возникли некоторые проблемы со своим сыном, Альфонсо, архиепископом Сарагосы, который в 1511 году получил бессрочное управление Валенсией и который вопреки приказам своего отца упорно сохранял в качестве своего представителя генерального викария Валенсии Микера Солера, так что в 1512 году и снова в 1513 году празднование autos de fe откладывалось, к большому неудовольствию Фердинанда. [41] Эти случайные препятствия объясняют, почему, как он писал 27 ноября 1512 года, он пытался свести это к правилу, согласно которому обычные лица должны передавать свои полномочия инквизиторам и им не должно быть позволено просматривать дела. [42]

Народ не рассматривал этот вопрос в том же свете и рассматривал участие епископа или его представителя как некую гарантию от произвола инквизиторов. Среди жалоб узников Хаэна Филиппу и Хуане в 1506 году есть одна, в которой говорится, что инквизиторы действуют независимо от епископского провизора и ничего ему не сообщают, чтобы иметь возможность беспрепятственно исполнять свою злую волю. [43] Аналогичным образом суд Монзона в 1512 году включил в число злоупотреблений, требующих устранения, королевские письма, касающиеся согласия епископов, делегирования полномочий инквизиторам и других методов, с помощью которых уклонялись от участия епископов, и когда Лев X в 1516 году подтвердил Конкордию, он приказал, чтобы Ординарии возобновили свои функции. [44] То же самое было и в Кастилии, где, как мы видели (Т. I, стр. 217) одно из ходатайств кортов Вальядолида в 1518 году заключалось в том, чтобы ординарии епископальной церкви принимали участие в судебных решениях.

ЕПИСКОПАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ

В то время как петиции Вальядолида по большей части привлекли мало внимания, эта, по крайней мере, принесла плоды, поскольку с ослаблением давления Фердинанда епископы получили возможность заявить о себе. В 1520 году решение кардинала Адриана требовало присутствия как инквизиторов, так и ординарцев при отречении от престола и исповедях в соответствии с эдиктами Милосердия, а в 1527 году Манрике и Супрема заявили, что Ординарцы соглашались в случаях, предусмотренных законом, — двусмысленная фраза, которая, похоже, была по-разному истолкована. [45] Это не способствовало гармонии, инквизиторы неохотно допускали любое вторжение в их юрисдикцию, а обычные люди настаивали на своих правах при Клементинах. В 1529 году, когда Верховный суд случайно оказался в Толедо, дело было передано на рассмотрение Диего Артисом де Ангуло, фискалом местного трибунала, в меморандуме, в котором утверждалось, что требование присутствия Ординарца повлечет за собой большую задержку, поскольку он часто не мог присутствовать по вызову; кроме того, он всегда был в противоречии с трибуналом, что было печально известно всем, кто был связан с судебными процессами, возражая против денежных и легких наказаний и пытаясь приобрести юрисдикцию за счет Святой Канцелярии. По просьбе Ангуло Верховный суд допросил ряд свидетелей, самым важным из которых был Мартин Хименес, проработавший сорок лет в трибуналах Барселоны, Толедо и Севильи. Он показал, что ординарии привлекались только к трем действиям, указанным в "Клементинах", но, объясняя детали, он показал, что инквизиторы истолковали их таким образом, чтобы отстранить Ординария от большей части его функций, поскольку вместо участия во всех приговорах ему разрешалось участвовать только в вынесении обвинительных приговоров за ересь и не принимать участия в более легких делах, цель которых состояла в том, чтобы помешать ему требовать доли в денежных штрафах, хотя он был вызван на *консультацию фе*, на которой они были одобрены. Другие свидетели дали те же

показания, и нетрудно понять, почему обычные судьи проявляли мало интереса к осуществлению юрисдикции, столь произвольно ограниченной. [46] Вероятно, именно благодаря этому обсуждению Верховный суд 25 января 1530 года заявил трибуналам, что следует избегать разногласий с Обычными судами. В том же году он уведомил Валенсию о том, что все дела, переданные на его рассмотрение, должны быть одобрены им, а в 1532 году отправил аналогичные приказы в Барселону, добавив, что присутствие Ординарца необходимо при любом отречении. [47] Очевидно, что суды были ревнивы, обычные суды получили отпор и были обескуражены, а сотрудничество двух юрисдикций было не более чем формальным признанием фактически устаревшего права.

Обычная практика и ее применение проиллюстрированы в отчете о вручении повестки Бласу Ортису, тогдашнему генеральному викарию Толедо, 8 августа 1534 года. В нем говорилось, что он должен приехать и помочь в рассмотрении накопившихся дел с момента последнего аутодафе, состоявшегося почти четыре года назад. Он должен был отложить все остальные дела и ежедневно присутствовать на утренней аудиенции, чтобы стать свидетелем пыток в девяти указанных случаях, а на дневной аудиенции проголосовать по десяти из которых судебные процессы были завершены. Он был уведомлен, что, если он не придет, инквизиторы по истечении установленного законом срока (восемь дней) продолжат работу без него. Повестку доставил фискал в сопровождении нотариуса, который составил официальный акт вручения. Когда фискал изложил свое поручение, Блас Ортис небрежно сказал ему, что нет необходимости читать бумагу; он нездоров, но, если сможет, будет присутствовать при всех делах; если он не придет, он передаст свои полномочия двум инквизиторам или любому из них, кто согласится принять поручение. [48] Очевидно, Ортис не приехал, поскольку в нескольких предложениях, вынесенных в этом году в Толедо, инквизиторы называли себя “апостольскими инквизиторами, обладающими полномочиями Рядовых”. [49]

По каким-то неясным причинам возник в какой-то степени обычай назначать епископальных ординариев или провизоров инквизиторами. Это было достаточно часто, чтобы побудить мадридский суд в 1552 году пожаловаться на совмещение двух должностей, потому что, когда провизор арестовывал мирянина, чего он не мог сделать по закону, он утверждал, что действовал как инквизитор, в результате чего многие люди подверглись позору. Поэтому они ходатайствовали о том, чтобы ни один провизор не был также инквизитором, на что был возвращен ответ, что в таких случаях были выданы королевские седулы и что это будет продолжаться. [50] Каким бы обескураживающим ни был этот ответ, петиция, похоже, произвела впечатление, поскольку в 1556 году и Карл V, и Филипп II осудили генерального инквизитора Вальдеса, который также был архиепископом Севильи, потому что его провизор также был инквизитором в этом трибунале. Его защита заключалась в том, что так обстояло дело в Севилье в течение полувека из-за бедности трибунала, который выплачивал лишь треть обычного жалованья, и что он сам оплачивал содержание временного прокурора. [51]

ЕПИСКОПАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ

В течение оставшейся части столетия мы обычно обнаруживаем, что участие Обычных людей тщательно фиксировалось, будь то специальным представителем или делегацией инквизиторов. В 1561 году инквизитор Сервантес привлекает трибунал Барселоны к ответственности за то, что он не вел учет этого факта, и приказывает фискалу усердно

соблюдать его, поскольку без согласия Рядового приговор недействителен. [52] Хартия справедливости от 15 октября 1574 года напоминает трибуналам, что он должен подписывать все приговоры о пытках и все окончательные приговоры, за которые он имеет право голоса, но существовало правило, согласно которому он не подписывал оправдательные приговоры, даже если он голосовал за них. [53] Однако то, насколько чисто формальным было его участие, проявляется в деле брата Иеронимо де ла Мадре де Диос в Толедо в 1618 году. В консульта де фе временный поверенный Мельгозо согласился с одним из инквизиторов и консультантом относительно определенного наказания; другой инквизитор проголосовал за более суровое наказание, и, когда дело было передано в Верховный суд, он принял последнее, но Мельгозо послушно подписал приговор. [54] Инквизиторская юрисдикция для всех практических целей поглотила епископальную.

Поскольку инквизиционные округа обычно охватывали несколько епархий, и епископ или провизор тех, кто находился далеко от трибунала, не мог лично присутствовать при пытках или вынесении приговора их подданным, для них стало обычным делегировать свои полномочия какому-либо жителю города, который был резиденцией трибунала. То, что они не всегда были осторожны в своем выборе, проявилось, когда в 1574 году трибунал Сицилии был вынужден уведомить архиепископа о том, что он должен назначать духовных лиц, а не мирян, для вынесения решений по вопросам веры. [55] Воспользовавшись этой беспечностью, инквизиция обязалась контролировать характер назначаемых лиц и 17 августа 1637 г. издала инструкции епископам о том, что их провизоры должны быть дипломированными специалистами по каноническому праву, но, поскольку канонистов оказалось мало, 12 октября она была вынуждена изменить это и разрешить назначение богословов. В соответствии с этим есть запись трибунала Валенсии о том, что он признает дону Луиса Криспи ординарцем Тортосы, хотя он и богослов. [56]

Таким образом, инквизиция предприняла дальнейшее посягательство на епископальную юрисдикцию, заявив о своем праве определять, кого она признает подходящим представителем епископа, и осуществляя это право. То, насколько оскорбительно это иногда использовалось, проявилось в 1752 году в Лиме, когда инквизиторы Амускибар и Родригес были вовлечены в длительную ссору со светскими и церковными организациями. Чтобы досадить инквизиторам, архиепископ Барроета уведомил их, что ввиду их ожесточенных разногласий с вице-королем он отозвал преподавательский состав дона Фернандо де ла Сота в качестве своего представителя и назначил падре Франсиско Ларрету, S. J. На это они ответили, что признают его право отозвать преподавательский состав, но что касается Ларреты, то он по своей профессии не может выполнять свои функции; если архиепископ назначит кого-либо в соответствии с уставом Святой Канцелярии и обладающего необходимой квалификацией, он будет принят. Предположение о том, что они будут признавать только того, кого им заблагорассудится, ошеломило архиепископа, и он попросил их объяснить дисквалификацию Ларреты, на что они нагло ответили, что они уже заявили то, чего было достаточно для его руководства. Он подчинился и назначил францисканца Томаса де ла Конча, который был принят, но когда архиепископ передал переписку генеральному инквизитору Прадо-и-Куэста и попросил возмещения ущерба, он ничего не получил. [57]

Согласие епископов никогда не было более чем простой формальностью в признании извечной юрисдикции епископов над ересью, и со временем инквизиция стала пренебрегать даже этим. В ряде судебных процессов Мадридского трибунала между 1703 и 1710 годами инквизиторы

регистрируются как действующие иногда с представителями епископата, а иногда и без них, а во второй половине века один писатель сообщает нам, что согласие Рядового является необычным; это зависит от воли инквизиторов, которые иногда вызывают его, а иногда нет. [58] Тем не менее, были некоторые епископы, ревностные к притязаниям своего ордена, которые упорствовали в утверждении этого остатка юрисдикции. Антонио Тавира, епископ Канарских островов, а затем Саламанки, выразил свои чувства, когда в 1792 году пожаловался Карлосу IV на обращение инквизиции с епископальным орденом, сказав, что они перестали голосовать по делам веры, чтобы избежать унижения и деградации, которым они подвергались; они послали своих викариев, хотя это было неприлично и совершенно бесполезно, но они чувствовали, что должны сохранить эту маленькую тень юрисдикции, которая принадлежала им по праву. [59]

ФОРУМ СОВЕСТИ

При Реставрации, по-видимому, большее внимание уделялось согласию епископов, а соблюдение строгих формальностей было продемонстрировано в повторном судебном процессе над Хуаном Антонио Мансано, врачом из Ламбралеса епархии Сьюдад-Родриго и инквизиционного округа Льерена. В 1817 году трибунал Логроньо судил его за еретические высказывания, который запросил у Верховного суда, может ли ординарий его собственной епархии действовать, и получил ответ, что авторитет собственного епископа преступника является обязательным и что епископ Сьюдад-Родриго должен назначить представителя. В следующем году Мансано был снова арестован за то же преступление трибуналом Льерены и переведен в Севилью, поскольку в Льерене не было тюрьмы. 17 апреля 1819 года севильский трибунал спросил, может ли его ординарий присоединиться к приговору, и получил тот же ответ — что он должен обратиться к епископу Сьюдад-Родриго, чтобы договориться о встрече. [60] Все это было простой формальностью, поскольку к этому времени Suprema решала все дела, независимо от того, как мог проголосовать консультативный совет, и, таким образом, неоспоримая епископальная юрисдикция в отношении ереси была практически отменена.

Что касается внутреннего форума, или форума совести, инквизиция претендовала на еще более абсолютную юрисдикцию и пользовалась ею, чем на внешнем форуме, для которого она была изначально учреждена. Хотя формально и небрежно он признал претензии епископата на судебном форуме, он таким образом использовал делегированные ему папские полномочия, чтобы с предельной ревностью отстаивать исключительный контроль над форумом совести в вопросах ереси. Епископы, по сути, задолго до этого были вытеснены из этого процесса изобретением папских закрытых дел — дел, в которых сакраментальное отпущение грехов можно было получить только у Святого Престола, создавая таким образом прибыльный рынок для его индульгенций, писем-исповедей и отпущений грехов в его Пенитенциарных учреждениях. Ересь была главным грехом, преданным анафеме в ранней форме буллы, впоследствии известной как *in Cœna Domini*, начиная с ее ежегодной публикации в Великий четверг, а в 1364 году Урбан V передал все перечисленные в ней преступления под юрисдикцию папского камергера. [61] Таким образом, папство взяло на себя исключительный контроль над грехом ереси, за который никакое отпущение грехов не могло быть даровано, кроме как папской делегацией, и Павел II в 1469 году и Сикст IV в 1478 году издали дополнительные указы о том, что для этого необходима специальная лицензия, поскольку для ее покрытия не было проведено общих комиссий. [62] Тридентский собор в 1563 году робко попытался восстановить часть

епископских прав, утверждая, что епископы только на форуме совести могут лично отпускать грехи за тайную или оккультную ересь, но Римская инквизиция неоднократно решениями, основанными на высказываниях святого Пия V и Григория XIII, отменила соборное решение издать указ и лишить их этого жалкого остатка их функций. [63]

Это строгое ограничение греха ереси было недостаточно понято в Испании и так мало было известно о законах преследования, что поначалу новые христиане, которые опасались ареста, пытались спастись путем сакраментальной исповеди и отпущения грехов, не зная, что уже в тринадцатом веке было решено, что прощение греха на форуме совести не распространяется на преступление на судебном форуме. Такой метод уклонения не мог быть допущен, и все же инквизиция не была уверена, как действовать. Поэтому 10 ноября 1487 года было получено краткое письмо от Иннокентия VIII, адресованное всем инквизиторам и ординариям Испании, в котором излагались их сомнения относительно судебного преследования тех, кто утверждает, что они тайно исповедовались и отреклись от своих исповедников. Чтобы преодолеть это, утверждалось, что указы отцов церкви требовали, чтобы такие отречения сопровождалась клятвой, данной перед Ординарцем в присутствии нотариуса и свидетелей, никогда не возвращаться к отвергнутой ереси, поэтому инквизиторы были уполномочены преследовать всех, кто не соблюдал это правило. [64] Если такое правило когда-либо существовало, что сомнительно, оно давно было забыто и было совершенно неизвестно в Испании, так что все, кто прибегал к этому приему, попадали под юрисдикцию инквизиции.

ОККУЛЬТНАЯ ЕРЕСЬ

Новым христианам не потребовалось много времени, чтобы осознать тщетность подобных попыток, и мы мало что слышим о них в более поздние периоды. Тем не менее, были случаи оккультной ереси, в отношении которых функции инквизиции, по-видимому, различались. В прежние времена Эдикты Благодати передавали их трибуналам, а Инструкции 1484 года разрешают инквизитору допускать их к тайному примирению и отречению и не предполагают, что он делегирует свою власть другому. [65] Должно быть, были сомнения относительно его способностей к этому, поскольку в 1530 году Климент VII делегировал инквизиторам полномочия отпускать грехи и примирять за оккультную ересь с наложением соответствующей епитимьи. [66] Очевидно, что это относится к его отправлению сакраментального отпущения грехов, и все же вскоре после этого ему сказали, что он судья на внешнем, а не на внутреннем форуме и что выслушивать сакраментальные признания - не его дело. [67] Фактически, инквизитор отнюдь не обязательно состоял в ордене священников и, действуя в своем судебном качестве, вынося приговор преступнику и заслушивая его отречение, он просто предоставлял любому одобренному духовнику разрешение освободить его от отлучения и наложить спасительную епитимью. [68]

Существовала, однако, категория дел, отнюдь не редких, требующих скорее сакраментального, чем судебного разбирательства, что вызвало некоторые дебаты, прежде чем было решено, как их рассматривать. Они состояли из добрых христиан, которых одолевали тайные сомнения или которые предавались ошибочным рассуждениям и приносили свои духовные проблемы на исповедь. В отношении них священник и епископ были лишены юрисдикции, и, чтобы удостовериться в этом, в ежегодном Эдикте веры был пункт, запрещающий исповедникам давать отпущение грехов в любом случае, касающемся инквизиции, и предписывающий

отправить кающегося в трибунал. [69] Если он отказывался идти, единственной альтернативой для исповедника было получить у инквизитора разрешение отпустить ему грехи, поскольку признание было скреплено печатью и о судебном преследовании не могло быть и речи, но относительно этого даже в середине шестнадцатого века существовали сомнения. Епископ Симанкас говорит, что полномочия инквизитора выдавать лицензии сомнительны, и он может только предложить обращаться в каждом конкретном случае к Верховному Судье. [70] Практика неопределенной даты утверждает, что, когда духовник сообщает, что кающийся признался в ереси, и просит разрешения отпустить ему грехи, оно не может быть дано. Ему должно быть приказано побудить кающегося явиться в трибунал; в случае необходимости или лиц, занимающих высокое положение, инквизитор может пойти с нотариусом для получения признания, которое рассматривается в трибунале и последующее отпущение грехов или отречение от престола совершается тайно. В случае с монахинями, которых нельзя было заставить чистосердечно признаться перед комиссаром и нотариусом, была сделана уступка в том, что исповедник мог свести признание к письменной форме и отправить его в трибунал, который проконсультировался бы с Верховной Властью, и хрупкие были вынуждены обратиться в трибунал, где с ними обращались как с *espontaneados*, или спонтанными саморазоблачителями, и они были отпущены или тайно примирились с духовной епитимьей. [71]

Нежелание разрешать исповедникам отпускать грехи за ересь на форуме совести легко объяснимо. Принуждая кающегося явиться в трибунал, делалась запись для использования в случае рецидива; если у него были сообщники, его можно было заставить раскрыть их, и за этим следовало судебное преследование, и была возможность наложить денежное взыскание, хотя в таких случаях от конфискации отказывались. [72] Те же самые причины действовали в противоположном смысле на кающихся, помимо ужаса, который испытывали все люди, попадая в руки инквизиции. Когда он проявлял упрямство, трибунал был бессилён, поскольку печать исповеди скрывала его личность; в конце концов он добился своего и больше не делал вид, что лицензии не могут быть выданы исповедникам. В 1562 году на рассмотрение Верховного суда было передано дело человека, который сакраментально признался в определенных ересьях, не будучи никем им обучен, когда генеральный инквизитор уполномочил инквизиторов отпустить ему грехи таким способом, какой они сочтут наилучшим, и они уполномочили исповедника. [73] Наконец, стало правилом, что исповедник стремился побудить кающегося обратиться в инквизицию; если он решительно отказывался, исповедник подавал прошение о назначении, которое предоставлялось или нет, в зависимости от настроения трибунала. [74]

ОККУЛЬТНАЯ ЕРЕСЬ

Случай 1754 года показывает инквизицию в выгодном свете и представляет интерес также как иллюстрация мучений души, которая отвергает веру и все же считает веру необходимой для спасения. Брат Томас де Сос сообщил трибуналу Толедо, что, находясь на миссии в Аджофрине, кающаяся грешница попросила его получить разрешение отпустить ей грехи за ереси внутренние и внешние, которые, тем не менее, были оккультными, поскольку она никогда не высказывала их никому, кроме своей тети. Она сказала, что в предыдущем случае исповедник сделал это за нее, и она хотела избежать позора личной явки перед инквизицией. Ему было приказано выяснить все детали, и он сообщил, что кающейся была бедная женщина по имени Мария Лара, живущая со своей тетей восьмидесяти лет. Ее ереси длились всего несколько

месяцев, вызванные сильным горем из-за неблагодарности того, кому она принесла пользу; она не верила в Троицу, Воплощение, Закон Божий, Деву Марию, ад и дьявола и в то же время чувствовала себя потерянной без всякой надежды на спасение. Она не могла сказать, многое ли из этого она произнесла про себя или в присутствии своей тети, и важность, придаваемая этому моменту, указывает на весомость, придаваемую различию между внутренней и внешней ересью. Тетю осмотрели, вызвали куратора Аджофрина, просмотрели записи, и, наконец, по прошествии шести недель было выдано поручение, которое добрая фрейлина, желая исцелить отчаявшуюся душу, за час доставила Аджофрину и отпустила ей грехи. [75]

Эти дела вызвали серьезную озабоченность инквизиции, и в 1772 году Верховный суд призвал все трибуналы сообщить, какова была их практика. Тщательно взвесив их ответы, оно издало 9 ноября 1772 года инструкции, согласно которым, когда исповедник сообщает о подобном случае, ему следует приказать приложить все усилия, чтобы побудить кающегося выдать себя, заверив его в милосердном обращении и показав ему, что таким образом он будет спасен в случае доноса со стороны других. Он мог бы направить этот донос в трибунал или уполномоченному, или даже уполномочить исповедника донести на него, сообщив все подробности под присягой. Если, однако, кающийся упрямо отказывался, то духовник мог отпустить ему грехи, объяснив, что это только в рамках совести. [76] Однако, если верить Лоренцо Вильянуэве, эта либеральная уступка ни в коем случае не была реализована на практике, по крайней мере, всеми трибуналами. [77]

К признанию в официальной ереси относились не так снисходительно, и, поскольку это предполагало наличие сообщников, прилагались все усилия, чтобы добиться их разоблачения. Духовнику было приказано убедить, по возможности, кающегося прийти в инквизицию и исповедаться как перед самим собой, так и перед другими, пообещав тайное отпущение грехов без конфискации. Фактически это было предложение, сделанное тем, кто выступал в соответствии с Эдиктом Милосердия и не исключало произвольного денежного наказания; оно вряд ли могло привлечь к самоосуждению, тем более что включало предательство родных и друзей, хотя право на отпущение грехов в случае отказа не предоставлялось. Это приводило к тупиковой ситуации, и, возможно, в таких случаях от исповедника ожидали нарушения печати исповеди в соответствии со старым правилом, согласно которому она не покрывала ересь. По крайней мере, это можно заключить из случая, произошедшего в Лиме около 1580 года, когда падре Луис Лопес, S. J. сообщил, что кающийся на исповеди признался, что принял иудаизм, и, когда ему сказали обратиться к инквизиции, отказался. Дело было расценено как настолько серьезное, что было передано в Верховный суд, который отдал приказ доставить Лопеса вице-королю для отправки в Испанию - очевидно, тот, кто не нарушал печать, был слишком опасен, чтобы оставлять его в Перу. [78] Симанкас, однако, охарактеризовал это как наиболее пагубную доктрину и утверждает, что нарушение печати намного хуже, чем позволить еретику избежать наказания. [79]

Когда инквизиция была восстановлена в 1814 году, при Реставрации, она признала невозможность расследовать и наказать бесчисленные ереси, распространявшиеся в результате многолетних войн и воздействия иностранных армий. Поэтому в своем рвении к спасению душ он указом от 2 января 1815 года предоставил на год всем исповедникам право отпускать грехи за ересь внешнюю или смешанную. Исповедник, по сути, был превращен в квазиинквизитора, и процедура во многом напоминала процедуру трибуналов. Кающийся давал обет хранить тайну, но его признание должно было быть подробным и всеобъемлющим; оно

оформлялось в письменной форме, подписывалось и приводилось к присяге, а затем направлялось в трибунал для подшивания к его протоколам. Это освобождало его от судебного преследования в случае доноса со стороны других лиц, в то время как, если он отказывался это сделать, он должен был быть освобожден от ответственности, но только в суде совести; о нем следовало сообщить в трибунал, и он оставался ответственным перед внешним судом. [80]

КРУЗАДА И ЮБИЛЕЙНЫЕ ИНДУЛЬГЕНЦИИ

Принимая во внимание общепризнанный принцип, согласно которому сакраментальное отпущение грехов не влияет на внешнюю площадку, тот факт, что инквизиция протестовала против папских индульгенций Санта-Крусады и юбилея, свидетельствует о бдительной ревности, с которой она охраняла свою юрисдикцию. Первый предоставлял *indulgentia plenissima*; это было государственное дело, управляемое правительством и приносявшее большой доход, часть которого поступала Святому Престолу; его продажа продвигалась в каждом квартале с предельной энергией, и инквизиция строго наказывала любые высказывания, рассчитанные на уменьшение спроса. Только крайняя чувствительность к своей юрисдикции могла заставить инквизицию усомниться в неограниченной эффективности индульгенции, но когда святой Пий V в 1571 году, после пятилетнего перерыва, возобновил концессию на Крусаду, она забила тревогу. В "Картас аккордадас" от 30 мая и 13 июня 1572 года Верховный суд информирует суды о том, что в некоторых местах утверждается, что буллы Крусады предоставляют полномочия для отпущения ереси; это не так, и, если бы это было так, папу попросили бы отозвать их; это утверждение должно быть повсеместно опровергнуто, и следует попросить прелатов дать соответствующие инструкции исповедникам. [81] Более эффективный шаг был предпринят в 1576 году, когда Григорий XIII получил краткое изложение, в котором говорилось, что в намерения папы никогда не входило, чтобы индульгенция включала ересь, и чтобы сделать это известным, он уполномочил комиссара Крусады перевести краткое изложение на местный язык и опубликовать его везде, где проповедовалась Крузада. Верховный суд не доверял Комиссару, но разослал копии протокола во все трибуналы с инструкциями уведомить Ординариев и прелатов об Орденах, чтобы исповедники могли быть должным образом проинформированы. Месяц спустя, в январе 1577 года, он приказал опубликовать это краткое изложение во всех церквях. [82] В конечном итоге, однако, его опасения были устранены пунктом в булах Крусады, специально исключаящим ересь из полномочий, предоставленных исповедникам, в форме, которую они сохранили до наших дней, спустя долгое время после упразднения Святой Канцелярии. [83]

Индульгенция Крусада была особым финансовым одолжением испанской монархии, которое она могла практически контролировать, но иначе обстояло дело с юбилейными индульгенциями, которые примерно в этот период начали публиковать папы — полным отпущением грехов, которое можно было получить во время паломничества в Рим на юбилей, отмечаемые каждые двадцать пять лет. Святой Пий V подал этому пример, вступив на престол в 1566 году, которому с тех пор последовали его преемники, а также специальные юбилеи, отмечаемые с уменьшающимися интервалами. Юбилейный документ, опубликованный в 1572 году при восшествии на престол Григория XIII, исключал еретиков и читателей запрещенных книг и добавлял позитивное заявление о том, что в нем и во всем, что может быть выпущено впоследствии, отпущение грехов было только на форуме совести и не влияло на судебный

форум. [84] Воспользовавшись этим, когда в 1578 году появилась очередная юбилейная индульгенция, Супрема приказал опубликовать ее с опущением всего, что касалось инквизиции, в соответствии с заявлениями Григория. [85] Однако последующие юбилеи 1589, 1592 и 1595 годов включали ересь и вызвали безуспешные протесты Испании, пока, наконец, в последнем году проповедникам не было приказано заявить по их собственной инициативе, что, согласно общему пункту юбилея, отпущение грехов за ересь получить нельзя. [86] В то время как римская инквизиция не протестовала против этих индульгенций, испанцы упорно возражали против них, и казалось невозможным урегулировать конфликт. Когда Александр VII, вступив на престол в 1655 году, опубликовал юбилейный документ, в нем содержался неприятный пункт; Кабрера, представитель Верховного суда в Риме, горячо возразил ему, и он пообещал в будущем исключить ересь; это не удовлетворило Кабреру, который требовал конституции, исключающей ересь из всех юбилеев. Александр пообещал расследовать этот вопрос, но, по-видимому, его исследования не дали результатов, поскольку тема продолжалась до конца столетия, давая повод для повторного обсуждения. [87]

СЕКРЕТНОСТЬ И ЭКСКЛЮЗИВНОСТЬ

Ересь была эластичным термином, и инквизиция расширила его, чтобы распространить свою исключительную юрисдикцию во всех направлениях. То же самое она делала, чтобы оградить себя от расследования и ограничений. Нам говорят, что в многочисленных случаях обращения к трону за несправедливостью, понесенной от его рук, если король приказывал генеральному инквизитору доложить по этому вопросу, чтобы его можно было передать хунте, состоящей из членов Верховного Суда и Королевского совета, первым делом Верховного Суда было изучить, возник ли вопрос из вопроса веры, или каким-либо образом зависел от веры, или касался свободного исполнения обязанностей Святой Канцелярии. Было не так много вещей, которые нельзя было внести в этот заколдованный круг, и тогда монарху была адресована консультация с протестом, что он не может передать этот вопрос хунте, потому что его природа исключает его рассмотрение непрофессионалами, и это было бы нарушением тайны инквизиции, так что он должен был быть представлен только Верховному судье, который составил бы ему устный отчет. Было зафиксировано, что в случае подобного рода Филипп II дал свое королевское слово, что только он и дон Кристоваль де Мокера будут допущены к секретности, и в 1645 году Филипп IV смог получить только от Арсе-и-Рейносо устное объяснение. [88] Таким образом, между исключительной осведомленностью и нерушимой тайной инквизиция реализовала идеал духовной юрисдикции — она судила всех и не была судима никем.

ГЛАВА II.

ОБЫЧНЫЕ ПРИКАЗЫ.

Над мирянами юрисдикция инквизиции была полной. Никто не занимал столь высокого положения, чтобы быть исключенным, поскольку ересь была универсальным уравниателем. Теоретически ей подчинялся сам король, поскольку она основывалась на принципе

верховенства духовной власти над светской. Благочестие испанских монархов не давало повода проверить это, поскольку мы можем смело отвергнуть как басни истории о Хуане ла Лока и Доне Карлосе, но ни одно положение в обществе не освобождало того, кого подозревали в вере, от судебного преследования и наказания, если его признавали виновным. В Валенсии дворяне, пытавшиеся защитить своих вассалов-морисков от набегов инквизиции, предстали перед судом как сторонники ереси, наиболее заметным из которых был дон Санчо де Кордова, адмирал Арагона и представитель благороднейшей крови Испании. В возрасте 73 лет он был вынужден отречься от престола из-за легкого подозрения в ереси, был оштрафован и заключен в монастырь, где и скончался. [89] У нас будет возможность подробно рассмотреть еще более примечательное дело дона Херонимо де Вильянуэвы, протонотария Арагона и фаворита как Оливареса, так и Филиппа IV, и, даже когда инквизиция была в глубоком упадке, мы увидим, какие шаги она предприняла, чтобы напасть на дона Мануэля де Годоя, принца Мира и всесильного фаворита Карлоса IV.

За исключением епископов, о которых подробнее ниже, светское духовенство в равной степени находилось во власти Святой Канцелярии. Даже когда, как мы видели, в ожесточенных спорах между трибуналом Майорки и духовенством островов последнее получало защиту специальных папских постановлений, это освобождало их только от королевской юрисдикции инквизиции и не влияло на их ответственность в вопросах веры, против чего они не протестовали. Однако обычное духовенство — члены религиозных орденов — долго и упорно боролось, чтобы избежать подчинения, предпочитая более мягкую дисциплину своих собственных прелатов. В двенадцатом и тринадцатом веках монастырские учреждения по большей части были освобождены от епископальной юрисдикции и подчинялись только Святому Престолу. Когда в XIII веке были организованы нищенствующие ордена, они также непосредственно подчинялись папе римскому. Это правда, что в 1184 году Луций III в своем веронском указе отменил этот иммунитет в вопросах веры и до сих пор возвращал постоянных членов под юрисдикцию епископата, поскольку об инквизиции еще не думали, [90] но, когда нищенствующие заявили, что это не относится к их впоследствии основанным орденам, Иннокентий IV, в 1254 году подверг их инквизиции, которая к тому времени была в полном разгаре. Бонифаций VIII решительно подтвердил это, даже заявив, что за ересь они должны быть наказаны более сурово, чем миряне, что Духовные францисканцы и обнаружили при Иоанне XXII. [91] Поскольку инквизиторы действовали по поручению папы римского, не могло быть никаких сомнений в их юрисдикции над постоянными членами, но в случае доминиканского магистра Эккарта, которого в 1327 году судил архиепископ Кельна, было решено, что епископальная инквизиция также имела полномочия. [92] Тем не менее, около 1460 года Пий II предоставил францисканцам привилегию предстать перед судом только генерального викария их Ордена, а в 1479 году Сикст IV, ввиду закоренелой вражды между францисканцами и доминиканцами, из Орден которых были взяты почти все инквизиторы, запретил представителям одного Ордена преследовать членов другого. [93]

НЕУСТОЙЧИВАЯ ПОЛИТИКА

Такова была ситуация, когда была основана испанская инквизиция. В Ордене было много конверсос, и многие подвергались судебному преследованию. При Торквемаде, который сам был доминиканцем, инквизиторы были в основном доминиканцами, и францисканцы, естественно, претендовали на привилегии папских указов 1460 и 1479 годов; когда в 1487 году некоторые францисканцы-наблюдатели были привлечены к ответственности, Иннокентий VIII

приказал их освободить и повторил положения 1479 года. [94] Однако в следующем году в *motu proprio* от 17 мая 1488 года он заявил, что ни один из орденов не является исключением и особо упомянул цистерцианцев, доминиканцев и францисканцев. [95] Еще до этого Торквемада относился к регулярным войскам как к находящимся под его юрисдикцией, поскольку, хотя он и предоставил прелатам-геронимитам право судить некоторых из их слабых, он отменил это 3 мая 1488 года и поручил инквизиторам Толедо привлечь их к ответственности. [96] В Риме влияние регулярных орденов было велико; влияние растущей мощи Испании неуклонно возрастало, и борьба между этими противоборствующими силами проявляется в неустойчивой политике Святого Престола. *Motu proprio* 1488 года оставался в силе в течение значительного времени, но после смерти Фердинанда францисканцы в 1517 году добились от Льва X возобновления своих старых привилегий, которые, вероятно, также включали доминиканцев. [97] Вскоре последовали августинцы, ибо письмо Верховного Суда от 7 мая 1521 г. предписывает трибуналам, учитывая их привилегии быть судимыми их прелатами, получать от вышестоящих делегированные полномочия действовать по их делам, или назначать слабого заседателем, или передавать дела в Верховный суд, как они сочтут наилучшим. [98] По-видимому, эти исключения соблюдались не всегда, поскольку Климент VII своим указом от 18 января 1524 года решительно подтвердил привилегии францисканцев и приказал передать все их дела, находящиеся на рассмотрении трибуналов, в течение шести дней прелатам обвиняемых. [99] Поэтому, когда в записке от 19 марта 1525 года он запретил потомкам евреев и еретиков занимать высокие должности в обсервантской ветви Ордена, он привел в качестве причины то, что провинциалы являются судьями своих подданных. [100]

Потребовалось всего несколько месяцев, чтобы все это изменить. Инквизиция была обеспокоена этим ограничением своей юрисдикции. Генеральный инквизитор Манрике в письме от 30 июня 1524 года утверждал, что отмена августинских привилегий будет обеспечена, и он оказался истинным пророком. [101] Услуги Карла V по сдерживанию волны лютеранского восстания были незаменимы, и в его требованиях нельзя было отказать. Судебный приказ от 13 апреля 1525 года снова подверг фрейлов суду инквизиции, но смягчил удар, предусмотрев, что жители провинций должны назначать заседателей для рассмотрения их дел в трибуналах. Это не удовлетворило Испанию, и два месяца спустя судебный приказ от 16 июня полностью подчинил их власти генерального инквизитора. [102] То, что инквизиция таким образом получила и осуществляла юрисдикцию над постоянными членами церкви, видно из приказа Верховного суда от 18 июля 1534 г., требующего, чтобы с ним консультировались и представляли ему показания, прежде чем возбуждать дело против фрейла — приказ, повторенный 10 июня 1555 г. и впоследствии распространенный на всех священнослужителей. [103]

ПОЛУЧЕНА ЮРИСДИКЦИЯ

Издавая это, Верховный, очевидно, не подозревал, что примерно тремя неделями ранее произошло еще одно смещение чаши весов. Фрейлы не бездействовали; францисканцы и, предположительно, другие ордена одержали победу. Краткое послание Климента VII от 23 июня 1534 года перечисляет различные льготы, предоставленные предыдущими папами францисканцам, в то время как многочисленные жалобы показали, что некоторые инквизиторы продолжали преследовать их, к их большому возмущению и скандалу, поэтому было приказано, что всякий раз, когда кто-либо из слабых подозревался в ереси, они должны быть переданы своему начальству для наказания, несмотря на все привилегии, предоставленные Святой

Канцелярии. Подтверждение этого было получено от Павла III 8 ноября того же года, но, по-видимому, этим приказам уделили мало внимания, поскольку было получено другое подтверждение 15 декабря 1537 года с добавлением, что все дела, находящиеся на рассмотрении инквизиции, должны быть переданы начальству Ордена в течение шести дней, и все приговоры в отступление от этого были признаны недействительными. [104] Даже это не удержало инквизицию в узде, и Павел издал 6 марта 1542 г. еще один указ о неуважении к его приказам, в связи с чем всем инквизиторам во всех частях света было приказано под страхом отлучения от церкви, лишения льгот и инвалидности для получения привилегий не преследовать немощных и освобождать всех, кто может быть заключен в тюрьму. Все епископы и прелаты были назначены исполнителями приказа, наделенными правом прибегать к помощи светских властей. [105]

Строгость этих положений является мерой встреченного сопротивления, и поразительным контрастом с ними является тот факт, что всего лишь две недели спустя Павел своим указом от 21 марта отменил все исключения для нищенствующих орденов в Верхней Италии и на острове Хиос и подверг их членов, за исключением епископов, инквизиции в вопросах веры. [106] Это поставило испанскую инквизицию в невыгодное положение по сравнению с недавно организованной Римской конгрегацией, хотя ее приказ от 10 июня 1555 года, упомянутый выше, указывает на то, что она уделяла мало внимания высказываниям папы. Однако он полностью восстановил утраченные позиции, когда Святой Престол признал, что это единственный трибунал, на который можно положиться в борьбе с распространенным пороком "домогательства" или соращения на исповеди, главными нарушителями которого являются слабоумные. Когда в качестве эксперимента Павел IV в 1559 году уполномочил трибунал Гранады преследовать эти дела, он отменил все привилегии и изъятия не только по этому преступлению, но и по всем еретическим преступлениям; он уполномочил инквизиторов унижать виновных и передавать их светским властям для казни, и положения этого краткого изложения были распространены Пием IV в 1561 году на все трибуналы в испанских владениях. [107] Это сделало инквизицию хозяином положения, в то время как включение вымогательства в число еретических преступлений сделало обычные Приказы еще более осторожными в попытках вырваться из-под ее юрисдикции.

Развитие Общества Иисуса и безграничная благосклонность, которой оно пользовалось у Святого Престола, внесли новый фактор в борьбу. В 1587 году инквизиция обнаружила, что иезуиты требовали освобождения от ответственности. В Своде их привилегий говорилось, что Григорий XIII, *да здравствует ораторское искусство*, 18 марта 1584 года наделил их генерала полномочиями подчиненного, правом освобождать своих подданных от ереси даже в случаях рецидива; следовательно, любой, кто знает о ереси другого, должен был донести на него своему начальнику, а не инквизиции, и широко утверждалось, что члены церкви не подчиняются никаким судьям, епископальным или инквизиторским. [108] Для инквизиции было невозможно игнорировать такое отрицание ее полномочий, и она немедленно приказала закрыть Компендиум и все постановления, несовместимые с ее юрисдикцией, что привело к продолжительной переписке с Римом. [109]

Дело, которое привело к этому разбирательству, слишком наводит на размышления, чтобы не заслуживать более подробного рассмотрения. Поскольку вымогательство подпадало под исключительную юрисдикцию инквизиции, согласно Эдикту веры, обязанностью каждого под страхом сурового наказания стало доносить в ближайший трибунал на любое дело, ставшее ему

известным. В 1583 году иезуиты колледжа Монтерей в Галисии узнали, что один из них, падре Себастьян де Бривьеска, был виновен в этом с помощью определенных *бит*, а также в некоторых иллюминистских практиках. Падре Диего Эрнандес был отправлен в Сеговию, чтобы сообщить об этом Антонио Марсену, провинциалу Кастилии. Чтобы отвратить от Общества позор судебного преследования члена Общества, Эрнандесу было приказано вернуться и привести доказательства в законную форму, чтобы Бривьеску можно было тайно судить и наказывать, но Марсен предупредил его, что все консультации и действия должны проводиться под предлогом признания, чтобы они были скреплены печатью. Эрнандес вернулся в Монтерей и проконсультировался с падре Франсиско Ларатой и Хуаном Лопесом, которые сказали, что это опасное дело; дело принадлежит инквизиции, и, если бы не печать признания, они были бы обязаны осудить Бривьеску, какой бы вред это ни нанесло обществу. Битам была предписана строжайшая секретность; Эрнандес отнес свидетельство Марчену, передал его ему под печатью и был отправлен с ним в Саламанку, где оно было передано без указания имен теологам иезуитского колледжа. Они сообщили, что преступник должен быть донесен инквизиции и что биты не могут быть освобождены от ответственности, пока не донесут на него, но, узнав, что в этом замешано Общество, они изменили свое мнение. Эрнандеса отправили в Монтерей, где он отпустил грехи битам, в то время как Марчен заключил Бривьеску в тюрьму, добился частичного признания, дал ему увольнительные письма и одежду светского священника и отправил его с компаньоном в Барселону, откуда его отправили в Италию. Ранее он был виновен в аналогичной практике в Авиле.

ПОПЫТКИ УКЛОНИТЬСЯ ОТ ЭТОГО

Эрнандес послушно выполнил приказ, но он был совершенно напуган. Он умолял Марсена разрешить ему донести на это дело инквизиции, и ему сказали, что если из-за него Обществу будет причинен вред, он будет пожизненно заключен в кандалы. Он настаивал, и тогда распространились слухи, что он безумен и одержим дьяволом; его отправили в колледж в Овьедо, где не было инквизиции и не было средств связи по почте, и в течение года он не мог заговорить со своей совестью, поскольку исповедникам было запрещено отпускать ему грехи, если он не поклянется подчиняться своему начальству. Затем были опробованы обещания, и ему сказали, что все, о чем он попросит, будет получено для него у генерала, и далее ему сообщили, что биты отказались от своих показаний.

Как инквизиция узнала об этом деле, не указано, но, вероятно, это произошло благодаря болтливости битас, которых невозможно было удержать от разговоров. Как только она получила достаточные доказательства, она начала действовать энергично. Марчен, Ларата и Лопес были заключены в тюрьму и преданы суду в 1585 году; в ходе рассмотрения дела выяснилось, что это был далеко не первый случай, когда Марчен обманывал инквизицию в отношении ее преступников. Падре Кристоаль де Тругильо был виновен в том же преступлении, и Марчен просто исключил его из Общества. Также падре Франсиско де Рибера неоднократно высказывал еретические утверждения, за которые некоторые из братьев требовали, чтобы на него донесла инквизиция, но Марчен исключил его из Общества и дал денег на переезд в Италию, при этом его защита заключалась в том, что он всего лишь выполнял приказы генерала. [110]

Дело было ясным; Марчен и его коллеги были осуждены, но инквизиция не удовлетворилась их наказанием. Общество не осмеливалось подвергать сомнению юрисдикцию инквизиции, но ее

влияние в Риме было велико, и ей, вероятно, не составило большого труда убедить Сикста V в том, что интересы религии требуют пресечения скандала, для чего ему нужно было только воспользоваться своим правом рассказать об этом деле самому. Он сделал это в 1587 году, и когда Супрема применил свою обычную тактику затягивания, импульсивный понтифик уведомил кардинала Кирогу, что, если заключенные и бумаги не будут переданы немедленно, он будет лишен как кардинала, так и чина генерального инквизитора. Сикст был не из тех, с кем можно шутить, и капитуляция была совершена. [111] Обращение с Бривьеской, Тругилио и Риберой служит объяснением, почему фрейлы так стремились избежать юрисдикции инквизиции, которой так стремились воспользоваться хранители.

Признание инквизицией преступления вымогательства, естественно, стимулировало желание фрейлов восстановить свое освобождение, и дело Марчена сделало иезуитов особенно активными. Результатом стала длительная агитация в Риме, которая в конце концов приняла форму представления Конгрегации инквизиции вопроса о том, была ли юрисдикция Святой Канцелярии в отношении этого преступления исключительной или же она объединялась с юрисдикцией прелата, в зависимости от того, кто первым получил дело в свое распоряжение. Решение было принято 3 декабря 1592 года в присутствии Климента VIII, в котором говорилось, что юрисдикция инквизиции является исключительной, что прелаты не могут ею пользоваться и что все члены Орденов обязаны доносить на преступников в суды. Победа инквизиции была полной, но папа выразил Верховному Суду через кардинала свое желание, чтобы инквизиторы выполняли свои функции с благоразумием, осмотрительностью и умеренностью, которые позволили бы сохранить культ, связанный с таинством покаяния, и, в то же время, хорошую репутацию слабых. [112]

Тем не менее, постоянных членов Ордена нельзя было заставить подчиниться юрисдикции инквизиции, и Павел V своим указом от 1 сентября 1606 года отозвал к себе все незавершенные дела и передал их инквизиции, в то же время постановив, что она должна обладать исключительной юрисдикцией во всех случаях подозрения в ереси; всякий раз, когда во время посещения обнаруживалось, что какой-либо член Ордена подозревается, он немедленно подвергался доносу, а любому начальнику, отказывающемуся повиноваться, угрожали лишением свободы и вечной инвалидностью. Более того, этот указ должен был быть прочитан во всех главах Приказов. Даже это было сочтено недостаточным и 7 ноября было дополнено другим, запрещающим начальникам под любым предлогом или обычаем получать доносы или каким-либо образом заниматься делами, относящимися к инквизиции. Каждый член церкви, будь то настоятель или подданный, был обязан, ни с кем не советуясь, донести инквизиции или обычным людям на всех, кто был заподозрен, пусть даже незначительно, в ереси. [113]

ЮРИСДИКЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА

Некоторые детали в этом, по-видимому, указывают на Общество Иисуса как на главного непокорного, и это подтверждается запиской Александра VII от 8 июля 1660 г., в которой осуждаются как пагубные и опрометчивые мнения, ставящие под сомнение обязанность доносить, и используемые предлоги братского исправления для предотвращения доноительства. Даже Обществу Иисуса предписано подчиняться конституции Павла V; никакие начальники не должны приставать или притеснять своих подданных за выполнение этого долга, но должны призывать их к этому. Неповиновение грозит не только наказаниями, предусмотренными Павлом V, но и лишением должности, права голосовать и быть избранным,

вечной нетрудоспособностью и другими наказаниями по усмотрению папы и снимаемыми только им. Указ должен зачитываться ежегодно 1 марта за общим столом, и нотариальное подтверждение этого факта должно быть направлено в ближайший трибунал или в Рим, а копия должна быть вывешена там, где все смогут с ней ознакомиться. Инквизиция, не теряя времени, опубликовала это и указ от 7 ноября 1606 года, в котором предписывалось их соблюдать и указывалось, что альтернатива Обычному доносу недействительна в Испании, где инквизиция обладала исключительной юрисдикцией. Далее он постановил, что во всех книгах, где излагаются противоположные мнения, на полях должно быть указано “Это мнение осуждается как пагубное и опрометчивое нашим Святым Отцом Александром VII”. [114]

Похоже, никаких дальнейших заявлений от папы не требовалось; на самом деле Святому Престолу нечего было добавить к этим всеобъемлющим указам. Однако со временем они, похоже, были удобно забыты, поскольку в 1732 году генеральный инквизитор Хуан де Камарго переиздал их в виде указа, в котором говорилось, что некоторые люди не знали или притворялись невежественными относительно доктрин, изложенных в них, поэтому он приказал вывесить их в ризницах всех церквей с объявлением, что все нарушения будут караться со всей строгостью. [115] Конечно, невозможно сказать, сколько слабых могли избежать судебного преследования из-за невыполнения приказов о признании юрисдикции инквизиции, но, исходя из цифр, которые фигурируют в реестрах трибуналов, разумно предположить, что уклонение таким образом было исключительным.

Полнота господства инквизиции над религиозными орденами проиллюстрирована ее вмешательством в дело, которое, казалось бы, полностью выходит за рамки любого возможного определения ее юрисдикции. Междоусобица между различными организациями долгое время была неугасимым скандалом. Старая ненависть между францисканцами и доминиканцами была доведена до белого каления спором о Непорочном зачатии. Огромный успех иезуитов навлек на них яростную вражду старых общин, которые считали их выскочками и получали за это вознаграждение с лихвой. Новая моральная философия вероятностников стала новым источником активных разногласий. Этот взаимный антагонизм находил свободное выражение в прессе, на кафедрах и профессорских кафедрах, где соперники высмеивали и оскорбляли друг друга, к огорчению верующих и забаве безбожников. Инквизиция, по-видимому, была единственным органом власти, который мог сдерживать выражение взаимного гнева добрых отцов, хотя, возможно, было нелегко определить, на каком основании она могла претендовать на авторитет в подобном вопросе. Угрызения совести по этому поводу, однако, редко беспокоили его, и он взялся осуществить то, чего папам неоднократно не удавалось достичь.

9 марта 1634 года Верховный суд издал указ, который он напечатал и разослал всем вышестоящим с инструкциями опубликовать и сделать его известным. В нем перечислялись бедствия, проистекающие из разногласий и соперничества между Орденами, скандальные для христианского народа и опасные как проистекающие из различий в манерах и обычаях различных организаций. Чтобы установить мир и согласие, генеральный инквизитор предложил собрать совет настоятелей всех Орденов, а тем временем всем, кто должен был спровоцировать или разжечь эти разногласия, грозило строгое разбирательство. Любой религиозный деятель, который письменно, словами, в проповедях или лекциях оскорбит другой Орден или любого из его членов, подвергнется серьезному отлучению от церкви и будет заточен в монастырь в

другом округе на время, пропорциональное тяжести проступка, и, более того, будет лишен возможности занимать какую-либо должность в Святой Канцелярии. Начальникам было поручено исключить все оскорбительные выражения в книгах, написанных их подданными, прежде чем выдавать необходимую лицензию на печать, или, если у них не было полномочий на это, они должны были передать вызывающий возражения вопрос в Верховный суд, и это было обязательным для тех, кто был уполномочен изучать рукописи. Указ завершался угрозой строгого наказания за любое нарушение его положений. [116]

ССОРЫ Между ОРДЕНАМИ

Был ли когда-либо собран указанный совет или был ли когда-либо наказан какой-либо правонарушитель в соответствии с этим указом, не сообщается, но любой эффект, который он мог произвести, был преходящим. Старые страсти и ненависть оставались такими же неистовыми, как и прежде, а спор о притязаниях кармелитов на то, что они были основаны Илией, дал новый материал для ожесточенных дебатов. Несмотря на эту неудачу, инквизиция настаивала на своем намерении вмешаться, и генеральный инквизитор Вальядарес 24 июня 1688 года издал еще один указ, включающий указ 1634 года и выражающий сожаление по поводу того, что старые распри стали более ожесточенными, чем когда-либо. По его словам, было сомнительно, были ли предыдущие высказывания доведены до сведения Орденов за пределами Мадрида, поэтому было приказано разослать копии во все монастыри Испании с приказом вывесить их на видном месте и угрозой, что это будет строго соблюдаться. Воинственные порывы святых мужей были так же мало сдержаны этим, как и его предшественником, и генеральный инквизитор Рокаберти 19 октября 1698 года сделал еще один шаг, издав указ, в котором он перепечатал предыдущие и разослал его трибуналам с приказом опубликовать его во всех городах и вывесить на дверях всех церквей, тем самым завоевав доверие общественности и заявив ей не только о недостойном поведении немощных, но и о бессилии инквизиции призвать их к порядку и благопристойности. [117] Фактически, инквизиция искоренила иудаизм, она фактически изгнала морисков, она защитила Испанию от миссионерского рвения протестантизма, но она потерпела позорную неудачу, когда взялась сдерживать выражение неприязни и презрения, которые проявляли доминиканцы и францисканцы, иезуиты и кармелиты.

ГЛАВА III.

ЕПИСКОПЫ.

В Испании был только один класс, над которым инквизиция не имела юрисдикции. Бонифаций VIII в конце XIII века постановил, что, когда епископа подозревают в ереси, инквизитор не может преследовать его в судебном порядке. Самое большее, что он мог сделать, это собрать доказательства и отправить их Святому Престолу, который оставил за собой право судить епископальный орден. [118] Это было закреплено в каноническом праве и оставалось в силе, хотя, конечно, папа мог делегировать свои полномочия или расширять инквизиторские комиссии, как тогда, в 1451 году, Николай V откликнулся на просьбу Хуана II и включил епископов в число тех, кто подчинялся назначенным им инквизиторам. [119] В средние века

этот вопрос представлял не более чем академический интерес, но в Испании, где конверсос достигли стольких высоких постов в Церкви и где ко всем представителям еврейской крови относились с подозрением, он мог в любой момент приобрести практическое значение. [120] Влияние и мощь инквизиции явно возросли бы, если бы ей были предоставлены полномочия по судебному преследованию епископов, и Торквемада, похоже, подал заявку на это в 1487 году, намекая, что среди епископов были подозреваемые. Иннокентий VIII, однако, не был расположен подчинять весь епископат Испании Святой канцелярии и ответил 25 сентября, процитировав указ Бонифация и посоветовав ему тщательно изучить все доказательства, собранные инквизиторами, и, если в них он найдет то, что обвиняет прелатов или показывает, что они были опорочены или подозревались в ереси, он должен отправить их в законном виде и тщательно запечатанными в Рим, где они будут должным образом взвешены и будут приняты надлежащие меры. [121]

ОБВИНЯЕМЫЙ ОТПРАВЛЕН В РИМ

Если Торквемаде не удастся добиться желаемой юрисдикции над испанским епископатом, он мог бы, по крайней мере, посеять ужас, предъявив обвинения некоторым из них Святому Престолу, где за их осуждением последовало бы осуждение их предков и последовали бы крупные конфискации. Двое из них еврейской крови, Давила из Сеговии и Аранда из Калахорры, были выбраны для нападения. При существующем настроении населения не составило бы труда собрать доказательства того, что они считались подозрительными и были обвинены в ереси. Предположительно, это было отправлено в Рим, и дело было сочтено достаточно срочным, чтобы побудить Антониотто Паллавичини, тогдашнего епископа Турнейского, направить специального нунция для переговоров с Торквемадой. [122] Он вернулся в Рим с доказательствами, которые были сочтены достаточными для оправдания их вызова туда. В 1490 году, на восьмидесятом году жизни, Давила отправился в Рим. С 1461 года он был епископом Сеговии, и, несмотря на еврейское происхождение, его семья была одной из самых влиятельных в Кастилии, породнившись с представителями самой благородной крови. [123] Он привел достаточно доказательств безжалостной ортодоксальности в 1468 году, когда в Сепульведе раввина Соломона Пико и руководителей синагоги обвинили в распятии христианского мальчика во время Страстной недели. Епископ Давила быстро арестовал шестнадцать наиболее глубоко замешанных в этом деле, из которых семеро были сожжены, а остальные повешены, за исключением мальчика, который умолял креститься, — хотя это не удовлетворило благочестивых сепульведанцев, которые убили нескольких оставшихся евреев, а остальных прогнали. [124] Однако он дал повод для обиды, поскольку, когда в Сеговии была введена инквизиция, он изгнал инквизиторов из своей епархии и смело протестовал перед монархами, и, когда это оказалось бесплодным, было доказано, что он выкопал ночью с кладбища монастыря ла Мерсед кости своих предков и спрятал их, чтобы уничтожить доказательства их погребения по еврейскому обычаю. [125] В Риме он, похоже, снискал расположение Александра VI, который в 1494 году отправил его в Неаполь в компании со своим племянником, кардиналом Монреале. Его дело затянулось, и он умер в Риме 28 октября 1497 г.; результат точно неизвестен, но он, должно быть, был благоприятным, поскольку в противном случае его благочестивое наследие было бы бесплодным, и Кольменарес, историк Сеговии, не осмелился бы назвать его одним из самых полезных прелатов, которыми пользовался престол, и

Галиндес де Карвахаль не сказал бы, что его поручение в Рим состояло всего лишь в защите останков его отца. [126]

Педро де Аранда из Калаорры был человеком не менее выдающимся, который в 1482 году занял высокий пост президента Совета Кастилии. Его отец, Гонсало Алонсо, был крещен знаменитым Пабло де Санта-Мария и получил дворянство. Трибунал Вальядолида преследовал его память в результате *discordia*, или разногласий, и епископ отправился в Рим в 1493 году, где заручился благосклонностью папы и добился передачи дела епископу Кордовы и бенедиктинскому приору Вальядолида. Он остался в Риме, когда Александр VI в 1494 году отправил его в Венецию послом и впоследствии назначил его хозяином Священного дворца. Однако с 1488 года Торквемада собирал улики против него. Оно было отправлено в Рим, и в ночь на 21 апреля 1498 года ему было приказано использовать свою комнату во дворце в качестве тюрьмы; 26-го он предстал перед папой и провел слушание, после чего его перевели в другие комнаты и держали под охраной до сентября. Тем временем Александр конфисковал его собственность, и Сануто намекает, что его настоящим преступлением было обилие наличных денег, в то время как Бурхард рассказывает нам, что его обвинили в ереси и *маррании* и что у него было много врагов. Трем епископам курии было поручено стать его судьями; они заслушали множество свидетелей, представленных фискалом, и сто одного свидетеля со стороны обвиняемого, но все они свидетельствовали против него. Пункты против него заключались в том, что он сказал, что Закон Моисея имеет один принцип, христианские три; в молитве он произносил *Gloria Patri*, опуская *Filio et Spiritui Sancto*; он служил мессу после еды; он ел мясо в Страстную пятницу и другие запрещенные дни; он заявил, что индульгенции бесполезны и были изобретены Отцами Церкви для наживы; что нет ни ада, ни чистилища, а есть только рай, и многое другое в том же духе. 16 ноября судьи представили доказательства папе в тайной консистории, когда по совету кардиналов Аранда был низложен и лишен ордена; он был заключен в замке Сант-Анджело, где ему выделили хорошую комнату, и он умер там, по-видимому, в 1500 году. [127]

Папа Александр, по-видимому, счел необходимым оградить свою юрисдикцию от посягательств испанской инквизиции, поскольку, предоставив епископу Авильскому апелляционные полномочия, в своей записке от 4 ноября 1594 г. (Vol. I, стр. 179), он позаботился о том, чтобы исключить достопочтенных братьев, архиепископов и епископат, чьи дела по закону были переданы Святому Престолу. [128] Однако к тому времени это было хорошо понято, и в случае с архиепископом Гранады Талаверой следует помнить, что Лусеро не пытался сделать ничего, кроме сбора доказательств для отправки в Рим, а когда папская власть была получена, она была предоставлена не инквизиции, а специально уполномоченным прелатам. [129]

ПРЕДОСТАВЛЕНА ВРЕМЕННАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Должно было пройти полвека, прежде чем произошло еще одно дело, связанное с епископальным орденом. Иногда считалось, что инквизиция была причастна к суду и казни Антонио де Акуньи, епископа Саморы, но это было не так, хотя этот случай иллюстрирует трудность привлечения епископа к ответственности за его проступки. Этот беспокойный прелат, которого Лев X несколько абсурдно назвал вторым Лютером, был активным лидером Коммунидадес, который после поражения при Вильяларе 21 апреля 1521 года переодетый бежал, но был пойман в Вильямедиане, на кастильской границе. Епископский иммунитет делал его сомнительной наградой; Карл V принял решение о его смерти, но существовали значительные сомнения относительно того, как он должен был быть наказан. Инквизиция

задействована не была, но после некоторых переговоров Льва X убедили поручить кардиналу Адриану и нунцию снять показания и направить их на рассмотрение папы римского в консисторию. После вступления Адриана на папский престол он передал полномочия архиепископу Гранады и епископу Сьюдад-Родриго, но не дал полномочий применять пытки. Затем Климент VII своим указом от 27 марта 1524 года предоставил право прибегать к крайним мерам, в соответствии с которыми судебный процесс продолжался, но, по-видимому, угас, когда его перевезли в Рим. Утомленный пятилетним заточением в замке Симанкас, Акунья предпринял бесплодную попытку побега, в ходе которой убил алькайда Мендо Ногуэрола. Затем Чарльз отправил в Симанкас своего алькальда кас-и-корте, Родриго Ронкильо, с инструкциями пытать Акунью и предать его смерти — инструкции были точно выполнены 23 марта 1526 года. Это нарушение неприкосновенности Церкви вызвало немалый скандал. Карл быстро добился для себя от Климента отпущения грехов от *понесенного ipso facto* отлучения от церкви, но то, что он обещал обеспечить своим подчиненным, было даровано с трудом и только после задержки более чем на год, причем окончательная церемония состоялась только 8 сентября 1527 года. В Вальядолиде издавна бытовала традиция, согласно которой Ронкильо пришел к злему концу, будучи унесен демонами. [130]

По мере того, как лютеранское восстание становилось все более угрожающим и возрастал страх его распространения на Испанию, определенная ограниченная юрисдикция над епископами была возложена на кардинала Манрике распоряжением Климента VII от 15 июля 1531 года. Он был уполномочен возбудить против них дело, если их подозревали в одобрении лютеранских доктрин или в пособничестве тем, кто их придерживался; однако ему не разрешалось арестовывать и сажать в тюрьму, хотя он мог наказывать их в соответствии с канонами, и ему были предоставлены все возможности отпускать грехи и реабилитировать тех, кто отказался от своих ошибок и попросил прощения. [131] Маловероятно, что возникла какая-либо возможность для проявления этих способностей, но если она и была, то не оставила никаких следов.

Очевидно, это была личная делегация, срок полномочий которой истекал вместе с Манрике, поскольку никаких упоминаний о ней не было сделано в следующем деле — о Бартоломе де Карранса, архиепископе Толедо. Это было, пожалуй, самое важное дело за всю карьеру инквизиции. Это привлекло внимание всей католической Европы и во многом иллюстрирует не только методы инквизиции, но и конфликт между ортодоксией и реформой, что заслуживает более детального рассмотрения. [132]

ВАЛЬДЕС В НЕМИЛОСТИ

Генеральный инквизитор Вальдес, который также был архиепископом Севильи и чье имя часто всплывает перед нами, был опасно близок к опале в 1557 году. Филипп II отчаянно нуждался в деньгах; слава Сен-Кантена и Гравелина досталась ему недешево, а война, навязанная ему Павлом IV, истощала его итальянские владения. Из Фландрии он отправил графа Мелито в Испанию с приказом собрать принудительные займы у знати и прелатов, а принцесса Хуана, тогдашний губернатор, среди прочих потребовала у Вальдеса сто пятьдесят тысяч дукатов. Епископ Кордовы, когда к нему обратились, быстро выделил сто тысяч и пообещал больше, если сможет их собрать: архиепископ Сарагосы, у которого попросили сто тысяч, дал только двадцать тысяч. Вальдес был еще более скуп и ничего не поставлял, хотя примерно в это же время было замечено, что в Вальядолиде для него доставили шесть партий денег. Карл V, выйдя

на пенсию в Юсте, написал ему 18 мая, выражая удивление по поводу того, что он, существо, пользующееся императорской благосклонностью, не решается выплатить предоставленные льготы, тем более что он мог бы получить желаемое обеспечение по займу. Это письмо вместе с письмом от Хуаны было передано ему Эрнандо де Очоа, чей отчет Чарльзу от 28 мая о беседе показал, как мало уважения испытывали к этому человеку. Очоа упрекнул его в том, что он пообещал посмотреть, что можно сделать, вместо этого он скрылся в Сан-Мартин-де-ла-Фуэнте, в четырнадцати лье от суда в Вальядолиде, где пролежал два месяца, надеясь, что дело уляжется. “Он сказал мне перед посвященным собранием, что дьяволы могли бы улететь вместе с ним, если бы у него когда-нибудь было 100 000, или 80 000, или 60 000, или 30 000 дукатов, потому что он всегда много тратил на благотворительность и сделал дотации на сумму 150 000”. Очоа сильно надавил на него; он признал, что его архиепископство, которое он занимал с 1546 года, стоило 60 000 дукатов в год, и Очоа показал, что, признавая свои претензии на благотворительность и расходы, он откладывал по меньшей мере 30 000 в год, “которые вы никак не могли потратить, потому что у вас никогда никто не обедал в вашем доме, и вы не накапливаете серебряную посуду, как другие джентльмены; все это печально известно, и весь двор это знает.... Это смутило его, но он повторил с громкими клятвами, что у него нет денег, что нехорошо таким образом притеснять прелатов, и полученные таким образом деньги не принесут пользы для войны; Бог поможет королю, и что скажет по этому поводу христианский мир.” Честный Очоа все еще убеждал его вернуться ко двору и спасти свою честь, намекая, что король может предпринять действия, которые будут крайне неприятными, но это было бесполезно. Вальдес был упрям и решительно цеплялся за свои шекели. [133]

Филипп разослал инструкции относительно обращения с непокорными — вероятно, отправив епископов в их епархии, а дворян в их поместья, — но чувствовались колебания относительно изгнания Вальдеса от двора, хотя продолжающееся давление Карла и Хуаны вынудило его пообещать только пятьдесят тысяч дукатов. Тем не менее, его хотели убрать, и пытались разработать планы, чтобы предложить ему предлог для ухода. В марте 1588 года Хуана приказала ему сопровождать тело королевы Хуаны ла Лока в Гранаду для погребения, откуда он мог посетить свою севильскую церковь; он извинился, но пообещал вскоре приехать. Затем, когда она повторила приказ, он привел множество причин для уклонения от него, включая ересь, недавно обнаруженную в Севилье и Мурсии; перевод тела мог подождать до сентября, и все, по его словам, пытались изгнать его из суда. Она передала дело на рассмотрение Королевского совета, который решил, что его оправданий было недостаточно и что, даже если погребение будет отложено, ему может быть должным образом приказано проживать в своей епархии. [134]

Вальдесу было очевидно, что что-то необходимо для укрепления его позиций, и он умело использовал открытие нескольких протестантов в Вальядолиде, некоторые из которых были выдающимися священнослужителями, такими как Августин Касалья и Фрай Доминго де Рохас, а другие были выдающимися личностями, такими как Луис де Рохас и Донья Ана Энрикес. Позже у нас будет возможность отметить чрезвычайное волнение, вызванное открытием, что протестантизм вторгается в придворные круги, масштабы которого легко преувеличивались, и это стимулировалось и использовалось Вальдесом, который усилил свое рвение в борьбе с опасностью и вызвал, по крайней мере на момент, назревавшую бурю. Филипп написал из Фландрии 5 июня 1558 года, чтобы без промедления отправить его в свою епархию; если он все еще будет оправдываться, его исключат из Государственного совета, и это будет продолжаться до его приближающегося возвращения в Испанию, когда он предпримет все необходимые

действия. Десять дней спустя, получив письма от Вальдеса, в которых перечислялись заключенные и описывались усилия, предпринятые для предотвращения опасности, он отменил приказ. [135] Тем не менее, это была всего лишь передышка; нам довелось услышать о заседании Государственного совета в августе или сентябре, на котором Хуан де Вега охарактеризовал как большой скандал неповиновение вассала королевским приказам в таком простом вопросе, как проживание в его престоле, и он предположил, что, когда двор переедет, Вальдесу не следует выделять покои, на которые архиепископ Карранса ответил, что неудивительно, что приказы короля не смогли осуществить то, чего не смогли выполнить заповеди Бога и Церкви. [136]

Требовалось что-то еще, чтобы сделать его незаменимым — что-то, что могло быть продлено на неопределенный срок, и если в то же время это принесло бы казне существенное облегчение, ему можно было бы простить скупость, из-за которой он сопротивлялся призывам государя. В течение некоторого времени он готовил для этого план, который представлял собой не что иное, как судебное преследование предстоятеля Испанской церкви, доход престола которого оценивался в сумму от 150 000 до 200 000 дукатов. Чтобы оценить всю смелость этого, необходимо оценить положение архиепископа Каррансы.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Бартоломе де Карранса-и-Миранда родился в 1503 году. В возрасте 12 лет он поступил в университет Алькала; в 18 лет он принял последние обеты доминиканского ордена и был направлен изучать теологию в колледж Сан-Грегорио в Вальядолиде, где в 1530 году он стал профессором искусств, в 1533 году младшим профессором теологии, а в 1534 году главным профессором, а также консультантом трибунала Вальядолида. В 1540 году он был направлен в качестве представителя своего Ордена в Генеральный капитул, находившийся в Риме, где он отличился и был удостоен докторской степени, в то время как Павел III выдал ему лицензию на чтение запрещенных еретических книг. По возвращении в Испанию его репутация была общероссийской; он в основном использовался Верховной властью для цензуры книг, особенно иностранных Библий, в то время как Советы Индии и Кастилии часто представляли на его суд сложные вопросы. В 1542 году ему предложили престол в Куско, считавшемся самым богатым в колониях, когда он ответил, что охотно отправился бы в Индию на службу императору, но не для того, чтобы заниматься исцелением душ. [137] При созыве Тридентского собора в 1545 году Карл V выбрал его одним из делегатов, и за три года своей службы там он заслужил репутацию во всем христианском мире глубокого богослова. Когда в 1548 году принц Филипп отправился к своему отцу во Фландрию, они оба предложили ему должность духовника, от которой он отказался, как и от престола на Канарах, который был предложен ему в 1550 году. В этом последнем году он был избран провинциалом своего ордена в Кастилии, а в 1551 году Чарльз направил его во второй созыв Тридентского собора, а также в качестве представителя Силичео, архиепископа Толедского. Как обычно, он играл видную роль в Совете и после его поспешного роспуска оставался там в течение некоторого времени, занимаясь изучением и осуждением еретических книг. В 1553 году он вернулся к своей профессорской деятельности в Вальядолиде, и когда в 1554 году принц Филипп отплыл в Англию, чтобы жениться на королеве Марии и восстановить на острове единство Церкви, он взял с собой Каррансу как наиболее подходящий инструмент для этой работы. [138]

Впоследствии Карранса хвастался, что за время своего трехлетнего пребывания в Англии он сжег, примирил или изгнал с земли тридцать тысяч еретиков и вернул Церкви два миллиона душ. Если мы можем верить его восхищенным биографам, он был сердцем и душой марианских гонений, и Филипп ничего не предпринимал в религиозных вопросах без его совета. Когда в сентябре 1555 года Филипп воссоединился со своим отцом во Фландрии, он покинул Каррансу в качестве религиозного советника Марии, в этом качестве он оставался до 1557 года. Рассматриваемый еретиками как главная причина их страданий, он едва избежал неоднократных покушений на свою жизнь с помощью яда или насилия. [139] Это правда, что английские власти того периода мало упоминают о нем, но неизменная уверенность Филиппа является достаточным доказательством того, что его усердия в преследовании было достаточно, чтобы удовлетворить этого требовательного монарха.

Когда в 1557 году Карранса воссоединился с Филиппом во Фландрии, он, вероятно, был поглощен подготовкой и печатанием своего большого труда о Катехизисе, о котором подробнее ниже, но он все же нашел время, чтобы расследовать подпольную торговлю отправкой еретических книг в Испанию и воспрепятствовать ей. [140] То, что он полностью завоевал уважение и доверие Филиппа, стало очевидным, когда Силичео Толедский умер 1 мая 1557 года, и Филипп назначил его преемником на архиепископском посту. Он отказался от великолепного приза и предложил трех человек, как более подходящих для этого места. Филипп настаивал; он собирался в соседний монастырь, чтобы исповедаться и причаститься перед началом кампании, и приказал Каррансе повиноваться по возвращении. Вернувшись, он прислал презентацию, написанную его собственной рукой; Карранса уступил, но при условии, что, поскольку война с папой римским отсрочит выпуск булл, король в промежутке времени сможет сделать другой выбор. Эта попытка избежать рокового подарка оказалась бесплодной. По возвращении из похода Филипп в письме с автографом призвал его выполнить свое обещание и обнародовал назначение. Репутация Каррансы была настолько высока, что, когда представление было представлено консистории в Риме 6 декабря, оно было сразу же утверждено, без соблюдения предварительной процедуры или обычного расследования пригодности назначенного лица, или конституции, которая запрещала окончательное решение в тот же день. [141]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Возведение простого монаха на самое высокое место в испанской церкви стало ударом по многочисленным амбициям, которые не могли не вызвать враждебности. Говорили, что сам Вальдес стремился занять этот пост и был горько разочарован. Педро де Кастро, епископ Куэнки, также лелеял надежды и жаждал мести. Более того, Карранса не пользовался популярностью в иерархии. Он был таким нежеланным персонажем, реформатором внутри Церкви, и, хотя все признавали необходимость реформ, никто не относился с благосклонностью к реформатору, который нападал на его прибыльные злоупотребления. Еще в 1547 году, присутствуя на Тридентском соборе, Карранса произнес проповедь об одном из самых вопиющих зол того времени - о невыезде епископов и бенефициариев, и воплотил свои взгляды в трактате, столь же суровом, как написал бы лютеранин об этом злоупотреблении и связанном с ним множественном числе, к которому, возможно, можно отнести строгие тридентские положения по этому вопросу. [142] Такая вспышка не была рассчитана на то, чтобы снискать благосклонность, поскольку великолепие курии в значительной степени поддерживалось

прелатиями и пособиями, которыми осыпали ее членов, и что в Испании едва ли был инквизитор или фискал, который не был бы нерезидентом, получающим какие-либо льготы.

Более того, у Каррансы был особенно опасный враг в лице брата-доминиканца Мельхора Кано, возможно, ведущего испанского богослова того времени, когда испанское богословие начинало доминировать в Церкви. Образованный, способный, сообразительный и не особенно щепетильный, он значительно превосходил Каррансу интеллектом; с самого начала, когда оба были профессорами теологии, между ними возникло соперничество, и возникли разногласия во внутренней политике Ордена, так что Кано едва ли мог без горечи взирать на внезапное возвышение своего брата фрейла. [143] Его положение в то время было несколько шатким. Когда в 1556 году Павел IV вынудил Филиппа II к войне, этот благочестивый принц обратился за советом к богословам относительно уместности вступления в военные действия с Наместником Бога, и *parecer*, или мнение, которое составил Кано, было авторитетным государственным документом, привлечшим широкое внимание. Он бескомпромиссно защищал королевские прерогативы, он фактически оправдал восстание немцев, когда *Centum Gravamina* Нюрнбергского сейма в 1522 году остались без ответа, и он описал коррупцию Рима как болезнь столь давнюю, что она неизлечима. [144] Это дерзкое неповиновение в высшей степени разозлило Пола. 21 апреля 1556 года он издал краткий приказ о вызове сына погибели, Мельхора Кано, предстать перед ним в течение шестидесяти дней для суда и вынесения приговора, но этот приказ был отменен Королевским советом, и Кано было приказано не покидать королевство. Испанские доминиканцы сплотились в его защиту; на капитуле 1558 года он был избран провинциалом и заместителем генерального капитула, который должен был состояться в Риме, но Павел приказал аннулировать выборы, а Кано лишить его приората Сан-Эстебан. Кано жаловался на вялость в свою защиту как со стороны Филиппа, так и со стороны Каррансы, и легко понять, что, остро ощущая нанесенный ему позор, он был готов напасть на любого, кому повезло больше, чем ему. [145]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

В этот неблагоприятный момент Карранса представил себя достойным объектом нападок со стороны всех, кто по разным мотивам мог захотеть напасть на него. Если мы можем судить по его сочинениям, он, должно быть, был импульсивен и невнимателен в своей речи, склонен высказывать крайние взгляды, которые производили впечатление, а затем ограничивать их ограничениями, о которых забывали. Он искренне желал восстановить Церковь в ее древней чистоте и ни в коем случае не умалчивал о ее слабостях и коррупции. Он получил образование в то время, когда тридентские определения еще не определили точки зрения, которые с двенадцатого века были предметом дискуссий в школах, и даже в его зрелости Тридентский собор еще не был облечен тем ужасным авторитетом, который был ему впоследствии предоставлен, поскольку бесславный уход первых двух его созывов, в 1547 и 1552 годах, давал мало обещаний относительно того, что ждало его в будущем. Эхо ожесточенных лютеранских споров едва проникло в Испанию, и там было сравнительно мало известно о дебатах, которые до глубины души потрясли почтенную структуру Церкви. Сам труд Каррансы по осуждению еретических книг и обращению еретиков познакомил его с их доктринами и способами выражения; он был запутанным мыслителем, и его импульсивные высказывания могли быть истолкованы в смысле, которого он не ожидал. Еще в 1530 году отец Хуан де Вильямартин донес на него инквизиции как на защитника Эразма, особенно в вопросе исповеди и авторства Апокалипсиса, и во время своей карьеры гонителя в Англии он не раз давал возможность в

своих проповедях высказываться в неблагоприятном ключе. [146] Также было доказано, что, находясь в Риме в 1539 году, он написал Хуану де Вальдесу в Неаполь, спрашивая, каких авторов следует изучать для понимания Священного Писания, поскольку ему придется преподавать этот предмет, и что Вальдес ответил в письме, которое Карранса распространил среди своих учеников в Вальядолиде — письме, в высшей степени еретическом по своему учению, которое Вальдес впоследствии включил в свои “Сто десять божественных рассуждений”. [147] Это правда, что в 1539 году Хуан де Вальдес не считался еретиком, но, если письмо было правильно отождествлено с рассматриваемым “Соображением”, его распространение было крайне неосмотрительным, поскольку в нем утверждалось, что руководства по изучению Священного Писания являются молитва, вдохновленная Богом, и медитация, основанная на духовном опыте, таким образом, отбрасывая традицию для частного толкования, и это далее подчеркивало уверенность в том, что Священное Писание - это молитва, вдохновленная Богом, и медитация, основанная на духовном опыте. который душа должна ощутить в оправдании через Христа. В смертельной борьбе с протестантизмом прошло время беззаботной широты взглядов, и в запутанных лабиринтах схоластического богословия необходимо было действовать осторожно, поскольку жесткая цензура могла обнаружить ересь в любом неосторожном выражении. Великие услуги, оказанные кардиналом Мороне и кардиналом Поулом, не спасли их от судебного рвения Павла IV, а Контарини и Садолето оба были заподозрены в ереси. [148] В таких условиях такой бессвязный, непоследовательный мыслитель, как Карранса, был особенно открыт для нападок.

Он, несомненно, был более или менее близок с некоторыми выдающимися личностями, чей арест за лютеранство весной 1558 года произвел такую огромную сенсацию. Не было ничего противоестественного в том, что на своих судебных процессах они пытались прикрыться его почетным именем, но отдельные фрагменты разговора, которые приводились в поддержку расплывчатых общих утверждений, даже если они были правильно переданы, ничего не значат перед лицом решительного свидетельства отца Доминго де Рохаса для успокоения своей совести за несколько часов до казни о том, что он никогда не видел в Каррансе ничего, что не было бы католическим в отношении Римской церкви и всех ее соборов, определений и законов, и что, когда упоминались лютеране, он сказал, что их мнения были лукавыми. и обманчивые; они вышли из ада, и неосторожные могли легко быть обмануты ими. [149] О доверии, вызванном свидетельствами лютеран, на которые делалось так много внимания, можно судить по последующему случаю, иллюстрирующему тенденцию возлагать на Каррансу ответственность за все отклонения в вере. Некий Хиль Тибобиль (де Бонневиль), судимый в 1564 году за лютеранство в Толедо, пытался смягчить свою вину, утверждая, что он слышал, как Карранса проповедовал в церкви Сан-Агустин против свечей и икон и что исповедоваться следует Богу, а не священнику. Это было слишком грубо, чтобы быть принятым, и ему строго сказали, что это ставит под сомнение остальную часть его признания, поскольку, если бы Карранса таким образом проповедовал публично, это стало бы известно инквизиции, и он был бы наказан. [150]

Независимо от того, были ли важны показания, полученные на процессах над лютеранами, или нет, генеральный инквизитор Вальдес, не теряя времени, использовал их для дискредитации Каррансы в глазах монархов. Уже 12 мая 1588 года в донесении Карлу V в Юсте его просят о помощи в аресте беглеца, поимка которого была бы чрезвычайно важна; его выследили до Кастро-де-Урдиалеса, откуда он должен был отправиться во Фландрию, чтобы найти убежище у Каррансы или у своего компаньона Фрая Хуана де Вильягарсия, где, как он был уверен, его хорошо примут. То, что истинным мотивом было ранение Каррансы Чарльзом, явствует из того,

что Вальдес повторил ему эту историю в отчете от 2 июня, добавив, что беглецу удалось скрыться и что информация была отправлена Филиппу для того, чтобы его можно было поймать. [151] Разумно предположить, что любые компрометирующие доказательства, которые могли быть получены от заключенных, были незамедлительно доведены до сведения суверенов и что выводы были бессовестно выданы за факты.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

В этот критический момент Карранса отдал себя в руки своих врагов. В Англии и Фландрии он использовал периоды гонений для сочинения труда, который должен был изложить неопровержимые истины католической веры и оградить народ от коварного яда еретических доктрин. Это была задача, для которой в то время он был совершенно не приспособлен. Он был не только вольно мыслящим, но и еще более вольным писателем, рассеянным, бессвязным и дискурсивным, излагал любую идею, которая случайно приходила ему в голову, и переходил к любым темам, которые эта идея могла предложить. Более того, он был серьезным реформатором внутри Церкви, осознавая злоупотребления и бесстрашно разоблачая их — фактически, он заявил в Прологе, что его целью было восстановление чистоты и здравомыслия первоначальной Церкви, что было именно тем, что еретики провозглашали своей целью и именно этого правящая иерархия больше всего боялась. [152] Хуже всего то, что он сделал это вульгарным языком, не обращая внимания на крайнюю сдержанность, которая стремилась скрыть от людей все знания об ошибках и аргументах еретиков и о контрасте между апостольской простотой и великолепным священнодействием богатого и мирского истеблишмента. [153] Это он облек в форму Комментариев к Катехизису, занимающих фолиант в девятьсот страниц, полных импульсивных утверждений, которые, взятые сами по себе, имели опасное значение, но которые были оговорены или ограничены, или им противоречили в следующем предложении, или на следующей странице, или, возможно, в следующем разделе.

Я думаю, никто не сможет беспристрастно изучить Комментарии, не придя к убеждению, что Карранса был искренним и ревностным католиком, какими бы безрассудными ни казались многие из его отдельных высказываний. Его ортодоксальность также не была чисто академической. Он принадлежал к Церкви Воинствующей, и его ненависть к ереси и еретикам вспыхивает постоянно, вовремя и не вовремя, независимо от того, относится это к его непосредственному предмету или нет. Аргументы еретиков не заслуживают опровержения — достаточно сказать, что доктрина осуждена Церковью и, следовательно, она еретична. Первая обязанность короля - сохранять свои владения в истинной вере и наказывать тех, кто грешит против нее. Даже если еретики будут творить чудеса, их беспорядочной жизни и развращенной морали будет достаточно, чтобы удержать людей от того, чтобы слушать их или верить им. Если они не признают своих ошибок, они должны быть приговорены к смерти; это лучшее богословие, которое христианин может выучить, и во времена Моисея оно было не более необходимо, чем сейчас. [154]

Даже в ту эпоху, когда богословие было столь любимой темой, можно было ожидать, что мало кто сможет разобраться в такой огромной массе запутанных мыслей и разрозненных текстов, и врагам Каррансы было легко исказить отдельные предложения, с помощью которых его можно было представить суверенам как по меньшей мере подозреваемого в вере, а подозрения в ереси было вполне достаточно, чтобы потребовать судебного преследования. Сам Карранса, после того как его книга была напечатана, по-видимому, испытывал опасения и осторожно

представлял ее публике. Комплект листов был отправлен маркизе Альканьисес, а дюжине или более экземпляров было разрешено добраться до Испании, где они были получены в марте 1558 года. Педро де Кастро, епископ Куэнки, раздобыл одно из них и быстро написал Вальдесу, осуждая автора как виновного в еретических взглядах. Вальдес воспользовался случаем и приказал Мельчору Кано изучить работу. Кано взял в качестве коллеги Фрая Доминго де Куэваса и без труда обнаружил сто один отрывок еретического содержания. Подготовка к официальному судебному разбирательству теперь шла полным ходом, результат которого вряд ли мог быть сомнительным при использовании методов инквизиции, если удастся получить королевское и папское согласие, необходимое даже инквизиции, прежде чем она сможет открыто напасть на предстоятеля Испанской церкви.

Несмотря на глубокую секретность, окутывавшую деятельность инквизиции, было невозможно, чтобы в деле такого масштаба не было неосторожности, и Карранса во Фландрии был проинформирован о том, что происходило пешком. Его друзья убеждали его не возвращаться в Испанию, а укрыться в Риме под защитой папы, но он знал, что это безвозвратно стоило бы ему благосклонности Филиппа, поскольку преувеличенная ревность к вмешательству папы в инквизицию была традиционной со времен Фердинанда и Изабеллы, и он практически сразу отказался от своего дела, проинструктировав своего печатника Мартина Нусио не продавать экземпляры Комментариев без его прямого приказа, тем самым изъяв их из обращения. [155]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Но, похоже, на Филиппа это пока не произвело особого негативного впечатления. Когда Карранса собирался покинуть Фландрию, король дал ему подробные инструкции, свидетельствующие о безграничном доверии. Он должен был отправиться прямо в Вальядолид и заявить о крайней нужде в деньгах; затем он должен был повидаться с венгерской королевой Марией, сестрой Карла, и убедить ее приехать во Фландрию; затем он должен был поспешить в Юсте, где Филипп через него раскрылся своему отцу, открыв все свои потребности и желания как в семейных, так и в государственных делах. Короче говоря, Карранса по-прежнему был тем, кому он мог смело доверить свои самые сокровенные мысли. [156]

Карранса, со свойственным ему отсутствием житейской мудрости, пренебрег всеми преимуществами своего положения. Высадившись в Ларедо 1 августа, он проехал через Бургос, где был вовлечен в неприличную перепалку с архиепископом из-за своего предполагаемого права публично носить свой архиепископский крест. Он добрался до Вальядолида только 13-го и там задержался, якобы занятый тяжбой между своим престолом и маркизом Камарасой из-за ценного Аделантамьенто Касорла, но, несомненно, занят также попытками противодействовать интригам Вальдеса. Затем он выполнил свою миссию перед Марией Венгерской и только в середине сентября отправился в неторопливое путешествие в Юсте. Вальдес позаботился о том, чтобы предотвратить его визит. В письме с автографом принцессы Хуаны Чарльзу от 8 августа говорится, что Вальдес просил ее предупредить его, чтобы он был осторожен в общении с Каррансой, поскольку он был замешан лютеранскими заключенными и уже был бы арестован, будь на его месте кто-либо другой. Карлу, естественно, не терпелось увидеть его не только для того, чтобы получить объяснения по этому поводу, но и для того, чтобы получить ожидаемые послания от Филиппа, которых он ждал, прежде чем написать во Фландрию. Задержка Каррансы, несмотря на неоднократную настойчивость Юсте, не могла не произвести зловещего

впечатления, и все шансы на оправдание были потеряны, поскольку Чарльз был разбит своей смертельной болезнью еще до того, как Карранса покинул Вальядолид, и конец был близок, когда он добрался до Юсте около полудня 20 сентября. Чарльз скончался на следующее утро в половине третьего, и Карранса напоследок утешил его - его метод послужил одним из обвинений против него на суде. Он упустил свой последний шанс, и неожиданная смерть Чарльза лишила его того, кто, возможно, встал бы между ним и его судьбой. [157]

Планы Вальдеса теперь были достаточно развиты, чтобы он мог получить разрешение папы, которого одного не хватало, и его метод получения этого был характерно коварным. 9 сентября Suprema обратилась к Павлу IV с сообщением о своих трудах по выявлению и судебному преследованию еретиков-лютеран. Имело место искусное преувеличение опасности, исходящей от движения, масштабы которого неизвестны, и указывалось, что сочувствие сектантам могут питать должностные лица самой инквизиции, ординарии и консультанты; так что были запрошены чрезвычайные полномочия для ареста, суда и освобождения подозреваемых или виновных, даже если они были лицами, занимающими светское или папское и церковное достоинство, или принадлежащими к какому-либо религиозному или иному Ордену. [158] Поскольку инквизиция уже обладала юрисдикцией над всеми, кроме епископов (она без колебаний арестовала и судила доминиканца Фрай Доминго де Рохаса), очевидной целью этого было тайно получить, под прикрытием слова “папский”, какое-нибудь общее выражение, которое могло быть использовано, чтобы лишить Каррансу его права на суд папы. Декан Овьедо, племянник Вальдеса, был направлен в Рим в качестве специального агента для получения желаемого резюме; была ли получена королевская санкция на это заявление, не сообщается, но, вероятно, ее не было, по крайней мере, на данном этапе.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Карранса тем временем тщетно пытался получить копии критических замечаний к своей книге, чтобы ответить на них. Он искренне обращался к своим друзьям при дворе Филиппа и в Риме, но, не дожидаясь их ответов, продолжал свою политику подчинения и 21 сентября, в день смерти Карла, написал Санчо Лопесу де Оталоре, члену Верховного суда, что согласен на запрет его работы при условии, что она будет ограничена Испанией и что его имя не будет упомянуто. [159] В этом и в том, что последовало за этим, его обвиняли в слабости, но трудно понять, какой другой путь был ему открыт. Он, несомненно, все еще считал свое епископское посвящение гарантией своей личной безопасности, в то время как его репутацию ортодоксии лучше всего можно было сохранить, не вступая в бесплодное соперничество с державой, непреодолимой на избранном ею поле деятельности, — соперничество, более того, которое стоило бы ему королевской милости, на которую он больше всего надеялся.

В соответствии с этой политикой он даже снизошел до попыток умиловить Мельчора Кано, предложив сделать все, что он порекомендует. Впоследствии Кано с обычной лживостью утверждал, что Карранса предотвратил бы свою участь, если бы воспользовался любым из средств, которые он изобрел и посоветовал, чтобы спасти его, но трудно представить, что еще он мог бы сделать. [160] Ближе к концу ноября он написал Вальдесу, Верховной раде и другим влиятельным лицам, заявляя о своей покорности. Он объяснил причины, побудившие его написать свою книгу на местном наречии после того, как начал ее на латыни; от нее можно было легко отказаться, поскольку, добравшись до Вальядолида, он изъяс издание из типографии; в книжных магазинах не было экземпляров, и то, что он привез с собой, он сдаст, в то время как

дюжину или около того отправленных в Испанию можно было легко отозвать, поскольку все получатели были известны. Затем, 9 декабря, он предложил Верховному судье запретить публикацию книги на испанском языке и вернуть ее ему для исправления и перевода на латынь. [161] Если бы реальной целью Вальдеса было мнимое сохранение веры, этого было бы вполне достаточно; книга была бы закрыта, а публичное унижение архиепископа Толедского, столь известного своими заслугами перед религией, стало бы предостережением для всех нескромных богословов. Это был вполне естественный взрыв негодования, когда в письме Доминго де Сото от 14 ноября он с горечью указал, как обрадовались бы еретики, узнав, что с братом Бартоломе де Мирандой обращались в Испании так же, как он обращался с ними в Англии и Фландрии, и что после того, как он сжег их, чтобы утвердить доктрины своей книги, в Испании ее признали непригодной для чтения. [162] Представление Каррансы не принесло никакого результата, кроме поощрения его врагов, которые отделались от него расплывчатыми ответами, ожидая успеха своего обращения к папе.

Тем временем 13 октября он добрался до Толедо и активно приступил к своим обязанностям. Он был строг в исполнении богослужения, он посещал тюрьмы, больницы и монастыри, он положил конец продаже офисов и взиманию платы за лицензии, он пересмотрел размер гонораров своего суда, он обеспечил проживание приходских священников и был особенно осторожен в распределении привилегий — короче говоря, он был как практическим, так и теоретическим реформатором. Его милосердие также было безграничным, поскольку он часто говорил, что все, что ему нужно, - это доминиканское одеяние и что все, что Бог дает ему, предназначено для бедных. Таким образом, за десять месяцев своего пребывания на этом посту он раздал более восьмидесяти тысяч дукатов на женитьбу на сиротах, выкуп пленников, поддержку вдов, отправку студентов в университеты и на подарки больницам. [163] Он был образцовым епископом, и решительная преданность, с которой толедский капитул поддерживал его дело до конца, показывает впечатление, произведенное на организацию, которая в испанских церквях обычно была не в ладах со своим прелатом.

Он также не сидел сложа руки, добиваясь положительных отзывов о своей книге от выдающихся богословов. Учитывая слухи о действиях инквизиции, восхвалять ее было рискованно, однако почти все видные деятели испанского богословия свидетельствовали в ее пользу. Общая точка зрения практически совпадала с точкой зрения Педро Герреро, архиепископа Гранады, выше которого в испанской иерархии никто не стоял по учености и благочестию. По его словам, в книге нет ошибок, и, поскольку она написана на кастильском языке, она особенно полезна приходским священникам, незнакомым с латынью, поэтому ее следует широко распространять. Это правда, что иногда встречались выражения, которые сами по себе могли показаться на их лицах ошибочными, но в других местах было видно, что они должны быть истолкованы в католическом смысле. С этой целью записались Доминго и Педро де Сото, люди с высочайшей репутацией, Гаррионеро, епископ Альмерии, Бланко из Оренсе, Куэста из Леона, Дельгадо из Луго и многие другие. [164] Если кто-то из этих людей впоследствии опроверг себя и помог нанести последний удар своему преследуемому брату, мы можем оценить давление, оказанное на них.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Вальдес быстро воспользовался властью инквизиции, чтобы проверить эти оценки Комментариев. Когда в Университете Алькала ректор, канцлер и двадцать два доктора

объединились, заявив, что работа не содержит ошибок или подозрений на ошибку, за исключением того, что некоторые неосторожные выражения, вырванные из контекста, могут быть ошибочно приняты торопливыми читателями, Вальдес заткнул рот ей и всем другим образованным организациям и отдельным лицам письмом, в котором говорилось, что до его сведения дошло, что ученые мужи университета изучали книги и высказывали свое мнение. Поскольку это привело к путанице и противоречиям в отношении Индекса, который готовила инквизиция, всем лицам, колледжам и университетам было запрещено осуждать или высказывать мнение относительно какой-либо книги без предварительного представления ее Верховному Суду, и это под страхом отлучения от церкви и штрафа в двести дукатов на каждого из них. [165] Бороться с противником, вооруженным таким оружием, было невозможно. Не удовлетворившись этим, ректор университета Диего Собаньос был привлечен к ответственности трибуналом Вальядолида за участие, которое он принял в этом деле; он получил выговор, штраф и освобождение от ответственности *ad cautelam*. Аналогичные действия были предприняты против наиболее выдающихся из тех, кто высказался положительно и кто, по большей части, был вынужден отказаться от участия. [166] Инквизиция играла заряженными кубиками.

Декан Вальдес из Овьедо тем временем преуспел в своей миссии в Риме, чему, как уверяет нас Райнальдус, способствовал прямой запрос Филиппа, хотя это более чем сомнительно. Записка была датирована 7 января 1559 года; она была адресована Вальдесу и содержала указание, что, поскольку в Испании есть несколько прелатов, подозреваемых в лютеранстве, он был уполномочен в течение двух лет с момента получения записки, по совету Верховного суда, провести расследование и, если против кого-либо будут найдены достаточные доказательства и будут веские основания задержать его бегство, арестовать и содержать под надежной стражей, но как можно скорее об этом должен быть проинформирован папа, и заключенный должен быть отправлен к нему со всеми доказательствами и бумагами по делу. [167] За исключением положения, запрещающего ожидаемое бегство, это было просто в соответствии с принятой практикой в отношении епископов, но это был заходящий клин, и мы увидим, как были проигнорированы его ограничения.

Протокол был получен 8 апреля. Вместо того, чтобы выполнить его и отправить Каррансу в Рим с доказательствами, которые собирались почти год, было тайно начато официальное судебное разбирательство. 6 мая налоговое управление представило *clamosa*, или обвинительный акт, с просьбой арестовать Каррансу и наложить арест на его имущество “за то, что он проповедовал, писал и догматизировал многие ошибки Лютера”. Доказательства были должным образом представлены *calificadores*, или цензорам, которые доложили об этом соответствующим образом, и 13-го числа была составлена повестка о явке и ответе на требование фискала. Прежде чем приступить к делу такого масштаба, считалось, что требуется согласие Филиппа, который все еще находился во Фландрии. [168] Не далее как 4 апреля он ободряюще ответил на обращение преследуемого прелата. “Я не хотел продвигаться вперед в вопросе о вашей книге, о которой вы мне написали, до тех пор, пока не прибудет человек, которого вы посылали; он говорил со мной сегодня. Я уже сделал кое-что из того, что подобает в этом бизнесе. Чтобы не задерживать курьера, который едет с хорошими новостями о заключении мира, я не хочу распространяться в ответе вам, но я сделаю это вкратце, а пока я убедительно прошу вас не вносить никаких изменений в то, что вы делали до сих пор, и не обращаться ни к кому, кроме меня, ибо это было бы в высшей степени невыгодно”. [169] Филипп, очевидно, думал, что дело касалось только книги Каррансы, а не его личности, что это дело не имело большого значения и

его забота заключалась главным образом в том, чтобы предотвратить любое обращение в Рим, в вопросе, в котором он полностью разделял сильные чувства своих предшественников. Когда Карранса приказал своему посланнику во Фландрии, брату Эрнандо де Сан Амбросио, отправиться в Рим и добиться одобрения Комментариев, он ответил 19 апреля, что все его друзья при дворе искренне возражали против этого; было необходимо заверить Филиппа в ложности сообщений о том, что он это сделал, после чего король выразил свое удовлетворение и сказал, что любой другой ход вызвал бы его неудовольствие. [170]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Преимущество, ради которого Карранса по глупости воспользовался случаем, было использовано этой крайней ревностью, чтобы расположить его к себе. Когда доминиканский капитул собрался в апреле 1559 года, между ним и Кано произошла открытая ссора из-за сообщения о том, что Кано назвал его большим еретиком, чем Лютер, и что он благоволил Касалье и другим заключенным. Карранса потребовал своего наказания за клевету и попытался снять свою кандидатуру на пост губернатора провинции. В этом он потерпел неудачу. Утверждение Кано о том, что его неправильно поняли, было принято; он снова был избран провинциалом, и Карранса неразумно направил его жалобу в Рим. [171] Там это смешалось с вопросом о конфирмации Кано, поскольку Павла IV, естественно, возмущало повторное упоминание этого “сына беззакония”. Филипп, с другой стороны, не мог отказаться от защиты того, чья вина, в глазах папы, заключалась в том, что он отстаивал королевскую прерогативу, и он был активно заинтересован в том, чтобы добиться конфирмации. Павел уклонялся, лгал и искал какую-нибудь уловку, которая была найдена в хиротонии Кано в 1552 году епископом Канарских островов (должность, с которой он ушел в отставку в 1553 году), что, как считалось, лишало его права занимать какие-либо должности в его Ордене, и в июле был издан общий указ на этот счет. [172]

Все это было умело использовано для того, чтобы настроить Филиппа против Каррансы. В письмах от 16 мая, адресованных ему, а также от 22 и 25 мая своему духовнику Бернардо де Фреснеда, Кано с большой ловкостью и небольшим уважением к правдивости изобразил себя подвергшимся жестоким преследованиям. Он всегда был другом Каррансы; в течение семи месяцев он воздерживался от критики Комментариев и уступил только угрозе отлучения от церкви, и теперь Карранса оплачивал ему, интригуя против конфирмации в Риме — правда заключалась в том, что агент Каррансы добрался туда только в конце июня. Кано добавил, что это было бы ужасно, если бы архиепископ через своего итальянского генерала мог таким образом причинить ему зло, и он не смог бы защитить себя. Он был полон решимости страдать молча, но преследования были настолько жестокими, что, если бы король немедленно не прибыл в Испанию, ему пришлось бы искать убежища во Фландрии. [173] В чем, в действительности, заключались его страдания и какова была дружеская работа, которой он занимался, указано в поручении, выданном ему 29 мая, наделяющем его чрезвычайными полномочиями заместителя генерального инквизитора и отправляющем его в странствующую экспедицию для сбора доказательств, заставляющую каждого, кого он мог вызвать, отвечать на любые вопросы, которые он мог бы задать. [174] Более того, Супрема и Вальдес в письмах Филиппу от 13 и 16 мая придерживались того же тона; Труды Кано на протяжении всего дела были велики, и была надежда, что король не допустит его преследования за услуги, оказанные

Богу и его величеству; не нужно опасаться несправедливости по отношению к Каррансе, поскольку расследование было беспристрастным. [175]

Кардинал Пачеко уже проинформировал Филиппа 24 февраля и 13 мая, что Карранса отправил папе копии положительных отзывов о своей книге с просьбой оценить ее в Риме и сохранить его епископскую привилегию папской юрисдикции. [176] Какие бы намерения у него ни были подружиться с Каррансой, это не является доказательством против утверждений о том, что его интригам приписывалось вмешательство папы в выборы Кано. 26 июня он написал Кано, выражая свое удовлетворение и заверяя его в своей поддержке в Риме, а в тот же день обратился к Suprema, одобряя ее действия в отношении Комментариев и выражая свою уверенность в том, что она поступит правильно. [177] Санкционировав таким образом обвинение, он приказал уважать достоинство архиепископа и написал принцессе Хуане, что во избежание скандала ей следует пригласить его в Вальядолид для консультации по важным вопросам, чтобы судебный процесс мог продолжаться, не привлекая внимания. [178]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Письма Филиппа были получены 10 июля, но все еще оставались колебания, и только 3 августа принцесса написала Каррансе, в спешном порядке вызывая его в Вальядолид, где для него должны были приготовить жилье. Это она отправила с секретными инструкциями через Родриго де Кастро, члена Верховного суда. [179] Карранса находился в Алькала-де-Энарес, куда также был отправлен Диего Рамирес, инквизитор Толедо, под предлогом публикации Эдикта веры. Карранса, подозревавший ловушку, хотел отложить свое прибытие в Вальядолид до тех пор, пока Филипп, на защиту которого он все еще полагался, не прибудет в Испанию. Соответственно, он превратил путешествие в визит, покинув Алькалу 16-го и проехав через Фуэнте-эль-Саз и Таламанку в Торрелагуну, которой он достиг 20-го. По дороге он получил намеки на то, что его ждет, а в Торрелагуна-Фрай Педро де Сото прибыл с известием, что эмиссары уже начали его арестовывать, что вызвало у него отчаянное и умоляющее письмо Фреснеде, королевскому духовнику. [180]

Отчет Де Сото был правдив. Вальдес боялся приезда Филиппа не меньше, чем Карранса желал; задержка в дороге грозила этим, если план приглашения в Вальядолид должен был быть осуществлен. Для его планов было важно, чтобы в отсутствие короля был предпринят бесповоротный шаг — шаг, который должен был скомпрометировать Каррансу и привлечь инквизицию к ответственности настолько полно, чтобы Филипп не мог отменить его, не нанеся ущерба Святой Канцелярии способом, который для него был невозможен. Позволить Каррансе быть на свободе во время расследования подозрений в его ереси, как приказал Филипп, оставило бы дверь открытой для королевского или папского вмешательства; схватить и заключить его в тюрьму не оставило бы Филиппу иного выбора, кроме как ускорить его уничтожение, в то время как его медленное продвижение можно было бы предположить, чтобы прикрыть подготовку к бегству. Соответственно, 17 августа в соответствии с папским указом от 7 января Верховный суд поручил Родриго де Кастро действовать вместе с другими инквизиторами по этому делу, в то время как, поскольку правосудие требовало ареста Каррансы, Вальдес поручил де Кастро, Диего Рамиресу и Диего Гонсалесу, инквизитору Вальядолида, арестовать архиепископа и препроводить его в такую тюрьму, какая будет определена, в то же время наложив арест на все его имущество, реальное и личное, а также на все его бумаги и

сочинения. Одновременно Джоан Себриан, мэру альгвасила в Супреме, было приказано сотрудничать с инквизиторами в аресте и изоляции. [181]

В тот же день Себриан отправился в Торрелагуну, где днем не вставал с постели, а ночью работал. Инквизиторы собрались вместе; был тайно собран отряд приближенных и других лиц, и к рассвету 22-го губернатор, алькальд и альгвасилы Торрелагуны были схвачены и содержались под охраной, дом, где жил Карранса, был окружен, де Кастро, Рамирес, Себриан и дюжина мужчин поднялись по лестнице и постучали в дверь прихожей. Брат Антонио де Утрилья спросил, кто там, и последовал ужасный ответ: “Открыто для Святой Канцелярии!” То же самое было и у двери в комнату Каррансы; де Кастро опустился на колени у кровати, где Карранса задернул занавески, и приподнялся на локте; он со слезами на глазах просил прощения у Каррансы и сказал, что по его лицу видно нежелание выполнять свой долг. Был вызван Себриан и зачитан приказ об аресте. Карранса ответил: “Эти сеньоры не знают, что они не мои судьи, поскольку я подчиняюсь непосредственно папе”. Затем де Кастро достал из-за пазухи папскую грамоту и прочитал ее. Одни говорят, что Карранса откинулся на подушку, другие - что он оставался невозмутимым. Он заказал все остальное и довольно долго оставался наедине с де Кастро и Рамиресом. [182]

Его сразу же самым жестким образом изолировали, исключив всех его людей, за исключением отца Доминго Хименеса, который должен был помочь в конфискации имущества и инвентаризации. За столом ему прислуживали де Кастро и Рамирес, которые относились к нему с величайшим уважением и старались утешить его, поскольку к этому времени его стойкость иссякла и он был подавлен. Все его слуги были уволены и получили деньги, чтобы найти дорогу туда, куда они пожелают, и, как нам сказали, их горе тронуло каждого до сострадания. Только повар, стюард и погонщик мулов были наняты для обслуживания гостей. В девять часов вечера по всему городу было объявлено, что до рассвета никто не должен выходить из дома и выглядывать в окно. В полночь Себриан собрал сорок всадников; де Кастро и Рамирес спустили Каррансу на землю и расположились по обе стороны от его мула, пока кавалькада выезжала в темноте, а затем Салинасу, владельцу дома, разрешили выйти и закрыть дверь. Жара стояла невыносимая, и когда к десяти утра они добрались до Лозойи, то отдыхали день и ночь. 27-го они прибыли в Лагуна-дель-Дуэро, недалеко от Вальядолида, где де Кастро и Рамирес покинули отряд и поехали вперед за инструкциями, вернувшись в тот же день, а в два часа ночи 28-го Карранса был доставлен в город и поселен в доме Педро Гонсалеса де Леона в пригороде Сан-Педро за крепостными стенами, который был взят инквизицией. [183]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Таким образом, Карранса исчез из поля зрения людей так же бесследно, как если бы его поглотила земля. Это убедительная иллюстрация методов инквизиции, но бросающаяся в глаза только из-за достоинства жертвы, поскольку от властей зависело, увезти ли таким образом своих заключенных и спрятать их или публично бросить их в секретную тюрьму. Моралес говорит нам, что прошли годы, прежде чем стало известно место заключения Каррансы, хотя все говорили, что он был схвачен Святой канцелярией. Однако даже говорить об этом было опасно, поскольку на сентябрьском процессе Родриго Альвареса в суде Толедо одно из выдвинутых против него обвинений заключалось в том, что примерно 5 сентября он сказал случайному попутчику, что он родом из Вальядолида, и был совершенно уверен, что архиепископ заключен в тюрьму. [184]

В Толедо, где известие об аресте было получено 24-го числа, в этом не могло быть никаких сомнений. 26-го числа капитул собрался в скорби, чтобы принять все возможные меры в помощь своему любимому прелату, но они были бессильны, за исключением того, что отправили двоих из своего числа жить в Вальядолид и оказывать такую помощь, какая была возможна. Это мало что значило, кроме свидетельства сочувствия, поскольку никакое общение не было разрешено, но они советовались с ним и оказывали посильную помощь. Эта верная стража неслась в течение долгих и утомительных лет судебного процесса, и когда он был перенесен в Рим, они отправились туда и оставались там до конца. Капитул также почти ежемесячно отправлял Филиппу памятные письма с молитвами о скорейшем и благоприятном завершении дела. Великий Доминиканский орден также остро ощущал позор, нанесенный его выдающемуся члену, и старался в его пользу, насколько это было возможно. Испанский епископат также был сильно встревожен, не зная, куда может обрушиться следующий удар, и скандал по всей стране стал всеобщим. [185]

Филипп высадился в Ларедо 29 августа. Вальдес, очевидно, чувствовал, что для действий гораздо более решительных, чем предписанные королем, необходим какой-то предлог, и в письме от 9 сентября объяснил ему, что Карранса задерживает свои передвижения, чтобы встретиться с ним по прибытии в Ларедо; что он работает в Риме, чтобы воспрепятствовать этому делу; что позор его положения распространяется с каждым днем и что аутодафе, подготовленное для лютеран, не может состояться, пока он на свободе. Видя, что попытка заманить его в Вальядолид провалилась, было решено доставить его туда, что было сделано тихо и без беспорядков. С ним хорошо обращались, и так будет и впредь, и король мог рассчитывать на то, что дело будет вестись со всей прямоотой. Более того, намек на то, что все его имущество было конфисковано, указывает на то, что финансовый аспект дела был сочтен заслуживающим привлечения королевского внимания, и весь тон письма показывает, что тюремное заключение Каррансы было предопределено. Намек на его намерение встретиться с королем в Ларедо опровергает утверждение о том, что его подозревали в побеге, а тот факт, что аутодафе лютеран состоялось только 8 октября, является проверкой надуманности предполагаемых причин. [186]

Обращение с Каррансой было значительно лучше, чем с обычными заключенными, заключенными в камерах секретной тюрьмы. Его попросили выбрать сопровождающих, когда он назвал шестерых, но разрешили только двоих — его компаньона Фрая Алонсо де Утрилью и его пажа Джорджо Гомеса Муньоса де Карраскоса. [187] Для вечеринок были отведены две комнаты — комнаты, не приспособленные для человеческих нужд, с окнами, запертыми на висячие замки и ставни, так что временами вонь становилась невыносимой. Зловонная атмосфера вызвала опасную болезнь, от которой Карранса чуть не погиб; врачи приказали проветривать квартиру утром и вечером, но все, что разрешил Супрема, - это небольшую решетку в двери, хотя иногда ее оставляли приоткрытой и выставляли у нее стражу. [188] Связь с внешним миром была настолько полностью прервана, что, когда в 1561 году сильный пожар опустошил Вальядолид, бушевавший тридцать часов, уничтожив четыреста домов и проникнув в квартал, где находилась тюрьма, заключенные ничего не знали об этом, пока не добрались до Рима. [189] Строго соблюдалось правило инквизиции, согласно которому все консультации с адвокатом должны проводиться в присутствии инквизитора, а также то, что заключенным отказывали в утешении таинствами.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Диего Гонсалес, один из инквизиторов Вальядолида, был назначен специальным обвиняемым Каррансы, который в длинном и бессвязном мемориале Верховному Судье представляет его как человека, который относился к нему без уважения, оскорблял его, препятствовал его общению с Верховным Судьей, фабриковал ответы, чинил любые препятствия на пути его защиты и со злонамеренной изобретательностью усугублял невзгоды его положения. Некоторые подробности о бережливости, с которой с ним обращались, кажутся почти невероятными, если учесть, что инквизиция и Филипп наслаждались огромными конфискованными доходами своего заключенного. [190]

Хотя папская сводка разрешала только сбор доказательств и их передачу в Рим лично обвиняемому, судебный процесс проводился так, как если бы инквизиция обладала полной юрисдикцией. Оно было начато 4 сентября; поскольку Карранса не мог быть доставлен инквизиции, Вальдес и Супрема прибыли в место его заключения, принесли обычную присягу и, в соответствии с обычной процедурой, дали ему первое разрешение очистить свою совесть и свободно признаться. В ответ он отозвал Вальдеса с поста судьи по обвинению во вражде, к которому впоследствии добавил двух членов Верховного суда, Андреса Переса, епископа Сьюдад-Родриго, и Диего де Кобоса, епископа Хаэна. [191] Этот отвод вызвал немалые дебаты. Были те, кто назвал его несерьезным, другие - что его следует передать папе римскому, а третьи снова настаивали на том, что это должны решать арбитры. Последнее мнение возобладало; Карранса и фискал назначили своих арбитров, которые вынесли решение в пользу Каррансы 23 февраля 1560 года. Таким образом, возникла необходимость в новом судье; друзья Каррансы и доминиканцы были заняты в Риме передачей дела туда, но в то время воля Филиппа была по существу законом для Пия IV, и 4 мая была получена записка, уполномочивающая короля назначить одного или нескольких епископов или других справедливых и опытных священнослужителей для рассмотрения дела и доведения его до надлежащего завершения. Это предоставило Каррансе полную юрисдикцию и поставило его в худшее положение, чем раньше. Пию, должно быть, были сделаны энергичные представления, поскольку 3 июля он опубликовал еще одно резюме, в котором определил свое намерение, заключающееся в том, чтобы судьи рассматривали дело вплоть до вынесения приговора, а затем отправили бумаги с печатью в Рим, где он на тайной консистории примет решение по этому вопросу, специально оставленному за Святым Престолом. [192] Это восстановило папскую юрисдикцию, но в то же время подтвердило узурпацию Вальдесом формального судебного процесса над Каррансой вместо простого сбора показаний для судебного разбирательства в Риме.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Филипп неторопливо отложил на год назначение новых судей. Может показаться грубым приписывать это отталкивающему мотиву затягивания судебного процесса, чтобы воспользоваться конфискованными доходами Толедо, но его финансовые потребности были чрезвычайными, а искушение велико. В нарушение правила инквизиции о том, что секвестры проводятся в интересах владельца и подлежат учету, если только не была наложена конфискация, Филипп назначил Телло Хирона администратором архиепископства, добился его подтверждения от Пия IV, несмотря на серьезные протесты капитула, и спокойно поглощал доходы, за исключением той части, которую Супрема требовала для покрытия расходов Каррансы и судебного процесса. [193] У нас есть свидетельство этого в обещании пенсии в двенадцать тысяч крузадо на престоле Толедо, с помощью которого он привлек кардинала Караффу в интересах Испании во время длительного конклава, который привел к избранию Пия

IV [194], и согласие этого папы пользоваться доходами, вероятно, было куплено обещанием аналогичной пенсии в двенадцать тысяч короны своему любимому племяннику святому Карлу Борромео — обещание, которым он пренебрег, хотя в 1564 году считалось, что он уже получил от престола около восьмисот тысяч крон. Когда он поссорился с Пием из-за решения вопроса о приоритете в пользу Франции, папа пригрозил заставить его извергнуться, но безуспешно. [195] Поэтому легко понять, почему это дело обещало быть бесконечным. Два года первоначального судебного разбирательства истекли в апреле 1561 года; Пий продлил его еще на два года; затем, в судебном разбирательстве от 4 апреля 1563 года, он продлил его еще на год, в то же время предписав, чтобы с Каррансой обращались более милосердно; затем, 12 августа 1564 года, оно было продлено до 1 января 1565 года и еще на год, прежде чем дело перешло в более суровые руки святого Пия V. [196] Эти задержки было модно приписывать Каррансе. Епископ Симанкас, который ненавидел его по пресловутой причине *odisse quem læseris*, утверждает, что он постоянно использовал уловки, препятствующие прогрессу, но это абсурдно. [197] В интересах Каррансы было освободиться из своего унылого заключения и быть отправленным в Рим, где он был уверен в благосклонности; громоздкие правила инквизиции позволяли ей по своему желанию задерживать действия, в то время как обвиняемый мало что мог сделать, чтобы ускорить или воспрепятствовать.

Когда Филипп, наконец, воспользовался правом назначать судей Каррансы, он назначил 13 марта 1561 года Гаспара Зуньигу, архиепископа Сантьяго, который 2 мая передал это дело епископам Вальтодано и Симанкасу, обоим членам Верховного суда и враждебно настроенным по отношению к заключенному. Таким образом, Карранса в результате своего отвода оказался практически переданным под стражу Вальдесу, который, кроме того, был огражден от прямой ответственности. Карранса, естественно, взял самоотвод у своих новых судей на том основании, что они голосовали за его арест, но Филип беззаботно отклонил самоотвод, заявив, что если бы это было справедливой причиной, то ни один судья не смог бы судить преступника, задержание которого он приказал. [198] В июне следующего года Каррансе было разрешено выбрать адвоката — особая услуга, поскольку, как правило, обвиняемый был ограничен одним или двумя адвокатами, назначенными трибуналом. Он выбрал Мартина де Аспилькуэту и Алонсо Дельгадо, а также докторов Сантандера и Моралеса, хотя о последних мы впоследствии ничего не слышим. Аспилькуэта, известный также как доктор Наварро, был одним из ведущих канонистов того времени и человеком с высочайшей репутацией. Он служил верой и правдой до конца и, вероятно, тем самым погубил свою карьеру в Испании, поскольку остался в Риме в качестве папского исправника.

После почти двухлетнего тюремного заключения официальный судебный процесс начался 30 июля и протекал в высшей степени неторопливо. Правила инквизиции требовали вынесения трех наказаний в течение десяти дней после ареста, но Вальтодано и Симанкас назначили первое наказание для освобождения его совести путем исповеди 30 июля, второе - 25 августа и третье - 29 августа. Он ответил, что в течение двух лет желал узнать причину своего ареста и умолял сообщить ему, что показывает, насколько он был несведущ в практике инквизиции, поскольку это тщательно скрывалось от обвиняемого, которому было строго приказано разобраться в своей совести и заслужить помилование признанием. Затем, 1 сентября, фискал представил обвинение по тридцати одной статье, по каждой из которых обвиняемый должен был дать ответ на месте. После этого ему была передана копия, на которой он мог изложить более официальную защиту, и для этого он попросил предоставить ему доступ к своим бумагам

— бесплодная просьба, поскольку не в стиле инквизиции позволять обвиняемому иметь средства оправдания. [199]

Статьи обвинения были составлены не только из Комментариев, но и из признаний еретиков-лютеран, тщательно собранных слухов и свидетельств, а также из массы бумаг, изъятых при его аресте. Многие из них были не его собственными, а сочинениями других людей. Там были выдержки из еретических книг, которые он сделал в Тренте с целью их опровержения; там были эссе, написанные, когда в юности он вступил в Доминиканский орден, сорок лет назад; там были записи проповедей, записанных для практики, когда он был студентом, и проповеди, произнесенные в трапезной, как того требовали Правила его Ордена; разрозненные мысли, записанные для рассмотрения и развития; заметки, сделанные при изучении еретических Библий, и комментарии к ним для инквизиции — короче говоря, все обширные накопления человека, который в течение сорока лет усердно изучал, учил и проповедовал а также писать и пререкаться по теологии. [200] Все интеллектуальные грехи молодости и возмужания были тщательно изучены недоброжелательными глазами, и он был призван ответить за них, не имея возможности узнать, из каких источников были выдвинуты обвинения. В этом не было особой несправедливости по отношению к нему — это была просто обычная инквизиторская процедура.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Так прошел год, и 5 июня 1562 года налоговый суд предъявил второе обвинение, поскольку не было предела этим последовательным обвинениям, каждое из которых могло занять много времени. Эти новые статьи были в основном основаны на слухах и расплывчатых выражениях мнений, поскольку все, кто был настроен враждебно, были уверены в сокрытии своих имен, могли свободно заявлять о том, что они думали или воображали, и все это было получено в качестве доказательств. На эти вопросы он ответил, как мог, и ему удалось установить имена некоторых свидетелей, выступавших против него. Затем он представил защиту, несомненно, составленную в соответствии с обычаями его адвоката, поскольку она была ясной и убедительной, в ней почти не осталось следов его дискурсивного и неубедительного стиля. В подтверждение этого он представил длинный список свидетелей, подлежащих допросу, включая Филиппа II и принцессу Хуану, но фискал, передавая гонорары, возразил против остальных на том основании, что они были друзьями Каррансы — враждебные показания допускались из любого источника, но те, которые подозревались в пристрастности, отвергались. Как принцип, это было признано в инквизиционной практике, но обычно не применялось с такой строгостью. [201]

31 августа 1562 года Карранса обратился с серьезным призывом к Филиппу, напомнив ему о его приказе в апреле 1559 года полагаться только на него. Прошло три года в тюрьме, его дело только началось и обещало быть бесконечным. Его судья, архиепископ Сантьяго, не делегировал Вальтодано и Симанкасу всех полномочий; возникли вопросы, которые они не могли или не хотели решать, и, когда они были представлены архиепископу, прошли месяцы, прежде чем был получен ответ. 19 января его адвокат потребовал от архиепископа прибыть и лично заслушать дело или предоставить все полномочия своим делегатам, но до настоящего времени ответа не поступило. По его словам, никогда в мире правосудие не вершилось таким образом, и он в отчаянии умолял Филиппа ускорить рассмотрение дела или разрешить ему

обратиться к папе римскому. [202] Достиг ли этот крик из глубины Филиппа или нет, он не произвел никакого эффекта.

К этому времени это дело превратилось в европейский скандал. Епископы, собравшиеся на третий созыв Тридентского собора, остро восприняли это и как поношение Церкви, и как посягательство на неприкосновенность их ордена. Филипп знал об этом и в письмах от 30 октября и 15 декабря 1562 года своему представителю в Тренте, графу Луна, и Варгасу, своему послу в Риме, он дал инструкции предотвратить это обсуждение и попросить папу приказать своим легатам следить за тем, чтобы Совет держал руки подальше от испанской инквизиции.

[203] Сдержать совет удалось с трудом. В первые месяцы 1563 года легаты неоднократно сообщали, что горячо желают, чтобы он возбудил это дело и распорядился отправить документы в Рим. В ответ Пий искренне отрицал свое безразличие; он настаивал на этом вопросе до тех пор, пока гнев Филиппа не показал, что дальнейшее давление нарушит согласие, столь необходимое для всеобщего блага. Это не удовлетворило епископов, которые настаивали до тех пор, пока Пий не заверил их, что он видел более ранние документы по делу и может подтвердить, что тюремное заключение Каррансы не было несправедливым; он пообещал, что не допустит задержки после апреля 1564 года и что вынесет справедливый приговор. [204] Если епископы не могли помочь своему пленному брату, они могли, по крайней мере, обеспечить свою собственную безопасность, и это они сделали указом, который значительно усилил принятую в 1551 году декларацию об исключительной папской юрисдикции над епископами. [205]

Был еще один способ, которым совет стремился помочь Каррансе. У него была постоянная конгрегация, занимавшаяся составлением Индекса запрещенных книг. Комментарии были законно помещены перед ней, и после рассмотрения 2 июня 1563 года она была признана хорошей, католической и наиболее достойной прочтения всеми благочестивыми людьми. Секретарь конгрегации, фра Франческо Форерио, выдал свидетельство об этом, дав разрешение на его печать, и Пий последовал за ним, 23 июня, с папской лицензией на тот же счет. Граф Луна очень усердствовал в этом, и ему помогал знаменитый ученый Антонио Агустин, в то время епископ Лериды. Дело зашло так далеко, что легат Морозини испугался срыва совета, и мир был восстановлен только путем отзыва свидетельства об одобрении. Другим Каррансы была передана копия, которую они были вынуждены сдать. [206] Возмущение Филиппа по этому поводу, выраженное в письме Луне от 2 августа, было слишком запоздалым, чтобы принести пользу, и важно только из его заявления о том, что он считает дело Каррансы самым важным, что у него было в связи с советом. [207]

Тем временем дело тянулось, одна серия обвинений выдвигалась за другой, пока в общей сложности не перевалило за четыреста, каждое из которых давало возможность для обсуждения и проволочек. [208] Помимо финансовых мотивов этой задержки, Филипп теперь был вовлечен в борьбу с Римом за защиту инквизиции от последствий ее собственной злонамеренной работы. В его глазах не было ничего важнее, чем сохранить и приумножить его привилегии, и его ревность к любым попыткам вмешательства со стороны Святого Престола была непреодолимой страстью. Его тайной целью было присвоить ему полную юрисдикцию над епископами и предотвратить окончательную передачу дела на решение папы.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Пий IV, надо отдать ему справедливость, остро ощущал унижительное положение, в которое его поставила властная решимость Филиппа, но каждая попытка самоутвердиться только делала более очевидным презрение, с которым к нему относились. Неоднократно он писал архиепископу Сантьяго, упрекая его в длительной задержке, из-за которой Карранса оставался в тюрьме, в то время как дело не продвигалось вперед. Он назвал 1 января 1564 года пределом полномочий архиепископа, после чего процесс, независимо от того, завершен он или нет, должен был быть направлен в Рим. Предел был пройден без повиновения его приказам, и он написал снова, выражая крайнее неудовольствие по поводу упрямства, которое обрекло такого человека стареть в убогости тюрьмы без закона и справедливости. Он снова приказал отправить дело, независимо от того, завершенно оно или нет, в Рим; в случае задержки все заинтересованные лица были *ipso facto* преданы анафеме, лишены всех достоинств и функций, пользовались дурной славой и не подлежали восстановлению; все письма, предоставляющие юрисдикцию, были отозваны, и дело было передано в Рим для принятия решения. Сам Карранса должен был быть немедленно доставлен к нунцию, который был уполномочен либо содержать его под почетным стражей, либо освободить под залог. Это были смелые слова, но у него не хватило духу подкрепить их действиями, и, когда они были проигнорированы, 12 августа он продлил полномочия архиепископа до января 1565 года, после чего, как было приказано ранее, дело должно было быть передано в Рим, и в нем заметно отсутствовал наставительный тон, столь заметный в предыдущих записках. [209]

Воодушевленный этим свидетельством слабости, 24 ноября 1564 года Филипп отправил Родриго де Кастро в Рим с поручением передать Каррансу инквизиции, многозначительно проинструктировав его не брезговать любыми средствами, которые он сочтет необходимыми для привлечения на свою сторону всех, кто обладает влиянием. Даже запланированный таким образом неограниченный подкуп не увенчался успехом, хотя второстепенная цель проволок была достигнута. Кастро начал с того, что на частной аудиенции потребовал передать дело инквизиции, но отказался изложить это требование в письменной форме. Затем он понизил тон, и папа согласился направить специального легата в Испанию для рассмотрения дела и вынесения приговора, но Кастро настоял на том, чтобы к легату присоединились Верховный суд и такие прелаты, которых может выбрать король. На это папа ответил отказом, но из-за этого возникло некоторое недоразумение, и когда Кастро увидел состав комиссии для легата, он пришел в ярость. Он добился аудиенции и обвинил папу в нарушении своего слова; Пий вышел из себя и сказал, что во всем этом деле с ним обращались как с ослом; это его дело, и он будет поступать, как ему заблагорассудится. Получив такой отпор, Кастро излил свои огорчения кардиналу Борromeо и заявил, что, если легат отправится в Испанию с таким поручением, он не получит настоящего. Современному слуху это утверждение может показаться загадочным, но оно объясняется замечанием проницательного французского посла, докладывавшего Карлу IX о прибытии легата, что дело Каррансы и использование его легатских способностей принесло бы ему много денег. [210]

Святой Престол редко посылал за границу столь выдающуюся организацию, как эта миссия, обреченная на провал. Специальным легатом *a latere* был кардинал Буонкомпаньи, впоследствии Григорий XIII, в сопровождении архиепископа Россано, впоследствии Урбана VII, фра Феличе Перретти, впоследствии Сикста V и Джованни Альдобрандини, впоследствии кардинала и брата Климента VIII. Легату были предоставлены дискреционные полномочия в отношении допуска испанских коллег, но по прибытии в Мадрид в ноябре 1565 года он обнаружил, что предъявленное к нему требование было невыполнимым, в чем Пий отказал

Кастро — всей Верховной раде и прелатам, всего пятнадцати испанцам. Он предложил допустить двоих против двух своих сообщников, но большего делать не стал. Как он писал Пию, ужас, навеянный инквизицией, был невероятен; признать большинство испанцев означало бы навлечь несправедливость, поскольку оправдание Каррансы было бы обвинительным приговором инквизиции, и любой, у кого хватило бы смелости осуществить это, подвергся бы пожизненному преследованию. [211] Конечно, Филипп был тверд, поскольку его целью было сбить с толку легата, но дискуссия была прервана, когда 9 декабря пришло известие о смерти Пия IV. Буонкомпаньи поспешно отбыл для участия в конклаве; в Авиньоне его встретили с известием об избрании Пия V 7 января 1566 года, несмотря на что он продолжил свое путешествие в Рим. [212]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Пий IV довел до крайности свое раболепие перед Филиппом. Педро де Авила, один из агентов Филиппа, писал 23 августа 1565 г., что кардинал Борromeо заверил его, что папа сделал и продолжает делать больше, чем в его силах, чтобы угодить королю; он пошел против канонов, соборов и кардиналов, и, когда недавно он думал, что умирает, ничто так не тяготило его совесть, как это. [213] Его преемником был человек иного склада. Немногим папам католицизм обязан больше, чем святому Пию V, ибо, несмотря на безжалостность в преследовании ереси, его признание необходимости реформы и несгибаемая решимость осуществить ее вернули Церкви большую часть уважения, которого она утратила. Испанские агенты быстро выяснили, что в деле Каррансы он был неподкупен и несговорчив. Как жалобно сообщал посол Зуньига Филиппу 23 февраля 1566 года, “У него, безусловно, благие намерения, но, не имея опыта в государственных делах и личных интересов, а это две вещи, которые обычно заставляют пап уступать, он сосредоточивает свой взор на том, что считает справедливым и непоколебимым”. [214] Как кардинал-инквизитор и доминиканец он благосклонно относился к Каррансе, друзья которого с надеждой восприняли известие о его восшествии на престол. Они передали это с помощью стрелы, нацеленной в одну из ставен его окна, и он ответил, выбросив бумагу, подобранную человеком, стоявшим специально для этой цели, в которой он обратился к новому папе словами Петра: “Господи, если это ты, прикажи мне прийти к тебе по воде” (Мф. xiv, 28). [215]

Пия не нужно было уговаривать. Одним из первых его действий было отправить гонца в Буонкомпаньи с приказом остаться и довести дело до конца, но испанский опыт легата не побудил его вернуться из Авиньона. Несомненно, его отчет убедил в том, что в Испании не следует ожидать правосудия, поскольку Пий быстро потребовал выдать ему личность Каррансы и документы, чтобы тот мог вынести решение по этому делу. Привыкший запугивать пап, Филипп ответил, что это требование оскорбительно и противоречит королевской прерогативе, как попытка изменить вопрос, неизменно установленный Святым Престолом, и что оно не будет удовлетворено; папа может передать дело таким лицам, каким ему заблагорассудится, при условии, что они испанцы, в противном случае, если Карранса останется в тюрьме до своей смерти, ответственность не будет лежать на тех, кто предложил все возможные альтернативы. Этот дерзкий ответ только укрепил решимость Пия, который вызвал Зуньигу и велел ему передать своему господину, что он навлек на себя все негодование Святого Престола, поскольку папа был полон решимости довести дело до конца. Зуньига замолчал и мог только сообщить Филиппу об ужасной серьезности Пия, от которой не было никакой надежды отвлечь его. [216]

То, что он был предельно серьезен, видно из его записки от 30 июля, которую он приказал напечатать в частном порядке и отослал копии нунцию Россано с письмом с автографом от 3 августа, требующим неукоснительного исполнения. Остановившись на несправедливости и скандальном обращении с Каррансой, он лишил Вальдеса, Верховного суда и всех заинтересованных лиц юрисдикции в этом деле. Под страхом отлучения от церкви и приостановления полномочий Карранса должен был быть освобожден и, назначив викария для своей толедской кафедры, немедленно предстать перед папой для вынесения приговора. Под страхом гнева Божьего и апостолов Петра и Павла и отлучения от церкви все документы по этому делу должны были быть доставлены в Рим в течение трех месяцев, и любой, кто препятствовал исполнению этих приказов, подвергался отлучению от церкви и временному отстранению от должности. [217]

К этому времени Пий был известен как человек, с которым шутки плохи, но Вальдес и Супрема были готовы скорее рискнуть порвать с Наместником Христа, чем отдать свою жертву на его суд. Когда Филипп посоветовался с ними, они убедили его не разрешать отправлять в Рим даже копию процесса, не говоря уже о личности Каррансы, чтобы тот не ущемил его прерогатив. Они утверждали, что папское постановление давало достаточные полномочия как для судебного преследования, так и для вынесения приговоров и что, будучи предоставленным, оно не могло быть отозвано; что в соответствии с уступками папы Фердинанду и Изабелле испанская инквизиция была полностью независима от Рима и что, если в этом случае удастся убедить епископальный характер, в других случаях будет найдено какое-то другое оправдание. [218]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Вальдес, возможно, и был готов рискнуть расколом, но Филипп отступил; нельзя было думать о том, что католический король подвергнется отлучению от церкви, и он понимал, какую силу получит еретическое дело по всей Европе от такой ссоры по такому делу. И все же он медлил, пока Пий не вынудил Вальдеса уйти в отставку и не пригрозил наложить интердикт на всю Испанию. [219] Он столкнулся с волей, более сильной, чем его собственная, и Антонио Тьеполо, венецианский посланник, несомненно, прав, говоря, что ни один другой папа, кроме Пия, не смог бы отстаивать его точку зрения. [220] Давление стало непреодолимым, и он уступил. Карранса, находящийся под присмотром ненавистного инквизитора Диего Гонсалеса и охраняемый отрядом войск, покинул Вальядолид 5 декабря, достигнув Картахены 31-го, где он был заключен в замке до 27 апреля 1567 года, ожидая прибытия объемистых бумаг по делу, после чего его поместили на адмиральский корабль, который перевозил герцога Альва по его роковому пути во Фландрию. Чивита Векья был доставлен 25 мая, а Рим - 28 мая, где его заключили в замок Сант-Анджело — второе тюремное заключение, которое должно было продлиться девять лет. Он был гораздо менее суровым, чем предыдущий; помимо двух его верных слуг, ему разрешили принять еще двоих; ему выделили апартаменты в покоех, отведенных для архиепископов, иногда ему разрешали выходить из своей комнаты под охраной и любоваться пейзажем, а на первом юбилее его допустили к исповеди, хотя в причастии по-прежнему было отказано. [221]

Рассмотрение дела в Риме обещало быть таким же нескончаемым, как и в Испании. Беспокойство Пия о тщательном расследовании приводило к бесконечным задержкам, которые умело устраивали агенты инквизиции. Огромная масса документов прибыла в Рим в крайнем беспорядке, и некоторых частей не хватало, за которыми пришлось посылать. Затем их нужно

было перевести, так же как и объемистые комментарии, на что ушел год. Филипп часто присылал новые мнения и заявления, и Пий приказал разыскать все труды Каррансы и даже записи его лекций, сделанные студентами, и доставить их в Рим. Он сформировал специальную конгрегацию из семнадцати консультантов, включая четырех испанцев, которые были замешаны в этом деле, с Рамиресом в качестве фискала. Когда все было готово, конгрегация еженедельно собиралась под председательством папы римского; испанцы настаивали на его присутствии, и, поскольку другие его обязанности часто препятствовали этому, дело затягивалось из года в год. Филип следил за этим с большим беспокойством, о чем свидетельствует его переписка с Зуньигой. Так, в длинном письме с инструкциями от 6 июня 1570 года послу предписывается заверить папу, что в Испании все было сделано с самым тщательным обдумыванием; почти по-детски настаивается на мнениях некоторых малоизвестных теологов относительно вины Каррансы, и указывается, что, если его оправдают, он будет учить и проповедовать с большим авторитетом, чем раньше, и все судебное преследование будет ошибкой. Все это, по его словам, должно иметь значение для папы римского, которому, кроме того, грозит то, что король может счесть необходимым сделать, если приговор будет искажен личными соображениями. Глупые сообщения такого рода повторялись до тех пор, пока 12 августа 1571 года Пий в письме с автографом не упомянул о повторении этих инсинуаций, которые он объявил беспочвенными, и в достойных выражениях предупредил Филиппа, чтобы он не позволял своему благочестивому рвению взять верх над благоразумием. [222]

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Испанская тактика затягивания оказалась успешной. Пий V умер 1 мая 1572 года, так и не опубликовав приговор. Был ли кто-то подставлен или нет, вопрос спорный. Салазар сообщает нам, что он был составлен, но что Пий перед публикацией пожелал представить его Филиппу и отправил его своим главным камергером Алессандро Казале, который был задержан из-за плохой погоды и других несчастных случаев до смерти папы. Льоренте подробно излагает приговор, снимая с Каррансы обвинения, но сохраняя запрет на комментарии на родном языке, с разрешением перевести его на латынь после удаления сомнительных выражений. Симанкас, который был одним из инквизиторов, занимавшихся этим делом в Риме, положительно утверждает, что Пий умер, не сформулировав приговор; что, когда друзья Каррансы заявили, что он это сделал, и убедили своего преемника Григория XIII опубликовать это, последний предложил двадцать тысяч крон любому, кто подготовит это и таким образом избавит его от необходимости пересматривать дело. [223] Как бы то ни было, Пий был убежден в невиновности Каррансы. Он разрешил публичную продажу Комментариев в Риме; когда фискал Сальгадо подал прошение о его запрете, он ничего не ответил, а когда Сальгадо настоял на этом в собрании, он сердито ответил, что не считает его подлежащим запрету и что им лучше не настаивать на том, чтобы он официально утвердил его *motu proprio*. [224]

Григорий XIII не был подвержен упрекам, брошенным Зуньигой Пию V в безразличии к личным и мирским соображениям. Он был вполне доступен для них и полностью осознавал важность поддержания Святым Престолом хороших отношений с испанским магистром Италии. Его опыт работы легатом Буонкомпаньи в достаточной степени познакомил его с характером Филиппа, и, когда друзья Каррансы, естественно, ожидали, что он поднимет вопрос там, где его оставила смерть Пия, он настоял на том, чтобы обсудить его лично с самого начала. Поскольку он мог уделять этому лишь фрагментарное внимание, он смог отложить принятие обязательств на

несколько лет. Это дало Филиппу возможность собрать новые свидетельства. Не самыми мягкими средствами оставшихся в живых друзей Каррансы, которые одобрили Комментарии, заставили отказаться от них. Три епископа, Герреро, Бланко и Дельгадо, осудили предложения сотни, взятые из работ, представленных им как Каррансы, и они оправдали себя от одобрения Комментариев, сказав, что тогда они не видели его рукописей MS. и, принимая во внимание его репутацию, они стремились придать католический смысл везде, где это было возможно. Были тщательно собраны другие мнения; Грегори оказал достойное сопротивление приему новых показаний в этот поздний день, но уступил угрозам Филиппа о том, что он может счесть необходимым сделать в случае, если его желаниям помешают, и, таким образом, были предоставлены оправдания, если не причины, для того, чтобы прийти к выводу, отличному от заключения Пия Против. [225]

По мере приближения времени, когда стало ясно, что затянувшееся дело будет прекращено, беспокойство Филиппа росло. Письмо с автографом от 16 февраля 1575 года папе Григорию настоятельно призывало к скорейшему осуждению Каррансы ввиду опасности, которую он представлял для Пия, и просило выполнить обещание сообщить ему приговор до публикации. Было ли дано такое обещание или нет, Григорий отказался передать его ему, но намек на то, что оно должно было быть, дошел до него, и 20 апреля он энергично написал Зуньиге, выражая удивление по поводу того, что папа не сдержал своего слова. Что касается Каррансы, то он был настолько основательно уличен в ереси, что, согласно заведенному инквизицией порядку, его следовало сжечь или, по крайней мере, примирить после отречения от всех видов ереси. Разрешение ему отречься от престола из-за явного подозрения в ереси с временным отстранением от должности предполагает, что со временем он вернется и займет первопрестольную церковь Толедо, что вызвало бы невообразимые волнения и скандал. Папа римский может хорошо представить себе опасности, которые могут последовать в Испании и других местах, на простом примере такого преступника, оказавшегося в таком положении. Даже если бы отстранение было бессрочным, если бы Бог отстранил его Святейшество, преемник мог бы отменить отстранение, если только Карранса не будет полностью лишен этого права. [226]

Страсть и красноречие были потрачены впустую, поскольку приговор был вынесен за шесть дней до этого, 14 апреля 1576 года. Какое бы обещание ни дал Григори, оно было выполнено в соответствии с буквой, но не с духом, когда он объявил ему об этом 11 апреля. Его положения были хитроумно сформулированы, чтобы обратить все дело в пользу Святого Престола, сохранив Каррансу в качестве потенциального дамклова меча, висящего над головой Филиппа, и тем временем поглощая доходы Толедского престола. Суть статей, как было сообщено Филиппу, заключалась в следующем:

Архиепископ Толедский будет объявлен сильно подозреваемым в различных ошибках и как таковой будет обязан отречься от них.

Он будет временно отстранен от управления своей церковью на пять лет, а впоследствии - по желанию папы Римского и Святого Престола.

На это время он будет заточен в монастыре в Орвието, и ему не разрешат покидать его пределы без специального разрешения папы Римского и Святого Престола.

Папа назначит администратора толедской церкви с распоряжением всеми плодами с момента конфискации и во время приостановления, которые он обратит на благо Церкви и другие благочестивые цели после вычета пенсий, расходов и долгов.

Для содержания архиепископа будет назначено ежемесячное пособие в размере тысячи золотых крон.

На него будут наложены некоторые благотворные епитимьи.

АРХИЕПИСКОП КАРРАНСА

Его Катехизис будет запрещен к хранению, чтению или печати. [227]

Количество ошибок, в которых его сильно подозревали, составило шестнадцать, якобы почерпнутых из его трудов. Поскольку они были всего лишь колышком, на который повесили приговор, их не нужно здесь повторять, и достаточно сказать, что 12 апреля они были доставлены вместе с отречением Джантонио Фачинетти (впоследствии Иннокентий XI) в замок Сант-Анджело, где Карранса послушно подписал отречение. [228]

Оглашение приговора было произведено с торжественностью, приличествующей завершению дела, которое в течение семнадцати лет привлекало внимание христианского мира. 14 апреля Каррансу перевели из его тюрьмы в зал Константина, где Григорий занял папский трон под балдахином, кардиналы сидели на скамейках, а вокруг стояло около сотни других зрителей. После вступительных формальностей Грегори передал свиток с приговором Алонсо Кастельону, секретарю по делу, который зачитал его вслух. Это было очень длинное изложение перипетий дела с самого начала и завершалось статьями, как указано выше. Затем Карранса зачитал свое отречение, как рассказывает нам Симанкас, с бесстрастным безразличием, как будто оно относилось к другому человеку, после чего его подвели к ногам папы, который подробно рассказал об оказанном ему милосердии и сказал, что он мог бы ожидать большего, если бы жил как подобает. Затем его передали капитану гвардии для отправки в доминиканский монастырь Санта-Мария-сопра-Минерва, и, когда его выводили, проходя мимо кардинала Гамбары, он тихо попросил его перенести свои вещи в монастырь. Очевидно, у него не было чувства вины или унижения. [229] Это был достойный конец позорной роли Григория в трагедии: когда 20 апреля он официально уведомил Филиппа и капитул Толедо о результатах, он скорбно выразил свое сожаление по поводу того, что был вынужден осудить вместо оправдания, как он надеялся. [230]

В качестве епитимьи папа приказал Каррансе посетить семь церквей в субботу пасхальной недели (28 апреля) и предложил ему собственные носилки и лошадей для слуг, от которых он отказался. Об этом заговорили за границей, и все население поднялось на ноги, чтобы сопровождать его, потому что сострадание, испытываемое к нему, было всеобщим. Чтобы избежать подобной демонстрации, Григорий перенес день на понедельник, 23-е, но, несмотря на это, скопление карет и толпы людей превратили покаяние в триумф. В церквях его принимали со всеми почестями, и в Латеране он отслужил мессу, но ближе к концу дня началась странная панихида, и по возвращении в монастырь он слег в постель и больше не вставал с нее. Болезнь быстро прогрессировала, в течение которого папа неоднократно посылал утешительные послания, а 30 апреля - свое апостольское благословение со снисхождением к *поэне* и

виновности. В тот же день Карранса сделал торжественное заявление перед своими секретарями, подтвердив свою нерушимую приверженность вере; он с жаром принял последние утешения религии и скончался в 3 часа ночи 2 мая. Он вошел в свою тюрьму энергичным мужчиной 56 лет, а покинул ее умирать сломленным стариком 73 лет. [231]

ЕПИСКОП КАРРАНСА

То, что следовало назначить вскрытие, указывает на то, что сразу же возникли сомнения в том, была ли смерть естественной. Врачи сообщили о нескольких небольших язвах в одной почке и трех камнях в желчном пузыре, но в состоянии не причинить вреда, и они приписали задержку в организме некоторым “углеводам”. [232] Если и существовали подозрения в отравлении, то они не нашли публичного упоминания, которое дошло бы до нас, тем не менее, в эпоху, когда устранение препятствия было признанным ресурсом государственной политики, своевременная и внезапная смерть Каррансы, по крайней мере, наводит на размышления. Мы видели, как энергично Филипп протестовал против того, чтобы его оставили в положении, при котором было возможно его возвращение в Толедо. Его возвращение на престол нанесло бы неизлечимую рану авторитету и влиянию инквизиции и повергло бы монарха в унижение; это привело бы к осложнениям, которые в то время были бы неразрешимыми. Несправедливость, постигшая Каррансу, сделала его смерть необходимой, если бы его не заклеили как еретика или не лишили епископского сана. Филипп и он не могли бы существовать вместе в Испании. Кроме того, пока Карранса был жив, он был опасным оружием в руках папства, способным срывать испанскую политику угрозами отмены приостановки или вымогательством уступок в качестве цены за ее сохранение. Приписывать его внезапную смерть усердию испанских агентов в Риме или секретным приказам, отправленным заранее, не было бы несправедливостью по отношению к принцу, который не побоялся казней Монтиньи и Ланузы или убийств Эскобедо и Вильгельма Молчаливого. Однако его устраивало принять это благочестиво, как особое разрешение Провидения. 11 июня он ответил на письмо Грегори от 11 и 16 апреля, передав копии приговора и отречения. По его словам, для людей с большим образованием и опытом работы в Испании приговор был слишком мягким, но он признал святое рвение папы и то, что рука Божья применила надлежащее средство для предотвращения большего зла. [233] Однако впоследствии Моралес, пишущий по заказу Филиппа, завершает свой отчет: “Говорят, что он, по-видимому, умер как святой, во что я верю, и что это было действительно так.... Господь приберег его для другой жизни, что является знаковой милостью, которую он дарует тем, кому это угодно”. [234]

В одном отношении инквизиция одержала победу. Комментарии, которые были одобрены Тридентским собором, а также Пием IV и Пием V, были осуждены и запрещены с грубым пренебрежением к последовательности. Эта работа оставалась в последующих выпусках Испанского индекса до 1747 года, но была исключена в последнем выпуске за 1790 год. Рим был еще более настойчив и сохранял его до 1899 года, хотя он исчез вместе со многими другими устаревшими материалами в конце 1900 года. Тем не менее, репутация Каррансы как ортодоксального защитника Церкви, похоже, мало пострадала от его судебного преследования и осуждения. Кардинал Кирога, генеральный инквизитор, который в 1577 году сменил его на престоле Толедо, распорядился поместить его портрет рядом с портретами его предшественников, воздвиг гробницу в его память и в июне 1578 года совершил в его честь торжественные похороны, которые длились две недели. [235] Одорикус Райнальдус, официальный летописец Святого Престола, и кардинал Паллавичини, официальный историк

Тридентского собора, едины в том, что против него не было обнаружено ничего серьезного, только серьезные подозрения, и что на смертном одре он свидетельствовал не только о нетленной вере, но и об исключительном благочестии. [236] Николас Антонио сообщает нам, что по некоторым простым предположениям, в отсутствие законных доказательств признанного нечестия, ему было приказано путем отречения от престола снять все подозрения в вине. [237] Бальмес, поборник католицизма, признавая, что в деликатном вопросе оправдания его высказываниям не хватало ясности, утверждает, что, вне всякого сомнения, по своей совести перед Богом он был полностью невиновен. [238] Беспристрастный суд потомков осудил инквизицию, оправдав ее жертву.

Если Филиппу и не удалось стереть память о Каррансе, то он, по крайней мере, преуспел в одной из своих целей. В течение семнадцати лет он неправоммерно пользовался конфискованными доходами Каррансы, которые, с учетом всех вычетов, должны были принести ему два или три миллиона дукатов. Много, должно быть, было потрачено на то, чтобы осудить законного владельца, но, когда дело было завершено, невыполненные обязательства были аннулированы. Во время судебного процесса в Риме дон Лопе де Авельянеда занял двадцать шесть тысяч дукатов, чтобы выплатить жалованье сторонам, занятым в печально известном дорогостоящем судебном процессе курии, но переводные векселя, выписанные для погашения задолженности, были возвращены с позором. Римские банкиры были слишком важным придатком курии, чтобы их нельзя было эффективно защитить; 10 апреля 1577 года Григорий написал инквизиторам (вероятно, из Толедо) письмо с просьбой взыскать сумму с процентами до даты платежа из доходов архиепископского стола Толедо, обеспечив выполнение требования, при необходимости, отлучением от церкви, интердиктом и привлечением светской власти. [239] Филипп, очевидно, сохранял контроль над доходами до хиротонии архиепископа Кирогги в декабре 1577 года, и его администратор не допускал отвлечения средств. Грегори в этом предложении пытался предоставить ему отчет о накоплениях, но попытка провалилась. Подобно Филиппу Прекрасному в аналогичном случае с тамплиерами, Филипп крепко держал добычу, которую ничто не могло ослабить. Когда в 1581 году Григорий попытался побудить его предпринять экспедицию против королевы Елизаветы и пообещал ему финансовую помощь в столь благочестивом предприятии, оказалось, что эта помощь была всего лишь прибылью толедского престола, которую он собрал и уже давно израсходовал. [240]

ЗАЯВЛЕННАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Дело Каррансы, по-видимому, рассматривалось как ослабление позиций епископов, и с обычной для инквизиторов дерзостью в расширении своей юрисдикции трибунал Куэнки хвастался или угрожал, что арестует епископа. Услуги действующего президента Педро де Кастро по предоставлению доказательств против Каррансы были слишком недавними, чтобы позволить ему быть убитым его собственной петардой, и Вальдес в письме от 17 июня 1560 года упрекнул трибунал в его чрезмерном служебном рвении. [241] Мы видели, как епископы на Тридентском соборе пытались защитить себя, сохранив за папой исключительное право выносить приговор, но это мало помогло, когда он присвоил себе право делегировать свою власть по своему усмотрению. Когда Сикст V 25 января 1586 года дал поручение кардиналу эрцгерцогу Альберту Австрийскому в качестве генерального инквизитора Португалии, оно конкретно подчинило архиепископов, епископов и патриархов его юрисдикции и юрисдикции

его подчиненных. [242] Поскольку Португалия находилась под властью испанской короны, это послужило прецедентом, когда в декабре 1629 года инквизиция пожелала привлечь к ответственности Гавино Маллани, архиепископа Ористано на Сардинии, против которого были собраны доказательства того, что с момента его хиротонии в 1627 году он ни разу не исповедовался и не служил мессу, что он был богохульником, что у него был знакомый демон, заключенный в кольцо, и так далее. Супрема представил Филиппу IV португальскую комиссию и попросил его поручить своему послу подготовить аналогичную комиссию для Испании или, если это не удастся, получить специальную справку по делу Маллани. Филипп приказал составить необходимое письмо для его подписи, но эта попытка не увенчалась успехом. Маллани, вероятно, был отправлен в Рим с доказательствами, поскольку в 1635 году он был свергнут, а его преемником стал Педро Вико, хотя умер он только в 1641 году. [243] Несмотря на это признание отсутствия юрисдикции над епископами, мы видели (Т. I, стр. 501), что в ссоре с Манджарре де Эредиа, епископом Майорки, в 1668 году генеральный инквизитор Нитхард заявил, что инквизиция может привлечь его к уголовной ответственности. У него хватило наглости заявить в консультациях от 5 февраля 1668 года, что обладание этой властью было настолько печально известным и настолько прочно закрепилось на практике, что не требовало ни аргументов, ни демонстраций, и увлеченная королева-регентша поддержала его, вызвав епископа на суд. Несмотря на неблагоприятное решение в Риме, инквизиция продолжала судебное преследование даже после изгнания Нитхарда, и разбирательство прекратилось только со смертью епископа. [244]

Следующим делом, в котором инквизиции пришлось иметь дело с епископом, было дело, привлечшее в то время большое внимание, — дело Хосе Фернандо де Торо, епископа Овьедо. Позже нам придется рассмотреть это в его связи с иллюминизмом и молинизмом, и здесь нужно только сказать, что он был адептом опасного мистицизма, который ошибочно принимал побуждения чувств за божественные импульсы и учил, что единение с Богом дарует безупречность. В его вине не было никаких сомнений, поскольку он свободно признался в суде, и инквизиция не ставила под сомнение исключительную папскую юрисдикцию. После тщательного расследования генеральный инквизитор Ибаньес де ла Рива Эррера оформил массу свидетельских показаний и отправил их Клименту XI 27 ноября 1709 года. 7 июня 1710 года Климент санкционировал тюремное заключение Торо и судебное преследование по этому делу, результаты которого должны быть отправлены ему. После смерти Ибаньеса его преемнику Джудиче было направлено новое поручение; в 1714 году Климент разрешил Торо приехать в Рим, но это было сделано только в 1716 году, когда он был заключен в замок Сант-Анджело, а суд над ним затянулся до 1719 года. Приговор был вынесен 27 июля с теми же церемониями, что и приговор Каррансе, записи которого были изучены с этой целью. [245]

ЗАЯВЛЕННАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Хотя инквизиция, таким образом, свободно признала свою некомпетентность судить епископов, в следующем произошедшем случае она заявила о своей полной юрисдикции. Мануэль Абад Кейпо был избран епископом Мехоакана (Вальядолид) в Мексике, где, хотя и не был рукоположен, он был принят капитулом и управлял епархией в качестве епископа, в 1810 году отлучив Идальго и его последователей от церкви, что было подтверждено архиепископом Лигамой-и-Бомонтом. [246] Таким образом, он был полностью признан епископом, и, вероятно, беспокойное состояние страны во время восстания Идальго и Морелос помешало собранию епископов для его хиротонии. В бурный период он нажил себе врагов, и против него был подан

анонимный донос в мексиканский трибунал. Он собрал доказательства и 31 августа 1814 года направил их Верховному суду, который передал их Мадридскому трибуналу для расследования и отчета.

Вопрос об ответственности избранных епископов довольно сложен и зависит от того, было ли представление королем или избрание капитулом и конфирмация папой, [247] но, похоже, что Кейпо не был объектом расследования инквизиции, и обвинения в ереси не касались его. Мадридский трибунал признал это в своем отчете от 27 октября 1814 года, заявив, что его следует привлечь к ответу, при условии, что его ведомство не будет препятствовать, в то же время признав, что обвинения были вызваны враждой и что в лучшем случае он был небрежен в поведении и руководстве. Кейпо вернулся в Испанию, и 12 февраля 1816 года Верховный суд приказал трибуналу приступить к делу. Он отказался признать юрисдикцию; трибунал 16 мая признал его доводы недействительными, а Верховный суд 2 сентября заявил, что никто не может подвергать сомнению его действия; когда он однажды объявил себя компетентным судьей, ни одно частное лицо не могло оспаривать это или препятствовать исполнению его постановлений. Это мог сделать только орган власти, чувствующий, что в его юрисдикцию вторглись, и, поскольку в королевстве таковых не было, он лишь наносил ущерб своему делу, которое в противном случае он мог бы ускорить и сохранить право отстаивать свои требования путем протеста, который был бы принят. Кейпо предложил ответить на обвинения во внесудебном порядке, но в этом ему было отказано, и ему сказали, что, если он не явится для полного ответа на них в течение трех дней, он будет привлечен к ответственности за неповиновение. Он уступил в знак протеста и был избавлен от унижения явки в инквизицию, поскольку инквизитору Зорилле было приказано проводить аудиенции в монастыре, где он проживал, но во время них ему было приказано не покидать его, а когда они закончились, он был отпущен на свободу с приказом являться в дом фискала, когда его вызовут. Таким образом, в конце своей карьеры инквизиция успешно утвердила свою юрисдикцию над епископом, но он отомстил. Очевидно, не случайно, что во время революции 1820 года Кейпо стал членом Временной хунты 9 марта, что в тот же день вынудило Фернандо VII издать указ о ликвидации Священной канцелярии. [248]

ГЛАВА IV.

ЭДИКТ ВЕРЫ.

Выше были сделаны случайные ссылки на Эдикты веры, благодаря которым трибуналы узнавали о преступлениях, подпадающих под их юрисдикцию. Это был один из наиболее эффективных методов, с помощью которых осуществлялась эта юрисдикция, и он был доведен до сознания людей как вездесущая сила. Это делало каждого человека агентом инквизиции, связанным страшными наказаниями, духовными и светскими, чтобы помогать ей в поддержании чистоты веры, и в то же время заставляло каждого человека осознавать, что малейшее его слово или поступок могут привести к судебному преследованию этим ужасным судом, само название которого внушало ужас. Не было изобретено более хитроумного устройства для подчинения целого населения, парализации его интеллекта и доведения его до слепого повиновения. Это возвело делацию в ранг высокого религиозного долга, это наполнило страну шпионами и сделало каждого человека объектом подозрений не только у его соседей,

но и у членов его собственной семьи и у незнакомца, которого он мог случайно встретить. Передаваясь из поколения в поколение, это не могло не наложить свой отпечаток на национальный характер. Даже Мариана, перечисляя результаты инквизиции, осмеливается сослаться на осторожную сдержанность, которая стала привычной среди испанцев. [249]

Несколько грубый прототип Эдикта веры встречается в старой инквизиции, когда инквизиторы посещали свои районы и в каждом городе созывали народное собрание, читали им проповедь и заставляли зачитывать эдикт, призывающий всех жителей выступить в течение определенного времени и раскрыть все, что может вызвать подозрение в том, что кто-либо является еретиком, под страхом *ipso facto* отлучения от церкви, снимаемого только ими самими или папой. [250] Хотя это номинально сохранялось в Арагонской инквизиции, этот институт стал настолько инертным, что мы можем предположить, что инквизиторы больше не посещали свои округа и не имели возможности издавать указы. В Кастилии, когда была основана инквизиция, эта практика, очевидно, была неизвестна, поскольку Инструкции 1484 года просто предписывают, что, когда инквизиторы открывают свой трибунал в каком-либо городе, после проповеди они должны опубликовать доклад с порицанием всех, кто им сопротивляется или противоречит. [251] Однако к 1500 году была обнаружена эффективность того, что стало известно как Эдикт веры, и генеральный инквизитор Деза, приказывая ежегодно посещать округа, указывает, что по прибытии в каждый город или деревню должен быть издан общий эдикт, призывающий тех, кто знает что-либо о ереси, выйти вперед и раскрыть это. [252] Форма этого, вероятно, была такой же, как та, которую в том же 1500 году издали инквизиторы Сицилии, доктор Сгаламбро и Монторо, епископ Чефалу, требуя от всех осведомленных о ереси разоблачить ее в течение пятнадцати дней, обещая доносчику хранить тайну и угрожая судебным преследованием как сторонников ереси тех, кто этого не сделал. [253] В Каталонии Конкордия 1512 года, содержащая ссылку на указ, требующий осуждения всех преступлений против веры, показывает, что это уже был установленный обычай, [254] хотя в 1514 году Инструкции генерального инквизитора Меркадера доказывают, что различные преступления, подпадающие под расширяющуюся юрисдикцию инквизиции, были конкретно перечислены, общего термина "ересь" больше не хватало. [255] Воздействие на людей этих прокламаций с их угрозами и анафемами ярко выражено в описании террора, вызванного публикацией эдикта, когда трибунал Хаэна совершил налет на Арьону. [256]

ПОДРОБНОСТИ УКАЗА

Поскольку с течением времени перед инквизицией открывались новые сферы деятельности, перечень преступлений, требующих доноса, превратился в длинный и подробный каталог, в котором были указаны все действия, по которым их можно было распознать, так что не могло быть оправдания упущению. Самая простая и древняя формула, с которой я встречался, - это формула, опубликованная в Мексике при учреждении инквизиции в 1571 году, и, ввиду ее сравнительной краткости, она приведена в Приложении. Впоследствии указ приобрел зловещие размеры, смысл которых можно понять из аннотации к нему 1696 года.

Оно начинается с перечисления того, что налоговый орган заявил, что в течение некоторого времени во многих местах провинции не проводилось посещений или расследований, в результате чего многочисленные преступления против веры остаются безнаказанными. Считая эту жалобу обоснованной, эдикт адресован каждому в отдельности, так что, если он узнал или услышал, что кто-либо, живой или мертвый, присутствующий или отсутствующий, совершил,

произнес или счел какой-либо поступок, слово или мнение еретическими, подозрительными, ошибочными, опрометчивыми, дурно звучащими, скандальными или еретически богохульными, это должно быть доведено до сведения трибунала в течение шести дней. Затем следует перечисление всех еврейских обрядов и обычаев; то аналогичных списков относительно мусульманство, протестантизм и Иллюминизм; затем, под заголовком “Diversas Heregias,” следуй за кощунство, с образцами еретических клятвы; сохранение или вызов знакомые демоны; колдовство; пакты молчаливым и выразил с дьяволом; смешивая для этого священные и мирские предметы и приписывая существо, которое принадлежит к Творцу; выйдя замуж за заказы; ведение женщин на исповеди; двоеженство; сказав, что нет греха в простой блуд, или ростовщичество, или лжесвидетельство, или, что внебрачное сожителство-это лучше, чем брак; оскорбление и жестокое обращение распятия и изображения святых; не веря или сомневаясь в любом Символе веры; оставшиеся в год под отлучением, или пренебрегши нареканий Церкви, прибегнув к астрологии, который описан в длину и произносится вымышлены, будучи виновным в колдовство, гадания, практики, которые описаны с поучительными богатство; иметь книги осудили в Индексе, в том числе лютеран и магометан, работ и Библии на народном языке; пренебрежение обязанностью осуждая того, что видел и слышал, или убеждать других, чтобы пропустить; давать ложные показания в Инквизиции; сокрытие или дружить с еретиками; препятствует инквизиции; удаление *sanbenitos* размещенные инквизиции; скинув *sanbenitos* или неисполнение епитимии от примирились кающихся, или они говорят, что они сознались в Инквизиции через страх, говоря, что эти услуги у Инквизиции были невинными мучениками; несоблюдение ограниченными возможностями примирились кающихся, их дети или внуки; владение писцов и нотариусов документов в отношении вышеперечисленных преступлений. Более того, исповедникам было приказано под тем же наказанием отказывать в отпущении грехов кающимся, которые не рассказали обо всех преступлениях, ставших им известными. [257] Это было довольно сложное грандиозное расследование, в котором для оказания помощи было призвано все население, и церемонии его публикации были разработаны так, чтобы сделать его как можно более впечатляющим.

В предыдущую субботу инквизиторы опубликовали прокламацию, требующую от всех лиц старше двенадцати лет (или четырнадцати в некоторых текстах) собраться для заслушивания эдикта, а в следующие воскресенья - для слушания анафемы под страхом отлучения от церкви и штрафа в пятьдесят дукатов. [258] В небольших городах это объявление было сделано городским глашатаем или, если таковых не было, путем уведомления от дома к дому. На следующий день, во время жертвоприношения во время мессы, указ должен был быть прочитан медленно, отчетливо и громким голосом, после чего священник должен был объяснить обязанность разоблачать все, что было известно о живых и мертвых, о них самих или о других, и опасность умолчания об этом; об этом нельзя было говорить, но следовало сделать прямо, даже если было известно, что это сделали другие, в противном случае следовало понести наказание. [259]

В крупных городах, особенно в местах расположения трибуналов, церемонии были более внушительными. В Севилье, например, днем в субботу перед вторым воскресеньем Великого поста фамильяры собрались верхом у замка Триана, где они образовали процессию с барабанщиками, трубачами и городским глашатаем, чтобы сопровождать мэра альгвасила и одного из секретарей инквизиции. Он проехал по городу, останавливаясь в восьми главных местах, чтобы опубликовать воззвание и распорядиться, чтобы в дни публикации и предания анафеме в других церквях не было проповедей. Затем, в те воскресенья, были приурочены

другие процессии, чтобы встретить инквизиторов у дверей кафедрального собора и Сан—Сальвадора - церковей, предназначенных для проведения церемоний. Внутри секретарь в положенное время взшел на кафедру и зачитал указ; последовала проповедь, а затем месса возобновилась. [260]

АНАФЕМА

Когда шесть дней, отведенных для доноса или признания, истекли, было сделано второе заявление, в котором повторялось первое и добавлялось, что фискал жаловался на то, что многие не выполнили его, и он потребовал вынесения порицаний в самой ожесточенной форме. Поэтому всем священникам был адресован эдикт, требующий от них во время торжественной мессы, когда соберется народ, публично объявить отлученными от церкви и предать анафеме всех, кто не подчинился первому эдикту, окропля святой водой, чтобы изгнать демонов, которые держали их в своих трудах, и моля Христа вернуть их в лоно Церкви. Если они упорствовали в неповиновении, всем верующим христианам было приказано в течение трех дней прекратить всякое общение с ними под страхом аналогичного отлучения. Как те, кто должен был исповедаться, так и те, кто должен был донести, но кто продолжал упорствовать, были вовлечены в анафему, произнесенную в третье воскресенье.

Это была внушающая благоговейный трепет торжественность. Духовенство шествовало крестным ходом; крест был покрыт черным, а два пылающих факела стояли на алтаре, где священники стояли в глубоком молчании во время чтения проклятия.— “Мы отлучаем и предаем анафеме, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, в соответствии с законом, всех еретиков-отступников от нашей святой католической веры, их наставников и укрывателей, которые не раскрывают их, и мы проклинаем их, чтобы они были прокляты как прислужники дьявола и отделены от лона и единства святой Матери-Церкви. И мы приказываем всем верующим считать их таковыми и проклинать их, чтобы они могли впасть в гнев и негодование Всемогущего Бога. Пусть все проклятия и язвы Египта, постигшие царя фараона, обрушатся на них за то, что они не повинуются заповедям Божиим! Да будут они прокляты, где бы они ни были, в городе или в деревне, в еде и питье, наяву и во сне, в жизни и смерти! Пусть будут прокляты плоды их земель и их скот! Пусть Бог пошлет им голод и мор, чтобы истребить их! Пусть они станут посмешищем для своих врагов и вызовут отвращение у всех людей! Пусть дьявол будет по правую руку от них! Когда они придут на суд, пусть они будут осуждены! Пусть они будут изгнаны из своих домов, пусть их враги заберут их имущество и одержат над ними верх! Пусть их жены и дети восстанут против них и станут сиротами и нищими, и некому будет помочь им в их нужде! Пусть их злодеяния всегда будут вспоминаться в присутствии Бога! Пусть они будут прокляты всеми проклятиями Ветхого Завета и Нового! Пусть проклятие Содомы и Гоморры настигнет их и их огонь сожжет их! Пусть земля поглотит их живьем, как Дафана и Авирamu за грех непослушания! Пусть они будут прокляты, как Люцифер, со всеми дьяволами ада, где они навсегда останутся с Иудой и проклятыми, если не признают свой грех, не будут молить о пощаде и исправлении своей жизни!” Тогда люди ответили: Аминь! в то время как духовенство снова шествовало процессией, распевая псалмы *Deus laudem team* и *Miserere*, к часовне или алтарю. Большие колокола зазвонили, возвещая о смерти, и несущие факелы погасили их в купели со святой водой, сказав: “Как эти факелы погаснут в воде, так и их души попадут в ад!” - и процессия возобновилась в ризнице. После этого действие эдикта продолжается: любой, кто знает эти вещи и не раскрывает их, и остается упрямо таким образом в течение года, считается подозреваемым в вере и подлежит судебному преследованию по всей строгости закона. [261]

Таким образом, все ресурсы религиозного терроризма были исчерпаны, чтобы внушить народному сознанию высшую обязанность осуждения родственников и друзей за малейший поступок или слово, которые могли бы вызвать подозрение в ереси или в различных классах преступлений, на которые инквизиции удалось распространить свою юрисдикцию. Верно, что постоянное злоупотребление анафемами в самых мелких ссорах с чиновниками, мирянами и клерикалами, должно быть, несколько притупило их действие. Верно также, что казуистика в начале семнадцатого века без труда доказала, что, когда обязанность доносить сопряжена с опасностью для жизни или репутации, естественный закон самозащиты берет верх над позитивным законом доноса с его угрозой отлучения от церкви. [262] Тем не менее, для тех, кто не обучен таким тонкостям и кто свято верит в силу ключей, было невозможно, чтобы это ужасное нагромождение проклятий, светских и духовных, не преодолело естественную привязанность и человеческую доброту. Инквизиция не была виновата в том, что Испания не превратилась в нацию шпионов и осведомителей, в которой ни один человек не мог доверять своим близким.

ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Эдикт веры публиковался ежегодно, в воскресенье Великого поста, в городах, которые были резиденцией трибунала, а в прежние времена и в других местах, когда инквизиторы отправлялись с визитами; действительно, в 1560 году нам сказали, что от него было мало пользы, если инквизиторы не посещали свои районы, поскольку люди не брали на себя труд и расходы, приезжая издалека, и публикация рассматривалась как главная цель приезжающего инквизитора, которому было поручено следить за тем, чтобы это делалось как в монастырях, так и в церквях. [263] Посещение своих округов, как мы увидим, было обязанностью, которую инквизиторы больше всего не любили, от которой они по возможности уклонялись, а с развитием почтовой связи стало проще и оперативнее отправлять напечатанные указы комиссарам для распространения. Каково было общее количество осадков, ежегодно выпадавших таким образом на землю, мы не имеем возможности узнать, но оно, должно быть, было большим. В 1595 году инквизитор Аревало де Суазо, сообщая о своем посещении горных епархий Уржеля, Вича и Сольсоны, утверждает, что он распространил шестьсот экземпляров среди приходских церквей, помимо того, что лично издал его во всех городах. Из счета типографии от 7 июня 1759 года, когда обычай приходил в упадок, следует, что в Валенсии было напечатано четыреста экземпляров, а список церквей города, в которых он был размещен, составил шестьдесят три. [264]

Это устройство было распространено не только в Испании, хотя Рим несколько запоздал с его внедрением. Конгрегация инквизиции издала 3 января 1623 года краткий эдикт, предписывающий в течение двенадцати дней осудить всех еретиков под страхом отлучения, снимаемого только ею или папой римским. [265] За этим 10 января 1666 г. последовало еще одно, более подробное, с указанием преступлений, подлежащих осуждению. Она была универсальной по своему характеру и поэтому применялась к Испании, но, как обычно, испанская инквизиция сохранила свою независимость и продолжала использовать свои собственные, более сложные формулы. [266]

Хотя ежегодное издание оставалось правилом, время от времени случались перерывы. Например, в 1638 году он был приостановлен без объяснения причин, а затем снова в 1689 году в связи со смертью Марии Луизы, жены Карлоса II. [267] Местные причины также иногда

вмешивались в это, особенно когда возникали вопросы этикета, как тот, который мы видели в Вальядолиде в 1635 году, по поводу того, следует ли при его чтении кланяться причастию или инквизиторам. Шестнадцать лет спустя нам сообщают, что с тех пор эдикт в Вальядолиде не зачитывался и что, как следствие, во время визитов инквизиторов в других местах его отказывались зачитывать на том основании, что это было сделано не в городе, где существовал трибунал в полном составе. [268] Аналогичная проблема возникла в Кито, потому что аудиенция отказалась предоставить комиссару инквизиции место с подушкой во время чтения; по этому поводу в 1699 и снова в 1700 годах он обращался к вице-королю, заявляя, что вследствие этого прошло много лет с тех пор, как там был опубликован эдикт. [269]

Со снижением активности инквизиции к концу восемнадцатого века в ежегодных публикациях стала проявляться небрежность. В 1775 году Верховный суд распорядился, чтобы в отношении этого не было никаких изменений. Документ 1777 года указывает на то, что это все еще было обычным делом, но по запросу Верховного суда в 1784 году, было ли оно приостановлено, показывает, что оно теряет актуальность, а другой документ 1806 года, в котором спрашивается, сколько времени прошло с момента прекращения публикации, указывает, что оно устарело. [270]

ЕГО ВЛИЯНИЕ

Эффективность Эдикта веры неоспорима, хотя в 1578 году инквизитор Франсиско де Рибера, сообщая о своем посещении епархий Жероны и Эльне и опубликовании его в местах, которые никогда ранее не посещались, жалуется, что это не расположило людей к доносам, что он приписывает их ограниченному интеллекту. [271] В более просвещенных центрах его эффективность проявляется в частоте, с которой обвинители предваряют свои обвинения заявлением о том, что их внимание было привлечено к выполнению долга публикацией указа. Это, естественно, заставляло людей рыться в своей памяти в поисках того, что они видели или слышали о различных преступлениях, столь тщательно перечисленных и описанных. Например, эдикт был опубликован в Мадриде 4 сентября 1569 года, а на следующий день Ханс де Эвало предстал перед инквизитором, чтобы осудить Ханса Брунсви и Костансио, двух членов королевской гвардии Тудеска, за вещи, которые он слышал и знал о них, но о которых он ничего не думал, пока не услышал оглашение эдикта. [272] То же самое касалось стимулирования самоотречения, будь то из-за угрызений совести или страха обвинения со стороны других. Таким образом, в 1581 году у нас есть два следующих друг за другом дела, в которых Хуан Гонсалес и Бартоломе Бенито обвиняют себя в том, что в разговоре со своими женами утверждали, что блуд не является грехом, за что оба были должным образом наказаны и оштрафованы. За женами послали, и они подтвердили признания, которые мы можем с уверенностью объяснить опасением, что супруги могут быть склонены к доносу на них. [273]

Привычка к разглашению, которой испанец был таким образом обучен, сохранилась и после того, как Эдикт веры перестал публиковаться, и была усилена гарантией неприкосновенности благодаря глубокой секретности, которая лишала обвиняемого какой-либо информации о его обвинителе. Протоколы трибуналов показывают, как они приветствовались, какими бы неубедительными ни были доказательства и через сколько месяцев они прошли. Так, 5 января 1816 года доминиканец фрай Висенте Манендо пишет трибуналу Барселоны, что он слышал, как Джозеф Кастеллар из Манллеу сказал, что в день Пасхи 1815 года он обсуждал какие-то

незавершенные судебные процессы с адвокатом Бальдерихом, когда пришло время слушать мессу, и он сказал “Пойдем на мессу”, на что Бальдерих ответил презрительным выражением лица. Поэтому комиссару в Панеладе были немедленно направлены инструкции придать доносу официальную юридическую форму для судебного преследования Балдериха. Таким образом, информаторам не приходилось утруждать себя тем, чтобы заявлять об этом лично, и средства для доносительства были доставлены к дверям каждого человека. Таким образом, 28 июня 1807 года доктор Педро Регуарт из Сурии написал в суд Барселоны, что у него есть донос, и просит направить кому-нибудь в Сурию комиссию для его получения. Соответственно, приходскому священнику Сурии были отправлены подробные инструкции, когда были сделаны показания о том, что восемнадцать месяцев назад в клинике в Барселоне Регуарт видел у студента по имени Педро Ситзас книгу под названием "Эусебио", которая, как он понял, была запрещена, а год назад он также видел экземпляр в руках другого студента по имени Хайме Колль. В данном случае трибунал, проявив редкую сдержанность, лишь приказал своему судебному приставу изъять книги, находившиеся в руках студентов. [274] Обвинители были так тщательно защищены от признания, что когда в 1818 году дон Франсиско де Мора, лейтенант артиллерии в отставке, обвинил дона Томаса Санса из того же корпуса в трибунале Валенсии, потому что в непринужденной беседе между ними он утверждал, что в прелюбодеянии нет греха, и когда Мора оказался вынужден свидетельствовать, что другой офицер, Мануэль де Мора, был вынужден признать, что другой офицер, Мануэль де Мора, был обвинен в прелюбодеянии. Морено присутствовал, трибунал прекратил дело по его просьбе, потому что Морено мог бы назвать источник обвинения. [275]

Сама тривиальность этих случаев является мерой их важности. Не только иудействующий конверсо или тайные протестанты, но и вся католическая нация подверглась преследованию и позору за необдуманное слово, осуждение которого предписывалось Эдиктом веры и требовалось непроницаемой секретностью трибунала. Тень Святой Канцелярии лежала на земле, и никто не мог быть уверен, что товарищ, которому доверяют, в любой момент не может стать шпионом и доносчиком или не повторит неосторожного слова, пока оно не дойдет до кого-то, кто осознает непреложный долг, возложенный на всех, — долг, более глубоко ощущаемый добросовестными людьми, чем людьми легкой морали.

ЕГО ВЛИЯНИЕ

Более того, существовала фатальная возможность безопасного удовлетворения злого умысла, как в случае с доном Джозефом дель Кампильо, чьи заслуги вывели его из безвестности на должность министра финансов при Филиппе V в 1740 году. В 1726 году, занимая ответственный пост в управлении военно-морского флота, он поссорился с геронимитом фрейле из-за того, что тот занимал дом. Фрейле немедленно собрал сплетни о нем, особенно от распутного капеллана, которого он уволил со службы, и все это было одобрено трибуналом Логроньо, который начал собирать показания против него с целью судебного преследования. Это дошло до его ушей из хвастовства фрейлов о том, что они сделали, и глубокий ужас, охвативший его при мысли о том, что он будет обесчещен на всю жизнь из-за простого подозрения, что его могут привлечь к ответственности, показывает, какое ужасное оружие система поставила на службу злобе. [276]

В жизни нации внешние бедствия можно пережить, и преодоление их последствий - всего лишь дело времени. Гораздо более длительными и ошеломляющими являются результаты

постоянной и неослабевающей бдительности, которая стремится проникнуть в тайну сердца каждого человека, контролировать его мысли, подавлять их выражение, пресекать любые попытки свернуть с проторенного и предписанного пути, разрушить взаимное доверие и заставить каждого человека рассматривать своих собратьев как возможных разрушителей его репутации и карьеры. Такова была система, навязанная Испании инквизицией, и ее соответствующее выражение можно найти в Эдикте веры.

ГЛАВА V.

ОБРАЩАЕТСЯ К РИМУ.

До тех пор, пока акты испанской инквизиции не были окончательными, а подлежали пересмотру римской курией, ее юрисдикция была неполной. Чтобы освободиться от этого, она боролась более двух столетий, чему безоговорочно способствовала вся мощь испанской короны. Это затянувшееся и запутанное состязание полно интереса и заслуживает несколько детального изучения.

Вскоре после того, как инквизиция приступила к своей работе, на монархов посыпались жалобы на ее безжалостную жестокость. Как нам сказали, они разослали по округе нескольких добросовестных прелатов для расследования и отчета, которые сообщили им, что в Андалусии заброшено четыре тысячи домов, но это, по-видимому, только разожгло пыл Изабеллы, и дело защиты веры продолжалось с неослабевающей энергией. [277] Единственным убежищем жертв был Святой Престол, который всегда был открыт для обжалования приговоров инквизиции.

АПЕЛЛИРУЕТ К РИМУ

Папское превосходство основывалось на универсальной верховной юрисдикции, первоначальной и апелляционной, Рима во всех вопросах веры и неограниченной сфере ведения дел, зависящих от веры. Это было постепенно приобретено в течение темных веков и усиленно поддерживалось, поскольку это был источник богатства, а также власти, и без этого римский епископ быстро скатился бы к своему первоначальному примату чести. Нельзя было ожидать, что он откажется от этого, особенно в интересах инквизиторов, юрисдикция которых была делегирована от него и чьи претензии на превосходство над епископами основывались на том, что функции последних были просто “обычными”, в то время как их были “апостольскими”. ” Это правда, что Николай V в своей предполагаемой Кастильской инквизиции 1451 года предоставил юрисдикцию без апелляции, но это могло быть отозвано в любое время, и вся попытка была так скоро забыта, что в последующем споре об этом никогда не упоминалось. В Старой инквизиции апелляции к папе были признаны, но это был сложный и дорогостоящий процесс, доступный только тем, кто знаком с каноническим правом, и, поскольку жертвами тогда были в основном крестьяне или миссионеры-аскеты, к нему редко прибегали и еще реже добивались успеха.

Однако теперь ситуация была совершенно иной. Подвергшийся нападению класс состоял в основном из людей богатых или образованных - торговцев, банкиров, юристов, высокопоставленных чиновников, теологов и прелатов, способных воспользоваться услугами опытных канонистов и готовых пожертвовать частью своего состояния, чтобы спасти своих людей от костра и их поместья от конфискации. Более того, курия того периода была печально известна бесстыдной продажностью — местом, где продавалось все, от кардиналов до помилований, и где верховная юрисдикция папства использовалась в максимальной степени. Проницательным конверсосам не потребовалось много времени, чтобы понять, что милосердие, в котором им отказали в Испании, можно купить на открытом рынке Рима, и курия, которая оплакивала упущенную возможность участвовать в конфискациях, приветствовала перспективу продажи освобождений от конфискации.

Таким образом, все указывало на осуществление высшей апелляционной юрисдикции Святого Престола, которая серьезно ограничила бы деятельность испанской инквизиции или, по крайней мере, ограничила бы ее теми, чья бедность делала их невыгодными объектами преследования. Фердинанд вскоре осознал ситуацию и проявил мало почтения к папству, оказав решительное сопротивление защите, которую оно предоставляло всем претендентам.

ПИСЬМА - ИСПОВЕДИ

Самое раннее обращение, естественно, было в папскую тюрьму. Уже давно вошло в привычку продавать письма-исповеди, дающие право любому исповеднику, которого мог выбрать покупатель, отпустить ему все грехи, включая те, которые принадлежат Святому Престолу. Первоначально они считались полезными только на форуме совести, но был легко сделан следующий шаг, чтобы сделать их эффективными и на судебном форуме, таким образом предвосхищая или отменяя действия судов и продавая иммунитет к преступлению, а также прощение грехов. [278] Получение таких писем для кого-либо не составляло труда, и "Конверсос" запрашивали их как средство предварительной защиты и отмены приговоров после вынесения обвинительного приговора. В Приложении вы найдете образец, выданный 4 декабря 1481 года Главной тюрьмой Севильи Франсиско Фернандесу, его жене и матери. Предполагается, что оно выдается по прямому указанию папы римского и уполномочивает получателя выбрать любого исповедника, который после тайного отречения может отпустить ему грехи за все акты ереси, отступничества, рецидива и догматизма, а также отменить все приговоры, кем бы они ни были вынесены после суда и осуждения, заново интегрировать его в Церковь, смыть все пятна ереси, восстановить его во всех его правах и освободить от всякого наказания, наложив на него только спасительную епитимью, которая в тот период понималась как денежная выплата в пользу бедных, *то есть* Церковь или ее члены. Последний пункт предоставляет дальнейшую возможность преодолевать любое противодействие путем применения порицаний под папской властью.

Фердинанд и Торквемада не могли допустить, чтобы инквизиция была доведена до бессилия спекулятивной деятельностью курии по продаже таких льгот, которые были не только хороши для будущего, но и имели обратную силу, аннулируя ее действия. Никакое почтение к Святому Престолу не могло удержать их от того, чтобы обрушить свой гнев на всех, кто был заинтересован в осуществлении этого покупаемого помилования. Мы имеем представление о методах, принятых обеими сторонами в нотариальном акте, очевидно, являющемся частью процесса аннулирования папского письма несколько иного рода и наказания лиц, причастных к

его использованию, повествование показывает, что все заинтересованные стороны чувствовали, что они подвергаются серьезной опасности. Нотариус Антон Пелаес утверждает, что в Херес-де-ла-Фронтера он получил от герцога Медина-Сидония письмо от 16 апреля 1482 года, в котором его приглашали в Сан-Лукар-де-Баррамеда для оформления определенных деловых бумаг. Он пошел и, когда занимался ими в доме Хуана Матеоса, 20 апреля в 14 часов дня гонец вызвал его к герцогу, которого он застал в компании герцогини, Теньенте де Бора, брата Томаса, приора ордена Санта-Мария-де-Баррамеда, и других. Затем вошел Хуан Феррандес из Севильи, контадор герцога, или аудитор, неся буллу со свинцовой печатью, как говорили, от папы римского Сикста IV, и приказал Пелаесу прочитать ее приору. Он был встревожен и отказался, но в конце концов уступил мольбам герцога и герцогини. Тогда отец Томас отказался принять это, поскольку инквизиторы устно запретили ему, и пообещал представить запрет в письменной форме в течение восьми дней. Герцогиня в гневе покинула комнату, но через четверть часа Феррандес привел Фернандо де Троксильо, приора университета Хереса, а не церкви Сан-Сальвадора, как описано в булле. Герцог сказал ему, что это не имеет никакого значения, и призвал его принять это, обняв его и пообещав, что он обнажит весь свой ранг и достоинство, чтобы возместить все, что он может понести лично или имущественно. Троксильо принял быка с величайшим почтением и поцеловал его. Затем, как апостольский судья по этому делу, он приказал Хуану Матеосу, куратору и викарию Сан-Лукара, освободить Феррандеса и его жену от любого приговора об отлучении от церкви, интердикте, временном отстранении от должности и т.д., наложенного на него инквизиторами, под его поручительство, которое было незамедлительно предоставлено Гонсало Пераесом, Руем Перраесом и Ферраном Рикелем, поклявшись, что Феррандес будет выполнять предписания Церкви, как того требует булла. После этого Троксильо, как апостольский судья, приказал Хуану Матеосу отпустить грехи Феррандесу и его жене, что было должным образом исполнено. Адвокаты герцога составили запрет инквизиторам, которым заинтересовался обвиняемый; герцог хотел, чтобы Троксильо подписал его, но обвиняемый в частном порядке посоветовал ему не делать этого, пока он не проконсультируется со своим адвокатом в Хересе, и сделал ли он это или нет, обвиняемый сказать не мог. [279]

ВЛАСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Это дает нам представление о борьбе за спасение от инквизиции изнутри, которая происходила в каждом уголке страны. Это было бесполезно, поскольку эти папские письма были проигнорированы, и покупатели не могли рассчитывать на возмещение ущерба со стороны курии, поскольку папа Сикст без зазрения совести бросал своих покупателей. Это был прибыльный бизнес - распоряжаться льготами, а затем позволять аннулировать их за определенное вознаграждение. Таким образом, обе стороны вносили свой вклад в папскую казну, и, поскольку в конце концов все это поступало от Конверсос, курия косвенно получала свою долю конфискации, а инквизиция была ограничена лишь номинально. Один из способов добиться этого раскрывается в индульгенции cruzada, предоставленной 8 марта 1483 года якобы в помощь войне с Гранадой, но, поскольку Сикст выторговал треть выручки, его доля была достаточным стимулом для пожертвования покупателями его писем-исповедей. Специальный пункт индульгенции уполномочивал любого исповедника освободить ее владельца — цена составляла шесть реалов — за убийство или ограбление тех, кто обращается в римский суд, или за предотвращение исполнения папских писем, или за запрещение нотариусам составлять акты, касающиеся таких писем, или за задержание их у тех, кому они

принадлежали, — все это, очевидно, было составлено для того, чтобы позволить суверенам аннулировать папские записки любым способом, который они сочтут наилучшим. [280]

И все же, хотя Сикст, таким образом, довольствовался, за умеренную компенсацию, разрешением задерживать или убивать тех, кто добивался его суда, и презрительным аннулированием его писем, все же, когда их рынку угрожало утверждение, что Тюрьма была всего лишь судом совести и ее отпущения грехов были хороши только на внутреннем форуме, его негодование вырвалось наружу в булле от 9 мая 1484 года, клеймящей все подобные мнения как упрямые и святотатственные. Пенитенциарий, заявил он, может даровать отпущение грехов в любом суде, а те, что касаются судебного форума, хороши как в духовных, так и в светских судах. Это чудовищное предположение, которое требовало от Пенитенциарного учреждения права предвосхищать или отменять решение любого уголовного суда в Европе в пользу преступников, которые могли заплатить умеренную плату, требуемую за его письма, было не просто временной политикой, принятой Сикстом по этому случаю. Однажды утвержденная, она была продолжена. Павел III 5 июля 1549 года подтвердил буллу 1484 года и подверг анафеме в булле *in Coena Domini* всех, кто ставил под сомнение действительность таких писем; когда они ограничивались форумом совести, они были запечатаны и адресованы исповеднику, когда предназначались для судебного форума, они были патентованными. Поскольку Павел умер 10 ноября 1549 года, до публикации этого краткого изложения, оно было подтверждено и выпущено 22 февраля 1550 года Юлием III. [281] Неизменной целью Святого Престола того периода было продолжать этот прибыльный бизнес по продаже помилований до тех пор, пока на них можно было найти покупателей; они продолжали преследовать инквизицию, и мы увидим, какие суровые меры Фердинанд счел необходимыми для их подавления. И все же Фердинанд был оправдан, а курия осудила себя за то, что, когда Римская инквизиция была реорганизована и обнаружила, что ее деятельности аналогичным образом препятствуют письма Пенитенциарного учреждения, она приказала, 26 сентября 1550 г., своим подчиненным не обращать на них внимания. [282]

Тем временем борьба в Испании продолжалась. В 1482 году Изабелла обратилась к Сиксту с просьбой наделить ее инквизиторов полномочиями выносить окончательные приговоры, которые не должны подлежать пересмотру или обжалованию. 23 февраля 1483 года он ответил, что посоветуется со Священной коллегией, результатом чего стала булла от 25 мая, в которой он предоставил Иньиго Манрике, архиепископу Севильи, апелляционную юрисдикцию инквизиторов, назначив его вместо папы Римского от испанских владений. [283] Этот прием не принес облегчения *Conversos*. Инквизиторы не отнеслись к нему с уважением, и потенциальные апеллянты обнаружили, что ехать в Севилью для пересмотра их дел архиепископом небезопасно. То же самое было и с отпущенческими грамотами, которые продолжали выдаваться; ими пренебрегали, и многие беглецы, раздобывшие их, по возвращении обнаружили, что их чучела были сожжены во время их отсутствия и что документ, на который они опирались, не помог. Им нужно было что-то большее, и Сикстус был не прочь предоставить это. Уже 2 августа вслед за буллой от 25 мая он издал другую, за которую, как мы можем с уверенностью предположить, *Conversos* щедро заплатились, поскольку в ней он сослался на Рим по всем незавершенным апелляционным делам, он приказал испанским епископам защищать любыми способами носителей папских грамот об отпущении грехов, вплоть до обращения к светской власти, и он умолял Фердинанда и Изабеллу проявить милосердие к своим подданным, поскольку они надеялись на милосердие от Бога. [284]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Все, что было заплачено за это, было деньгами, напрасно брошенными в бездонное море курии. Одиннадцать дней спустя с бесстыдной наглостью Сикст написал государям, что указ был издан без надлежащего обсуждения и что он приостановил его действие. Это восстановило Манрике в должности апелляционного судьи, а Хуан Севильский, который ранее обращался к епископу Эворы с жалобой на размножение, вместе со своими товарищами предстал перед архиепископом, который осудил их. [285] Золото жертв было напрасно потрачено против неизменной воли суверенов, поскольку Святой Престол без колебаний продавал льготы и отказывался от покупателей. Делегация к архиепископу Манрике никоим образом не предполагала, что Сикст отказался от своей собственной прибыльной апелляционной юрисдикции, и для поощрения апелляций было необходимо выразить возмущение, когда инквизиторы оценили действия папы по их истинной ценности. Насколько мало они это уважали, видно из краткого отчета от 4 июля 1484 г., адресованного инквизиторам Мигелю де Морильо и Хуану де Сан-Мартину, в котором говорится, что декан Мондоньедо, два каноника Севильи и несколько других, которых они преследовали и на чье имущество наложили арест, подали апелляцию от них; что Сикст передал дела епископу Террачины и некоторым аудиторам Священного Дворца, по чьей просьбе инквизиторам было приказано прекратить разбирательство, даровать отпущение грехов *ad cautelam* и отменить приговор. арест, который лишил стороны средств для рассмотрения апелляции; что инквизиторы не только категорически отказались подчиняться и сохранили за собой имущество, но и вынудили апеллянтов под присягой и угрозой порицания не подавать апелляцию в суд и даже не писать в Рим на том основании, что они обладают юрисдикцией и вынесут решение. Поэтому Сикст объявляет недействительными все судебные разбирательства с момента издания запретительного приказа и запрещает дальнейшие действия под угрозой отлучения от церкви; наложение ареста должно быть отменено, а все бумаги должны быть отправлены в Рим. [286] Не было никаких причин, по которым это должно требовать большего повиновения, чем предыдущий приказ, и мы можем быть уверены, что в результате дела апеллянтов обстояли не лучше. Этот случай представляет интерес только как пример бесчисленных других, которые приносили обильный урожай чиновникам курии, не принося облегчения жертвам, которые были подобны волану между двумя сражающимися сторонами, доставляя удовольствие игрокам, поскольку их гоняли от одного к другому.

Должность архиепископа Манрике в качестве апелляционного судьи, должно быть, также была прибыльной, поскольку после его смерти в 1485 году папский вице-канцлер Родриго Борджиа горячо добивался престолонаследия, и его получил папский вице-канцлер Родриго Борджиа, но у Фердинанда был опыт общения с ним в Валенсии, и монархи так настойчиво протестовали, что он был вынужден отказаться в пользу их кандидата, кардинала Уртадо де Мендосы, епископа Паленсии. [287]

Сикст IV умер 12 августа 1484 года, и ему наследовал Иннокентий VIII. Инквизиция могла надеяться на улучшение ситуации, но была полна решимости сопротивляться с большей энергией, чем раньше, если новый папа будет подражать своему предшественнику. В серии инструкций, изданных 6 декабря 1484 года, Торквемада предоставил агента-резидента в Риме, расходы которого должны были покрываться за счет конфискаций; он пожаловался на экстраординарные и незаконные письма, столь щедро выдаваемые Сикстом, и объявил, что монархи приостановят действие таких писем, но эти действия будут отложены до тех пор, пока

не выяснится, продолжает ли Иннокентий столь пагубную практику. [288] Иннокентий, должно быть, уже представил доказательства того, что его методы были такими же, как у Сикста, поскольку менее чем через десять дней Фердинанд издал 15 декабря "дикую прагматику", гораздо более решительную, чем предсказывал Торквемада, поскольку она предписывала смерть и конфискацию для всех, кто должен был использовать такие письма, будь то исходящие от папы или его подчиненных, если они не должны были получать соответствующие письма. королевская экзекватура, а также все нотариусы и писцы, которые должны были действовать в соответствии с ними или составлять их расшифровки, были лишены своих должностей. [289]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Как само собой разумеющееся, смена понтификов не привела к изменениям в прибыльном бизнесе, за исключением того, что, возможно, при Иннокентии практика взятия денег и предательства тех, кто их платил, стала более бесстыдной, чем раньше, и обещания обеим сторонам давались и нарушались с еще большей легкостью. С этой целью была предпринята забота о сохранении папской юрисдикции, поскольку, когда нового папу попросили подтвердить или продлить полномочия Торквемады и у него попросили полномочий игнорировать исключения, выданные незаполненными для заполнения имен, и отпущения грехов, выданные на основании ложных признаний, и другие злоупотребления, всячески препятствующие инквизиции, Иннокентий остался глух к этому, и комиссия была только продлена, а не расширена. [290] Затем монархи взяли на себя власть, которой лишен Торквемада, и 29 июля 1485 г. выпустили циркулярные письма, адресованные всем церковным властям, в которых рассказывалось, как, к скандалу религии, пренебрежению королевским превосходством и нанесению ущерба *fisc*, некоторые партии получили буллы, рескрипты, положения и исповедальные письма от Сикста IV и Иннокентия VIII, чтобы защитить себя в своих преступлениях. Поскольку не следует предполагать, что папы сделали бы это сознательно, все подобные письма приостанавливаются до тех пор, пока папское намерение, после получения надлежащей информации, не будет установлено и исполнено. Между тем, такие судебные приказы не могут быть приведены в исполнение до тех пор, пока они не будут представлены суверенам на их утверждение. [291]

Нелегко проследить за быстрыми уступками папы, поскольку обещания, данные обеим сторонам, были беспристрастно нарушены почти сразу же после их получения, единственным объяснением чего было то, что обе стороны могли получить то, что они желали, при условии, что они были готовы заплатить то, что было запрошено. На некоторое время возобладало влияние Фердинанда и Изабеллы, и в торжественном повторении поручения Торквемады 24 апреля 1486 года Иннокентий распорядился, чтобы все апелляции подавались к нему, а не к Святому Престолу. [292] Еще более выразительной была позорная записка от 10 ноября 1487 г., в которой он объявил недействительными все письма, выданные Пенитенциарием, покупателей которых он таким образом передал инквизиторам, которым он разрешил действовать, несмотря на содержащиеся в них запреты. [293] Возможно, он осознал, что это нарушение доверия могло нанести ущерб рынку, уничтожив доверие, поскольку чернила на этом брифинге едва успели высохнуть, когда он выпустил другое, 27 ноября, приказав, чтобы при представлении таких писем они или их подлинные копии были отправлены с подробностями дела, и что до объявления его решения разбирательство должно быть приостановлено. [294]

Вслед за этим Фердинанд запретил инквизиторам принимать такие письма, несмотря на то, что их выпуск продолжался без перерыва, поскольку 17 мая 1488 года Иннокентий заявляет, что они недействительны, если не будут представлены в течение месяца с этой даты. [295] Одновременно с этим была выпущена тщательно продуманная булла того же числа, несомненно, приобретенная арагонскими конверсами, адресованная епископу Майорки, в которой излагались ежедневные обращения из королевств Арагона, которые направлялись судьям курии, которые издавали запреты инквизиторам. Поскольку это препятствовало инквизиции, папа собрал для себя все незавершенные дела и передал их епископу для решения без апелляции, его поручение продолжалось во время папского соизволения. [296] Мы можем обоснованно сомневаться, разрешал ли Фердинанд епископу выполнять эти функции; даже если бы он это сделал, Conversos мало что выиграли, поскольку добрый епископ умер примерно через шесть месяцев, и нет никаких следов назначения преемника.

Однако, когда Фердинанд хотел спасти тех, к кому он благоволил, от инквизиции, он иногда прибегал к получению для них папских грамот, которым он предоставлял свою экзекватуру. Он сделал это для своего казначея Габриэля Санчеса и для вице-канцлера Арагона Алонсо де ла Кабальерии; Габриэль Санчес также получил письма для своих братьев Алонсо и Гильена, которые Фердинанд одобрил, и в 1498 году столкнулся с некоторыми трудностями, помешав трибуналу Сарагосы арестовать и подавить их. [297] Еще более значительным было признание апелляционной власти Святого Престола в деле Гонсалво Альфонси, скончавшегося в 1493 году. *Совет федерации* не смог прийти к единодушию, и вместо того, чтобы передать дело Верховному суду, консультанты передали его Александру VI, который своим распоряжением от 13 августа назначил епископа Кордовы и бенедиктинского настоятеля Вальядолида решать это дело, в то же время запретив инквизиторам заниматься дальнейшим расследованием. [298]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

В 1492 году было достигнуто завоевание Гранады и умер Иннокентий VIII. Одно событие значительно повысило репутацию и влияние Фердинанда, а другое посадило на папское кресло Родриго Борджиа, более известного как Александр VI. Оба человека были беспринципны, но политическая ситуация свела их в тесных отношениях, а услуги, оказанные королем папе — или, возможно, еще больше, медвежья услуга, которую он мог оказать, — заставили последнего стремиться угодить ему. В 1494 году он подтвердил и расширил письма Иннокентия VIII, предписывающие подавать апелляции генеральному инквизитору, а не Святому Престолу. [299] Чтобы сделать это эффективным, он поручил, как мы видели, одному из генеральных инквизиторов, Франсиско де ла Фуэнте, в качестве апелляционного судьи рассматривать все дела. Протокол о назначении от 4 ноября 1494 года показывает, в какое запутанное положение эти вопросы были поставлены изменчивой и бесхитростной папской политикой, руководствующейся исключительно ожиданием выгоды. В нем говорится, что Иннокентий VIII по просьбе испанских подозреваемых в ереси передал их дела, как первоначальные, так и апелляционные, различным аудиторам Священного Дворца, где они оставались на рассмотрении из-за отсутствия доказательств, которые невозможно было получить в Риме, поэтому Иннокентий вызвал их всех к себе, но не назначил судью для их рассмотрения, и дальнейшего прогресса достигнуто не было. Кроме того, в соответствии со своими поручениями упомянутые аудиторы издавали письма обязательного характера, запрещающие и цитирующие инквизиторов и других должностных лиц, вследствие чего они были отлучены от церкви и обжаловали это. Поэтому, чтобы положить конец этим опасностям и скандалам, Александр

заново вспомнил все эти дела для себя и передал их ла Фуэнте вместе со всеми возникающими в будущем, предоставив ему полную власть для их окончательного рассмотрения. [300]

Тем не менее прибыльный бизнес по выдаче писем об отпущении грехов и повторной интеграции продолжался беспрепятственно, пока давление со стороны Испании, которого было недостаточно, чтобы ограничить их производство и продажу, по крайней мере, не побудило Александра предать тех, кто их купил. 29 августа 1497 года он издал буллу, в которой рассказывалось, как еретики, которые были сожжены в виде чучела, получили от него отпущение грехов, реабилитацию и освобождение от юрисдикции инквизиции, к возмущению верующих, поэтому по просьбе Фердинанда и Изабеллы он теперь отзывает и аннулирует все эти письма, за исключением "форума совести". [301] Даже это не удовлетворило Фердинанда, который под предлогом того, что папский секретарь по имени Бартоломмео Флоридо выдал фальшивые документы, приказал инквизиторам изъять их по предъявлению и отправить ему, чтобы он мог сообщить о них папе римскому. За этим последовали указы Верховного суда от 8 января и 12 февраля 1498 г., предписывающие всем, кто получил отпущение грехов и разрешения от Рима, доставить их в течение определенного времени инквизиторам, которые перешлют их генеральному инквизитору для проверки их подлинности, таким образом получив во владение все письма, к всеобщему ужасу владельцев. Фердинанд, как мы видели, был вынужден написать в Сарагосу, чтобы защитить Алонсо де ла Кабальерию и братьев Санчес, в то время как Изабелла 26 июня вступилась за своего слугу, который раздобыл такое письмо, но не смог его предъявить. [302] Затем от Александра потребовали более полной выдачи тех, кто имел с ним дело, и 17 сентября он обратился к испанским инквизиторам с кратким заявлением, уполномочивающим их действовать против всех еретиков, несмотря на все письма об отпущении грехов и повторной интеграции, выданные ранее или в дальнейшем, поскольку все такие письма должны были рассматриваться как выданные непреднамеренно. [303] Из-за испанского фанатизма и папской неверности Конверсос оказались между молотом и наковальней.

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Их единственным выходом было изгнание. Многие покинули Испанию, и часть из них нашла убежище в Риме, поскольку Александр приветствовал их, принимая во внимание тяжелые налоги, которые они платили за безопасность и терпимость. Они также предоставили ему материал для спекулятивной вспышки преследования, когда в 1498 году он нуждался в средствах для финансирования великолепного посольства своего сына Цезаря, отправленного вручить Людовику XIII буллу о разводе с королевой Жанной. Он назначил инквизиторами кардинала Пьетро Исуали и магистра Священного Дворца фра Паоло де Монелиа, которые объявили льготный срок, в течение которого испанцы, подозреваемые в ереси, могли выступить вперед. Двести тридцать явились с повинной; форма получения и изучения их признаний была доведена до конца; они были помилованы и на них была наложена спасительная епитимья вместо наказаний, которые могли бы быть применены в Испании. Какова была эта сумма, неизвестно, но она, должно быть, была значительной, поскольку инквизиторы могли потребовать за них выкуп по своему усмотрению. 29 июля в соборе Святого Петра в присутствии Александра и его кардиналов было отпраздновано торжественное аутодафе. Кающиеся были приведены туда парами, примирились с Церковью, отреклись от своей ереси и были приговорены носить санбенито и понести епитимью, после чего их процессией доставили в Санта-Мария-сопра Минерва, где с них сняли санбенито и выписали. Очевидно, ожидалось, что

представление не понравится испанским монархам, поскольку часть назначенной епитимьи заключалась в предоставлении нотариального подтверждения того, что они не вернутся в Испанию без разрешения католических королей под страхом смягчения наказания за рецидив. [304]

Несомненно, были намеки на недовольство Фердинанда, которые вызвали у этих импровизированных инквизиторов письмо от 10 сентября к своим испанским братьям и письмо от Александра к монархам от 5 октября, в котором подчеркивалось положение, касающееся возвращения в Испанию. Однако Фердинанда таким образом успокоить было нельзя; более того, он уже 2 августа издал эдикт, призванный сорвать дальнейшие попытки папства разделить выгоды от преследований. В нем он приказал казнить без суда всех, кто бежал от осуждения инквизицией и кто осмелится вернуться, независимо от того, на какие исключения, примирения, охранные грамоты или привилегии они могли ссылаться. Любое имущество, которым они могли обладать, делилось поровну между информатором, должностным лицом и *fisc*, а любому, кто укрывал их, и любому должностному лицу, пренебрегающему исполнением указа, грозила конфискация. [305] Предотвращение дальнейших спекулятивных действий подобного рода, несомненно, было мотивом для введения строгих правил, которые мы видели выше, в 1499 и 1500 годах, чтобы предотвратить побег *Conversos*. [306]

Фердинанд иногда узнавал папские письма, как в случае с некоторыми партиями по имени Бельтрам в 1499 году, которым он разрешил быть заслушанными уполномоченными, назначенными папой, [307] но на карту было поставлено слишком многое, чтобы он отказался от борьбы, и папство последовало своей практике приносить в жертву тех, кто искал его защиты, никогда не отказываясь обещать это. В начале 1502 года монархи решительно заявили о большом ущербе вере, нанесенном этими письмами, передающими дела специальным уполномоченным, и Александр незамедлительно отреагировал буллой, в которой упомянул обо всех подобных делах и передал их генеральному инквизитору Дезе, решение по которым должно быть принято им лично или с участием заседателей, которых он может вызвать. На это Фердинанд возразил под предлогом трудностей, которые это создало бы для заявителей, поскольку Деза должен был следовать за миграционным судом, и Александр, со своей обычной уступчивостью, уполномочил Дезу 31 августа назначать заместителей для рассмотрения дел. Деза воспользовался этим, чтобы вернуть дела в суды, проинструктировав их выносить окончательное решение без учета каких-либо папских писем, которые могли быть представлены, и, таким образом, снова незадачливые апеллянты были возвращены своим преследователям без обращения за помощью. [308]

Юлий II был избран 1 ноября 1503 года, а на следующий день, еще до своей коронации, он издал *motu proprio* Фердинанду и Изабелле, подтверждая все милости и привилегии, предоставленные его предшественниками, и особенно инквизиции. Тем не менее, обращения к Святому Престолу продолжали поступать, и их приветствовали, и в 1505 году Фердинанд энергично протестовал, требуя отзыва всех комиссий и рисуя печальную картину религиозного состояния Испании, которую только инквизиция спасла от раскола, худшего, чем раскол Ария. [309] Однако Филипп Австрийский в своем стремлении заручиться папской поддержкой отказался от претензий инквизиции и признал перед Святым Престолом, что он не мог отказаться в удовлетворении обращений тех, кто искал его защиты. [310] Юлий не собирался отказываться от высшей юрисдикции, которая была столь прибыльной, и он позаботился утвердить это в поручениях, выданных в 1507 году Хименесу и епископу Энгуэре как генеральным инквизиторам

соответственно Кастилии и Арагона, собрав для себя все дела, находящиеся на рассмотрении трибуналов, и передав их новым должностным лицам и тем, кого они могли бы назначить. замещать. [311]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Как и его предшественники, Юлий, одной рукой продавал отпущения грехов и запретительные грамоты, а другой объявлял их недействительными. В сводке от 9 ноября 1507 года говорится, что некоторые лица, притворяясь потерпевшими, обратились к Святому Престолу, чем препятствуют инквизиции; поэтому он постановляет, что все обращения должны направляться генеральному инквизитору, в то время как обращения в Рим должны рассматриваться как недействительные; инквизиторы должны игнорировать их и не откладывать из-за них. [312] Тем не менее, вывод этих писем не был проверен, и некоторое время Фердинанд колебался в своей политике в отношении них. Иногда, как в случае с Сардинией в 1508 году, он приказывает инквизитору арестовать и сурово наказать тех, кто причастен к их приобретению, заверяя его в королевской защите от возмущения Рима. [313] Иногда, как в случае с Вальядолидом в 1509 году, он использует текущую удобную фикцию о том, что письма были отправлены тайно, что папа, получив более подробную информацию, заберет их, а пока они приостановлены; судебный процесс продолжается, и секвестры не отменяются. [314] Наконец, в "прагматике" от 31 августа 1509 г. была принята определенная политика, сочетающая оба метода и основанная на принципе, что, если письма были тайными, те, кто их получил, заслуживали снисходительного наказания. Это требовало, чтобы все такие записки были представлены Верховной раде для рассмотрения и отсылки обратно в Рим; если бы было установлено, что они выданы правильно, была бы предоставлена экзекутура, но без этого любой, кто представлял такие письма инквизиторам, подвергался, как в "прагматике" от 15 декабря 1484 года, недопустимой смерти и конфискации; нотариусы, действовавшие от их имени, были лишены должности, в то время как светским чиновникам было приказано привести эдикт в исполнение под страхом штрафа в пять тысяч флоринов, а духовным лицам - временного ареста и вечного изгнания. [315]

Жестокость этого, после постоянной борьбы с курией в течение двадцати пяти лет, показывает важность, придаваемую Фердинандом автономии инквизиции, и его решимость пресекать любое папское вмешательство. Тем не менее, это вмешательство продолжалось, и Фердинанд не мог не признать, что оно было законным. В случае, имевшем место в 1510 году, когда некий августинец Фрай Дионисио, проходивший суд в севильском трибунале, получил письма о передаче дела судье, который воспрепятствовал разбирательству в трибунале, Фердинанд попросил папу отозвать дело и передать его кардиналу Хименесу и далее, чтобы ко всем будущим делам подобного рода применялся аналогичный подход. [316]

Во всех этих долгих пререканиях прослеживается дипломатическая сдержанность, которая предполагала, что Святым Престолом руководили мотивы, которые, если и ошибочны, то, по крайней мере, бескорыстны. Финансовый элемент, лежащий в основе его действий, однако, был полностью признан, и, когда испанские делегаты были отправлены на Латеранский собор в 1512 году, среди инструкций, которые они несли, была одна, в которой говорилось, что Рим не должен в будущем защищать, как он защищал, отступников еврейской расы, чьи чучела были сожжены у себя дома, когда они покупали за деньги разрешения в курии. Фактически, Карл V в письме от 30 апреля 1519 года своему послу Луису Каррозу открыто утверждал, что сводки,

изданные во времена Фердинанда, были получены Конверсос путем выплаты крупных сумм. [317]

Делегаты Латеранского собора, конечно, ничего не добились, и Лев X, в то время как его тюремщики и аудиторы были заняты, как всегда, еще более наплевательски, чем его предшественники, относился к папскому достоинству, аннулируя их действия после уплаты пошлин. В *motu proprio* от 31 мая 1513 года он ссылается на письма, небрежно выданные Юлием II и им самим, благодаря которым была затруднена деятельность инквизиции, поэтому он уполномочивает Хименеса запретить под угрозой отлучения от церкви и других наказаний всем лицам, даже епископского ранга, использовать такие поручения для рассмотрения апелляций. [318]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

В королевствах Арагон корты Монзона в 1510 году согласились, что никто не должен обращаться из трибуналов к папе римскому, а только к генеральному инквизитору. [319] Возможно, это привело к изобретению метода репрессий, который был бесконечно раздражающим и с которым было трудно справиться. Некий Бальдири Метели добыл из Рима справку о явке на имя Моссена Кода, судьи по конфискации в Барселоне, и некоторых других должностных лиц. Это полностью поставило трибунал в тупик, и Фердинанд был вынужден 2 ноября 1510 года поручить своему генерал-лейтенанту Каталонии проконсультироваться с генеральным инквизитором Энгуэрой относительно наилучшего способа побудить Метели отозвать ссылку. Он был упрям, тем более что тем временем добился ссылок на других должностных лиц, и Фердинанд не мог найти другого средства, кроме как уведомить депутато о том, что соглашение Монзона является полным и что, если пункт, касающийся апелляций, будет нарушен, Энгуэра проигнорирует все остальное. [320] Каков был результат, документы не сообщают нам, но еще более неприятный случай произошел в Сарагосе, когда Санчес де Ромераль, подвергшийся судебному преследованию, бежал в Рим. 11 марта 1511 года Фердинанд написал своему послу письмо с просьбой к папе отправить его обратно к генеральному инквизитору, но папа отказался, и Фердинанд пришел в ярость в 1513 году, узнав, что Ромераль, чучело которого тем временем было сожжено, раздобыл ссылки на всех должностных лиц, начиная с инквизиторов, включая даже консулов, которые действовали в консульстве фе, и что ему удалось опубликовать цитаты в Туделе и Касканте. Фердинанд написал в Рим с сильным возмущением и приказал архиепископу Сарагосы, генерал-капитану Наварры и инквизиторам проконсультироваться с юристами относительно наилучшего средства наказания за это дерзкое нападение на инквизицию. Очевидно, не было никаких средств отразить такую атаку, кроме как прийти к соглашению с другой стороной, пока курия была готова участвовать в этой партизанской войне. Это было замечено в несколько похожем случае на Сицилии в 1511 году, когда некий Кола де Айело, приговоренный инквизитором Белорадо к вечному заключению, сумел сбежать; он отправился в Рим как кающийся грешник и там возбудил судебный процесс против Белорадо и его коллеги, епископа Чефалу. Епископ был вынужден подчиниться вызову в Рим; дело затянулось и доставило столько хлопот, что, когда Айело захотел вернуться на Сицилию и предложил отозвать иск, Фердинанд согласился позволить ему вернуться, простил его преступления, включая побег из тюрьмы, и дал ему подписку о невыезде от дальнейшего судебного преследования. Этот метод борьбы с инквизицией, вероятно, применялся бы чаще, если бы не риск, которому подвергались нотариусы и писцы, помощь которых была необходима. В данном случае тот, кто отправил

цитату епископу, был схвачен вице-королем, подвергнут пыткам и, вероятно, сурово наказан. [321]

Один или два случая проиллюстрируют хаотическое состояние, вызванное этими противоборствующими элементами, особенно после того, как смерть Фердинанда, 23 января 1516 года, устранила со сцены его решительную волю и непрестанную активность. Мигель Ведренья, подозреваемый в соучастии в убийстве Бернардо Кастелли, председателя трибунала Балагера, обратился к папе римскому из тюрьмы трибунала Барселоны. Верховный суд Арагона тщетно инструктировал своего римского агента приложить все усилия, чтобы отклонить апелляцию. Лев X передал дело епископу Асколи, который приказал трибуналу освободить Ведренью под залог того, что он останется заключенным в Риме. Инквизиторы потеряли всякое уважение к папским письмам и отказались повиноваться, после чего епископ назначил некоторых местных прелатов уполномоченными для судебного преследования их и вынесения порицания. Супрема запретил этим уполномоченным действовать, но не раньше, чем они отлучили от церкви инквизиторов, которые обратились ко Льву за помощью. Лео уже, по крайней мере внешне, отказался от Ведреньи в записке от 5 мая 1517 года, адресованной кардиналу Адриану, тогдашнему генеральному инквизитору Арагона, назвав Ведренью “этим сыном беззакония”, напомнив о деле самому себе и передав его Адриану. Но к этому краткому сообщению той же даты прилагалась другая личная инструкция, в которой Ведренья упоминался как его самый дорогой сын, и Адриану было сказано, что дело передано ему для того, чтобы его ловкость могла усложнить дело; доказательства были сомнительными, и Ведренья достаточно их подчистил; казалось бы, его скорее следовало оправдать, чем осудить, но если Адриан думал иначе, он должен был отправить заявление, когда Лео отдаст окончательные приказы. Примерно три месяца спустя Адриану было направлено еще одно донесение об отлученных инквизиторах; если порицания последовали после отзыва дела епископом Асколи, они были недействительны, но все дело было оставлено на усмотрение Адриана. [322] У нас нет возможности узнать, каков был окончательный исход дела, но это достаточно указывает на сложности, вызванные конфликтующими юрисдикциями и противоречивыми действиями папы, поскольку его чиновники были куплены той или иной стороной.

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Другой аспект этих дел проявляется в деле наследников Хуана Энрикеса де Медины, чьи кости были приговорены трибуналом Куэнки к эксгумации и сожжению. Наследники обратились к Хименесу, который поручил судьям пересмотреть приговор, но те отказали наследникам в копии судебного разбирательства, только с помощью которого они могли опровергнуть доказательства. Затем они обратились к папе Льву, который назначил трех уполномоченных для рассмотрения дела и доведения результатов до сведения наследников, взяв с них гарантию не причинять вреда свидетелям. Назначенные стороны, несомненно, опасаясь навлечь на себя враждебность инквизиции, отказались служить, и последнее, что мы слышим об этом деле, - это сводка от 19 мая 1517 года, в которой им угрожают отлучением от церкви за упорство. [323]

С назначением кардинала Адриана генеральным инквизитором Кастилии, а также Арагона, Лев в 1518 году подтвердил указы Иннокентия VIII и Александра VI, предоставившие ему исключительную апелляционную юрисдикцию, и Адриан, когда стал папой, повторил это в 1523

году в пользу Манрике. [324] Однако это никоим образом не помешало приему в Риме многочисленных заявлений, как апелляционных, так и в первой инстанции, на которые Карл V в письме от 29 октября 1518 года кардиналу Сантикатро широко намекнул, что это было достигнуто за счет свободного использования денег. [325] О том, насколько безрассудно папская юрисдикция была проституирована в угоду первому встречному, свидетельствует случай с мельницей в Патерне, купленной Хуаном Клавером из конфискованного поместья Юфре Ринсека. Инфанте Энрике предъявил на это права; трибунал Валенсии вынес решение в пользу Клавера и наложил на Энрике вечное молчание. После смерти Клавера Энрике подал иск против своего наследника к судье по собственному выбору, которому трибунал незамедлительно воспрепятствовал. Затем Энрике добился от папы заключения, запрещающего работу трибунала и передающего дело этому судье. Затем 29 октября 1518 года вмешался Карл V, приказав Энрике подать иск в трибунал. [326] Папские письма, изданные таким образом, не имели морального веса и были легко проигнорированы. Презрение, испытываемое к ним, усиливалось из-за постоянных колебаний Лео. В записке Адриану от 9 сентября 1518 года говорится, что ввиду беззакония и несправедливости трибунала Палермо и некоторых других, он передал все подобные дела в руки своего викария, кардинала Сан-Бартоломмео на острове, наделенного полномочиями решать их и принуждать инквизиторов к порицанию и штрафам, но теперь он считает, что лучше доверить эти дела Адриану, которому он передает их со всеми полномочиями. [327]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Современный случай, привлечший в то время большое внимание, показывает Лео в более выгодном свете. Бланкина Диас была восьмидесятилетней вдовой из Валенсии, чья ортодоксальность никогда не вызывала подозрений, но в 1517 году ее обвинили в иудаизме и бросили в секретную тюрьму. Апелляция к папе римскому привела к приказу освободить ее под залог, предоставить возможность защиты и быстро рассмотреть дело. Это дело так и не дошло до трибунала, поскольку, по-видимому, было подавлено Верховной властью, после чего Лев издал второе, 4 марта 1518 года, обратившись к самому себе и передав его двум священнослужителям Валенсии, при этом Бланкину тем временем поместили в монастырь, а кардиналу Адриану было особо запрещено вмешиваться, все, что он мог бы сделать, было признано недействительным. Вероятно, еще до того, как это было получено, трибунал передал дело Адриану, который собрал консультативную группу и приговорил Бланкину к бессрочному тюремному заключению и конфискации. Вмешательство папы, похоже, вызвало много эмоций; Карл был готов подписать все, что составит для него Адриан, и в двух письмах от 18 мая и 18 июня своему римскому агенту Луису Каррозу он приказал последнему пренебречь всеми другими делами в попытке добиться отзыва двух судебных документов. Если бы на карту была поставлена безопасность всех его владений, он не смог бы быть более решительным; такое вмешательство в деятельность инквизиции не имело себе равных; если бы папа не отменил судебные дела и не пообещал никогда не издавать подобных, Святая канцелярия была бы полностью уничтожена, а ересь процветала бы безнаказанно, поскольку каждый искал бы помощи в курии, и служение Богу стало бы невозможным. Он также написал папе римскому и кардиналам, в то время как Адриан и Супрема направили настоятельные письма. Лев, однако, был тверд по существу, хотя и уступал по форме. В записках Адриану от 5 и 7 июля он приказал аннулировать все, что было сделано после его писем от 4 марта, вернуть Бланкине ее добрую

славу, убрать ее санбенито и поместить под залог в монастырь или в дом родственника. Поскольку улики против нее состояли из мелочей, совершенных в детстве, он снова вспомнил об этом случае и передал его Адриану. С обеих сторон в Риме велась активная работа, поскольку брифинг от 5 июля дал Адриану полную власть решать дело, в то время как брифинг от 7-го числа ограничил его отправкой результатов Льву и ожиданием инструкций относительно приговора. Таким образом, Лев держал судьбу Бланкины в своих руках; Адриан был всего лишь его рупором, и приговор признал ее слегка подозреваемой в ереси и освободил без тюремного заключения или конфискации. [328]

Еще одним примером колебаний Льва является совпадение того, что судебное разбирательство от 4 марта в пользу Бланкины было датировано тем же днем, что и назначение Адриана генеральным инквизитором Кастилии, в ходе которого Лев собрал для себя все незавершенные дела, будь то в трибуналах или курии, и передал их Адриану с полной властью запретить всем лицам предполагать, что они известны. [329] Имея это в виду, вряд ли стоит удивляться тому, что Карл V 30 апреля поручил своему послу передать папе римскому, что никакие письма, наносящие ущерб инквизиции, не будут приняты. [330] Эту угрозу он привел в исполнение в рамках дела того же времени, которое на несколько лет поссорило инквизицию с курией. Бернардино Диас предстал перед судом и был оправдан трибуналом Толедо, после чего он поссорился с Бартоломе Мартинесом, которого обвинил в лжесвидетельстве по своему делу, и убил его. Диас бежал в Рим, в то время как трибунал не только сжег его чучело, но и арестовал его жену, мать и некоторых его друзей как соучастников его побега. В Риме он добился помилования как на внутреннем, так и на внешнем форуме при условии удовлетворения интересов родственников Мартинеса, к великому негодованию Карла, который не без оснований жаловался на это вторжение в юрисдикцию. Диас также добился вынесения краткого приказа об освобождении заключенных и передаче их имущества, но когда названные в нем исполнители попытались привести его в исполнение, трибунал Толедо арестовал их прокуратора и вынудил его сдаться. Это осознание угрозы Карла привело курию в ярость, и генеральный аудитор Палаты призвал инквизиторов подчиниться сводке или лично ответить в Риме за свое неповиновение; они не сделали ни того, ни другого и были должным образом отлучены от церкви. Чарльз неоднократно и с горечью писал об этом беспрецедентном преследовании тех, кто просто вершил правосудие; дело затянулось примерно на три года, и его окончательный исход неизвестен, но семья Диаса, вероятно, была освобождена, поскольку в 1520 году мы слышим о снятии отлучения от церкви в связи с отменой инквизиторами судебного разбирательства против Хуана де Салазара, каноника из Толедо, проживающего в Риме на папской службе, которого они лишили гражданства и временных прав за некоторые его действия в ущерб инквизиции. [331]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Другим человеком, который примерно в то же время доставлял бесконечное беспокойство Карлу и Адриану, был Диего де лас Касас из Севильи, агент, доставивший в Рим оспариваемые судебные решения Арагонского суда и добившийся их подтверждения. Он был хорошо обеспечен средствами и, естественно, был *персоной грата* в курии. Инквизиция быстро атаковала его в своей обычной беспринципной манере, не только заочно *предъявив ему обвинение*, но и арестовав его братьев, Франсиско и Хуану, и их жен. Для решения этой проблемы он добыл справку, в которой передал дела Адриану и Фердинанду де Арсе, епископу Канарских островов, с условием, что стороны должны сами явиться к Адриану и Арсе и

содержать такую тюрьму, какая может быть для них назначена, и далее разрешил им выбирать адвокатов для своей защиты. Какими бы справедливыми ни были эти положения, краткое изложение вызвало горячее негодование. Когда оно было представлено королевскому совету, оно было признано скандальным и подающим дурной пример, и в его исполнении было отказано. Карл поспешно написал Льву 30 апреля 1519 года, что это скандально и уничтожит инквизицию; он поручил своим агентам добиться его отмены, которая будет отправлена следующим курьером, и он в письмах призвал кардиналов в интересах Испании оказать любое возможное давление на папу. Его настойчивость оказалась бесплодной, и когда в сентябре он отправил Лопе Уртадо де Мендосу в Рим в качестве специального посла в связи с ссорой с Арагоном, ему было поручено представить папе римскому неуместность укрывательства в Риме беглецов от инквизиции, особенно Диего де лас Касаса и его коллеги Хуана Гутьерреса, чьи родители, бабушки и дедушки и родственники были помирены или сожжены; они должны быть изгнаны, а Мендоса должен был добиваться отзыва их исков и всех других льгот и поручений в пользу Conversos. Мендоса применил все свои дипломатические способности, но, хотя Лео в записке Адриану от 13 июля 1520 года признал, что передача дел в Рим, как по апелляции, так и в первой инстанции, привела к задержкам, безнаказанности правонарушителей и поощрению правонарушений, он все же не бросил Диего де лас Касаса. Он признал, что предоставление Сикстом IV апелляционной юрисдикции генеральному инквизитору было полезным, и в надежде, что Адриан воспользуется им честно и справедливо, он собрал для себя все дела, находящиеся на рассмотрении в римских судах, и передал их Адриану со всеми полномочиями, но он не давал никаких обещаний относительно будущего, и он особенно исключил своего врача Фердинанда де Арагона и его жену Диего де лас Касас, Хуана Гутьерреса и покойного Хуана де Коваррубиаса, чьи дела долгое время были предметом споров.

Всем этим, а также их родственникам третьей степени и их имуществу Лев выдал грамоты, освобождающие их от юрисдикции инквизиции и передающие их в ведение архиепископа Сарагосского и некоторых других церковных сановников. Вскоре возникли жалобы на то, каким образом эти уполномоченные осуществляли свои полномочия, позоря инквизицию; Лео уступил в кратком отчете от 8 января 1521 года, в котором он заменил Адриана и нунция Вианезио де Альбергати, наделив их всеми полномочиями препятствовать действиям их предшественников. Затем, в более официальном сообщении от 20 января, он осудил зло, причиненное делами, которые ежедневно поступали в Рим, и передал их все Адриану, за исключением тех из пяти освобожденных, в которых нунций должен был участвовать совместно с ним, и в то же время он отозвал письма, освобождающие их и их родственников и уполномочивающие их самим выбирать судей. [332] Это была практическая капитуляция, хотя Лео выделял лас Касаса и Гутьерреса, называя их своими любимыми детьми.

Этих случаев будет достаточно, чтобы показать, как продолжалась традиционная политика курии, заключавшаяся в том, чтобы брать деньги беженцев и апеллянтов за судебные иски о защите, а затем отказываться от них путем отзыва, даже не испытывая чувства стыда, когда их средства были исчерпаны в затяжной борьбе. Тем не менее, несмотря на это, постоянно появлялись новые претенденты, у которых не было другого убежища на земле, и бесполезные записки удовлетворялись с неизменной готовностью. Это было источником постоянного раздражения, и Карл был неутомим в своих попытках противодействовать этому, не всегда соблюдая должную вежливость, как, например, когда 25 марта 1525 года он написал Клименту VII в резких выражениях с требованием отозвать и стереть из реестров доверенность, выданную Луису Колону, и приказать своим чиновникам не публиковать подобные письма, поскольку они

были скандальными. [333] У него больше не было оправдания своей юношеской опеке под руководством Адриана, и все же его подчинение инквизиции было полным. Это проявилось в случае с Бернардо де Ордой, слугой кардинала Колонны, который подал иск против доктора Салданьи по поводу казначейства церкви Леона. Салданья был членом Suprema, и, когда Орда прибыл в Испанию, ему не составило труда предъявить обвинение в ереси и арестовать трибунал Вальядолида. Он сбежал в Рим, и против него было продолжено судебное преследование *заочно*, после чего Чарльз унизил себя, написав Колонне 30 июля 1528 года письмо с просьбой помешать Орде добиться краткого освобождения, поскольку это нанесло бы ущерб вере, а также не поддерживать его в его иске к Салданье. [334]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Тем временем папы продолжали умиловать растущую власть Карла, предоставляя с такой же легкостью, как и прежде, то, что номинально было исключительной апелляционной юрисдикцией генерального инквизитора. В 1523 году Адриан VI, как мы видели, подтвердил в пользу Манрике буллы Сикста IV и Александра VI. Климент VII пошел еще дальше, поскольку в булле от 6 января 1524 года он не только отозвал все незавершенные дела и передал их Манрике, но и постановил, что любые поручения, которые он может впоследствии выдать, должны быть недействительными без прямого согласия Карла, в то время как все апелляции должны подаваться генеральному инквизитору, а не Святому Престолу, и это он повторил 16 июня 1525 года. Тем не менее, продолжали подаваться апелляции в Рим и удовлетворяться иски, требующие повторного подтверждения булл 1524 и 1525 годов с включением писем, полученных в промежутке, примеры которых у нас есть в 1532 и 1534 годах. [335] Таким образом, Чарльз был оправдан в применении прагматики Фердинанда от 1509 года, например, когда в 1537 году он приказал коррехидору Мурсии предотвратить публикацию определенных писем, которые, как считается, были получены от папы против инквизиции; в случае представления они должны были быть отправлены в Совет Кастилии для принятия мер, а стороны, пытающиеся их использовать, должны были быть арестованы и привлечены к ответственности. с тем, что могло бы быть сочтено наиболее выгодным для Священной канцелярии. [336]

Положение Карла, как повелителя Италии и главного героя Церкви в ее борьбе с лютеранством, таким образом, позволило ему добиться для инквизиции фактической, хотя и не признанной, независимости от Рима. Есть очень яркая иллюстрация этого, в 1531 году, когда Климент VII вмешался в пользу брата Франсиско Ортиса, знаменитого наблюдательного проповедника, привлеченного к ответственности за дерзкую критику инквизиции с кафедры. Он просидел в тюрьме более двух лет, упрямо отказываясь взять свои слова обратно, когда было запрошено вмешательство Климента. Он не упоминал об этом деле, но с замечательным почтением 1 июля 1531 года предложил Манрике, что, если против Ортиса больше ничего не было выдвинуто, он может быть признан достаточно наказанным длительным тюремным заключением и может быть восстановлен на свободе, принимая во внимание его безупречную жизнь и пользу для душ, которую можно ожидать от его проповеди. Климент просил об этом как об одолжении, движимый только христианским милосердием и рвением к спасению душ. [337] К этому тщательно охраняемому запросу инквизиция осталась глуха. Если суд над Ортисом завершился в феврале 1532 года, то это произошло потому, что он полностью подчинился добровольно и его приговор ни в коем случае не был легким, включая публичную епитимью, которая редко применялась к священнослужителям. [338] Павел III был более решителен, когда Карл V попросил его вмешаться, который, несмотря на свои ожесточенные протесты против папского

вмешательства, оказался вынужден подать апелляцию от имени своего любимого проповедника Фрая Алонсо Вируеса. Севильский трибунал привлек последнего к ответственности по обвинению в лютеранстве, продержал его в заключении четыре года и приговорил к затворничеству в монастыре на два года и отстранению от проповеди еще на два. Карл, который тщетно пытался защитить его во время суда, поддержал апелляцию к папе римскому и получил заключение от 29 мая 1538 года, которое не только отменяло приговор, но и запрещало ему растление в будущем. [339]

Когда в 1542 году Павел III реорганизовал умирающую папскую инквизицию, создав конгрегацию кардиналов в качестве генеральных инквизиторов для всего христианского мира, возникло вполне естественное опасение, что это, даже если так не задумывалось, может подорвать независимость Святой канцелярии Испании. На заявления об этом он ответил кратким сообщением от 1 апреля 1548 года, в котором охарактеризовал подобные опасения как беспочвенные; он заявил, что это не было направлено на то, чтобы подорвать власть инквизиторов в Испании, и он официально отменил все, наносящее им ущерб, что можно было найти в указе об учреждении Конгрегации. [340] Это краткое изложение до конца оставалось уставом, к которому апеллировала испанская инквизиция в своих частых столкновениях с Римской конгрегацией, и, если бы не такое заявление, оно, вероятно, было бы подчинено. [341]

Это никоим образом не повлияло ни на постоянные обращения в Рим за помощью, ни на усилия инквизиции по их пресечению. Это было странное отклонение от устоявшейся политики правительства в этом вопросе, которое привело к тому, что в 1548 году Верховный суд обратился с горькой жалобой к Карлу V, указав на легкость, с которой в Риме выдавались ссылки, запреты и поручения, и "дейли ройял седулас" была отправлена, чтобы предотвратить их, и все же, когда недавно Конверсо представил Королевскому совету петицию, в которой говорилось, что он не осмеливался уведомлять генерального инквизитора о письмах, касающихся дела, которое было решено, Совет издал приказ, разрешающий любому нотариусу вручать бумаги и свидетельствовать на службе, со штрафами за препятствуя этому. [342] Папы были более последовательны в своей непоследовательности. Мы видели, как Павел III в 1549 году и Юлий III в 1551 году подтвердили буллу Сикста IV 1484 года, настаивающую на действительности папских писем как во внутренних делах, так и в суде, и угрожающую проклятиями буллы *in Sæna Domini* всем, кто будет препятствовать им, однако в 1550 году дело, в котором были получены папские письма, привело к решительному протесту, и Юлий кратким постановлением от 15 декабря 1551 года подтвердил буллу Климента VII и Павла III, помимо отзыва всех незавершенных дел и передачи их генеральному инквизитору Вальдес. [343]

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Однако сам факт этого предполагал обладание папой высшей юрисдикцией, которую он просто делегировал, и Святой Престол никогда не упускал из виду. Поручения сменявшим друг друга генеральным инквизиторам в течение столетия содержат пункт, согласно которому все незаконченные дела были отозваны и переданы назначенному лицу. Это правда, что существовало также положение о том, что никакие апелляции от трибуналов не должны подаваться иначе, как генеральному инквизитору, все другие апелляции, даже к Святому Престолу, являются недействительными и направляются обратно ему, который был уполномочен выносить порицания, чтобы предотвратить вмешательство даже кардиналов. [344]

Папы могли позволить себе быть такими либеральными в своих пожалованиях, поскольку их безответственная власть позволяла им игнорировать или изменять эти делегированные полномочия по своему усмотрению, и эти положения никогда не мешали им принимать апелляции.

Это проявилось в трениях, которые продолжались на протяжении всего долгого правления Филиппа II, который был не менее серьезен, чем его отец, в поддержании независимости инквизиции, хотя его отношение было более почтительным. В 1568 году мы находим, что он жаловался своему послу Хуану де Суньиге на то, что с Сардинии в Рим подавались апелляции не только по делам веры, но и по вопросам конфискации, а также по гражданским делам, касающимся приближенных и должностных лиц, и все это наносило ущерб инквизиции и нарушало королевскую юрисдикцию. Поэтому Зуньиге было приказано умолять папу отказать в удовлетворении всех подобных апелляций, в то время как вице-королю Сардинии было поручено не допускать дачи показаний в подобных случаях. [345] Эта попытка оказалась бесплодной, как и попытка аббата Бризеньо, отправленного в 1580 году в качестве специального уполномоченного по этому вопросу к Григорию XIII с предельной серьезностью протестовать против приема, оказанного в Риме беглецам от инквизиции. [346]

Вскоре после этого произошел случай, который обострил отношения между судами. Жан де Берри, француз, которого судил трибунал Сарагосы, сумел бежать в Рим, после чего был осужден за неповиновение и сожжен как чучело. Он явился в Конгрегацию инквизиции, которая выпустила его под залог, и он переехал жить в Орбителло. Это дело, должно быть, стало предметом активных обвинений, поскольку Хуан де Суньига, в то время вице-король Неаполя, с чрезмерным рвением похитил его и отправил в Испанию. Папский двор мгновенно вспыхнул; Зуньига был немедленно отлучен от церкви, но вынесение приговора было приостановлено на четыре месяца, чтобы позволить ему вернуть беглеца. Разрыв казался неизбежным, и Зуньига, осознав свою ошибку, узнав, что галеасы были отброшены обратно в Палермо, поспешил туда, но его гонец опоздал, и Жана де Берри увезли в Испанию. Папские депеши, составленные в энергичных выражениях, были немедленно отправлены нунцию Филиппу, генеральному инквизитору Кироге и трибуналу Сарагосы, причем нунцию было приказано привлечь к ответственности Кирогу, если заключенный не будет заключен под стражу. У Филиппа не было выбора; Кирога в письме Грегори от 12 сентября 1582 года объявил об отъезде Берри, одновременно протестуя против убежища, предоставляемого Римом беглецам. Берри был должным образом передан Римской инквизиции, но, вероятно, существовало тайное соглашение, поскольку на собрании Конгрегации 13 июня 1583 года под председательством Грегори было постановлено, что он должен быть передан в руки Кироги, который должен судить его дело. Кирога не сделал ничего подобного; его отправили в Сарагосу, и последнее, что мы о нем слышим, — это письмо Верховного суда от 3 августа этому трибуналу с приказом вершить правосудие - обычная формула для утверждения приговора. [347] Как обычно, курия отказалась от тех, кого обязалась защищать.

БОРЬБА С КУРИЕЙ

С 1582 по 1586 год нунций, епископ Таберны Лоди, был в основном занят вопросом этих апелляций. [348] Это стало одной из нескольких жалоб, возникших в связи с осуществлением папской юрисдикции в Испании — юрисдикции, которая становилась анахронизмом в развитии абсолютной монархии, но, поскольку органы инквизиции были исключительно делегацией

Святого Престола, папский контроль над ее деятельностью был непререкаемым, и с этим приходилось мириться. Филипп ничего не добился, проинструктив своего посла Оливареса 10 ноября 1583 года о том, что крайне важно донести до папы, что апелляции не следует рассматривать, а следует направлять обратно генеральному инквизитору. [349] Мы видели, как мало церемоний использовал Сикст V в 1585 году, когда он сослался на дело провинциала-иезуита Марчена и его коллег, и как Верховный был вынужден подчиниться.

Хотя Филипп, таким образом, не мог оспорить право папы на вмешательство, у него было так же мало угрызений совести, как и у его предшественников, пренебрегать папскими письмами. В 1571 году он приказал передать Святому Престолу все протоколы, касающиеся дел. Несколько лет спустя Верховный суд дал указание трибуналу Лимы, что, если будут представлены апостольские послания, то это должно быть “ходатайство” против них, то есть приостановление их действия и игнорирование — и это, несомненно, был циркуляр, разосланный всем трибуналам. [350] К ним практически относились как к ничтожеству, и удивительно, что после столь долгого опыта курия все еще находила покупателей достаточно доверчивыми, чтобы искать у них защиты. В автобиографии Толедо 1591 года фигурировали двадцать четыре иудействующих Алькаса, обнаруженные инквизитором Алавой во время посещения. Среди них был Франсиско де Вега, писец, который, услышав о приезде инквизитора, послал в Рим и добился отпущения грехов для себя, своей матери и сестры, думая найти в них спасение, но к ним отнеслись с презрением, и все трое преступников были приговорены к тем же наказаниям, что и их товарищи. [351]

В то время как, таким образом, высшая юрисдикция Святого Престола была признана и обойдена стороной, инквизиция стремилась создать впечатление, что от нее отказались. Зурита, который, как секретарь Супремы, несомненно, знал лучше, делает такое утверждение, а Парамо, чей опыт инквизитора на Сицилии научил его истине, в 1598 году без колебаний заявил, что с тех пор, как Иннокентий VIII постановил, что апелляции должны рассматриваться генеральным инквизитором, ни один папа не разрешал передавать дела в Апостольский престол. [352] Это наглядный пример неизлечимой привычки инквизиции заявлять о своем владении всем, что она желала заполучить.

При Филиппе III папское верховенство продолжало осуществляться, и ему подчинялись так же неохотно, как и прежде. В 1602 году доктору Козасу, обвиняемому трибуналом Мурсии, удалось бежать в Рим и добиться рассмотрения своего дела там. Филипп упорно добивался его заключения под стражу, сначала через своего посла герцога Сесского, а затем через следующего посланника герцога Эскалонского, которому 1 апреля 1604 года он отправил специального курьера, убеждая его возобновить свои усилия, поскольку каждый день римская инквизиция вмешивалась в то, что папы предоставили исключительно генеральному инквизитору, таким образом угрожая полному уничтожению испанской инквизиции. [353] В 1603 году португалец обратился в Римскую инквизицию, утверждая, что его жена несправедливо содержалась в тюрьме; он получил приказ генерального инквизитора передать документы, а тем временем приостановить рассмотрение дела; Асеведо возразил, добившись от Климента VIII еще более категоричного приказа, после чего документы были отправлены, и, пока дело рассматривалось, португалец подал апелляцию. находившаяся на рассмотрении в Риме женщина была выпущена. [354] Предпочтительнее было отпустить предполагаемого

преступника на свободу, чем позволить Священной Римской канцелярии осуществлять юрисдикцию.

БОРЬБА С КУРИЕЙ

Подчиненность Филиппа IV своим генеральным инквизиторам была еще более заметной, и мы видели, как энергично он поддерживал инквизицию в распространении ее юрисдикции на вопросы, чуждые вере, что побудило духовенство Майорки ходатайствовать перед папой об освобождении их от ответственности в таких случаях. Капитулу Валенсии повезло меньше, и в 1637 году он в полной мере ощутил на себе силу королевского негодования. Генеральный инквизитор Сотомайор получил пенсию в размере девятисот дукатов архидьяконству Хативы и один в размере трехсот сорока дукатов - пребенду, освободившемуся после смерти каноника Вильярасы. Орден отказался от выплаты; Сотомайор подал на них в суд и, конечно же, добился решения в свою пользу. Обиженный капитул отомстил, отказавшись от обычной вежливости посылать двух каноников встречать инквизиторов у дверей собора по случаю опубликования эдикта; это продолжалось два года, а на второй день дверь большой часовни была заперта, и инквизиторам пришлось ждать ее открытия. За это неуважение они подали в суд на капитул, который затем подал апелляцию в Рим по обоим искам и получил протоколы, передающие дела специальной комиссии Римской инквизиции, предоставляющие право освобождать их от любого отлучения от церкви и призывающие Сотомайора явиться в Рим. Дело приобретало серьезный характер, и 30 ноября 1637 года Супрема вручил Филиппу консультацию с письмами на подпись, адресованными его послу, папе римскому, вице-королю, архиепископу и капитулу. Филипп был в полном азарте спора с папой по поводу юрисдикции нунция и осуждения римлянами книг, поддерживающих королевскую прерогативу; он не был удовлетворен предложенными мерами и вернул консулту с комментарием, что требуются гораздо более решительные методы, и королевскому достоинству не подобает требовать того, что он может обеспечить юридически. Поэтому он приказал Совету Арагона написать в капитул через вице-короля, выражая свое неудовольствие и решимость прибегнуть к самым крайним мерам. Также должны были быть написаны письма вице-королю и архиепископу с приказом возбудить уголовное дело против капитула в Банко Реал, если материалы дела не будут переданы немедленно; Инквизиция не должна была вмешиваться в это дело, а только архиепископ, и министр юстиции должен был находиться рядом, когда будет предъявлено требование, чтобы изъять материалы дела, как только они будут предъявлены. Эта насильственная программа была должным образом выполнена; каноник Оньяте, хранитель сводок, был вынужден их сдать; через руки Совета Арагона они были переданы Сотомайору и бережно сохранены в качестве трофеев в архивах Suprema. [355]

Если это вселило в церковников желаемый ужас, то это не повлияло на подсудимых, которые продолжали апеллировать к Риму, поскольку carta acordada от 3 августа 1538 года предписывает трибуналам, когда происходят такие случаи, направлять отчеты не только ему, но и непосредственно римскому агенту инквизиции, чтобы он не терял времени даром, добиваясь их отзыва. [356] Несколькими годами позже последовал самый ожесточенный и упорный конфликт, который когда-либо происходил между Мадридом и Римом по вопросу апелляций - дело Херонимо де Вильянуэвы, которое настолько показательным во многих отношениях, что заслуживает несколько детального рассмотрения.

АПЕЛЛИРУЕТ К РИМУ

Херонимо де Вильянуэва, маркиз Вильяльба, принадлежал к древнему роду Арагона, в королевстве которого он был протонотарием, или государственным секретарем; в то время как его брат Агустин был Юстициарием. Он завоевал благосклонность Оливареса, а также Филиппа и получил множество должностей, что в конце концов сделало его одним из самых важных лиц государства, поскольку он стал членом Советов Арагона, Войны, Крусады и Индии, членом Камары Совета Индии, государственным секретарем и “Всеобщим комиссаром Монархии”.

[357]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

В 1623 году в Мадриде с целью восстановления ослабленной бенедиктинской дисциплины был основан женский монастырь под названием *Ла Энкарнасьон бендита-де-Сан-Пласидо* на средства, предоставленные Вильянуэвой и семьей доньи Терезы де Сильва (также называемой Валье-де-ла-Серда), которая была избрана настоятельницей. В течение нескольких лет она находилась под руководством отца Франсиско Гарсии Кальдерона, бенедиктинца с высокой репутацией, склонного к мистицизму. У Вильянуэвы была договоренность с высшим руководством Ордена о назначении ему духовных наставников, и он, естественно, назначил Кальдерона главным. Не прошло и года, как одна из монахинь стала одержимой демонами; заразность этого расстройства хорошо известна, и вскоре двадцать две из тридцати были поражены подобным образом, включая саму Терезу. Кальдерон считался искусным экзорцистом, но он был сбит с толку, как и аббат Рипеля, которого вызвали. По предложению последнего были записаны дикие высказывания бесноватых, и накопилась масса примерно в шестьсот страниц, поскольку существовало распространенное убеждение, что Бог часто принуждал демонов изречь истины, скрытые от человека. В основном они принимали форму объявления о том, что монастырь станет источником реформации не только Ордена, но и всей Церкви; одиннадцать монахинь должны были стать апостолами Нового Устроения, одна из которых имела дух Святого Петра, другая - святого Павла и так далее, в то время как Кальдерон представляла Христа. Они отправятся спасать мир; когда Урбан VIII умрет, его сменит кардинал Борджиа, который дарует кардиналат Кальдерону; затем Кальдерон будет папой на тридцать три года, а Вильянуэва, который станет кардиналом, примет участие в великой работе.

Это продолжалось три года, к отчаянию экзорцистов; люди начали подозревать какое-то скрытое зло, и Фрай Алонсо де Леон, который был связан с Кальдероном в этом направлении и поссорился с ним, донес на это дело инквизиции в 1628 году. Было объявлено о судебном преследовании Кальдерона: он пытался бежать во Францию, но был пойман в Жероне и доставлен обратно в Толедо для суда. Все монахини были брошены в секретную тюрьму, где не составило труда выудить из их опасений нужные доказательства. Кальдерон выдержал без исповеди три жестокие пытки, но, тем не менее, он был осужден как Алумбрадо, виновный в учении о безупречности и других ересьях, приписываемых иллюминизму. 27 апреля 1630 года он был приговорен к смертной казни заживо в келье монастыря, предназначенной для его приема. Донья Тереза была отправлена в монастырь на четыре года, а монахини были разбросаны по разным домам. [358]

Помимо иллюминизма, существовали консультации демонов и пророчества об обновлении Церкви через новое апостольство. Последнее было квалифицировано как ересь; первое было спорным моментом. Шесть цензоров, назначенных Верховной Властью, считали, что вера в пророчества, сделанные демонами, была суеверным гаданием, усугубляемым характером пророчеств и практикой их написания; это не оправдание для того, чтобы говорить, что демон действовал как слуга Бога, поскольку это могло быть использовано для оправдания всех ересей, и даже вера в то, что демон был слугой Бога, была суеверным гаданием. [359]

Во всем этом Вильянуэва был скомпрометирован. Его дом примыкал к монастырю, и он часто бывал там, особенно по ночам, после завершения своих официальных обязанностей. Монастырская дисциплина неизбежно ослабевала, и в ходе последующих разбирательств было доказано, что его видели сидящим на коленях у Терезы, пока она очищала его волосы от насекомых. Он проявлял большой интерес к демоническим пророчествам, особенно к тем, которые предсказывали его значимость в Церкви, и очень дорожил нарисованным изображением своего ангела-хранителя, на котором он был изображен как столп, поддерживающий Церковь. Он принимал участие в допросе демонов и записывал то, что они говорили, и хранил эти записи в своем доме. Это фигурировало в показаниях, взятых на суде над Терезой и монахинями, и, согласно инквизиторской практике, части, относящиеся к нему, были извлечены и представлены цензорам, которые 12 марта 1630 года сообщили неблагоприятно; он был сообщником или, если нет, то, по крайней мере, сторонником ереси. Затем были вызваны другие цензоры, и 20 марта состоялось заседание хунты, которое свело вывод к тому, что он был умеренно подозреваем в том, что навлек на себя вышеупомянутое порицание. [360]

Очевидно, не было никакого желания нападать на столь влиятельную личность, пользовавшуюся благосклонностью Оливареса, и инквизиция не стала развивать это дело дальше, но, несомненно, Вильянуэва чувствовал опасность своего положения, и, возможно, до него дошли намеки на собранные доказательства, которые в любой момент могли быть использованы для продвижения какой-нибудь придворной интриги. Похоже, он долго колебался, но, наконец, 7 января 1632 года подал самоотвод брату Антонио де Сотомайору, духовнику короля, еще не генеральному инквизитору, но члену Верховного суда. При этом он, естественно, смягчил ситуацию; он сослался на свое неуместное доверие к Кальдерону и Алонсо де Леону и заявил, что, будучи не в состоянии оценить важность всего этого, он сделал это заявление для того, чтобы можно было применить надлежащее средство правовой защиты. Шесть месяцев прошло без каких-либо действий, но в июле были проведены консультации с пятью различными группами цензоров, мнения которых варьировались от признания его соучастником до объявления его виновным в отсутствии смертных грехов. 30 июля Верховный суд рассмотрел дело и постановил, что оснований для судебного преследования нет — один член, однако, выразил несогласие и проголосовал за дальнейшие консультации с компетентными теологами. Решение было принято большинством, и 22 ноября Вильянуэве был должным образом выдан сертификат. [361]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Он вполне мог бы поздравить себя с побегом и обратить свое внимание на реабилитацию несчастных монахинь Сан-Плачидо. Это был почти беспрецедентный случай, когда инквизиция признавала возможность ошибки, отменяя судебное решение, и для его выполнения

требовались время и настойчивость. Когда все было готово, 5 февраля 1638 года брат Габриэль де Бустаменте от имени ордена бенедиктинцев обратился к Верховной Раде с просьбой пересмотреть дело и освободить монахинь и восстановить их честь. Это было передано девяти цензорам, которые 14 апреля сообщили, что монахини невиновны ни в чем, что делало бы их пригодными для инквизиции; они просто повиновались своему духовному руководителю, и то, что было виновным в нем, было невиновно в них. Однако, чтобы сохранить видимость, они добавили, что, если бы они действовали на основании доказательств, представленных их предшественникам, их выводы были бы идентичными. Верховный суд отложил принятие мер до 2 октября, когда постановил, что тюремное заключение монахинь и вынесенные им приговоры не должны повлиять на их доброе имя и репутацию, а также на репутацию их родственников, монастыря или Ордена. Таким образом, они были реабилитированы, монастырь был реорганизован, и, чтобы стереть из человеческой памяти все, что произошло, в ноябре был опубликован указ, требующий, под страхом сурового наказания, выдачи всех родственников и копий прежнего приговора, многие из которых были сказочными. [362] Как бы для того, чтобы обеспечить будущее Сан-Пласидо, Вильянуэва в 1641 году начал строительство нового здания, краеугольный камень которого был заложен с большой церемонией.

Рассчитывать на инквизицию никогда не было безопасно. Если это могло отменить осуждение, то могло отменить и оправдательный приговор, тем более что святой Пий V постановил, что никакое оправдание за ересь не должно считаться *res judicata* и постоянным, независимо от того, вынесено ли оно инквизиторами, епископами, папами или даже Тридентским собором. [363] На некоторое время ситуация приостановилась. Вильянуэва получал новые доказательства королевской благосклонности. 27 октября 1639 года Филипп предоставил ему место в Военном совете, а 16 января 1640 года даровал дополнительные милости в награду за услуги, оказанные в Арагоне. Даже падение его покровителя Оливареса в феврале 1643 года не повлияло на его положение, поскольку 23 апреля того же года он получил членство в Совете Индии. [364] Тем не менее, опала главного фаворита открыла путь для многих интриг, особенно направленных против его возвращения к власти, вероятность которых одно время казалась большой. Сейчас невозможно с абсолютной уверенностью утверждать, какова была непосредственная цель разорения Вильянуэвы, но мы можем быть уверены, что, помимо желания разделить его добычу, мощным мотивом было желание завладеть его бумагами в надежде найти в них компрометирующий материал для использования против Оливареса.

Первая атака была умело направлена против Сан-Пласидо, а не против Вильянуэвы. Сотомайор, престарелый генеральный инквизитор, был вынужден, как мы видели, уйти в отставку 20 июня 1643 года, хотя номинально он оставался на своем посту до тех пор, пока его преемник Арсе-и-Рейносо не вступил во владение 14 ноября. Арсе уже был назначен на этот пост, и 13 июля в королевском письме ему сообщили, что Сотомайор пообещал передать ему любые дела, которые пожелает король. Филипп продолжал говорить, что дело Сан-Пласидо никогда не переставало беспокоить его; правда так и не была установлена, и, поскольку оно в столь значительной степени касалось католической религии, оно требовало тщательного и беспристрастного расследования, подобного тому, которое получит Арсе, поэтому, как только он получит власть от Сотомайора, он должен предпринять это таким образом, чтобы это принесло общественное удовлетворение. Комиссия из Сотомайора последовала в тот же день и касалась не только монахинь, но и всех заинтересованных лиц, как мирян, так и священнослужителей. [365]

Письмо, очевидно, было составлено Арсе для подписи Филиппа, который был всего лишь инструментом в руках интриганов. Учитывая, что существованию монархии угрожали сразу три войны, а государственные дела были дезорганизованы внезапным смещением министра, который руководил ими в течение двадцати лет, абсурдно предполагать, что он мог спонтанно подумать о маленьком женском монастыре, на обустройство которого соглашались в течение пяти лет, или что он имел хоть малейшее представление о том, что должно было последовать. О том, что это действие было всего лишь предлогом, свидетельствует тот факт, что, хотя против монахинь было возбуждено несколько судебных разбирательств, которые в течение нескольких лет доставляли им беспокойство, им было разрешено без протеста обратиться к папе, который в 1648 году передал дело епископу Авилы, после чего оно, по-видимому, было прекращено, поскольку в 1651 году мы застаем их в полной мере пользующимися своей честью. [366]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Арсе, очевидно, заранее готовился к нападению на Вильянуэву; 15 июля 1643 года он признал королевские приказы, которым был готов подчиниться; 24 июля король прислал ему распоряжение о всех бумагах по делу, выразив уверенность, что он будет действовать так, как ожидается, исходя из его рвения, прямоты и благоразумия, и всего два дня спустя, 26 июля, он написал королю, что дело одного из сообщников готово к вынесению определенного приговора, но, поскольку оно предполагает подтверждение или отмену решения Верховного суда, он не решается принять решение. ответственность. Он предлагал различные методы и призывал ангела царства, чтобы тот принес свет от Бога и помог царю в решении столь сложной проблемы. На это Филипп, в полном неведении о том, что происходит, ответил, что он полностью передал это дело в руки Арсе, который затем решил, что оно примет форму обычного судебного разбирательства. Дело зашло уже так далеко, что, хотя бумаги составляли огромную массу в 7500 фолиантов, к 27 августа у фискала уже была подготовлена и представлена его *clamosa*, или обвинительное заключение. Это свидетельствует о враждебности дела, направленного не против монахинь, а исключительно против Вильянуэвы и судебного процесса 1632 года, который его оправдал. Затем, 18 сентября, фискал потребовал допроса новых свидетелей, а 13 января 1644 года он потребовал, чтобы дело было передано новым цензорам. Он перечислил обвинения, которые мы видели, в том, что Вильянуэва записывал высказывания демонов и хранил их в своем собственном доме, его исследование будущих событий зависело от свободы воли человека, его вера в демонов после того, как он убедился в их лживости, его бережное отношение к изображению ангела и т.д. [367] Во всем этом не было ничего нового, но в то время, когда инквизиция ежедневно судила пожилых женщин и наказывала их за гадание, прорицания и суеверные практики, которые, как считалось, подразумевали то, что называлось договором с демоном, были технические основания для судебного преследования Вильянуэвы, хотя и не за то, каким образом оно осуществлялось.

Были выбраны новые цензоры — как нам сказали, ученые мужи и выдающиеся богословы, многие из которых были профессорами в Толедо и Алькала-де-Энарес. Им было представлено огромное количество из двадцати одной статьи, включая не только рассказ Вильянуэвы о взаимоотношениях с демонами Сан-Плачидо, но и его последующее увлечение астрологией, с помощью которой он предсказывал результаты кампаний. Цензоры без колебаний объявили его сильно подозреваемым в вере, и некоторые даже считали, что те, кто подписал

оправдательный акт 1632 года, должны быть привлечены к ответственности. [368] Все это проводилось в нерушимой тайне инквизиции, и король, и предполагаемая жертва оставались в глубоком неведении о том, что происходило пешком.

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Мнения цензоров были представлены в разное время вплоть до 15 мая 1644 года, а затем Верховной Раде потребовалось три с половиной месяца, чтобы рассмотреть их, пока Филипп удобно отсутствовал, проводя кампанию в Каталонии. Как нам говорят, после долгих молитвенных раздумий и обращения с мольбами к Богу 31 августа был вынесен приговор об аресте, который был приведен в исполнение в тот же день. Два инквизитора, Хуан Ортис и Калайя, пришли в дом Вильянуэвы около двух часов дня, разбудили его после сиесты, посадили в карету и поспешили отвезти в Толедо, где его поместили в узкую камеру с маленькой раскладушкой и содержали, как обычно, в строгом *уединении*. При нем были найдены шесть ключей, которые, по его словам, прикрывали бумаги, принадлежащие королю. Он отказался отдавать распоряжения относительно своих собственных бумаг, и нам сообщили, что было найдено большое количество документов, касающихся Сан-Плачидо, но о других вопросах благоразумно умалчивается. В тот же день и на следующий для него пришли важные депеши от короля, которые должен был вскрыть его главный секретарь. Арсе немедленно написал Филиппу, сообщив об аресте и заверив его, что дело будет рассмотрено с величайшим желанием еще больше послужить Богу. Ответ Филиппа - самое жалкое проявление слабости; простое предположение, что речь идет о вере, кажется, парализует его интеллект и лишает его всякой силы самоутверждения. Он был совершенно застигнут врасплох и выразил свое удивление таким поступком, не посоветовавшись с ним или королевой. Вильянуэва был министром в двух судах, а также государственным секретарем, и в его руках были документы, имеющие огромное значение для королевства; его бегство не представляло никакого риска, и Филипп не вмешался бы, если бы это был его собственный сын, поэтому это был вопрос для предварительной консультации. Однако, когда это делается, он может только приказать Верховному действовать с единственной целью служения Богу и возвышения святой католической веры, которые являются его главным желанием и единственной целью его существования. Арсе ответил на это 21 сентября почти презрительным тоном. Нерушимая тайна инквизиции требовала, чтобы никто, кроме короля, не был проинформирован о начале судебного процесса над одной из сообщниц по делу монахинь Сан-Плачидо, который был возобновлен по его приказу. Что касается королевы, то арест был произведен между часом и двумя часами дня, что было неудобным временем для вторжения к ней. Этого, по-видимому, было бы достаточно для уведомления короля и королевы, помимо неудобства задержки и рисков, связанных с перепиской. Быстрота была необходима, и святое рвение короля всегда желает, чтобы в делах Бога и святой веры не было никаких задержек. Когда король вернется, он сможет отдать распоряжения относительно бумаг, которые находятся под замком. [369] Это были все причины, которые Арсе соизволил привести своему государю для усиления неразберихи того ужасного времени, внезапно заключив в тюрьму главного государственного министра для продолжения придворной интриги.

Арест, конечно, вызвал большой ажиотаж. Государственный совет незамедлительно представил консультацию, которую Арсе в своем письме королю охарактеризовал как весьма примечательную, и за ней последовали аналогичные обращения от других советов, членом которых был Вильянуэва, — Военного, Индийского, Арагонского и Крузадского. Королевство

Арагон выразило королю протест в мемориале, в котором излагалась долгая и верная служба Вильянуэвы, его внезапное заключение в тюрьму, не дав времени уладить официальные и личные дела, и позор, нависший над всеми его родственниками; принимая во внимание характер обвинений и его репутацию, было бы достаточно назначить тюрьмой его дом или монастырь, как часто делалось с лицами гораздо более низкого ранга. Королевство умоляло ради семьи, которая так долго служила ему, чтобы на время рассмотрения его дела его вернули в его дом под достаточной охраной и чтобы он мог воспользоваться королевским милосердием и правосудием. Каким бы сдержанным ни был этот призыв, он вызвал гнев Арсе, и он выразил Филиппу сомнение в том, что это могло быть подлинным, поскольку это было настолько экстраординарно и равносильно обвинению, за которое стороны должны быть привлечены к ответственности, хотя инквизиция еще не сделала этого. Взывания к человечности Филипа были напрасны. Хотя он был быстро отозван в Мадрид болезнью королевы, скончавшейся 9 октября, он не высказал никаких возражений против ненужной жестокости, проявленной к Вильянуэве, который был оставлен в своей камере, отрезанный от мира. В сентябре он серьезно заболел, и ему разрешили нанять слугу, юношу из его камеры, который был очень привязан к нему, которому не разрешалось покидать камеру до завершения судебного разбирательства.

[370]

Расследование шло по обычной рутине, единственным новым фактом была маленькая книжечка, найденная в его столе, в которой были указаны счастливые и несчастные дни для него, как это было выведено из букв его имени. По этому поводу цензоры разошлись во мнениях, двое из них объявили его невиновным, в то время как пятеро считали, что он должен быть включен в запреты *Ars Notoria* как молчаливый договор с демоном. Вильянуэва в свою защиту сослался на вынесенный ему ранее оправдательный приговор, и между его адвокатом и налоговым органом состоялась ученая дискуссия относительно применимости к делу буллы *Inter multiplices*, которая определила, что по делу о ереси никогда не может быть окончательного решения в пользу обвиняемого. Филипп настаивал на немедленном созыве трибунала, но дело продвигалось с обычной раздражающей медлительностью. По прошествии восемнадцати месяцев, когда Филипп удерживал корты Сарагосы, депутаты представили 18 января 1646 года апелляцию от имени королевства, выражая полную уверенность в невиновности Вильянуэвы и призывая положить конец жестокой паузе путем скорейшего завершения судебного процесса. Это было так же бесплодно, как и все предыдущие усилия; только после того, как он провел два тоскливых года в своей камере, 3 августа 1646 года по этому делу было проведено голосование. Было общее согласие с тем, что его приговор со всеми подробностями его правонарушений должен быть зачитан в зале для аудиенций, а не на публичном аутодафе, что ему следует сделать строгий выговор и запретить занимать дом, который он построил рядом с монастырем, но возникли разногласия относительно количества присутствующих, относительно того, следует ли требовать от него отречения от *де леви* — за легкое подозрение в ереси - и относительно его изгнания, и были некоторые, кто голосовал за наложение штрафа и отстранение его от должности на два года. Очевидно, что в худшем случае не было доказано никакой серьезной вины, и, вероятно, было мало придворных Филиппа IV, против которых нельзя было бы выдвинуть столь серьезные обвинения. [371]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

В *estilo* инквизиции, когда в консульстве фе возникли разногласия, дело было передано на рассмотрение Верховного суда, который, таким образом, стал судьей. 1 сентября Вильянуэва отозвал одного из членов, Антонио де Арагона, и отвод был принят после слушания. Наконец, 7 февраля 1647 года Верховный суд вынес приговор; в зале для аудиенций должны были присутствовать четыре священнослужителя, четыре фрейлины и четыре мирянина; Вильянуэве должен был быть сделан строгий выговор и предупреждение, он должен был отречься от *де леви*, ему было запрещено общаться с монахинями или жить в соседнем доме и он был изгнан на три года из Толедо и Мадрида и из двадцати лиг вокруг них. [372]

Этот приговор может показаться несерьезным, но, чтобы понять остальную часть истории, следует иметь в виду, что наказание инквизицией и требование отречься от престола даже по легкому подозрению в ереси накладывали неизгладимое клеймо не только на преступника, но и на его родственников и потомство. Вся раса была вовлечена в позор, и никакое временное наказание, каким бы суровым оно ни было, не могло оказать столь пагубного воздействия на честь благородной семьи, как пятно на ее *limpieza*, или чистоте крови, возникшее в результате такого приговора. Крайность, до которой это было доведено, будет рассмотрена позже; в настоящее время достаточно указать на то, что, хотя мирская карьера Вильянуэвы уже была разрушена и его бессмысленное заключение в секретных тюрьмах было жестоким наказанием для него и его родственников, все еще оставалась надежда, что это может быть хотя бы частично устранено оправдательным приговором. Покаяние и отречение от престола разрушили эту надежду, и испанскому дворянину не составило труда предотвратить столь сокрушительное несчастье.

Характер приговора, должно быть, просочился наружу, поскольку до его опубликования трибуналом Толедо, в который он был направлен, брат и сестра Вильянуэвы, юстиция Агустин и Ана, ныне настоятельница Сан-Плачидо, с Луисом де Торресом в качестве прокурора Джеронимо, подали апелляцию на него папе римскому и отвод Арсе-и-Рейносо и другим судьям. Апелляция не была принята, и им сказали, что инквизиция не прислушивается к сородичам в вопросах веры. Затем, 18 марта, Торрес от имени Джеронимо представил трибуналу Толедо отвод всех инквизиторов и фискалов Испании как находящихся на иждивении генерального инквизитора. Все это было напрасно. 23 марта Вильянуэву привели в зал для аудиенций, чтобы выслушать приговор, но он вел себя настолько беспорядочно и поднимал такие крики, что публикация была приостановлена — как нам сказали, беспрецедентный случай в истории инквизиции — и председательствующий инквизитор приказал алькаиду отвести этого человека обратно в камеру. Он отстранил от должности каждого, кто выступал в качестве судьи, и подал апелляцию к папе римскому, королю и любому другому компетентному судье. [373]

Трибунал проконсультировался с Верховным судом, и ему было приказано привести приговор в исполнение. 29 марта была предпринята еще одна попытка, но Вильянуэва отказался отречься от престола, и это повторялось несколько последующих раз, несмотря на предупреждения об отлучении от церкви, которое последует за упрямством. Наконец, 7 июня он предложил отречься от престола под протестом, который он представил в письменной форме, о том, что он сделал это, опасаясь порицания, и без ущерба для своей апелляции или другого средства правовой защиты, которое он мог бы предпринять, и после публичного оглашения этого протеста он отрекся от престола. [374] Он не был выпущен на свободу, но был переведен из секретной тюрьмы во францисканский монастырь, трибунал привел в качестве причины его протесты и беспорядки, которые он устроил. Эта снисходительность не понравилась

Верховному, и через несколько дней он был заключен в секретную тюрьму, где с ним обращались с большой строгостью. 18 июня он был уведомлен о том, что налоговый орган обвинил его в неповиновении из-за простого невыполнения приговора, и 18 июля он подал заявление об отречении от престола и был освобожден. Есть намек на то, что он отозвал отвод и апелляцию, но заявление неясно, хотя вполне возможно, что были найдены средства для его осуществления. Иоанн Гус был сожжен за отказ отречься от престола; булла Мартина V, цитируемая инквизицией, санкционировала судебное преследование и смягчение наказания для подозреваемых, которые отказываются отречься от престола, и, вероятно, есть правда в заявлении современников о том, что фискал Супремы отправился в Толедо и пригрозил Вильянуэве, что он будет публично лишен облачения рыцаря Калатравы и передан в руки светских властей для сожжения. [375] Он был беспомощен в руках тех, кто ни перед чем не отступал ради достижения своих целей; они зашли слишком далеко, чтобы теперь колебаться, и его выносливость была исчерпана.

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Между тем его брат Агустин не сидел сложа руки. В нескольких беседах с королем он представил памятные записки, которые Филипп направил Арсе 27 марта, призывая его соблюдать справедливость, но позаботиться о том, чтобы не пострадали суровость и авторитет инквизиции. Он добавил, что мемориалы показали, что тайна инквизиции была нарушена; это должно быть расследовано и применено примерное наказание. [376] Надежды на правосудие в этом квартале не было, и Агустин обратился к Риму как к последнему средству. Дон Джозеф Наварро, о котором говорят как о секретаре, преданном последователе Вильянуэвы, был направлен туда для получения заключения и, несомненно, был хорошо обеспечен средствами. Вскоре о его поручении стало известно, и 7 июня Филипп написал своему послу, графу Оньяте, с просьбой использовать все средства, чтобы помешать выдаче заключения и, в случае его выдачи, добиться его отмены; в то же время в личной записке папе римскому указывалось на непоправимый вред, который принятие апелляции нанесет святой католической вере и свободному осуществлению инквизиции. Связь была медленной, поскольку 26 июля Оньяте доложил о прибытии Наварро и запросил инструкций. [377]

Несмотря на усилия Оньяте, Наварро не испытал особых трудностей с получением желаемого брифа. Вильянуэва, похоже, ждал этого, восстанавливаясь на пенсии после трехлетнего заключения и последней борьбы. Когда это произошло, он отправился в Сарагосу, куда прибыл 31 августа. Его приход вызвал много опасений, поскольку люди думали, что это может быть прелюдией к кровавой драме, подобной драме Антонио Переса. 2 сентября он явился в тюрьму Манифестасьон, где сыновья его брата Агустина и графа Фуэнтеса внесли за него залог, после чего он обратился в фирму, чтобы защитить его от растления во время рассмотрения его апелляции, которая была должным образом удовлетворена. Ему отдали город — или, как некоторые говорили, королевство — в качестве тюрьмы, и 4 сентября епископ Малаги, который был генерал-капитаном, доложил графу Харо, новому министру Филиппа, что в городе тихо и бояться нечего. Епископ приложил письмо Вильянуэвы королю от 1 сентября, в котором сообщалось, что во время его заключения его представители без его ведома обратились к папе римскому, который ненадолго уполномочил епископа Куэнки, Сеговии или Калахорры рассмотреть дело в апелляционном порядке и вынести окончательное решение. Стремясь к этому способу добиться справедливости, он отказался бы от него, если бы таково было

королевское соизволение; сводка не была представлена ни одному из прелатов, и это было бы сделано без королевского разрешения. [378]

Агсе уже была проинформирована об этом брифинге и, не теряя времени, предприняла шаги по его нейтрализации. 3 сентября епископу Калаорры — и, несомненно, другим — был отправлен приказ не получать его. Он быстро ответил, что оно не было представлено, но что, если оно поступит, он откажется принять или привести его в исполнение, полагаясь на королевскую защиту от всех наказаний, которые оно может содержать; он был связан с инквизицией и знал ее справедливость в отношении Вильянуэвы, и, если бы эти апелляции в Рим были разрешены, последствия для католической религии были бы плачевными. [379] По-видимому, испанский епископат испытывал небольшое почтение к Наместнику Бога.

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Ведущие государственные деятели Испании придерживались иной точки зрения. Для рассмотрения ситуации была собрана хунта, пять членов которой из шести (включая президента Кастилии и генерального комиссара Крузады) объединились на консультациях 15 сентября. В нем говорилось, что, когда трибунал Толедо приговорил Вильянуэву, он имел право подать апелляцию в Верховный суд; он представил причины для отвода генерального инквизитора и некоторых членов суда, но ему было отказано в слушании; его снова арестовали для протеста и апелляции и держали под стражей до тех пор, пока он не принял приговор и не отказался от всякой защиты. Таким образом, он был вынужден обратиться к папе римскому, чья юрисдикция является высшей в вопросах веры и является источником юрисдикции всех инквизиторов. В обычных делах для вынесения окончательного приговора требуются три соответствующих решения [посредством апелляций], в то время как здесь, в деле, затрагивающем честь целой семьи, единственный приговор суда низшей инстанции - это все, что было разрешено. Вильянуэва не нарушил своего приговора, отправившись в Сарагосу, поскольку это требовало, чтобы он не приближался ко двору ближе чем на двадцать лиг, а он уехал на пятьдесят лиг. Он был прав, обратившись в фирму, поскольку право на апелляцию включает в себя средства, необходимые для удовлетворения апелляции. Генеральному инквизитору следует дать указание не отдавать приказа о его аресте, поскольку, помимо того, что никто не должен быть лишен защиты, это может вызвать некоторые беспорядки в Сарагосе под предлогом нарушения фуэрос, поскольку общеизвестно, что он был освобожден от должности инквизицией. Открыто два пути: один — попросить папу отозвать иск; другой - чтобы фискал Верховного суда подал на него прошение, а затем сохранил его; но это вызывает сомнения в том, что человеку, борющемуся за свою честь и честь своей семьи, отказано во всякой защите после того, как он был вынужден искать ее за пределами королевства, и, более того, в беспокойном состоянии Неаполя [тогда бунтовавшего под руководством Мазаньелло], лучше не оскорблять папу, который может привести к потере итальянских владений Испании. Шестой член хунты, лицензиат Франсиско Антонио де Аларкон, осудил Вильянуэву как виновного в том, что он уехал в другое королевство [Арагон]; он препятствовал инквизиции и призывал папское вмешательство, которое уничтожило бы ее полезность; фискалы должны потребовать папскую справку, и Совет должен сохранить ее. [380]

Мнение хунты, несомненно, предотвратило повторный арест и возобновление судебного преследования Вильянуэвы, что, очевидно, планировалось, но в остальном все доводы правосудия и государственные соображения были напрасны на Филиппа, который находился

полностью под властью Арсе-и-Рейносо и был готов слепо ринуться в соперничество с Римом. Столь же безрезультатной оказалась апелляция, поданная 23 сентября Агустином Вильянуэвой, который представил список дел, по которым были приняты апелляции к папе римскому. [381] Предупреждение пришло от Оньяте, который написал 17 декабря и снова 12 февраля 1648 года, что Наварро усердно использовал препятствия, возникшие на пути судебного разбирательства, чтобы добиться другого, что курия приписала все неприятности Арсе, что задержка производила плохое впечатление и что в Конгрегации инквизиции велись серьезные разговоры о привлечении его к дисциплинарной ответственности за это. Это привело к получению от Филиппа 17 марта бессвязного письма, в котором он ругал Оньяте за отсутствие успеха и призывал его к новым усилиям; отчет был признан недействительным как скрытый; Наварро было приказано вернуться домой, и Оньяте должен проследить, чтобы он немедленно покинул Рим. Более того, письма папе и кардиналам в интересах Испании, составленные Верховной властью и подписанные Филиппом, демонстрируют, как все влияние, которым обладала Испания, было использовано для того, чтобы лишить Вильянуэву его последнего ресурса. [382]

Иннокентий X, по сути, возмутился противодействием его заявлению и передал через своего нунция другое письмо Арсе, запрещающее любое дальнейшее сопротивление под страхом лишения должности генерального инквизитора, приостановления всех функций и запрета на вход в церковь, в то время как другие должностные лица будут отстранены от должности и отлучены от церкви. На это Арсе ответил 12 марта, заверив папу, что рассмотрение дела было приостановлено в ожидании папского решения, и заявив, что, как он знал, это тоже ложь, что в течение ста пятидесяти лет папы отказывались рассматривать апелляции или отзывали судебные записки и возвращали дела генеральному инквизитору. Авторитет инквизиции, утверждал он, сейчас более необходим, чем когда-либо, из-за распространения иудаизма и ереси. К Вильянуэве относились с чрезвычайной добротой и снисхождением, как можно было бы узнать от человека, которого вот-вот отправят сообщить папе, поэтому он умолял передать дело ему и Верховному судье. [383]

Это был типичный образец инквизиторских методов введения в заблуждение и уклонения - практического, но не открытого неповиновения. Однако Иннокентием нельзя было так манипулировать. Он заменил его епископом Сигуэнсы из Куэнки. Затем епископ Сеговии умер, и Калахорра был переведен в Пампелуну, после чего в дальнейших письмах было поручено Сигуэнсе, Пампелуне и избранному епископу Сеговии, но Пампелуна умер и был заменен епископом Авилы, так что, наконец, апрельский отчет 1648 года предписал Авиле, Сигуэнсе и Сеговии действовать в соответствии с их послушанием и под страхом отстранения от всех функций и посещения их церквей. Все они отказались от опасной должности под разными предложениями, но нунций оказал сильное давление на Авилу, и он, в конце концов, согласился. Примечательно, однако, что Вильянуэва так и не предстал перед епископом ни лично, ни через прокурора для возобновления дела. [384]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Проблема, очевидно, становилась все серьезнее, и 14 июля и 27 августа были созваны хунты для рассмотрения ситуации. Поскольку последним руководил Арсе, которого Филипп назначил президентом Кастилии, чтобы увеличить его силу зла, было решено, что король не должен мириться со злоупотреблениями курии в вопросе, в котором на карту поставлена католическая религия. [385] Филипп едва ли нуждался в уговорах, но только 5 ноября он перешел в

наступление, послав дона Педро де Минербе из Королевского совета перехватить дело, в чьих бы руках оно ни находилось, и любые другие, которые мог раздобыть Вильянуэва, вместе со всеми относящимися к нему бумагами. Они должны были рассматриваться хунтой как собранные с определенной целью, чтобы, если они не противоречили привилегиям инквизиции, их можно было казнить, а в противном случае следует уведомить об этом его Святейшество и умолять отменить их. Все нотариусы, которые подавали иски, должны были быть арестованы и заключены в тюрьму с целью их судебного преследования. [386]

Минербе выполнил свою миссию, но прошло то время, когда Фердинанд и Карл V столь непочтительно относились к папским письмам. Филипп IV был принцем совсем другого калибра, и его пошатнувшаяся монархия внушала мало уважения. Арсе чувствовал опасность своего положения, поскольку Иннокентий пригрозил ему низложением, если исполнению дела помешают и взрыв папского гнева будет неизбежен. Он искал убежища, ведя двойную игру, и 19 января 1649 года представил Филиппу отчет о делах, возбужденных папой римским. В этом, процитировав ряд, он добавил, что было много более недавних дел, в которых были затребованы дела и документы, и требования были выполнены, особенно в 1626 и 1627 годах; они доказывали подчинение испанской инквизиции Риму, и даже без них папское превосходство было неоспоримым; обращение Вильянуэвы было обращено непосредственно к папе, которому все верующие были обязаны повиноваться. [387] Таким образом, занеся себя в протокол, несомненно, с королевского попустительства, он почувствовал себя вправе повторить свои утверждения о беспрецедентности папского вмешательства и призвать своего господина к стойкости.

Супрема отправила своего фискала Кабреру в Рим по этому делу, и его усилия, дополненные усилиями Оньяте, склонили Иннокентия уступить, когда пришло известие об изъятии судебных документов. Папское недовольство было крайним, и они без колебаний вступили в бой. Это превратилось в борьбу за независимость с одной стороны и за превосходство с другой, с которой нужно было бороться, поскольку не было почвы для компромисса. В столь опрометчиво спровоцированном противостоянии все преимущество было на стороне курии; она знала это, и ее следующий ход показал, что она была уверена в победе. В кратком сообщении от 1 марта излагались предварительные обстоятельства дела, а затем инквизиция и епископы передали его Апостольскому престолу. На инквизицию, генерального инквизитора и других должностных лиц было наложено вечное молчание, любое действие со стороны которого повлекло бы за собой, *ipso facto* и без дальнейшего наказания, бессрочное и безвозвратное отстранение от богослужения, исполнение папских функций и доступ в церкви, а также лишение их должностей и церковных доходов. Более того, в течение трех месяцев после уведомления об этом они должны были передать в Рим все бумаги, государственные и частные, касающиеся Вильянуэвы, под тем же наказанием, и, наконец, все буллы, начиная с булл Александра VI и далее, касающиеся апелляций, были отменены. [388]

Верховный суд вполне мог бы охарактеризовать Филиппу этот документ как содержащий экстраординарные положения, и он мог бы лишь подсказать ему любимую испанскую формулу, *obedecer y no cumplir*— подчиняться, а не исполнять. Первое, что было сделано, - это обычная просьба к папе отозвать его, основанная на законах королевства и высоких заслугах Святой Канцелярии. Это было сделано в такой спешке, что не было времени сделать чистую копию, и она была отправлена курьером 24 апреля. Это дало передышку, и еще больше было выиграно, когда было заявлено, что оригиналам документов нельзя доверять из-за рисков

транспортировки и что их копирование займет гораздо больше времени, чем отведенные три месяца, поскольку секретари были заняты, а записи были настолько объемными, что занимали более восьми тысяч страниц — грубое преувеличение, поскольку при копировании они составили всего сорок шесть сот. Однако в настоящее время это сработало, и были получены последующие отсрочки. [389]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Ходатайства против судебного приказа, конечно, были бесполезны, и гнев папы усилился, когда он узнал, что всем Вильянуэве прекратили выплачивать жалованье — мелкое преследование, крайне неразумное в сложившихся обстоятельствах. В это время любопытным инцидентом стало письмо от Вильянуэвы от 23 мая с просьбой о том, чтобы его дело было рассмотрено Советом Кастилии, хотя этот орган не мог взять на себя юрисдикцию в подобном вопросе. Вероятно, это была отчаянная попытка найти какой-то выход из создавшегося положения, поскольку Филипп передал его Совету вместе с некоторыми вспомогательными документами для рассмотрения в хунте, которую он заказал, и представления ему консультаций. [390] Это, конечно, не привело ни к какому результату, но указывает на запутанность, которой была окружена ситуация.

Это недоумение усилилось из-за требования Иннокентия об удовлетворении его иска к епископу Авилы. Была собрана хунта, которая ничего не могла поделать, кроме как направить это дело Верховной раде, и последняя могла ответить только консультацией от 15 июля, оправдывая себя за то, что не обратила внимания на апелляцию Вильянуэвы. Не намного лучше это удалось и в документе, составленном 17 июля в пользу герцога дель Инфантадо, нового посла в Риме, поскольку в нем можно было лишь процитировать старые сводки, предоставляющие исключительную юрисдикцию, и попытаться объяснить как исключительные случаи, в которых папа настаивал на своих правах. Все это, однако, было сочтено бесполезным, и началась подготовка к войне в виде инструкций, разосланных в морские порты, о тщательном наблюдении за всеми судами, прибывающими из Италии, когда, если среди пассажиров оказывались папские агенты или нотариусы, их багаж должен был подвергаться тщательному досмотру, а любые папские записки, адресованные епископам или судьям, должны были направляться государственному секретарю, а носильщики должны были содержаться под стражей до дальнейших распоряжений — это делалось в строжайшей тайне и как будто в рамках обычной рутинной работы. Предосторожность оказалась излишней, но в декабре герцог дель Инфантадо сообщил, что его усилия и усилия Кабреры были напрасны; папа настаивал на том, чтобы процесс был перенесен в Рим. [391]

Ссылаясь на время, необходимое для копирования, были получены последовательные отсрочки, последняя из которых истекла в апреле 1650 года. Папа становился все более и более нетерпеливым, особенно из-за того, что епископу Авилы не было предоставлено никакого удовлетворения за изъятие дела и оно не было возвращено, как он требовал. 5 февраля нунцию были отправлены распоряжения о том, что, если документы не будут получены в апреле, должны быть применены все меры наказания, предусмотренные кратким уведомлением о призыве, и Арсе был должным образом уведомлен об этом. Эти наказания лишили генерального инквизитора и Супрему всех функций — фактически отменили их должности, — и друзья Вильянуэвы были заняты сбором доказательств их присутствия на работе, чтобы доказать Иннокентию пренебрежение к его лишению полномочий. Серьезность ситуации отражена в

консульте, представленном Филиппу в это время, в котором взвешиваются пути, которым можно было бы следовать, и намекается на возможный раскол в результате твердой позиции короля в защиту инквизиции. Чтобы предотвратить это, есть надежда, что удастся добиться дальнейшей отсрочки и успокоить папу, вернув дело Авилы. Принятый в конце концов план предложить отправить бумаги и позволить королю задержать их был отвергнут, потому что папа увидел бы это насквозь, и вина за опасную ситуацию была возложена на испанских кардиналов, чье безразличие объяснялось их верой в то, что король благоволит Вильянуэве. [392] Придворные интриги Арсе довели дело до такого состояния, что на горизонте замаячило отделение Испании от католического единства.

8 апреля архиепископ Тарса, папский нунций, официально потребовал у короля документы; последний срок задержки истек, и наказания за неповиновение будут действовать сами по себе. Политика проволочек по-прежнему соблюдалась, и 2 мая Арсе уведомил нунция о том, что копирование завершено — два секретаря и пять других должностных лиц работали над ними по двенадцать-четырнадцать часов в день, — но ввиду определенных рисков было сочтено, что лучше подождать, пока папа укажет, как их следует отправлять. Нунций попросил официальное свидетельство о том, что документы готовы, на основании которого он запросит у папы инструкций, и таким образом был выигран месяц или два. [393]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Все это было просто игрой на потяжку времени. Не было никакого намерения передавать бумаги в Рим, поскольку 24 апреля король отправил Инфантадо секретные инструкции, чтобы предотвратить это, но он ответил 27 июня и снова 26 июля, что Иннокентий отклонил все предложения и было мало надежды на урегулирование. Затем, 14 сентября, была разыграна еще одна сцена комедии, в ходе которой был издан официальный приказ о пересылке документов, а 16-го числа они были доставлены Дамиану де Фонольеда, нотариусу трибунала Барселоны, в пяти томах общим объемом 4600 страниц. Однако отправлять их не собирались, и Фонольеда был задержан в Мадриде до 5 ноября. Тем временем хунта, собранная с этой целью, представила 24 сентября консультацию, в которой говорилось, что бумагам ни в коем случае нельзя разрешать покидать королевство, и в качестве компромисса предлагалось, чтобы этот вопрос решался тремя епископами, заседающими в Верховной Раде, без участия Арсе и членов парламента. Иннокентий, конечно, отверг это, и Фонольеде было разрешено отбыть 5 ноября. В назначенное время он доложил о своем прибытии в Валенсию, и ему было приказано сесть на первое же судно и доставить бумаги папе, но прежде чем он успел выполнить этот приказ, он был отменен, и ему велели подождать. Тем временем Верховный суд, чтобы сохранить себя в тайне и предотвратить папский гнев, обратился к Филиппу 16 сентября, 3 и 19 октября, а также 23 января и 4 февраля 1651 года с неоднократными просьбами разрешить посланнику отплыть. [394]

Эта прозрачная побочная игра не обманула Иннокентия. Кабрера получил аудиенцию 8 января 1651 года и сказал ему, что Фонольеда всего лишь ждет судно, на что папа ответил, что он был в Испании и знает, как там обстоят дела — между королем и генеральным инквизитором существовал сговор. Он добавил, что питает неприязнь к Вильянуэве, на которого ему пришлось пожаловаться, и, вероятно, накажет его строже, чем это сделала инквизиция, на что Кабрера ответил, что это безразлично, поскольку все, чего хочет инквизиция, - это закрыть дверь для этих апелляций. Напряженность становилась опасной, поскольку 18 февраля нунций уведомил

Арсе, что он и Супрема понесли наказание в виде краткого призыва, что они не могут быть освобождены до тех пор, пока документы не дойдут до Рима, и что будут приняты еще более строгие меры. Когда Арче попытался объяснить, нунций сказал ему, что папа упразднит инквизицию, на что Арче возразил, что Бог не позволит ему этого сделать. Сообщая об этом Филиппу, Арсе перечислил суровые наказания, понесенные *ipso facto*, добавив, что если папа опубликует такой приговор, разразится скандал и дискредитирует инквизицию, поэтому от имени Верховного Суда он умолял, как часто просили раньше, чтобы отъезд Фонольеды больше не откладывался. Об этом было запрошено свидетельство для передачи папе римскому, а также срочная мольба от Верховного 1 марта. [395]

Все это было предназначено исключительно для папского потребления. Сам Филипп начал колебаться и 2 марта приказал Государственному совету рассмотреть вопрос о упорстве, с которым папа настаивал на своем посягательстве на регалии и привилегии инквизиции. Арсе ат однажды забил тревогу и в памятном письме королю искренне попытался отговорить его от уступки. Он повторил ложь о том, что за сто пятьдесят лет не было случая, чтобы папа пренебрег королевскими пожеланиями, и напомнил ему, что он заявил, что скорее потеряет свою корону, чем допустит передачу дела в Рим. Теперь он узнает, что король, проконсультировавшись с Советом, решил передать бумаги Инфантадо с инструкциями не доставлять их или попросить папу вернуть посылку, не вскрывая ее; глупо полагать, что он это сделает, и такой прецедент погубит инквизицию. [396]

В этом памятнике Арсе ссылается на полученное некоторое время назад папское повеление удалиться на свою кафедру в Пласенсии, где он отсутствовал восемь лет, — излюбленный метод, как мы видели, избавления от назойливого генерального инквизитора. Команда была проигнорирована, и теперь ее настойчиво повторили. Филипп пожаловался своему послу, что это еще более оскорбительно, чем упоминание дела Вильянуэвы; это нанесло бы непоправимый ущерб религии и государству; он попросил нунция приостановить действие ордена, и теперь он просит папу принять отставку Арсе с поста епископа и передать буллы о вручении его преемнику. Иннокентий был слишком проницателен, чтобы утратить власть над своим противником; он играл быстро и развязно с отставкой, пока не добился своего, и только 2 декабря 1652 года она была принята и преемник Арсе, епископ Саморы, был определен заранее. Арсе лишился престола, но с благодарностью признал, что щедрость Филиппа была такова, что он мог отказаться от доходов. Должно быть, это дорого обошлось королю, поскольку Пласенсия была одной из богатых епархий, доходность которой в 1612 году оценивалась в сорок тысяч дукатов в год. [397]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Несмотря на протесты Арса, Филипп последовал совету своих советников. В письме от 11 апреля 1651 года он объявил Инфантадо, что Фонольеде отдан приказ отплыть и доставить ему бумаги. Затем, с серьезностью, которая выдает цену жертвы, герцогу предлагается освежить в своей памяти все аргументы, выдвинутые в предыдущих депешах, и, когда он, таким образом, будет полностью подготовлен, он должен попросить аудиенции и выразить огорчение короля из-за того, что его заставили подчиниться нововведению, столь беспрецедентному и столь подрывающему права инквизиции. Если это не подействует на папу, он должен попросить, чтобы процесс был возвращен нераспечатанным, когда инквизиция пересмотрит дело. Если это не увенчается успехом, он должен потребовать, чтобы дело было возвращено трем епископам.

В случае отклонения этих предложений процесс должен быть положен к ногам папы римского с призывом рассмотреть, прежде чем открывать его, немилость, проявленную к королевской особе и королевству Испания в глазах всего христианского мира. [398] Филип был изрядно избит. Если его унижение было крайним, то это потому, что он придавал этому вопросу такое абсурдное случайное значение и поставил все на борьбу, в которой папство имело неоспоримое право быть на своей стороне. Ему ничего не оставалось, кроме как отступить, и со странной неудачей, порожденной слабостью и упрямством, он ухитрился придать своему поражению как можно более недостойный вид.

Разрешение на плавание было выдано Фонольеде 14 апреля, но только 17 сентября Инфантадо сообщил, что передал процесс папе римскому в надежде, что он будет быстро возвращен, не будучи прочитанным министрами или, по крайней мере, более чем одним. Впоследствии испанцам было удобно утверждать, что было дано обещание не вскрывать посылку, но такое обещание было бы нелепым, и это письмо показывает, что в лучшем случае была некоторая уверенность в том, что о содержимом будут знать лишь немногие. В то же время нет ничего удивительного в том, что инквизиция остро почувствовала позор от того, что такая запись была выставлена на всеобщее обозрение, и немедленно предприняла усилия по возвращению бумаг. Уже 31 октября Инфантадо сообщает о своих усилиях по достижению этой цели, но пока безуспешно. [399]

Инфантадо был заменен графом Оропеса, чье письмо-инструкция от 23 апреля 1652 года предписывает ему уделить этому вопросу особое внимание. Иннокентий поручил это дело кардиналам Луго и Альбици, но в июне он заявил кардиналу Тривульцио, тогдашнему представителю Испании, что он приложил к нему много труда и распознал в нем противоречия и вариации, что привело его к убеждению, что это был вопрос мстительности. Он отказался вернуть бумаги, но не захотел лично вмешиваться в это дело и подумал, что мог бы поручить его некоторым епископам. [400] Теперь, когда он подтвердил свою юрисдикцию, он, очевидно, испытывал мало интереса к тому, что считал просто интригой.

Больше ничего не предпринималось до тех пор, пока 12 октября Иннокентий не направил две записки, одну королю, а другую Арсе. Очевидно, что оправдательный приговор в 1632 году и осуждение в 1647 году вызвали немалые комментарии в Риме, поскольку в этих сводках выражается большое удивление переменчивостью мнений калификадоров, консулов и судей, чего можно было бы ожидать от населения, но не от образованных и вдумчивых людей. Чтобы смягчить этот упрек, последовало несколько выражений, высоко оценивающих инквизицию как украшение и защиту Испании, и, обращаясь к королю, Иннокентий добавил, что из-за важности и запутанности дела он не смог прийти к какому-либо заключению. Однако нунций, передавая свое заключение Арсе, сообщил ему, что папа решил передать это дело в распоряжение короля и что бумаги были возвращены Тривульцио в Рим. Арсе сиял от триумфа; Кабрера сообщил о том же и подал прошение, чтобы ему разрешили вернуться, и ничего не оставалось, как вернуть бумаги. Однако они не пришли и не возобновили рассмотрение дела; Арче забеспокоился и 4 января 1653 года умолял короля убедить Тривульцио заполнить их. [401]

Иннокентий либо получал злонамеренное удовольствие, возбуждая надежды, а затем разочаровывая их, либо использовал свое положение, чтобы получить дипломатическое преимущество в растущей напряженности между дворами из-за женитьбы Барберино на внучке его брата — сделки, в ходе которой он жаловался, что испанские министры чуть ли не угрожали

ему и что по этому случаю не было отправлено подарка. Письма Кабреры от декабря 1652 года и первой половины 1653 года сообщают о серии уступок и обещаний, данных и нарушенных Иннокентием, которые показывают, что для него Вильянуэва был всего лишь пешкой в игре между Римом и Мадридом. [402]

ДЕЛО ВИЛЬЯНУЭВЫ

Вильянуэва умер в Сарагосе 21 июля 1653 года. В своем завещании, исполненном накануне, он предусмотрел достаточно средств для спасения своей души, и Сан-Пласидо был у него на уме до последнего, поскольку он назначил его покровителем своего племянника Джеронимо и его потомков, или, за их неимением, свою племянницу Маргариту и ее потомков, которые были главными наследниками его большого состояния. Единственное изменение, которое это внесло в дело, заключалось в том, что инквизиция предложила воспользоваться возможностью начать новое судебное преследование против его славы и памяти — очевидно, с двойной целью: подтвердить свою юрисдикцию и, наложив арест на его имущество, ограничить семью, которая продолжала свои усилия в Риме для оправдания. К счастью для них, Александр VII, усмотревший в таких действиях вторжение в свою юрисдикцию, запретил в 1656 году это трусливое осквернение праха умерших, и когда в 1659 году Арсе с неуголимой злобой попытался добиться отмены этого запрета, попытка оказалась безуспешной. [403]

Вряд ли стоит подробно следить за дальнейшим утомительным ходом этого дела, в котором упорство Испании было противопоставлено коварной дипломатии Рима. В течение многих лет продолжались настойчивые попытки вернуть дело обратно или, по крайней мере, вернуть документы, чтобы создать впечатление, что оно было возвращено. Воодушевленный энергичными инструкциями Филиппа от 24 августа 1658 года, его посол Гаспар де Собремонте провел бурную беседу с Александром VII, в ходе которой папа, наконец, сказал ему, что дело никогда не рассматривалось Конгрегацией инквизиции и что король должен довольствоваться заключением от 12 октября 1652 года. На это Собремонте возразил, что это заключение ничего не решает, когда папа туманно сказал, что он посмотрит, можно ли дать инквизиции какое-либо удовлетворение. Так продолжалось до тех пор, пока Александр, устав от срочности, которая обещала быть бесконечной, не прервал ее 29 марта 1660 года кратким письмом королю, в котором он сообщил, что дело было окончательно завершено Иннокентием X, как явствовало из его писем Филиппу и Арсе от 12 марта (12 октября 1652 года). Больше об этом нечего было сказать, поскольку это было бы полностью объяснено архиепископом Коринфа, нунцием, которому следует отдать должное в полной мере. [404]

На этом закончилось дело, которое с момента своего начала в 1628 году длилось тридцать два года. Кабрера провел в Риме почти двенадцать лет и щедро заработал епископство Саламанки, которое вознаградило его труды, но его усилия там обошлись Супремe почти в сто тысяч дукатов, в то время как она представляла себя совершенно обнищавшей. Арсе удалось отстранить Вильянуэву от суда и очернить его память, но победа осталась за папством, которое отстояло свою апелляционную юрисдикцию, поскольку, хотя оно так и не решило дело, оно сохранило его во владении и бумаги, которые были символом его прав.

Со своей обычной беспринципностью Suprema попыталась обойти прецедент, когда в 1668 году это было заявлено в споре с епископом Майорки (Vol. I, стр. 501). В консультациях того года дается краткое изложение дела вплоть до передачи бумаг папе, который затем, как утверждается далее, направил Арсе краткое, полное благосклонности письмо, одобряющее

приговор Вильянуэве и метод процедуры; правда, было нарушение в разрешении бумагам оставаться в Риме, но папа извинился, потому что оригиналы находились в Испании; дурной пример побудил нескольких влиятельных людей обратиться с апелляциями к Святому Престолу, но папа отказался принять их, признав, что это наносит ущерб вере. Когда в ходе той же ссоры Арагонский собор похвастался буллами, запрещающими апелляции, он указал, что папы всегда сохраняли свои зарезервированные права с помощью пункта, исключаящего случаи, когда они должны вставлять в свои письма текст булл, в которых были допущены такие отступления. [405]

СТОЙКОСТЬ К БУРБОНУ

В последующей ссоре с канониками и духовенством Майорки в 1671 году (т. I, стр. 503) последний подал апелляцию к Святому Престолу на основании сводки, полученной в 1642 году, и добыл письма, объявляющие недействительными отлучения, вынесенные трибуналом, и действительными те, которые были произнесены исполнителями сводки. Нунций показал эти письма генеральному инквизитору вместе с бумагой, в которой утверждалось, что эти апелляции должны быть разрешены, и просил, в случае, если существует какая-либо привилегия или регалия, противоречащая этому, показать их ему. Это было испытание, с которым Верховный суд не смог справиться, и после долгой задержки он отправил 11 июня 1676 года королю все документы, касающиеся этого вопроса, и попросил его собрать хунту, чтобы рассмотреть их и посоветовать ему, что делать. Должно быть, было невозможно решить этот вопрос благоприятным образом, поскольку в консульте от 28 июля 1693 г. по случаю новых беспорядков оно выразило свое глубокое сожаление по поводу того, что хунта не смогла прийти ни к какому заключению. [406]

Таким образом, два столетия пререканий оставили Святой Престол во владении его непреложной юрисдикцией, но бурбоны были менее почтительны, чем Габсбурги. В 1705 году враждебность папства побудила Филиппа V запретить публикацию папских записок без королевской экзекватуры и запретить все обращения в Рим. Он стоял на своем, несмотря на яростные манифесты Монроя, архиепископа Сантьяго, доказывавшего, что повиноваться надлежит папе, а не королю, и более умеренные аргументы кардинала Беллуги, в то время епископа Картахоны. [407] После этого мы мало что слышим об обращениях отдельных лиц, и, действительно, опыт Вильянуэвы, хотя и казался поражением инквизиции, на самом деле был победой, поскольку показал, насколько безнадежной была борьба заключенного со всей мощью инквизиции и короны. Даже когда Святой Престол имел преимущество в том, что находился во владении спорящим лицом, он мог вести бой только вничью, как в случае с Мануэлем Агирре, который в 1737 году сбежал из тюрьмы инквизиции, добрался до Рима и лично подал свою апелляцию. Когда курия потребовала документы, необходимые для суда над ним, генеральный инквизитор Орбе-и-Ларратеги ни в коей мере не отрицал прав папы, но утверждал, что инквизиция имеет привилегию завершить дело до направления документов на рассмотрение, и предложил, что, если Святой Престол вернет заключенного, его бегство не должно рассматриваться как отягчающее его преступление, и в свое время вся желаемая информация будет предоставлена Риму. Принятие такого предложения было невозможно, но папство было не в том положении, чтобы оспаривать этот вопрос. После смерти Орбе в 1740 году курия снова вынесла это дело на обсуждение, но, похоже, единственным открытым

выходом было поручить нунцию склонить инквизицию к повиновению, и мы можем с уверенностью заключить, что Агирре сбежал без суда. [408]

Церковные организации, как и в случае с Майоркой, были в лучшем положении для участия в подобных конфликтах, но Филипп V был так же не склонен, как и его предшественники, допускать их. Многочисленные ссоры из-за запрещенных пребенд и бенефиций, проводимых чиновниками инквизиции, всегда были плодотворным источником подобных обращений, и курия никогда не отказывалась принимать их к сведению. Типичным случаем был случай с Франсиско Велесом Фриасом, личным секретарем генерального инквизитора Камарго, который получил сан регента в кафедральном соборе Вальядолида, к большому неудовольствию капитула. Суд обратился к генеральному инквизитору за документами по делу, утверждая, что даст ответ, но вернул их без комментариев и обратился в Рим, где получил рескрипт от Бенедикта XIII, передающий дело аудитору Камеры и запрещающий генеральному инквизитору заниматься им. Когда Филиппу сообщили об этом, он вмешался в духе Фердинанда. По его приказу маркиз де ла Компуэста написал декану и капитулу 19 июня 1728 года, выражая в решительных выражениях королевское неудовольствие актом, столь оскорбительным для генерального инквизитора, чья юрисдикция в подобных вопросах была исключительной, и столь противоречащим воле короля и его регалий. Им было приказано, не давая ответа, отклонить апелляцию и обратиться к генеральному инквизитору и Верховному судье, которые вершили бы правосудие по этому делу. Можно с уверенностью предположить, что они не рискнули ослушаться. [409]

Папство XVIII века было не в том положении, чтобы оспаривать растущую независимость светских властей, в то время как возрождение Испании при Бурбонах сделало безнадежной любую борьбу против решимости монархов регулировать внутренние дела королевства. Однако в этом Святой Престол был лишен своих неприкосновенных прав, поскольку последнее авторитетное заявление Церкви, сделанное в 1899 году, говорит нам, что догматом веры является то, что римский понтифик является верховным судьей верующих и что во всех церковных делах к нему можно обращаться. Поэтому запрещается, под страхом отлучения, обращаться от него к будущему собору или каким-либо образом препятствовать осуществлению церковной юрисдикции, будь то на внутреннем или внешнем форуме. Более того, это противоречит здравому смыслу - превозносить человеческую власть над духовной, которая является высшей над всеми силами. [410]

КНИГА IV.

ОРГАНИЗАЦИЯ.

ГЛАВА I.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНКВИЗИТОР И ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ.

Высокая эффективность испанской инквизиции была во многом обусловлена ее организацией. Разрозненные подчиненные трибуналы, которые занимались непосредственно обвиняемыми, не были независимыми, как в старой папской инквизиции, но находились под контролем

центрального руководителя, состоящего из генерального инквизитора и совета, который для краткости мы называли Suprema. Было замечено, как Фердинанд и Изабелла, после нескольких лет опыта, добились от Святого Престола назначения Торквемады главным инквизитором с правом делегировать его полномочия и отстранять своих делегатов - власть, которая давала ему абсолютный контроль. Сначала считалось, что полномочия генерального инквизитора должны были быть возобновлены после смерти папы, который их издал, хотя в старой инквизиции после продолжительного обсуждения в 1290 году Николаем IV в булле *Ne aliqui* было решено, что полномочия инквизиторов являются постоянными. [411] Впоследствии от этой формальности отказались, и к концу шестнадцатого века комиссионные были предоставлены *ad beneplacitum* — по благоволению Святого Престола — и это продолжалось до конца. [412] Аналогичным образом возникал вопрос о том, прекращаются ли полномочия инквизиторов со смертью генерального инквизитора. Когда Меркадер Арагонский умер в 1516 году, Верховный суд, сообщив новость трибуналам, поручил им продолжать свою работу; в некоторых местах светские власти предположили, что они больше не находятся на своем посту, пришлось получить королевское письмо, чтобы предотвратить вмешательство в их деятельность, и, когда был назначен кардинал Адриан, он подтвердил их полномочия. [413] Для каждого нового генерального инквизитора стало обычным продлевать полномочия при вступлении на престол, но поскольку часто наступал значительный перерыв, возникал вопрос, не были ли в течение этого времени недействительными все акты как Верховного суда, так и трибуналов. В 1627 году был сделан вывод, что они обладали делегированными полномочиями непосредственно от папы римского, а не от генерального инквизитора, так что их полномочия были непрерывными. [414] Это была вынужденная конструкция, несколько унижающая авторитет генерального инквизитора, и была нарушена в 1639 году, когда Верховный суд решил, что генеральный инквизитор может наделять полномочиями только при своей жизни, и поэтому каждый при вступлении на престол подтверждал назначения всех должностных лиц по своему усмотрению, что по-прежнему оставалось используемой формулой. [415] Это оставило открытым вопрос о междоусобице, который, по-видимому, был несколько принудительно решен по необходимости, например, когда Джудиче ушел в отставку в 1716 году, а его преемник, Джозеф де Молинес, служил аудитором Роты в Риме. Верховный судья, уведомляя суды о своем назначении, сообщил им, что до его прибытия в Мадрид они должны продолжать выполнять свои функции. [416]

ВЕРХОВНЫЙ ОБРЕТАЕТ СИЛУ

Что касается Верховного суда, то на первый взгляд может показаться, что это был всего лишь консультативный орган. Я уже упоминал о деле, в котором Торквемада яростно отменил решения трибунала Медина-дель-Кампо, действуя автократично и без оглядки на Совет, как будто у него не было исполнительных функций. Не имело оно и законодательных полномочий. Более ранние Инструкции были изданы от имени генерального инквизитора, и, когда он пожелал получить консультацию при разработке общих правил, он не стал совещаться с Советом, а собрал инквизиторов и ассессоров трибуналов, которые обсудили вопросы и сформулировали правила процедуры, как в Инструкциях Вальядолида 1488 года. [417] Корона, по сути, была высшим арбитром поскольку в дополнительных инструкциях 1485 года инквизиторам было предписано, когда сомнительные вопросы были важными, обращаться к суверенам за приказами. [418] Именно генеральный инквизитор также обладал важнейшей

властью кошелька. Инструкции Авилы от 1498 года, все еще изданные от имени Торквемады, устанавливают жалование всем должностным лицам трибуналов и добавляют, что, когда генеральные инквизиторы видят, что в этом есть необходимость или требуется особый труд, они могут назначать такие *ayudas de costa*, или чаевые, какие они сочтут необходимыми. [419]

Однако было неизбежно, что Совет приобретет власть. Торквемада старел, и, хотя в тот период трибуналы действовали независимо, вынося обвинительные приговоры виновным и применяя аутодафе по своему усмотрению, все же он обладал апелляционной юрисдикцией, что, несомненно, приводило к большому объему дел, чем он мог выполнять индивидуально, в дополнение к другим своим функциям. Также, должно быть, были частыми случаи, когда *консультативные органы* или хунты экспертов, призванные для оказания помощи в вынесении решения, не были единодушны или когда возникали сомнения, которые местные судьи считали некомпетентными разрешить. Таким образом, нам сообщают, что на собрании инквизиторов в Вальядолиде в 1488 году состоялось всестороннее обсуждение трудностей, возникающих из—за некомпетентности или недостаточного числа консультантов, и было решено, что при возникновении сомнений или *разногласий* (техническое название из-за отсутствия единодушия) фискал трибунала должен передать документы Торквемаде, который передаст их Верховному судье или тому из его членов, кого он может назначить, - таким образом показывая, насколько полно от него исходили его полномочия и насколько подчиненным было его положение. [420] По мере того, как Торквемада становился все более немощным, несмотря на то, что к нему присоединились четверо коллег, важность Верховного Суда возросла, как видно из Инструкций Авилы 1498 года, где это положение носит измененную форму, согласно которой, когда в трибуналах возникают трудные или сомнительные вопросы, инквизиторы должны консультироваться с Верховным судом и приносить или отправлять документы по его приказу. [421]

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНКВИЗИТОР И ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

Когда Торквемада скончался, в отсутствие его энергичной личности Совет быстро стал определяющим фактором в организации. В 1499 и 1503 годах инструкции общего характера, хотя и подписанные одним генеральным инквизитором, также имеют подписи двух или трех членов Совета и скреплены подписью секретаря “от имени сеньорес совета”. Указ от 15 ноября 1504 года, хотя и подписанный одним Дезой, свидетельствует о том, что он принят с согласия, мнения и голосования Совета. [422] Он также предполагал апелляционную юрисдикцию, поскольку 10 января 1499 года объявил инквизиторам, что, если какие-либо стороны обратятся к нему с апелляциями, он заслушает их и отправит то, что сочтет правосудием. [423] Если папское подтверждение этого отсутствовало, оно было предоставлено Львом X в его булле от 1 августа 1516 года, в которой он наделил членов Совета совместно с генеральным инквизитором полномочиями действовать по всем апелляциям, возникающим в связи с делами веры. [424]

Смерть Фердинанда 23 января 1516 года, заботы Хименеса, который до своей смерти в ноябре 1517 года был губернатором Испании, а также молодость и неопытность Карла V дали Верховной власти возможность расширить свои функции. Мы находим, что он регулирует детали и дает инструкции трибуналам во многом в духе самого Фердинанда. [425] Этому способствовал тот факт, что у него был собственный президент, который во время вакансий исполнял обязанности генерального инквизитора, практика, по-видимому, началась в 1509 году, когда Хименес накануне своего отъезда с экспедицией в Оран потребовал от Фердинанда

назначить архиепископа Гранады Франсиско де Рохаса президентом Совета на время его отсутствия. [426]

У ВЕРХОВНОГО ЕСТЬ ПРЕЗИДЕНТ

Супрема с собственным постоянным президентом, очевидно, была вполне пригодна для того, чтобы посягать на функции генерального инквизитора, и, поскольку политика в отношении этого президентства менялась, возможно, стоит последовать тем указаниям, которые мы можем найти относительно этого. В 1516 году Мартин Сурбано был президентом верховных советов Кастилии и Арагона, а в промежуток между смертью Меркадера и восшествием на престол кардинала Адриана он исполнял обязанности генерального инквизитора Арагона. [427] В 1520 году, когда Карл в Корунье уезжал из Испании, он назначил президентом Франсиско де Соса, епископа Альмерии. В 1522 году кардинал Адриан 5 августа, в день своего отъезда из Таррагоны в Рим, назначил Гарсию де Лоайсу, будущего генерального инквизитора, президентом Советов Кастилии и Арагона. [428] Неизбежно должны были возникнуть вопросы относительно сравнительного статуса такого чиновника и генерального инквизитора. Соса, как президент, получал зарплату в 200 000 мараведи, в то время как Адриан, как генеральный инквизитор, получал только 150 000, столько же, сколько и другие члены Совета. [429] Это подразумевало превосходство и, очевидно, было необходимо обеспечить соблюдение субординации, поскольку, когда в 1539 году кардинал Тавера был назначен генеральным инквизитором, а Фернандо Вальдес президентом, последнему было сказано, что он никоим образом не должен изменять приказы первого. Поэтому, когда в 1549 году Вальдес сменил Таверу и Фернандо Ниньо, епископ Сигуэнсы, стал президентом, Карл V написал ему из Брюсселя 26 марта, что он должен подчиняться инструкциям, данным Вальдесу при его вступлении на престол. [430] Несомненно, было обнаружено, что это дублирующее руководство привело к неприятностям, и должности президента было разрешено прекратить действие, поскольку в 1598 году, по словам Парамо, президентом был генеральный инквизитор. [431] В 1630 году Филипп IV предложил возродить его под титулом губернатора Супремы, но Совет запротестовал, утверждая, что он с самого начала успешно функционировал без такого главы; если бы у офиса не было особых прерогатив, это было бы излишним; если бы это было так, возникли бы столкновения с генеральным инквизитором; в любом случае нововведение было бы расценено Советом. общественность как свидетельство того, что Совет нуждается в улучшении. [432] Это, возможно, отложило, но не помешало созданию офиса, поскольку в 1649 году мы находим действующего президента. [433] Вероятно, вскоре это было прекращено, поскольку в некоторых списках членов около 1670 года ни один из них не указан президентом, и если в 1815 году кто-то из них занимал почетное место декана, то он, вероятно, был только старшим членом. [434]

Независимо от влияния, которое могла оказывать должность президента, отношения между генеральным инквизитором и Супремой были неопределенными и непостоянными. При кардинале Адриане мы иногда обнаруживаем, что Советы действуют как независимые, а иногда Адриан делает то же самое. В арагонских беспорядках из-за Хуана Прата Верховный нигде не появляется — все происходит от имени Адриана или Карла. В промежуток между избранием Адриана папой 9 января 1522 года и его отъездом из Испании 5 августа он и Супрема временами действовали независимо друг от друга. [435] Поскольку вакансия не была заполнена до сентября 1523 года назначением Манрике, не может быть никаких сомнений в том, что это упразднение должности генерального инквизитора создало прецеденты для развития деятельности и функций Верховного суда, который при Манрике принимает участие во всех

делах, подписи членов, следующих за ним в письмах и указах; это быстро становилось непосредственный исполнительный и законодательный глава Священной канцелярии. [436] Его опала и низведение до престола в 1529 году не могли не стимулировать эту тенденцию. За время его отсутствия от него поступило много писем с вопросами по его решению, но также много писем в суды, свидетельствующих о том, что он действовал полностью независимо.

ВЕРХОВНАЯ ЛИЧНОСТЬ СТАНОВИТСЯ ДОМИНИРУЮЩЕЙ

Результат этого виден в 1540 году, когда кардинал Тавера, объявляя трибуналам о своем вступлении в должность, сообщает им, что он будет действовать с согласия и мнения членов Совета, и когда в том же году он назначил Николао Монтаньянеса инквизитором Майорки, он отсылает его к тому, что Совет пишет ему относительно его обязанностей. Право назначения продолжало давать генеральному инквизитору определенное преимущество, но в остальном он и Супрема объединились в один орган — факт, подчеркиваемый декларацией от 14 мая 1542 года о том, что они вместе составляли лишь единый трибунал и что апелляция от одного к другому не подавалась. [437] Тем не менее, в генеральстве инквизиторов был примат чести. Когда *Instrucciones nuevas* — тщательно разработанный процессуальный кодекс, воплощенный в Инструкциях 1561 года, — был направлен трибуналам, он был составлен от имени генерального инквизитора Вальдеса, но во вступительной записке он указывает, что они были тщательно обсуждены на Совете, где было решено, что их должны соблюдать все инквизиторы. [438]

Таким образом, Верховный суд справедливо зарекомендовал себя как правящая сила инквизиции, и его независимое положение описано венецианским посланником Симоне Контарини в его Отношении от 1605 года, где он говорит, что он абсолютен во всем, что касается веры, и не обязан, как другие Соборы, консультироваться с королем. Генеральный инквизитор, добавляет он, занимает все должности, за исключением членов Совета, имена которых представляются королю. [439] Даже в вопросе этих назначений, как мы видели, инструкции Филиппа II, III и IV с 1595 по 1626 год требуют, чтобы генеральный инквизитор консультировался с Верховной властью при назначении инквизиторов и фискалов.

Различные документы XVII века показывают, что генеральный инквизитор ни в коем случае не присутствовал на всех ежедневных заседаниях Совета и редко голосовал по делам, переданным на его рассмотрение. [440] В письмах Верховного суда решение, принятое в его присутствии, фиксирует факт — “visto в совете, представить бывшего^{мо} сеньора генерального инквизитора”, - но у гораздо большего числа нет такой формулы, указывающей на то, что оно действовало без него и что его действия были обязательными. [441] Другая часто используемая формула - “consultado con el ex^{мо} сеньор генеральный инквизитор”, которая заставляет Верховную власть действовать, а генерального инквизитора просто консультироваться. [442] Однако, конечно, власть, которой обладал генеральный инквизитор, должна была сильно варьироваться в зависимости от характера личности и влияния, которое он имел на короля. Такой человек, как Арсе-и-Рейносо, в таком случае, как Вильянуэва или Нитхард при королевеве-регентше, использовал огромный авторитет Святой Канцелярии по своему усмотрению.

В ходе обсуждений в Совете еще в 1551 году мы находим, что решения принимались большинством голосов, и когда примерно в 1625 году произошла ничья и властный Пачеко попытался решить этот вопрос, ему прямо сказали, что он не может этого сделать — его голос учитывался не больше, чем у любого другого члена. [443] Подробный отчет о процедуре,

датируемый 1666-1669 годами, сообщает нам, что при зачитывании письма, петиции или мемориала, если это рутинный вопрос, генеральный инквизитор принимает решение без голосования; если это вызывает сомнения, он проводит голосование, начиная с самого молодого члена. Если это вопрос справедливости, решение принимает большинство; при равенстве голосов оно откладывается до тех пор, пока не будут вызваны другие члены; все подписывают документы, независимо от того, как они голосовали. Генеральному инквизитору нет необходимости присутствовать на протяжении всего заседания; ему достаточно находиться там в течение двух часов утром для того, что особенно касается его юрисдикции, и ему не нужно помогать во второй половине дня, когда вопросы, не относящиеся к вере, обсуждаются с двумя вспомогательными членами Совета Кастилии. Другой автор сообщает нам, что было запрещено указывать причины голосования и что отсутствующие члены могли голосовать в письменной форме. [444]

Таким образом, отношения между генеральным инквизитором и Верховной Властью не имели какого-либо точного определения и, следовательно, были открыты для различных мнений. Писатель, который около 1675 года составил исчерпывающий отчет о работе инквизиции, признает, что вопрос о том, мог ли генеральный инквизитор действовать самостоятельно и обходиться без Верховного суда, был спорным, но он заявляет, что преобладающим мнением является то, что члены независимы и действуют на основании немедленно делегированных папой полномочий; в его отсутствие их действия являются окончательными, и то же самое происходит, когда должность вакантна. Это, по его словам, неизменный обычай, и невозможно найти ни одного случая, когда он действовал бы без Верховного, в то время как Верховный в его отсутствие действует без него. [445]

Как мы видели, это была узурпация, усиленная рецептом. Это было справедливо проверено в 1700 году генеральным инквизитором Мендосой на процессе над фраем Фройланом Диасом, который в некоторых отношениях был одним из самых примечательных дел в анналах инквизиции.

ДЕЛО ФРОЙЛАНА ДИАСА

Карлос II, последний из Габсбургов, которые были проклятием Испании, был слабоумным в равной степени умом и телом. Существо, менее приспособленное к правлению, вероятно, никогда не занимало трон, и это было его несчастьем, не меньшим, чем несчастье его народа, в том, что, достигнув его на четвертом году жизни, через тридцать пять утомительных лет, с 1665 по 1700 год, он пошатнулся под этим бременем, в то время как его королевство все глубже погружалось в нищету и унижение. Он был всего лишь марионеткой в руках любого интригующего мужчины или женщины или искусного исповедника, которые могли бы добиться власти; преждевременно состарившись, когда он должен был быть в расцвете мужественности, с постоянно нарастающими душевными и телесными страданиями, он неугомонно стремился ко всему, что могло обещать облегчение. Его первая жена, Мария Луиза Орлеанская, умерла бездетной, а вторая, Мария Анна Нойбургская, на которой он женился в 1690 году в тщетной надежде на наследника, была амбициозной женщиной, которая быстро подчинила его себе и управляла Испанией через своих фаворитов. Вскоре стало известно, что преемника придется выбирать из числа побочных ветвей, и после активных интриг при дворе сформировались партии в поддержку двух наиболее выдающихся претендентов — Филиппа, герцога Анжуйского, внука Людовика XIV, которому отдавали предпочтение массы народа, и эрцгерцога Карла, сына

императора Леопольда I, чьи притязания поддерживала королева. К несчастью Фройлана Диаса, он стал предметом игры противоборствующих фракций.

В 1698 году произошел придворный переворот. Королевством практически управлял королевский духовник, доминиканец по имени Педро Матилла, который контролировал королеву, обогащая и продвигая ее фаворитов, видным среди которых был дон Хуан Томас, адмирал Кастилии. Он ничего не просил для себя — как он сказал графу Оропесе, он предпочитал ставить епископов, чем быть одним из них. Карлос ненавидел и боялся его и, наконец, тайно раскрылся кардиналу Портокарреро, архиепископу Толедо, одному из лидеров французской фракции. Не теряя времени, Карлос воспользовался этой возможностью, и приветствовал предложение заменить Матиллу другим доминиканцем, Фраем Фройланом Диасом, профессором теологии Университета Алькала, простодушным и искренним человеком, чья жизнь прошла в монастырях и колледжах и который ничего не знал об интригах и политике. Карлос попросил тайно доставить его ко двору, и первым намеком Матильды на его позор было то, что Диаса провели к королю через королевскую прихожую. Он удалился в свою келью в монастыре дель Росарио, где через неделю скончался — говорили, от умерщвления плоти.

В апреле 1698 года Фройлан Диас вступил во владение местом в Верховной палате, зарезервированным для королевского духовника. Заговоры с целью его свержения начались сразу же, и он бессознательно помогал им, разжигая раздоры в своем собственном Доминиканском ордене настолько опрометчиво, что на следующем капитуле его самый злейший враг Николас де Торрес-Падмота был избран провинциалом. Его необдуманное рвение вскоре завело его на еще более опасные пути, которые разжигали враждебность и давали возможность для ее удовлетворения. Здоровье короля неуклонно ухудшалось, судороги и обмороки, от которых он страдал, постоянно усиливались, и распространилось мнение, что он был околдован. Генеральный инквизитор Вальядарес вынес этот вопрос на рассмотрение Верховного суда, когда он с тревогой обсуждался без принятия мер. Вальядарес умер в 1795 году, и ему наследовал доминиканец Хуан Томас де Рокаберти, архиепископ Валенсии, с которым в январе 1698 года Карлос тайно проконсультировался относительно слухов, приписывающих его болезнь колдовству, и попросил расследовать этот вопрос и разработать лекарство. Это снова было передано на рассмотрение Верховного Суда, но, как и прежде, совет счел это дело слишком опасным, чтобы в него вмешиваться. Когда Диас стал членом клуба, Рокаберти обратился к нему, и он охотно пообещал помочь.

ДЕЛО ФРОЙЛАНА ДИАСА

Не было никаких указаний для начала расследования, пока Диас случайно не узнал, что в женском монастыре Кангас (Овьедо) было несколько монахинь, одержимых демонами, которых изгонял брат Антонио Альварес де Аргуэльес, его бывший сокурсник. Веками существовало поверье, что одержимых демонами под пытками экзорцизма и оскорблениями, которыми их осыпал священник, можно заставить раскрыть факты, выходящие за рамки человеческих возможностей установить. Большая часть современных средневековых представлений о духовной вселенной была почерпнута из этого источника, и практика такого поиска знаний для похвальных целей была признана законной при условии, что это делалось императивно, а не требовалось как одолжение. Даже удовлетворение праздного любопытства демонами было всего лишь простительным грехом. [446] Фройлан Диас таким образом, просто использовал законный метод, когда предположил, что следует заставить демонов Кангаса выявить причины

болезни короля, что стало бы шагом к ее излечению. Рокаберти с готовностью согласился и обратился к доминиканскому епископу Овьедо, но этот осторожный прелат не решался браться за столь опасное дело и отклонил это предложение. Затем Диас обратился к Аргуэльесу, который сначала отказался, но в конце концов согласился, если бы у него были письменные приказы от генерального инквизитора и исповедника. Соответственно, 18 июня Рокаберти написал, что напишет имена короля и королевы на листе бумаги, приложит его к своей груди и спросит демона, страдал ли кто-нибудь из них от колдовства; Диас вложил это в собственное письмо и подготовил шифр для переписки. Услужливый демон поклялся Богом, что король был околдован в возрасте четырнадцати лет, чтобы сделать его импотентом и неспособным управлять страной. С этими словами Аргуэльес попытался ретироваться, но Рокаберти и Диас настаивали на том, чтобы он выяснил дальнейшие подробности и противоядия от колдовства, и 9 сентября он написал, что королева-мать наложила заклинание 3 апреля 1675 года в чашке шоколада, чтобы сохранить силу; амулет был сделан из членов мертвеца, а средства действовали с освященным маслом, очищая и отделяя от королевы.

Карлоса старательно раздели, помазали, очистили и помолились над ним, но без всякой цели, кроме как напугать и измотать его. В течение года переписка энергично поддерживалась, получая от демонов ответы на удивление недвусмысленные, но в то же время уклончивые и противоречивые. Одно время говорили, что он был околдован во второй раз, 24 сентября 1694 года; тогда демоны отказались говорить больше, за исключением того, что их предыдущие утверждения были ложными и что Карлос не был околдован. Были также противоречия относительно нанятых колдуний, которые были названы по именам и даны их адреса, но попытки найти их оказались бесплодными. Судьбы Испании зависели от легкомысленных высказываний истеричных девушек, которые однажды не сказали того, что утверждали накануне. Дело достигло таких масштабов, что император Леопольд официально сообщил о разоблачениях венского бесноватого, в которых фигурировала колдунья по имени Изабель, которую тщетно искали, а также послал в Мадрид знаменитого экзорциста по имени Фрай Мауро Тенда, который тайно изгонял бесов из короля в течение нескольких месяцев, что, естественно, усугубило его болезнь.

Тем временем надвигалась буря. Раздражение королевы было вызвано ее политическим поражением; она была разгневана вынужденной разлукой с мужем и пришла в ярость, когда тайно услышала о втором околдовывании в сентябре 1694 года, которое приписывали ей. Через месяц после того, как она узнала об этом, Рокаберти умер с подозрительной поспешностью, 19 июня 1699 года. Это не принесло ей облегчения, поскольку вскоре после этого были обнаружены три *эндемониады* в Мадриде, подтверждающие эту историю и обвиняющие как ее, так и бывшую королеву-регентшу. Ее гнев был безграничен, и она поклялась уничтожить Фрая Фройлана, для чего инквизиция предложила самые доступные средства. С этой целью она пыталась убедить Карлоса назначить на место Рокаберти брата Антонио Фольча де Кардону, друга дона Хуана Томаса, адмирала Кастилии, который потерял власть после увольнения Матильи. Однако король, который был полон решимости ускорить расследование, назначил кардинала Алонсо де Агилара и послал за папской комиссией. Объявляя Агилару о своем выборе, он сказал, что это было сделано с целью докопаться до сути дела. Агилар поклялся в этом и немедленно послал за старшим членом Верховного суда Лоренцо Фольчем де Кардона (сводным братом Антонио), сказав ему, что все указывает на вину адмирала, который должен быть немедленно арестован, а его документы изъяты. Кардона ответил, что это невозможно; перед арестом требовались полудоказательства, а здесь доказательств не было. Королева

забеспокоилась еще больше, чем когда-либо; Агилар почувствовал легкое недомогание, ему пустили кровь *secundum artem*, и через три дня он умер — в тот самый день, когда из Рима прибыло его поручение. Подозрений было хоть отбавляй, но доказательств не было.

ДЕЛО ФРОЙЛАНА ДИАСА

Карлос к этому времени был настолько ослаблен, что королева добилась от него назначения Бальтасара де Мендосы, епископа Сеговии, с которым у нее было удовлетворительное взаимопонимание, он пообещал удовлетворить ее мстительность, а она пообещала ему кардинальскую шапку в награду за успех. Первый ход был направлен против австрийского экзорциста Фрая Тенда, который был арестован в январе 1700 года по другому обвинению, но при допросе он описал откровения мадридских демоников, сделанные в присутствии Фройлана, и он избежал отречения от престола *де леви* и изгнания. Затем Фройлана допросили, но он отказался говорить без согласия короля, по приказу которого он действовал, и со строгим соблюдением секретности. Тем временем доминиканский провинциал Торрес-Падмота использовал свои полномочия, чтобы получить от Аргуэльеса в Кангасе письма Фройлана, на основании которых он немедленно обвинил его перед Верховной Властью от имени Ордена, на что Фройлан ответил, что действовал по приказу Рокаберти по настоятельной просьбе короля, что было санкционировано Аквинским и другими врачами. [447] Мендоса сообщил королю, что Фройлан обвинялся в тяжком преступлении, но не мог быть привлечен к ответственности без королевского разрешения; Чарльз слабо сопротивлялся, а затем уступил давлению королевы и Мендосы, уволив его и заменив Торрес-Падмотой. Ошеломленный и беспомощный, Фройлан подчинился приказу Мендосы отправиться в доминиканский монастырь в Вальядолиде, но по дороге свернул с пути и стал искать убежища в Риме. Было быстро получено королевское письмо герцогу Учеда, тогдашнему послу, с приказом арестовать Фройлана по прибытии, поскольку он находился под судом инквизиции, которая не разрешала подавать апелляцию в Рим, в то время как трибуналам Барселоны и Мурсии было приказано бросить его по прибытии в секретную тюрьму. Он был отправлен обратно в Картахену и должным образом замурован трибуналом Мурсии.

Затем последовала борьба за господство в Супреме. Мендоса заручился согласием членов совета на назначение специальных *calificadores* или цензоров для рассмотрения обвинений и доказательств. Были выбраны пять теологов, которые 23 июня 1700 года единогласно сообщили, что вопрос веры здесь ни при чем, после чего Верховный суд, за исключением Мендосы, проголосовал за приостановление рассмотрения дела, что было равносильно оправдательному приговору. Затем, 8 июля, Мендоса подписал приказ об аресте и разослал его по округе для подписей членов клуба, которые единогласно отказались, после чего он вызвал их к себе и с чередованием гнева и мольбы тщетно добивался их сотрудничества. В порыве гнева он заявил, что добьется своего, и через час приказал троим из них сохранить свои дома в качестве тюрем, а мадридскому трибуналу привлечь секретаря к ответственности за отказ переподписать ордер. Фоль де Кардона был единственным оставшимся членом церкви, и это потому, что его сводный брат Антонио, ныне архиепископ Валенсии, был фаворитом королевы. Это насилие вызвало немалый ажиотаж, который усилился, когда Мигелес, один из членов организации, который говорил свободно, был арестован однажды ночью в августе и поспешно отправлен в иезуитский колледж в Компостелле, после чего все трое были осуждены или уволены с половинным жалованьем за нарушение своих обязанностей, в то время как секретарь был изгнан.

Совет Кастилии вмешался, проведя консультацию, указав королю на то, что члены Совета были наказаны без суда и следствия за соблюдение законов, канонов и практику Священной канцелярии. Королева встревожилась и призвала Мендосу быть осторожным, но он заверил ее, что никаким другим способом ее желания не могут быть удовлетворены. Тем временем он отправил бумаги в трибунал Мурсии с приказом привлечь Фройлана к ответственности и вынести ему приговор. Он подчинился и дважды передавал дело своим калификадорам и другим ученым мужам, которые высказывались в пользу обвиняемого, после чего он проголосовал за его освобождение. Затем Мендоса вспомнил об этом деле и передал его мадридскому трибуналу; он привез Фройлана туда и заключил его в камеру доминиканского дома Нуэстра Сеньора де Аточа, где во власти Торрес-Падмоты он пролежал четыре года, отрезанный от всех коммуникаций с внешним миром, само его существование было под вопросом, в то время как трибунал выбрал другую группу калификадоров, которым не составило труда уличить его в ереси.

ДЕЛО ФРОЙЛАНА ДИАСА

Карлос умер 1 ноября 1700 года, назначив в своем завещании своим преемником Филиппа Анжуйского, регентом до прихода которого была вдовствующая королева. В течение нескольких месяцев членов Супремы, ликующих по поводу произвольного прихода Мендосы к власти, держали в затворничестве, но в конце концов освободили. Мендоса, принадлежавший к австрийской фракции, был низведен до своего престола в Сеговии, но это не принесло Фройлану никакой компенсации. Генерал-доминиканец Антонин Клош, француз, не склонный ни к одной из сторон в инквизиции, остро ощущал совершенную против него несправедливость и выслал из Рима последовательно двух агентов, которые в течение трех лет тщетно добивались его освобождения. Мендоса оказался в безвыходном положении и, вопреки традициям испанской инквизиции, обратился к папе римскому, которому направил краткое изложение процесса. Климент XI был в восторге от такого отказа от независимости Испании и передал дело в Конгрегацию инквизиции, которая после долгих размышлений сообщила, что не может действовать, не ознакомившись со всеми бумагами. Мендоса ответил, что он был в изгнании по политическим причинам и не мог предоставить их, что было ложью, поскольку он привез их с собой; он послал агента с аргументацией, составленной новым фискалом Супремы Хуаном Фернандо де Фриасом по просьбе нунция в Мадриде, в которой Супрема был осужден как канонизатор доктрины, еретической, ошибочной, суеверной и ведущей к идолопоклонству. Этот документ был подготовлен в ответ на документ Фолча де Кардоны, в котором утверждалось, что члены Верховного суда имеют не только совещательный, но и решающий голос и что у генерального инквизитора больше нет права голоса. Фриас, однако, по глупости посвятил себя доказательству того, что допросы бесноватых были еретическими; это не устраивало нунция, который открыто заявил, что вместо того, чтобы опровергнуть Кардону, он опубликовал тысячу скандалов и был никчемным дураком. Аргумент, который он напечатал, был осужден и подавлен, а сам он был отстранен от должности в 1702 году королевой Марией Луизой Габриэллой Савойской, которая была регентом во время отсутствия Филиппа в Неаполе. Вероятно, примерно в это же время Suprema уведомила трибуналы о том, что любые приказы Мендосы, противоречащие ее собственным, были приостановлены. [448]

Вмешательство нунция показывает, что борьба вышла далеко за рамки теологического вопроса о законности допроса демонов и виновности несчастного Фройлана Диаса. Были задействованы два важных принципа — апелляционная юрисдикция Рима и его

первоначальная юрисдикция при разрешении спорных моментов во внутренней организации испанской инквизиции. Папа Климент горячо приветствовал возможность, предоставленную Мендосой, не только заявить, что дело Фройлана должно быть передано ему, но он также предположил, в пользу Мендосы, что Супрема подчиняется генеральному инквизитору, через которого ее полномочия исходили от Святого Престола, который единственный мог решить этот вопрос. Кардона энергично боролся со всем этим при помощи Совета Кастилии. От имени Супремы, в которой теперь было три новых члена, он отрететировал все указы Фердинанда против апелляций и утверждал, что Супрема всегда была королевским советом, подчинявшимся королю, и что единственное различие между ее членами и генеральным инквизитором заключалось в его прерогативах в отношении назначений. Он искренне умолял короля распорядиться изъять письмо кардинала Паолуччи, папского государственного секретаря, передающее дело Фройлана Мендосе или архиепископу Севильи. Нунций, с другой стороны, настаивал на том, что папство никогда не отказывалось от своей верховной власти судить обо всем во всем мире, и что папа был единственным авторитетом, имеющим право толковать папские гранты, включая функции Верховного суда. Пока бушевал спор, Фройлан, забытый, лежал в своей темнице.

Практически решение оставалось за королем, и в перипетиях войны за престолонаследие у Филиппа были более неотложные дела, которые могли досадить его новой и неопытной королевской семье. Похоже, он колебался, поскольку в июле 1703 года был распространен документ, призванный подтвердить ликование членов Верховного суда и передать дело Фройлана Мендосе. Это вызвало у Супремы двух энергичных консультантов, указывающих на произвол Мендосы и ущерб, нанесенный регалиям его обращением к Риму. Филипп был смущен и королевским приказом от 24 декабря обратился за советом к Совету Кастилии, который ответил 8 и 29 января 1704 года энергичными консультациями, осудившими действия Мендосы как непростительное насилие. Дело, казалось, подходило к завершению, когда оно было отложено из-за нового осложнения. Наследования Мендосы активно добивались два церковника самого высокого ранга, но король заявил, что не назначит никого столь высокого положения, когда оба ушли, и один из них или кто-то от его имени выдвинул то, что Кардона называет дьявольским предложением о том, что инквизиция стала излишней; с немногими оставшимися иудействующими и еретиками могла бы разобраться епископальная юрисдикция — дело Фройлана Диаса мог бы урегулировать его епископ — и, таким образом, огромные расходы Святой Канцелярии могли бы быть сэкономлены. Это революционное предложение было горячо поддержано принцессой Урсен, но Филипп отверг его — без сомнения, мудро, поскольку, даже если бы он был склонен к этому, его трон был еще слишком ненадежен, чтобы рисковать результатами такого нововведения.

ДЕЛО ФРОЙЛАНА ДИАСА

Адмирал Кастилии был беженцем в Португалии, откуда активно разжигал сопротивление Филиппу. Мендоса, как известно, принадлежал к австрийской партии, и Филипп в конечном счете едва ли мог не принять решение против него. 27 октября он послал за Кардоной, с которым у него была секретная беседа, в результате которой на следующий день была составлена бумага для его подписи. 3 ноября в Suprema был зачитан королевский приказ о восстановлении на своих местах трех членов *jubilado*, которые должны были получить всю задолженность по зарплате. За этим последовал 7 ноября указ, адресованный Мендосе, предписывающий ему и его преемникам уважать членов Suprema как представляющих

королевскую особу, осуществляющих королевскую юрисдикцию и имеющих право голоса с правом решающего голоса. Более того, он должен был под страхом изгнания и временного лишения свободы в течение семидесяти двух часов доставить Верховному Судье все бумаги, касающиеся Фройлана Диаса, и сообщить, жив ли он и в какой тюрьме. На следующий день было приказано, чтобы Супрема приняла решение по этому делу, и 17 ноября, после слушания дела, единогласно был вынесен приговор, освобождающий Фройлана от ответственности, возвращающий ему его место в Супреме со всей задолженностью по зарплате, а также келью в монастыре дель Росарио, закрепленную за королевскими исповедниками, которой он был несправедливо лишен. Копию этого приговора было приказано разослать всем трибуналам для сохранения в их архивах. [449]

Фройлан Диас был должным образом восстановлен в должности в Suprema, и мы находим его подпись на ее письмах по крайней мере до 1712 года. [450] В награду за его страдания Филипп назначил его епископом Авильским; однако он не был *персоной грама* в Риме, и папа Климент отказался утвердить его кандидатуру на том основании, что он должен сначала ознакомиться с материалами дела и определить, был ли оправдательный приговор обоснованным, тем самым до последнего отстаивая свою юрисдикцию в этом вопросе. [451] Филипп держался хорошо и не выдвигал никакой другой кандидатуры до смерти Фройлана, кафедра оставалась вакантной с 1705 года, пока ее не занял Джулиан Кано и Товар в 1714 году.

Что касается Мендосы, то он был вынужден уйти в отставку с поста генерального инквизитора в начале 1705 года. Когда в 1706 году Филипп вернулся в Мадрид после своего бегства в Бургос, Мендоса и адмирал вместе со многими другими были арестованы как предатели, а вдовствующую королеву препроводили в Байонну. Мендоса, конечно, упустил желанный кардиналат, но он дожил до 1727 года, мирно владея своим престолом. Заменив его на посту генерального инквизитора, Филипп был верен своему правилу не назначать человека высокого ранга, и он назначил Видаля Марина, епископа незначительной Сеутской епархии, который отличился в 1704 году своей доблестной защитой этого места от английского флота, только что захватившего Гибралтар. Утвердив его, после некоторой задержки, Климент воспользовался случаем в кратком сообщении от 8 августа 1705 года, чтобы подтвердить позицию папы и срочно призвать его сохранить подчинение Верховной власти. Он должен помнить, что он верховный и в нем пребывает вся апостольская власть, в то время как члены совета получают свою власть от него; над ними он имеет единоличное и произвольное усмотрение депутации от Святого Престола, а консультанты Королевского Совета вызвали большой скандал и нанесли духовный ущерб душам, пытаясь с помощью ложных аргументов доказать, что он, после получения своей депутации, независим от Святого Престола. Если он проверит свое поручение, то увидит, что его полномочия исходят от викария Христа, а не от светских властей, которые не имеют никаких прав на помещение, и все, что делается вопреки правам Святого Престола, является недействительным и настоящим объявляется недействительным. [452]

Это, несомненно, было утешительным выражением папских притязаний и пожеланий, но концепция королевских прерогатив у Бурбонов была даже более решительной, чем у Габсбургов. Призыв подтвердить верховенство генерального инквизитора остался без внимания, и правило в Suprema по-прежнему оставалось таким, как описал Фоль де Кардона в 1703 году, — что правило большинство; если была ничья, вопрос откладывался до тех пор, пока не присутствовал какой-либо отсутствующий член, в то время как, если собрание было полным, для решающего голоса вызывался фискал. [453]

КОНТРОЛЬ НАД ТРИБУНАЛАМИ

В своих отношениях с трибуналами Suprema добилась еще большего успеха. Постепенно поглощая генерального инквизитора, она осуществляла его власть, которая была практически неограниченной и безответственной, над ними, пока не превратилась в централизованную олигархию самого абсолютного типа. Этому, конечно, во многом способствовало прогрессивное улучшение коммуникации. В более ранний период задержки и расходы на специальных посыльных и курьеров приводили к необходимости того, чтобы местные суды были практически независимы в рутинной работе по аресту, судебному разбирательству, вынесению приговоров и наказанию правонарушителей. Только вопросы, по которым могут возникнуть споры или которые влекут за собой важные последствия, оправдывают задержку и расходы на консультации с центральным руководителем. Записи в отчетах и намеки в переписке показывают, что, когда это было необходимо, необходимо было тщательно взвесить расходы на посыльного. Дело осложнялось тем фактом, что центральный глава перемещался вместе с двором из одной провинции в другую, и его точное местонахождение в любой момент могло быть неизвестно тем, кто находился на расстоянии. Постоянный выбор Мадрида в качестве столицы Филиппом II, прерванный коротким переездом в Вальядолид, благоприятствовал централизации, и еще более благоприятным было развитие почты, позволяющее наладить регулярное сообщение при сравнительно незначительных затратах, хотя поначалу инквизиция несколько осторожничала, доверяя почтальонам свои секретные документы.

Сначала были колебания относительно вмешательства в функции трибуналов. В письме Верховного от 10 ноября 1493 года инквизиторам Толедо в качестве одолжения запрашивается информация, на основании которой был произведен определенный арест, с объяснением, что это было сделано по особой просьбе королевы. [454] Однако там, где не было единогласия, ссылка на какой-либо вышестоящий орган была существенной, и мы видели, что в 1488 году Торквемада приказал направлять все подобные дела ему для решения в Верховном суде, а в 1507 году Хименес пошел дальше и потребовал, чтобы все дела, в которых обвиняемый не сознался, направлялись в Совет. [455] Похоже, что это быстро устарело, но правило в отношении *discordia* было постоянным. В 1509 году письмо Верховного Суда распространило его действие на аресты и все другие действия, по которым проводилось голосование, когда отчет со всеми мнениями должен был быть направлен для принятия решения. [456] Расходы, связанные с этими ссылками, были немалыми, поскольку мы случайно столкнулись с приказом от 23 мая 1501 года выплатить инквизитору Меркадо сто дукатов за его расходы и болезнь во время рассмотрения дел, переданных из трибунала Валенсии. Возможно, по этой причине ссылки на Suprema не поощрялись, поскольку примерно в это же время он распорядился, чтобы к нему не приводили никого, кроме тех, в которых были разногласия, и в них он ожидал, что стороны должны быть представлены адвокатом. [457] Тот же мотив, возможно, привел к изданию в 1528 году приказа, ограничивающего эти ссылки случаями большой важности, но это ограничение было снято другим приказом от 11 июля 1532 года, когда было объяснено, что, если инквизитор не согласен с двумя другими и с Обычным делом, дело должно быть передано на рассмотрение. [458]

Практически власть Верховного суда над трибуналами ограничивалась только его дискреционными полномочиями, и он неизбежно совершал постоянные посягательства на

независимость их действий. Его переписка в 1539 и 1540 годах с трибуналом Валенсии свидетельствует об увеличении числа переданных ему дел и о его надзоре за мельчайшими деталями текущего бизнеса. [459] В 1543 году дело мориски по имени Мари Гомес ла Саседа показывает, что ему был вынесен приговор о пытках, и его ответ указывает на добросовестное изучение записей, поскольку он распорядился о повторном допросе некоторых свидетелей, но, если они отсутствовали или умерли, тогда ее могли пытать умеренно. [460] Дальнейшее расширение полномочий наблюдается во время повального увлечения ведьмами в Каталонии, когда, чтобы ограничить жестокость барселонского трибунала, в 1537 году было приказано передавать все дела о колдовстве после голосования на его рассмотрение для окончательного решения, а в связи с возобновлением эпидемии, между 1545 и 1550 годами, потребовалось направлять в него все смягчающие приговоры, даже при единогласном решении. [461] Однако в этом последнем случае трибунал Барселоны заявил о своей независимости действий, проигнорировав приказ и фразу в Инструкции 1561 года, требующую во всех случаях особой важности выносить приговоры до приведения их в исполнение, что было слишком расплывчатым, чтобы иметь большой практический эффект. [462]

КОНТРОЛЬ НАД ТРИБУНАЛАМИ

Надзор, который Верховный суд, таким образом, постепенно развивал, был наиболее полезен как проверка безответственности трибуналов, чьи действия были окутаны непроницаемой тайной, за исключением случаев, когда посетители с более или менее добросовестным расследованием проверялись с интервалом в пять или десять лет. Условия в Барселоне, выявленные в ходе последовательных посещений между 1540 и 1580 годами, показывают, как трибунал мог систематически нарушать Инструкции, и насколько бесплодными были разоблачения, сделанные посетителями, когда инквизиторы решили проигнорировать приказы, вызванные сообщениями об их проступках. Они сами по себе были практически законом; никто не осмеливался жаловаться на них, и рты жертв были закрыты клятвой хранить тайну, которая обязывала их под страхом сурового наказания не разглашать свой опыт. Вся система была придумана таким образом, чтобы подвергать инквизитора максимальному искушению при минимальном риске разоблачения, и было совершенно случайно, пользовался ли этой властью Лусеро или добросовестный судья. Проведение консультаций и согласие Рядового состава представляли собой лишь слабый барьер, поскольку протокол, как правило, мог быть представлен таким образом, чтобы произвести желаемое впечатление, а консультанты, гордящиеся своим положением и вытекающими из него иммунитетами, не хотели создавать проблем, тем более что их голоса против не создавали разногласий. Когда Салазар в 1566 году взял на себя необычные хлопоты по изучению бесконечных протоколов отдельных судебных процессов, в упреке Верховного Суда инквизиторам Барселоны говорится о количестве приговоренных к смягчению наказания, примирению, галерам, бичеванию и т.д. После грубейших нарушений в проведении судебных процессов. [463] Мир никогда не узнает о жестокостях, совершенных в рамках системы, которая освобождала трибуналы от ответственности, и, следовательно, любой надзор был благом, даже тот, который несовершенно осуществлялся далекой Верховной Властью.

Похоже, что пришло зарождающееся осознание этого, возможно, стимулированное разоблачениями расследований Салазара в отношении трех трибуналов короны Арагона, которые привели к Конкордии 1568 года. В том же году хартия акордада от 22 июня постановила, что даже в тех случаях, когда приговоры о смягчении были приняты единогласно, процесс должен быть направлен в Верховный суд для принятия решения. [464] С этого времени его вмешательство, по тем или иным причинам, постепенно увеличивалось. Из протоколов трибунала Толедо, между 1575 и 1610 годами, следует, что он вмешался в 228 дел из 1172, или по существу в одном из пяти, в то время как только в 82 из этих дел, или в одном из четырнадцати, были разногласия — иногда в отношении ареста и судебного разбирательства, иногда в отношении пыток, но в основном в отношении окончательного приговора. [465]

В этот период, по-видимому, в Верховном суде было принято передавать дела двум членам и действовать на основании их доклада. Таким образом, в деле Мари Ваэса, приговоренного в 1594 году к расслаблению в виде чучела, эти двое — Виджил де Киньонес и Мендоса, чьи имена написаны в конце приговора, а под ними слово “Justa”, на основании которого секретарь пишет официальное письмо трибуналу, заканчивающееся словами “hagais, señores justicia” - обычная формула подтверждения. [466] Как и следовало ожидать, степень контроля, применяемая при выполнении этой обязанности, была различной. В деле Жака Куртансьона в 1599 году было отмечено, что подтверждение признания обвиняемого было сделано в присутствии только одного переводчика, когда правила требовали двух; поэтому документы были возвращены в трибунал Гранады для исправления этого нарушения, но такая точность не принесла пользы пострадавшему. [467] С другой стороны, Педро Фламенко подвергся пыткам в Толедо в 10 часов утра 10 июня 1570 года, после чего была проведена консультация, которая приговорила его к смягчению наказания за фиктивное признание. Самое раннее, бумаги могли попасть в Мадрид только поздно вечером 11-го, но 12-го был отправлен официальный ответ, подтверждающий приговор. Вряд ли у нас было время ознакомиться с этим объемистым отчетом и, уж конечно, не было времени уделить ему более чем поверхностное внимание. [468] Опять же, задержки, связанные только с халатностью, были нередкими. Диего де Гороско был приговорен к смягчению наказания трибуналом Куэнки, который направил процесс в Верховную палату 3 сентября 1585 года и в то же время запросил инструкции по делам Алонсо Сайнса и Франсиско Какена, которые были переданы ранее. Ответа не поступало более месяца, когда 14 октября трибунал снова написал, что ему не терпится провести аутодафе. Это привело к оперативному реагированию на пытки Гороско и свершению правосудия в соответствии с результатом. [469]

КОНТРОЛЬ НАД ТРИБУНАЛАМИ

Помимо этого прямого вмешательства, возросла бдительность за работой трибуналов благодаря их отчетам об аутодафе, которые были тщательно изучены и возвращены с критикой. Эти отчеты должны были содержать полную информацию обо всех рассмотренных делах, будь то в отношении государственных автомобилей или частных, в зале для аудиенций, и их регулярная передача была обеспечена путем обусловливания ежегодной выплаты *аюда де коста* или надбавки к зарплате должностных лиц. Существовала также возможность, которой не пренебрегали, выносить порицания по поводу отчетов, требуемых от инквизиторов об их ежегодных посещениях отдельных частей своих округов. Они подверглись жесткой критике, и на ошибки было указано без утайки, такие как рассмотрение дел, которые должны были быть

направлены в трибунал для принятия соответствующих мер, слишком суровое или слишком мягкое наказание, несовершенно отчеты о делах и т.д. [470] Таким образом, различными способами осуществлялся более или менее тщательный надзор, и инквизиторам давали почувствовать подчиненность своего положения.

Это было значительно увеличено, когда в 1632 году каждый трибунал был обязан присылать ежемесячный отчет обо всей своей текущей деятельности и состоянии каждого дела, находящегося на рассмотрении или решенного, и это в дополнение к годовому отчету, от которого зависело пособие айуда де коста. Было трудно обеспечить регулярное выполнение этого приказа, и его приходилось часто повторять, но в какой-то степени он был успешным и давал возможность для критики, которой не пренебрегали. Таким образом, в 1695 году, подтверждая получение такого отчета из Валенсии, его неряшливость и несовершенство были резко осуждены как заслуживающие более сурового наказания, которое приостанавливается по милости. Утверждается, что следует указать характер свидетелей, номер или букву камеры заключенного, назначенный ему рацион питания, наличие или отсутствие у него имущества и, в случае наложения ареста, следует приложить копию постановления о наложении ареста; во всех последующих отчетах следует указывать преступление, время поступления в тюрьму и предметы имущества. После этого рассматривается каждый отдельный случай, и обнаруживается много недостатков в деталях процедуры. [471] Даже запросы о предоставлении информации, сделанные одним трибуналом другому, согласно приказу от 1635 года должны были регулярно представляться финансовым управлением каждые четыре месяца. [472] Однако было невозможно обеспечить регулярное представление ежемесячных отчетов, и в 1800 году Верховный суд удовлетворился требованием предоставлять их трижды в год, и это правило сохранялось до конца, хотя и соблюдалось нерегулярно. [473]

Тот же процесс централизации был разработан и при контроле над отдельными случаями. Подтверждение требовалось не только при разногласиях или смягчающих приговорах. Хартия акордада от 2 августа 1625 года предписывала не приводить в исполнение приговоры о бичевании, галерах, публичном покаянии или вергуэнце до тех пор, пока процесс не будет передан Верховному суду. [474] Протоколы трибунала Вальядолида в этот период не только показывают, что это соблюдалось при применении телесных наказаний, но также указывают на то, что возник обычай выносить приговор по всем делам, связанным с священнослужителями, и, кроме того, что вошло в привычку консультироваться с Верховной властью в ходе судебных процессов. [475] Когда в 1647 году Верховный суд потребовал, чтобы все приговоры представлялись ему сразу после их вынесения, он взял на себя полный контроль над рассмотрением дел. [476] Это концентрировало в себе управление всей деятельностью всех трибуналов. Мельчайшие детали в его надзоре проиллюстрированы, когда в 1697 году им регулировался ежедневный рацион из четырех мараведи для заключенного в Вальядолиде, и голосование трибунала о том, должен ли заключенный содержаться в *карцелес медиас* или *секретас*, должно было быть подтверждено им. [477]

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Простой арест инквизицией сам по себе не был суровым наказанием, и с самого раннего периода Супрема стремилась осуществлять надзор за ним. В 1500 году Севильские инструкции требовали, чтобы трибуналы всякий раз, когда они производят арест, отправляли генеральному инквизитору через своего посланника обвинение с полными показаниями, количеством

свидетелей и личностью обвиняемого. [478] Эта благотворная проверка безответственной власти инквизиторов была слишком громоздкой для приведения в исполнение и вскоре устарела, но в 1509 году, когда возникли разногласия относительно приговоров об аресте, перед казнью было приказано представить их Верховному суду с учетом мнения избирателей. [479] В 1521 году, чтобы сдержать преследовательское рвение трибуналов по отношению к морискам, или новокрещеным маврам, кардинал Адриан приказал арестовывать их только на основании убедительных доказательств, которые сначала должны быть представлены Верховному суду — гуманная мера, о которой быстро забыли. [480] В 1534 году религиозным орденам было оказано содействие, поскольку они потребовали подтверждения всех приговоров об аресте, вынесенных в отношении их членов, — мера, которую пришлось повторить в 1555 году, а в 1616 году она была распространена на всех священнослужителей. [481] Инструкции 1561 года предписывают консультации с Верховным судом перед арестом высокопоставленных лиц или когда дело имеет иное значение [482] а в 1628 году было приказано не производить аресты в отношении показания единственного свидетеля, без предварительной консультации с Верховным Судьей; если опасались побега, можно было бы принять меры предосторожности, но таким образом, чтобы нанести как можно меньше позора. [483] В соответствии с этими ограничениями практика кратко изложена автором около 1675 года, который сообщает нам, что есть случаи, когда суды могут проголосовать за арест, но не привести его в исполнение без согласия Верховного Суда; это когда есть только один свидетель (но это не наблюдается у иудействующих), когда обвиняемый является священнослужителем, религиозным деятелем, кавалером военных орденов, нотариусом. или вышестоящий офицер юстиции — если, конечно, бегство не будет задержано. В этих случаях *sumaria*, или краткое изложение доказательств, должно быть тщательно составлено и представлено Верховному суду с одобрением инквизиторов. [484]

Таким образом, постепенно независимая деятельность трибуналов была ограничена, пока она окончательно не исчезла и централизация в Верховной власти не была полной. Точную дату этого я не смог определить, но автор середины восемнадцатого века кратко описывает условия, говоря нам, что инквизиторы ничего не решают без приказа Совета, так что, когда они составляют *сумарии* по делам веры, они представляют их и, вернувшись, делают то, что им говорят; они не выносят приговор, а только приобщают свои заключения к процессам, и Совет принимает решение. [485]

Так продолжалось до конца. Книга голосов Верховного Суда в восстановленной инквизиции с 1814 по 1820 год показывает, что трибуналы стали простыми учреждениями для получения доносов, сбора доказательств и исполнения приказов Совета. Иногда им было отказано даже в этих незначительных обязанностях. В случае Хуаны де Лима из Хереса, которую судили за двоеженство, сумма была составлена комиссаром Хереса, и по ней Верховный суд, не мудрствуя лукаво, приговорил ее к четырем годам заключения в исправительном доме и отправил приговор комиссару для зачитывания ей; функции севильских инквизиторов сводились к передаче бумаг и ведению записей. [486] Если трибунал отваживался на малейшее проявление инакомыслия, он жестко пресекался. Так, 23 декабря 1816 года суд Мадрида подвергся суровому осуждению, поскольку в случае с доном Теодоро Бачиллером он назвал необоснованным его тюремное заключение; это тюремное заключение было одобрено Верховным судом, и трибуналу было приказано вычеркнуть из протоколов это неподобающее выражение и никогда не повторять подобное преступление, если оно желает избежать серьезных действий. Итак, когда фискал того же трибунала подал протест против приказа об

удалении Кайетано Карчера из секретной тюрьмы по причине плохого состояния здоровья, 14 января 1818 года Верховный суд ответил, что его приказы продиктованы правосудием и нет фискала или трибунала, которые могли бы им возразить. Он ожидал, что трибунал и его финансовые органы в будущем будут более сдержанными и послушными решениям вышестоящего руководства, тем самым избегая всякой ответственности, и что они не будут обязывать Совет обеспечивать соблюдение своих полномочий с помощью мер, необходимых, хотя и неприятных. [487] Перед этим съезжился инквизитор, перед которым в старые времена трепетали епископы и магнаты.

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Удовлетворительно иметь возможность сказать, что, как правило, вмешательство Верховного Суда в деятельность судов было скорее милосердным, чем строгим. Это правда, что часто отдавались приказы о пытках, которые в то время были универсальным средством устранения сомнений, но, по-видимому, имело место довольно добросовестное выполнение обязанностей, возложенных на него. В записях Вальядолида семнадцатого века изменения приговоров почти всегда являются смягчающими мерами, особенно за счет исключения бичевания, которое суды привыкли применять щедро, и, по-видимому, к преступлениям духовенства применяется особая мягкость. [488] Типичный пример такой умеренности можно увидеть в деле Маргариты Альтамиры, приговоренной трибуналом Барселоны в 1682 году к явке на аутодафе, к отречению от де леви, к получению сотни ударов плетью на улицах и к семилетнему изгнанию из Барселоны и некоторых других мест, первые два из которых должны были пройти в больнице. без оплаты. Все это Верховный свел к тому, что зачитал ей приговор в зале для аудиенций и приговорил к четырехлетнему изгнанию из тех же мест. [489] Эта тенденция к смягчению особенно очевидна в восстановленной инквизиции с 1814 по 1820 год, где приговоры почти равномерно пересматривались с уменьшением наказаний. Бичевание реже предписывается трибуналами, а когда оно предписывается, Верховная власть неизменно не применяет его, а право не применять его принадлежит генеральному инквизитору. [490]

По мере того, как функции трибуналов, таким образом, постепенно сводились к простым министерским обязанностям, апелляционная юрисдикция, возложенная на генерального инквизитора и поглощенная Верховной Властью, о которой мы так много слышали в прежние времена, становилась все менее и менее важной. Булла Льва X 1516 года предписывает, что апелляции должны рассматриваться генеральным инквизитором совместно с Верховным судом и что в ожидании решения дело должно быть приостановлено. [491] Это указывает на то, что апелляции носили приостанавливающий характер, хотя впоследствии инквизиция избежала этого, утверждая, как в деле Вильянуэвы, что они были просто деволюционными, то есть что приговоры, несмотря на них, должны были быть незамедлительно приведены в исполнение, что практически сделало их бесполезными. [492]

В этот период отношения между Советом и генеральным инквизитором относительно апелляционной юрисдикции, по-видимому, окончательно не урегулированы. В 1520 году Антонио де ла Бастида подал апелляцию по поводу приданого своей жены у судьи по конфискациям Калахорры, и решение в его пользу было вынесено Верховным судом “по согласованию с очень преподобным отцом, кардиналом Тортосы (Адрианом)”, и, что касается короны, оно было подтверждено Карлом V. [493] Однако в двух случаях, в 1527 и 1528 годах,

когда по апелляции кардинал Манрике смягчил приговоры, письма были выданы от его имени и без подписи членов Совета. [494] Во время опалы Манрике Верховный суд, по-видимому, действовал независимо, поскольку в письме от 9 декабря 1535 года в трибунал Валенсии, ссылаясь на дела, находящиеся на рассмотрении апелляции, он обещает рассмотреть их как можно быстрее. [495] То, что к этому времени, по крайней мере, его согласие стало необходимым, следует из изменения, внесенного Хуаном Гомесом по апелляции на приговор, вынесенный трибуналом Валенсии, когда письмо было подписано как генеральным инквизитором Таверой, так и членами Совета. [496] Когда, как мы видели, светские суды пытались рассматривать апелляции по делам о конфискации и вопросам, не связанным строго с вероисповеданием, седула принца Филиппа от 10 марта 1553 года решительно заявила, что апелляционная юрисдикция принадлежит исключительно Верховному суду, который обладает полномочиями для этой цели от Святого Престола и короны. [497]

КОНТРОЛЬ Над ДЕТАЛЯМИ

Это, по-видимому, опровергает любое утверждение о том, что апелляционная юрисдикция была особым атрибутом генерального инквизитора, и это подтверждается делом 1552 года, в котором Анжелика Видама подала апелляцию на приговор трибунала Валенсии, осуждающий память и славу ее покойной матери Беатрис Видама. 8 марта генеральный инквизитор Вальдес и члены Совета с несколькими заседателями заявили, что после рассмотрения вопроса на нескольких заседаниях они пришли к выводу, что приговор должен быть отменен. Затем, 12 марта, в присутствии Вальдеса Совет принял приговор, восстанавливающий ей и ее потомству честь и добрую славу и освобождающий от конфискации ее имущества. Приговор подписан не Вальдесом, а только тремя членами Совета, что указывает на то, что в его подписи не было необходимости. [498] Когда ему, как и любому другому члену, предоставлялось просто право голоса, он не мог претендовать на особые полномочия в отношении апелляций, и с постепенным вмешательством Верховного Суда во все действия трибуналов сами апелляции устарели.

Со сравнительно раннего периода контроль Верховного суда над провинциальными трибуналами был абсолютным. Уже в 1533 году он кратко проинформировал их, что то, что он приказывает, и то, что он запрещает, должно выполняться до буквы; это он повторил в 1556 году, а в 1568 году воспользовался случаем, чтобы сообщить им, что на это не следует отвечать, и инквизиторы не должны оправдываться, когда их упрекают. [499] Этот контроль не ограничивался их судебными разбирательствами, а распространялся на каждую деталь их дел. Даже Фердинанд, с его пристальным вниманием к управлению трибуналами, предоставил инквизиторам определенную свободу действий в отношении расходов и проинструктировал своих получателей, что они должны соблюдать требования инквизиторов о расходах на посыльных, жилье, работы в домах, тюрьмах, театральных постановках и т.д. [500] Верховный суд не допускал такой свободы действий; с ним требовалось консультироваться заранее, и он резко ругал суды, которые несли расходы под свою ответственность. [501] В 1569 году общим приказом в мельчайших деталях были определены мелочи повседневной необходимости, на которые они могли производить выплаты; по всем остальным вопросам сначала следует обращаться к Верховному. [502] Это продолжалось до конца, и его корреспонденция наполнена инструкциями относительно мелких расходов всех видов, и в основном в отношении ремонта

домов и другого имущества, принадлежащего инквизиции. Если Валенсии в 1647 году требовались часы для аудиенц-зала, она должна была обратиться за разрешением на их покупку, и в 1650 году Верховный суд распорядился указать их цену на счетах получателя. В 1665 году он приказал поселить фискала Барселоны во дворце инквизиции и дал подробные инструкции о том, как перераспределить квартиры, чтобы приспособить их для него. [503] Вряд ли нужно добавлять, что определение заработной платы, которое первоначально находилось в ведении генерального инквизитора, перешло полностью под контроль Верховного суда.

Среди привилегий должностных лиц было то, что они были одеты в траурные одежды по случаю общественного траура, и хартия акордада от 20 января 1578 года предписывала, чтобы при вручении этого подарка лицам, имеющим на это право, заранее составлялось подробное заявление о том, сколько потребуется ткани, какого рода и по какой цене. После смерти Филиппа II в 1598 году два человека в Валенсии пожаловались на то, что они были опущены при распределении, после чего суд направил письмо в трибунал за информацией, по получении которой он распорядился, чтобы один из них был удовлетворен. [504] Итак, в 1665 году, в связи со смертью Филиппа IV, доктор Паладио Юнкар, один из врачей трибунала Барселоны, попросил выплатить пособие, подобное тому, которое было предоставлено его коллеге доктору Маруху, после чего Верховный суд потребовал отчета о стоимости траура по доктору Маруху и о том, принято ли выплачивать его двум врачам. Аналогичная петиция от Хуана Карбонелла, одного из защитников бедных заключенных, привела к другому требованию предоставить информацию, и в результате Верховный суд отказал им обоим. [505]

Эта пристальная бдительность не ослабевала со временем. В 1816 году при возвращении документов по делу в мадридский трибунал был вынесен выговор за то, что в одном месте был пробел в полстраницы, который мог быть использован для определенной записи. Итак, в 1817 году Севилью упрекнули за количество чистых страниц в отправленных процессах, что привело не только к бесполезной трате бумаги, но и к увеличению почтовых расходов; шесть месяцев спустя Севилья отправила сводку Мигеля Вильявисенсио, в которой Верховный суд насчитал четырнадцать чистых страниц, после чего сослался на свои предыдущие инструкции и приказал трибуналу сообщить секретарям, что они должны подчиняться приказам, иначе их не только обвинят в превышении почтовых расходов, но и сурово накажут. [506]

КОНТРОЛЬ Над ФИНАНСАМИ

Развитию этой абсолютной власти в значительной степени способствовал полный контроль над финансами трибуналов, на который претендовал и осуществлял генеральный инквизитор или Верховный суд, или одновременно оба. После смерти Фердинанда это практически перешло в их руки, за исключением тех случаев, когда Карл в ранние годы жизни предоставлял своим придворным субсидии из конфискаций. Все, что было собрано трудами провинциальных инквизиторов, рассматривалось как общий фонд исключительно по усмотрению центральной власти. Большинство трибуналов, как мы увидим, располагали инвестициями, частично достаточными для их поддержки, в дополнение к их текущим прибылям, но даже они подлежали Верховному суду. В 1517 году фермерам были разосланы приказы о выплате доходов генеральному приемнику Верховного суда, а не трибуналам, *юросам*, или назначениям по налогам, удерживаемым последними. Из них запасы севильского трибунала составляли 500 000 мараведи в год — 100 000 на десятину нефти, 200 000 на нефтяную алькавалу и 200 000 на

алькавалу развалин. Кордова пострадала от этого меньше, поскольку этот суд получил всего 103 000 мараведи дохода — 63 000 от алькавалы еды, 16 000 от вина и 24 000 от фруктов. [507] Но Верховный суд наложил свою руку не только на инвестиции, но и на текущие доходы трибуналов. Список его жалованья был значительным, у него не было постоянного источника дохода, и королевская политика заключалась в том, что инквизиция должна была платить сама, помимо того, что у нее был профицит в казне. В 1515 году, когда супрема Кастилии еще была отделена от Супремы Арагона, ее денежное довольствие составляло 750 000 мараведи, плюс еще 340 000 для аюда де коста, или всего 1 090 000, не считая генерального инквизитора Хименеса, который, похоже, пренебрегал вознаграждением за свою должность. Эту крупную сумму севильский получатель Педро де Виллачис должен был выплатить в 1515 году, в то время как в 1516 году требование пало на Гильястеги, получателя из Толедо; в 1517 году жалование было выплачено Севильей и аюда де коста из Толедо, а в 1518 году - Валенсией. [508] Бремя было распределено между ними в соответствии с их удачей. В дополнение к этому были бесчисленные приказы о выплате жалованья и судебных расходов, которые иногда издавались от имени кардинала Адриана, а иногда от имени Супремы.

Похоже, что судебные приставы, которые были практически казначеями, иногда колебались в выполнении этих требований, поскольку в 1520 году Карл V выдал седулы всем судебным приставам Кастилии и Арагона, чтобы они платили все, что прикажут генеральный инквизитор и Супрема. [509] Теория о том, что средства принадлежали короне, никоим образом не ограничивала контроль генерального инквизитора и Супремы, и это, во время опалы Манрике, естественным образом перешло в руки Совета. При его преемнике Тавере приказы иногда составлялись от его имени и подписывались членами Совета, а иногда все ссылки на него опускались. По-видимому, не существовало какого-либо установленного правила до тех пор, пока примерно в 1704 году победа Совета над Мендосой не была подчеркнута инструкцией о том, что ни один приказ о выплате денег, отданный генеральным инквизитором, не должен признаваться, если его не подпишут члены. [510]

Верховный суд, не скупясь, обращался к трибуналам для покрытия своих расходов, и его непостоянные источники снабжения указаны в его меняющихся требованиях нескольких дукатов для какой-то специальной выплаты крупным суммам от какого-то трибунала, совершившего удачный набег на богатых еретиков, как тогда, когда, находясь в Вальядолиде в 1549 году, он потребовал от этого трибунала 2000 дукатов для выплаты своего жалованья. [511] Похоже, что он предпринял попытку взимать с Сарагосы установленную контрибуцию, которую в 1539 году он распорядился выделить на выплату жалованья, но исполнение этого, по-видимому, было затруднено, поскольку с 1540 по 1546 год он выплачивал своему генеральному приемнику Лоазесу 15 000 мараведов в год за сбор средств. После десятилетнего перерыва, в 1557 году, оно потребовало от Сарагосы 10 000 суэльдо (400 дукатов) в год для выплаты своего жалованья, но снова возникли проблемы, поскольку, хотя приказ был издан в апреле, инквизиторам в октябре напомнили об этом с многозначительным намеком на то, что, если деньги не поступят, их жалование будет урезано. [512] В 1559 году папский грант в размере 100 000 дукатов на церковные доходы Испании некоторое время удерживал их в фондах, и когда трибуналы колоний работали честно, они внесли значительный вклад, но в восемнадцатом веке мы все еще находим, что они опираются на трибуналы, хотя и накопили значительный инвестированный капитал, приносящий солидный доход. [513]

КОНТРОЛЬ Над ФИНАНСАМИ

Забывая таким образом о себе, она также заботилась о трибуналах, которым повезло меньше, чем их собратьям, рассматривая прибыль всех как общий фонд, который будет распределяться по ее усмотрению. Эти переводы были непрерывными; в качестве примеров можно привести приказ Вальядолида в 1562 году выплатить 1000 дукатов Барселоне, которая была по уши в долгах, а в 1565 году Мурсия была вынуждена выплатить ей 400 000 мараведи в качестве зарплаты. Мурсия в это время, по-видимому, нащупала богатую жилу конфискаций, поскольку в 1567 году от нее потребовали внести 1500 дукатов на жалованье Валенсии. Барселона продолжала испытывать трудности; там было мало еретиков, и ее главным занятием были ссоры с народом, что было непродуктивно с финансовой точки зрения, поэтому в 1579 году от Льерены потребовали выделить ей 500 дукатов в счет заработной платы, а в 1586 году Севилье, Мурсии и Льерене было приказано выделить по 500 дукатов каждой для той же цели. Изгнание морисков в 1609-10 годах привело Валенсию к разорению, и в 1612 году Гранада и Севилья были вынуждены ссудить ей по 1000 дукатов за штуку. [514]

Эта система оставалась в силе до последнего. Во время Реставрации Святая канцелярия, как мы увидим, испытывала серьезную нехватку средств, и ее финансовые проблемы были частыми. В 1816 году Майорка должна была предоставить Логроньо более 40 000 реалов, и Логроньо был призван предоставить такую же сумму Супреме. Он не сразу удовлетворил это требование, но заплатил 15 000; в марте 1817 года Suprema уведомила его, что остаток будет списан; по-видимому, была произведена частичная выплата, осталось 12 000, на которые в 1818 году генеральный распорядитель Suprema выписал счет, но его вексель вернулся с позором. Это вызвало гнев Совета, который 3 июля написал, выражая свое удивление; если у трибунала не было средств на руках, он должен был пойти и занять их; он должен сделать это сейчас и не допустить повторения подобного. [515]

Необходимой чертой этого финансового контроля была централизация в Верховном суде аудита счетов всех трибуналов. Их получатели или казначеи должны были через регулярные промежутки времени присылать подробные отчеты с квитанциями обо всех поступлениях и расходах, которые проверялись *генеральным контадором*, или аудитором Совета. [516] Эффективность этой системы была омрачена обычными пороками ненадлежащего управления и нежеланием наказывать нарушителей, о чем нам дает представление петиция историка Херонимо Зуриты. В 1538 году он был назначен секретарем, или *эскрибано де камер* верховного суда. В 1548 году генеральный инквизитор Вальдес передал это место Хуану де Вальдесу, предположительно родственнику, и Зурита был переведен в *генеральную контадурию* Арагона. В петиции, представленной 2 мая 1560 года, он заявляет, что проработал контадором двенадцать лет с зарплатой меньше, чем у его предшественника, и с большим объемом работы; были отчеты трибунала Сицилии, которые не предоставлялись в течение двадцати лет, и было печально известно, что отчеты получателей были очень путанными и смущающими, все из которых он исправил с особой тщательностью, отвергнув ради службы в Святой Канцелярии возможности, предлагающие ему лучшие перспективы, и теперь единственная награда, которую он просит, — это то, что его сын Мигель Зурита, 18-летний юноша, может быть освобожден. примыкал к нему в качестве помощника - умеренная молитва, которая была исполнена. [517] В том, что Зурита был кропотливым и добросовестным аудитором, сомневаться было бы невозможно, но частота нарушений, как мы увидим ниже, указывает на то, что такие

должностные лица не были универсальными и что меры предосторожности системы применялись небрежно.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИВИЛЕГИИ

То, что Верховный суд требовал от трибуналов всего, что мог, было необходимостью, поскольку его денежное довольствие росло, отчасти в результате расширения его функций в процессе централизации, а отчасти в соответствии с неизбежным законом размножения класса должностных лиц. По мере того как бизнес и прибыли инквизиции сокращались, ее чиновники, следовательно, становились все более многочисленными и дорогостоящими. После смерти Фердинанда в 1516 году, когда Агирре и Кальчена были уволены, в течение нескольких лет в палате было всего три члена: фискал, секретарь, альгуасиль, “релятор” (докладывающий о делах, поданных на апелляцию), контадор и генеральный приемщик, два врача, посыльный и носильщик - всего двенадцать человек — со списком выплат, включая аюда де коста, в размере 1 090 000 мараведи, или чуть менее 3000 дукатов. [518] В семнадцатом веке все это изменилось. Различные вознаграждения стали привычным дополнением к собственно жалованью вместо прежнего аюда де коста. Таким образом, в году было три больших *пропина* или *полянки*, в дни Сан-Исидро (15 мая), Сан-Хуана (24 июня) и Санта-Аны (26 июля) и пять меньших, называемых *мануалами*, в некоторые другие праздники. Существовали также *люминарии* или возмещение стоимости часто заказываемых публично иллюминаций, которые, по-видимому, были сведены в среднем к фиксированной сумме, и иногда выделялась надбавка на автомобили Corpus Christi или пьесы, представленные перед Советом в день Corpus Christi, в то время как *торос* или бои быков, которые отмечались в дни трех главных праздников, иногда заменяли последние. Были и другие более мелкие привилегии, такие как воск и сахар - последнее заключалось в раздаче на каждом из праздников Тела Христова и Сан-Педро-Мартин по арробе (25 фунтов) сахара генеральному инквизитору, по половине арробы членам церкви и по четверти подчиненным, что составляло всего девять арроб. В 1657 году, как мы узнаем, сахар стоил 161 реал за арробу, что составляло ежегодные расходы на эти цели в 2900 реалов. [519] Более крупным вознаграждением были дома. Супрема владела несколькими домами и разрешала занимать их своим должностным лицам, в то время как те, кто не был таким образом размещен, получали денежный эквивалент. Таким образом, различными способами номинальное жалованье было в значительной степени увеличено, и, каковы бы ни были потребности государства, Совет заботился о том, чтобы его члены и должностные лица были в изобилии обеспечены.

Когда в 1629 году заговорили о реформе Верховного суда, Филипп IV обратился к Кастаньеде, генеральному контадору, за подробным отчетом о заработной плате, пропинах, боях быков и иллюминациях, с указанием их совокупности для каждого человека, связанного с этим, от генерального инквизитора до самого низкого служащего, и требовалась та же информация, что и для трибуналов. Как обычно, Верховный уклонялся от ответа и скрывал. Все, что он счел нужным ответить, это то, что зарплата члена составляла 500 000 мараведи, *консехеро де ла тард* 166 666, королевского секретаря и генерального распорядителя по 200 000 каждому. [520] Так получилось, что у нас есть подробный отчет о персонале и вознаграждении Супремы за этот период, который предоставляет информацию, таким образом утаенную от короля. Это показывает, что зарплата генерального инквизитора составляла 1 100 000 мараведи, а статистов - 352 920, или всего 1 452 920. Каждый из действительных членов получал половину

этой суммы, в то время как *consejeros de la tarde* имели одну треть зарплаты действительного члена, половину его пропины и никаких светильников. Общее число в платежной ведомости составляло тридцать шесть; совокупное жалование их составляло 7 152 539 мараведи, а статистов - 2 891 088, или всего 10 043 627, что эквивалентно 295 400 реалам или 26 855 дукатов, что примерно в десять раз превышает стоимость столетней давности. [521] Конечно, покупательная способность денег сильно упала за этот промежуток времени, но это не полностью объясняет более позднюю расточительность. Более того, можно заметить, что в случае с младшими подчиненными, где жалование было низким, дополнительные выплаты составляли вдвое больше обычной зарплаты, а также что до сих пор было всего три пропины в год, и они и люминарии были единственными статистами.

Заявление, сделанное несколькими годами позже, вероятно, в 1635 году, можно резюмировать так:

Заработная плата	7,644,600	миссис
Пропинас	2,382,900	“
Луминарии	1,232,875	“
Надбавки чиновникам за жилье, оцениваемые в	800,000	“
Расходы, ремонт домов, оцениваемые в	890,000	“
почтовые расходы, курьеры, секретная служба, оцениваемые в	400,000	“
	13,350,275	“

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИВИЛЕГИИ

Здесь впервые упоминается имя короля как получателя пропин и люминарий с надбавкой, вдвое превышающей надбавку генерального инквизитора, но, хотя он фигурировал в сметах, ему не платили. [522] Эти дополнения соблюдались так тщательно, что когда в 1679 и 1680 годах были опущены *праздники тороса* или бои быков на праздниках Сан-Исидро и Санта-Аны, а в 1680 году - *Autos Sacramentales* Тела Христова, Супрема возместила себе ущерб в 1680 году, раздав 687 276 мараведи, из которого мы узнаем, что льготы на бой быков составили 137 275, а на выставку автомобилей - 144 976. [523]

Ужасное состояние обесценившейся валюты, известной как *веллон*, со скидкой от *платы* или серебра, составляющей от 25 до 50%, дало дополнительные возможности для незаметного повышения заработной платы. Как правило, государственные чиновники должны были получать свою зарплату в обесценившемся веллоне — правительство было обязано принимать его в счет налогов и выплачивать по номинальной стоимости. [524] Однако Верховный суд пересчитал свое жалование в серебре и выплатил в веллоне с добавленной скидкой. В 1680 году члены клуба выделили себе специальное пособие, поскольку они распорядились выплачивать половину жалования серебром, а другую половину - веллоном со стопроцентной отдачей. добавлено, таким образом, фактически удвоив их заработную плату. Как часто повторялась эта щедрость, сейчас сказать невозможно; это не было решенным вопросом, поскольку квитанции 1681 года свидетельствуют о возвращении к обычной практике оплаты в Веллоне с 50-процентной ставкой. добавлено. [525] Другой способ, с помощью которого снижение стоимости в веллоне было превращено в предлог для увеличения заработной платы, показан квитанциями за 1670 год. Выплаты производились каждые три месяца вперед; первая *терция*, 1 января, и

вторая, 1 мая, были произведены в Веллоне с обычной добавкой в размере 50%.; затем, 1 сентября, эта увеличенная сумма была взята за основу и составила 66⅔ процентов. добавлено, в результате чего платеж в два с половиной раза превышает законную сумму. [526] Супрема не была разборчива в других способах увеличения своего вознаграждения. В 1659 году рождение инфанта Фернандо Томаса послужило поводом для двух дополнительных пропин и пяти светильников. [527] В 1690 году, когда он, вероятно, располагал средствами от конфискации на Майорке, под прозрачным предлогом замены различных предметов, которыми он воспользовался, он выплатил своим членам и старшим офицерам 14 160 реалов серебром и подчиненным 8555 реалами в веллоне. [528] Он также щедро раздавал чаевые своим сотрудникам, как, например, когда в 1670 году он назначил донье Хуане де Фите—и—Рибера - очевидно, дочери или племяннице своего секретаря Джозефа де Рибера - солидную пенсию в четыреста дукатов, чтобы она могла выйти замуж. [529] Несмотря на постоянные жалобы на бедность, это, очевидно, было недешевое ведомство правительства.

Тем не менее Супрема была не менее щедра в обеспечении развлечений и ублажения своих членов, что резко контрастировало с источниками, из которых черпались средства, — конфискациями, разорившими тысячи трудолюбивых и счастливых семей. Фактически, это дает нам новое представление о суровом трибунале, который держал в своих руках жизнь и честь каждого испанца и имел своим девизом “*Exsure Domine et vindica causam tuam*”, что означает тщательное обеспечение комфорта и веселья во время праздников.

БОИ БЫКОВ

Так получилось, что у нас есть подробная информация о стоимости autos sacramentales, совершенных перед Собором в праздник Тела Христова в 1659 году, в размере 2040 веллонских реалов и 1168 серебряных. [530] *Праздники тороса*, или бои быков, ничего не стоили исполнителям, но сопровождалась сложными и несколько дорогостоящими приготовлениями для развлечения участников и официальных лиц. Поскольку таких мероприятий проводилось три или четыре в год, развлечение было дорогостоящим, но Супрема не жалел средств, когда речь шла о его собственном удовлетворении. Чтобы дать представление об этом неожиданном аспекте Святой Канцелярии, я привожу ниже статьи расходов на “торос” от 5 июня 1690 года на сумму 2067 реалов 7 млн., к которым следует добавить, поскольку выставка проводилась во дворце Буэн Ретиро, сумму в 4400 реалов, выплаченную дворцовому казначею за использование балконов, занимаемых Советом и его слугами. [531] Это единственный пример постоянных расходов в случаях, когда Suprema покрывала расходы своих членов и сопровождающих. Они ни в коем случае не ограничивались торосами и автомобилями. В том же 1690 году Супрема заплатила 3300 реалов за балконы на улице Майор, с которых можно было увидеть новую королеву, Марию Анну Нойбургскую, когда она въезжала в Мадрид. [532]

В дополнение к жалованью и дополнительным вознаграждениям, чиновники Верховного суда имели богатый источник дохода от сборов, которые они имели право взимать. Каждое оформленное действие, сертификат или бумага были оплачены стороной, обратившейся за ними, в многочисленных делах, поступающих в Совет, от просителей услуг, экзаменов на лимпьеzu или чистоту крови, или в бесконечных судебных разбирательствах, подпадающих под его обширную юрисдикцию. От фискала и его клерка, которые взимали плату за все документы, проходящие через его руки, до портье, который получал свою признанную плату за вручение

повестки, каждый имел право взимать плату за услуги, относящиеся к его офису. Согласно *аранселю*, или законопроекту о гонорарах, изданному в 1642 году, секретари имели право на получение двадцати реалов за каждую выданную милость — разрешения на чтение запрещенных книг, смягчение епитимьи, разрешения и сотни других вопросов, в которых только Верховный мог оказывать милости. *Камерный секретариат*, или личный секретарь генерального инквизитора, взимал плату за каждое выданное поручение - с одного для инквизитора или фискала он собирал сто реалов, кроме восьми для своего клерка, с тех, кто занимал второстепенные должности, дублон и восемь реалов для своего клерка, и так далее, и они, согласно *аранселю* кардинала Джудиче, оплачивались серебром. [533] Какими бы обременительными ни были эти легализованные сборы, ограничения *арансел* не соблюдались, и жалобы на наложение были постоянными. Члены Супремы не имели такого источника дохода, но, как правило, они получали прибыльные пособия с разрешением не проживать в стране.

Ресурсы

Верховная власть не могла бы быть столь расточительной в своих расходах без гарантированного и постоянного источника дохода. Оно больше не зависело от того, что оно могло потребовать от того или иного трибунала, поскольку оно настолько настойчиво использовало свой контроль над их фондами, что накопило для себя сумму инвестированного капитала, процентов по которой хватало на удовлетворение его регулярных потребностей, а дефицит восполнялся взносами трибуналов, особенно трибуналов колоний. Эти последние стали очень продуктивными. Помимо накопления крупного капитала для себя, они смогли осуществлять крупные денежные переводы в Испанию. Ожидалось, что Мексика и Лима будут регулярно поставлять по 10 000 дукатов в год, и эта цифра часто превышалась. Даже из Картахены-де-лас-Индиас Супрема получил в 1653 и 1654 годах более 100 000 песо. [534] Около 1675 года мы случайно услышали о денежном переводе в размере 40 000 песо (около 29 000 дукатов), из которых Лима предоставила 10 000, а Мексика - 30 000. [535]

Оценка доходов и расходов примерно за 1635 год показывает, что Супрема владела ценными бумагами различных видов, приносящими следующий годовой доход:

Отчисления в государственные доходы	7,497,703	миссис
В руках Фуккаров (Фуггеров), ожидающих инвестиций, 2,618,200, при 5 пр. кт.	130 000	“
Цензо	2,210,625	“
	9,839,228	.

При этом его регулярные расходы оценивались в 13 350 275 долларов, что вместе с суммой в 1 353 625 долларов, которую было приказано выплатить кардиналу Сапате, покойному генеральному инквизитору, оставляло дефицит в размере 4 864 672, или 12 966 дукатов. [536] Это можно было бы без труда компенсировать трибуналами дома и в колониях, не считая тех сумм, которые все еще могли поступить от конфискации.

В период бурь и напряжения в течение примерно двенадцати лет, начиная с 1640 года, непрекращающиеся требования короля, несомненно, доставляли Верховному Главе некоторые неприятности. Уже в 1640 году мы находим, что он занимал значительные суммы, но его ресурсы

были велики, и примерно в 1657 году отчет о его задолженности составляет, пересчитанный в серебро, всего 14 500 дукатов. Против этого может быть приведен список инвестиций и источников дохода, приносящих доход в размере 18 500 000 мараведи или 50 000 дукатов, показывающий, какой способностью к накоплению он обладал, несмотря на трудные времена, через которые он прошел. [537] Все это были явные проценты по инвестиционным ценным бумагам, за исключением 10 000 дукатов от колониальных трибуналов, около 2000 дукатов, поступивших, по оценкам, от конфискаций и т.д., и 200 000 мараведи от *Севильской фабрики*. Этот последний пункт заслуживает небольшого пояснения. В 1626 году замок Триана, занятый севильским трибуналом, оказался под угрозой разрушения в результате наводнения. Ввиду больших затрат на ремонт в 1627 году было решено удовлетворить это требование, установив в течение трех лет с каждого назначенного калификадора сбор в размере 10 дукатов, с каждого комиссара и фамильяра - по 5 и с каждого нотариуса - по 4. Прошло три года, но эта обязанность была продолжена, и в 1640 году она была распространена на ряд других второстепенных должностей, как оплачиваемых, так и не оплачиваемых. Ремонт был давно закончен, но Suprema хладнокровно присвоила доход как часть своих регулярных ресурсов и сохранила его до конца. В 1790 году поступления из Валенсии составили 27½ либры, и упоминание об этом в 1817 году показывает, что *Фабрика Севильи* все еще собиралась. [538]

ТРУДЫ

В 1743 году Филипп V предпринял попытку сократить чрезмерное количество чиновников и расходы инквизиции и некоторых других ведомств, но он не смог противостоять появившемуся консервативному влиянию. Вероятно, именно в связи с этим был подготовлен подробный отчет о ресурсах и расходах Suprema. Работа инквизиции к этому времени фактически свелась к цензуре прессы и наказанию двоеженцев, привлечению исповедников, богохульников, прорицателей, знахарок и неосторожных высказывателей подозрительных утверждений, но ее механизм был таким же громоздким и дорогостоящим, как и прежде. Платежная ведомость Suprema насчитывала сорок имен, чьи оклады и вознаграждения исчислялись круглыми числами в 64 000 дукатов, к которым были добавлены расходы Мадридского трибунала, зависящие от Suprema, и другие предполагаемые расходы на сумму 12 000, что в общей сложности составило 76 000 дукатов. Его годовой доход был заявлен в размере 51 000 дукатов, в результате чего дефицит составил 25 000. [539] Как это было реализовано, неизвестно; возможно, в отчете о ресурсах было что-то скрыто, поскольку Suprema, похоже, не урезала свои свободы, а список заработной платы за 1764 год показывает, что никаких изменений в заработной плате и вознаграждениях не произошло, за исключением того, что число должностных лиц увеличилось до сорока одного. [540]

Однако финансовое состояние всей инквизиции было серьезно подорвано королевскими приказами, начиная с 1794 года, требующими продажи инвестиций и размещения вырученных средств в государственные ценные бумаги для покрытия расходов на войны, в которые была вовлечена Испания с Францией, а затем с Португалией и Англией. [541] Фактическое банкротство монархии и разрушение, последовавшие за наполеоновскими войнами, естественным образом довели ее до величайшего положения, результаты которого будут видны, когда мы приступим к исследованию ее финансов в целом.

Учитывая щедрую заработную плату и надбавки, которые в восемнадцатом веке составляли 4030 дукатов на каждого полноправного члена, труд был нетяжелым. Совет проводил ежедневные трехчасовые заседания утром, а в три дня недели — по вторникам, четвергам и субботам — двухчасовое заседание во второй половине дня, на котором присутствовали два вспомогательных члена Совета Кастилии, получившие 1400 дукатов. Жалованье генерального инквизитора составляло почти 7000 дукатов, [542] помимо этого он обычно имел епископство, а прихожанам - некоторые комфортные привилегии. Заседания Совета первоначально проводились в апартаментах генерального инквизитора, вплоть до восшествия на престол Филиппа IV, когда для него был приобретен дом осужденного фаворита Родриго Кальдерона, ставший его постоянным офисом. [543]

ГЛАВА II.

ТРИБУНАЛ.

ВО время активной деятельности инквизиции именно местный трибунал представлял ее народу. Генеральный инквизитор и Супрема были далеки друг от друга и не поддерживали прямых отношений с сообществом. Иначе обстояло дело с инквизиторами, по приказу которых любой человек, каким бы высокопоставленным он ни был, мог быть брошен в тайную тюрьму, откуда выйти с неизгладимым клеймом позора, в то время как его имущество, до мельчайших деталей, было наложено арест и арестовано, возможно, на годы, и, если не конфисковано, то в значительной степени израсходовано на расходы. Люди, обладающие такой властью и практически безответственные, наводили ужас на окружающих, когда выходили за границу, и, как мы видели, их привычное использование своего положения не было таким, чтобы развеять эти опасения. Они были видимыми агентами Священной канцелярии, воплощением ее таинственной и всеобъемлющей власти, уполномоченными привлекать к себе на помощь все ресурсы государства и подотчетными только своему руководителю. На трибунал, в котором они заседали, чтобы судить жизни и судьбы всех, кого они могли вызвать к себе, можно было смотреть только со всеобщим ужасом, поскольку никто не знал, в какой момент неосторожное высказывание или донос какого-нибудь врага могут привести его к этому.

Разделение земли на округа, каждый из которых подчинялся своему собственному суду, естественно, было делом времени. В ранний период, когда повсюду были подозреваемые в обратном, мало имело значения, где была создана инквизиция, поскольку она могла найти себе занятие в любом месте, а когда поле временно истощалось, она могла перебраться в другое место в поисках свежего урожая. Фердинанд в своих инструкциях инквизиторам Сарагосы в 1485 году говорит им, что везде в Арагоне, где, по их мнению, необходима инквизиция, они должны уведомить Торквемаду, который пошлет туда инквизиторов. [544] Так, мы слышим о трибуналах в Арагоне в Теруэле, Хаке, Тарасоне, Барбастро и Калатаюде; был один, частично арагонский, частично каталонский — Лерида и Уэска, который не был разделен между Сарагосой и Барселоной до 1532 года. В Каталонии были трибуналы в Перпиньяне и Балагере, а в Кастилии - другие, более или менее постоянные, в Медина-дель-Кампо, Авиле, Гваделупе,

Осуне, Хаэне, Хересе, Алькарасе, Пласенсии, Бургосе, Дуранго, Леоне и, несомненно, во многих других местах. [545] Еще в 1501 году королевский седула объявляет, что Деза собирается послать инквизиторов со своими чиновниками в различные епископства, чтобы предоставить им трибуналы, и всем получателям было поручено выплачивать им такие суммы, которые он может назначить. [546] В таких условиях не могло быть очень точных границ юрисдикции, поскольку мало имело значения, кто сжег новообращенного христианина-иудаиста, но иначе обстояло дело с конфискациями, которые требовалось собирать ответственным и уполномоченным королем лицам, и первые строгие определения округов, по-видимому, возникли при вводе в эксплуатацию приемников. Таким образом, в 1498 году получатель Сарагосы получил право на престолы Сарагосы и Тарасоны; он из Валенсии - на престолы Валенсии, Тортосы, Сегорбе и Теруэля, в то время как мы слышим об одном для Уэски, Хероны и Уржеля, явно отличном от Барселоны. [547]

ЭКСПРОПРИАЦИЯ ДОМОВ

Более того, в течение значительного времени трибуналы, в определенной степени, были передвижными, разъезжая со всем своим корпусом должностных лиц и имея право вступать во владение такими зданиями, какие им могли потребоваться, везде, где они считали нужным обосноваться на какое-то время, в то время как распорядителям было поручено не требовать от них отчета об их дорожных расходах. Правила для такого странствующего суда можно почерпнуть из седулы от 17 мая 1517 года, адресованной всем должностным лицам и жителям Леона и епископств Пласенсия, Кория, Бадахос и Сьюдад-Родриго, предписывающей им предоставлять инквизиторам и их чиновникам бесплатное жилье, но не на постоянных дворах, и взимать с них только текущие цены на еду. Там, где они оседают на время и создают свой двор, они должны снимать жилье в домах, где они могут пользоваться одной дверью, а владелец - другой, при этом должны быть предусмотрены соответствующие помещения для аудиенц-зала и тайной тюрьмы; арендная плата должна определяться оценщиками, выбранными по обоюдному согласию, но, если срок пребывания составляет менее года, арендная плата будет выплачиваться только за время проживания. Не должно быть никакого противодействия или жестокого обращения, но они должны получать всяческую помощь и благосклонность под страхом наказания в десять тысяч мараведи. [548] Предоставленное таким образом право временной экспроприации не всегда осуществлялось осмотрительно. В 1514 году Эрнандо Санчес из Льерены пожаловался Фердинанду, что семь лет назад инквизиторы захватили его дом, вынудив построить другой, и теперь они собирались захватить его; Фердинанд сжалился над ним и запретил им делать это. Иначе обстояло дело, когда трибунал в 1516 году был переведен в Пласенсию. Коррехидор сообщил, что наиболее подходящим домом был дом декана, который проживал в Риме и арендовал его; когда ему сказали выставить арендатора и установить трибунал, арендную плату, как обычно, определяли два оценщика. [549] Даже епископский сан должен был уступить требованиям инквизиции. Епископ Куэнки был президентом аудиенции Торо, и во время его отсутствия его дворец был занят трибуналом. В 1519 году он собирался вернуться и уведомил об увольнении, когда Карл V написал ему, что, если он собирается в Куэнку, то может найти другие здания для своей резиденции; инквизиция потратила много денег на тюрьмы, и ее нельзя беспокоить — и это не единственный подобный случай. [550] Тем не менее, существующие права иногда соблюдались. Когда в Севилье замок Триана был передан трибуналу, граф-герцог Сан-Лукар был его наследственным алькаидом; он уступил свою должность в обмен на наследственную должность альгусиль-мэра трибунала, и в 1706 году этой должностью все еще пользовались его потомки, маркизы Леганес, которым, по

подсчетах, это стоило 150 000 мараведов в год. Аналогичная сделка была заключена с маркизом дель Карпио, который был наследственным алькасаром королевского алькасара Кордовы, когда он был занят трибуналом этого города, и в 1706 году маркиз того периода получал от этого доход в размере 100 000 мараведи. В обоих случаях действующие лица обеспечивали заместителей за свой счет. [551]

Исходя из первоначальной экономической простоты учреждения, Торквемада в 1485 году приказал, чтобы все должностные лица селились в одном доме, но по мере увеличения штата трибуналов и потакания своим желаниям это правило устарело, и дома были предоставлены подчиненным, арендная плата за которые, согласно инструкциям кардинала Манрике около 1525 года, покрывалась за счет штрафов и епитимий, налагаемых на виновных. [552] Это стало общим правилом, хотя есть несколько случаев его несоблюдения и отдельных должностных лиц, жалующихся на неблагоприятную дискриминацию из-за того, что им не оказали такого благоприятствования. [553] Предоставляя таким образом дома для своих сотрудников, инквизиция заявила о праве на выдающееся владение и отстояла его обычным произвольным способом, когда столкнулась с сопротивлением, как это произошло в Вальядолиде в 1612 году. Секретарь трибунала хотел получить дом, который занимал бы чиновник канцелярии, или верховного суда Старой Кастилии и Леона. Трибунал без промедления выгнал его и назначил своим секретарем, который, в свою очередь, был отстранен оскорбленным судом. Судьи были немедленно отлучены от церкви, и суд вернулся к делу, оштрафовав приходских священников за публикацию порицаний; с обеих сторон были произведены аресты; суд наложил штрафы на инквизиторов, которые в ответ пригрозили дальнейшими анафемами. Хронист не сообщает нам о результатах, но при Филиппе III можно почти не сомневаться в окончательном триумфе трибунала. [554]

Седула 1517 года была повторена в другой от 8 февраля 1543 года и осталась постоянным постановлением. В 1645 году формула показывает, что всякий раз, когда какой-либо чиновник выезжал по делам трибунала, ему вручалось письмо, содержащее седулу 1543 года и повелевавшее в обычном властном стиле предоставить ему бесплатное жилье, кровати и провизию по текущим расценкам под страхом отлучения от церкви и штрафа в сто тысяч мараведи. [555]

КОЛИЧЕСТВО ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Организация трибунала поначалу была чрезвычайно простой. Мы видели, как в 1481 году в Севилье два монаха-доминиканца под руководством судебного заседателя и фискала в качестве судебного обвинителя вели такую активную работу, что им быстро потребовались два получателя конфискаций для сбора продуктов их промышленности. Несомненно, должны были быть подчиненные, которые выполняли канцелярские обязанности, раздавали ссылки и заботились о заключенных, но трибунал был укомплектован максимально экономно, и время не тратилось зря. После четырехлетнего опыта Торквемада определил трибунал как состоящий из двух инквизиторов, ассессора, альгвасила и фискала, с такими нотариусами и другими мелкими чиновниками, какие могли потребоваться; они должны были получать жалованье, и никакие сборы не взимались под страхом увольнения, и ни один инквизитор не должен был использовать чиновника в качестве домашней прислуги. [556] При этом не принимались во внимание силы, необходимые для обеспечения безопасности конфискаций и управления ими,

поскольку это было заботой суверенов, и пока что их управление отличалось от судебного преследования еретиков. Это представляло собой сложное дело, включавшее бесчисленные вопросы, возникающие в связи с исками самого разного рода, которые поначалу разрешались в светских судах, не всегда к удовлетворению Фердинанда. Он очень хотел передать их под юрисдикцию инквизиции, заявив, что, если они будут решены в соответствии с законом страны, он никогда не добьется справедливости. [557] Таким образом, на некоторое время эти обязанности были возложены на инквизиторов; в 1499 году в трибунале Бургоса и Паленсии Родриго де Каргуэлло получил звание инквизитора и судьи по конфискациям с зарплатой 75 000, в то время как его коллега Алонсо де Торрес получал только 60 000. [558] В конечном итоге, как мы увидим, в каждом трибунале был учрежден вспомогательный суд для этой цели под руководством *судьи по судебным делам*, или судьи по конфискациям.

Фердинанд был твердо убежден, что прибыль от преследований должна быть защищена от роста расходов, и боролся, хотя и безуспешно, против расширения платежной ведомости. В письме Торквемаде от 22 июля 1486 года он протестует против попыток инквизиторов увеличить количество оплачиваемых должностей — палача, писцов, заместителя альгуасилей — альгуасилы должны обеспечивать последних, а также платить носильщику; список выплат и без того чрезмерен, и инквизиторы требуют так много жалованья, что за ними нужно тщательно следить. [559]

Фердинанда могло раздражать растущее бремя, но он не мог его сдержать. В том же году мы находим, что он был вынужден отдать приказы о выплате в суде Сарагосы двум инквизиторам, ассессору, генеральному викарию епископальной церкви, налоговому адвокату, налоговому прокурору, альгвасилу, двум нотариусам, приемщику свидетелей, двум посыльным, приемщику и его писцу, врачу и королевскому нотариусу конфискаций, жалование которых составляло 37 700 суэльдо (около 1800 дукатов), к которым должны были быть добавлены *аюда де Коста*, это еще не устоявшийся обычай, но распространенный в той или иной форме. В то же время денежное довольствие трибунала Медина-дель-Кампо было несколько меньше и составляло около 1550 дукатов, хотя инквизиторов и ассессора было трое, поскольку мелких чиновников было меньше. [560] В 1493 году трибунал Валенсии, один из самых активных, управлялся всего одним инквизитором и без ассессора, что стоило всего около 1450 дукатов. [561] В то же время следует иметь в виду, что эти суммы включают тюремные расходы, которые альгвасил оплачивал из своей зарплаты, которая обычно была самой большой в списке, — мера скорее экономичная, чем способствующая благополучию заключенных.

КОЛИЧЕСТВО ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Закон роста продолжал действовать. В списке аюда де коста для Вальядолида за 1515 год указаны три инквизитора, фискал, альгуасиль, три нотариуса *secreto* или судебной палаты, получатель, нотариус секвестраций, тюремщик, посыльный и носильщик. [562] В 1568 году Филипп II, определяя наемных должностных лиц, освобожденных от налогообложения, перечисляет для этого же трибунала двух или трех инквизиторов, фискала, альгуазила, аудитора, судью по конфискациям, четырех нотариусов *secreto*, нотариуса по секвестрациям, получателя, посыльного, носильщика, алькайда секретной тюрьмы и один из каторжников, нотариус *juzgado* или конфискационного суда, адвокат *fisc*, прокурор *fisc*, два капеллана, врач, цирюльник, хирург и попечитель о бедных заключенных. [563] Помимо этих должностных лиц, получающих зарплату, было неопределенное количество не получающих зарплату:

консультанты, служившие в консульствах фе, калификадоры или цензоры, которые высказывались по обвинениям до ареста и выносили решения по книгам и сочинениям, адвокаты обвиняемых, “честные личности”, присутствовавшие при утверждении показаний свидетелей, в дополнение к фамильяры и уполномоченные со своими нотариусами. Затем появились другие должностные лица, либо получающие зарплату, либо живущие на гонорары — нотариус *по гражданским делам* или секретарь по гражданским делам, нотариус из *actos positivos* по делам лимпьезы, депозитарий, в который заявители для подтверждения своего права на лимпьезу должны были заранее внести сумму расходов на расследование, управляющий секвестрами, управляющий имуществом, *провизор* или поставщик продуктов питания для заключенных и, в некоторых судах, слесарь и контролер. каменщики считались должностными лицами. [564] Даже когда зарплаты были ничтожными, борьба за место была постоянной, чтобы пользоваться привилегиями и изъятиями инквизиции, и мы увидим, что, когда финансовое отчаяние заставляло выставять офисы на продажу, их охотно покупали, независимо от прибыли.

Этот разросшийся персонал был признан злоупотреблением, и были предприняты неоднократные усилия по его реформированию. Указ от 19 июня 1629 года, повторенный в 1638 году, предписывал количество членов каждого трибунала, но, как обычно, эти положения игнорировались или обходились стороной. В 1643 году Филипп IV осудил это неповиновение; чрезмерное количество чиновников причинило величайшее зло как трибуналам, так и королевству, и он приказал в кратчайшие сроки привести их численность к древним стандартам. На это генеральный инквизитор ответил, полностью признав, что этот переизбыток чиновников был причиной ослабления характера инквизиции и недостаточности доходов для выплаты жалованья; Верховный суд, по его словам, неоднократно пытался провести реформу, но невзгоды времени и давление короля сделали ее бессильной, и единственным средством было бы папское постановление, определяющее цифры и аннулирующее все дополнительные комиссии. Супрема, со своей стороны, представила консультацию, предлагающую переиздать указы 1629 и 1638 годов, в то время как генеральный инквизитор должен быть лишен полномочий за превышение этих ограничений. Далее он заявил, что разослал приказы каждому трибуналу, предписывающие эти цифры и требующие их немедленного сокращения. [565]

Эффект от всего этого был ошеломляющий. В Арагонской конкордии, навязанной королю в 1646 году, число лиц, допущенных к суду, в дополнение к инквизиторам и фискалам, комиссарам, их нотариусам и приближенным, составляло двадцать три человека, что показывает, насколько чрезмерной была практика. [566] Что это было в другом месте, указано в мемориале с Майорки, около 1650 года, вызванном заключением в цепи знакомого по имени Реджинальдо Эстадо, потому что он пожелал уйти в отставку после назначения консулом дель Мар. Пользуясь случаем, мы представляем зло, проистекающее из умножения должностных лиц, как изложено в предыдущей петиции от 11 января 1647 года, и протестуем против того, что гражданская и уголовная юрисдикция инквизиции привела к полному разорению людей, так что они приветствовали бы ее ограничение вопросами веры в качестве полной компенсации за все услуги, оказанные короне. В каждой из тридцати четырех деревень за пределами столицы было по три чиновника, не считая приближенных. В Пальме их было неограниченно много, за счет создания мест, на которых не было никаких обязанностей, и назначения помощников и заместителей *ad libitum*, в то время как все нанятые торговцы и механики считались официальными лицами, в результате чего их число достигло ста пятидесяти, не считая фамильяров. Все они, вместе со своими женами, детьми и домашней прислугой, а также

вдовами покойного, пользовались активным и пассивным правом фуэро как в гражданских, так и в уголовных делах, принося большие доходы трибуналу за счет чрезмерных судебных издержек и стимулируя всевозможные притеснения, которым подвергались из-за страха перед его порицаниями. Этот меморандум с доказательствами, подтверждающими его утверждения, был представлен Совету Арагона, который после надлежащего изучения доложил о нем королю с рекомендацией сократить количество должностных лиц и приближенных на Майорке до того, что необходимо для работы трибунала, но нет никаких следов того, что на этот совет было обращено внимание. [567]

ПРОДАЖА ОФИСОВ

Эти жалобы майоркинцев раскрывают не только последствия, но и причины такого чрезмерного увеличения официальных должностей. Более того, этому способствовала самоубийственная политика продажи должностей и создания их с целью продажи — одно из разорительных средств, к которым прибегнул Филипп IV в своих отчаянных попытках заставить истощенную казну восполнить расточительность двора и истощение внешних войн. Нет никаких положительных доказательств того, что инквизиторы следовали этому примеру ради своей личной выгоды, но было бы удивительно, если бы иногда это не имело места. Продажность распространилась еще в 1595 году, когда Филипп II в своих инструкциях Манрике де Ларе говорит о нововведении, согласно которому должности передавались за деньги — иногда за большие суммы, — что было очень пагубным и вызвало много ропота. [568] Очевидно, что это были сделки между частными лицами, но они не могли иметь места без попустительства назначающей власти, и отсюда легко делался шаг к созданию офисов для продажи, когда давление или искушение были достаточными. Это произошло в 1629 году, хотя, отдавая должное Филиппу IV, следует сказать, что он колебался, прежде чем уступить. В том году 23 декабря Верховный собрал несколько теологов и представил на их рассмотрение предложение о том, что в каждом месте, где есть шесть фамильяров, одному из них должно быть разрешено приобрести *вара* или жезл альгуазиля с титулом и всеми привилегиями и изъятиями, что является ценной привилегией, которая принесет много денег. Богословы признали эту схему законной, преимущества которой намного перевешивали ее недостатки, и предположили, что округа можно было бы объединить таким образом, чтобы обеспечить шесть фамильяров. Вырученные средства, очевидно, предназначались для казны Супремы, поскольку, когда план был представлен Филиппу, он сказал, что это может нанести серьезный ущерб общественному спокойствию, и передал его Совету Кастилии и Супреме. Наконец, 20 марта 1630 года он вернул его генеральному инквизитору, сказав, что оно было одобрено образованными и совестливыми людьми, и попросил оценить его продуктивность. [569]

После некоторых дальнейших переговоров схема была принята и объявлена трибуналам Верховным судом 7 августа 1631 года. Ограничение на одного фамильяра из шести было отменено, и предложение было открыто для всех, кто мог доказать лимпьеzu; продажа была рассчитана на три жизни, комиссионные выдавались самим генеральным инквизитором, *вара* альгуазилитета несла в себе фамильярность, и единственным ограничением было то, что, если третья жизнь выпадала тому, кто не мог доказать лимпьеzu, трибунал мог продать ее снова и доложить Верховному. [570] Таким образом, распродажа продолжалась, предполагаемой целью которой была выплата войскам; альгвасильствам не было предела, и, наконец, на рынок вышли другие конторы — депозитарио претендентов, нотариат по гражданским делам, хусгадо, секвестрирование, конкурсное производство, аудитор и т.д. Само собой разумеется, что

простые фамильяры были проданы, и в 1642 году мы слышим о предложении блока из трехсот домов. [571] Правила, изданные между 1631 и 1643 годами, показывают, что, хотя публичные аукционы были номинально запрещены, позиции выставлялись в частном порядке и продавались по самой высокой цене. Даже женщины стремились получить привилегии, связанные с должностями, и в 1641 году было признано необходимым запретить получать от них предложения, за исключением тех случаев, когда они делались в пользу мужчин, за которых они собирались выйти замуж. [572] В 1639 году Филипп предложил даже выставить на продажу должность альгуазильского мэра Супремы и всех трибуналов, с помощью которой он рассчитывал оплачивать содержание 400 пеших и 200 конных. Это ошеломило Suprema, которая заявила, что папская власть будет необходима, а поступления будут небольшими, поскольку все места были заполнены и будут заполняться медленно, в то время как только это от Suprema и трех или четырех других принесет значительные суммы, рассуждения, которые поставили точку в проекте. [573]

ПРОДАЖА ОФИСОВ

По различным признакам мы можем предположить, что конфиденциальные должности в secreto не продавались и что должности на действительной службе в трибуналах продавались только тогда, когда они освобождались, хотя указ 1641 года показывает, что они были освобождены для этой цели. Реализованные цены были большими. 6 февраля 1644 года Валенсия сообщила, что продажа с аукциона неважного офиса depositario de pretendientes за 6000 реалов полновесного серебра была отменена, поскольку покупатель настаивал на том, чтобы он предоставлял льготы для офиса в secreto. [574] Ответ Верховного суда от 11 февраля 1643 года на запрос Филиппа о средствах для оплаты 400 пеших и 200 конных в течение восьми месяцев дает нам цены, которые предлагались по ряду позиций, а также показывает, что условия варьировались от наличных до рассрочки на год или два. В Мурсии, говорится в нем, все еще оставалось 3500 дукатов веллон за должности аудитора и нотариуса по наложению ареста; в Севилье конкурсное производство было продано с аукциона за 8500 дукатов, из которых 2000 были в серебре, и все еще оставалось 1000 дукатов серебром за должность аудитора; в Льерене нотариат по наложению ареста принес на аукционе 3000 дукатов веллон; в Логроньо за аудиторское управление было выручено 1000 дукатов веллон; в Толедо конкурсное производство было продано на аукционе за 6360 дукатов веллон; в Кордове управление принесло 5000 дукатов, одну четвертую серебром; общая сумма, подлежащая выплате в разные периоды, составляла 4250 дукатов серебром и 24 110 дукатов веллоном - но последнее замечание Супремы показывает неизлечимую расточительность Филиппа, даже в его глубочайшем горе, поскольку оно спокойно добавляет, что ничего из этого недоступно, потому что все это было предоставлено королевским указом дону Педро Пачеко, члену Супремы. [575]

Нам говорят, что когда в 1643 году Арсе-и-Рейносо занял пост генерального инквизитора, он признал, что было слишком много статистов и что он запретил продажу должностей до дальнейших распоряжений. Если так, то перерыв был лишь временным, поскольку королевский указ 1648 года показывает, что он все еще продолжался, и в 1710 году мы случайно услышали о продаже в Валенсии нотариата хусгадо на четыре жизни за 16 000 реалов. [576] В 1715 году трибунал Перу, похоже, самостоятельно занимался небольшим делом подобного рода, которое Верховный суд быстро прекратил, заклеив его как симониакальное. [577] Это, вероятно, указывает на то, что в Испании это прекратилось, но обычай продавать за три или четыре жизни, по-видимому, способствовал долголетию, поскольку многие продолжали

придерживаться этого до конца восемнадцатого века. Заказанное в 1783 году расследование записей, касающихся их, указывает на то, что все еще оставались выжившие или, по крайней мере, заявители, чьи титулы подлежали тщательной проверке. [578]

Было невозможно избавиться от тех, кто занимал должности на основании этих грантов в течение последующих жизней, но были предприняты усилия по сокращению числа представителей класса, которые не были выставлены на аукцион. В 1677 году Вальядарес сообщил Карлосу II, что доходы инквизиции не покрывают более половины расходов на жалование, тюрьмы и т.д., Поэтому он рекомендовал по мере появления вакансий сокращать должности до тех пор, пока в самых загруженных трибуналах не будет более трех инквизиторов, фискала и четырех секретарей, в то время как в трибуналах поменьше будет достаточно двух инквизиторов, фискала и трех секретарей. Король согласился, и план был расширен за счет оставления незаполненными других лишних мест. Как и другие реформы, эта не была постоянной. В 1695 году Карлос приказал Рокаберти провести расследование в отношении персонала трибуналов и обеспечить соблюдение правил 1677 года. Примерно в 1705 году Филипп V в своей попытке провести реформу провел тщательное расследование увеличения численности и заработной платы со времен Арсе-и-Рейносо и Рокаберти, и генеральный инквизитор Видаль Марин снова ввел в действие график 1677 года, который продолжал оставаться, по крайней мере номинально, правилом. Время от времени, как в 1714, 1728 и 1733 годах, проводились расследования и из трибуналов направлялись отчеты, несомненно, с целью проследить за соблюдением ограничений, поскольку при бурбонах инквизиция привлекалась к ответственности гораздо строже, чем раньше. [579]

КОЛИЧЕСТВО ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Мы видели тщетные усилия Филиппа V в 1743 году сократить непомерно возросшее число чиновников в Санта-Крусаве и инквизиции. Возможно, именно в связи с этим Прадо-и-Куэста, вступив на престол в 1746 году, потребовал от всех трибуналов подробных отчетов обо всех должностных лицах и их заработной плате с указанием любых вакансий или дополнительных сотрудников, а также того, было ли больше приближенных, чем было разрешено Конкордиями. Ответы на этот вопрос должна дать полная перепись Священной канцелярии. В Приложении вы найдете таблицу, составленную на основе этих отчетов, а также отчет из Мурсии, в то время одного из наиболее активных трибуналов, которые дают достаточно четкое представление о существующих условиях изнутри. Эти документы представляют институт, который изжил свое предназначение, быстро приходя в упадок, больше не вызывая народного почитания и в основном полезный как убежище для тех, кто довольствовался жалкими грош-ками в фактической праздности. Уменьшившееся число консультантов указывает, как мы увидим ниже, на то, что совет федерации приходил в упадок, в то время как армия калификадоров указывает на тот факт, что главным делом была цензура прессы и преследование положений, требующих от богословов их определения. Неравномерность в количестве членов комиссии объясняется отчетом Мурсии, который показывает, что по большей части они были опущены в заявлениях, но не так-то просто понять отсутствие альгуасилей, из которых, по крайней мере, один, по-видимому, необходим каждому трибуналу. Есть много почетных должностных лиц и других лиц, работающих бесплатно, в то время как другие являются *юбилярами* или на пенсии, особенно среди секретарей, а там, где есть два получателя, один является юбиляром или отсутствует.

Малочисленность смотрителей пенитенциарных учреждений показывает, что это наказание практически устарело. Из-за отсутствия конфискации *juez de bienes* исчез, за исключением Майорки. Пробелы в декларациях знакомых, хотя информация о них была особо запрошена, могут быть вызваны либо тем, что суды не вели их реестров, либо сокрытием того факта, что количество, разрешенное Конкордиями, было превышено. То, что там были серьезные упущения, действительно доказывается, если учесть, что общее количество зарегистрированных составляет всего 951 человек, в то время как перепись 1769 года дает 2645 человек как число лиц, допущенных к освобождению в связи с инквизицией. В промежуток между этой и следующей переписью в 1787 году были предприняты напряженные и успешные усилия по сокращению числа освобожденных, несмотря на то что число сотрудников инквизиции увеличилось до 2705. [580]

Рассматривая таблицу в целом, можно заметить, что высшие должности инквизиторов и секретарей скорее увеличились, чем уменьшились по сравнению со стандартом, установленным Вальядаресом в 1667 году. Однако для них практически не было серьезной работы. Их предшественники успешно насаждали единство веры, и мало что оставалось, кроме подавления всякой свободы мысли и стремления к совершенствованию. Примером того, как они зарабатывали себе на жалованье мелким трудом, является 1808 год, когда трое инквизиторов и инквизитор-фискал трибунала Валенсии восемнадцать месяцев провозились над делом бедной работницы, обвиненной в “суевериях”, потому что она внушила определенные чары некоторым своим соседям, и в конце концов пришли к выводу приостановить дело и приказать ее приходскому священнику сделать ей выговор и угрожать. [581]

Трибуналы постоянно жаловались на свою нищету и недостаточное жалованье, несомненно, не без оснований, но давление с целью назначения препятствовало значительному сокращению численности, которое могло бы принести облегчение. Вероятно, именно с целью какой-то практической перестройки Верховный суд неоднократно, в 1776, 1783, 1793 и 1806 годах, обращался к трибуналам за полными и точными отчетами всех служащих. [582] Если это так, то единственным результатом было незначительное повышение жалованья низших чиновников, в среднем примерно на четырнадцать процентов., что привело к жалобе в 1798 году, повторенной в 1802 году, на то, что жалованье секретарей и курьеров — самых трудолюбивых из всех чиновников — оставалось неизменным в течение ста лет, в то время как стоимость жизни увеличилась вчетверо, и они были лишены своих прежних льгот и вознаграждений. Как заявил трибунал Валенсии, потребовалась половина их зарплаты, чтобы снять приличный дом, что, по-видимому, свидетельствовало о том, что у них больше не было жилья. [583]

Избыток должностных лиц подчеркивается тем фактом, что инквизиция была уполномочена привлекать каждого человека к безвозмездной службе. Его уполномоченным было сказано, что, если нет назначенного нотариуса, он может назначить другого, и когда он вызывает кого-либо сопровождать его на дежурстве, даже в отдаленное место, если сторона отказывается ехать, он должен сообщить об этом суду, чтобы тот мог предпринять надлежащие шаги. [584] Временные комиссии постоянно направлялись приходскому священнику или канонику, даже если их имена были неизвестны, с инструкциями относительно того, что от них требовалось делать. По мере того как реальная работа трибуналов сокращалась, росла привычка поручать то, что оставалось, посторонним. Инквизиторы, которые рассматривали не более пяти-шести тривиальных дел в год, были слишком ленивы, чтобы расследовать доносы или допрашивать

свидетелей, и поручали какому-нибудь священнику или монаху выполнить эту работу за них. [585] Точно так же они щадили своих подчиненных. Таким образом, в 1791 году в Барселоне были некоторые основания для опознания человека, описанного как Александр Валле, сержант второго батальона валлонской гвардии. Вместо того, чтобы послать одного из подчиненных трибунала с таким простым поручением, было дано официальное поручение Франсиско Льюку, августинскому настоятелю, который в свое время сообщил, что нашел его в шестом батальоне. [586] Если зарплаты были тривиальными, то такой же была и работа, которая их приносила.

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ПЕРЕДАЧА

Должности фактически оставались пожизненными, хотя технически срок полномочий истекал со смертью или смещением лица, предоставляющего право, поскольку мы видели, что с каждой сменой генерального инквизитора новый действующий возобновлял их, и междуцарствие было преодолено действиями Супремы. Это не распространялось на финансовых чиновников, которые держались от короны, и тот же процесс требовался при смене суверенов. Таким образом, когда Филипп II умер в 1598 году, Верховный суд поспешил сообщить трибуналам, что Филипп III утвердил всех судей по конфискациям, распорядителей и аудиторов. [587] Таким образом, должностные лица стали считать себя обладателями имущественных прав на свои должности и фактически были технически названы их “собственниками”, следствием чего было рассматривать их как собственность, подлежащую передаче по наследству или более или менее замаскированным сделкам.

Тенденция к кумовству, по-видимому, проявилась рано, поскольку Инструкции 1498 года запрещают назначать в любой трибунал родственника или слугу инквизиторов или любого другого должностного лица. [588] Сила этого была ослаблена в 1531 году решением Верховного суда о том, что заместитель управляющего Валенсией не является официальным лицом в смысле запрета — решением, которое открыло дверь для передачи по наследству, позволив отцам представлять своих сыновей в качестве заместителей на своих должностях, как мы видели в случае с Жеронимо Зуритой. [589] Тем не менее, запрет считался действующим, и в инструкциях для посетителей одним из вопросов, подлежащих расследованию, было то, работали ли два члена семьи в суде. [590] Однако, как и все другие полезные правила, я без колебаний нарушил его. Когда в 1570 году был учрежден трибунал Лимы, на него было специально обращено внимание инквизиторов, но едва они были назначены, как в письме от секретаря Васкеса им было приказано назначить Педро де Бустаменте, брата одного из них, на любую должность, для которой он подходил, и он был должным образом назначен нотариусом секвестраций. [591]

Передача по наследству, по-видимому, была благоприятной с раннего периода. В 1498 году мы видим, что Фердинанд не только одобряет отставку Педро Лазаро, альгвасила Барселоны, в пользу своего сына Дионисио, но и увеличивает жалование последнему, потому что он человек, который не может жить на обычную стипендию. Итак, в 1502 году, когда Хуан Перес, нотариус трибунала Калатаюда, был недееспособен по возрасту, он составил завещание, оставив все бумаги своему сыну Хуану, а Фердинанд подтвердил завещание и уполномочил Хуана действовать. [592]

Это настолько полно вошло в политику инквизиции, что когда чиновник умирал, оставляя несовершеннолетнего сына, место временно заполнялось до тех пор, пока мальчик не достигнет совершеннолетия, а тем временем он был обеспечен. В 1542 году Луис Баджес, нотариус секвестра в Сарагосе, умер, и Тавера назначил на вакантное место Бартоломе Мало, приказав получателю выплачивать из штрафов и епитимий пятьсот суэлько в год Хуану Баджесу, младшему сыну Луиса. К этому прилагалось частное сообщение инквизиторам, в котором сообщалось, что Мало был назначен только до тех пор, пока Хуан не достигнет возраста и опыта для этой должности, и, поскольку договоренность не указана в его поручении, необходимо совершить нотариальный акт, чтобы обеспечить преемственность Хуана. Однако подобные секретные мероприятия обычно не считались необходимыми. В следующем году умер Мигель де Олибан, нотариус secreto в том же суде, когда было назначено временное лицо, которое делило жалование с Хуаном Пересом де Олибаном, сыном Мигеля, до тех пор, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы занять это место. [593] Требования к возрасту были отменены в пользу таких передач. Примерно в 1710 году Карлос Альборнос, управляющий Валенсией, попросил разрешения передать свою должность двенадцатилетнему сыну; в этом было отказано, но когда два года спустя он повторил просьбу, она была удовлетворена. [594] Конечно, служба страдала от некомпетентности тех, кто был в ней задействован, но когда они были абсолютно непригодны, им разрешалось нанимать заместителей, которые служили за часть зарплаты. Таким образом, когда Хуан Ромео в 1548 году уволился из нотариата хусгадо в пользу своего брата Франсиско, Вальдес написал инквизиторам, что надеется, что Франсиско вскоре усвоит свои обязанности и сможет занимать должность лично, не нанимая замену, как это было ранее. [595]

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ПЕРЕДАЧА

Было бы бесполезно множить примеры того, что происходило ежедневно. Чиновники постоянно уходили в отставку или уходили на половинное жалование в пользу своих сыновей, внуков или племянников, которые принимались как нечто само собой разумеющееся. Должность настолько полно рассматривалась как собственность, что осиротевшая вдова иногда использовала ее в качестве приданого, чтобы соблазнить нового мужа, или получала на нее пенсию, которую должен был выплачивать преемник. Или мужчина, имеющий дочь на выданье, заручился бы обещанием наследования для того, кто на ней женится; или, если бы он умер, оставив девушку без средств к существованию, трибунал любезно подыскал бы ей мужа на тех же условиях, как в случае с Хуаной де Тревиньо, дочерью Антонио Эспаньона из Валенсии. К несчастью, первый претендент не смог доказать свою правоту, и был найден другой в лице Антонио де Больса. [596]

Естественным результатом этого было основание инквизиторских семей, которые из поколения в поколение продолжали жить за счет Святой Канцелярии, оказывая такие услуги, каких можно было ожидать от тех, кто считал свои должности личной собственностью, как покупатели четырех или более жизней. Можно привести множество примеров этого, но достаточно будет одного. В 1586 году мы находим Хуана дель Ольмо в качестве нотариуса или секретаря трибунала Валенсии - первый в очереди или нет, не указано. В 1590 году его вдова Магдалена попросила вернуть ее сыну Джозефу, которому она была передана, и во время его совершеннолетия ее обслуживал алькаид Педро Хуан Видаль, который выплачивал треть жалования вдове. В 1623 году этот Джозеф обеспечил престолонаследие своему сыну Джозефу, который, по-видимому, был несколько беспокойным джентльменом, поскольку в 1638 году он и

его сын были обвинены в убийстве своего коллеги-секретаря Хулиана де Паломареса. Избежав наказания за это, он умер в 1644 году, и ему наследовал его сын Хусепе Висенте, который в 1666 году не без труда добился возвращения престола своему сыну Висенте. Последний все еще функционировал в 1690 году. Кто последовал за ним, я не смог проследить, но мужская линия, похоже, оборвалась, и должность перешла к племяннику, поскольку в 1750 году ее занял Висенте Сальвадор-и-дель-Ольмо. [597]

Филипп II не был слеп к порокам этого злоупотребления и в своих инструкциях Манрике де Ларе от 1595 года он распорядился, чтобы должности не передавались братьям или сыновьям, если только не было особой причины и получатели не были способны занять их без назначения заместителей; но Филипп III отменил это в 1608 году в своих инструкциях Сандовалю-и-Рохасу и предписал, чтобы при смерти чиновника не забывали о его детях. [598] В инструкциях Карлоса II от 1695 года прослеживается фатальная испанская тенденция признавать зло, терпя его. Он запретил передачу должности, за исключением передачи от отца к сыну или от брата к брату, когда есть справедливое дело и назначенный обладает способностями для этой должности, поскольку часто случалось, что назначенные таким образом сыновья и братья оказывались непригодными или были настолько молоды, что инквизиции приходилось долго ждать в ущерб себе, и даже более того, когда временно находили замену, поскольку они уходили со знанием секретов инквизиции и воображали, что больше не связаны секретностью. Тем не менее, после этого недвусмысленного признания он продолжил повторять приказ Филиппа III о том, что в случае смерти чиновника следует позаботиться о его детях. [599] Конечно, предупреждение пропало даром, и оскорбления продолжались до последнего. Свидетельство о лимпьеze, выданное 23 ноября 1818 года Хуану Джозефу Пэрису, описывает его как секретаря трибунала Толедо, получающего половинное жалованье, в то время как его отец, Хуан Антонио Пэрис, джубиладо, получает другую половину. [600]

СНИСХОЖДЕНИЕ К ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМ

Когда не было прямого преемника, возник обычай предоставлять — несомненно, за вознаграждение — должности коадьюторов с правом возврата. В 1619 году трибунал Валенсии выступил против этого и проконсультировался с Верховным судом, в результате чего было принято решение не признавать подобные сделки в будущем. [601] Однако они все еще продолжались, и в сентябре 1643 года было получено папское предписание, запрещающее их, несмотря на что хорошо информированный автор сообщает нам, что генеральный инквизитор все же разрешил их. [602] Другим частым злоупотреблением было назначение пенсии в пользу какого-либо представителя предыдущего действующего лица или даже незнакомца, что наводит на мысль о сговоре назначающей власти. Даже сами инквизиторы иногда принимали должность в таких унижительных условиях. В 1636 году орден, выданный дону Алонсо де Буэльве как инквизитору Толедо, на первый взгляд содержал полное жалованье, но тайно сопровождался условием, что он должен получать только половину, в то время как другая половина была отдана дону Франсиско де Вальдесу. Человек, занявший такой пост на таких условиях, вероятно, не был бы хорош в своих методах самоокупаемости. Еще более наводящим на размышления об этом был нередкий обычай занимать должности “греховодников” — без оплаты. Таким образом, в 1637 году лицензиато Педро Монтальво принял такое поручение в качестве нотариуса secreto в Толедо, а в 1638 году аналогичное поручение было выдано для Кордовы Педро Гутьерресу Арментии. Даже инквизиторы не брезговали опускаться до этого, как

тогда, в том же 1638 году, когда доктор Вильявисьоса принял должность инквизитора Мурсии бесплатно. [603]

Легко понять, как подобная система должна была обременять трибуналы бесполезными прихлебателями, единственной серьезной обязанностью которых было получение заработной платы. Это было настолько хорошо понято, что, когда в неразберихе войны за престолонаследие часто не хватало денег, чтобы передвигаться, был издан приказ, согласно которому тем, кто исполнял обязанности, платили больше, чем тем, кто этого не делал. Итак, одной из особенностей реформы 1705 года, предпринятой Филиппом V, был королевский указ, объявляющий недействительными все поручения, выданные без обязательства работать в офисе, о том, что никакое ликование с зарплатой не должно назначаться без консультации с королем, и что никакое аюда де коста или другое вознаграждение не должно превышать тридцати дукатов без королевского согласия. [604]

Должностное преступление стимулировалось чрезмерной нежностью, которая запрещала наказывать за проступок. Предупреждения и угрозы произносились свободно, но редко приводились в исполнение, и даже в тех случаях, когда применялось наказание в виде временного отстранения от работы, срок мог быть сокращен до истечения срока. Такое терпение при повторяющихся и длительных правонарушениях было отчасти обусловлено патернализмом, который обычно регулировал отношения между начальством и подчиненными, но главным образом потому, что увольнение было публичным признанием возможности ошибаться, ставящим под угрозу народное почитание, которое инквизиция стремилась внушить. Так было с самого начала. Это правда, что реформаторские инструкции 1498 года гласят, что любой нотариус, который делает то, чего он не должен делать, должен быть осужден как лжесвидетель и фальсификатор и навечно лишен должности, помимо любого другого наказания в виде штрафа или ссылки, которое может определить генеральный инквизитор, но это мало пугало правонарушителей. [605] Сила эффективного наказания лежит исключительно на центральной голове, которую нелегко подвигнуть к активному возмущению преступлениями, совершенными на расстоянии. Письмо Фердинанда от 17 мая 1511 года инквизитору, который горько жаловался на подчиненного и, очевидно, просил его уволить, воплощает принцип, которому инквизиция оставалась верна до последнего. Заявителю было сказано, что, когда кто-либо из его должностных лиц виноват, он должен быть предупрежден; если он упорствует, его следует отчитать в присутствии его товарищей; если этого недостаточно, следует проконсультироваться с теми, кто присутствовал, и принять все меры предосторожности, чтобы избежать несправедливости, прежде чем идти дальше, поскольку увольнение должностных лиц инквизиции является самым отвратительным; необходимо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы оно основывалось на справедливости и успех работы зависел от того, чтобы все жили в гармонии. [606] Эту снисходительность Фердинанд сам практиковал в случаях, которые вполне могли побудить его к немедленному наказанию. [607] Когда сам инквизитор оказывался неисправимым, его могли отстранить от работы на год или два, но обычным делом было перевести его в какой-нибудь другой район. В крайних случаях его могли уволить или отправить на пенсию с половинным жалованьем, как это делалось с чиновниками, достигшими пенсионного возраста или слишком немощными, чтобы работать. Увольнения были почти неизвестны, и я встречался лишь с несколькими подобными случаями.

Ликование может быть как наградой, так и наказанием. В прежние времена, когда чиновник был вынужден уйти на пенсию по возрасту или немощи, о нем заботились либо в виде пенсии, либо в виде существенного подарка, о различных случаях которого можно найти в архивах. Со временем это стало устоявшимся обычаем, известным как ликование, и пенсия при выходе на пенсию обычно составляла половину зарплаты, иногда, но не часто, вычитавшуюся из зарплаты преемника. Заявления о ликовании были обычным делом по мере того, как люди старели или становились недееспособными, и мы видели из списка трибунала Мурсии, сколько такого рода наемных пожирателей ложилось бременем на финансы инквизиции.

ОСЛАБЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Использование ликования в качестве наказания служит яркой иллюстрацией нежности, проявляемой к правонарушителям. Вместо заслуженного увольнения их, насколько это было возможно, оградили от позора и отправили на пенсию, поставив таким образом в один ряд с престарелыми чиновниками, измотанными на службе. Это сочувствие зашло так далеко, что в инструкциях Карлоса II Рокаберти в 1695 году его предупреждают, что, поскольку ликование наносит серьезный ущерб, даже иногда сопряженный с риском для жизни, к нему следует прибегать только при наличии достаточных оснований, после голосования в Верховной Раде. [608] Насколько излишней была эта предосторожность, можно показать на примере ряда случаев, из которых достаточно упомянуть случай с Мельчором Сапатай, который около 1640 года сменил своего тестя на посту алькайда секретной тюрьмы Валенсии. Затем корреспонденция трибунала становится отягощенной жалобами на его хулиганское поведение; он постоянно попадал в переделки и предстал перед судом по различным обвинениям, среди прочего, в том, что нанял четырех солдат для совершения насильственного преступления. Наконец, вместо увольнения его осчастливили пожизненной пенсией в размере 20 000 мараведи серебром, а его должность была передана его двоюродному брату Криспину Понсу. *Юбилейный титул*, выданный ему Сотомайором, описывает его долгую и верную службу, за которую он был таким образом вознагражден, и ему было гарантировано пользование всеми льготами и привилегиями, связанными с его должностью, хотя его последующее поведение было настолько сомнительным, что в 1642 году было сочтено необходимым лишить его их. [609] Когда такая политика проводилась по отношению к неспособным и провинившимся чиновникам, нетрудно понять финансовые проблемы Святой Канцелярии и обиды, с которыми сталкивался народ.

Естественным следствием этой ошибочной снисходительности стала ослабление дисциплины и безразличие к долгу. Инквизиторы могли налагать штрафы на своих подчиненных, за исключением фискалов, но за серьезные правонарушения они могли отчитываться только перед Верховной властью, и, поскольку у них не было полномочий назначать или увольнять, они не могли осуществлять адекватные полномочия. [610] Насколько слабым контролем они обладали, видно из того, что в 1546 году Верховному судье пришлось отдать официальный приказ привратнику трибунала Гранады закрывать внутренние ворота замка, который был его резиденцией, в те часы, которые могли назначить инквизиторы, и, если он этого не делал, о нем следовало сообщить для принятия таких мер, которые Совет сочтет целесообразными. [611] При такой системе неудивительно, что в предложениях по реформе в 1623 году было предложено наделить инквизиторов властью наказывать и отстранять от должности, поскольку связывание им рук приводило к неподчинению, что вызывало серьезные проблемы в трибуналах. [612]

То, что имело место грубое пренебрежение служебным долгом, следует как само собой разумеющееся. Часы, предписанные для работы, в течение которых все должны были присутствовать, составляли всего шесть — три часа утра и три часа дня — за исключением многочисленных праздничных дней, и посетителям при их проверках было поручено особо интересоваться этим. [613] Из таких отчетов о посещениях, которые я изучил, может показаться, что соблюдение правила было трудным; Сервантес, действительно, в своем отчете о Барселоне в 1561 году говорит, что нет надежды обеспечить регулярное посещение, если Супрема не наложит штраф за опоздание более чем на час. [614]

ИНСПЕКТОРЫ

Отсутствие на рабочем месте было злоупотреблением, которое также казалось неизлечимым. Даже при бдительном правлении Фердинанда циркулярное письмо Верховного суда от 7 сентября 1509 года обращает внимание на отсутствие должностных лиц по их частным делам; инквизиторы в экстренных случаях могли предоставлять отпуск на двадцать дней в году, но этот срок никогда не должен был превышать; должны были вестись записи, а жалованье должно было быть пропорционально урезано. [615] Это было совершенно безрезультатно. В 1520 году мы находим, что Супрема писал чиновникам Барселоны вернуться на свои посты в течение десяти дней и упрекал инквизиторов за то, что они допустили такое пренебрежение долгом, но повторение письма в 1521 году показывает, насколько бесплодным было первое. Проблема ни в коем случае не ограничивалась Барселоной, и в 1521 году кардинал Адриан предпринял попытку остановить ее, объявив вакантной должность любого, кто отсутствовал в течение двух месяцев. [616] И дело было не только в подчиненных, поскольку самим инквизиторам часто приходилось отвечать за подобное пренебрежение долгом. [617] Проблемы были бесконечными и частично служат объяснением жестоких задержек, которые так сильно усугубили страдания тех, кто находится под судом. В 1573 году правило 1509 года было повторено с добавлением, что, если отведенные двадцать дней превышались на десять дней, отсутствующий не должен был допускаться в свой офис по возвращении, и это снова было переиздано в 1597 году вместе с приказом о том, что ни один инквизитор не должен отсутствовать без разрешения Верховного. [618]

Это был не единственный вопрос, в котором инквизиторов приходилось держать в узде. Частые приказы им не принимать заказов для участия во внешних делах показывают, насколько люди стремились заручиться услугами столь могущественных агентов и насколько инквизиторы были готовы таким образом продать свое влияние. Итак, когда Вальдес в 1560 году приказал им не просить об одолжениях, поскольку люди жаловались на то, что их заставляли выполнять то, о чем просили, мы осознаем, насколько безграничными были ресурсы мелкой тирании, предоставляемые террором, который они внушали. То, что они не были выше пороков того времени, можно заключить из предписания Вальдеса в 1566 году проявлять большую умеренность в азартных играх. [619]

Не было недостатка в серьезных усилиях по поддержанию справедливого уровня эффективности и дисциплины в трибуналах, хотя они были в значительной степени нейтрализованы ограниченными полномочиями, предоставленными инквизиторам, и фатальным милосердием, проявленным к правонарушителям. Изабелле принадлежит заслуга реформирования отправления правосудия в Кастилии путем периодического направления

неподкупных и негибких инспекторов для тщательного изучения работы судов, и вскоре после организации инквизиции аналогичный план был признан необходимым для ее трибуналов. Мы случайно слышим о *визитадоре* или инспекторе в Медина-дель-Кампо, когда Торквемада все еще активно выполнял свои функции, вероятно, до 1490 года. [620] Из писем 1497 года мы узнаем, что жалование инспектора и его нотариуса было таким же, как у инквизитора и нотариуса — сто тысяч мараведи для одного и сорок тысяч для другого. Они были назначены генеральным инквизитором и несли королевские письма, предписывающие инквизиторам принимать их хорошо и обращаться с ними, а всем должностным лицам оказывать им помощь, предоставлять им бесплатный проезд и не взимать никаких сборов, податей, переправ или пошлин любого рода. [621] Инструкции 1498 года создают постоянных генеральных инспекторов, которых должно было быть один или два, для посещения всех трибуналов и сообщения об их состоянии; они не должны были селиться или есть с инквизиторами или получать от них подарки и должны были осуществлять только полномочия, выраженные в их поручениях. [622] В соответствии с этим Франсиско де Симанкас, архидьякон Кордовы, был назначен инспектором, а Гонсалес Мезонс - его нотариусом; сколько времени он служил, не указано, но распоряжения о выплате его жалованья можно проследить до 1503 года. [623]

Когда в 1507 году инквизиции Кастилии и Арагона были разделены, в каждой из них продолжали работать инспекторы. Алонсо Родригес, о котором мы слышим в 1509 году, вероятно, принадлежал Кастилии; в 1514 году Хименес назначил Хуана Мориса инспектором, после чего специальные инспекторы на некоторое время прекратили работу, поскольку в 1517 году инквизитор Кордовы был отправлен инспектировать Толедо, Севилью и Хаэн, а инквизитор Хаэна - Кордову, Куэнку и Вальядолид. [624] В Арагоне Меркадер в 1513 году отправил Хуана де Ариолу инспектировать Майорку, Сардинию и Сицилию и, примерно в то же время, Эрнандо де Монтемайора инспектировать трибуналы Арагона, Каталонии и Валенсии. [625] После воссоединения инквизиции кардинал Адриан ввел новшество, назначив на должность мирян — лиценциатов Сису и Пенью, бывших судьями высокого суда Вальядолида. Их функции были расширены, поскольку Карл V описывает их как лиц с высокой властью, не связанных с инквизицией, посланных для расследования всех судов и внесения любых необходимых поправок, для чего он наделил их широкими полномочиями. [626]

ИНСПЕКТОРЫ

Эти регулярные плановые проверки подошли к концу, и, хотя благотворный надзор не был прекращен, он стал нерегулярным, применяясь либо от случая к случаю, либо когда жалобы, казалось, указывали на его необходимость. Трибунал в Барселоне доставлял немало хлопот, но, похоже, его посещали лишь с интервалом от шести до десяти лет. Инспекции были недешевыми, и расходы приходилось покрывать Верховному суду. Когда в 1567 году де Сото Салазар, член Супремы, был отправлен исследовать Валенсию, Барселону и Сарагосу, ему с самого начала дали четыреста дукатов, а его секретарю Пабло Гарсии - двести. [627] Было установлено правило нанимать на работу только инквизиторов и тех, кто находится на действительной службе, а не в отставке. [628] Добросовестно выполненная работа не была легкой. Инспекция Канарского трибунала, проведенная Клаудио де ла Куэва, длилась с 1595 по 1597 год, и его отчет составляет массу из 1124 листов. [629] Это было необычайно трудоемко, но отчеты, занимающие триста, четыреста или пятьсот страниц, не редкость.

От *визитадора* ожидалось тщательное расследование состояния и работы трибунала, выявление любого пренебрежения правилами, всех злоупотреблений и должностных преступлений должностных лиц, всех случаев неисполнения служебных обязанностей, всех случаев ненадлежащего управления имуществом и доходами, всех злоупотреблений властью, будь то путем притеснения незащищенных или небрежности в отстаивании веры. Он должен был изучить записи не только для того, чтобы убедиться, что они должным образом хранятся и пронумерованы, но и для того, было ли должным образом отправлено правосудие и строго ли соблюдались *уставы* Святой канцелярии. Он посещал тюрьмы, выслушивал жалобы заключенных и расследовал их. По прибытии он назначил день, в который должен был появиться в зале для аудиенций; инквизиторы и все официальные лица были собраны, его верительные грамоты были зачитаны, и инквизиторы пообещали повиновение от имени всех присутствующих. На следующий день инквизиторы были допрошены под присягой на предмет того, было ли что-либо, требующее исправления, и выполняли ли чиновники в полном объеме свои обязанности, ответы были записаны в письменном виде. Инспектор приводил с собой тщательно продуманную серию вопросов, обычно в количестве сорока восьми или пятидесяти, охватывающих все моменты, которые, как показал опыт, могли подтолкнуть к совершению правонарушений, и по этим вопросам он допрашивал всех должностных лиц по отдельности. Он также выслушал всех, у кого были жалобы; если они казались обоснованными, он тщательно расследовал их, вызывая всех свидетелей, которым было гарантировано, что их имена будут сохранены в тайне, и на основе этих доказательств выдвигал обвинения против тех, кто был обвинен, и выслушивал их в защиту. Предполагалось, что, когда его обязанности в трибунале будут выполнены, он посетит округ и расследует все жалобы. Результаты были сведены к письменному виду, и, когда его труды были завершены, он отправил или отнес все это Верховному для приведения в действие. [630] Как правило, он не имел исполнительной власти и мог только давать рекомендации, но визитадоры в колонии часто были наделены большей властью, предположительно ввиду длительных задержек в общении. Когда в 1654 году Медина Рико приехал инспектором в Мексику, где жестокое управление было вопиющим, он вынес приговор инквизиторам Эстраде и Игуэре, отстранил их от должности и долгие годы заседал в трибунале. [631] Легко понять, что временами между инспектором и инквизиторами возникали немалые трения, и в 1645 году Верховный суд представил королю консультацию по возникшим в связи с этим спорам. [632]

Необходимость в этих посещениях уменьшалась по мере того, как трибуналы подчинялись Верховной власти. Когда им приходилось составлять ежемесячные отчеты обо всех незавершенных делах, чтобы их действия находились под постоянным наблюдением; когда все приговоры представлялись на утверждение или пересмотр вместе с документами, отражающими ход рассмотрения дел; когда ни один арест не мог быть произведен без представления сумарии и получающих полномочий; когда, более того, управление имуществом тщательно проверялось в ежемесячных отчетах *хунты гасиенды*, расходы на посещения больше не были оправданы. Растущие возможности взаимодействия способствовали централизации и позволяли Верховной власти поддерживать постоянный надзор. Таким образом, когда она сосредоточила в себе все судебные органы инквизиции, превратив трибуналы в просто инструменты для расследования, функции *visitador* стали излишними, по крайней мере, на полуострове.

СЕКРЕТО

Дворец или здание, в котором располагался трибунал, было разделено на *секретную* и внешние помещения или апартаменты. Предполагалось, что в нем разместятся инквизиторы и, если они будут достаточно просторными, другие официальные лица. Самым важным сооружением была *секретная тюрьма* для тех, кто находился под судом, поскольку было необходимо, чтобы их в любой момент можно было привести в зал для аудиенций так, чтобы их никто не видел. Там, конечно, была камера пыток, которая, по-видимому, обычно находилась под землей. *Секрето* первоначально было просто архивом, в котором хранились бумаги. С самого начала они хранились в строжайшей тайне не только из-за их важности на судебных процессах, но и потому, что их изъятия или уничтожения так горячо желали родственники или сообщники осужденных. Еще в 1485 году Фердинанд в своих инструкциях трибуналу Сарагосы приказал, чтобы ни один слуга кого-либо из должностных лиц не входил в “секрет инквизиции”. [633] Инструкции 1498 года предусматривают, что у сундука или камеры, в которой хранятся бумаги, должно быть три ключа, два у *секретных нотариусов* и один у фискала, так что никто не может взять документ, кроме как в присутствии других, и никто не должен входить в него, кроме инквизиторов, нотариусов и фискалов, правила, по существу, повторенные в сицилийском кодексе. инструкции от 1516 года. Среди нарушений барселонского трибунала, о которых Сервантес сообщил в 1561 году, было пренебрежение этим правилом, что, по его словам, привело к серьезным злоупотреблениям. [634] Функции и объем *secreto* постепенно расширялись. В Инструкции Меркадера от 1514 года денежный сундук с тремя ключами было приказано хранить в секретере, и это положение стало постоянным. [635] Когда было установлено правило проведения судебных процессов в глубокой тайне и на все операции инквизиции была наброшена завеса непроницаемой тайны, аудиенц-палата была включена в состав *secreto*, так же как кабинеты, занимаемые фискалами и секретарями. Дверь в него запиралась на три замка с разными ключами, и вход был запрещен никому, кроме лиц, получивших официальные привилегии или призванных. [636] В 1645 году было обнаружено, что существует опасность, когда нотариусы или секретари приносят свои мечи, поскольку заключенный, которого ведут на аудиенцию, может в отчаянии схватить один из них и доставить неприятности, и, следовательно, им было приказано в будущем оставаться снаружи. [637] В трибунале Валенсии в 1679 году было значительное волнение, когда пажи инквизиторов завладели ключами и изготовили фальшивые, с помощью которых они по своему желанию получали доступ в священные пределы, но, похоже, никакого вреда от мальчишеской шалости не произошло. [638] Примечательной была одна особенность зала для аудиенций - *celosía* или решетка, за которой свидетель мог опознать заключенного, оставаясь незамеченным. [639]

ИНКВИЗИТОРЫ

Рассматривая личный состав трибунала, мы можем несколькими словами отмахнуться от эксперта. Такой чиновник был неизвестен в Старой инквизиции, но мы видели, что, когда первых инквизиторов отправили в Севилью, их сопровождал ассессор, и такой чиновник еще некоторое время считался необходимым дополнением к трибуналу. Вначале инквизиторами были монахи-доминиканцы, предположительно хорошие богословы, но не сведущие в тонкостях закона. Поэтому было желательно сопровождать их адвокатом в качестве гида, и, кроме того, его присутствие могло бы послужить для людей гарантией законности судебного

разбирательства. В инструкциях Торквемады от 1485 года предусмотрено, что они всегда должны действовать согласованно и что все, что делается одним без участия другого, недействительно; даже обращения к Верховному правителю должны быть подписаны обоими. [640] На судебных процессах этого периода мы иногда обнаруживаем, что заседатель заседает с инквизиторами, а иногда и нет, и приговоры выносятся последними при согласии первых. [641] В светском праве того периода заседатель имел только совещательный, а не решающий голос, и, по-видимому, такова была его позиция в трибунале, когда рутина инквизиции создала свои собственные прецеденты, когда все сомнительные вопросы решались Верховной властью и услуги подготовленных юристов больше не требовались. [642] В ранние времена их жалованье было таким же, как у инквизиторов — действительно, в Сарагосе в 1486 году Мартин Мартинес, ассессор, получал пять тысяч суэльдо, в то время как инквизиторы оценивались в четыре тысячи. [643] Однако прошло совсем немного времени, прежде чем, по-видимому, стало безразлично, есть ли ассессор или нет. В 1499 году в списках жалованья Севильи, Бургоса и Паленсии нет упоминания о таком чиновнике, в то время как в Сарагосе он есть, а в 1500 году Фердинанд уполномочивает инквизитора Сардинии выбирать для своего ассессора любого врача, которого он пожелает. [644] Офис некоторое время продолжал существовать как своего рода вспомогательный орган, занимающийся рассмотрением гражданских дел должностных лиц, но в Арагонской Конкордии 1568 года эта обязанность была возложена на инквизиторов и должность ассессора была упразднена. В Кастилии в обнародованном в том же году Филиппом II списке должностных лиц, имеющих право на освобождение от налогообложения, нет упоминания об оценщике, который, как можно предположить, к этому времени исчезнет. [645]

Инквизиторы, конечно же, были высшими должностными лицами трибунала. Они были судьями, обладающими практически неограниченной властью над жизнями, состоянием и честью всех, кого они вызывали к себе, пока они постепенно не были ограничены растущей централизацией в Верховной Власти. Для народа они были воплощением страшной Святой Должности, к которым относились с большим страхом и почитанием, чем к епископам или дворянам, поскольку в их распоряжение были предоставлены все государственные и церковные полномочия. Они могли арестовывать и сажать в тюрьму по своему желанию; своим отлучением от церкви они могли одним словом парализовать руку всех светских чиновников и своим интердиктом ввергнуть в отчаяние целые общины. Такая концентрация светской и духовной власти, охраняемая столь незначительными ограничениями и ответственностью, никогда, ни при какой другой системе, не была доверена подверженной ошибкам человеческой природе. Мудрое и умеренное применение этого метода требовало исключительного возвышения характера, самоконтроля и зрелого опыта в отношении людей и вещей. То, что монахи, внезапно призванные из монастыря или школ и облеченные такой безграничной властью над своими собратьями, иногда опьянялись своим положением и совершали ужасную резню, которой были отмечены первые годы инквизиции, не дает повода для удивления, равно как и то, что их преемники с такой высокомерной дерзостью попирали всех, кто осмеливался поднять голос против злоупотребления ими своими прерогативами. Поэтому нам стоит потратить время на изучение того, какие качества требовались папами и королями от тех, кого они выбирали как подходящих для должности, сопряженной с такими сбивающими с толку искушениями и такими огромными возможностями для совершения зла.

КВАЛИФИКАЦИЯ

Сикст IV буллой от 1 ноября 1478 года уполномочил Фердинанда и Изабеллу назначить инквизиторами трех епископов или других достойных людей, священников обычных или светских, старше сорока лет, богобоязненных, с хорошей репутацией и послужным списком, магистров или бакалавров теологии или лиценциатов канонического права. Предписание относительно минимального возраста было таким же старым, как Венский собор 1312 года, и стало само собой разумеющимся; остальное было настолько удачно подобранным определением необходимых качеств, насколько это, возможно, можно было выразить в общих чертах, учитывая характер эпохи и работу, которую предстояло выполнить. [646] Итак, в 1483 году, когда Сикст, под влиянием кардинала Борджиа, пожелал избавиться от инквизитора Гуальба, он попросил Фердинанда заменить его каким-нибудь магистром богословия, который боялся Бога и был известен своими добродетелями. [647] Единственными инквизиторами, которых знала Испания, были доминиканцы, и, хотя они не были указаны, казалось само собой разумеющимся, что инквизиция должна оставаться в их руках, но Фердинанд в своей борьбе с Сикстом за контроль над Арагонской инквизицией столкнулся с препятствием в виде послушания монахов своему генералу, который, конечно же, был христианином. создание курии. Он был полон решимости организовать инквизицию по своему усмотрению, что объясняет, почему Торквемада в своих Инструкциях от 6 декабря 1484 г. упростил формулу квалификации до *летрадос* (либо юристов, либо людей с университетским образованием) с хорошей репутацией и совестью, наиболее подходящих, каких только можно было найти. [648] Это даже не требовало, чтобы инквизитор был священнослужителем, за исключением тех случаев, когда в то время было сравнительно немного летрадос, которые не состояли в орденах. Когда Иннокентий VIII возобновил полномочия Торквемады 3 февраля 1485 года, это уполномочило его назначать инквизиторами подходящих священнослужителей, образованных и богобоязненных, при условии, что они были магистрами богословия, докторами или лиценциатами права, или соборными канониками, или занимали другие церковные звания, но, хотя это было повторено в последующей булле от 24 марта 1486 года, в другом пункте это было упрощено до священнослужителей с надлежащим характером и образованностью, возрастом не менее тридцати лет. [649] Это снижение возрастного ценза было сохранено Александром VI в поручениях, выданных Дезе 24 ноября 1498 г. и 1 сентября 1499 г., когда требование быть священнослужителем было опущено, поскольку квалификация была снижена просто до подходящих мужчин с доброй и нежной совестью, даже если они не достигли сорока лет, но им больше тридцати. [650] Это стало практически общепринятой формулой, как показано в поручениях, выданных 4 и 5 июня 1507 года Юлием II Энгуэре от Арагона и Хименесу от Кастилии, а также в поручениях Льва X Меркадеру и Поулу в 1513 году и кардиналу Адриану в 1516 и 1518 годах. [651]

Таким образом, должность инквизитора была открыта для мирян, и не было никаких колебаний нанимать их, пока они оставались холостыми, но, если они вступали в брак, они были вынуждены уйти в отставку — возможно, потому, что женатому мужчине считалось невозможным сохранять абсолютную тайну, которая считалась необходимой в Святой Канцелярии. Лиценциат Агирре, любимый член Верховного совета Фердинанда, был мирянином. 28 июня 1515 года Фердинанд пишет Хименесу, что лиценциат Небреда, инквизитор Севильи, желает жениться, и, поскольку он хороший слуга, для него была найдена другая должность, в то время как казначей церкви Пампелуны подберет подходящего кандидата для Севильи. [652] Два других похожих случая произошли примерно в одно и то же время. [653] Было аномалией позволять мирянам принимать решения по вопросам веры, но не было

предпринято никаких действий, чтобы предотвратить это, пока Филипп II в своих инструкциях Манрике де Ларе от 1595 года не приказал, чтобы инквизиторы и фискалы, по крайней мере, были священнослужителями — пункт, опущенный Филиппом III в его инструкциях от 1608 года. [654] Наконец, 10 ноября 1632 года Верховный суд удовлетворил этот вопрос, потребовав от всех инквизиторов рукоположения и запретив им иным образом выполнять свои функции, положение, которое, по-видимому, встретило слабое исполнение, поскольку его пришлось повторить 12 января и 5 июня 1637 года, с добавлением, что инквизиторы и фискалы, не состоящие в орденах, не должны получать жалованья. [655] Даже это, похоже, не возымело эффекта, поскольку в 1643 году консулат привлек внимание к этому вопросу как к великому злу и непристойности и предложил получить папскую справку, что делает приказы священников необходимым условием для инквизиторов и фискалов. [656] Этого сделано не было, но мы можем предположить, что со временем эти функции были возложены только на священнослужителей.

Юридическое образование было предписано в качестве обязательного в 1608 году Филиппом III, который приказал, чтобы никто не назначался инквизитором или фискалом, который не мог предъявить Верховному суду свой диплом об окончании юридического факультета. Карлос II повторил это в 1695 году, добавив, что инквизиторы и секретари не должны быть уроженцами провинций, в которые они были назначены, чтобы предотвратить партийность, и что назначению должно предшествовать строжайшее изучение характера и лимпезы. [657]

Папские требования, выраженные в последовательных поручениях генеральным инквизиторам, некоторое время сводились просто к тому, что они должны назначать благоразумных и подходящих людей с хорошей репутацией и чистой совестью, достигших тридцатилетнего возраста. Очевидно, это нарушение сорокалетнего правила Клементины привело к некоторому неодобрению, и в "поручении Вальдеса" 1547 года нет никаких упоминаний о возрасте. Этому примеру следовали до тех пор, пока в 1596 году Климент VIII в поручении Портокарреро не установил минимальный возрастной ценз в сорок лет, как того требуют каноны, добавив, что если не удастся найти достаточно подходящих мужчин этого возраста, в чем он обвинил совесть Портокарреро, то могут быть назначены мужчины тридцати пяти лет, но если это будет сделано без необходимости, назначение будет недействительным. На это Портокарреро возразил, сказав, что это лишает его возможности назначать на должность без угрызений совести, поскольку трудно найти подходящих лиц определенного возраста для вступления в должность, и поэтому он просил сократить этот срок до тридцати лет, как это делали все папы со времен Иннокентия VIII. Климент уступил, но был осторожен, вставив отступление от апостольских конституций и особенно от Клементины *Нолентес*. [658]

ПОЛНОМОЧИЯ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

С этого момента и до самого конца все возрастные ограничения были предусмотрительно опущены, формулировка была простой: "благоразумные и подходящие люди с хорошей репутацией, чистой совестью и ревностные к католической вере". [659] Однако минимальный возраст считался равным тридцати годам, и когда назначались мужчины моложе, требовались разрешения, как тогда, когда в 1782 году генеральный инквизитор Бертран передал инквизицию Барселоны дону Матиасу Бертрану. Очевидно, были выдвинуты возражения против

его молодости, и в 1783 году было получено папское разрешение, дающее ему право исполнять этот пост, несмотря на то, что он еще не достиг тридцатилетнего возраста. [660]

Покровительство инквизиторов было сильно ограничено постепенной централизацией власти в Супреме. В ранний период у них были назначены привратники и нунции - привидения и посланники, — а когда в 1500 году Фердинанд реорганизовал сицилийский трибунал, он послал инквизиторов, наделенных полномочиями занимать все должности, кроме приемной. В 1502 году он даже уполномочил инквизитора Лериды и Уэски назначить судью по конфискациям и нотариуса в каждом населенном пункте. [661] Впоследствии, как мы видели, генеральный инквизитор взял под свое покровительство все оплачиваемые должности, даже привратников и нунциев. Если возникала вакансия на должности, требующей выполнения повседневных обязанностей, инквизиторы могли временно заполнить ее, немедленно сообщив об этом Верховному Правителю и ожидая его приказов, но у них не было другой власти. [662] Что касается многочисленных должностных лиц, не получавших жалованья, генеральный инквизитор назначал консультантов и калификадоров, или цензоров, а также уполномоченных по кафедральным городам, морским портам и городищам, которые были резиденциями трибуналов. Это оставляло инквизиторам только назначение приближенных и комиссаров в других местах, хотя поначалу в кафедральных городах они могли выбирать каноника собора на должность комиссара. [663] То же самое было и в отношении расходов, в отношении которых первоначально они пользовались определенной свободой действий. Это, как было показано выше, ограничивалось до тех пор, пока, в конечном счете, Верховная Власть не взяла под контроль даже самые незначительные расходы.

Он также следил за моралью инквизиторов, признавая искушения, которым они подвергались, и возможности, предоставляемые их положением. Среди вопросов, которые инспектору было поручено провести, был вопрос о том, жили ли инквизиторы прилично, не содержали ли публично наложниц и не развращали ли женщин-заключенных, жен и дочерей заключенных или мертвых, слава и память о которых подвергались преследованию. [664] Когда внимание было привлечено к должностному проступку, это было немедленно расследовано, как в 1528 году, когда инквизиторы Барселоны были обвинены в получении взяток и подкупе свидетелей, туда были направлены инквизитор Валенсии с нотариусом Тортосы, которым было поручено провести расследование и доложить. [665]

ПОСЕЩЕНИЕ РАЙОНА

Самой кропотливой работой, возложенной на инквизиторов, было посещение их округов. Они были большими, обычно охватывавшими несколько епископств, и, когда трибуналы стали действовать оседло, стала очевидной необходимость более пристального наблюдения за отклонениями, чем это могло осуществляться из постоянного центра. Уже в Инструкции 1498 года видна действующая система посещений, называемая Всеобщей инквизицией, а в 1500 году Деа приказал инквизиторам посещать все места, где не проводилось дознание. Каждый инквизитор должен был путешествовать с нотариусом, получая доносы и снимая показания, чтобы по его возвращении коллеги могли посоветоваться и отдать приказ о таких арестах, какие сочтут необходимыми. В округах, где такие посещения уже совершались, одному из

инквизиторов было приказано путешествовать каждый год, проводя расследования в городах и деревнях и публикуя Эдикт веры, чтобы привлечь доносы; другой инквизитор оставался в трибунале для выполнения рутинных дел или, если таковых не было, ему тоже было приказано отправиться в путь. Подробные отчеты о работе, проделанной во время посещения, должны были быть представлены генеральному инквизитору. [666] Это оставалось основой системы, и Инструкции 1561 года просто более четко определяли функции приезжего инквизитора, которому было сказано, что он не должен производить арест, если нет опасности побега, а должен только собирать показания и передавать их трибуналу для принятия мер; если он производил арест, он должен был не судить обвиняемого, а отправить его в секретную тюрьму. Однако пустяковые дела он мог решать на месте, позаботившись о том, чтобы для этой цели ему были делегированы полномочия от Рядового сотрудника. [667] Важность, придаваемая этим посещениям, стала очевидной, когда во время осады Толедо в Коммуньидаде кардинал Адриан, констебль и адмирал Кастилии 3 ноября 1521 года издали приказ командирам осаждающих войск разрешить инквизиторам выходить и совершать свои обычные визиты. [668]

В 1517 году было приказано проводить эти визиты каждые четыре месяца, причем каждый инквизитор сменял друг друга под страхом лишения годового жалованья. Это указывает на то, что повинность была неприятной и, вероятно, от нее можно было уклониться, и в 1581 году повинность была сокращена до одного раза в год, начиная с конца января и охватывая те части округа, которые, как считалось, требовали особого внимания. В 1607 году было приказано разбить районы на схемы, которые следовало посещать по очереди, пока не будут охвачены все, после чего процесс начался заново. [669] В 1569 году был составлен тщательно разработанный свод инструкций, согласно которому основными целями были публикация Эдикта веры с последовавшим за этим потоком доносов, расследование характера и поведения уполномоченных и приближенных, а также содержание в церквях санбенитос лиц, наказанных инквизицией, для чего посетитель имел при себе списки всех мест, которые необходимо посетить. [670]

Визит сопровождался определенной долей величия и церемонности. Прежде чем прибыть в город, было разослано сообщение о предполагаемом часе прибытия, когда власти, церковные сановники и видные джентльмены этого места были вызваны, чтобы выйти навстречу инквизитору и сопроводить его в его жилище. Секретарю было поручено отмечать детали этих приемов, как почетных, так и иных, характер предоставленных помещений и обставленной утвари. [671] Проявление неуважения в этих случаях каралось. В 1564 году доктор Зурита, посетив епархии Жерона и Эльне, обнаружил, что ворота Кастильон-де-Ампуриас закрыты для него, а один из стражников схватил поводья его лошади. Он приступил к судебному преследованию местных властей, когда консулы доказали, что они ни в чем не виноваты, но двое охранников, Сальбадор Льюп и Хуан Маранья, были отправлены в Барселону для суда. [672]

Хотя иногда в ходе этих визитов обнаруживались гнезда морисков и еврейских отступников, как правило, практическими результатами, по-видимому, были скорее удовлетворение старых обид соседей в маленьких городках и взимание штрафов инквизиторами. В 1582 году Хуан Аймар, инквизитор Барселоны, в отчете о посещении епархий Жероны и Эльне, а также части Барселоны и Вича, выставляет напоказ, что опубликовал Эдикт веры в 263 местах, но он привел только семь тривиальных случаев, из которых четыре касались французов. [673]

Эти поездки были сопряжены с немалым трудом и даже лишениями; для них было предписано четыре месяца, начинавшихся в начале февраля, и весеннее равноденствие вряд ли обещало быть приятным, особенно в горных районах. Естественно, от выполнения этого долга увиливали всякий раз, когда это было практически возможно, и усилия Верховного Господа заставить его выполнять были бесконечны. В 1557 году он проинструктировал приемника в Сарагосе, что каждый инквизитор поочередно должен проводить в посещениях не менее четырех месяцев и что это выполнение является обязательным условием, предшествующим получению им обычной аюда де коста. [674] Это было доведено еще дальше в акордадской хартии от 25 января 1607 г. до всех трибуналов; инквизитор, в свою очередь, должен приступить к работе в первое воскресенье Великого поста, не пытаясь оправдаться или ответить, и отчет о его визите должен быть включен в ежегодный отчет о делах, поскольку в противном случае аюда де коста будет изъята из всего судебного процесса. трибунал, потому что эти визиты являются главной причиной его дарования. [675] Эта солидарность, навязанная всем должностным лицам, возможно, была вызвана непокорностью подчиненных, поскольку в 1598 году мы находим трибунал, просящий Верховную власть напрямую отдавать им необходимые приказы, что она любезно и сделала, при этом заявив, что ее не следует обременять такими деталями. [676] На протяжении семнадцатого века переписка Верховного суда с трибуналами Валенсии и Барселоны наполнена приказами инквизитору, чья очередь идти, и отказами принимать оправдания, а в 1705 году в письме в Валенсию спрашивается, почему визитом пренебрегли. [677]

ФИНАНСОВЫЙ

Когда инквизиторов было трое, отсутствие одного не мешало текущим делам, но там, где их было всего двое, это было серьезным препятствием. С самого начала было абсолютным правило, согласно которому двое должны действовать сообща во всех важных вопросах, таких как вынесение приговора к пыткам, распоряжение о публикации доказательств или вынесение окончательного приговора, причем как в гражданских, так и в уголовных делах. Мелкие и тривиальные дела, однако, могли быть переданы одному из них в отсутствие его коллеги, и он мог продолжать проводить аудиенции и собирать свидетельские показания, в то время как при обычном неторопливом ведении дел инквизиции проволоочки, вызванные сбоями в работе трибунала на четыре месяца в году, очевидно, не рассматривались как какой-то момент. [678] Однако в маленьком трибунале Майорки, который мог поддерживать только одного инквизитора, он был признан компетентным действовать самостоятельно и, вероятно, был освобожден от посещений. [679]

Следующим по значимости после инквизиторов стоял фискал-покровитель, или обвинитель. В первоначальной инквизиции тринадцатого века такого офицера не было; в позиции инквизитора была искренность и как судьи, и как обвинителя, бесконечно предпочтительнее лицемерия, что судебный процесс был действием между прокурором и обвиняемым с инквизитором в качестве беспристрастного судьи. Как это произошло, будет рассмотрено ниже.

Мы видели, что даже при первоначальной организации первого трибунала в 1480 году фискальная система считалась необходимой. Он занимал следующее место после инквизиторов, и в 1484 году было приказано, чтобы он помогал на всех государственных

должностях, после инквизиторов и рядовых, но перед судьей по конфискациям. [680] Однако он был подчиненным. При регулировании заработной платы в 1498 году инквизиторы получали 60 000 мараведи, получатель - столько же, в то время как фискалы оценивались в 40 000, столько же, сколько нотариусы, и даже у посыльного было 20 000. [681] Итак, в сицилийском трибунале в 1500 году у инквизиторов и судебных приставов было 6000 суэльдо, в то время как у фискалов и нотариусов - только 2500. [682] То же самое было и с "айуда де Коста". В 1540 году мы находим, что фискалы были допущены только к нотариусам и альгуазилям, а когда в 1557 году шкала была установлена для Сарагосы, фискалам было выделено 1000 суэльдо, а инквизиторам - 3000. [683]

Считалось, что фискал действовал исключительно по приказу инквизиторов. В Инструкции 1484 года они представлены как приказывающие ему обвинить в упорстве беглецов и осудить мертвых, против которых они найдут улики. Итак, на судебном процессе 1528 года мы видим, как инквизиторы приказывают фискалу выдвинуть обвинение против подсудимого. [684] В 1561 году среди его обязанностей было предписано содержать секретаршу в чистоте и надлежащем порядке; он открывал и закрывал ее дверцу собственными руками, а в 1570 году от него требовалось, чтобы все многочисленные документы были хорошо разложены, сшиты, покрыты и помечены так, чтобы их можно было легко получить при желании. Письма и инструкции Верховного были переданы в его руки, и его обязанностью было передать в письменном виде каждому должностному лицу ту часть, которая относилась к нему. В 1632 году к его трудам добавился еще один — предоставление Верховному суду ежемесячного отчета, охватывающего каждое незавершенное дело, с кратким изложением всего, что было сделано в нем с самого начала - обязанность, по-видимому, не по вкусу, поскольку приказ пришлось повторить в 1639 году. [685] Со всеми этими несколько разнообразными обязанностями мы никогда не слышали, чтобы у фискала был клерк, помощник или заместитель.

В 1582 году было предписано, чтобы его место в зале для аудиенций было меньше, чем у инквизиторов, сдвинуто в сторону и без подушек. На публичных мероприятиях его кресло должно было быть таким же, как у них, за исключением того, что у него не было подушки. Инквизиторы были обязаны обращаться к нему и судье по конфискациям как к *мерседу*, и, когда он вошел, они не были обязаны вставать, а просто приподняли свои шапки. [686]

НОТАРИУСЫ Или СЕКРЕТАРИ

Положение фискалов постепенно улучшалось. В своих инструкциях Манрике де Ларе от 1595 года Филипп II связывает его с инквизитором, требуя, чтобы оба были в орденах, и предписывает проявлять большую осторожность при назначении, поскольку фискалов обычно назначают в инквизицию. Точно так же Филипп III в 1608 году потребовал, чтобы обе должности занимали юристы, а когда в 1632 и 1637 годах Suprema ввела священный сан в качестве условия, включающего фискалов и инквизиторов. [687] Взаимодействие между ведомствами было быстрым, и в 1647 году при выплате аюда де коста в Валенсии инквизитору Антонио де Айала-и-Верганса тридцати тысяч мараведи "на пласа де фискал", показывая, что он действовал как фискал. [688] Идея слияния становилась привычной. Когда в 1658 году Грегорио Сид, после шести лет службы инквизитором Сардинии, был переведен в Куэнку, он предположил, что там должно быть два инквизитора и фискал, или, по крайней мере, что младший инквизитор должен выполнять также функции фискала. [689]

Определению должностей способствовал королевский указ, предписывающий, что фискалы должны быть равны инквизиторам по старшинству и почестям, балдахинам, подушкам и тому подобному, а также по жалованью и вознаграждениям. [690] С тех пор должность фискала стал занимать один из инквизиторов, хотя он позаботился о сохранении своего достоинства, называя себя “инквизитор фискал” или “инквизитор, исполняющий должность фискала”. Таким образом, в конце концов две должности объединились, и мы видели в таблице должностных лиц 1746 года, что они считались вместе. Как само собой разумеющееся, инквизитор, выступавший в качестве обвинителя, не участвовал в консультациях и не голосовал по поводу судьбы обвиняемого, против которого он возбудил уголовное дело. [691] Иногда, когда не было фискалов и инквизитора, готовых выполнять обязанности, старший секретарь брал на себя эту функцию. Такой случай произошел еще в 1655 году, и иногда он продолжался до конца. [692]

Нотариусы, или секретари, составляли важную часть трибунала. Они свели к письменному изложению всех объемных протоколов судебных процессов, всех аудиенций, данных обвиняемым с допросами и ответами, всех показаний свидетелей и их подтверждения, бесконечных повторений в громоздкой и запутанной процессуальной системе, которая развивалась до тех пор, пока не стало казаться, что цель состоит в том, чтобы затянуть дело до пределов человеческой выносливости. Они вели записи, которые требовали сложной системы индексации, чтобы при желании можно было найти имя любого преступника и его генеалогию. Более того, в более поздний период, когда трибуналы сообщали друг другу обо всех своих действиях, переписка служила для заполнения пробела, возникшего в связи с сокращением бизнеса. Вначале им было запрещено нанимать клерков и от них требовали писать все собственными руками, и это, похоже, продолжалось до последнего. [693] В более ранний период их называли нотариусами, а иногда *эскрибанами* или писцами, возможно, потому, что как таковые их свидетельства удостоверяли подлинность всех бумаг. В начале семнадцатого века титул постепенно сменился на секретари - нововведение, против которого возражает автор в 1623 году, поскольку оно не отличает их от секретарей магнатов и городов. [694] Это возражение не возобладало, и в документе 1638 года эти термины используются как конвертируемые, хотя постановление Верховного суда в том же году запрещает нотариусам называться секретарями, в то время как в 1648 году мы находим новое название прочно утвердившимся. [695] О важности этой должности свидетельствует ее довольно либеральная зарплата. В Инstrukциях 1498 года она указана в размере 30 000 реалов мараведи, что составляет половину от суммы инквизиторов, [696] хотя со временем пропорция уменьшилась, поскольку мы видели, что в 1746 году секретарь получил 2352 реала, в то время как инквизитор имел 7352. Однако это было компенсировано высокими гонорарами, взимаемыми секретаршами с заявителей на получение доказательств *limpieza* — бизнесом, который делился с новым должностным лицом, известным как “*secretario de actos positivos*”. Более того, их число значительно увеличилось, поскольку, в то время как в ранний период с его тяжелой работой в трибунале было разрешено иметь только двух нотариусов, в более позднее время часто было четыре или пять наемных секретарей, к которым иногда добавлялись почетные секретари с доступом в *secreto* и почетные секретари без входа. [697]

АЛЬГУАЗИЛЬ

Существовал также нотариус по секвестрированию, обязанности которого были очень важны в первые времена массовых конфискаций. Он всегда присутствовал при произведенных арестах, чтобы составить на месте опись изъятого имущества, но по мере того, как количество конфискаций уменьшилось, эта должность стала излишней и была отменена *carta acordada* от 1 декабря 1634 года. После этого мы слышим о суперинтенданте секвестров в 1647 году, и впоследствии его случайные обязанности выполнял какой-то другой чиновник за умеренную компенсацию, поскольку в 1670 году в Валенсии прокурор *fisc* получал двадцать пять либр в год за то, что присматривал за ними. [698]

альгуазиль был исполнительным должностным лицом трибунала. В ранних списках его жалованья указано такое же или даже большее, чем у инквизиторов, но это было потому, что тюрьма находилась в его ведении. [699] От этого он был освобожден в 1515 году Фердинандом, который уполномочил инквизиторов назначать *карселерос* зарплатой в пятьсот суэльдо, после чего заработная плата альгвасила снизилась до заработной платы секретарей и даже алькайда, сменившего его на посту тюремщика. [700] Его высшее достоинство, однако, было признано в *carta acordada* от 13 мая 1610 года, которая предусматривала, что при выполнении государственных функций он должен иметь преимущество перед секретарями. [701] Его длинный служебный жезл, превосходивший жезл светских альгуазилей, также был отличием, и когда в 1576 году альгуазилы Санта-Крусаса в Барселоне осмелились подражать ему, Супрема приказал инквизиторам наказывать их. [702]

Его функции были разнообразны. Инквизиторам, распорядителю и судье конфискаций было запрещено назначать кого-либо еще для исполнения их приказов, если он находился под рукой. Если в его отсутствие должен был быть произведен арест, этот факт должен был быть подтвержден в нижней части ордера, выданного другому лицу, без которого получателю предписывалось не оплачивать понесенные расходы. Он производил все сборы и конфискации и имел право на вознаграждение за эту услугу. [703] В соответствии с инструкциями 1488 года, если дежурный находился на расстоянии более трех или четырех лиг, посылался не он, а временная замена, полномочия которой истекали с выполнением поручения. Возможно, это произошло потому, что бережливый Фердинанд настаивал на том, что, если его высылают из города, он должен сам оплачивать свои расходы, но это было смягчено, поскольку в 1502 году мы находим установленное правило, согласно которому, если альгвасила отправляют из одной провинции в другую на расстояние более четырех лиг, его расходы должны быть оплачены. Однако он должен был за свой счет найти подходящего человека, который бы отвечал за тюрьму во время его отсутствия, и, если ему требовалась помощь в проведении арестов, инквизиторы отбирали этих людей и определяли их оплату. [704]

Мэр альгуасила, по-видимому, был декоративным персонажем, обычно выдающимся человеком, который тем самым заявлял о своей чистоте крови и преданности вере. Мы видели, что в Севилье и Кордове эта должность передавалась по наследству в благородных домах, чьи предки передали инквизиции королевские замки, алкаидами которых они были, получая взамен эту должность с солидным вознаграждением. В 1655 году альгуасильским мэром Кордовского трибунала был Луис Мендес де Аро, конде-дуке Оливареса, а его заместителем был Гонсало де Карденас-и-Кордова, рыцарь Калатравы. В Севилье дон Хуан де Сааведра-и-Альварадо, маркиз Москосо, занимал пост мэра Альгвасила на аутодафе 11 марта 1691 года и 30

ноября 1693 года. Примерно в 1750 году трибунал Севильи назначил мэром альгюасиля маркиза Вильяфранка; у трибунала Вальядолида был маркиз Ревилья; в Гранаде исполняющим обязанности был несовершеннолетний дон Николас Веласкес, а должность исполнял дон Диего Рамирес де ла Писчина. [705]

НОСИЛЬЩИК—ТЮРЕМЩИК

Более скромными должностными лицами трибунала были нунций, портье и карселеро, или алькаиде де лас карселес секретас. Строго говоря, нунций был посыльным, доставлявшим депеши в Верховный суд или другие инстанции, и до того, как было организовано почтовое отделение, его жизнь, должно быть, была активной. В 1502 году мы слышим, что его жалованье составляло тысячу двести суэльдо, из которых он покрывал свои дорожные расходы, но впоследствии они были оплачены получателем, и в 1541 году его стипендия составила пятьсот суэльдо. [706] Его аюда де коста в 1567 году была поставлена в зависимость от того, сопровождал ли он инквизиторов во время их посещений. [707] В тот период трибуналам, по-видимому, разрешалось иметь двух нунциев, но с развитием почтовых служб функции должности постепенно сокращались, их число сократилось до одного, и в восемнадцатом веке мы находим его преобразованным в *камер-нунция*, или служащего по внутренним делам, которого безразлично называют нунцием или носильщиком, в то время как *экстраординарный нунций* разводит огонь и выполняет другую подневольную работу. [708]

The *Носильщик* в светских судах был чем-то вроде привратника, вручавшего повестки в суд, имевшего право вносить залог в размере до ста реалов и запрещенного содержать лавку или таверну. [709] В инквизиции его функцией было раздавать цитаты, уведомления об автографах, указы и другую подобную работу, и ему было запрещено заниматься торговлей любого рода; ему не разрешалось входить в аудиенц-зал, но в восемнадцатом веке мы находим его превращенным в *носильщика де камара*, или привратника, в качестве которого он имел доступ в церковь. аудиенц-палата. Когда в 1796 году мы находим доктора дона Хосефа Фонтану, исполняющего обязанности носильщика в суде Валенсии, мы можем сделать вывод, что эта должность не была рабской, и следует отметить, что носильщик и его жена квалифицируются как Дон и Донья, титул, в котором отказано нунцию и его супруге. Однако их жалованье было одинаковым - 1420 реалов. Когда примерно в 1710 году портерос на публичных мероприятиях предъявили претензии на места в *banco de titulados*— скамье уполномоченных должностных лиц, — их претензии были отклонены. [710]

Тюремщик был необходим трибуналу, в котором была своя специальная тюрьма. Сначала, как мы видели, за это отвечал альгвасил, и его служащие не числились среди официальных лиц. Первое упоминание о *карселеро*, с которым я познакомился, относится к 1499 году, когда о Хуане де Мойе говорят как о *карцерарии* барселонского трибунала; должно быть, он был исключительным должностным лицом и человеком, пользующимся некоторым уважением, поскольку ему был предоставлен пребенд. [711] В 1515 году Фердинанд счел целесообразным передать тюрьмы под контроль трибуналов, с этой целью он уполномочил инквизиторов назначать карселерос с жалованьем в пятьсот суэльдо. [712] Таким образом, тюремщик становился наемным чиновником, имеющим право на все привилегии и иммунитеты этой должности, и постепенно, к середине шестнадцатого века, скромный титул карселеро был заменен на более достойный *alcaide de las carceles secretas*. [713] Он обязательно был

человеком, пользующимся доверием, ответственным за безопасность заключенных и за их надлежащее содержание, функции, которые будут более понятны, когда мы перейдем к рассмотрению тюремной системы. Из отчета трибунала Мурсии за 1746 год явствует, что жалование тогда составляло 2353 реала, в дополнение к которым имелся *jubilado alcaide* с 330 реалами. Возможно, эта привычка привлекать дополнительных игроков объясняет, почему в таблице официальных лиц Толедо имеет четырех алькайдесов, а Льерена и Валенсия - по три. [714] В ранний период карселеро иногда выполнял функции палача, но впоследствии стало обычным нанимать общественного палача. [715]

МЕЛКИЕ ЧИНОВНИКИ

Тюрьма, иногда переполненная заключенными и подверженная антисанитарным условиям, требовала официального врача, услуги которого были также незаменимы при обследованиях до и после пыток и в нередких случаях невменяемости, реальной или притворной. Поскольку его обязанности требовали, чтобы он находился в священных пределах секрета, он должен был быть человеком, пользующимся доверием, поклявшимся, как и все остальные, хранить тайну. От него ожидалось также, что чиновники будут оказывать безвозмездные услуги, и Супрема в восемнадцатом веке позволяла себе довольствоваться двумя, получая довольно щедрое жалование в 1258 реалов за штуку, хотя они и не делили дополнительное вознаграждение, столь щедро предоставляемое другим чиновникам. [716] Сначала назначение врачей не было всеобщим, хотя зарплата была незначительной — что, без сомнения, объяснялось тем фактом, что врач мог свободно продолжать свою частную практику. Так, в 1486 году Фердинанд назначил десять либр в качестве жалования врачу сарагосского трибунала, в то время как для Медины-дель-Кампо ничего не было предусмотрено. [717] Хирургу платили еще меньше, потому что в 1510 году его отправили в Сарагосу с зарплатой в пять либр, и столько же платили аптекарю, который вряд ли смог бы обеспечить дорогостоящими лекарствами на такую стипендию. [718] Хирург в тот период был также цирюльником, и в 1502 году Жоану де Агуавива, “чирухано и барберо” из Калатаюда, раз и навсегда было выделено пятнадцать либр на четырнадцать лет лечения и стрижки бедных заключенных без зарплаты или других льгот. [719] К 1618 году, по-видимому, профессии стали различаться, поскольку существует приказ о выплате Нарцисо Валле, хирургу, и Мигелю Хуану, цирюльнику, в трибунал Валенсии. [720] Капеллан также был необходим, но не для заключенных, которым было отказано в причастии, а для ежедневной мессы, отслуженной перед началом работы зала аудиенций. В 1572 году за это была назначена стипендия в размере 7500 мараведи, но в восемнадцатом веке Супрема выплачивал солидную зарплату в размере 5500 реалов. [721] Исповедники также требовались для кающейся тюрьмы, и их вызывали в секретную тюрьму для умирающих. [722] Были также два *честных человека*, или благоразумных человека, как правило, монахи, чьей обязанностью было присутствовать при подтверждении показаний свидетелей. В более ранний период эти услуги были бесплатными, но в более позднее время существовала небольшая плата, которая в случае монаха приносила доход его монастырю. Алькаид *каса де пенененсия*, или каторжная тюрьма, также был необходим в период активной работы, хотя впоследствии он стал фактически синекурой и во многих трибуналах был запрещен. Время от времени мы также встречаемся с офисом *провидора*, или поставщика секретной тюрьмы, который, кажется, идентичен *диспенсеру* или стюарду. В шестнадцатом веке этот чиновник получал жалование в 2000 мараведи, помимо двух мараведи в день на каждого заключенного и пяти бланков бланки на приготовление пищи и стирку; от него требовали иметь точный вес и не брать за еду больше, чем она ему стоила; он вел учет с каждым заключенным и получал зарплату из конфискации.

[723] Слесари, каменщики и другие механики, занятые в зданиях, также иногда считались должностными лицами, поскольку их обязанности по ремонту тюрем были конфиденциальными. Кроме того, во всех трибуналах было от одного до трех *abogados de presos* или защитников заключенных, чьи обязанности будут рассмотрены ниже; они классифицировались как наемные должностные лица, хотя иногда они получали небольшую стипендию, а иногда и никакой, и им разрешалось обслуживать других клиентов, если они у них были.

Помимо этих должностных лиц, которые были вовлечены в основную деятельность трибунала как оплота веры, были и другие, чьи функции здесь можно кратко опустить. Финансы неизбежно требовали специальной организации, состоящей из приемщика конфискаций, впоследствии названного казначеем, чьи обязанности в активный период имели первостепенное значение, что давало ему право на жалованье, которое иногда было даже больше, чем у инквизиторов.

[724] Штрафы и епитимьи также составляли крупные суммы, для которых в более ранний период обычно имелся специальный получатель, поскольку они хранились как отдельный фонд, но в конце концов они также прошли через руки казначея. Получателю приходилось платить своим собственным помощникам и агентам, но в огромном количестве сложных дел, возложенных на него, ему помогал *фискалабогадо*, наемный служащий с юридическим образованием, в то время как нотариус по секвестрированию отвечал за арестованное имущество до тех пор, пока не была объявлена его конфискация, и в дальнейшем выполнял функции проверки получателя. Запутанные иски, возникшие в результате этих конфискаций, были урегулированы в отдельном конфискационном суде, известном как *juzgado*, под председательством *juez de bienes* или судьи по конфискациям, с его нотариусом и нунцием. Иногда мы также встречаемся с *прокурором фиско*, а также с управляющим имуществом. Все это, что, особенно поначалу, составляло столь значительную часть дел инквизиции, будет более удобно рассмотреть подробно ниже.

Мы видели, какая значительная часть деятельности трибуналов была связана с гражданскими и уголовными делами их должностных лиц, и это неизбежно привело к образованию отдельного департамента, в котором были свои *нотариус по гражданским делам* и *секретариат гражданских дел*, последний офис был упразднен в 1643 году. [725]

ЗАРПЛАТЫ

Требования для занятия должности в трибунале были простыми. Из некоторых случаев передачи по наследству следует, что минимальный возраст составлял девятнадцать или двадцать лет. Лимпиеза, или чистота крови от примеси еврейской, мавританской или еретической крови, была главным условием, как будет видно, когда мы перейдем к рассмотрению этого важного вопроса. Законность также была обязательным условием как для чиновника, так и для его жены, хотя на ее отсутствие можно было получить разрешение. [726] Согласно хартии акордады от 15 июня 1608 года, те, кто не состоял в браке, не могли вступать в брак без разрешения Верховного; они были обязаны представить доказательства того, что невестой была *лимпия*, и, если это был иностранец, дочь или внучка иностранцев, требовалось разрешение, обо всем этом назначенец был торжественно уведомлен, когда он принес служебную присягу. [727]

Имелась также благонамеренная *информация о смерти* в отношении претендентов на должность. Когда генеральный инквизитор предложил назначить встречу в трибунале, он уведомил об этом трибунал; затем он дал поручение кому-либо по месту жительства кандидата с допросом, был ли он человеком скромным, тихим, миролюбивым, с правильным образом жизни и привычками и что было известно о его *limpieza*, которая по возвращении была направлена генеральному инквизитору. Однако, поскольку опрошенные свидетели были представлены заявителем, все это было не более чем формальностью. [728]

Несмотря на постоянные жалобы на скудное жалование, оно, по-видимому, было вполне адекватным, по крайней мере, в течение первых полутора столетий существования инквизиции. Быстрое падение покупательной способности драгоценных металлов требовало частых авансовых платежей, и я встречал упоминания о них в 1548, 1567, 1581 и 1606 годах, после чего они, по-видимому, оставались неизменными до 1795 года, хотя чеканка веллонских монет еще больше снизила стоимость валюты. [729] Жалование инквизитора, которое в 1541 году составляло 100 000 мараведи, включая айуду де кошту, к 1606 году превратилось в 300 000 или 800 дукатов. Это не было экстравагантно, но приносило довольно высокую прибыль. В 1630 году Арсе-и-Рейносо, занимая одну из высших профессорских должностей в Саламанке, как *catedratico de prima de leyes*, получил всего 300 дукатов. [730] Следует иметь в виду, что у большинства чиновников низшего звена был удобный дополнительный источник дохода от сборов, которые они имели право взимать почти за всю свою работу за исключением случаев добросовестности, и, когда *арансель* или платежный билль 1642 года пытались регулировать эти сборы, им, как правило, пренебрегали, и инспекторы подмигивали его нарушению, милосердно ссылаясь на повышение стоимости жизни в качестве оправдания. [731] Инквизиторы и фискалы, со своей стороны, обычно пользовались каким-либо каноническим или иным пособием, которое служило для устранения всех недостатков. Фактически, ближе к середине восемнадцатого века, когда жалование стало действительно неадекватным, автор приписывает неэффективность инквизиции тому факту, что генеральные инквизиторы были вынуждены назначать невежественных людей, которые случайно обладали пребендами или другими привилегиями. [732]

AYUDA DE COSTA

Существовали также вознаграждения за аренду жилья, иллюминации, бои быков и траур, которыми пользовались должностные лица трибуналов, как и представители Верховного суда, хотя и не в столь либеральных масштабах, в то время как *ayudas de costa* заменили *propinas*. [733] Кроме того, была проявлена добрая щедрость в предоставлении дополнительных аюдас-де-коста нуждающимся, а также их вдовам и детям после их смерти. Обращения такого рода были постоянными и бесчисленными; они обращались к Верховному Господу, который, естественно, не испытывал особых трудностей в проявлении милосердия за счет других. [734] Было бы излишне перечислять примеры того, что происходило постоянно, и эти вольности, вместе с изъятиями и экономией на предметах первой необходимости, сделали финансовое положение чиновников достаточно прочным. Возможно, ресурсы трибуналов оправдали бы более высокое жалование, если бы они не использовались для обеспечения расточительности Верховного суда и не растрачивались на другие цели с небрежной расточительностью, характерной для того времени. Так, в 1633 году врач пастор де Коста из Королевского совета

Каталонии добился от генерального инквизитора Сапаты, ссылаясь на услуги, оказанные его отцом, субсидии в размере ста дукатов серебром в год трибуналу Барселоны. Несомненно, оно было приостановлено во время каталонского восстания, чтобы впоследствии возобновиться, и в 1665 году он обратился к Арсе-и-Рейносо с просьбой утвердить его пожизненно, но Арсе приказал продлить его только на четыре года. Не удовлетворившись этим, он попросил аюду де коста, сославшись на свою бедность. [735] Неудивительно, что Филипп V, как мы видели, в своей попытке провести реформу 1705 года запретил все субсидии в размере более тридцати дукатов без его подтверждения.

The *Айуда де коста*, о котором мы так много слышим, был либо более или менее определенной прибавкой к жалованью, либо особым подарком за дело, либо простым *милосердием* или доброжелательностью. В то время как заработная плата была фиксированной и причитающейся, аюда всегда была в определенной степени произвольной и использовалась как стимул для принуждения к выполнению обязанностей, которые считались обременительными. Мы видим зародыш этого в инструкциях Торквемады от 1485 года, запрещающих поборы и взятки, поскольку король оказывает всем разумную поддержку и со временем предоставит им *мерседесы*. [736] Аванс отмечен в Инструкциях 1498 года, где после указания заработной платы добавляется, что генеральные инквизиторы, когда они видят, что работы много или в ней есть необходимость, могут предоставить такие *ayudas de costa*, какие они сочтут необходимыми. [737] Соответственно, примерно в это же время, хотя мы не находим регулярных аюд, постоянно приводятся примеры особых, иногда в больших количествах, даруемых по самым разным причинам, из которых двух или трех примеров будет достаточно. Таким образом, Фердинанд 30 апреля 1499 года, распоряжаясь о выплате жалованья в Севилье, включил 40 000 мараведи аюдас де коста для одного из инквизиторов, но ни одного для кого-либо другого. 10 августа 1502 года Хуану Ройсу, получателю Сарагосы, выдается аюда де коста в размере 10 000 суэльдо на покрытие расходов, понесенных в связи с болезнью, а 27 сентября чиновник Севильи получает 20 000 мараведи в качестве вознаграждения за женитьбу. [738]

Не прошло много времени после этого, как аюда де коста стала регулярной ежегодной выплатой в качестве прибавки к зарплате. 3 декабря 1509 года в приказе о выплате задолженности Диего де Роблесу, фискалу Супремы, говорится о том, что ему причитается его айуда де коста за 1506 год и половину 1507 года в размере 20 000 мараведи в год. Первое официальное заявление об этом как об устоявшемся деле, с которым я столкнулся, встречается в том же 1509 году в списке жалованья, составленном за попытку инквизиции в Неаполе, где для каждого должностного лица обозначен аюда де коста. Она варьируется от немногим более половины зарплаты до значительно меньшей этой доли, а для двух чиновников ее вообще нет. Однако это не было повсеместным обычаем, поскольку в жалованье, назначенном трибуналу Сардинии 10 сентября 1514 года, нет никаких упоминаний об аюде де Коста. [739] То, что обычай, однако, постепенно утвердился в качестве существенного дополнения к регулярному жалованью, следует из официальных списков аюдас де коста из Suprema и трибунала Вальядолида в 1515 году, и к этому времени его можно считать достаточно устоявшимся, хотя продолжались бесчисленные специальные субсидии, такие как одна из 75 000 мараведи, 30 Июня 1515 года Алонсо де Монтойя, нотариусу севильского трибунала, с просьбой помочь в его заключении брака. [740] Конфискации в то время были плодотворными, и рабочих не лишали их доли в урожае, хотя бы для того, чтобы стимулировать их промышленность. Возмещение

командировочных и других расходов также часто принимало форму "аюдас де коста", хотя, поскольку субсидии выдавались в круглых суммах, очевидно, что никаких отчетов предоставлено не было и выплаты были произвольными. [741]

Какими бы обычными ни стали ежегодные выплаты, они по-прежнему рассматривались как особая льгота, на которую получатели не имели права претендовать. В 1540 году официальные лица Барселоны пожаловались генеральному инквизитору Тавере на то, что получатель отказал в выплате на том основании, что грант истек со смертью Манрике в 1538 году, и что для этого требовалось подтверждение, которое Тавера поспешил предоставить 12 февраля 1540 года. Фактически, ряд приказов, изданных Таверой в 1540 году, указывают на то, что это была общепринятая точка зрения на этот вопрос. [742] Другим заметным отличием в настоящее время является то, что аюдас де Коста приказано выплачивать из штрафов и епитимий, наложенных на "экстраординарных гастролеров" трибуналов, в то время как заработная плата выплачивается из средств, полученных в результате конфискаций.

ЗАПИСИ

Некоторое время существовала обычная шкала в пятьдесят дукатов для инквизиторов, тридцать для фискалов, альгвасилов, нотариусов и приемщиков, пятнадцать для нунция и десять для портье и алькаиде, но в 1559 году она была увеличена на двадцать процентов. Были предприняты все усилия, чтобы дать понять, что это была милость, а не право, и обычная формула заключалась в том, что она была дана с учетом труда при рассмотрении дел о аутодафе предыдущего года, и когда в 1561 году Калахорра проявил исключительную активность и отпраздновал второе аутодафе, он был вознагражден дополнительной аюдой в размере половины обычной суммы. [743] Грант зависел от получения подробных отчетов обо всех случаях в предыдущем ауто, которые часто сопровождалось смиренным прошением об этом, в котором указывалось на недостаточность заработной платы и прожиточного минимума и содержалась просьба к Верховной Власти получить милость от короля, который технически был дарителем. [744] Впоследствии, как мы видели, это было поставлено в зависимость от предоставления ежемесячных отчетов и выполнения обязанности посещения округа и других вопросов, которыми можно пренебречь, таких как оперативное предоставление выписок по счетам и имуществу. Наконец, в более поздний период, когда трибуналы находились под пристальным наблюдением Верховного суда, это иногда принимало форму рождественского подарка. [745] Возможно, самым замечательным из всех аюд де коста был аюдас, дарованный Карлосом IV в октябре 1807 года, в разгар его неприятностей со своим сыном Фернандо, когда тень Наполеона уже омрачала Испанию, а казна была пуста. Возможно, с целью заручиться верностью инквизиции он приказал выдать аюда де коста в размере 100 дукатов каждому должностному лицу всех трибуналов, у которого не было дохода в размере 7000 реалов сверх его зарплаты. [746] В нынешнем состоянии испанских финансов деньги, вероятно, могли бы найти лучшее применение.

Усовершенствованная система записей, ведущаяся трибуналами, настолько значительно повысила эффективность инквизиции и сделала ее таким объектом ужаса, что некоторые ссылки на нее необходимы. Его развитие было медленным. Поначалу, среди огромного труда

трибуналов с небольшим количеством сотрудников, можно было мало задумываться о сохранении и упорядочении отчетов об их операциях. В Инструкциях 1484 года единственный намек на них просто предписывает, чтобы нотариусы вносили в свои реестры все приказы, отданные инквизиторами должностным лицам. [747] По мере накопления реестров Инструкции 1488 года требуют, чтобы все записи и бумаги хранились в сундуках, в общественном месте, где инквизиторы ведут дела, чтобы они могли быть под рукой, когда понадобятся; их никогда нельзя вынимать, а ключи должны проходить через руки инквизиторов нотариусам, и все это под страхом лишения должности. [748] Десять лет спустя мы слышим о камере, предназначенной для их хранения, с тремя ключами, которыми владеют фискал и два нотариуса, так что все должны присутствовать при обращении к ним. [749] К этому времени возникла необходимость в указателях для облегчения ссылок на быстро растущую массу документов, и статья в инструкциях Дезы за 1500 год показывает, что это стало общепризнанным. [750] Недостатки, нанесенные потомкам преступников, сделали необходимым прослеживание генеалогий, но невероятная грубость этих ранних списков показывает, насколько неформальной была быстрая работа в то ужасное время. Одно из них, хранящееся в Толедо, около 1500 года, содержит такие записи о лицах, отправленных по почте, как “un porquero del alguazil queene un ojo remellado”, “un converso retajado”, “un converso judyo”, “un sastre”, “un platero sobrino de lope de cuellar platero”. В Валенсии с 1517 по 1527 год указатель к пятому тому “осужденных лиц” демонстрирует равное безразличие к идентификации лиц, занесенных в каталог как “боги, кобылы и дочери”, “la благородный человек, живущий в покаянии”, “эль бачиллер, живущий в непосредственной близости от калонже”, “Кто вместо того, чтобы сидеть сложа руки”, “Кто вместо того, чтобы вернуть састре, кто вместо того, чтобы спасти мозен Пеньяроха” и т. Д. [751]

ЗАПИСИ

После нескольких противоречивых решений относительно предоставления документов или информации из архивов компетентным судам, ходатайствующим об этом, Супрема в 1556 году запретила трибуналам без своего прямого распоряжения предоставлять любую информацию, доказывающую, что кто—либо не был осужден или примирен, или наказан или арестован Святой Канцелярией - самое жестокое постановление ввиду огромных последствий для потомства тех, кто попал под подозрение в ереси и был судим или даже арестован. Приказ Верховного суда Валенсии от 1576 года стереть из своих записей имя маэстро Хусепе Эстебана, поскольку он не был арестован по делу веры, наводит на мысль о страшной власти инквизиции, способной навлекать позор на целые семьи, и о важности точности ее записей. [752] На злоупотребление властью в этом отношении указывают, как мы видели выше, инструкции, которые иногда следовали за посещениями, по удалению из записей имен тех, кто был неправомерно привлечен к ответственности за преступления, не связанные с религией.

Сохранить полноту записей было нелегко. Чиновники были склонны рассматривать их как личную собственность и хранить у себя, как нотариус из Калатаюда, который таким образом обеспечил своему сыну возвращение его должности. В 1512 году Фердинанд потребовал от трибунала полных отчетов, касающихся финансов; возникла задержка, во время которой умер нотариус секвестра, после чего он распорядился, чтобы у получателя были все бумаги или их копии, и, если наследники нотариуса откажутся их передать, на его имущество должно быть наложено взыскание на всю его зарплату, полученную за время его пребывания в должности. [753] Однако не только нотариусы, но и другие чиновники принимали и хранили документы. В 1517 году кардинал Адриан пожаловался на это и приказал, чтобы бумаги никогда не

выносились из хранилища, кроме как в аудиенц-палату для проведения судебного разбирательства. [754] Этим пренебрегли, и примерно в середине века инструкции для инспекторов требуют, чтобы они приказывали инквизиторам под страхом отлучения от церкви вернуть все изъятые ими бумаги и прекратить подобную практику. [755] Даже генеральные инквизиторы были виновны в этом, поскольку Филипп II издал приказ 6 марта 1573 года о душеприказчиках Понсе де Леона разрешить изучить его документы и изъять все, что имеет отношение к инквизиции, - приказ, который можно рассматривать только как раскрывающий общий обычай, поскольку Понсе де Леон умер 17 января 1573 года, прежде чем вступить в должность. [756]

Слабость, царившая в ранний период, поразительно проявилась, когда в 1547 году Suprema предприняла попытку собрать и сохранить свои прошлые записи. Секретарю инквизиции Зурите было дано поручение, в котором говорилось о важности составления перечня всех папских булл, сводок, реестров и других документов, относящихся к инквизиции, которые находились на хранении секретарей и других должностных лиц. В нем говорится, что есть информация о том, что многие из них находятся в Калатауде, а другие - в Уэске, среди бумаг Кальчены и Урриса, секретарей Фердинанда и Карла V, и Зурите приказано собрать их, и он наделен всеми полномочиями допрашивать свидетелей и наносить наказания. Все, у кого есть такие документы, обязаны сдать их под страхом отлучения от церкви и штрафа в сто дукатов. Инквизиторам Сарагосы поручено помочь ему с вынесением порицаний, в то время как письма различным сторонам указывают на то, что задача, как ожидается, будет трудной. В инструкциях неясно, должен ли он изъять бумаги или просто составить их опись, но не может быть никаких сомнений в том, что все, к чему он приложил руки, было сохранено. [757] Каким успехом увенчалась его миссия, мы не имеем возможности узнать, но, вероятно, именно ей мы обязаны многими важными документами, иллюстрирующими раннюю историю инквизиции.

В дополнение к этому источнику неполноты, казалось невозможным заставить трибуналы поддерживать свои отчеты в надлежащем виде. В 1544 году доктор Алонсо Перес, осматривая Барселону, обнаружил их в полном беспорядке. Другой осмотр, в 1550 году, показал еще большую неразбериху. В 1561 году инспектор Сервантес описал их как находящиеся в таком состоянии, без указателей и описей, что найти что-либо было невозможно. После визита Салазара Верховный суд в 1568 году резко отчитал инквизиторов за то, что они еще не предоставили указатели и реестры; он приказал им сделать это немедленно и предоставить соответствующее свидетельство в течение двадцати дней с момента получения. [758] Сертификат, несомненно, был предоставлен, но мы можем усомниться в том, была ли работа выполнена. Возможно, Барселона была хуже других трибуналов, но в меморандуме Верховному суду от 1623 года говорится, что во многих из них есть процессы, книги, бумаги, информация о лимпьеze и т.д., Требующие инвентаризации, сортировки по пачкам и приведения в порядок, что вызывает большие неудобства. [759]

ЗАПИСИ

Между тем масса бумаг накапливалась быстрее, чем когда-либо. В 1570 году Супрема приказал вести девять книг — одну из комиссий должностных лиц, их клятв и королевских положений, одну из комиссаров и лиц, знакомых со всеми подробностями, одно из голосований в консульствах фе, одно из писем от Супремы и другое из писем к ней, одну, в которой

регистрируются проверки тюрем, одно из распоряжений, выданных получателю, одно из наложенных денежных епитимий и одно из autos de fe с заявлениями о виновных и их наказаниях. Кроме того, начальник тюрьмы должен был вести списки тех, кто был освобожден от наказания, с тремя указателями. Все это не касалось объемистых протоколов судебных процессов, поддерживать порядок в которых входило в обязанности фискалов. [760] Затем, чтобы вместить растущую массу людей, в 1566 и 1572 годах было приказано выделить в камарадель-секрето четыре помещения: одно для незавершенных дел, одно для приостановленных, одно для завершенных, разделенных на смягченных, примиренных и наказанных, а четвертое - для бумаг, касающихся комиссаров, знакомых и информации о лимпьеze. [761] В 1635 году было приказано вести алфавитные списки всех привлеченных к суду лиц с датами и ссылками на материалы дела, начиная с 1620 года. Приказ пришлось повторить в 1636 и 1638 годах, с дальнейшими инструкциями в 1644 году, и эти списки предоставили дополнительные средства для отслеживания прошлого и родственников тех, кто предстал перед трибуналами. [762] Но более могущественной, чем мандаты Верховного Суда содержать архивы в порядке и тщательно индексировать, была возникшая мания лимпьеzy, или чистоты крови, которая, как мы увидим ниже, охватила все классы и стала источником очень прибыльного бизнеса для чиновников, поскольку инквизиция была высшим арбитром, и ее записи содержали доказательства.

Постепенно эти записи превратились в огромное хранилище мельчайшей и детальной информации, касающейся всех еретиков, подозреваемых и их родственников. Согласно Инструкции 1561 года, первым делом при допросе заключенного требовалось потребовать от него отчета о родителях, бабушках и дедушках, братьях и сестрах, дядях, тетях и двоюродных братьях с их женами и детьми, а также о том, был ли кто-либо из них арестован или наказан инквизицией. [763] Затем, когда обвиняемого приводили заявить об обращении в веру и просить пощады, его признание не принималось, пока он не сообщал, насколько это было в его силах, информацию обо всех других еретиках, будь то родственники или незнакомцы, которых он знал или о которых слышал, с подробностями относительно их вины. Все это было тщательно занесено и проиндексировано, пока записи не превратились в довольно полный справочник подозреваемых Испании. Еврей, арестованный в Гранаде, мог скомпрометировать двадцать других евреев, разбросанных от Компостеллы до Барселоны, каждый из которых после ареста становился новым источником информации, а связь, установленная между трибуналами, предоставляла отчеты обо всех к услугам каждого. Это значительно повысило эффективность инквизиции и сделало шансы на побег действительно ничтожными. Судебные процессы семнадцатого века, когда система стала довольно совершенной, показывают, что, хотя арест нескольких человек мог рассеять их сообщников, инквизиция всегда шла по их следу, и смена имени и места жительства была бесполезна. Как только подозреваемый был арестован и была получена его генеалогия, к сестринским трибуналам обращались за отчетами, и посыпались показания, относящиеся, возможно, к двадцати или тридцати годам назад, о нем самом и его родственниках. Сеть инквизиции покрывала землю, и ее сети были тонкими. Идя, куда хотели, прячась, как могли, иудействующие жили с осознанием того, что оно всегда безжалостно преследует их и что его рука может обрушиться на них в любой момент.

ЗАПИСИ

В восемнадцатом веке система была разработана так называемыми *Libros Vocandorum*. Когда на кого-либо доносили в трибунал или он выступал спонтанно, его имя, приметы и правонарушение передавались всем другим трибуналам, которые заносили их в алфавитные

списки, расположенные под первыми именами при крещении. В этих записях указываются имя, дата, краткое описание лица и характер предъявленного обвинения, а также пробел, который необходимо заполнить, указывая результат судебного разбирательства, о котором также было сообщено всем. Таким образом, каждый трибунал располагал кратким отчетом о текущих делах всей инквизиции, четко составленным для ознакомления, и по прошествии лет это давало возможность с первого взгляда установить, был ли какой-либо преступник ранее в руках Святой Канцелярии, и облегчить расследование в лимпьеze. Важность *Libros Vocandorum* была настолько полно признана, что Верховный суд потребовал, чтобы в ежемесячных финансовых отчетах всегда указывалось, что они постоянно публикуются в актуальном состоянии. Эти реестры не были составлены единообразно во всех трибуналах, но обычным планом был план, принятый в Валенсии, где имелся один общий указатель в двух томах и третий для исповедников, обвиняемых в домогательствах к женщинам *ad turpia* в исповедальне. [764] Таким образом, все трибуналы сотрудничали, и с их аппаратом уполномоченных и приближенных почти в каждом городе и деревне они образовали единую гармоничную организацию для выявления и наказания виновных. Человеческая изобретательность едва ли могла бы изобрести более совершенную систему оперативного пресечения всех отклонений от стандартов, установленных инквизицией.

ГЛАВА III.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА, НЕ ПОЛУЧАЮЩИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ.

Рассматривая привилегии и изъятия, мы видели различие, проводимое между должностными лицами, получающими зарплату, и без нее. Считалось, что первые, за исключением врачей и адвокатов обвиняемых, посвящают все свое время службе трибуналу. Вторые привлекались лишь случайно для выполнения специальной работы. Это правда, что инквизиция была уполномочена призывать на помощь каждого, но ее служба была конфиденциальной, и ее служители, по крайней мере в более поздний период, должны были иметь безупречное происхождение, так что требовалось иметь под рукой тех, на кого она могла положиться и кого могла вызвать в любой момент. Не было никаких трудностей в том, чтобы найти людей, готовых служить без оплаты. Честь связи с инквизицией, привилегия ее фуэро в большей или меньшей степени и уверенность в лимпьеze, которую она несла с собой, делали претендентов на назначение более многочисленными, чем должности, которые должны были быть заполнены. Эти чиновники, не получавшие жалованья, состояли из *calificadores*, *consultores*, комиссаров со своими нотариусами и приближенных.

Функции калификатора, или цензора, были важны. Когда *сумария*, или предварительный массив доказательств против обвиняемого, был собран, соответствующие богословские моменты были представлены трем или четырем калификадорам, которые определили, являются ли действия или слова, свидетельствуемые, ересью или подозрением в ереси. Если возникали сомнения или разногласия, вызывалась другая группа, которой вместе с доказательствами передавалось мнение первой. Если приходился вывод о том, что дело не касалось инквизиции, дело прекращалось или приостанавливалось; если же устанавливалось, что имела место ересь,

явная или подразумеваемая, следовали арест и суд. Мы видели работу системы в делах Каррансы и Вильянуэвы, в обоих из которых она сыграла столь важную роль. В дополнение к этому была введена цензура книг. Любая работа, в отношении которой возникало подозрение, представлялась им, и, согласно их решению, она одобрялась, исключалась или запрещалась.

Для надлежащего выполнения этих обязанностей требовались образованные богословы, и они, по-видимому, наслаждались возможностью продемонстрировать свою эрудицию в пространных и изощренных суждениях, проявляя огромную изобретательность в обнаружении следов верований маркионитов, карпократов и других забытых ересей в небрежных положениях, представленных их критике. Разумеется, только священнослужители имели на это право, и в 1627 году минимальный возраст был установлен на уровне сорока пяти лет. [765] Обязанности этой бесполезной конторы были нелегкими, если верить опытному маэстро драки Альварадо. В 1811 году он жалуется, что, если калификадору посылают книгу, независимо от того, какими могут быть его другие занятия, он должен посвятить месяц или два ее прочтению и формированию суждения, выраженного в тщательно продуманном мнении, которое обошлось бы юристу в две или три тысячи реалов. Или какой-нибудь современный философ устраивает скандал, и калификадор должен расследовать его слова и поступки и указать на ошибки в качестве руководства для инквизитора; если следует судебное разбирательство, калификадор должен дожидаться суда и пораскинуть мозгами, чтобы решить, верны ли объяснения преступника; если он упрям, с ним должны проводиться совещания до тех пор, пока он не обратится или не будет признан неспособным к обращению, и все это без вознаграждения. [766]

Таким образом, калификадор был важным и трудоемким помощником в текущей работе трибунала, и несколько примечательно, что, хотя он и числился среди должностных лиц, занимая признанное место на государственных должностях, должны быть сомнения в том, имел ли он право на фуэро. Тем не менее, в 1662 году, когда доктор Висенте Кортес, соборный каноник и калификадор трибунала Валенсии, был вовлечен в судебный процесс, суд отказался защищать его. Он сообщил Верховной Раде, что ему неизвестно, имеют ли калификадоры право на фуэро, и Совет ответил, спросив, на каком основании была заявлена эта привилегия. [767]

КАЛИФИКАДОРЕС

Вряд ли нужда в калификадорах ощущалась в ранний период, когда почти все дела инквизиции были связаны с иудействующими и морисками, чья вина предполагалась из-за их приверженности хорошо известным обычаям и обрядам. Первое упоминание, с которым я столкнулся, относится к 1520 году, когда инквизиторам было приказано не назначать никаких встреч без представления Верховному Суду ходатайства заявителя. [768] В "Инструкциях Антигуа" они не упоминаются, но в "Нуэва" 1561 года их применение описано полностью. [769] Поскольку назначение находилось в руках инквизиторов, существовала тенденция к неоправданному умножению, и в 1606 году была предпринята попытка проверить это, запросив отчеты о существующем количестве и о том, сколько необходимо, до рассмотрения которых кандидаты не должны были допускаться. В результате в следующем году был издан приказ, ограничивающий число членов каждого трибунала восьмью; отбираться должны были только самые выдающиеся теологи, а назначения должны были производиться только для заполнения вакансий. Снова, в 1619 году, были запрошены отчеты, и был сделан акцент на важности должности и необходимости дискриминации при выборе. Этому было уделено мало внимания,

и меморандум 1623 года Верховному суду рекомендует сократить число членов до трех или четырех в каждом трибунале и проявлять большую осторожность при назначениях, из-за отсутствия которых они так сильно упали в глазах общественности. Ничего не было сделано, и в 1630 году фискал Верховного суда обратил внимание на тот факт, что лишь немногие суды представили отчеты, требуемые в 1619 году; между тем необходимость реформы возросла, и он попросил снова запросить информацию, чтобы, располагая полной информацией, Верховный суд мог исправить существующее зло. [770] Тщетность попыток ограничить трибуналы в осуществлении их покровительства видна из статистики 1746 года, где в Валенсии насчитывается сорок калификадоров, в Сарагосе - двадцать девять и даже в маленьком трибунале Майорки - двадцать четыре. Если у Льерены их нет, а у Логроньо только двое, это объясняется, как мы узнаем из другого источника, отсутствием в этих местах людей, компетентных на эту должность. Тем не менее, подбору подходящего материала уделялось не так уж много внимания, если мы можем верить официальному отчету, представленному Карлосу IV в 1798 году, в котором говорится, что общеизвестно, что калификадоры в основном люди малообразованные, полные предубеждений и ошибок, у которых было достаточно денег, чтобы получить доказательства "лимпьезы". [771]

В средневековой инквизиции все приговоры согласовывались на собрании экспертов, созданных для этой цели инквизиторами, перед проведением аутодафе, на котором приводились в исполнение приговоры. Этому обычаю, естественно, следовали в Испании, и эти *консультации по судебным делам*, как их называли, будут рассмотрены ниже при рассмотрении вопросов проведения судебных процессов. В настоящее время мы должны просто рассмотреть *консультантов*, которые помогали инквизиторам выносить приговор.

Сначала у них не было постоянной связи с инквизицией. Инквизиторы обладали неограниченной властью вызывать всех лиц в любом качестве, но иногда было нелегко заручиться услугами компетентных людей, особенно когда миграционные трибуналы заседали в местах, где юристов было мало, и Инструкции 1488 года в ответ на жалобы на этот счет предписывают инквизиторам в таких случаях направлять документы Верховному суду, который примет по ним решение. [772] В то время инквизиторы были богословами, и, чтобы восполнить недостаток их юридических знаний, было принято привлекать юристов; несоответствие мирян, выносимых суждений по вопросам веры, было отменено, и они были наняты бесплатно, инквизиторы вызывали таких докторов, маэстро, лиценциатов и бакалавров, каких они видели. годный, который служил без жалованья и, возможно, никогда больше не будет призван. [773] В 1502 году трибунал Барселоны пожаловался на то, что ему иногда бывает трудно заручиться услугами адвокатов Аудиенции, после чего Фердинанд написал своему генерал-лейтенанту, что, поскольку это дело Божье и услуги требуются только два или три раза в год, он должен позаботиться о том, чтобы инквизиторы получали их, когда в них возникнет необходимость. [774] В 1515 году та же проблема возникла в Вальядолиде, где инквизиторы имели обыкновение вызывать судей высокого суда, которые пытались уклониться от исполнения своих обязанностей, ссылаясь на определенных королевских седул, запрещая им выполнять другие функции, кроме служебных. К Фердинанду обратились с апелляцией, и он немедленно приказал им явиться по вызову, но они не были обязаны отсутствовать в суде в часы его заседаний. [775] По-видимому, не было желания оказывать безвозмездные услуги, которые не приносили с собой никаких привилегий.

КОНСУЛЬТАНТЫ

Когда со временем в трибуналах предпочтение отдавалось юристам, инквизиторы привлекали богословов, в основном из обычных орденов, которые в значительной степени монополизировали церковные знания. Даже с этим иногда возникали трудности, и в 1544 году Супрема попросил доминиканского викария сделать выговор приору Сан-Педро Мартира за то, что он запретил своим немощным людям служить. [776] Уже было установлено, что случайный выбор, сделанный при проведении консультаций, был неудовлетворительным. Была создана постоянная должность консультанта, которая стала привлекательной благодаря наделению ее привилегиями и иммунитетами Святой Канцелярии; генеральный инквизитор выдавал официальные поручения, и назначенец клялся добросовестно выполнять свои обязанности. Самое раннее поручение, с которым я встречался, - это поручение, выданное 2 апреля 1544 года доктору Мигелю де Нуэдес, архидиакону Мурвиетро, в качестве консультанта в трибунале Валенсии. [777] Это продолжалось около двадцати лет, когда возникли путаница и противоречия. 16 января 1565 года "Супрема" пишет, что ни она, ни генеральный инквизитор не имеют обыкновения уведомлять кого-либо о своем назначении консультантом; инквизиторы могут назначать должным образом квалифицированных лиц, когда они необходимы. В 1566 году за этим последовали предостережения относительно тщательности, необходимой при проверке пригодности претендентов, а затем, в 1567 году, инквизиторов отругали за то, что они назначали встречи, не сообщая о них и ожидая приказов. Это повторилось в 1571 году, но в 1572 году Рохас положительно утверждает, что консультанты избираются не инквизиторами, а назначаются Верховной Властью. [778]

Супрема продолжала сохранять контроль, но перестала выдавать регулярные комиссионные, поскольку в 1645 году автор сообщает нам, что консул и калификадор были приняты и приведены к присяге на основании письма от Супремы. [779] В конце концов, однако, дело было возвращено инквизиторам. Формуляр, насчитывающий около 1700 экземпляров, содержит форму поручения, выданного консультантам. Оно составлено от имени инквизиторов, которые наделяют получателя полномочиями, необходимыми для исполнения им своих обязанностей, и приказывают всем светским должностным лицам оказывать ему все почести, милости, привилегии, изъятия, вольности и прерогативы, присущие его должности. Он был обязан представить доказательства чистоты своей крови, а если он был женат, то и крови своей жены, тем самым подавая еще один пример способности мирян выносить суждения о вере. [780]

С прогрессирующей централизацией бизнеса в Верховной власти, значение консультирования постепенно уменьшалось, и, как мы увидим, в восемнадцатом веке оно практически устарело. Таблица должностных лиц за 1746 год показывает, что в то время во всех трибуналах было всего восемнадцать консультантов, и из них восемь входили в состав маленькой инквизиции Майорки. [781]

Должность комиссара была характерна для испанской инквизиции, и, хотя ее полномочия были строго ограничены, она была важным фактором постоянного поддержания авторитета Святой Канцелярии перед народом и выявления преступников в малоизвестных местах, где в противном случае они могли бы пользоваться безопасностью. Это не было частью первоначальной организации, и в Инструкциях нет никаких ссылок на это. Это правда, что в 1509 году Фердинанд обращается к некоему Бельтрану де ла Сала из Перпиньяна как к

комиссару инквизиции, но он также является “hoste de correos”, или ответственным за курьеров на важной линии между Испанией и Италией. [782] Следовательно, он не был комиссаром в более позднем смысле, но, вероятно, был нанят для наблюдения за наложением ареста, которое было обширным в Перпиньяне. По мере того как трибуналы становились оседлыми в своих обширных округах, потребность в разбросанных повсюду представителях давала о себе знать, и первое предложение, по-видимому, поступило из Валенсии. 4 декабря 1537 года Супрема представил кардиналу Манрике размеры округа Валенсия, где трудности с общением были таковы, что его никогда не посещали и никогда не могли должным образом посетить. Поэтому было предложено, чтобы в кафедральных городах были назначены уполномоченные, наделенные полномочиями публиковать эдикты и принимать свидетельства и ратификации у нотариусов. Соборное духовенство, вероятно, предоставило бы подходящих назначенцев, служивших бы бесплатно, поскольку обязанности были бы лишь эпизодическими. [783] Это настолько близко соответствует принятому плану, что можно с уверенностью предположить его происхождение.

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ

Инквизиторам были даны полномочия назначать комиссаров, но, по-видимому, поначалу ограничение их полномочий было нечетко определено. Посещение Барселоны в 1549 году показало, что они обязались арестовывать и преследовать в судебном порядке, фактически сделать себя инквизиторами в своих маленьких округах, а в 1550 году Верховный суд дал указание трибуналу предоставлять полномочия только для получения доносов, сбора доказательств и отправки их инквизиции для принятия мер. [784] Это оставалось правилом до самого конца. В *cartillas*, или подробных печатных инструкциях, им запрещалось производить аресты, если не совпадали три условия— дело явно относилось к Святой Канцелярии, доказательств было достаточно и существовали опасения побега. Даже тогда их предупредили, чтобы они действовали только по зрелом размышлении, и им было запрещено накладывать арест на собственность, хотя они и должны были следить за ней. В случае ареста заключенный и доказательства должны были быть переданы трибуналу под охраной приближенных, без права общения с кем-либо. Кроме того, комиссар мог рассматривать гражданские дела фамильяров стоимостью до двадцати либр и приводить в исполнение свои решения. Все это было кратко изложено в выданном ему поручении. [785]

Как и во всем остальном, было невозможно обеспечить соблюдение полезных правил. Сервантес в отчете о своем посещении Барселоны в 1561 году говорит, что уполномоченные не обращали внимания на ограничения своих полномочий. Они были совершенно необучены и не знали своих обязанностей и без колебаний назначали других уполномоченных. Поскольку у них были полномочия назначать нотариуса и альгвасила, они учредили небольшие суды по всей стране, вооруженные ужасающей властью Святой канцелярии, и не нужно напрягать воображение, чтобы представить себе тиранию и вымогательство, которыми они поражали людей. [786]

Немногого удалось добиться, когда в 1561 году Верховный Суд распорядился назначать их только в те места, где это было необходимо, и что они должны быть тихими и миролюбивыми людьми; или в 1565 году, когда он предписал проявлять большую осторожность при назначении комиссий, которые должны быть настолько ограниченными, чтобы помешать им назначать заместителей. [787] Отчет Салазара о его инспекции Барселоны в 1566 году показывает, что зло

продолжалось бесконтрольно; комиссары назначались в ненужном количестве, часто одним инквизитором во время посещения, а иногда это были невежественные миряне, хотя офис пришел к выводу, что это должно быть зарезервировано исключительно для лиц священного сана. [788] Неудивительно, что это новое наказание, которое, казалось, должно было привести ужасы инквизиции к дверям каждого человека, стало предметом решительных протестов, и Конкордии 1568 года, перечисляя то, что было запрещено, показывают злоупотребления, от которых страдало население. Закон Валенсии предусматривал, что такие должностные лица должны быть только в Тортосе, Сегорбе, Теруэле, Гандии, Кастельон-де-ла-Плане, Дении и Хативе, по два в городе Валенсия, и что они должны называться уполномоченными, а не, как до сих пор, лейтенантами инквизиторов. Арагон ограничивал их территорией Лериды, Уэски, Таразоны, Дароки, Калатаюда, Хаки, Барбастро и городов на французской границе. В обоих случаях предусматривалось, что в будущем они не должны рассматривать дела или производить аресты, за исключением случаев предотвращения побега, а также выдавать лицензии на ввоз или вывоз провизии и других товаров. У них могли быть ассессор и нотариус, пользующиеся всеми привилегиями и освобождениями, и, если требовался альгвасил, они могли назначить эту должность фамильяру, не расширяя его привилегий. [789] Все это красноречиво свидетельствует о методах, с помощью которых эти потенциальные местные инквизиторы преувеличивали свои полномочия к неудовольствию народа.

Каталония отвергла Конкордию 1568 года и в Кортес 1599 года потребовала, чтобы ни настоятели церквей, ни фрейлы не назначались комиссарами. На это Suprema в своем памятном письме Клименту VIII ответила, что цель состояла в том, чтобы помешать инквизиции иметь надлежащих уполномоченных, поскольку Каталония была слишком бедна необходимыми материалами, чтобы исключать эти классы в местах, где не было соборов или коллегиальных церквей. [790]

В 1572 году Верховный суд предпринял попытку сдержать умножение числа этих должностных лиц, постановив, что они должны назначаться только в главных городах архиерейских округов, но он быстро отступил от этого и в следующем году санкционировал их везде, где это казалось необходимым, что равнялось неограниченному разрешению. Приказ 1576 года о том, что их нельзя защищать в судебном преследовании за сожительство, наводит на мысль о господствующей морали, а в 1584 году им было поручено поддерживать постоянную переписку с трибуналами, сообщая обо всем, что происходило в их округах, что указывает на то, насколько всеобъемлющей была создана система шпионажа. [791]

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ

Верховный в хартии акордада от 24 марта 1604 года предпринял серьезную попытку положить конец существующему злу. Это привлекло внимание к злоупотреблениям при назначении комиссаров, нотариусов и приближенных, многочисленность и общая недостойность которых привели к значительному ослаблению авторитета инквизиции. В будущем комиссары должны были назначаться только в главных городах *partidos*, или местных судебных округах, или по крайней мере на расстоянии четырех лиг друг от друга. Инквизиторы должны иметь в виду, что в их обязанности входят дела чрезвычайной важности, требующие людей умных, добродетельных и молчаливых; они должны иметь пособия или доходы, достаточные для того, чтобы жить с достоинством, подобающим их высокому посту. [792] Предписанию относительно количества и местоположения никто не подчинился. Нам случается встречаться с ними в таких

малоизвестных местах, как Кобенья и Фуэнтельсас, а их список в маленькой провинции Гипускоа, где всего четыре партии, насчитывает семнадцать. Опытный писатель в 1648 году, перечислив ограничения, утверждает, что есть места, где их три или четыре, замаскированные условными обозначениями соседних деревень. [793]

Несмотря на отсутствие заработной платы, эта должность стала привлекательной не только из-за важности и привилегий, которые она предоставляла, но и потому, что большая часть сопутствующего труда приносила удовлетворительное вознаграждение. В стремлении доказать наличие лимпьезы расследования генеалогий проводились постоянно; почти все они проходили через инквизицию и передавались уполномоченному, ближайшему к месту рождения заявителя. Ожидалось, что он будет платить кругленькую сумму, и уполномоченный имел право на шестнадцать реалов в день за отработанное время или на два дуката, если ему придется покинуть свою резиденцию. Более того, приобретенное таким образом знание генеалогий своих соседей дало ему право ставить их в неловкое положение, как мы можем понять из хартии акордада 1622 года, запрещающей комиссарам делать записи о происхождении тех, кто не был чиновниками инквизиции, и угрожающей увольнением за клеймение кого-либо как еврея, мавра, конверсо или потомка таковых. [794] В морских портах и пограничных городах комиссары также имели значительный источник дохода в виде сборов за экзамены, необходимые для предотвращения проникновения еретиков и еретических книг, - сборов, которые, как мы увидим ниже, были обильным источником жалоб. Эти должности генеральный инквизитор зарезервировал для своего собственного назначения, а также должности в кафедральных городах и более крупных поселениях. [795]

В рамках реформы, предпринятой Филиппом V, было проведено расследование личности уполномоченных, их нотариусов и приближенных, и вскоре после этого, в 1706 году, Верховный суд заявил, что в Кастилии не было и четвертой части от числа, разрешенного Конкордией 1553 года, что он приписал частично бушевавшей тогда войне за престолонаследие, а частично растлению, которому они подвергались. [796] Несомненно, их число быстро сокращалось в течение восемнадцатого века, как видно из таблицы в Приложении, где, хотя в Сарагосе по-прежнему насчитывается тридцать восемь, а в Барселоне - двадцать восемь, другие трибуналы сообщают только о двух-семи, за исключением Канарских островов, где разрозненная группа островов неизбежно требовала значительного количества. Это сокращение может быть объяснено растущей привычкой назначать временных уполномоченных в любом месте, где предстояло выполнять работу. Более того, расширение возможностей связи способствовало местной централизации в трибунале, даже когда общая централизация стимулировалась в Верховном суде. Доносы охотно рассылались по почте, и для их расследования были созданы временные комиссии. Точно так же и в деле о лимпьеze трибунал мог бы более выгодно распределить свое покровительство, выслав из штаб-квартиры специальных уполномоченных, которые получали более высокие суточные за счет заявителя. Чтобы учесть это нововведение, когда в 1816 году была напечатана новая *картотека* инструкций для уполномоченных, в конце она была снабжена рядом бланков поручений, которые можно было отделить и заполнить для использования. Каждому трибуналу было предоставлено по сто экземпляров, двадцать из них должны были использоваться целиком, а восемьдесят - на листах, которые должны были быть разрезаны таким образом. В течение месяца один арбитражный суд подал заявку на дополнительный запас, и было отправлено пятьдесят экземпляров. [797] Как бы мало инквизиторам того времени ни приходилось делать, они, очевидно, перекладывали свои обязанности на других более широко, чем когда-либо.

ЗНАКОМЫЕ

В предыдущей главе было показано, что из всех должностных лиц инквизиции те, кто доставлял наиболее частые неприятности и кто вызывал наиболее сильное неприятие, были фамильярами. Они были самыми многочисленными, они были в значительной степени набраны из беспокойной стихии, стремясь занять положение для защиты от светского правосудия, и они соответственно злоупотребляли своими привилегиями. Более двух столетий они были объектом ужаса для всего мирного народа, и нельзя представить более веского доказательства подчинения, до которого инквизиция довела Испанию, чем терпимость этого опасного класса, чьи услуги были переплачены иммунитетами, которые освобождали инквизицию от выплаты жалованья.

В средневековой инквизиции инквизитор имел право окружить себя вооруженной охраной, будь то для защиты своей личности или для выполнения своих приказов. Они считались членами его семьи, отсюда и название фамильяров, дающее им право на неприкосновенность от правосудия. Их боялись и ненавидели, и не без причины, поскольку эта должность была привлекательна только для негодяев и скандалистов, и ничего не выиграли, когда в 1213 году Венский собор предупредил инквизиторов, чтобы они были умеренными и осмотрительными в использовании этой привилегии. [798]

Конечно, старая Арагонская инквизиция пользовалась этой прерогативой, и когда был организован новый институт, он унаследовал это право. Более того, это было разработано совершенно по-новому, поскольку фамильяр не был привязан к личности инквизитора. Назначения производились по всей стране, и инквизиция, таким образом, бесплатно получила небольшую армию слуг, разбросанных повсюду, поклявшихся в послушании и готовых в любой момент выполнить любой долг, к которому их могли бы призвать. Более того, они шпионили за своими соседями и стремились проявить свое рвение добровольческими действиями, поскольку каноническое право гласило, что еретик может быть арестован кем угодно.

Было невозможно, чтобы такой класс, как этот, освобожденный от ограничений закона, не оказался беспокойным и даже опасным. Инквизиторы назначали их по своему усмотрению, выдавали лицензии на ношение оружия и выпускали на свободу в обществе. Была бы обеспечена некоторая защита, если бы велись реестры этих назначений и имена назначенцев сообщались магистратам, чтобы можно было знать, имеют ли право на это те, кто претендовал на иммунитет. Однако было невозможно заставить инквизиторов сделать это. Хименес и Супрема приказали занести имена в книгу, а копию передать коррехидорам, и Фердинанд в общем приказе от 11 июля 1513 года подчеркнул это, но безрезультатно, и это повторялось бесконечно с тем же результатом. [799] Инквизиторы упорно отказывались подчиняться, поскольку это наложило бы некоторый контроль на многочисленные и беспорядочные назначения, которые имели признанную денежную ценность. Результат всего этого виден в письме Фердинанда в 1514 году инквизиторам Толедо, информирующем их о том, что королевские и муниципальные власти жаловались на количество буйнопомешанных, имеющих лицензии, подписанные только одним инквизитором, которые ходят бандами, нарушая порядок, и, если гражданский магистрат пытается их обуздать, трибунал немедленно вмешивается, что приводит к разногласиям между ним и министрами юстиции, нанося большой ущерб городу и его окрестностям. Хименес уже безуспешно пытался пресечь эти нарушения, и

теперь Фердинанд настаивает на том, что его приказам необходимо подчиняться, что все подобные разрешения должны быть подписаны тремя инквизиторами, о них должен вестись отчет, а копия должна быть предоставлена коррехидору. [800]

Те же проблемы существовали и в арагонских королевствах, где, как следует помнить, суды Монсона в 1512 году попытались исправить их в Конкордии, предусмотрев, что от имени Арагона в Сарагосе может быть двадцать вооруженных фамильяров, в то время как в других городах, где действительно заседал трибунал, могут быть временные назначения, не более двадцати на все королевство. Несмотря на принятие этого соглашения Фердинандом, его подтверждение Львом X в 1516 году и торжественную ратификацию в 1520 году, оно никогда не пользовалось ни малейшим уважением со стороны инквизиции, и его единственный интерес заключается в доказательстве народного стремления к облегчению и того, что в период большой активности Святой Канцелярии было достаточно очень умеренного числа приближенных.

ЗНАКОМЫЕ

Жалоба была возобновлена примерно в 1530 году кортесом Арагона на то, что фамильяры были назначены в каждом месте трех королевств и что списки не были представлены, так что инквизиция могла освободить любого преступника, объявив его фамильяром, на что кардинал Манрике просто ответил, что назначено не больше, чем необходимо, и что инструкции были соблюдены. [801] Опять же, в 1547 году суды Каталонии заявили, что злоупотребления были доведены до такой степени, что серьезно ограничились королевскую и церковную юрисдикцию, и потребовали ограничить Барселону до пятидесяти, по пять в каждом для каталонских округов, подчиненных Валенсии и Сарагосе, а также предоставить списки, но принц Филипп ответил только, что проконсультируется с Верховным судом. и делай то, что подобает. [802] Конечно, ничего не было сделано.

В то время как таким образом Верховный суд защищал суды от общественности, он постоянно ругал их за излишества и отдавал приказы уменьшить зло. Хартия акордада 1543 года намекает на чрезмерное количество фамильяров, их беспокойную и злую жизнь; они должны быть людьми с хорошей репутацией, а остальные должны быть уволены. В 1546 году была введена умеренность в назначениях. Когда была оформлена Кастильская Конкордия 1553 года, были изданы инструкции по ее строгому соблюдению; все, кто не был зарегистрирован и не был доведен до сведения властей, не должны были считаться фамильярами. В 1560 и снова в 1573 году им было приказано быть женатыми мужчинами, тихими, миролюбивыми, *лимпийцами*, а не священнослужителями; все остальные должны были быть удалены. В 1562 году инквизитор Майорки был упрекнут в ненужных назначениях буйных и непригодных людей и в том, что он не передал список магистратам. В 1566 году было приказано передать списки гражданским властям, и никто, не указанный в них, не должен был пользоваться освобождением. В 1573 году были изданы инструкции, требующие, чтобы они были домовладельцами и главами семей, жителями того места, для которого было дано поручение, и никого не назначали в необитаемые места. В 1578 году было приказано назначать на должности только для заполнения вакантных должностей. В 1586 году хартия акордада предписала сократить численность в соответствии с положениями Конкордии; излишки должны были отказаться от своих должностей и честно обеспечивать себя, новые назначения были доступны только тихим и миролюбивым людям с

хорошей жизнью и привычками, и должны быть представлены доказательства соблюдения приказа. [803]

Это краткое изложение можно было бы значительно расширить, но его единственный интерес заключается в том, что оно показывает, что Верховный Суд признал зло и стремился уменьшить его, в то время как трибуналы не обращали внимания на его приказы, будучи уверенными, что он будет защищать их изо всех сил, когда между ними и народом или властями возникнет вопрос. Иногда, действительно, продолжающееся давление могло привести к временному согласию, но от него отказывались, как только это казалось безопасным.

Один-единственный случай проиллюстрирует упорство и успешные увертки инквизиторов. Вальдес написал трибуналу Валенсии 12 марта 1551 года, что чрезмерное количество фамильяров мешает его надлежащим функциям из-за времени, необходимого для рассмотрения их дел. В городе Валенсия их должно было быть сокращено до сотни; в городах с населением в три тысячи человек максимум должно было быть восемь; в небольших населенных пунктах, если таковые требовались, их число не должно было превышать четырех без уведомления Верховного суда. Для достижения этого все комиссии должны были быть отозваны, и, при необходимости, он их отзывал. Были даны инструкции относительно повторных назначений; каждое поручение должно было быть подписано обоими инквизиторами и скреплено подписью одного из нотариусов; срок полномочий должен был быть ограничен двумя или тремя годами, чтобы стимулировать хорошее поведение, и списки должны были представляться Верховной власти.

ЗНАКОМЫЕ

На этот многообещающий план реформы инквизиторы ответили, что приостановили его действие, потому что губернаторы Валенсии сочли количество, присвоенное городу, недостаточным. 9 июля Верховный Судья приказал им узнать у губернаторов их мнение относительно численности. Это было оставлено без ответа, и 5 ноября Верховный распорядился представить отчет в течение тридцати дней после того, что было согласовано с губернаторами; в противном случае положения от 12 марта должны были быть приведены в исполнение, и, если это не будет сделано, для этого будет направлено лицо, наделенное всеми полномочиями. Это выглядело как деловое соглашение, и инквизитор Артиага ответил, что, как только его коллега вернется из поездки в округ, оно будет выполнено. Вальдес подождал до 23 декабря, а затем написал, что больше откладывать нельзя; король неоднократно приказывал сократить число фамильяров из-за ежедневных жалоб, поступающих на них. Поэтому он безапелляционно приказал, чтобы без ответа или дальнейших оправданий инструкции были выполнены и нотариальное подтверждение факта было предоставлено в течение января; если обоих инквизиторов не было в Валенсии, работу должен выполнять тот, кто находится по месту жительства; если это не было выполнено в указанный срок, они должны лично предстать перед ним, чтобы изложить причины своего неповиновения. Казалось бы, это не оставляло возможности для уклонения, но на это не обратили внимания, и 10 марта 1552 года Вальдес написал снова, повторив предписания предыдущего марта, но признав, что в городе может быть двести фамильяров. Публичное объявление об отзыве должно было быть сделано, и доказательства исполнения со списками задержанных должны были быть предоставлены в течение апреля. На это снова не обратили внимания, и это повторилось 10 сентября. Со временем это привело к заявлению о том, что их число в городе сократилось до двухсот, но нет

никаких свидетельств о сокращениях в других местах или о том, что было соблюдено разумное ограничение комиссий двумя или тремя годами. [804] Если это и было, то ненадолго, и мы увидели, какими были жители Валенсии в начале следующего столетия.

То же самое было и в Кастилии. Когда была согласована Конкордия 1553 года, королевская седула от 10 марта определила количество приближенных, которое должно быть разрешено в городах и поселках, и распорядилась, чтобы все, кто превысил ее, были лишены своих должностей, в то время как списки тех, кто остался, должны были быть переданы светским властям. Верховный суд, по-видимому, честно пытался обеспечить соблюдение этих положений письмами, изданными в тот же день, но инквизиторы были угрюмы и непреклонны, и опыт Валенсии повторился. 13 июля 1555 года в другом королевском указе и циркулярном письме Верховного повторился приказ сократить число и представить списки. Опять же, в 1565 году эти приказы были возобновлены, что выявило тот факт, что трибуналы даже не вели реестров назначений, поскольку в 1566 году им было приказано созвать все комиссии и составить из них списки, с предупреждением, что всем, кто не был внесен в такие списки, не будет разрешено пользоваться фуэро, и, если судьям будут препятствовать в таких делах, когда компетенция дойдет до Советов, она будет отменена. Даже это потребовало дополнения другим приказом в следующем году. [805]

Было бы утомительно в деталях следить за этими бесплодными усилиями Верховного суда заставить суды соблюдать закон, но carta acordada 1604 года дает представление о некоторых уловках и увертках, к которым прибегали. Он устанавливает полезные правила относительно соблюдения Конкордии и характера назначаемых лиц и продолжает запрещать назначение на ожидаемый срок, допуск заявителей к доказательству наличия лимпьезы, если только нет вакансии, и тогда он должен быть постоянным жителем того места, где это происходит, а не с предполагаемым местом жительства. Назначения в нарушение этих правил не сделают человека должностным лицом инквизиции, и у него не будет никаких полномочий. Это показывает, насколько слабым было соблюдение этого правила, что его пришлось повторить в 1620 году и снова в 1626 году. [806]

ЗНАКОМЫЕ

В то время как таким образом Верховная Власть была тщетно занята подавлением энтузиазма своих подчиненных, она яростно отвергала любую помощь, предлагаемую посторонними. Конкордия 1553 года была частью закона страны, и как таковая она была напечатана в официальном издании Новой Зеландии (Lib. IV, Tit. i, ley 20). В 1634 году Совет Кастилии, очевидно, устав от упрямства трибуналов, обязался обеспечить соблюдение этого закона, напечатав статьи, касающиеся количества и квалификации фамильяров, и разослав их магистратам городов и деревень с инструкциями, что, если их количество будет избыточным, они должны будут вычеркнуть излишки; если список не был предоставлен, они не должны были рассматривать кого-либо в качестве фамильяра и иметь право на исключения и привилегии. Когда этот практический метод принуждения к повиновению закону стал известен Верховному, он пришел в сильное негодование. 22 декабря он направил возмущенную консультацию королю; Совет Кастилии, по его словам, вмешивался в дела, полностью выходящие за рамки его компетенции; у него не было полномочий в вопросах, касающихся инквизиции; если инквизиторы нарушали закон, конкретные жалобы могли быть поданы и разрешены хунтой из двух органов; Совет побуждал местных магистратов судить инквизиторов и наживать себе

неприятности. Кроме того, фамильярам так досаждают, когда они пытаются воспользоваться своими привилегиями, что они считают за лучшее отказаться от них; их уже меньше, чем разрешает Конкордия, их становится меньше с каждым днем, и через несколько лет у инквизиции не будет министров, которые занимались бы ее делами. В заключение консульта просит короля приказать Совету вычеркнуть этот документ из своих отчетов и не выпускать подобных в будущем. На этот раз его высокомерие перешло все границы. Должно быть, по этому поводу велась отчаянная борьба, поскольку Филипп хранил консультацию до 3 октября 1636 года, когда он вернул ее с одобрением того, что Совет Кастилии может издать положение, воплощающее статьи Конкордии, и может приказать местным судьям соблюдать и исполнять их. [807]

Причины, побуждающие инквизиторов к постоянному и незаконному умножению числа этих должностных лиц, не заставляют себя долго искать. Эта должность была очень желанной, и высокая ценность, придаваемая ей, несмотря на заявления Верховного о сокращении численности, показана в одном из способов сбора денег, к которому прибегли в 1641 году, когда в каждом месте было создано дополнительное окружение, которое продавалось за полторы тысячи дукатов. Предложение было отозвано в 1643 году, возможно, потому, что, как мы видели (стр. 213), в 1642 году на рынок был выброшен блок из трехсот штук, что привело к снижению цены. [808] Когда такие оценки были выставлены офису, возможность получения незаконной прибыли стала заманчивой для тех, кто имел право выдавать комиссионные, и, в дополнение к этому, появились доходы от судебных разбирательств и обильные гонорары должностным лицам, участвовавшим в расследовании "лимпьезы" претендентов и их жен. Штрафы, также возникающие по делам, в которых были замешаны фамильяры, были немалой добавкой к доходам трибуналов. Так, в 1564 году доктор Зурита, посетив епархии Жероны и Эльне в течение четырех месяцев, собрал сто шесть дукатов за правонарушения, совершенные близкими людьми или против них, и, кроме того, пятеро виновных были отправлены в Барселону по более серьезным обвинениям, которые, несомненно, принесли еще большую прибыль. [809] В таком случае легко понять соблазн расширить столь прибыльную юрисдикцию и устойчивое противодействие раскрытию числа назначенных лиц путем предоставления списков.

Это правда, что Suprema составила превосходный список квалификаций в качестве необходимых условий для получения права на участие. Никто не должен был быть назначен, кроме Старого христианина, по крайней мере двадцати пяти лет от роду, женатого или вдовца, главы семьи, добродетельного, тихого, миролюбивого и пригодного для этой должности, а также законного, а не иностранного происхождения. [810] Тем не менее, не было никаких трудностей с получением разрешений на возраст, безбрачие, незаконнорожденность и иностранное рождение или происхождение, значительная плата за которые поступала к секретарю генерального инквизитора. [811] Формального разрешения на моральные качества не существовало, но они были неуловимы, и общий характер, приписываемый фамильярам, как мы видели в Валенсии, показывает, насколько мало внимания часто уделялось им. На них даже не ссылаются в необходимых формальностях середины семнадцатого века, когда нам говорят, что ходатайство заявителя должно сопровождаться справкой от секретаря о его месте жительства с указанием количества жителей, числа приближенных, свидетельством о крещении, подтверждающим его возраст, что он не занимался каким-либо ремеслом или низкой профессией и что у него было имущество, достаточное для его достойного содержания.

От него также, конечно, потребовали предоставить генеалогии себя и своей жены для расследования дела о лимпьеze. [812]

То, в какой степени принимались меры предосторожности во избежание неправомерных назначений, зависело, конечно, от настроения трибунала и неизбежно менялось во времени и месте. В 1561 году инквизитор Сервантес говорит, что в Кордове, Севилье и Сарагосе, где он служил, претенденты на назначение проходили испытательный срок в течение двух или трех месяцев, после чего было проведено расследование относительно их статуса и образа жизни, когда, если они были женатыми и миролюбивыми людьми, их назначали, но в Барселоне ничего подобного не наблюдалось. [813] Маловероятно, что такая проверка была частой, поскольку инквизиторы рассматривали назначения как покровительство, которые производили их по очереди, пока в 1638 году это не было запрещено Верховной Властью, которая приказала принимать решения путем голосования; фискалы были обязаны сообщать, соблюдалось ли это, что, несомненно, было, потому что этого можно было легко избежать частным соглашением. [814]

ЗНАКОМЫЕ

Были предприняты некоторые усилия, но безуспешно, чтобы сохранить достоинство должности путем исключения тех, кто занимается торговлей или занятиями, считающимися унижающими достоинство, таких как мясники, сапожники, кондитеры и тому подобное. С другой стороны, здесь, естественно, приветствовались выдающиеся личности, и в них не было недостатка. Самая голубая кровь Испании не гнушалась служить инквизиции в ведомстве фамильяров. Это вызвало опасения в арагонских королевствах, и в Конкордии 1568 года было предусмотрено, что фамильярами должны быть простые люди, а не могущественные, такие как джентльмены и бароны. Трибунал Валенсии сразу же запросил Верховного судью, исключаются ли из этого дела джентльмены, которые не были баронами, и его заверили, что исключаются только бароны. Трибунал проигнорировал даже это ограничение и назначил баронов и джентльменов, державших вассалов, буйных людей, ставших безрассудными из-за исключений, что привело к ссорам с Аудиенсией, в которые вмешался Филипп II в 1590 году, приказав отменить все подобные назначения, сделанные со времен Конкордии. Громкими были жалобы инквизиторов; они отрицали, что назначали баронов; если бы господа с вассалами были лишены своих полномочий, инквизиция была бы обесчещена, и, что еще хуже, Аудиенция зарегистрировала указ там, где его мог прочитать каждый, и разослала его губернаторам провинций, таким образом опубликовав его для всего мира. [815]

Как долго длилось это исключение при короне Арагона, сказать невозможно, но, вероятно, оно не было постоянным. В Кастилии такого различия не было. На Мадридском аутодафе 4 июля 1632 года знамя инквизиции нес адмирал Кастилии в сопровождении констебля Кастилии и герцога Медина де лас Торреса, всех знакомых. [816] Фернандо VI, однако, принял меры предосторожности Арагона и потребовал, чтобы все приближенные были *pecheros* или налогоплательщиками, когда возмущенный мемориал, по-видимому, от генерального инквизитора Прадо-и-Куэсты, обратил его внимание на тот факт, что во всей Кастилии, Арагоне, Валенсии и Андалусии не было вельможи или джентльмена знатного происхождения, который не найдите предков в списках Святой канцелярии или внесите в список славы его дома то, что они были зачислены в ополчение веры. [817]

К этому времени число знакомых значительно сократилось, хотя и не до такой степени, как можно было бы предположить из таблицы в Приложении, поскольку трибуналы, очевидно, не сообщали о них — фактически, вероятно, что лишь немногие, если таковые вообще были, вели реестры, позволяющие им это сделать. Ослабление влияния инквизиции, ограничение привилегий канцелярии, новый дух, ожививший Испанию при бурбонах, - все это в совокупности сделало эту должность менее востребованной, и с тех пор мы сравнительно мало слышим о знакомых как о тревожащем элементе общественного порядка.

Само собой разумеется, что должностные лица трибуналов должны были сформировать организованные органы. Они делали это под названием *Cofradia*, или *Congregacion*, или *Hermanidad de San Pedro Martir*, которое предположительно совпадало с *Cruceignati*, основанным в Италии Иннокентием IV после убийства святого мученика Петра в 1252 году. Основную часть членов, естественно, составляли фамильяры, которые были самым многочисленным классом должностных лиц, и иногда встречаются упоминания о *коллегиях фамильяров*, которые, возможно, были подразделением общего органа. Невозможно утверждать, в какой день была организована Кофрадия, но уже в 1519 году это была грозная организация с руководителями, известными как *майордомы* ибо, когда в том году пошли слухи о попытке в Сарагосе освободить Хуана Прата силой, Карл V приказал залмедине Сарагосы собрать ее и оказать сопротивление движению, и он написал майордомам, чтобы они подчинились Залмедине. [818]

Эрмандад был тщательно организован в инквизиторских центрах благодаря конституции, которая была напечатана в 1617 году. В каждом филиале в качестве должностных лиц были падре мэр, секретарь, домовый мэр, домовый менор и фискал. Вступительные взносы были значительными, и прием новых членов сопровождался определенным церемониалом, во время которого кандидат давал торжественную клятву в руках инквизитора подвергать свою жизнь опасности при исполнении приказов Святой Канцелярии и обличать всех еретиков, после чего инквизитор вручал ему крест и наделял всеми привилегиями и индульгенциями крусезиньяти. [819]

COFRADIA DE SAN PEDRO MARTIR

Распространение Эрмандада на Испанию ни в коем случае не было одновременным. В Севилье он был основан только в 1604 году, да и то только после значительного противодействия. Даже в 1700 году в Формуляре есть формула о предоставлении инквизиторами гранта комиссарам и фамильярам округа архиепископов на основание кофрадии. [820] Функции тела можно рассматривать как чисто декоративные, придающие блеск торжественности аутодафе и являющиеся поводом для инквизиции продемонстрировать свою силу. Маршируя процессией под знаменем Святой Канцелярии в севильском аутодафе 7 ноября 1604 года, они сформировали отряд численностью в четыреста человек, а в Кордове в 1655 году их насчитывалось более пятисот. На последнем из великих аутодафе, отмечавшихся в Мадриде в 1680 году, Супрема приказал всем приближенным города присоединиться к Конгрегации под страхом лишения фуэро, и каждый член должен был нести в процессии восковую свечу весом в два фунта со знаками отличия инквизиции, после чего он заказал триста свечей. По этому случаю он получил великолепный штандарт, который продолжал использовать на торжественных мероприятиях. [821]

Организация не всегда была так верна своим клятвам повиновения, как могла бы быть. В 1603, 1675 и снова в 1715 году возникли проблемы из-за права, на которое претендовали члены церкви, постоянно носить свои кресты и привычки в качестве знаков отличия Святого Доминика, хотя Верховный суд ограничил это торжественными случаями, и, наконец, потребовалась угроза увольнения для обеспечения соблюдения правила. [822] В 1634 и 1635 годах в Валенсии была еще большая недисциплинированность, где они вызвали народные волнения и отказались подчиняться приказам Верховного в вопросе празднования праздника *Крус-нуэва*. [823]

Когда во время Реставрации Фернандо VII попытался возродить несколько обветшавшую славу инквизиции, ему было предложено преобразовать Эрмандад в Королевский рыцарский орден. Он приветствовал эту идею и 17 марта 1815 года издал указ, в котором говорится, что по просьбе мэров Самой Прославленной конгрегации Сан-Педро, состоящей из Верховного Суда, инквизиторов и подчиненных всех трибуналов, и для того, чтобы их можно было отличать и чтить, он приказывает, чтобы они ежедневно носили на своей верхней одежде, как и другие рыцарские ордена, одеяние и значок инквизиции. Например, в праздник Святого мученика Петра (29 апреля) он лично председательствовал на Собрании в сопровождении инфантов дон Карлоса и дон Антонио, когда он носил эти знаки отличия, которым подражали прихожане, так что это вошло в моду при дворе. 26 апреля Королевский совет обнародовал указ в соответствии, по его словам, с уступками Святого Престола и постановил, что ни одно лицо или суд не должны препятствовать членам совета пользоваться этим правом. 10 мая Верховный суд разослал этот указ трибуналам с приказом о его строгом соблюдении всеми должностными лицами. Было обескураживающе обнаружить, что все это не было воспринято народом всерьез, поскольку незадолго до этого инквизитор Вальядолида имел случай пожаловаться Верховной власти на оскорбления, нанесенные церковными властями чиновникам в связи с награждением Королевским рыцарским орденом Святого мученика Петра. [824]

ГЛАВА IV.

ЛИМПЬЕЗА.

Выше неоднократно упоминались *limpieza*, или чистота крови, обязательная для всех должностных лиц инквизиции. Это было настолько замечательным проявлением преобладающего фанатизма и оказало такое большое влияние на социальное положение Испании, что заслуживает несколько детального изучения.

Первое указание на эту исключительность можно увидеть в *Приговоре Истатута* Толедо 1449 года, согласно которому все конверсос были лишены официальных должностей как подозреваемые в вере (Т. I., стр. 126). Это, как мы видели, вызвало буллу Николая V, осуждающую такое законодательство как нехристианское, запрещающую дискриминацию между старыми и новыми христианами и подтверждающую соответствующие законы Альфонсо X, Генриха III и Хуана II. Этого удалось избежать при основании братства под названием "Христианская любовь" в Кордове в 1473 году, из которого были строго исключены все конверсо, что привело к беспорядкам и резне, описанным выше. [825] Возможно, именно это побудило архиепископа Толедского Карильо на провинциальном синоде, проходившем в

Алькале, осудить растущую практику братств, связанных клятвами исключить Conversos и ссылающихся на эти клятвы в оправдание. Все такие статуты были признаны недействительными, и все, кто давал такие клятвы, были освобождены от них. [826] Также в 1473 году Хуан II Арагонский отменил устав аналогичной ассоциации на Майорке и приказал, чтобы Конверсос в полной мере пользовался всеми полномочиями в своих владениях. [827] Несколько нелепый аспект этому предрассудку придала гильдия каменщиков в Толедо, состоящая в основном из мудехаресов, которая в 1481 году приняла правило, запрещающее своим членам обучать своему искусству конверсос, а в следующем году был принят еще более предписывающий статут в Гипускоа, запрещающий конверсос селиться или жениться в провинции. [828]

Самым ранним официальным признанием различия между старыми и новыми христианами была булла Сикста IV 1483 года (см. выше, стр. 11), предписывающая, чтобы епископальными инквизиторами были старые христиане. Следующий шаг был более знаменательным для будущего. Когда в 1485 году в Иеронимитском монастыре Гваделупы была учреждена временная инквизиция, среди монахов был найден еврей, который прожил как один из них сорок лет и все же так и не был крещен. Его быстрое сожжение перед монастырскими воротами не уменьшило страха, что другие еретики могут найти подобное убежище в Ордене, что привело к постановлению Генерального капитула о том, что ни один потомок еврея не должен быть принят; те, кто уже вступил, если они не исповедовали, были изгнаны, а те, кто исповедовал, были лишены какой-либо чести или достоинства. Последовало много дискуссий; указ был признан противоречащим булле Николая V 1449 года, и возникла угроза неприятностей, что вынудило Фердинанда и Изабеллу обратиться к Иннокентию VIII за исправлением положения. Он уклонился от принятия решения в кратком *решении Римского суда* от 25 сентября 1486 года, наделив архиепископа Севильи и епископов Кордовы и Леона полномочиями решать все вопросы в соответствии с указом и отменять, изменять и усиливать его по своему усмотрению. Это, конечно, было сочтено практическим подтверждением нового правила, и нам говорят, что Богоматерь Гваделупская была так восхищена, что явила чудеса, которые взялся описать отец Франсиско Санчо де ла Фуэнте, но их было так много, что его рвение иссякло, и он оставил благочестивое занятие. [829]

Следующий случай был особенным и ограниченным. После того как Торквемада основал в Авиле свой монастырь святого Фомы Аквинского, он начал опасаться, что ненависть, которую он заслужил от конверсос, может побудить их проникнуть туда со злыми намерениями. Поэтому в 1496 году он обратился к Александру VI с просьбой издать указ, запрещающий прием любого лица, происходящего прямо или косвенно от евреев, просьбу, которую понтифик с готовностью удовлетворил, подвергнув *ipso facto* отлучению от церкви любого настоятеля или другого лица, нарушающего это правило. [830]

РАЗРАБОТКА ЗАПРЕТА

Тенденция к дискриминации конверсос была вызвана ограничениями, налагаемыми в соответствии с каноническим правом на детей и внуков нераскаявшихся еретиков. Далее это будет рассмотрено более подробно, и здесь достаточно сказать, что это было истолковано как применимое к детям и внукам всех осужденных или примиренных инквизицией. Это было предметом некоторых дебатов, и Инструкции 1488 года требовали от инквизиторов суровых наказаний за неспособность таких потомков занимать какие-либо государственные должности

или быть принятыми в священный сан. [831] Эти ограничения были еще более расширены монархами в двух прагматиках 1501 года, запрещающих детям и внукам по мужской линии и детям по женской занимать какие-либо почетные должности или быть нотариусами, писцами, врачами, хирургами или аптекарями. Эти практические рекомендации были незамедлительно разосланы Верховным Судом всем трибуналам с приказами об их строгом исполнении, поскольку монархи не допускали исключений. [832]

В этой нарастающей волне запретов приятно найти исключение. Не было более бескомпромиссного защитника веры, чем Хименес, но, организовав свой Университет в Алкале, он не делал никакой дискриминации в отношении Конверсос. В его тщательно проработанных деталях относительно квалификации для получения профессорских должностей, стипендий, ученых степеней и других объектов академических амбиций нет ни слова, указывающего на то, что примесь еврейской или мавританской крови была препятствием. [833] Несомненно, именно это исключило Алькалу из-под действия зловещего указа Верховного суда от 20 ноября 1522 года, запрещающего Саламанке, Вальядолиду и Толедо присваивать ученые степени любому обращенному из иудаизма или любому сыну или внуку того, кто осужден инквизицией. [834] Трудно сказать, где оно нашло оправдание для такого присвоения власти, но эффект такого запрета вряд ли можно преувеличить, поскольку он таким образом преграждает путь ко всем образованным профессиям и, следовательно, к государственной службе и церковным привилегиям.

Следующий шаг был предпринят францисканцами-наблюдателями, которые в 1525 году добились от Климента VII инструкции, предусматривающей, что в Испании ни один немощный потомок евреев или тот, кто был осужден инквизицией, не должен быть повышен до какой-либо должности или достоинства, и что после этого никто, страдающий таким недостатком, не должен быть принят в Орден. [835]

К этому времени вопрос о лимпьеze стоял остро, и в народе каждого называли старым христианином или новым, поскольку генеалогии, по-видимому, были общественным достоянием. Когда в 1528 году Диего де Учедра предстал перед судом за лютеранство и заявил, что он старый христианин, трибунал Толедо запросил свидетельские показания в Кордове, где свидетели без колебаний описали его семью, отцовскую и материнскую, как совершенно чистую от пятен крови Конверсо, которая, по их словам, была печально известна по всему городу. [836] Возрастающая важность этого дела побудила инквизицию собрать доказательства для себя, и в 1530 году трибуналам было приказано вызвать к себе потомков всех, кто был смягчен или примирился, и выяснить, изменили ли они свои имена. На основе этого общего расследования каждый трибунал составил для своего округа генеалогический реестр, включающий все зараженные семьи, который при надлежащем ведении сохранил массу свидетельств, бесконечно тревожащих последующие поколения. [837] На растущую важность затронутых вопросов для общества в целом указывает петиция кортеса Сеговии в 1532 году о том, что те должны считаться старыми христианами, которые могут доказать свое происхождение от родителей-христиан, бабушек и прадедушек - или, при необходимости, от пра-пра—прадедушек - и что никаких обвинений в отсутствии христианского вероисповедания не должно быть. на них следует наложить лимпьеzu, если только нет доказательств их происхождения от евреев или мавров, или если их предок не был осужден инквизицией. [838]

РАЗРАБОТКА ЗАПРЕТА

Доминиканцы не были так активны, как францисканцы, в получении папской защиты своей лимпьезы. В длинном списке дел, переданных испанским доминиканским домам, нет никаких упоминаний об исключении Конверсос между домами Торквемады 1496 и 1531 годов, когда домам Санта-Мария-Ниба и Сан-Педро-Мартин в Толедо было запрещено принимать любых лиц, подозреваемых в еврейском или мавританском происхождении, в то время как в колледже Санта-Мария профессора и студенты гуманитарных и теологических факультетов должны были быть свободны от любых подозрений в таком происхождении. [839] Настроения Ордена были менее проскриптивными, чем у францисканцев. Самым заметным членом ордена того периода был Томас де Вио, более известный как кардинал Кайетано, который, когда в 1514 году регент Саламанки проконсультировался с ним относительно законности исключения лиц еврейской крови из Ордена, ответил, что это не смертный грех, но, учитывая, что раса дала Иисуса Христа, апостолов и спасение человека, было бы иррационально и неблагодарно дискриминировать их, а также препятствовать их обращению. [840] Павел III согласился с ним, поскольку в *motu proprio* от 1535 года, адресованном доминиканскому провинциалу, он запретил какие-либо препятствия для входа в Орден лиц еврейской или мавританской крови, и, узнав, что в некоторых домах этим пренебрегают, он повторил и подтвердил это осуждением кратким письмом от 3 августа 1537 года. [841]

В этом, как и во многом другом, любой, казалось, мог получить от Святого Престола все, что хотел, и Павел изменил свое мнение в 1538 году, когда монастырь Сан-Пабло в Кордове заявил, что в большинстве колледжей Ордена потомки Конверсос не принимались или, в случае признания ошибки, изгонялись, и он пожелал такой же уступки своему колледжу, которая была необходима для его сохранения и мира в доме. Павел немедленно удовлетворил эту просьбу и приказал инквизиторам и настоятелю Кордовы защищать монастырь в рамках этих привилегий, вплоть до обращения за помощью к светской власти. [842] За этим последовала более общая мера в 1542 году, когда по приказу Павла кардинал Хуан де Толедо, епископ Бургоса, запретил доминиканцам Арагона принимать в орден потомков евреев или осужденных инквизицией до четвертого поколения. поколение. Маловероятно, что это было ограничено Арагоном, и в следующем году мы обнаруживаем, что Супрема обращается к провинциалам и законодателям с призывом не допускать туда никаких конверсос. [843]

Карл V был столь же непоследователен, как и Павел III. В 1537 году он издал указ, в котором говорилось, что, поскольку в некоторых колледжах университетов новым христианам было отказано в приеме, он приказал соблюдать конституции основателей. [844] Однако, когда капитул Кордовы в 1530 году принял статут лимпьезы, применимый ко всем служителям собора, и не смог получить подтверждение папы, он распорядился о его соблюдении и своим влиянием способствовал тому, чтобы побудить Павла IV в 1555 году подтвердить его. [845]

Это было движение, которое постоянно набирало обороты. В 1548 году архиепископ Толедский Силичео перечисляет среди организаций, отказывающих в приеме всем, кроме старых христиан, три великих военных ордена Сантьяго, Калатравы и Алькантары, членство в которых было предметом амбиций почти каждого испанского мирянина благородного происхождения. Во все испанские колледжи, включая Болонский, основанный кардиналом Альборносом, принимались только старые христиане, и из этих колледжей выбирались члены советов и канцелярий, а также другие судебные чиновники. То же самое было с Минимами, согласно прямому уставу основателя святого Франциска де Паула, и в других Орденах и монастырях как мужчин, так и женщин. Соборные капитулы начали перенимать его, например, в Кордове и

Хазне; на нем были основаны многочисленные братства, и многие *мэриии* или наследственные поместья были обусловлены им. [846] Таким образом, мания абсолютной чистоты крови распространялась неудержимо, и, хотя сейчас было бы невозможно точно перечислить организации, которые сделали это предварительным условием членства, можно с уверенностью сказать, что пути к отличию и даже к существованию в общественной жизни и в Церкви быстро закрывались для всех, кто носил фатальную *манчу* или пятно. Со временем даже для принятия в священный сан требовалось подтверждение наличия лимпиезы. [847]

УСТАВ *SILICEO* В ТОЛЕДО

Конверсос, однако, были слишком умелыми и энергичными, чтобы сдаться без борьбы, и то, как велась проигранная битва, видно на решающем примере с первосвятительской церковью Толедо. Кардинал-архиепископ Тавера попытался в 1539 году добиться принятия статута лимпьезы в кафедральном соборе, но сопротивление было настолько сильным, что он был вынужден воздержаться. [848] Его преемником был Хуан Мартинес Педерналес, принявший классическое название Силичео — профессор из Саламанки, которому посчастливилось быть назначенным наставником принца Филиппа и который был награжден кафедрой Мурсии в 1541 году, откуда он был переведен в Толедо в 1546 году. Он пришел в негодование, когда в сентябре того же года капитулу были представлены папские письма о принятии в каноны доктора Эрнана Хименеса, чей отец был примирен инквизицией. Хотя в ордене было несколько членов *Converso*, он отказался от приема в Хименес и написал Павлу III бессвязное письмо, оправдывающее его неповиновение. Чтобы предотвратить подобное загрязнение в будущем, Силичео разработал закон, запрещающий занимать должности в соборе кому бы то ни было, кроме старых христиан, вплоть до мальчиков из церковного хора; все претенденты должны были представить свои родословные и внести определенную сумму денег для покрытия расходов на расследование. В июле 1547 года он прибыл в Толедо с большой свитой джентльменов и тайно убедился в согласии большинства каноников, которые связали себя клятвами принять его; было созвано собрание капитула, и эта мера была принята в нарушение его правил порядка — как он откровенно сказал, если бы было подано уведомление и допущено обсуждение, она не могла быть принята, поскольку Конверсос успешно интриговали бы против нее. За него проголосовали двадцать пять против десяти, не считая декана, который выступил против, но не имел права голоса. Меньшинство утверждало, что они были более мудрой и лучшей частью ордена, и, вероятно, так оно и было, поскольку в их число входили архидьяконы Гвадалахары и Талаверы, оба сына герцога дель Инфантадо, и Хуан де Вергара, один из самых выдающихся литераторов того времени, испытавший на себе суровость инквизиции. Это действие вызвало в городе такое волнение, что Королевский совет направил *алькальда де Корте*, который сообщил, что ради мира статут лучше не приводить в исполнение, вследствие чего принц Филипп, в то время управлявший округом Монсон, отдал приказ приостановить его действие до тех пор, пока не будет получено согласие императора. Таким образом, борьба была перенесена при императорском дворе и в Рим. Этот вопрос обсуждался публично в Регламенте, когда заключение было против утверждения, и папа подписал соответствующее распоряжение, но посланник архиепископа Диего де Гусман использовал такие убедительные аргументы, что Павел втайне напомнил об этом самому себе и подписал еще одно распоряжение, 28 мая 1548 года, подтверждающее устав, чтобы каждая сторона могла похвастаться своей поддержкой. Чарльз вернул вопрос на рассмотрение Королевского совета, которому обе стороны представили памятные документы. Об их настроении можно судить по аргументу главы о том, что после того, как так много религиозных организаций приняли исключение, если оппоненты

утверждают, что оно не соответствует Писанию, они явные еретики и должны быть сожжены дотла.

Мемориал Силичео Чарльзу выдержан в том же ключе. Евреям и Conversos приписывается странная смесь пороков — даже немецкие лютеране являются потомками евреев. Вступив во владение своим архиепископством, он обнаружил, что почти все облагодетельствованные священники и те, кто лечил души, были еврейского происхождения, и существовала опасность, что Конверсос полностью завладеет Церковью из-за продажи привилегий в Риме, где в то время находилось пять или шесть тысяч испанцев, большинство из которых были Конверсос, торговавшихся за бенефиции. То же самое было и в других профессиях, где судьи, адвокаты, нотариусы, писцы, сборщики податей и т.д. Были в основном еврейского происхождения, и только они были врачами, хирургами и аптекарями, несмотря на все то, что инквизиция сожгла и сжигала ежедневно; они выбрали эти профессии исключительно с целью убийства христиан — не далее как на днях в Толедо был убит хирург, который всегда подсыпал ядовитый порошок в раны своих пациентов-христиан. Если Карл не подтвердит статут, предполагалось, что Конверсос будут управлять церковью Толедо. Каким бы диким все это нам ни казалось, это дает нам ценное представление о импульсах, которые руководили Испанией в ее отношениях с инопланетными расами в пределах ее границ. Это было унижительное признание того, что их считали людьми превосходящего интеллекта и способностей, чьи ошибки на протяжении поколений превращали их в непримиримых врагов, объект смешанного страха и отвращения; поскольку они не могли сравниться по интеллекту, единственной политикой были грубые репрессии и истребление. [849]

Конечно, Силичео одержал победу. Подтверждение его статута Павлом III было окончательным и рассматривалось как неопровержимое подтверждение необходимости лимпиезы как требования для всех, кто стремился занять положение в Церкви или государстве. [850] Толедо поддерживал это даже против папы римского. В 1573 году венецианский посланник Леонардо Донато сообщает, что он видел, как вся власть сурового Пия V тщетно прилагалась для обеспечения архидиаконата Толедо для его слуги, который не был *Лимпио* и которому в конце концов пришлось довольствоваться передачей сана другому и сохранением солидной пенсии за счет доходов. [851]

Не только в Толедо возможности Conversos наполняли умы верующих ужасными предчувствиями их окончательной победы над угнетателями. Пока Силичео был на работе, инквизиция пыталась обеспечить соблюдение постановления, которым в 1525 году Климент VII исключил их из числа наблюдательных францисканцев. Для Верховного суда его финансовое положение свидетельствовало о том, что необузданная распущенность слабаков еврейского происхождения возобладали до такой степени, что они были избраны генеральными и провинциальными министрами, опекунами, викариями, прокураторами, посетителями и другими должностными лицами, подвергаясь притеснению старых христиан Ордена, которые, таким образом, были отстранены от должности, что вызывало ежедневные скандалы и угрожало худшим. В результате Вальдес приказал опубликовать сводку заново и повсеместно соблюдать ее под страхом суровых наказаний. Вслед за этим генерал ордена Андреас де Инсула пришел в ярость и, предположив, что это было спровоцировано старыми христианскими немощами, пригрозил сурово наказать их. Поэтому Верховный обратился к Юлию III, пересказав все это и

указав на хитрые и беспринципные способы, которыми эта беспокойная раса нарушала покой всех тел, к которым она находила доступ, создавая фракции и стремясь к власти с целью разорения старых христиан, открывая таким образом путь к возвращению к иудаизму и уничтожению христианства. Юлий ответил благосклонно в кратком сообщении от 21 сентября 1550 года, проинструктировав Вальдеса призвать генерала Андреаса и всех, кого это касается, к повиновению указу Климента и предоставив ему все полномочия для принятия решения о судебном преследовании, предложенном с целью защиты старых христиан от растления, используя для этой цели любые порицания, которые могут потребоваться. [852] Это показывает, насколько неукротимыми были Conversos, что подтверждающие документы должны были быть получены от Григория XIII и Сикста V. [853] Еще раз Святой Престол проявил свою непоследовательность, поскольку, когда капитул Севильи в 1565 году обратился к Пию IV с просьбой подтвердить статут лимпьезы, он отказался и осудил испанскую практику как противоречащую закону и как расстраивает церкви. Кардинал Пачеко защищал это и описал зло, творимое евреями, когда Пий яростно набросился на него, сказав, что он поступит так, как сочтет лучшим, и что все испанцы пытаются стать папами. [854]

Когда те, в ком была хоть малейшая примесь еврейской или мавританской крови, таким образом, рассматривались не только как непримиримые враги христианской веры, но и как одаренные выдающимся умом и хитростью, инквизиции стало невозможно считать их пригодными для ее службы. Можно было бы ожидать, что она проявит инициативу, и единственным предметом удивления является то, что она так поздно приняла для себя правило, которое она применяла к другим органам. Дискриминация, возможно, и применялась в особых случаях, но до середины шестнадцатого века не было никаких следов какого-либо систематического использования лимпьезы в качестве теста. Акордадская хартия от 20 июля 1543 года и указ принца Филиппа от 1545 года, касающиеся количества и характера приближенных, умалчивают об этом в качестве оговорки. [855] Первое упоминание об этом, с которым я столкнулся, встречается в поручении, выданном Франсиско Ромео в качестве распорядителя конфискаций в Сарагосе, подписанном 16 апреля 1546 года генеральным инквизитором, но не подписанном членами Верховного суда до 9 июля “, после того, как инквизиторы Арагона установили, что упомянутый Франсиско Ромео лишен свободы ”. .” [856] Шаг вперед виден в инструкциях, изданных Верховной Властью 10 октября того же года, в которых она приказала не принимать никаких знакомых, пока не будет установлено, что он старый христианин. [857] Тем не менее, это было отклонено как общий принцип, поскольку, когда кортесы Монзона в 1547 году пожаловались на то, что мориски были назначены семьями, ответом Верховного Суда было официальное заявление о том, что инквизиция считает способными занимать должности всех, кто был крещен и жил как христианин, за исключением еретиков, отступников или покровителей еретиков. [858]

ПРИНЯТ ИНКВИЗИЦИЕЙ

Это колебание продолжалось. Ряд назначений, последовавших за назначением Ромео, не содержат упоминаний о лимпьезе до 1549 года, когда 8 апреля Вальдес спрашивает инквизиторов Барселоны, обладает ли Херонимо де Торрибос, кандидат на пост управляющего, квалификацией лимпьезы и привычками, необходимыми для должностных лиц, и есть ли что-

нибудь связанное с его женой, что могло бы помешать его назначению. Итак, 8 апреля, когда Мойя де Контерас, инквизитор Сарагосы, предложил нанять комиссаров Крузады, Вальдес решительно отверг это предложение, приведя, среди прочих причин, тот факт, что чиновники Крузады не были “тан лимпиос де сангре”. Тем не менее, в постановлении трибунала Куэнки от 8 октября того же года о реорганизации его подчиненных нет никаких намеков на необходимость лимпьезы. [859]

Эта неопределенность продолжалась еще некоторое время, из чего можно привести дальнейшие примеры, но, казалось, был сделан решающий шаг, когда Филипп в инструкциях от 10 марта 1553 года, касающихся Кастильской Конкордии, предписал, что все приближенные должны быть старыми христианами, и все же в carta acordada от 20 марта по тому же вопросу нет никаких упоминаний о таком условии. [860] Трибуналы, по-видимому, проявили некоторую слабость в приведении своего патронажа в соответствие с новым регламентом. 23 декабря 1560 года Супрема счел необходимым распорядиться, чтобы все фамильяры были женатыми мужчинами и *лимпийцами*. [861] Когда генеральный инквизитор назначал встречу и требовал от инквизиторов заверить в лимпьезе кандидатуру кандидата, они делали это, как следует из заключения комиссии Бернальдо Манципи, помощника нотариуса по секвестрациям в Барселоне в 1561 году, но в том же году инспектор Сервантес сообщил, что они не обратили на это внимания при назначении уполномоченных, консультанты и фамильяры - халатность, которая продолжалась в течение 1568 года, и Верховный был вынужден упрекнуть их за это. [862] Неудивительно, что сам Филипп II в 1565 году издал серию примирительных инструкций в отношении морисков Валенсии, в которых он приказал познакомить их лидеров. [863]

До сих пор, по-видимому, не было принято какой-либо определенной системы проверки наличия лимпьезы. Статут Толедо требовал от претендентов предоставить родословные и внести деньги на покрытие расходов, и это, вероятно, было обычным планом. В 1557 году нам сообщают о Бельтроне Ибаньесе де Арзаменди, назначенном альгуасилем в трибунале Сардинии, что проверка его генеалогии по отцовской линии проводилась в Валенсии, а по материнской - в Калаорре, местах рождения его соответствующих родителей, [864] но, несомненно, многое из этого было поверхностным. Очевидно, считалось, что для установления устоявшейся системы необходимо обратиться к высшей власти, и к Филиппу II обратились за этим. Соответственно, в 1562 году он издал указ, в котором, согласно обычаю, древность считалась новшеством, поскольку в нем говорилось, что с тех пор, как инквизиция была основана в Кастилии и Арагоне, все инквизиторы и должностные лица, назначенные генеральным инквизитором, были обязаны представить генеалогии, подтверждающие отсутствие следов происхождения от евреев или мавров, или от тех, кто был осужден инквизицией. Поэтому король приказал, чтобы все назначенные лица в трибуналах королевств короны Арагона, Наварры и Логроньо представили удовлетворительные доказательства наличия лимпьезы, даже если они могут занимать канонические должности или быть членами орденов, которым требовалась лимпьеза. Более того, женатые мужчины были обязаны представить доказательства наличия лимпьезы у своих жен, а те, кто уже занимал этот пост, должны были быть уволены, если у жены обнаруживался дефект лимпьезы. Эти правила должны были быть закреплены в Инструкциях и неукоснительно соблюдаться. [865] Несомненно, аналогичный приказ был издан для Кастилии, и это высказывание важно как воплощающее первое абсолютное требование доказательств лимпьезы и знаменующее экстравагантное распространение правила на жен.

Эта королевская седула была истолкована как применимая к действующим должностным лицам, и было начато расследование их генеалогий с намерением отсеять, по крайней мере, тех фамильяров, которые не были лимпиосами. После Кастильской Конкордии 1553 года уже было предпринято несколько попыток с этой целью, но без видимого результата, и теперь это было предпринято снова с инструкциями о том, что, если кто-либо из них окажется *Conversos*, они должны быть уволены без объяснения причин. [866] Это была неблагодарная работа как для следователей, так и для того, чтобы расследовать ее самым небрежным образом. Картас Акордадас в 1567 и 1575 годах требовал составления списков тех, кто подвергался расследованию, и тех, кто этого не делал, и, когда дело дошло до принятия мер, обычная нежность, проявляемая к должностным лицам, проявилась в приказах, изданных в 1572 и снова в 1582 годах, согласно которым, если какие-либо должностные лица, комиссары или приближенные будут признаны не соответствующими требуемой квалификации, о них следует доложить Верховному судье, не увольняя их. [867]

ИГНОРИРУЕМЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Как само собой разумеющееся, проверка применялась ко всем новым назначениям, и никто не допускался к должности в инквизиции ни в каком качестве, кто не был свободен от *манчи* еврейской или мавританской крови или наследственного наказания. Даже для временной работы *limpieza* была незаменима. Во время своего посещения Канарских островов в 1574 году инспектор Браво де Зайас выдвинул обвинение против инквизитора Ортиса де Фунеса в назначении должностных лиц без предварительного расследования, поскольку речь шла о двух экстренных назначениях для заполнения временных вакансий, а назначенцами были *монтанцы*, или горцы из северных провинций Испании, где чистота крови была презумпцией, не говоря уже о том факте, что расследование, вероятно, заняло бы год или два. [868] Однако это было всего лишь естественным выражением увлечения, охватившего Испанию. В 1595 году Филипп II в своих инструкциях Манрике де Ларе особенно подчеркивает важность лимпьезы. Расследование относительно этого и относительно привычек должно проводиться с предельной строгостью, и никакие послабления не должны предоставляться. Никакие экзамены не должны проводиться до того, как будет выбран участник, потому что в противном случае, если он не будет назначен по другим причинам, это может быть приписано *манча* и, таким образом, незаслуженный позор падет на весь род. [869] Как ни странно, от самого генерального инквизитора никогда не требовали предоставления доказательств чистоты крови. [870]

К сожалению, в период повального увлечения абсолютной лимпьезой не было установлено ограничений на количество поколений, через которые могла передаваться зараза. Каноническое право, как мы видели, ограничивало инвалидность внуков, и в 1573 году Леонардо Донато описывает это правило как распространяющееся на так называемые четыре четверти, то есть на родителей и четырех бабушек и дедушек, и в этой умеренной форме, по его словам, это было причиной постоянных раздоров и сохранения старых иудаизирующих воспоминаний. [871] В этом, однако, он сильно преуменьшил стремление испанцев к чистоте крови. Мы видели, как корты Кастилии в 1532 году подали прошение о том, чтобы оно было удовлетворено прадедушками, указывая, что оно выходило за рамки этого, и статут Силичео в Толедо не устанавливал никаких ограничений. Каждый орган, это правда, мог предписывать свои собственные правила, но более важные из них отбрасывали все ограничения и отказывали в приеме тем, на ком можно было обнаружить пятно, каким бы отдаленным оно ни было. В 1633

году Эскобар сообщает нам, что среди них были инквизиция, ордена Сантьяго, Алькантары, Калатравы и Святого Иоанна, церковь Толедо и все крупные колледжи и университеты, включая Алькала; все это требовало самого тщательного расследования, чтобы выявить малейшего *манча* самого отдаленного происхождения. [872]

НЕЧИСТОТА, ВОЗНИКАЮЩАЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОКАЯНИЯ

Существовало два источника происхождения, которые вызывали нечистоту крови — от предка любой из запрещенных рас или от того, кто когда-либо был наказан инквизицией. Что касается первого, то граница была подведена после массовых убийств евреев в 1391 году и насильственных крещений мавров в начале шестнадцатого века. Добровольные новообращенные до этих периодов принимались как старые христиане, последующие считались новообращенными поневоле и рассматривались как новые христиане вместе со своими потомками, независимо от того, насколько ревностно они приняли христианскую веру. Распространенность смешанных браков с конверсос на протяжении XV века привела к бесконечным последствиям по всей стране на протяжении поколений, и примерно в 1560 году кардинал Мендоса-и-Бобадилья, очевидно, тронутый какой-то дискуссией о лимпьеze, составил и подарил Филиппу II мемориал, в котором он показал, что практически во всей знати Кастилии и Арагона была течь еврейская кровь. [873] Не было недостатка в материалах для отслеживания распространения этой крови по земле. В Арагоне Хуан де Анчиас, ревностный секретарь первого трибунала Сарагосы, составил то, что было известно как *Libro Verde de Aragon*, указав принадлежность всех ведущих Конверсос, которые пострадали, чтобы служить маяком для всех, кто хотел избежать заражения. В Кастилии не было такого авторитетного издания, но в отчетах судебных инстанций накопилось достаточно материала, а санбенитос расслабленных и примирившихся, вывешенные в приходских церквях, сохранили память о страдальцах зеленой, к смущению их потомков. Многие люди, движимые рвением или злобой, на основе этих и других источников, с большей или меньшей точностью, и включая многое из того, что было просто досужими слухами, составили книги, которые распространялись под названием *Libros verde* или *del Becerro*. Никто из высшего или среднего класса, за исключением жителей отдаленных горных районов Севера и Востока, не мог быть уверен, что расследование не выявит какой-нибудь неудачный *мезальянс* далекого предка. На самом деле, чувствовать себя в безопасности могли только те, чья безвестность исключала какие-либо длительные исследования их родословной. Как отмечает автор, в 1629 году, если бы не лимпьеze, инквизиция могла бы отобрать лучших людей в фамильяры вместо низкороджденных, чье невежество позволяет им успешно сдавать экзамены. [874]

Второй источник нечистоты — происхождение от лица, наказанного инквизицией, — первоначально применялся только к тем, кто понес более суровые наказания в виде послабления или примирения, но ничто не могло остановить скрупулезность экзаменаторов, которые работали тайно, и они стали рассматривать любую епитимью, наложенную Святой Канцелярией, как наложение несмываемого клейма на потомков. Результаты этого убедительно описаны в мемориале, подаренном в 1631 году Филиппу IV доктором Диего де Сильва, членом Suprema. Упомянув о значительно возросшей строгости расследования, начавшейся в последние годы правления Филиппа II, он переходит к изложению еще одного источника неправды, который может заметить только тот, кто обращался с документами инквизиции, и который не следует упоминать открыто. В отличие от безупречной справедливости и великодушия, которые он приписывает существующим трибуналам, разбирательства в более

ранний период были поспешными и жестокими; многие, спасая свои жизни, делали признания, которые, возможно, были беспочвенными; примирение целых округов было скорее духовным, чем судебным процессом; в тот опасный период неосторожные слова и предложения вызывали подозрения, и людей судили и увольняли с какой-нибудь тривиальной епитимьей — несколькими мессами, раздачей милостыни или легким голоданием — за преступления, действительно относящиеся к внешнему форуму. Тем не менее, все это были приговоры, и, поскольку с тех пор появилось правило, требующее использования лимпьезы с незапамятных времен, целые семьи покрыты позором. [875] Поскольку, фактически, со времен Реформации инквизиция становилась все более требовательной и налагала на старых христиан бесчисленные епитимьи за неосторожные слова, легко представить, как это строгое определение лимпиезы распространило инфекцию по всей стране, даже за пределами тех, в ком была капля еврейской или мавританской крови.

Эти пороки усугублялись той вольностью, с которой в ходе следствия допускались неблагоприятные показания. Анонимные сообщения были получены, и по ним были приняты меры, поскольку, хотя это было запрещено законом и папскими указами, ими обычно пренебрегали. [876] В указе Филиппа IV от 1623 года, призванном обуздать некоторые пороки, было приказано не придавать значения праздным разговорам, но рассеянность, с которой Эскобар в своем комментарии к этому разделу останавливается на бесполезном характере скандалов, досужих сплетен и гневных слов, произносимых во время ссор, показывает, насколько широко такие доказательства использовались в выводах достигнут. Общей славы или реноме, говорит он нам, достаточно, даже если основания для этого неизвестны, а чистота или нечистота крови по большей части является предметом общей славы и веры. [877] То, что это было так, видно из тщательно разработанной серии инструкций по проведению подобных расследований, где фискалов предупреждают, что подобным выражениям мнения следует придавать большое значение, даже если свидетель не может представить никаких доказательств, кроме того, что он слышал это от старших. [878] Путь, таким образом открытый злокачественному для удовлетворения ненависти, рассматривается автором слишком настойчиво, чтобы мы могли усомниться в частоте, с которой он использовался.

ПРОЦЕДУРА РАССЛЕДОВАНИЯ

Этому способствовала секретность, которой были окутаны эти расследования. Заявитель представил свою генеалогию, назвал своих свидетелей и стал ожидать событий. Процесс в лучшем случае был преднамеренным, и, если результат оказывался неблагоприятным, ответ так и не приходил, хотя неспособность договориться о встрече могла быть вызвана любой другой причиной. Как говорит доктор Сильва, молчание и таинственный авторитет инквизиции не дадут заявителю ни малейшего проблеска света даже через двадцать лет ожидания, хотя тем временем укрепляется мнение, что его семья нечиста, а он не в состоянии опровергнуть или расследовать это, и, таким образом, страдает вся родословная со всеми ее родственниками. [879] Представление о вызванных таким образом тревогах дает консультация генерального инквизитора королю от 26 февраля 1634 г. в отношении меморандума маркиза Наварреса с просьбой о скорейшем принятии решения в отношении его сына, дона Франсиско Гурреа-и-Борхи, который представил свои доказательства для назначения столь же знакомого, поскольку задержка наносит ущерб его репутации. Генеральный инквизитор докладывает королю, что заключение не было достигнуто; возможно, королю будет угодно принять это решение, поскольку маркиз долгое время настаивал на рассмотрении этого дела в суде, и задержка

навлекла на него страдания и позор. [880] Напряжение, охватившее всех сородичей, когда один из их членов решил пройти испытание, видно из письма Фернандо, архиепископа Куско, своему племяннику, Коронелю Хасинто де Вера, от 1636 года, когда он узнал, что собирается подать заявление о приеме в один из военных орденов. Он дает ему советы и информацию, и это показалось ему настолько важным, что он сделал семь копий для пересылки разными маршрутами и судами, а другой член семьи написал Хасинто, убедительно предупредив его, чтобы он никому, кроме него, не попадался на глаза письмо архиепископа. [881]

В соответствии с процедурой, принятой инквизицией для проведения подобных расследований, заявитель представил свою генеалогию и, если он женат, генеалогию своей жены, указав имена и места жительства родителей, бабушек и дедушек. Если тщательный поиск по реестрам, по именам и районам, выявил фатальную ошибку, этого, конечно, было достаточно. В противном случае из трибунала высылались комиссары или секретари с нотариусами, или ближайшим комиссарам приказывалось отправиться по местам жительства, где в качестве свидетелей вызывались от восьми до двенадцати самых престарелых старых христиан с хорошей репутацией, с предосторожностями, чтобы заинтересованные стороны не узнали, кого вызывали. Свидетели были допрошены под присягой в ходе серии печатных допросов относительно их осведомленности о сторонах, происходили ли они от конверсос или от кающихся, каковы были источники информации и была ли она общеизвестной. Ответы были должным образом записаны и заверены. Если речь шла о наемных чиновниках или семьях, результаты проверки передавались в Suprema, куда также передавались сомнительные вопросы и голосования в discordia. [882] В более совершенной форме, известной как *новый орден*, использовавшийся в семнадцатом веке, были приняты строгие дополнительные меры предосторожности, чтобы предотвратить недостаточное соблюдение тайны официальными лицами, которое, как предполагалось, удерживало свидетелей от дачи неблагоприятных показаний. Согласно хартии акордада от 22 января 1628 года, за это грозило отлучение от церкви и лишение должности, и, согласно последующим постановлениям, всем заинтересованным лицам было запрещено, под страхом строгих наказаний, раскрывать кому бы то ни было, даже министру инквизиции, любые изъятые доказательства, или бумаги, или отчеты, или даже имя свидетеля, так что заявитель должен был оставаться в полном неведении о ходе его дела. [883]

Уполномоченные были наделены всеми полномочиями вызывать свидетелей, проверять санбенитосы, подвешенные в церквях, и требовать любые документы, касающиеся вопросов, которые могли возникнуть, независимо от того, находились ли они в частных руках или в государственных архивах, и, по своему усмотрению, снимать копии или уносить оригиналы, владельцам которых было сказано, что если они хотят их вернуть, они могут обратиться в трибунал. Если свидетель отсутствовал, повестка о явке в суд оставлялась у приходского священника, который должен был вручить ему повестку, когда он вернется. [884] Очевидно, что никакие семейные записи не были слишком священными, чтобы избежать этих тщательных расследований.

РАСХОДЫ

Все это, конечно, было связано с расходами, и гонорары, полученные чиновниками за работу, служили желанным источником дохода. В 1625 году оплата труда нотариусов или секретарей была установлена в размере *суточных* в размере шестнадцати реалов. [885] Впоследствии этот

вопрос был поднят, поскольку в 1665 году отчет о расходах по делу доктора Мартина Ройга, претендента на должность консультанта в Валенсии, показывает, что секретарю платили 30 суэльдо в день, а местному комиссару - 20. Это была только часть затрат, ибо за каждое действие, за каждый заполненный бланк, за каждый написанный текст взималась отдельная плата. Счет, выставленный ему и его жене в Барселоне за эту неоплачиваемую должность, составил 955 $\frac{2}{3}$ суэльдо, и это было только начало. Аналогичные исследования потребовались в трибуналах Валенсии и Куэнки, что, должно быть, обошлось еще дороже, поскольку отчет Барселоны занимал всего двадцать три листа, в то время как отчет Валенсии - девяносто один, а против его сына Висенте - сто восемь. Два года спустя, в 1667 году, дело все еще тянулось. [886] Это была большая цена за честь неоплачиваемой должности, даже если он добивался успеха. Эти поборы множились настолько часто, насколько это было возможно. В 1661 году Хуан Темпрадо Муньос представил свои доказательства в качестве получателя в суде Мурсии, и, конечно, в их число входила его жена, но когда в 1667 году их сын Хуан Темпрадо де Серенья пожелал занять должность в суде Барселоны, ему пришлось заново пройти тот же процесс, когда одно только изучение реестров Барселоны обошлось ему в 546 суэльдо. В дополнение к этому необходимо было изучить реестры Куэнки и Валенсии и собрать доказательства в доме его предков. Случилось это в Руссильоне, который теперь был французской территорией; между нациями шла война, и даже в мирное время Франция отказывала во въезде чиновникам инквизиции, поэтому была придумана хитроумная формальность - послать комиссара на границу и допросить там необходимое количество стариков в качестве свидетелей. Улики, конечно, были бесполезны, но все равно они накапливались в *суточных*. [887] Со временем эта *суточная* для секретаря была увеличена до 50 реалов, и из одного или двух случаев в 1815 году выясняется, что это была льгота, которую секретари получали по очереди, и, когда нанимался ближайший к месту экзамена комиссар, это не наносило ущерба секретарю — то есть, комиссар, выполнявший работу, получал 30 реалов в день. , в то время как секретарша взяла остальные 20. [888]

Чтобы обеспечить уплату этих пошлин, от заявителя требовалось, когда он представлял свою генеалогию, внести задаток, первоначально в размере 300 реалов. По мере роста бизнеса стало очевидно, что необходимо вести отдельный фонд и отдельные счета для этих денег, и в 1600 году было приказано выделить специальный сундук с двумя ключами, один из которых был доверен финансовому служащему, а другой - секретарю. Вкрались злоупотребления, эффективно описанные в меморандуме Верховной власти от 1623 года, в качестве средства правовой защиты для которых было создано новое должностное лицо, известное как *Депозитарио де лос Претендиентес*, который получал и учитывал депозиты, взимая два процента. о суммах, проходящих через его руки. Это он перечислял Верховному, поскольку его должность оплачивалась, и он был избавлен от соблазна получения льгот. Офис был одним из тех, что выставались на продажу на три или четыре жизни при Сотомайоре. [889]

Все это дело было провокацией мошенничества, лжесвидетельства и взяточничества. Несмотря на благонамеренные усилия инквизиции по сохранению строжайшей тайны, авторы того периода слишком единодушны в осуждении успеха врагов в обличении тех, кого они ненавидели, чтобы мы сомневались в том, что были найдены средства выяснить, что было под рукой, и злоупотребили предоставленной возможностью. Для заявителей ставка была слишком велика, чтобы они могли отказаться от любых средств, обещающих успех. В протоколах судебных разбирательств нередко случаи дачи ложных показаний в делах лимпьеzy,

свидетельствующие о том, что претенденты не упускали случая дать показания, подтверждающие мошеннические утверждения.

ФАЛЬШИВЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Хотя в 1560 году Вальдес гуманно распорядился, чтобы потомки кающихся, совершивших лжесвидетельство при составлении заявлений о лимпьеze, не подвергались судебному преследованию, эта политика изменилась в 1577 году, когда они были подвергнуты судебному преследованию, а в 1582 году был принят экономный план наложения денежной епитимьи. [890] Это оказалось выгодным, поскольку виновных было много, не только среди претендентов на должность, но и потому, что лимпьеza была необходима во многих карьерах, и инквизиция принимала к сведению все случаи лжесвидетельства по этому делу, независимо от того, касалось оно расследования или нет. Так, в 1585 году Бернардино де Торрес, видный гражданин Толедо, имел возможность в судебном процессе доказать свое благородство и чистоту крови, что он и сделал при нескольких свидетелях. В своих материалах трибунал располагал доказательствами того, что как со стороны отца, так и со стороны матери он происходил от Конверсосу, который был наказан, и он незамедлительно привлечен к ответственности как его, так и его свидетелей. Среди них был регидор Толедо Диего де Парад, который также присягнул своей собственной лимпьеze, хотя записи показывают, что он происходил из ресисилиадос в благодатное время. Всего было представлено шестнадцать свидетелей, преклонный возраст большинства из них свидетельствует о том, что старики находили выгодное занятие в свидетельствовании своих воспоминаний. Сам Бернардино был оштрафован на пятьдесят тысяч мараведи. Многие свидетели были уволены с пожизненной нетрудоспособностью для дачи показаний по таким делам, но с остальных было взыскано сто тридцать шесть тысяч мараведи. В то же время можно упомянуть несколько других случаев в Толедо, чтобы показать различные мотивы, побуждающие людей к этим махинациям. Херонимо де Вильярреаль хотел поместить свою дочь в монастырь, где требовалась лимпьеza. Лицензиат Антонио де Ольвера собирался эмигрировать в колонии и хотел защитить себя от оскорблений. У Эрнандо де Вильярреала был сын, который предлагал принимать заказы, и еще один, который стремился получить место знакомого. Записи показали, что они происходили от бабушек и дедушек или прадедушек и прабабушек, которые были сожжены или помирились, и они были должным образом наказаны. [891] Зараза распространялась с каждым новым поколением, и значительная часть населения была сильно искалечена в жизни.

Если имели место частые случаи лжесвидетельства и подкупа свидетелей, не следует предполагать, что искатели лимпьеzy колебались перед подкупом должностных лиц, которые распоряжались их судьбами, равно как и неразумно предполагать, что многие из последних были доступны для подкупа. Возможности были заманчивыми, и ими свободно пользовались. Опытный писатель в 1648 году описывает это как самое хлопотное дело в трибуналах, приводящее к ссорам, которые, как он намекает, возникали между теми, кто честно пытался выполнить свой долг, и теми, кто был подкуплен. Фискалу напоминают, что он должен быть тверд как камень против любых попыток передать генеалогию, в которой есть изъян, поскольку претенденты искушают чиновников, между ними существует сговор и следует ожидать подделки документов. По его словам, главная причина, по которой ищут комиссионеров, заключается в открывающихся таким образом возможностях, и в письме в Толедо он заявляет, что все комиссионеры и нотариусы, прикрепленные к этому трибуналу, ненадежны и продажны. [892]

Было естественно, что зло, которым этот абсурдный культ лимпъезы поразил страну, вызвало противодействие и вызвало предложения по смягчению ее тягот. Самым ранним писателем, осмелившимся публично призвать к реформе, по-видимому, был фрай Агустин Салучио, выдающийся доминиканский богослов. В 1599 году он опубликовал краткий трактат, в котором указывал, что практически все испанцы на протяжении веков заражались той или иной более или менее бесконечно малой примесью крови и что, если исследования не будут ограничены каким-то умеренным периодом, например, сотней лет, только низшие сословия, чьи генеалогии невозможно отследить, смогут избежать последствий. Он сообщает нам, что и Пий V, и Григорий XIII составили сводки, предписывающие узкие рамки для этих расследований, но когда они сообщили о своих планах Филиппу II, возникли дискуссии относительно срока, которые оказались настолько затяжными, что сводки так и не были опубликованы. Сам Филипп убедился в необходимости некоторых ограничений и ближе к концу своего правления собрал хунту, включая генерального инквизитора Портокарреро (1596-1599), которая единогласно согласилась на столетний срок, но смерть Филиппа привела к тому, что проект был свернут. Трактат Салучио был быстро запрещен Филиппом III, но в 1637 году он был перепечатан фразом Херонимо де ла Крусом с подробным опровержением. Тем не менее, хотя он с негодованием отрицал клевету на лимпиезу нации, он полностью осознавал страдания, вызванные нынешней практикой, и настаивал на ограничении времени, установив 1492 год, год изгнания евреев. [893]

ПОПЫТКА РЕФОРМЫ

Наконец, в прагматике от 10 февраля 1623 года Филипп IV был вынужден предпринять попытку некоторого улучшения существующих условий. Анонимным сообщениям не должно было уделяться внимания, и для утверждения о наказании, назначенном инквизицией, требовалась точность в отношении дат и лиц. Свидетелям было запрещено давать показания относительно распространенных слухов, если они не могли указать причины и детали. Некоторые суды, особенно коллегии, были настолько строгими, что требовали не только доказательств наличия лимпъезы, но и того, чтобы не было высказано никаких сомнений, в результате чего многие семьи были несправедливо опорочены из-за злого умысла, столь частого в этих делах, и все это было запрещено на будущее. Важный пункт указывал на то, что в первые дни люди иногда признавались в делах, относительно которых не было других доказательств, и такие признания, не подкрепленные внешними доказательствами, не должны были наносить ущерб их потомкам. Практика многих лиц по составлению книг под названием “Libros verdes ó del Vescerro”, сфабрикованных не более чем с их собственной злобой, была осуждена, потому что они нанесли непоправимый вред, несправедливость и нарушили общественный порядок, поскольку многие люди давали показания, основанные только на том, что они читали такие книги. Поэтому любому, у кого были книги или бумаги, ставящие под сомнение лимпъезу или благородство других, было приказано сжечь их под страхом штрафа в пятьсот дукатов и двух лет ссылки. Затем, чтобы установить некоторый предел увеличению числа расследований, было постановлено, что в случае принятия “tres actos positivos” — трех положительных решений, подтверждающих лимпъезу или дворянство, — это должно считаться доказанным и урегулированным делом для вовлеченной стороны и его прямых потомков, которое впоследствии не подлежит сомнению, при условии, что решения были приняты с полным

знанием дела надлежащими трибуналами, которыми были определены инквизиция, Совет военных орденов, Орден Святого Иоанна, четыре главных колледжа Саламанки, два главных колледжа о Вальядолиде, Алькале и Толедской церкви. [894]

Учитывая острое восприятие существующего зла, отраженное в преамбуле к закону, введенные незначительные ограничения демонстрируют силу предрассудков, которые необходимо преодолеть. Какими бы незначительными они ни были, инквизиция и Совет военных орденов, номинально приняв закон, энергично приступили к аннулированию положения закона о положительном поведении.....Автор в 1629 году сообщает нам, что им удалось потребовать регулярных расследований, несмотря на составление трех актов; они также считали, что они касались только родителей, бабушек и дедушек и что они были окончательными только в отношении статей, охватываемых ими, а не в отношении новых моментов, которые потребовали бы новых экспертиз, и, таким образом, гонорары должностных лиц и тревоги заявителей остались неизменными. [895] Что касается характера полученных показаний, секретность процедуры делает правдоподобным утверждение Эскобара в его комментарии к закону о том, что улучшения практически не было. Примерно в 1645 году в постановлении Верховного суда было несколько смягчено, что, когда заявитель может доказать *положительный результат*, нет необходимости настаивать на расследовании в отношении его прабабушки и дедушки. Несколько приостановленным было другое правило, обнародованное в 1639 году, требующее представления Верховной Раде дел более чем столетней давности, прежде чем отклонять ходатайство, но оно было отменено в 1654 году. [896]

Тщетность системы и ее пагубное влияние убедительно изложены автором 1629 года, который говорит нам, что те, кто лучше всего преуспевает в своих доказательствах, - это бедные крестьяне, чьи бабушки и дедушки были забыты, и знатные люди, против которых никто не осмеливается свидетельствовать. Больше всего страдают представители низшей знати и джентльмены - слишком заметные, чтобы их происхождение не было известно, и слишком бессильные, чтобы исключить нежелательных свидетелей. Всем известно, что тот, у кого есть друзья, добивается успеха, а тот, у кого есть враги, терпит неудачу, независимо от истины, и, таким образом, законы полностью не достигают своей цели. Этому способствует секретность, позволяющая врагу выдвигать ложных свидетелей, а сообщнику - подкупать и выдвигать лжесвидетельские показания, так что общеизвестно, что ни в одной другой категории дел результаты не бывают столь ошибочными. Таким образом, было создано своего рода искусственное дворянство — лимпьеца, — владельцы которого с презрением смотрят на старую знать страны.

ЗЛО

Еще одним масштабным злом является ужасающая трата денег. Тот, кто преуспевает, заплатив своим агентам за вещи, слишком скандальные, чтобы их описывать, оказывается без гроша в кармане, а у того, кто терпит неудачу, не остается достаточно денег, чтобы предпринять еще одну попытку; его доказательства уничтожаются, и он слоняется по двору, трата впустую свою жизнь и, возможно, жизнь своего отца и сыновей, и все это под запретом быть печально известным — он и его последнее потомство.

Ущерб человеческой чести невероятен, а также королевству, поскольку незнакомцы называют нас всех марранами. Более того, те, чьи таланты могли бы сослужить большую службу государству и Церкви, потеряны для нас, ибо у них нет уверенности, чтобы стремиться поступить в колледж, и то, чем может рискнуть и чего добиться низкопробный сапожник, благородные и амбициозные терпят неудачу, потому что в их жилах может быть хоть одна капля испорченной крови. Это также одна из причин депопуляции, поскольку женщины уходят в женские монастыри, а мужчины соблюдают целибат, чтобы не навлекать позора на потомков, в то время как большое количество людей эмигрирует. Помимо всего этого, существует ненависть, возникающая из-за неблагоприятных показаний и бесконечного подкупа, сговора и лжесвидетельства, так что у сатаны нет большего источника завоевания душ. Это не требуется для архиепископа Толедского, но на этом настаивает бидл его кафедрального собора; это требуется не для генерального инквизитора, а для посланника трибунала; не для президента Кастилии, а для фамильяра или поставщика колледжа. [897]

Это не преувеличение, поскольку это всего лишь подробное изложение преамбулы "прагматики" 1623 года, что полностью подтверждается Эскобаром в его комментарии к закону. [898] О том, что на самом деле это было убеждением всех трезвомыслящих людей того времени, можно судить по решительному свидетельству отца Бенито де Пеньялосы, хотя он и не осмеливается предложить более радикальное средство, чем ограничение действия нечистой крови пятью поколениями. [899]

Последствия этого запрета были многообразны. Еще в 1575 году Лоренцо Приули, венецианский посланник, описывал потомков Конверсос как живущих подобно другим добрым христианам и являющихся одними из самых богатых и благородных людей страны, но при этом постоянно лишенных почестей и занятий, которые были мечтой каждого испанца, — зла, которое возрастало с каждым днем. Таким образом, Испания, будучи полна недовольных и разделенная сама по себе, можно было бы опасаться какого-либо восстания, если бы не суровое исполнение правосудия и присутствие короля. В 1598 году Агостино Нани повторяет утверждение — потомки всех, кто когда-либо был наказан инквизицией, живут в состоянии отчаяния, поскольку до третьего и четвертого поколения они считаются позорными и неспособными занимать какие-либо должности в Церкви или государстве. [900] Наваррете без колебаний предполагает, что, если бы не исключение из общественной жизни всех, кроме старых христиан чистейшего происхождения, фатальной необходимости изгнания морисков можно было бы избежать: они могли бы быть обращены в христианство, если бы их не довела до отчаяния и ненависти к религии несмываемая печать позора, которой они были подвергнуты. [901]

Фактически, уставы лимпьезы создали касту париев, которые заражали всех, с кем они могли заключить союз, но эту касту нельзя было узнать по внешним признакам, и никто не мог сказать, какое порчу крови он может навлечь на свою семью любым браком, который он мог заключить. Как говорит Фрай Салуцио, никто, вступая в законный брак, не мог проводить расследования, требуемые колледжами и военными орденами. Таким образом, инфекция постоянно распространялась; каждый человек стоял на mine, которая могла взорваться в любой момент, когда какой-нибудь его дальний родственник или жена могли спровоцировать расследование, в ходе которого могло быть обнаружено пятно в общей линии предков. Когда мы вспоминаем историю Конверсос до шестнадцатого века и масштабные операции ранней инквизиции, мы можем представить, как это несмываемое пятно, должно быть, распространилось по всему

обществу, чтобы проявиться в любой момент в самых неожиданных местах. [902] Писатель 1668 года отражает популярное предубеждение, когда сравнивает брак с мужчиной, отец которого был наказан инквизицией, со сном в постели, полной вшей, или на простынях, которыми пользовался тот, у кого чесотка. [903]

ЭФФЕКТЫ

Другим результатом стало значительное усиление авторитета инквизиции и террора, который она сеяла вокруг себя, благодаря тому факту, что одним словом она могла навлечь этот бессмертный позор на родословную. Быть арестованным и брошенным в секретную тюрьму, даже без причины, было достаточно. В 1601 году Филипп III, приказывая инквизиции предоставлять Совету военных орденов полную информацию о любом человеке, когда к нему обратятся, потребовал, чтобы отчет включал не только тюремное заключение предка, впоследствии оправданного, но даже факт обвинения, которое так и не было обжаловано. [904] Легко понять, что даже призыв явиться по делу, не связанному с верой, был остро осущитим всем сородичем. В долгой борьбе в Бильбао за *визитас де навиоскоррехидор* Мендьета принял активное участие против комиссара Легуины, который, чтобы заставить его замолчать, вызвал на него трибунал Логроньо. Это вызвало сильное волнение, и сеньорио Бискайи отправил его в сопровождении двух кабальеро. Когда он потребовал сообщить выдвинутые против него обвинения, таковых не последовало, и он был уволен. Дело было расценено как настолько серьезное, что Государственный совет представил королеве-регентше консультацию в октябре 1668 года, в которой говорилось, что ссылка может привести к позору его семьи и потомства, и предлагалось найти для него какое-то облегчение. [905]

Все это имеет первостепенное значение для оценки великодушия и милосердия, которыми постоянно хвасталась инквизиция. Вынесенные приговоры часто могут показаться нам тривиальными, но епитимья была наименьшей частью наказания. Вильянуэва, как мы видели, был приговорен всего лишь к отречению от престола по легкому подозрению в ереси и к отсутствию в Мадриде на несколько лет, но это наложило позор на всю его родню; он и его потомки попали в класс париев и не могли заключить союз вне этой касты; из поколения в поколение они были заклеены неизгладимым клеймом. По сравнению с испанскими *пандонорами* эшафот был милосерден. Милосердия инквизиции следовало опасаться больше, чем суровости других судов, и людям следовало остерегаться навлекать на себя вражду тех, кто мог по своему усмотрению обречь их и их потомство на позор.

Тест на лимпьеzu пережил Революцию, и чистота крови была столь же важна при Реставрации, как и при старой монархии, но жесткость была несколько ослаблена. Таким образом, если муж и жена доказывали свое отцовство, этого было достаточно для их детей, требовалось только юридическое свидетельство о крещении, и точно так же доказательства, представленные одним братом, отвечали за другого в том случае, если он предоставлял доказательства их общего отцовства. [906] Назначенцам также было разрешено на пару лет представить свои доказательства, и есть даже случай, когда секретари были допущены без доказательств, но с предупреждением, что это больше не будет разрешено. [907] В условиях крайней бедности того времени Suprema для своей собственной выгоды взимала плату в размере 60 реалов за каждое расследование, которую получатели должны были собирать и перечислять ежегодно. [908] Он также получал эти два процента. взимался *депозитарием претендентов*, и одним из его

последних актов было подтверждение 10 февраля 1820 года 360 реалов, переведенных депозитарием Севильи, что показало бы, что через его руки прошло 18 000 реалов. [909] Та часть бизнеса, которая перешла к Супреме, была невелика. Его первое свидетельство датировано 3 января 1816 года, а последнее - 4 января 1820 года, и всего их всего сто восемь. [910] Из этих свидетельств следует, что расследование было не более чем формальностью.

Спрос на лимпьеzu пережил инквизицию, хотя после ее закрытия нелегко предположить, где можно было найти какие-либо серьезные доказательства. До 1859 года это все еще было необходимо для поступления в кадетский корпус, но в 1860 году корты единогласно отменили это пережиток предрассудков и нетерпимости. [911]

МАЙОРКА

Тем не менее, в Испании все еще есть уголок, где этот предрассудок доказал свое превосходство над законом. Позже у нас будет возможность сослаться на ужасные преследования иудействующих новых христиан Майорки в 1679 и 1691 годах. Падре Франсиско Гарау, S. J., который сразу же напечатал восторженный отчет о четырех аутодафе, отпразднованных в прошлом году, сообщает нам, что потомки Конверсосо образовали сообщество примерно из двухсот семей, живущих тесно друг к другу на улице и отдельно от остального населения, поскольку между ними и старыми христианами никогда не было смешанных браков. Люди называли их евреями, и, когда они пожаловались на это, быстро придумали оскорбительное прозвище, и их стали называть *чуэтами*, намекая на то, что они избегают свинины. Им не разрешалось занимать государственные должности, хотя богатые и влиятельные из них прилагали огромные усилия при поддержке правительства. Такое же запрещение применялось к гильдиям и братствам, особенно к хирургам, кондитерам, изготовителям свечей, бакалейщикам и шелкоткачам, так что практически все они были торговцами. [912] Таким образом, была заложена прочная основа закоренелых предрассудков, которые были вызваны в 1755 году злонамеренной перепечаткой книги отца Гарау, за которой последовало распространение списков, представленных секретарем трибунала, всех *Conversos*, наказанных инквизицией, включая все семьи еврейского происхождения. Это вызвало всплеск неприязни, и Карлосу III была подана жалоба, который ответил седудами от 10 декабря 1782 г., 9 октября 1785 г. и 18 апреля 1788 г., приказав, чтобы им не мешали проживать в какой-либо части Пальмы или островов, чтобы входные ворота на *калле* были разрушены, и чтобы оскорбления или обзывание их евреями или *чуэтами* наказывались четырьмя годами тюремного заключения. Они были признаны годными к службе в армии, флоте или любом другом ведомстве и свободными заниматься всеми искусствами и профессиями, и все это было распространено на потомков Конверсосо по всей Испании. [913]

Однако даже самодержавный монарх не смог преодолеть столь глубоко укоренившиеся предрассудки. Церковь и государство на Майорке яростно выступали против обращения к трону, и им удалось отложить принятие мер на десять лет. В 1776 году университет восстановил свой статут лимпьеzu и закрыл свои двери для запрещенных классов. Когда появились королевские указы, они вызвали ожесточенное сопротивление со стороны муниципальных властей, которые решили не уступать. Постепенно облегчение принесла сила событий, а не рост терпимости. В 1808 году, когда нация восстала против французов, они были приняты на

военную службу, но когда местные рекруты были отправлены на материк, произошел мятеж, в результате которого *баррио дель Сегель* был разграблен.

После реакции Реставрации, во время революции 1820 года, они были зачислены в Национальную гвардию, но когда произошла контрреволюция 1823 года, они были разоружены, а чернь быстро разграбила их дома и развела костры из того, что было слишком громоздким, чтобы его можно было украсть. После смерти Фернандо VII насильственный конституционализм правительства Кристины практически восстановил их в гражданстве и военной службе, и постепенное их отстранение от гражданских должностей исчезло.

Однако народное неприятие не могло быть преодолено законом. Это было возобновлено в 1856 году иском, поданным с целью установления их права на членство в *Círculo Balear*, или Балеарском клубе, что привело к переизданию основных частей книги отца Гарая. На это в 1858 году ответил Томас Бертран Солер, от которого мы узнаем, что новые христиане все еще были исключены из христианского общества и продолжали проживать на улице; им было отказано во всех государственных должностях и приеме в гильдии и братства, так что они были ограничены торговлей; они были вынуждены вступать в браки между собой, поскольку никто не хотел заключать с ними союз, а церковные власти не выдавали разрешений на смешанные браки. С тех пор народные предрассудки несколько ослабли, но последний доступный взгляд на ситуацию, сделанный в 1877 году падре Таронджи, священником из запрещенного класса, представляет духовенство как все еще упрямо невосприимчивое ко всем идеям распространения братства на своих единоверцев и как усердно раздувающее угасающие угли классовой ненависти, основанной на событиях двухсотлетней давности. [914]

Мудрые государственные деятели Испании стремились бы к объединению рас в пределах своих границ. Вместо этого во имя религии поощрялась расовая ненависть, что привело к плачевным результатам, зафиксированным в истории Испании.

КНИГА V.

РЕСУРСЫ.

ГЛАВА I.

КОНФИСКАЦИЯ.

КОГДА инквизиция была учреждена, ожидалось, что она станет не только самоподдерживающимся учреждением, но и источником прибыли. В какой степени предвкушение наживы за счет захвата имущества их подданных могло повлиять на Фердинанда и Изабеллу, принявших этот метод отстаивания веры, сейчас было бы бесполезно выяснять, но они отказались разрешить какой-либо раздел добычи, как в старой папской инквизиции Италии. Они принадлежали короне, и когда в 1480 году в Севилью были отправлены первые инквизиторы, их сопровождал распорядитель конфискаций — королевский чиновник, назначение которого показывает, каковы были ожидания. И все же поддержка инквизиции должна была исходить из результатов ее трудов; основой ее финансов были конфискации, и использование ею своих полномочий в этом отношении, будь то для ее собственной выгоды или для выгоды суверена, оказало столь большое влияние на процветание Испании, что требует

несколько тщательного изучения. Грабежи в таких масштабах, неослабно продолжавшиеся почти три столетия, ложились огромным бременем на производительность труда наиболее трудолюбивого класса населения. В начале очень большая часть доступных богатств Испании находилась в руках евреев и конверсос. В результате изгнания первых и судебного преследования последних они были лишены этого. Удивительное упорство Новых христиан, их неутомимая активность и деловые способности постоянно заставляли их заниматься приобретениями, которые продолжали приносить пользу преследованиям и способствовали поддержанию института, который с таким же упорством трудился над их уничтожением. Было бы не совсем верно утверждать, что исчерпание возможностей конфискаций стало причиной инертности последующих десятилетий инквизиции, но это, несомненно, было способствующим фактором.

Жестокость конфискации была равна ее эффективности. Лишить человека, возможно, преклонных лет, результатов труда всей жизни и оставить его жену и детей без гроша в кармане на улице было суровым наказанием, которое делало сохранение его жизни сомнительным милосердием, и не без оснований законники считали это равносильным смертной казни. [915] Для преследователя это была рекомендация, помимо ее финансовых преимуществ, и мы можем легко понять, почему она выполнялась с такой безжалостной настойчивостью.

Конфискация как наказание за преступление была слишком устоявшимся принципом имперской юриспруденции, чтобы какой-либо юрист мог подвергнуть сомнению ее уместность. Поскольку ересь считалась изменой Богу, более отвратительной, чем измена земному князю, Церковь, естественно, приняла ее, как только в двенадцатом веке преследования стали систематическими. В 1163 году Александр III на Турском соборе приказал всем властителям хватать еретиков и конфисковывать их имущество, а Луций III в своем веронском указе от 1184 года попытался обратить это в пользу Церкви. [916] Согласно римскому закону о государственной измене, имущество предателя конфисковывалось с момента, когда он впервые задумал свое преступление, и это применялось к еретику, самым ранним актом ереси которого была дата, с которой *fisc* предъявил права на его имущество — положение, имеющее большое значение для урегулирования долгов.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В Арагоне с введением инквизиции в XIII веке конфискация за ересь стала само собой разумеющимся делом. В Кастилии более терпимый дух, выраженный в законах Альфонсо X, запрещал это, пока были наследники-католики или родственники; если таковых не было, король наследовал при условии права Церкви, если преступник был священнослужителем, предъявить права на это в течение года. [917] Однако этот код не был подтвержден до 1348 года, к тому времени сомнения уменьшились, поскольку Альфонсо XI, за которым последовал Генрих III, конфисковали в королевскую казну половину имущества осужденного еретика. [918] Фердинанду и Изабелле было предоставлено молчаливо принимать каноническое право во всей его строгости, направляя при этом все доходы в королевскую казну. Современник утверждает, что они разделили его на трети — одну для войны с маврами, другую для

поддержки инквизиции и третью для благочестивых целей, [919] но нет никаких следов такого выделения, и мы увидим, что корона использовала свои приобретения так, как ей было угодно.

Строго говоря, инквизиция не конфисковала, а просто объявила преступника виновным в том, что подразумевало конфискацию, и, похоже, испытывала некоторые колебания относительно того, брать ли ответственность на себя. В самых ранних судебных процессах, дошедших до нас, нет четкой формулы ни в требовании фискалов о наказании, ни в приговорах, конфискация иногда выражается, а иногда подразумевается и оставляется на усмотрение алькальда. [920] В Инструкциях 1484 года ничего не говорится о конфискации в случаях с живыми, но при рассмотрении судебного преследования мертвых они предписывают заслушать наследников, чтобы имущество могло быть конфисковано и применено к *fisc* суверенов, и примечательно, что в приговорах к мертвым, сразу после этого, Инструкции упоминаются как будто для того, чтобы оградить инквизитора от ответственности. . [921]

Очевидно, что в народе существовало отвращение к этому разграблению, и никто не хотел нести за это ответственность. Фердинанд в прокламации от 29 октября 1485 года заявил, что конфискации были произведены по приказу папы римского, во исполнение его совести и в силу его послушания святой Матери-Церкви. [922] Вероятно, именно благодаря его указаниям трибуналы наконец взяли на себя ответственность, как видно из приговора от 8 июля 1491 года в Сарагосе покойному Хуану де ла Кабальерия, где королю приказано, в силу святого послушания, забрать собственность и считать ее своей. [923] По-видимому, все согласились не сразу, поскольку мы находим, что в 1510 году он приказал инквизитору Майорки, объявляя кого-либо еретиком, добавлять в конце предложения, что он объявляет имущество конфискованным и обращается в королевский *fisc*, и приказывает получателю забрать его, когда получатель должен сделать это в силу приговора. [924] В соответствии с этим принятая официальная формула гласила, что трибунал признал виновного в ереси и, как таковой, понес отлучение от церкви, конфискацию и потерю всего его имущества, которое он передал в королевскую казну и получателю от имени короля с того момента, как он начал совершать преступление ереси. Или, если преступник был священнослужителем, оно применялось к тому, кому оно законно принадлежало. Это скорее уводит от ответа на вопрос, была ли конфискация самостоятельной, но *Заявление о конфискации*, данное нотариусом судье по конфискациям, формально утверждает, что инквизиторы и обычные лица конфисковали имущество в королевскую казну и по приговору суда передали его получателю от его имени. [925] Если оставалась какая-либо неопределенность, она была устранена хартией акордада 1626 года, которая предписывала, чтобы во всех случаях официальной ереси приговор включал конфискацию, поскольку, если предполагалось какое-либо смягчение, предоставление такой милости принадлежало генеральному инквизитору. [926] Предыдущая дата, до которой действовала конфискация, была определена в соответствии с Инструкциями от 1561 года консультативным советом при голосовании по приговору. [927]

СУБСИДИИ ФЕОДАЛАМ

Фраза в случае с церковниками о вынесении решения по имуществу, которому оно принадлежало по закону, была признанием претензий Церкви. Что это было, по-видимому, оставалось под вопросом. Согласно *Partidas*, Церковь имела право, если она выдвинула требование в течение года, но Фердинанд в письме от 11 марта 1498 года говорит, что ему сказали, что в таких случаях он имеет право на третье требование. Откуда это взялось, нам не

говорят, но он установил это правило, и оно оставалось в силе вплоть до 1559 года, когда две трети имущества доктора Агустина Касаллы перешли к епископу Паленсии, который, однако, передал его обратно инквизиции. [928] Вероятно, это был компромисс, поскольку инквизиция заявила о своем праве на все, и епископ Симанкас в 1552 году сказал, что многие считают, что собственность священнослужителей переходит к епископу, но более верным мнением, которому всегда следовали в Испании, было то, что она принадлежит fisc для использования инквизицией. [929] Вопрос, однако, не был окончательно решен, поскольку в 1568 году Верховный суд призвал все трибуналы незамедлительно сообщить, какова была их практика и какова была формула приговора. [930] Было неизбежно, что любые сомнения в конечном итоге будут истолкованы в пользу Святой канцелярии, и в семнадцатом веке власти считали само собой разумеющимся, что конфискации священнослужителей относятся к компетенции судов, хотя приговор по-прежнему относил их к тем, кому они законно принадлежали. Однако конфискованные бенефиции еретиков были папской привилегией по указу Павла IV от 18 июня 1556 года, и упоминается, что это правило около 1640 года все еще действует в Испании. [931]

На какое-то время конфискации были подвергнуты другому перенаправлению. Феодалы, видевшие, что собственность их вассалов попала в королевский водоворот, забеспокоились, и, хотя они, похоже, не предъявляли никаких юридических претензий, Фердинанд во многих случаях считал разумным успокоить их, предоставив треть конфискаций, произведенных в их поместьях. Самое раннее пожалование подобного рода, с которым мне довелось встретиться, было выдано инфанте Энрике, герцогу Сегорбскому, 20 апреля 1491 года. [932] Из этих грантов вычитались расходы на судебные разбирательства, что привело к большим трениям, поскольку ни одна из заинтересованных сторон не была чрезмерно щепетильной. Если получатель гранта ссорился с получателем из-за вопроса о расходах, у него была мода, когда проводился обычный аукцион имущества, объявлять, что он желает участвовать в торгах и что никто не должен участвовать в торгах против него. С помощью этого устройства герцог Бежар заключил мировое соглашение в 1514 году и еще раз в 1517 году. [933] Опыт герцога дель Инфантадо показывает, насколько искусными были чиновники в нейтрализации этих субсидий. В 1515 году он получил субсидию в размере половины конфискаций на тот момент и одной трети на будущее, с учетом расходов. Споры возникали как само собой разумеющееся, и в 1519 году он предотвратил аукционные продажи до тех пор, пока ему не заплатят, а в 1520 году он пошел на компромисс в отношении двухсот дукатов для урегулирования претензий до этого времени и десяти процентов на будущее, без каких-либо затрат. [934] Можно с уверенностью сказать, что Хименес не сталкивался с подобными проблемами в своих поселениях, но, учитывая его огромные доходы и его положение генерального инквизитора, было бы лучше соответствовать его достоинству, если бы он воздержался от получения в 1515 году субсидии в размере одной трети конфискаций, произведенных в его поместьях и на землях Касорла, выделенных для покрытия расходов его стола. [935] По мере постепенного отсеивания более состоятельных конверсо и увеличения расходов трибуналов доля феодалов, несомненно, уменьшалась до тех пор, пока ее не перестали оспаривать, поскольку вскоре после этого периода мы перестаем слышать об этом разделе доходов.

ПРОВЕРКА СОБСТВЕННОСТИ

Конфискация, как мы видели, была одним из неизменных наказаний за ересь в соответствии с каноническим правом. Еретик находился вне Церкви; если он упорствовал, его отпускали и сжигали; если он раскаивался и заявлял об обращении, он “примирялся” с Церковью, но, хотя таким образом он избегал смерти, конфискация его имущества сохранялась. Примирение, как правило, предполагало конфискацию. Исключением из этого были случаи, когда объявлялся Льготный срок, обычно в тридцать или сорок дней, в течение которых те, кто полностью признавался в своих грехах и давал полную информацию о других, допускались к примирению под обещание освобождения от тюремного заключения и конфискации, но при условии публичного покаяния и предоставления в качестве “милостыни” такой части своего имущества, какую назначат инквизиторы. [936] Это был отказ короля от собственности, которая была конфискована из-за ереси, и был подтвержден официальным предоставлением им того, что принадлежало им по закону, что дало им право продавать и передавать хороший титул, чего в противном случае они не могли бы сделать. [937] Это не относилось к тому, что кающийся пострадал от преступлений других, и, следовательно, дети, примирившиеся таким образом, не могли претендовать на имущество, конфискованное их родителями. За пределами Срока Отсрочки спасения не было. *Espontaneados*— те, кто выступил спонтанно, — по истечении срока его действия уже лишились всего своего имущества, и, как было объяснено, в намерения суверенов не входило назначать им наказание, за исключением случаев, когда в особых случаях они могли проявить милосердие. [938] Эта алчная политика, которая обескураживала раскаявшегося грешника, продолжалась до тех пор, пока в 1597 году Верховный суд не приказал примирить эспонтанеадос без конфискации. [939] Тем не менее, несмотря на это, когда в 1677 году Альваро Нуньес де Веласко добровольно отказался от своих показаний и был примирен, его приговор включал конфискацию. [940]

Встречаются случайные случаи, когда конфискация была сохранена из-за крайней молодости кающегося, но я не смог найти какого-либо формального правила на этот счет, и, похоже, оно было на усмотрение трибунала. Говорят, что в 1501 году в Барселоне, когда Флоренсия, дочь Мануэля де Пучмия, была приговорена к пожизненному заключению, ее имущество было сохранено ввиду ее нежного возраста. При примирении в Толедо 20 апреля 1659 года десятилетней Аны Перейры была включена конфискация; в деле Беатрис Жорже того же возраста от 8 декабря 1659 года нет никаких упоминаний о конфискации, а в деле десятилетнего Диего де Кастро от 8 декабря 1681 года указано, что конфискация опущена ввиду его возраста. [941]

Применение конфискации было коммерческим вопросом, сведенным к тщательной и безжалостной системе. Страдальцы, естественно, стремились избежать этого, и были приняты все возможные средства, которые мог подсказать опыт, чтобы предотвратить потерю мельчайшего фрагмента. Когда обвиняемый был арестован, все его видимое имущество было одновременно арестовано и инвентаризировано. Были изучены его бумаги и бухгалтерские книги, чтобы установить, какие долги ему причитались, и он был немедленно подвергнут *аудиенции на гасиенде*, в ходе которой его допросили под присягой самым тщательным образом относительно всего его имущества, его долгов и кредитов, его брачного соглашения, приданого или подарков его детям, их поместий, если они умерли, скрывал ли он что-либо, опасаясь ареста, и каждой детали, на которую указывали обстоятельства. Любое уклонение от полного и правдивого ответа было лжесвидетельством, за которое он мог быть наказан, как это

произошло в случае с Луисом де Перласом, которого судили в Валенсии за лютеранство в 1552 году. [942] Самым отвратительным инцидентом в этом расследовании было использование ужасов приближающейся смерти, когда исповедники тех, кто должен был быть казнен в аутодафе, в течение предыдущей ночи убеждали их раскрыть любую часть имущества, которая, возможно, ускользнула от предыдущих расследований. Так, 29 июня 1526 года Фрай Кастелл сообщил, что Педро Помар, которому он признался в ночь аутодафе “*estando en el suplicio de la muerte*”, показал, где можно найти определенные бухгалтерские книги, а также некоторые причитающиеся ему долги. И так, 21 декабря 1529 года Антон Руис при тех же обстоятельствах признался в причитающихся ему долгах, которые ускользнули от предыдущего розыска. [943]

НАЕМ ИНФОРМАТОРОВ

Эта проституция религии в угоду алчности эксплуатировалась до предела. Отлучением от церкви так часто злоупотребляли в мирских целях, что к нему, естественно, прибегали, и ему подвергались все, кто скрывал или владел каким-либо имуществом осужденного еретика. В 1486 году Фердинанд пишет, что некоторые нотариусы отказываются предоставлять копии переданных им контрактов относительно обязательств перед еретиками, к которым их должны принуждать порицания и обращение, при необходимости, к светской власти, и того же следует придерживаться в отношении должников, отказывающихся платить то, что они должны. [944] 17 октября 1500 г. он ругает некоторых инквизиторов за их халатность; те, кто знает, что их подозревают, обычно прячут свое имущество или передают его в руки третьих лиц, и “таким образом те, кто владеет таким имуществом, становятся отлученными от церкви к большому ущербу для своих душ, поскольку они продолжают подвергаться порицанию, и мой *fisc* страдает, поскольку имущество не подлежит конфискации”. [945] В 1645 году автор приводит нам форму, принятую в таких случаях. Если налоговый орган считал, что имущество конфискованного имущества скрыто или долги по нему не раскрыты, трибунал издавал указ для зачитывания с кафедр, предписывающий под страхом отлучения от церкви каждому, кто владеет таким имуществом или осведомлен о фактах, касающихся его, сообщить об этом комиссару или приходскому священнику в течение трех дней. По истечении этого срока священники должны были объявлять со своих кафедр всех таких лиц отлученными от церкви, и все христиане должны были избегать их. Затем, еще через три дня, последовала анафема в ее ужасной торжественности с колокольчиками, книгами и свечами, с проклинающим псалмом и призывом гнева Всемогущего Бога и славной Девы, его Матери, апостолов Петра и Павла и всех святых небесных, а также всех казней Египетских на нечестивых, которые утаивали это от Святого Служения. [946]

Это духовное наказание не исключало мирского. В 1671 году Мануэль Фернандес Чавес, судимый в Толедо за “сокрытие” конфискованных вещей, был оштрафован на пятьсот дукатов и изгнан на два года из Толедо, Пастраны и Мадрида. Когда сокрытие было в интересах преступника, выдвигалось дополнительное обвинение в пособничестве, как в случае с Габриэлем де ла Солой и Джозефом Лопесом де Сосса, которые скрывали имущество сестры последнего Беатрис и суд над которыми в Вальядолиде длился два года. [947]

Более эффективным, по крайней мере в более ранний период, когда давление бизнеса затрудняло проведение тщательных расследований, было предложение крупных комиссионных тем, кто предоставит информацию о конфискованном имуществе, которое ускользнуло от обыска получателей. Это привело к созданию банды профессиональных детективов и

информаторов, к типу которых можно отнести некоего Педро де Мадрида, “делатора”. Согласно положению 1490 года, он имел право на одну треть всего скрытого имущества, которое он мог обнаружить, будь то отчужденное, переданное под другими именами или иным образом скрытое. В 1494 году он пожаловался, что этого недостаточно, ввиду его больших расходов, поездки во Францию, обмена с другими информаторами и т.д., После чего Фердинанд согласился отдать ему половину, и, более того, тем, кто должен был предоставить информацию, он прощал преступление, совершенное по их ведомству, не раскрывая; инквизиторы должны были снять отлучение, а все получатели должны были выполнить эти инструкции под страхом штрафа в тысячу флоринов. [948] Однако Фердинанд не всегда вел честную игру с этими дворянами. Под влиянием своих пятидесяти процентов Педро работал усердно и успешно, но когда в 1499 году счет получателя, который рассчитался с ним, поступил на проверку, Фердинанд приказал пока запретить выплаты; Педро не должен был получать такие большие суммы; его успех был обусловлен небрежностью получателя, а не его собственной деятельностью, и, фактически, это был добровольный подарок ему. Год спустя мы обнаруживаем, что Фердинанд соглашается отдать ему половину из тридцати либр, которые он обнаружил, и обещает определить, какая доля ему достанется, когда будут урегулированы другие обнаруженные им объекты недвижимости. [949]

Частые упоминания об этих сделках в переписке Фердинанда показывают, насколько активным был этот бизнес, как с профессионалами, так и с волонтерами, и Фердинанд иногда щедро вознаграждал усердие последних, как, например, когда в 1501 году он подарил дону Антонио Кортесу, своему ризничному мэру, дом и нефтебазу в Севилье, которые, как обнаружил Кортес, принадлежали Беатрис Фернандес, приговоренной к вечному заключению, и которые сбежали от получателя. [950] Это указывает на то, что люди с положением не брезговали заниматься этим сомнительным бизнесом, и, по-видимому, Хуан де Анчиас, секретарь трибунала Сарагосы, которому мы обязаны *Libro Verde*, оставил свой пост, чтобы спекулировать на нем, поскольку в 1509 году мы находим, что он жаловался на то, что получатель отказался выплатить ему одну треть, которую ему обещали за определенные открытия, и Фердинанд приказал заключить сделку. Не было установленного размера комиссионных. Примерно в то же время Клименту Родересу из Барселоны было разрешено получить только одну седьмую часть имущества, возвращенного в результате его расследований, в то время как суд Майорки был уполномочен предложить двадцать пять процентов. и когда в 1514 году дело казалось безнадежным, Хуан Мартинес был воодушевлен обещанием выплатить пятьдесят процентов. посвятить себя поиску тайников в Теруэле и Альбаррасине, которые считались крупными. [951]

ПРИЗНАНИЕ ДОГОВОРОВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

Хотя, несомненно, *fisc*, стимулируя таким образом детективов, вернула имущество, которое в противном случае могло бы ускользнуть, система была из тех, которые допускали сговор между ними и должностными лицами. Мошенничества такого рода, вероятно, не были редкостью, поскольку в 1525 году Супрема пожаловался на злоупотребления, возникшие из-за пренебрежения получателями их инструкций. Они должны были строго соблюдаться, и в будущем комиссионные должны были выплачиваться только за имущество, о котором ничего не было известно должностным лицам, и информатор не должен был быть должностным лицом, знания которого были приобретены при исполнении им своих обязанностей. Более того, компенсация была строго ограничена двадцатью процентами. от суммы, полученной на основе предоставленной информации. [952] Это последнее упоминание, с которым я столкнулся, об

этой фазе бизнеса; оно, очевидно, уменьшилось с уменьшением конфискации, хотя, несомненно, продолжали происходить специальные сделки, поскольку жертвы неизбежно истощали свою изобретательность в попытке сохранить для своих детей некоторые фрагменты своего имущества.

Какой бы жестокой ни была конфискация в принципе, ее применение старой папской инквизицией было незаконием до такой степени, что до предела увеличивало ее жестокость и силу зла. Конфискация имущества с момента совершения первого акта ереси была истолкована как недействительность всех последующих действий еретика, поскольку он утратил власть над всем своим имуществом. Таким образом, все отчуждения были недействительными, все заключенные долги и все данные обязательства были недействительными, и срок давности в отношении Церкви должен был составлять не менее сорока лет владения убежденными католиками, не знающими о ереси бывшего владельца. Более того, судебные преследования мертвых, которым не было предела, возвращали предыдущим поколениям притязания инквизиции на отмену титулов. Таким образом, на практике, когда человек признавался еретиком, все причитающиеся ему долги строго взыскивались, в то время как все причитающиеся ему долги аннулировались, а вся проданная им недвижимость возвращалась. Единственным смягчением этого было заявление Иннокентия IV в 1247 году, согласно которому жена-католичка при определенных условиях получала пожизненную долю в ее приданом, срок действия которой истекал после ее смерти, поскольку ее дети были неспособны к наследованию. [953]

Приятно иметь возможность сказать, что со временем некоторые из худших черт этой всеохватывающей алчности были смягчены испанской инквизицией. Его ранние операции были настолько обширными, а торговля землей была в такой значительной степени в руках новых христиан, что мы можем легко представить всеобщий ужас, вызванный строгим соблюдением канонических законов, которые сводили на нет все отчуждения и лишали всех кредиторов их требований. Это могло привести только к повсеместному разорению и общему параличу торговли, и, несомненно, раздался крик о помощи, которым монархи не могли пренебречь. Поэтому с мудрой щедростью они согласились на частичный отказ от своих притязаний, который изложен в Инstrukциях 1484 года, показывая, насколько полно они знали, каковы были их права. В этом пункте говорится, что они могли взыскать все отчуждения и отказаться выплачивать все долги, если только доходы не могли быть идентифицированы среди имущества конфискованных лиц, будь то осужденных или примирившихся вне срока отсрочки, но из милосердия и во избежание притеснения вассалов, которые имели дело с еретиками, они приказали, чтобы все продажи, пожертвования, обмены и контракты до 1479 года были действительными, если должным образом будет доказана их подлинность. Попытки мошеннически воспользоваться этим были объявлены наказуемыми, у примирившихся еретиков, сотней ударов плетью и клеймением лица раскаленным железом; у христиан - конфискацией, лишением должности и наказаниями по королевскому усмотрению. [954]

ПРИЗНАНИЕ ДОГОВОРОВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

Хотя отказ от права расторгать все сделки до введения инквизиции принес существенное облегчение, все же оно было сохранено в отношении всех последующих сделок, и никто не мог знать, не попадет ли банкир, торговец или мещанин, с которыми он имел дело, вскоре в руки

Святой Канцелярии. Таким образом, можно легко понять, насколько фатально это повлияло на кредитование и с какими рисками приходилось сталкиваться при повседневных деловых операциях. То, что было трудно заставить суды уважать даже эту уступку, видно из ее повторного провозглашения Верховной властью в 1491 и снова в 1502 годах. [955] На самом деле происходят случаи, которые показывают, что официальные лица уделяли этому мало внимания. Таким образом, в 1499 году Констанца Рамирес обратилась к Фердинанду с просьбой вернуть имущество, входившее в приданое, данное ее матери в 1475 году ее дедом Хуаном Лопесом Бельтраном, чье имущество было недавно объявлено конфискованным, и король приказал восстановить его, если это утверждение соответствовало действительности. Итак, в 1509 году вдова и подопечные Йохана Переса де Оливы обратились к нему с петицией об освобождении некоторых домов, которые Олива купила в 1474 году и которые теперь утверждались как купленные у осужденного еретика. [956] Здесь была совершена совершенно законная сделка тридцатипятилетней давности, которую инквизиция пыталась отменить.

В Инструкциях 1484 года было предписано уголовное преследование умерших, включая конфискацию, даже если они умерли сорок или пятьдесят лет назад. В том виде, в каком оно представлено в печатных сборниках, это фактически отложило на неопределенный срок действие предписания против инквизиции, поскольку действия покойного могли растянуться на сорок или пятьдесят лет вперед, и, фактически, оно цитировалось примерно в 1640 году как доказательство того, что предписания не было. [957] Однако позднее это стало дополнительной суровостью, поскольку в рукописи Инструкции от 1484 года есть пункт, опущенный официальными составителями, о том, что, если еретик умер более чем за пятьдесят лет до предъявления обвинения, и, если наследники или владельцы имущества были добрыми католиками и добросовестно хранили его, они не должны были подвергаться наказанию. быть потревоженным. [958] В этом подавлении есть значение, и при такой системе вполне понятно, какое облако нависло над титулами на всю собственность, которая когда-либо проходила через руки новообращенного христианина, и насколько острым было чувство незащищенности ее владельцев.

В борьбе королевств Арагона против гнета инквизиции беззакония конфискации были заметны. Они были проиллюстрированы в кортах Монзона в 1512 году особой жалобой, которая иллюстрирует работу системы. Местное правительство заняло деньги и обеспечило их ченсо, или обязательством, данным маэстро Миро и Хуану Бертрану, которые были осуждены за ересь, и ченсо было потребовано. Власти доказали, что ченсо был выплачен и долг аннулирован двадцать девять лет назад, но получатель настоял на повторной выплате, потому что еретические действия Миро и Бертрانا были предшествующими, и поэтому их передача ченсо была недействительной. Они обратились к Фердинанду с просьбой о помощи, но он удовлетворился приказом, чтобы их не подвергали чрезмерному притеснению, что оставило вопрос открытым. [959] Тем не менее, одна из уступок, предоставленных в 1512 году, заключалась в том, что установленный срок должен быть сокращен до тридцати лет; это было подтверждено в Инструкциях Меркадера от 1514 года, и когда в 1515 году каталонцы пожаловались на несоблюдение этого правила, Фердинанд приказал сохранить его. Лев X пошел еще дальше в своей булле 1516 года, подтвердив Конкордию 1512 года, а в булле 1520 года это было определено как защита от конфискации всего имущества, приобретенного добросовестно у тех, кто публично не был замечен в ереси, даже если впоследствии они должны были быть осуждены и тридцатилетний срок давности не истек. Это было объявлено применимым ко всем незавершенным делам, и, чтобы придать этому больше убедительности,

Карл V официально передал всю такую собственность владельцам. [960] Однако мы видели, насколько полностью инквизиция игнорировала это поселение, отрицая его авторитет и даже само его существование. Кастилия не добилась большого успеха, поскольку, когда корты 1534 года подали петицию о том, что владение в течение трех лет в руках католиков должно предоставлять иммунитет от конфискации и что приданое жен-католичек должно быть освобождено, Карл категорически отклонил обе просьбы. [961] Наконец, вопрос разрешился в каноническом предписании сорока лет беспрепятственного владения православными католиками, поскольку именно это, как сообщает нам Симанкас, было правилом. Старые Инструкции, требующие более длительного хранения, по его словам, были отменены, и, хотя некоторые власти утверждали, что для этого достаточно пяти лет или, самое большее, двадцати, суды их не признали. [962] О том, как бизнес приспособился к рискам, сопутствующим всем сделкам с новыми христианами, мы можем только догадываться.

ПРИЗНАНИЕ КРЕДИТОРОВ

В одном важном отношении инквизиция смягчила несправедливую суровость более старого учреждения, признав требования кредиторов осужденного еретика. Однако поначалу это было не так, и было бы нелегко преувеличить всеобщее замешательство и огорчение, когда стало понятно, что конфискация включает в себя как дебетовые, так и кредитовые суммы жертв. За первыми массовыми арестами последовало массовое бегство тех, кто чувствовал себя под подозрением; бегство было расценено как признание вины, и беглецы были осуждены *заочно*, как только были выполнены необходимые формальности. Убытки от последующей конфискации дебиторской задолженности легли не только на частных лиц, связанных с их обширными операциями, но и на государственные органы и церковные учреждения, сбор доходов которых в значительной степени находился в их руках. Созданные таким образом условия впечатляюще отражены в записях Херес-де-ла-Фронтеры, где муниципальные налоги в основном передавались бежавшим конверсос; государственные средства были в их руках, и они, естественно, были в долгу перед городом, а также перед церквями и частными лицами. Похоже, что все эти обязательства были спокойно проигнорированы инквизицией, и муниципалитет обратился к суверенам, которые ответили 6 декабря 1481 года, что дело было передано лицензиату Феррану Яньесу де Лобону — тому самому комиссару, который около года был занят принудительным взысканием конфискаций. Это не предвещало облегчения; документы не раскрывают исход, но, поскольку все усилия властей привели их только к контакту с чиновниками, занятыми сбором добычи, очевидно, что монархи не собирались отказываться от своих прав. [963]

Мы видели, что Инструкции 1484-5, признавая действительность сделок, совершенных до 1479 года, абсолютно подтверждали право *fisc* отказываться от выплаты долгов и не делали никаких уступок в отношении тех, которые были заключены впоследствии этого периода. В то же время пункт, касающийся претензий дворян, принимавших беглецов на своих землях, показывает, что инквизиция считала, что этот вопрос находится в ее компетенции. [964] Самое раннее положительное признание, с которым я столкнулся, обязательства по выплате долгов из конфискованного имущества — это приказ Фердинанда от 12 мая 1486 года Альфонсо де Месе, получателю в Теруэле, о том, что заработная плата, добросовестно причитающаяся еретиками своим мавританским слугам, должна быть выплачена - но это, возможно, может быть связано с

особыми предпочтениями, разрешенными к заработной плате слуг законами Норвегии. Арагон. [965] Различные противоречивые решения иллюстрируют неопределенность, нависшую над этим вопросом в настоящее время, и это ясно проявляется в двух письмах Фердинанда, очевидно составленных для него его недобросовестной секретаршей Кальценой. Первое из них, от 6 марта 1498 года, относится к Кастильо-де-Каланья, который Кальчена получила из конфискованного имущества Йохана Бенете и против которого определенные стороны предъявили цензо (земельную ренту) и другие претензии. Короля заставляют приказать получателю приостановить действие, поскольку долги были взысканы после того, как Бенете совершил акты ереси. В другом письме, от 11 марта 1498 года, повторяется приказ от 29 августа 1497 года получателю выплатить из конфискованного имущества Антонио Конеса сто дукатов, которые Кальчена одолжила ему, и выплатить его раньше любых других кредиторов. [966]

Однако к этому времени требования кредиторов начали официально признаваться. Инструкции 1498 года содержат подробные распоряжения относительно передачи имущества, принадлежащего другим, и немедленной выплаты явно причитающихся долгов из конфискованных поместий, и, когда объявлялась конфискация, всем заявителям должно было быть объявлено о предъявлении своих требований в установленный срок, который в 1499 году был установлен в тридцать дней, при этом никакое имущество не должно было продаваться до тех пор, пока претензии к нему не будут определены. [967] Тем не менее, несмотря на это, получатели с трудом признавали права кредиторов, и имели место многочисленные случаи, когда они были вынуждены апеллировать к Ferdinand. Еще в 1515 году Маргарита Дартес, жена доктора Франсиско Дартеса, ассессора трибунала Валенсии, жаловалась, что в 1499 году она купила ченсо, закрепленное за домом Альдонсы Кокарредес; теперь Альдонса был расслаблен, а Алиага, получатель, отказался признать ченсо, потому что оно было создано после того, как она совершила ересь. Фердинанд признал обоснованность этого аргумента и сказал, что в силу строгости правосудия она проиграла свой иск, но, принимая во внимание тот факт, что ее муж состоял на службе инквизиции с момента ее основания, он распорядился выплатить компенсацию в качестве одолжения. [968]

ПРЕПЯТСТВИЯ, СОЗДАВАЕМЫЕ КРЕДИТОРАМ

Изучение протоколов конфискационного суда Валенсии за 1531 и 1532 годы в целом свидетельствует о явном желании жестко применять закон, будь то в пользу или против fisc. Среди истцов было несколько служащих женщин, получавших заработную плату, которая всегда была разрешена, хотя суд проявлял несколько произвольное усмотрение при сокращении сумм. [969] Постепенно возобладала честная политика, и в 1543 году Верховный суд дал указание трибуналам, что в первую очередь должны быть оплачены долги, которые были должным образом доказаны — правило, которое, по-видимому, было трудно обеспечить, поскольку приказ пришлось повторить в 1546 году и снова в 1547 году. [970] Однако кредиторам было нелегко добиться выплаты, несмотря на сопротивление, оказываемое получателями и их адвокатами. В 1565 году, после того, как Пьер и Жиль де Бонневиль были сожжены за протестантизм в Толедо, налоговый инспектор доложил инквизиторам, что выступили многочисленные кредиторы, чьи требования находились на рассмотрении *верховного суда*, поэтому он попросил справку о дате ереси преступников, чтобы использовать ее в суде. Инквизиторы должным образом удостоверили, что это было около 1550 года, с целью сослаться на устаревшее каноническое правило о недействительности последующих обязательств. [971] То, что всевозможные махинации использовались для истощения терпения кредиторов и

накопления издержек, прямо признано в меморандуме Верховной Раде от 1623 года, в котором говорится, что в исках кредиторов есть многое, что дискредитирует инквизицию, поскольку конфискации осуществляются исключительно в интересах тех, кто ими управляет, назначенцев *juez де лос бьенес* и обычно его родственники или друзья, в пользу которых продлеваются судебные иски до тех пор, пока они не станут бессмертными. [972] Злоупотребления, подобные этим, были неизбежны в системе, которая ограничивала все в пределах круга инквизиции, не допуская никакого внешнего вмешательства или надзора, при этом так бережно относясь к должностным преступлениям. Было бы трудно переоценить масштабный ущерб, причиненный, когда обвиняемыми были торговцы с обширными и сложными операциями, как в случае огромных конфискаций в Мексике и Перу с 1630 по 1650 год и на Майорке в 1678 году, когда средства и товары корреспондентов были привязаны на неопределенное время к уничтожению их кредита. Опасности, которым таким образом подвергался бизнес, были фактором, и отнюдь не наименее важным, в упадке испанской торговли, поскольку никто не мог предвидеть, в какой момент может обрушиться удар. Наложение ареста сопровождалось арестом, и в 1635 году было приказано, чтобы во время судебного разбирательства кредиторам не производилось никаких выплат или передачи имущества, независимо от того, какие доказательства они представили, без ожидания решения Верховного суда, единственным исключением были требования короля, которые должны были быть оплачены без задержки. В 1721 году этот запрет на выплату долгов стал абсолютным, за исключением нескольких тривиальных вопросов, таких как заработная плата слуг и арендная плата за дом. [973] О том, что иностранцы, имеющие дело с Испанией, имели достаточно оснований опасаться решений *судебного органа Испании* свидетельствует примечательное положение в английском договоре 1665 года, которое предусматривало, что в случае наложения ареста на имущество любым судом любой страны имущество или долги, принадлежащие подданным другой страны, не должны подвергаться конфискации, а должны быть возвращены владельцу. [974] Однако, в целом, испанской инквизиции принадлежит заслуга в смягчении в пользу кредиторов отвратительной суровости инквизиционного закона о конфискации, хотя на практике ее должностные лица были виновны в том, что сводили, насколько могли, к минимуму преимущества этого смягчения.

ПРИДАНОЕ

В вопросе о приданом также произошло частичное смягчение прежней строгости. Приданое было утрачено из-за ереси жены, но не из-за ереси мужа, и в последнем случае оно перешло к ее детям. Однако существовало одно положение, которое создавало бесконечные трудности, поскольку, если родители жены были виновны в ереси на момент ее вступления в брак, оно подлежало конфискации на том основании, что все их имущество тогда принадлежало *fisc* и они не имели права отчуждения. Многочисленны случаи, когда стороны после продолжительной супружеской жизни таким образом внезапно оказывались разоренными из-за осуждения родителей, которые пользовались репутацией верующих христиан, и при межличностных браках, столь частых в более ранний период, удар, таким образом, часто обрушивался на старых христиан. Мы узнаем об этих случаях из отчаянных призывов к Фердинанду о пощаде — призывов, на которые он нередко отвечал отказом от своих притязаний или отказом от части. Типичным случаем, показательным для многих других, является случай Хуана Кирата из Эльче, чья петиция королю в 1513 году свидетельствует о том, что двадцать пять лет назад он женился на Виоланте Пропинан, получив десять тысяч суэльдо в

качестве ее приданого от ее родителей, Луиса и Бланки. Восемь лет назад они были осуждены, и теперь получатель требует приданого; он бедный эскудеро или сквайр, и исполнение иска отправило бы его с женой и детьми в больницу, ввиду всего этого Фердинанд милосердно отказался от своего права. [975] Более необычным был случай с Хуаном Кастельоном с Майорки, который во время торговли в Тунисе был поработщен братом Барбароссы; после сорока двух месяцев плена он был выкуплен за четыреста дукатов и вернулся домой в 1520 году, чтобы обнаружить, что мать его жены, Изабель Луна, была осуждена, а получатель потребовал полученное от нее приданое. Он обратился с петицией к кардиналу Адриану; дело было передано Карлу V, который гуманно распорядился, чтобы, если его история правдива и он не в состоянии заплатить, конфискация была отменена. [976] Трудности иногда усугублялись демонстративным обычаем указывать в брачном контракте большую сумму, чем была фактически выплачена. Так, в 1531 году магнifico Диего де Монтемайор, бейль Грау Валенсии, поклялся, что получил только три тысячи суэльдо из шести тысяч, указанных в его брачном контракте с Беатрис Скривана в 1510 году, и что большая сумма была внесена *honoris causa*. [977]

Приданое монахинь подвергалось такому же безжалостному поглощению. В 1510 году монастырь Санта-Инес Кордова обратился к Фердинанду с просьбой, заявив, что около двадцати лет назад Педро Силлеро пристроил туда свою племянницу в качестве монахини, подарив ей в качестве приданого несколько домов, которыми она мирно пользовалась, пока ее дедушка недавно не был осужден за ересь и имущество не было конфисковано как часть его конфискованного имущества. Это было строго законно, и это был чистый акт милосердия, когда король приказал освободить дома. [978]

Тем не менее, приданое православной жены освобождалось от конфискации имущества мужа-еретика, но оно находилось под угрозой из-за возможности того, что имущество могло быть израсходовано на содержание мужа в тюрьме во время длительного судебного процесса, а также из-за потери ценностей при реализации активов на аукционе, что было крайне необходимо. В судебном разбирательстве суда над преступниками Валенсии в 1531 году есть множество дел, которые показывают, что это требование жены было полностью признано и по сложным вопросам, которые часто возникали, было вынесено справедливое судебное решение. [979]

Соответствующим этому была обязанность мужа выплачивать *fisc* приданое жены, осужденной или примирившейся с ересью. Насколько безжалостно со временем это было сделано, видно из петиции к Вальдесу от дон Педро Гаскона в 1549 году, который представляет себя идалго, чьи предки верой и правдой служили королю. Судья по конфискациям в Куэнке приговорил его к штрафу в сто пятьдесят дукатов в качестве приданого его жены, а судебный исполнитель бросил его в тюрьму, чтобы добиться уплаты. Находясь там, он продал большую часть своего имущества и заплатил пятьдесят дукатов, но оставшая часть его состояния не принесла бы оставшейся сотни. Фердинанд простил бы ему остаток, но Вальдес рассчитывал получить гарантию окончательной оплаты только тогда, когда уполномочил получателя предоставить ему шестилетний срок при условии, что он предоставит хорошее обеспечение. [980]

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ

Другой особенностью, которая часто усложняла эти расчеты, был вопрос о завоеваниях — *ганансиях* или *крей* - завоеваниях, достигнутых в течение супружеской жизни, в которых оба супруга имели равную долю. Законы Торо 1505 года предусматривают, что ни муж, ни жена не могут лишиться права на половину *ганансии* за преступление другого, даже если преступление было ересью, а *ганансия* определяется как полное увеличение за время брака до указа о конфискации, независимо от того, когда было совершено преступление — правило, которое оставалось в силе. [981] Сложность, вносимая этими различными интересами в урегулирование конфискаций, проиллюстрирована на примере Диего Лопеса, торговца из Саморы, примиренного в ходе судебного разбирательства в Вальядолиде в июне 1520 года. Он не вел бухгалтерских книг, а количество списаний и кредитов чрезвычайно усложняло его дела; более того, отцовское имущество никогда не было поделено между ним и его братьями, в то время как его жена предъявила претензии на свое приданое и долю в *ганансиях*. В этом затруднительном положении единственным решением был компромисс, которого достигли жена и братья, согласившись выплатить четыреста пятьдесят тысяч мараведи частями, предоставив соответствующее обеспечение. [982] Конфискационный суд Валенсии, однако, изобрел метод уклонения от претензий жены на приращения, поскольку в 1532 году, когда Анхела Перес, вдова Луиса Гилаберта, сожженного за ересь, потребовала свое приданое в размере трех тысяч суэльдо и *крекса*, суд обязал получателя выплатить приданое, но отказал в *крексе* на том основании, что дата его совершения ереси показала, что он не мог законно получить какую-либо выгоду. [983]

Освобождение от конфискации тех, кто пришел по Милостивому Указу, исповедался и примирился, послужило впечатляющей иллюстрацией страстной алчности, вызванной среди всех классов узаконенным грабежом новых христиан и, как следствие, тем, что у них не было никаких прав. Прелаты и капитулы церквей, настоятели и настоятели женских монастырей, ректоры больниц и благочестивых учреждений и другие духовные лица и миряне, которые заложили еретикам свое имущество, или продали им земельную ренту, или иным образом заложили его, отказались от своих обязательств и не хотели выплачивать никакой компенсации, что, как нам говорят, удержало многих от поисков примирения. Более практичное возражение заключалось в том, что тем, кто был таким образом ограблен, мешали платить большие штрафы, наложенные на них инквизиторами. Поэтому Фердинанд и Изабелла обратились к Иннокентию VIII за средством правовой защиты, которое он предоставил в 1486 году в виде записки, в которой, после изложения вышеизложенного, он предоставил тем, кто таким образом согласовал ипотечные кредиты, цензуры и другие залоги, которыми они владели в отношении собственности, запрещая должникам требовать освобождения и объявлять недействительными любые судебные решения, которые они могли получить. [984]

Хотя, таким образом, испанская инквизиция в некоторых отношениях поступала более либерально, чем ее средневековая предшественница, с несчастными, подвергавшимися ее операциям, она была безжалостно систематичной в своем поглощении всего, что не попадало под вышеупомянутые исключения. Напрасно в 1486 году Иннокентий VIII — вероятно, под влиянием золота Конверсос — объяснил суверенам, что, поскольку конфискации были им разрешены, это побудит кающихся быть твердыми в вере, если их имущество будет возвращено

тем, кто примирился. [985] Для жадности было гораздо выгоднее маскироваться под религиозное рвение, как, например, когда в 1533 году в суде Монсона Валенсия обратилась с петицией о том, чтобы освобождение от конфискации, предоставленное насильственно обращенным мориско, было распространено на их детей, и Верховный Суд ответил, что конфискация - это самое страшное наказание и то, что больше всего удерживает от ереси; что касается использования террора сожжения в качестве превентивного средства, факт заключался в том, что Церковь приняла к примирению всех раскаявшихся, и, если они не будут наказаны конфискацией, они будут пользоваться иммунитетом. [986] В том же духе епископ Симанкас утверждал, что дети еретиков должны быть разорены ради общественного блага, и поэтому старые законы, разрешавшие детям католиков наследовать, были справедливо отменены. [987]

Это бессердечное замечание указывает на то, что к середине шестнадцатого века не было сострадания к беспомощным отпрыскам, но поначалу за них чувствовалась некоторая ответственность, возможно, из-за воспоминаний о старых законах. Инструкции 1484 года предусматривают, что, когда дети приговоренных к сожжению на костре или к вечному заключению не достигли совершеннолетия и не состоят в браке, они должны были быть переданы уважаемым католикам или монархам для воспитания в вере, и должны были вестись записи о таких случаях, поскольку намерение монархов состояло в том, чтобы, если они окажутся добрыми христианами, они получали милостыню, особенно девочки, чтобы позволить им выйти замуж или принять религию. [988] Нет никаких следов каких-либо систематических попыток выполнить это гуманное положение, но когда внимание Фердинанда привлекали к случаям особых трудностей, он иногда шел на либеральные уступки. Однако, когда в 1486 году инквизиторы Сарагосы попросили разрешения оказать помощь некоторым бедным преступникам, не очень виновным, которые были обременены дочерьми, которых, вероятно, могли принудить к дурным поступкам, хитрый монарх, очевидно, не доверял этому внезапному проявлению милосердия и, одобряя доброту предложения, сказал, что он лучше, чем они, знаком с жителями Сарагосы и с меньшей вероятностью будет обманут, поэтому они могут прислать ему имена сторон, их имущество и количество их дочерей, когда он решит, что следует предпринять. . [989] Очевидно, это был вопрос только добрых побуждений; не было никаких обязательств, моральных или юридических, и по мере того, как потребности Святой Канцелярии становились все более насущными по мере сокращения потока конфискаций, инквизиторы, подобные Симанкасу, утверждали, что служение Богу требует жертвоприношения невинных.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ УСВОЕНИЕ

На практике все, к чему чиновники могли прикоснуться под любым предлогом, безжалостно передавалось в *fisc*. Были изъяты даже постельные принадлежности и одежда тех, кого вели на казнь в ауто-де-фе, как явствует из случайных пожертвований чиновникам. [990] Когда в 1495 году Карл VIII занял Неаполь, он стал местом убежища для беглецов из Испании, но благочестивые шкиперы перевозивших их судов нередко служили Богу, раздевая своих незащитных пассажиров и унося домой добычу. Это было вторжением в права короны, которая отстояла себя, отправив в Бискайю и Гипускоа Антона Санчеса де Агирре искать драгоценности и товары, отобранные таким образом у еретиков, и продавать их в пользу *fisc*. [991] В 1513 году, когда Джейм де Маррана, писец суда Сегорбе, был осужден, всех его подчиненных призвали отказаться от гонораров, которые они получили за время его пребывания в должности. [992] Умиравший человек не мог оставить даже благочестивого завещания, если его законный

наследник был еретиком, ибо, когда в 1514 году Николас де Медина, севильский купец, возвращавшийся из Франции, умер в Байонне в госпитале Сент-Эспри и завещал ему переводной вексель на сто двадцать шесть дукатов, прокуратор госпиталя приехал в Севилью, чтобы забрать его. Виллачис, тамошний приемник, немедленно наложил арест на это дело на том основании, что наследник Медины, Родриго де Кордова, был осужден за ересь, и, хотя Супрема в конце концов освободила его, это было сделано как акт благотворительности по отношению к больнице. [993] То же правило применялось, когда среди восходящих существовала ересь. Хуан Франсиско Виталис, уроженец Майорки, поселился в Риме в качестве торговца. Он хотел торговать с Испанией, но боялся этого, поскольку его отец и дед были осуждены за ересь, и любые товары или средства, которые он мог бы прислать, подлежали конфискации как конструктивно полученные от них. Поэтому в 1511 году он подал заявку на охранную грамоту для своих товаров, которую выдал Фердинанд, освобождая их от ареста инквизицией; однако это было хорошо только во время королевского соизволения и в течение шести месяцев после изъятия должно быть уведомлено Виталису или публично объявлено в Валенсии. [994]

Ересь распространяла вокруг себя инфекцию, которая заражала все, с чем она соприкасалась. Конфисковано было не только судно с еретиками, но и его груз. В 1501 году Висенсио де Ландера, купец из Гаэты, отправил бискайским судном немного хлопка в Аликанте. По прибытии грузополучатель конфисковал груз, потому что на борту находились два человека, осужденных инквизицией, но епископ Гаэты, главный капеллан сестры Фердинанда, королевы Неаполя, воспользовался влиянием, и король приказал выплатить Ландере выручку от продажи хлопка. [995] Очевидно, другие владельцы груза не получили компенсации. Фердинанд был более непреклонен в 1511 году, когда корабль и его груз были осуждены в Севилье за перевозку еретиков. Это включало в себя некоторое количество перца, принадлежавшего португальскому купцу по имени Хуан Франсиско. Король Мануэль вмешался, чтобы защитить своего подданного, когда Фердинанд ответил, что он приказал свершить правосудие, но инквизиция заявила, что Франсиско купил перец у короля Мануэля и заплатил за него переводными векселями, выписанными еретиками, и, таким образом, еретическими деньгами, которые были использованы для конфискации перца. [996]

ОТЧУЖДЕНИЯ, ПРИЗНАННЫЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

Эта политика была не просто временной. В 1634 году инквизиция конфисковала товары и кредиты португальских купцов, жителей Голландии, Гамбурга и Франции, которые вели торговлю с Испанией. Агенты были отправлены за границу, чтобы получить доказательства их иудаизма; они, естественно, стремились защитить свою собственность и представили свидетельства о своей ортодоксальности; дело затянулось, и в 1636 году доктор Хуан де Госа представил подробное заключение в обоснование этого, доказывая, что собственность должна быть конфискована, хотя владельцы не были испанцами, не проживали в Испании и не совершали ереси в Испании. Его аргумент был основан на принципе канонического права, согласно которому еретик не имеет никаких прав и что любой католик может схватить и ограбить его; ересь - это всеобъемлющее преступление, не ограниченное местом, где оно совершено, поскольку это наносит ущерб всей Христианской республике. Никаких доказательств не требовалось, поскольку было общеизвестно, что португальцы отсутствовали, чтобы потакать своим еретическим наклонностям, и что они часто посещали синагоги в Амстердаме и других местах. Инквизиция должна была удерживать собственность и, для большего оправдания,

вызывать указом владельцев явиться и защитить ее в установленный срок, или она могла назначить защитников, которые действовали бы от их имени, но ни в коем случае не для того, чтобы наложить арест или сдать собственность. [997] Излишне указывать на влияние всего этого на испанскую торговлю.

Что касается имущества, отчужденного впоследствии совершения ереси, единственное ограничение на его конфискацию содержится в положении, запрещающем вмешательство в сделки, совершенные до 1479 года. [998] Все более поздние модели подлежали конфискации без компенсации покупателю, если только он действительно не внес улучшения, стоимость которых была ему возмещена. Частота таких случаев и трудности, которым они подвергали ни в чем не повинных третьих лиц, наглядно иллюстрируются многочисленными обращениями к Фердинанду за помощью, которые, надо сказать к его чести, он часто удовлетворял. Облако, наброшенное таким образом на право собственности на все имущество, перешедшее через руки Новых христиан в любое время после 1479 года, продолжало нависать над ним, и инквизиция становилась все строже в толковании своих прав. В письме Супремы инквизитору Сарагосы от 6 мая 1539 года говорится, что, как сообщается, он решил, что, когда человек осужден или примирился с конфискацией и впоследствии отчуждает недвижимое имущество для совершения ереси, если от покупателя требуется передать его *fisc*, он имеет право на возмещение покупных денег. Поэтому вызывается инквизитор, чтобы заявить о своих полномочиях для принятия этого решения, поскольку закон и обычай противоречат друг другу, и так практикуется. [999] Это было безапелляционно, и маловероятно, что вопрос был поднят снова, хотя при этом не учитывалось правило, которое, как вскоре после этого сообщил нам Симанкас, все еще оставалось в силе: если покупные деньги или то, что их представляет, обнаружены в конфискованном имуществе, покупателю должно быть произведено возмещение. [1000] Испанская инквизиция предпочитала как сохранять деньги, так и забирать имущество.

Фердинанд и Изабелла проявили щедрость, освободив рабов-христиан из конфискованных поместий, и это было расширено Инструкциями 1484 года за счет тех, кто примирился по Эдиктам милосердия, поскольку, хотя они не подлежали конфискации, их рабы-христиане были освобождены. [1001] Возможно, это была добрая забота, которая удерживала этих вольноотпущенников в своего рода крепостном праве, поскольку Инструкции около 1500 года предписывают инквизиторам отдавать их соответствующим лицам по соглашениям о заработной плате и, если с ними не будут обращаться разумно, передавать их другим хозяевам. [1002] Иногда возникали неловкие случаи, например, когда раб находился в совместной собственности доброго католика и осужденного еретика, но, судя по решению 1531 года, освобожденная половина уносила с собой на свободу поработенную половину, и владелец-католик не имел права на возмещение ущерба. [1003] Инквизиторы не всегда реагировали на гуманные намерения Инструкций; похоже, они иногда держали рабов для себя, вместо того чтобы отпускать их на свободу, за что в 1516 году их упрекали, а также приказывали, чтобы во время судебных процессов над владельцами рабы сдавались в наем и их заработная плата строго учитывалась — все это указывает на текущие злоупотребления. Они не прекратились,

поскольку в 1525 году доктор Меркадер, посетив Сицилию, обнаружил, что подобные предприятия процветают. [1004]

При таком внимании к рабам преступников конфискация, по-видимому, иногда распространялась и на самих преступников. Одно из немногих писем, касающихся инквизиции, в котором Изабелла присоединяется к Фердинанду, датировано 28 декабря 1498 года и адресовано графу Сифуэнтесу, губернатору Севильи, приказывая ему, во имя служения Богу и надлежащего отправления правосудия, забрать всех евреев, осужденных за ересь, которые в настоящее время содержатся в качестве заключенных аббатом Сан-Педро, и продать их как рабов по таким ценам, какие он сочтет подходящими, а вырученные средства передать получателю и направить на долги и нужды трибунала. Намек аналогичного рода сделан 6 ноября 1500 года в отношении маэстро Луиса Карпано из Антекеры и его жены, которые, согласно описанию, были конфискованы королевским *fisc* со всем их имуществом, реальным и личным. [1005]

РУТИННЫЙ БИЗНЕС

В ходе взыскания задолженности должники конфискованных поместий, которые были не в состоянии расплатиться, были безжалостно заключены в тюрьму. Так, в 1490 году судья по конфискациям в Сеговии приказывает альгвасилу наложить арест на земли, имущество и деньги дона Мозе де Куэльяра, который задолжал 393 000 мараведи покойному Гонсало де Куэльяру, регидору Буитраго, сожженному за ересь; если он не сможет найти имущества, достаточного для погашения долга, он должен арестовать дона Мозе и заключить его в государственную тюрьму Сеговии. [1006] То же самое было и с мужьями, которые несли ответственность за приданое своих жен, как мы видели в случае с доном Педро Гасконцем (стр. 334). Однако иногда оказывалось, что терпимость - лучшая политика. В 1509 году Санчо Мартинес из Эллина был приговорен выплатить 50 000 мараведи в качестве приданого своей жене, родители которой помирились. Он сослался на бедность перед Верховным судом, который постановил, что, если его имущества недостаточно, его не следует сажать в тюрьму и что на аукционе его имущества ему должно быть разрешено приобрести его на сумму 10 000 или 12 000 мараведи в кредит на год. Это событие показало мудрость договоренности. На аукционе было продано 17 000 долларов; он был покупателем и заплатил за это по истечении года. С годами он накопил 100 000 мараведи, и судья приговорил его к смертной казни за 33 000, которые все еще причитались в качестве приданого. Он снова обратился к Верховному суду, некоторые члены которого сомневались в ответственности за его последующие приобретения, и 5 июля 1519 года дело было поставлено под угрозу, приказав ему оплатить половину недостачи. [1007] Эти примеры небезынтересны как иллюстрации того, каким образом это гигантское разграбление осуществлялось на протяжении более чем пары столетий.

Принятая сложная система раскрывается нам в отчетах конфискационного суда Валенсии за 1530 и 1531 годы. Когда производился арест с наложением секвестра, получатель открывал счет в своем *Libro de Manifestaciones*, в который нотариус по наложению секвестра вносил все предметы описи. Затем последовала *аудиенция гасиенды* и повестки должникам для объявления их обязательств, которые также были приняты. Если заключенный занимался торговлей, проверялись его бухгалтерские книги, и все долги должным образом заносились в одну и ту же запись. Усердно разыскивалась информация всех видов, и независимо от того,

насколько расплывчатой и бесполезной она ни была, она регистрировалась аналогичным образом. Многие из этого было получено от заключенных, которые свидетельствовали о сплетнях, услышанных от сокамерников в тоскливые часы длительного заключения. Так, 9 июля 1527 года Виоланта Сальвадор засвидетельствовала, что Леонор Бенин рассказала ей, что Анхела Парда при аресте доверила Леонор Манресе несколько мелких монет. Анжела Парда и Леонор Бенин обе были сожжены, а Виоланта Сальвадор помирилась. Леонор Манреса, когда ее вызвали для уплаты задатка, отрицала это под присягой, и, поскольку других свидетелей не было, иск о нескольких пенни был отклонен. [1008]

Настойчивость, с которой преследовались эти темные притязания, проиллюстрирована на примере Рафаэля Монкады, арестованного в 1524 году. Некая Сор Каталина засвидетельствовала, что она слышала от кого-то, чье имя она не могла вспомнить, что Монкада сказал, что во время восстания Германии (1520-1522) он спрятал большое количество товаров. Его жена, или вдова, Виоланта, когда ее вызвали, заявила, что во время беспорядков он спрятал несколько шелков в красильне; когда мир был восстановлен, он вынес их оттуда, и когда два года спустя его арестовали, они были среди конфискованных вещей. Ее вызывали снова и снова, всегда придерживаясь одной и той же истории, и только в 1531 году она была уволена. [1009]

Это упорство объясняется тем фактом, что получатель нес ответственность за каждую вещь, внесенную нотариусом в реестр, если только он не мог доказать, что она не подлежит взысканию, к удовлетворению судьи, который затем освободил бы его от ответственности *приговором о взыскании*, означающим, что он приложил должные усилия. Тщательность, проявленная таким образом при отслеживании мельчайших фрагментов собственности, проявляется в петиции, представленной получателем 4 марта 1531 года, о том, что он приложил все усилия, чтобы вернуть четырнадцать суэлько, приданое, данное отцом Барберой и Грабьелем Барберой их сестре Леонор Барбера после ее брака с Грабьелем Масом. Более двадцати лет назад чучело отца Барберы было сожжено, Мас отправился на Канары, покрытый долгами, и умер там бедняком. Леонор умерла восемнадцать лет назад, оставив свое имущество сыну отца Анриху, и он тоже смирился с конфискацией. Анриха вызвали и должным образом допросили, а затем судья разрешил отменить въезд. [1010]

ПОЛНОМОЧИЯ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ

Помимо отлучения от церкви, которому подвергались все, кто добровольно не раскрывал свою задолженность конфискованному имуществу, получатель был наделен широкими полномочиями, позволяющими ему добросовестно выполнять свои обязанности. Когда в 1484 году были произведены первые назначения в Арагоне, все чиновники, светские и церковные, должны были помогать ему, когда потребуется, под страхом королевского гнева и трех тысяч золотых флоринов. [1011] По-видимому, этого было сочтено недостаточным, поскольку формула в приказе, выданном 5 сентября 1519 г. Алонсо де Гумьелю, приемнику Сьюдад-Родриго, гласит, что, если кто-либо отказывается или задерживает сдачу конфискованного имущества, получатель может налагать штрафы по своему усмотрению, и эти штрафы были подтверждены заранее, в то время как каждый, независимо от должности, был обязан подчиняться его приказам в соответствии с тем же дискреционным законом. штрафы. [1012] Легко представить зло и притеснения, которые может причинить беспринципный чиновник, обладающий столь расплывчатыми и произвольными полномочиями, и ужас, который окружает его ведомство,

примером может служить дело в Валенсии, рассмотренное в 1532 году. 2 сентября 1528 года Ноффре Калатаютт набрался смелости, чтобы представить в конфискационный суд петицию, в которой говорилось, что в 1507 году он, как наследник своего отца, стал получать *виоларио*-своего рода аннуитет — в размере пятидесяти суэльдо в год с возможностью погашения по пятнадцати либр, причитающийся Луису Альканьосу, который он выплачивал иногда Джейм Альканьос, а иногда дочери Джоан Альканьос. Джейм был осужден, и приемник изъят виоларио. Опасаясь последствий, Ноффре продолжал выплачивать эту сумму до настоящего времени, хотя она не принадлежала Джейму и сторонам, на жизнях которых она была основана, Гильему Ранкону де Бельвису и Йохану Волуде, которые были мертвы уже двадцать лет. Это дело, должно быть, вызвало ожесточенные споры, поскольку только 17 апреля 1532 года было вынесено решение в его пользу о том, что виоларио не принадлежал Джейму Алкани и что жизни закончились четверть века назад, поэтому получателю было приказано возместить все полученные им платежи. [1013] К счастью, иногда находили суд, который проверял незаконную жадность получателей.

Было бы нелегко преувеличить путаницу и трудности, вызванные применением конфискации, особенно в начальный период. Новые христиане заняли так много должностей, пользующихся общественным и частным доверием, и торговля Испании была в такой значительной степени в их руках, что долгая череда арестов, сопровождавшихся арестом с последующей конфискацией, не могла не парализовать и не затронуть интересы гораздо более широкие, чем интересы жертв и их родственников. Даже после первого дикого потока преследований в деятельность трибуналов постоянно были вовлечены люди, о существовании которых до сих пор никто не подозревал, что приводило к разорению или неразрешимым затруднениям невинных, которым довелось иметь с ними дело. Более того, поиск в прошлом ереси тех, кто давно умер, привел к аннулированию старых сделок и аннулировал права собственности на имущество, которое долгое время принадлежало ни в чем не повинным владельцам. При жизни Фердинанда мы слышим о многих из этих дел, переданных на его рассмотрение в порядке апелляции, и по большей части не напрасно, поскольку, когда несправедливость его получателей была очевидна, он незамедлительно отзывал их иск, а когда возникали сомнения, он часто любезно отказывался от части или всего своего иска. Несколько типичных примеров проиллюстрируют некоторые из различных аспектов проблем, охвативших страну и подорвавших развитие процветания Испании.

ТЯГОТЫ ДЛЯ НЕВИННЫХ

В начале 1498 года Фердинанд был поражен, узнав, что трибунал Барселоны арестовал Хайме де Касафранка и наложил арест на его имущество. Касафранка был заместителем генерального королевского казначея Каталонии; он служил долго и верно, не подозревая о своей ортодоксальности, и пользовался полным доверием короля. В его руках были деньги короны, а также суммы, отправленные туда на ремонт замков Руссильона, и эмбарго, наложенное на эти средства, грозило серьезными осложнениями. Если бы речь шла только о частных интересах, конфуз был бы непоправимым, но Фердинанд нарушил установленный порядок, приказав передать все конфискации в руки своего адвоката-фискала, которому было поручено распорядиться деньгами по мере поступления ему инструкций и составить опись, чтобы можно было разделить государственную и частную собственность. Затем в спешном порядке был

отправлен гонец в Италию с приказом Касафранке обеспечить ему немедленный проезд в Геную, и, поскольку задержка была бы крайне вредной, об этом следовало позаботиться немедленно. Кроме того, там были два сундука с шелком, выписанные на имя Габриэля Санчеса, но принадлежавшие королю, и два сундука с бумагой для королевского секретаря, а также несколько попон и инструментов, принадлежавших генеральному казначею, и несколько книг, принадлежавших наследникам Гонсалеса Руиса, за которыми нужно было присматривать. Более того, Фердинанд рекомендовал Касафранку на благосклонное рассмотрение трибунала, поскольку обвинение могло быть злонамеренным, и он призвал совесть инквизиторов соблюдать справедливость. Касафранка, однако, в конце концов был осужден, и Фердинанд утешил своих детей некоторыми фрагментами конфискации. [1014]

Произвольная полнота инквизиционной процедуры и трудности, возникающие на пути новых христиан, проиллюстрированы в случае с Гилабертом де Санта-Крусом младшим. Когда его отец с тем же именем был наказан, сын пошел на компромисс с приемщиком, по условиям которого он получил часть имущества своего отца в счет погашения приданого своей матери и некоторых других претензий. Затем он женился на Марии Сид и заложил это имущество в брачном контракте. В 1500 году отец был снова арестован, когда имущество сразу же было снова конфисковано; он жил с сыном, под этим предлогом все домашнее имущество последнего, даже одежда и безделушки жены, были внесены в опись. Более того, сын был сотрудником фирмы, которая нанимала отца в качестве фактора, из-за чего все их товары и книги были конфискованы, что угрожало разорением их бизнеса. В этой чрезвычайной ситуации единственным выходом было обратиться к Фердинанду, который ответил трибуналу инструкциями о том, что его воля заключается в том, чтобы ни к кому не было допущено несправедливости; он должен был изучить документы и немедленно действовать в соответствии с фактами, не притесняя и не причиняя вреда заинтересованным сторонам и не ожидая результатов судебного разбирательства по делу отца. [1015]

Ненадежность, омрачавшая все сделки, проиллюстрирована случаем Диего де Салинаса из Авилы, который получил в качестве приданого за брак с дочерью Гонсалеса Гомеса, ныне покойного, арендную плату в размере сорока пяти фанег пшеницы, которую последний в 1499 году купил для этой цели у Родриго дель Барко за 30 000 мараведи. В 1501 году было установлено, что Родриго унаследовал эту арендную плату от своего деда, Педро Альвареса, чья слава и память были осуждены, и на нее по закону претендовал *fisc*. К счастью для Диего, он оказал услуги монархам, в благодарность за что они выделили ему 25 000 мараведи арендной платы; она должна была быть оценена, и он должен был заплатить все, что она стоила, сверх этой суммы. [1016]

Любезного вмешательства Фердинанда добился Паскуаль де Веллидо, который продал Педро де Санта Крису дом за 1000 суэльдо, оставив за собой право выкупа по той же цене. Педро смирился с конфискацией, и Паскуаль обратился к получателю с просьбой разрешить ему выкупить дом, но, поскольку он потерял свою *хартию изящества*, ему было отказано, и дом был продан за 1600 суэльдо. В 1502 году он нашел документ и потребовал сверхнормативную сумму в 600 суэльдо, которую получатель отказался выплатить, пока Фердинанд не приказал ему сделать это, потому что Паскуаль был беден и у него была дочь, на которой нужно было жениться. [1017]

Таким образом страдали отнюдь не только конверсос, поскольку старые христиане постоянно испытывали смущение из-за тумана, нависшего над титулами. В 1514 году дон Перо Нуньес де Гусман, Клаверо, или казначей ордена Калатравы и мажордом инфанта Фердинанда, представил королю, что у его дяди, Луиса Осорио, епископа Хаэна, был мажордом по имени Родригес Джабалин, который задолжал ему и расплатился арендой определенной недвижимости за 4500 мараведи. Епископ умер в 1496 году, и Гусман, унаследовавший имущество, передал его декану и капитулу Хаэна, чтобы тот организовал вечную мессу за упокой души своего дяди. Орден продал их, и в 1514 году инквизиция конфисковала их, потому что Джабалин унаследовал их от предка, чья слава и память были осуждены. Гусман заявил, что, если нынешние владельцы будут изгнаны, капитулу придется исправиться; таким образом, месса будет прекращена, и, по его молитве, Фердинанд приказал снять арест. [1018]

ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАРЫХ ПРЕТЕНЗИЙ

В качестве страховки от таких потерь продавцы и покупатели иногда пытались получить у короля или судебных инстанций лицензии на передачу собственности, реальной и личной. Вероятно, это было редкостью, поскольку я встречался лишь с единственным случаем, случаем Йохана Гарриги, его жены и детей, которые в 1510 году с Майорки обратились к Фердинанду с петицией о разрешении продать свою собственность и способности для покупки другими. Фердинанд передал дело инквизитору Майорки, сказав, что он не знает, была ли собственность каким-либо образом передана *fisc*, но если инквизитор считает, что лицензия должна быть выдана, он уполномочен выдать ее с королевским подтверждением. [1019] Если Гаррига получил свою лицензию, ему, вероятно, пришлось бы дорого за это заплатить, поскольку чиновники часто отнюдь не любезничали, злоупотребляя своей неограниченной властью. В том же 1510 году Антонио Мингот из Аликанте пожаловался Фердинанду, что его приговорили выплатить 294 либры в качестве долга Гонсало Ройсу, осужденному за ересь. Он обратился к генеральному инквизитору, который вернул дело инквизиторам, но, прежде чем они приняли решение по делу, получатель выставил на аукцион свою собственность стоимостью более 4000 дукатов, а затем, за выплату 100 дукатов, отложил продажу до дня Святого Иоанна. Мингот попытался обратиться к королю, но не смог получить копии необходимых бумаг, поскольку были допущены задержки, чтобы перенести рассмотрение дела на более поздний срок. Фердинанд тепло выразил свое недовольство в письме от 21 мая, приказав предоставить копии всех бумаг и приостановить разбирательство на семьдесят дней после этого, но виновные должностные лица не были наказаны. [1020]

Постоянно всплывали и возбуждались старые иски, давно удовлетворенные, и единственным средством защиты от них, по-видимому, был король. Несколькими месяцами позже, чем в предыдущем случае, он получил петицию от жителей деревень Скавьелла и Ла Мата, в которой говорилось, что 3 ноября 1487 года они выплатили ченсо в размере 400 суэльдо Леонарту де Сантанхелю, и теперь, спустя почти четверть века, получатель требует от них этого на том основании, что Сантанхел в то время находился в тюрьме и не мог получить деньги. Фердинанд приказал получателю не беспокоить их, поскольку они были невежественными крестьянами и оплата была произведена с согласия их господина, епископа Уэски. Точно так же в 1511 году Доминго Юстин из Сарагосы заявил, что в 1484 году он дал обязательство на 3000 суэльдо в качестве обеспечения выдачи ему переводного векселя на Рим. По возвращении он не смог добиться передачи бумаги из-за бегства владельца, но она нашлась, и теперь у него ее

потребовали. Фердинанд приказал освободить его от должности после того, как он принесет клятву, гарантирующую отлучение от церкви. [1021]

Старые и забытые ереси эксплуатировались с равной строгостью. В 1510 году Педро де Эспиноса из Базы сообщил Фердинанду, что, когда База была отбита у мавров (4 декабря 1489 года), он женился на Альдонсе Родригес, племяннице и приемной дочери эскайра Лазаро де Авилы и Каталины Хименес, а после смерти Лазаро они переехали жить к Каталине. Теперь Каталина была осуждена за акт ереси, совершенный ребенком в доме ее отца (вероятно, во время поста или употребления пресного хлеба), и ее имущество стоимостью около 18 000 дукатов было конфисковано. Принимая во внимание его заслуги в войне с Гранадой, Эспиноса умолял отменить конфискацию, и Фердинанд великодушно согласился на сумму в 18 000 дукатов. [1022]

Со смертью Фердинанда эти частые обращения к короне стали реже и встречались с меньшей добротой, хотя призывы к смягчению строгости закона не уменьшились, как будет видно из дела монастыря Бонифаза. В 1452 году Педро Рой, священник из Тортосы, продал Дальвидо Толосе из Сальсета за 400 либр арендную плату в размере 20 либр в год, обеспеченную определенным имуществом, и это имущество Рой впоследствии продал монастырю. В 1475 году Дальвидо умер, оставив арендную плату своему сыну Луису Толосе, у которого монастырь выкупил ее 1 марта 1488 года. Луис, или память о нем, был осужден, и примерно в 1519 году получатель потребовал от монастыря 400 либр и всю задолженность по арендной плате, утверждая, что выкуп был произведен путем мошенничества с *fisc*, поскольку ересь Луиса предшествовала этому. Дело было ясным, и решение в отношении монастыря было вынесено 7 июня 1519 года. Ссылаясь на бедность, компания обратилась за помощью к Карлу V, который проинструктировал получателя, что, если он выплатит 100 либр в июле и еще 50 в течение года, он должен отозвать иск. [1023]

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Алчность инквизиции не уменьшалась со временем, как и ее пагубное влияние на всех, кто подвергался ее притязаниям. В 1615 году немецкий протестант, известный как Хуан Кот, был приговорен трибуналом Толедо к пожизненному заключению и конфискации. Ему тогда было двадцать четыре года, и в ранней юности его дядя Хуан Авентрот увез его на Канарские острова, где дядя женился на Марии Вандала, вдове с четырьмя детьми, которая умерла в 1609 году, оставив Котту пятую часть своего состояния. В 1613 году Авентро отправил его в Испанию с письмом к герцогу Лерма, которое привело к разоблачению его ереси. Разбирательство о конфискации его доли в имуществе вдовы тянулось бесконечно. 7 сентября 1634 года Верховный суд приказал трибуналу Толедо предоставить документы по делу, включая свидетельство о дате ереси Коута, которая, учитывая, что он воспитывался как протестант, была установлена в возрасте четырнадцати лет, когда он мог считаться ответственным. В этом инквизиция перегнула палку, поскольку в 1635 году Канарский трибунал сообщил, что наследники утверждали, что Кот был неспособен к наследованию, поскольку он был воспитан как протестант, и он, и его дядя притворялись католиками, и они потребовали копию приговора, чтобы продемонстрировать это. Затем беззастенчивый Супрема изменил позицию и 10 сентября 1640 года получил от трибунала Толедо свидетельство о том, что Кот начал свои еретические действия в 1613 году, когда он доставил письмо в Лерму и передал его Филиппу III в

августе 1614 года. Как закончилось дело и сколько еще оно тянулось, мы не знаем, но инквизиции, по крайней мере, удалось наложить арест на поместье на двадцать пять лет. [1024]

Тяготы системы для невиновных третьих лиц усугублялись тем фактом, что в этом, как и во всем остальном, инквизиция заявляла об исключительной юрисдикции и осуществляла ее. Апелляция подавалась не в незаинтересованный суд, а только от судьи по конфискациям в Suprema, который был так же сильно, как и его подчиненные, заинтересован в получении как можно больших доходов из всех источников. Когда они отпали, либеральности, столь часто проявляемой Фердинандом, больше не было, и она стала неумолимой. Конфискации были специально назначены для выплаты заработной платы, и судьи, таким образом, были напрямую заинтересованы в их продуктивности. Опасность и унижительность этого были полностью осознаны. В своем тщетном плане реформ в 1518 году Карл V предложил назначить чиновникам определенное жалование и избавить их от зависимости от приговоров, которые они выносили. [1025] В 1523 году он получил от своего тайного совета меморандум, в котором, среди прочего, его настоятельно просили следить за тем, чтобы в инквизиции производились надлежащие назначения и чтобы они получали соответствующее жалование из других источников, чтобы они не жили ни нищенством, ни кровью своих жертв, и чтобы их труды были направлены на обучение, а не на разрушение и на то, чтобы сделать христианство ненавистным для других. неверный. [1026] Суды Кастилии неоднократно заявляли протест по тому же поводу. Те, кто жил в 1537 году, жаловались на то, что таким образом выплачивается жалование; те, кто жил в 1548 году, просили Карла установить фиксированное жалование, чтобы положить конец печально известному злу судей, которые платят сами себе путем штрафов и конфискаций, и снова, в 1555 году, они указали, что, помимо опасности того, что судьи будут получать свое жалование из-за приговоров, которые они выносят, это уменьшило уважение, причитающееся Святой Канцелярии. На это был дан простой ответ, что этот вопрос был рассмотрен и будет надлежащим образом решен. [1027] Испанские финансы, однако, никогда не были в состоянии гарантировать инквизиции, что, если она выплатит свои квитанции короне, она получит их обратно в виде ассигнований на заработную плату и расходы. Как мы видели, он держал их под своим собственным контролем и ревниво пресекал любое вторжение, даже со стороны короны, в свою исключительную юрисдикцию в отношении конфискаций.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Эта позиция была завоевана не без борьбы. 20 января 1486 года Фердинанд уполномочил инквизиторов Сарагосы выступать в качестве судей в разрастающемся сложном судебном процессе и поручил им решать все возникающие в связи с этим вопросы. 31 марта он повторил судебный запрет; если светским судьям будет позволено вмешаться, все будет потеряно; они должны быть ограничены порицаниями, как это уже было сделано, и, если потребуются королевские письма или *эксекутории*, они будут незамедлительно предоставлены. Очевидно, этому было активное сопротивление, поскольку 5 мая он написал, что все вопросы должны решаться по церковному закону, поскольку, если фуэрос будут допущены, он никогда не добьется правосудия. Следовательно, инквизиторы должны действовать, судебный исполнитель и фискал должны рассматривать дела, находящиеся на их рассмотрении, самостоятельно, и они должны быть быстрыми. [1028] Когда преследование было активным, это взвалило на инквизиторов слишком тяжелое бремя, более того, к которому они были неподготовлены, поскольку они были богословами, а не каноническими юристами. Заседатели, это правда, помогали им, но специальный трибунал, очевидно, был необходим, и это было

обеспечено созданием судов по конфискации под председательством *судебных органов*. В Кастилии, где *фуэрос* не были препятствием, это уже было опробовано. Уже в 1484 году есть ссылка на такую официальную [1029] и 10 апреля 1485 года было выдано соответствующее поручение виноделу Хуану Антонио Серрано из Кордовы. [1030] Однако в течение некоторого времени такие назначения продолжали оставаться необычными. В 1490 году мы слышим о Хуане Пересе де Ньеве как о судье лос бьенес в Сеговии, [1031] но по большей части инквизиторы и их ассессоры продолжали выполнять свои функции, и, когда существовал суд, его положение было подчиненным, как явствует из письма Фердинанда, 27 августа 1500 г., ассессору, в котором говорилось, что судья должен был заменять его только в обычных случаях, а не связывать ему руки в важных. [1032] Инквизиторы также продолжали действовать, поскольку в 1509 году мы слышим о Ниньо де Вильялобосе в качестве инквизитора и соправителя в Картахене и о некоем Дембрето, занимавшем обе должности в Севилье, в то время как еще в 1514 году о Торибио де Салданья говорят как об инквизиторе и соправителе. [1033] Однако с постепенным исчезновением оценщиков необходимость в отдельном должностном лице стала очевидной, и конфискационные суды стали неотъемлемой частью судебных органов, пока конфискации оставались многочисленными и прибыльными. Ближе к концу, когда они стали нечастыми, обязанности судьи исполнял старший инквизитор. [1034]

Фердинанд, тем временем, настаивал на исключительной юрисдикции инквизиции по всем вопросам, связанным с конфискацией, признавая, что его интересы пострадают, если будет разрешено вмешаться светским судам. Установление этого правила на практике относится к 1508 году. Получатель Хаэн продал конфискованный дом Диего Гарсия эль-Рико за сорок две тысячи мараведи в кредит сроком на год. Когда срок истек, Гарсия, вместо того чтобы заплатить, выставил дом, подаренный ему Филиппом Австрийским. После того, как короткая карьера Филиппа закончилась, к его действиям отнеслись без особого уважения, и судебный суд лос-Анджелеса отказался признать грант на том основании, что он не был скреплен подписью Верховного суда. Гарсия обратился в канцелярию Гранады, которая распорядилась признать грант, но 18 января 1508 года вмешался Фердинанд, приказав судьям держаться подальше и никоим образом не вмешиваться в деятельность инквизиции ни в ее гражданской, ни в уголовной юрисдикции. [1035] Канцелярия не отнеслась к этому благосклонно и в 1510 году вынесла еще один выговор за вмешательство в судебные процессы, касающиеся секвестров и конфискаций; если какие-либо дела подобного рода находились на рассмотрении, они должны быть немедленно переданы в суды, к которым они принадлежали, и в будущем ничего подобного рассматриваться не должно. [1036]

Было невозможно, чтобы эта чудовищная политика, заключающаяся в том, чтобы сделать его судьей в своих собственных делах, была принята без сопротивления, но корона стойко поддерживала ее. Трибунал Хаэна вложил часть своих средств в центр, созданный священнослужителем Алькалы. Он умер в 1524 году, когда его мать и братья напали на ченсо как на собственность, в которой у них были безраздельные интересы, и другая сторона выступила с заявлением о наложении ареста на ту же собственность. Инквизиция конфисковала его, а также взыскала некоторые долги, причитающиеся покойному, что снизило его требования до семи или восьми тысяч мараведи. Другие стороны обратились в канцелярию Гранады, которая рассмотрела дело, но инквизиция сослалась на Карла V, который в письмах от 19 мая и 7 июля 1525 года повторил приказ Фердинанда воздерживаться от любого вмешательства. Инквизиция была единственным судьей, и стороны, считающие себя потерпевшими, должны были обратиться к Верховному Судье. [1037] Тем не менее, те, кто страдал от несправедливости,

искали помощи в светских судах, которые были не прочь им помочь; жалобы были громкими с обеих сторон, и нарушения компетенции были частыми, пока, как мы видели, они не привели к урегулированию 1553 года, в котором принц Филипп категорически запретил рассмотрение таких вопросов всем судам и министрам юстиции и строго ограничил апелляционную юрисдикцию Превосходно. [1038]

Как уже было замечено в других делах, большой верховный суд Гранады проявил непокорность и упорствовал в отстаивании своей юрисдикции. В 1571 и 1573 годах он рассматривал дела, связанные с конфискациями, и в обоих случаях Филипп II велел ему держать себя в руках и не вмешиваться в подобные дела. Несмотря на это, в 1575 году она вмешалась в дело, которое наводит на мысль о разумных возражениях против назначения инквизиции судьей в ее собственном деле. Кредиторы дона Диего де Кастильи наложили эмбарго на его имущество, и суд передал его в руки администратора в их интересах; но суд Мурсии случайно задержал его ченсо за тысячу дукатов; вмешался суд лос бьенес, наложил арест на имущество, продал его и оставил деньги себе. Канцелярия пыталась добиться справедливости для других кредиторов; она арестовала джуэза и бросила его в тюрьму, когда Филипп снова вмешался, приказав освободить его и прекратить дело. [1039]

КОМПОЗИЦИИ

Это иллюстрирует независимость королевств Арагонской короны тем, что, когда сборщики налогов Валенсии взимали налоги и пошлины с конфискованного имущества и его продажи, Карл V был вынужден обратиться к Святому Престолу с просьбой предотвратить это. Климент VII любезно издал буллу от 7 июля 1525 года, запрещающую это под страхом отлучения от церкви и штрафа в тысячу дукатов папской камере; генеральный инквизитор был назначен хранителем и судьей для обеспечения соблюдения этого путем порицания, интердикта и обращения к светской власти, что, несомненно, положило конец этой практике. [1040]

По мере развития деятельности инквизиции был найден дополнительный источник наживы в спекуляциях на терроре, охватившем новые христианские общины. Невозможно определить, возникла ли эта идея из их меркантильных инстинктов или из желания суверенов поскорее реализовать ее, но, по сути, это была своего рода грубая и несовершенная страховка от определенных непредвиденных обстоятельств конфискации, за которую те, кто находился в опасности, были готовы заплатить высокую премию. Уже 6 сентября 1482 года в письме Фердинанда Луису Кабанильесу, губернатору Валенсии, встречается намек на соглашение такого рода, заключенное с Конверсос этого города, в соответствии с которым, по-видимому, они согласились выплатить определенную сумму вместо конфискаций и назначили оценщиков для распределения доли каждого человека. Некоторые из тех, кого таким образом обвинили, отказались платить, и Фердинанд приказал принудить их к тюремному заключению. [1041] Каковы были точные условия этого, мы не можем знать, но 6 июня 1488 года он заключил еще одну сделку с валенсийскими Конверсос, которые были примирены в соответствии с эдиктом о милости, по которому они заплатили ему за освобождение от конфискации — по-видимому, довольно свежий обман, поскольку это примирение заменило конфискацию штрафом. Затем, 6 апреля 1491 года, он подтвердил это и за дополнительную выплату в размере пяти тысяч дукатов

добавил освобождение от ответственности за впоследствии совершенные еретические действия, если они не приводили к рецидиву, и за несовершенно признания, сделанные в соответствии с Эдиктом о благодати, поскольку, как мы увидим ниже, такие признания часто были источником опасности, возникающей из-за незначительных упущений, истолковываемых инквизиторами как делающие их фиктивными и влекущие за собой послабления. Это несмыслимый позор для Фердинанда, что в этих сочинениях он не сдержал слово тех, чьи деньги он взял. В 1499 году Верховный суд выступил против этого соглашения, вероятно, из-за жалоб на то, что оно было нарушено захватом и продажей имущества, подпадающего под него. Затем Фердинанд заявил, что в его намерения не входило освобождать от конфискации тех, чьи признания были несовершенно, после чего Верховный Суд приказал инквизиторам и судебному исполнителю преследовать в судебном порядке и конфисковать имущество всех таких кающихся, несмотря на соглашение. Даже закаленный судебный исполнитель Алиага, похоже, колебался подчиняться этим приказам, поскольку Фердинанд был вынужден написать ему 27 сентября, что они должны быть выполнены, несмотря на привилегию и ее подтверждение. [1042]

Трудности, причиненные невинным этим нарушением веры, проиллюстрированы в петиции, поданной в 1519 году Карлу V Хуаном и Беатрис Гимера, детьми Берната и Виоланты Гимера, которые после сочинения 1488 года были осуждены за несовершенно признание, а их имущество конфисковано. Хуан и Беатрис, с другими детьми, оказавшимися в таком же положении, обратились к Фердинанду, который в соответствии с положением от 6 апреля 1491 года приказал получателю вернуть все это имущество. Они получили его и пользовались им в течение двенадцати лет, после чего по приказу 1499 года инквизиторы отобрали его у них. Исходя из этого, они подали апелляцию, но были слишком бедны, чтобы довести ее до конца, и Верховный суд объявил апелляцию отклоненной. Теперь они молили Чарльза о восстановлении их собственности и показали, что после казни их родителей они выплатили все оставшиеся части композиции. Ввиду этого Карл, в качестве особой милости и в порядке осуществления королевского милосердия, распорядился — не о том, чтобы имущество, которого они были лишены, было возвращено, — но о том, чтобы получатель вернул им ту сумму, которую инквизиторы могли бы обнаружить, что они заплатили из суммы, полученной после смерти их родителей, без вычета из нее требования *fisc* о доходах от имущества за время их двенадцатилетнего владения. [1043]

КОМПОЗИЦИИ

Еще хуже, если это возможно, было поведение Фердинанда в сочинении, составленном 10 сентября 1495 года с участием наследников и преемников всех, кто в Арагоне умер к тому времени и чьи воспоминания были или могут быть осуждены в будущем. За сумму в пять тысяч дукатов он передал тем, кто внес свой вклад, все конфискации их наследства, а также наследства тех, кто отказался вносить свой вклад, для распределения между ними пропорционально их вкладам. Логически это подтвердилось, когда в 1499 году, ввиду проблем с получателем, по молитве жертвователей он назначил Висента де Бордальву администратором собственности, который должен был претендовать на нее, удерживать и распределять между владельцами. По прошествии семи лет, в 1502 году, его охватили угрызения совести из-за того, что таким образом он нарушил каноническое право, которое лишало детей еретиков права наследования. Это правда, что он мог бы присвоить собственность, а затем безвозмездно подарить ее, как это часто делалось в особых случаях, но его щепетильность была слишком

деликатна для такой уловки. Письмами от 13 декабря 1502 года инквизиторам и ассессору он приказал наложить арест и конфискацию всего имущества, переданного таким образом, и вернуть вкладчикам, во всех случаях, когда они страдали, деньги, которые они заплатили, — таким образом, сохранив взносы тех, кто не извлек выгоду из сочинения. Это нарушение веры произвело огромную сенсацию в Сарагосе, и даже его сын, архиепископ, осмелился возразить, когда лицемерно ответил, что действует по совету ученых и богобоязненных людей, которые продемонстрировали ему, что он не может с чистой совестью и без опасности для своей души предоставить привилегию, противоречащую каноническому праву; страдальцы должны набраться терпения, ибо это соответствует канонам святой Матери-Церкви, которые обязательны для него. [1044]

Инквизиторы и судебный исполнитель не слишком любезно воспользовались предоставленной возможностью, и вскоре посыпались жалобы на то, что, помимо наследства, они наложили арест на все имущество, принадлежащее наследникам, включая их приобретения и приданое их жен, и что, более того, они не вернули взносы. Таким образом, еще до истечения декабря 1502 года братья Буэндия обратились к нему с апелляцией; они заплатили пятнадцать тысяч суэздо за композицию, и теперь получатель наложил арест на то, что они унаследовали от своего отца; большую часть этого они продали; они приобрели своим трудом другое имущество, которое они унаследовали от своей матери, которая была старой христианкой, и получили приданое вместе со своими женами, и все это было включено в арест. Фердинанд просто доложил об этом инквизитору с расплывчатым приказом вершить правосудие, чтобы не давать повода для жалоб. Легко представить себе путаницу в названиях, множество исков и количество страданий, возникающих в результате этого произвольного расторжения контракта. Соппротивление продолжалось, но оно было безрезультатным, поскольку Фердинанд держался стойко и повторил свои безапелляционные приказы 4 января и 8 марта 1503 года, 8 июля и 7 ноября 1504 года и 7 октября 1508 года. [1045] Более того, представляется, что многие из пострадавших вкладчиков так и не получили возврата своих денег, поскольку это стало предметом одной из статей Арагонской конкордии 1512 года, подтвержденной буллой Льва X 1516 года, предусматривающей, что тот, кто присоединился к составлению списка имущества умершего и выплатил свои деньги, если впоследствии умерший был осужден и *fisc* наложил арест на его наследство, он должен взыскать из имущества то, что он заплатил, при условии, что выплата не была произведена из имущества умершего. [1046] Таким образом, было признано, что контракты не являются препятствием для инквизиции.

Существовали различные формы этих составов, страхующих от различных рисков и ограничений, которым подвергалась собственность *Conversos*, но все они имели то общее, что вкладчик бросал свои деньги в пул, из которого его шансы извлечь выгоду были в высшей степени проблематичными. Поэтому поразительным свидетельством отчаяния, до которого были доведены Новые христиане, является то, что они стремились ухватиться за эти жалкие шансы и вложить свои деньги в вечно пустеющую королевскую казну, в то время как Фердинанд, несмотря на свою добросовестную щепетильность, всегда был готов спекулировать на их отчаянии. Сейчас невозможно сказать, сколько композиций было создано от начала до конца, но, вероятно, в тот или иной момент они охватили почти всю Испанию. Мы видели, что до 1500 года в Кордове был один, который приносил большую прибыль инквизитору, который им управлял, и еще один с неопределенной датой в Андалусии (Vol. I, стр. 190, 220); один был в Ориуэле в 1492 году, второй - в Валенсии в 1498 году, а в 1515 году были другие в провинциях

Бискайя и в Куэнке. Более того, иногда инквизиторам разрешалось заключать подобные сделки с частными лицами, как на Майорке в 1498 году и в Каталонии в 1512 году. [1047]

КОМПОЗИЦИИ

Образец этих отдельных композиций был представлен нам в ходе расследования, проведенного в 1487 году доктором Альфонсо Рамиресом, судьей лос бьенес из Толедо, по счетам Хуана де Урриа, покойного получателя, который, как сообщалось, обманом похитил у fisc более полутора миллионов мараведи. Педро де Толедо бежал в Португалию, чтобы избежать суда, и его жена Исабель Диас договорилась с Уррией о королевской грамоте о безопасности и помиловании для него, его имущества и отцовского наследства, согласованная цена которого составляла полмиллиона мараведи, в дополнение к которой Уррии было обещано сто флоринов за его услуги. Педро вернулся и заплатил за письмо, а Исабель дала Урриа тринадцать золотых крузадо и четырнадцать кусков ткани, которые он продал, заявив, что ему не хватает пятисот мараведи. [1048] Это было продуктивно, но еще более продуктивным был случай 1514 года, когда Франсиско Санчес из Талаверы выкупил имущество своего покойного отца за миллион мараведи. [1049]

Эти сделки подтверждают вывод о том, что преследование было в значительной степени вопросом финансов, а также веры. Такое убеждение подкрепляется историей величайшей из общих композиций, наиболее длительной и запутанной операцией, пространство которой позволяет сделать лишь самые общие наброски. Оно началось с соглашения, подписанного 7 декабря 1508 года Севильей и Кадисом, согласно которому за вознаграждение в двадцать тысяч дукатов наказанным и осужденным или их наследникам передавалось все конфискованное имущество по иску или то, что не было обнаружено и изъято с начала инквизиции по 30 ноября, за исключением того, что было включено в аутодафе от 29 октября. Имущество тех, кто не присоединился к соглашению и не выплатил свои взносы, подлежало аресту, и все вырученные таким образом суммы подлежали вычету из суммы платежа. Также была предоставлена ценная привилегия посещать Индию и торговать с ней, запрещенная всем *примиренцам*. Это было продлено 10 октября 1509 года от имени королевы Хуаны, охватывая архиепископство Севильи, епископство Кадиса и города Лепе, Айамонте и ла Редондилья и предусматривая выплату сорока тысяч дукатов, на которые королева передала вкладчикам в дар все недвижимое и движимое имущество, конфискованное у лиц, примиренных и виновных в несовершеннолетних признаниях или других преступлениях до примирения; также все имущество тех, кто умер примиренным или должен быть примирен и может быть конфискован по причине предыдущих преступлений, вместе взятых. со всем имуществом, конфискованным у тех, кто отказался внести свой вклад. Все отчуждения, произведенные вкладчиками, были подтверждены покупателям, и вкладчики были освобождены от всех штрафов, понесенных за игнорирование инвалидности, причиненной примиренным лицам и их потомкам. С другой стороны, было прямо заявлено, что грант не освобождает от права собственности тех, кто рецидивировал или совершил преступления после примирения, а также не освобождает их от личного преследования или известности. После этого по какой-то причине общая сумма выплаты была увеличена до восьмидесяти тысяч дукатов, из которых шестьдесят тысяч были на композицию и двадцать тысяч на реабилитацию или устранение инвалидности.

Первое препятствие заключалось в сборе огромной массы бумаг, относящихся к старым конфискациям. Трибунал Леона, в котором содержались некоторые из них, отказался выдать их,

и то же самое произошло с бумагами, касающимися Экии, потребовав от Фердинанда неоднократных безапелляционных приказов передать их на хранение в замок Триана для проверки. Наконец это громоздкое дело было запущено. Были назначены ассесоры для начисления взносов вкладчикам, но возникли проблемы, и все дело было передано в руки Педро де Виллачиса, опытного приемщика из Севильи, который сыграл важную роль в заключении соглашения от 1508 года. Работа продолжалась, и были собраны крупные суммы, хотя задержки с оплатой повлекли за собой штрафы, которые к 1515 году составили семьсот пятьдесят тысяч мараведи, подлежащих выплате севильскому трибуналу, но он так и не получил денег. [1050]

КОМПОЗИЦИИ

Воодушевленный этим первоначальным успехом, схема была распространена на королевство Гранада, епископства Кордова, Хаэн, Бадахос, Кория и Пласенсия, а также провинцию Леон, согласованная для них сумма составила пятьдесят пять тысяч дукатов. Однако возникли жалобы на несправедливость в начислениях; выплаты не поступали вовремя; накапливались трудности, которые казались непреодолимыми, и Фердинанд, после консультаций с Хименесом и Супремой, отменил состав. Затем он был восстановлен, и Фердинанд 18 января 1515 года передал его в руки Виллачиса, инструкции которого оправдывают предположение, что под видом акта милосердия весь план был всего лишь предлогом для новых репрессий против беззащитных. Ему было приказано объявить состав во всех местах в пределах соответствующих округов; приказать всем лицам, обязанным платить свои взносы; лица, предлагающие присоединиться, должны были предстать перед ним в сопровождении своих прокуроров в определенное время и назначить взносы, подлежащие уплате каждым местом или лицом, причем такие взносы были обязательны для отсутствующих. Что касается тех, кто отказался присоединиться, Виллачис был уполномочен наложить взыскание на их имущество как на объект совместной ответственности и продать его на аукционе, предоставив покупателям хороший и достаточный титул, гарантированный короной, в то время как все светские чиновники были обязаны оказывать ему любую помощь, в которой он нуждался. Инквизиторы должны были делать то же самое и назначать альгвасилами таких людей, которых он мог бы назвать. Городским коррехидорам были разосланы письма, в которых сообщалось, что некоторые вкладчики отказались платить, и они были уполномочены решать все подобные вопросы кратко и окончательно. [1051]

То, что дело действительно было несанкционированным самозванством, навязанным властью инквизиции, следует не только из этого признания светской юрисдикции, но и из того, что мы знаем о методах, использованных в первоначальном сочинении Севильи. Каждый город был оценен в определенную сумму, которую он разделил по своему усмотрению между вкладчиками. Когда Алькасар был оценен в тысячу дукатов, он выразил протест Фердинанду, который любезно распорядился приостановить казнь. Другим местам повезло меньше, и безжалостное взыскание оценки вызвало сопротивление. Таким образом, в марте 1514 года, когда по приказу трибунала и в качестве представителя Виллачиса Фернандо Ройс отправился в Сан-Лукар-де-Баррамеда, он захватил несколько рабов и другое имущество и поместил их в тюрьму для сохранности. Герцогиня Медина Сидония приказала алькальду вернуть их хозяевам и больше не допускать никаких поборов. Фердинанд немедленно сделал ей выговор, приказав помогать чиновникам и никогда больше не вмешиваться в дела, касающиеся инквизиции. Он также написал инквизиторам с просьбой должным образом наказать личность и имущество

алькальда и всех, кто связан с этим делом; сборы и казни должны продолжаться, а деньги должны быть собраны, поскольку последняя часть сочинения должна быть выплачена к концу мая. [1052]

Это указывает на то, что состав "Севильи" был довольно продуктивным, но другой продолжал тянуть время. Со смертью Фердинанда в январе 1516 года давление было снято, и сопротивление стало всеобщим. Седула, выданная от имени королевы Хуаны 24 февраля, гласит, что те, кто был облагаем, отказывались платить и пользовались поддержкой знати и магнатов, поэтому инквизиторам Севильи, Кордовы, Хаэна и Леона было поручено обеспечить выплату путем взимания налогов и казни и со всей строгостью преследовать тех, кто препятствовал сбору, независимо от их ранга и достоинства. Это было неэффективно. В Кордове граф Кабра и маркиз Приего вынудили агентов Виллачиса отказаться от работы среди своих вассалов, и последний заставил их внести шестьдесят тысяч мараведи, которые они собрали. Тщетно губернаторы Кастилии приказывали им воздержаться, и когда в сентябре граф Кабра оправдал свою настойчивость, заявив, что его люди выплатили компенсацию Родриго Мадридскому, который организовал эту схему, и он не позволит принуждать их к повторным платежам, ему и маркизу сказали, что у Родриго нет полномочий и что его квитанции ничего не стоят, что наводит на мысль о наложении ареста на жертв. На землях герцога Медина-Сидония было выдвинуто такое же возражение, и высокий суд Гранады воспользовался этой возможностью, выдав постановления, ограничивающие сбор средств, и маловероятно, что он уважил королевскую седулу от 4 июля, предписывающую ему воздерживаться от вмешательства. [1053]

КОМПОЗИЦИИ

Это сопротивление было полностью оправдано. Еще до смерти Фердинанда действия Виллачиса и его подчиненных вызвали всеобщее возмущение. В суде Бургоса в 1515 году прокураторы Севильи привлекли внимание нации к своим поборам в петиции, в которой излагались их проступки, несомненно, с преувеличением, но которые, исходя от лиц, не заинтересованных лично, должны были иметь под собой веские основания на самом деле. Виллачиса обвинили в произвольных оценках и в восполнении недостатков путем повторной оценки тех, кто уже заплатил, в жестокости, вымогательстве и мошенничестве, в продаже на аукционе имущества, взятого на реализацию, в необычных местах и в необычное время, чтобы он и его друзья могли его выкупить, в использовании механизма композиции для взыскания своих частных долгов, в обмане fisc путем ложных возвратов, в взимании с вкладчиков непомерных гонораров и расходов своих коллекционеров, хотя соглашение предусматривало, что fisc должен нести их, в предоставлении вкладчикам лишь частичного отчета о его коллекциях и отказе от уплаты налогов. завершив его, он взял с себя всего сорок дукатов, собранных на Канарах, когда имелись доказательства, что сумма превышала тысячу. Короче говоря, его обвинили в злоупотреблении своими произвольными полномочиями почти всеми мыслимыми способами для угнетения народа и собственного обогащения, и в подтверждение этих обвинений были приведены многочисленные конкретные случаи. Магистраты Севильи пытались удержать его, но он пренебрег их юрисдикцией, и поэтому от имени всего сообщества к королю обратились с просьбой прислать в Севилью кого-нибудь, уполномоченного провести расследование, наказать и возместить ущерб тем, кто был незаконно ограблен.

Было невозможно проигнорировать такой призыв, поданный перед лицом нации, и лиценциадо Хирон, один из судей верховного суда Гранады, был отправлен в Севилью, но только с полномочиями провести расследование и доложить Верховной власти в течение шестидесяти дней. Времени оказалось слишком мало, и, превысив его, он попросил освободить его от составления частичного отчета. В декабре 1516 года лиценциату Матео Васкесу, жителю Севильи, было поручено с теми же полномочиями завершить расследование, а также расследовать многочисленные жалобы, поступающие из разных мест, о том, что до назначения Виллачиса Педро дель Алькасар и Франсиско де Санта Крус и их служащие произвели крупные сборы, о которых они не отчитывались; что они сохранили более миллиона мараведи, в то время как те, кто их заплатил, были подвергнуты взысканию и исполнению для обеспечения повторных платежей. В целом все это дело, по-видимому, представляло собой Сатурналию грабежей и растрат. Васкес взялся за выполнение этой задачи, и 17 сентября 1517 года ему было приказано предоставить Виллачису копию доказательств, которые позволили бы ему выступить в защиту, после чего все бумаги должны были быть представлены Верховному суду для принятия решения.

Если в результате этого что-то и произошло, то это не оставило никаких следов в документах. Влияние Виллачиса помогло ему выжить, поскольку он остался на своем посту и продолжил работу. 13 августа 1518 года Карл V приказал провести ревизию своих счетов и выплатить причитающиеся остатки, которые он умело парировал. Было приказано произвести новую оценку, чтобы возместить любую часть из восьмидесяти тысяч дукатов, которые, возможно, еще не были собраны, и это было передано ему для приведения в исполнение. Старые методы все еще применялись, поскольку в марте 1519 года Карл был вынужден энергично написать графу Кабра, маркизу Приего и алькальду-мэру маркиза Комареса, которые снова вмешались в дела своих коллекционеров и прекратили все судебные разбирательства на своих землях.

ВЕТХОСТЬ

Фламандским фаворитам Карла не терпелось поскорее разделить ускользающую добычу. Он предоставил своему камергеру г-ну де Борану остальную часть сочинения, но оно не поступило, как и отчеты Виллачиса. В январе 1519 года он написал Торквемаде, одному из севильских инквизиторов, чтобы тот со всей строгостью закона обязал Виллачиса выплатить Бореинсу любые собранные и не выплаченные суммы, в то время как, если остаток не будет собран, Виллачис должен был заново оценить его и отчитаться перед Бореинсом. Это ничего не дало, и 24 марта Чарльз решительно повторил приказ, предоставив полную власть приводить его в исполнение с применением штрафных санкций по своему усмотрению. Виллачис, однако, имел опыт уклоняться от подобных требований, и Фердинанду оставалось не так уж много, чтобы почерпнуть что-то новое. В 1515 году он разделил состав Кордовы, пожертвовав двадцать тысяч инквизиции и оставив тридцать тысяч для себя. Из этого он получил двадцать тысяч, а оставшиеся десять он передал маркизу Дении, но когда последний вручил этот заказ Виллачису, ему сказали, что восемь тысяч были покрыты предыдущими грантами, и он может получить только две тысячи. Дения пожаловалась Фердинанду, к тому времени смертельно больному, который 4 декабря согласился на передачу ему предыдущих грантов, но Хименес, передавая этот приказ Виллачису, поставил условие, что сначала должны быть выплачены двадцать тысяч для инквизиции, и впоследствии он вообще приостановил предоставление гранта Дении. Маркиз пожаловался на это Карлу, который из Гента 22 мая 1517 года приказал Хименесу отменить отстранение от должности, но Хименес снова настоял на том, чтобы

Виллачис сначала заплатил инквизиции. Средства, казалось, испарялись и растворялись в воздухе. Вполне вероятно, что Дения получила мало или вообще ничего, и что у Борейна дела обстояли не лучше, поскольку главный фаворит Карла, Адриан де Крой, получил в качестве своей доли добычи только семьсот пятьдесят тысяч мараведи, штрафы за задержку, которые были назначены севильским трибуналом. Однако ненасытные Кальчена и Агирре получили тысячу дукатов, которые в 1515 году Фердинанд пожаловал им в награду за их труды над композицией. [1054] Таким образом, в течение десяти лет новые христиане значительной части Испании подвергались преследованиям и обнищанию из-за обманчивых обещаний освобождения и вымогаемых таким образом денег, но мало что доходило ни до короны, ни до инквизиции. Севильский трибунал, действительно, мог практически ничего не получить, поскольку, как мы видели, в 1556 году его архиепископ Вальдес утверждал, что с начала века он был настолько беден, что мог содержать лишь одного инквизитора и выплачивать лишь треть обычного жалованья. [1055]

Сейчас было бы невозможно предположить, каково было количество того, что было таким образом разграблено трудолюбивыми и производящими классами Испании, или какова была сумма причиненных таким образом страданий, хотя мы можем оценить возмездие, которое последовало за дезорганизацией испанской промышленности и замедлением экономического развития. То, что попало в королевскую казну и денежные сундуки инквизиции, было лишь частью ценностей, которых были лишены владельцы. Захваченное имущество таяло в руках грабителей. Значительную часть расходов составили судебные процессы, которые чрезмерно затянулись, и содержание заключенных. Ветхость и казнокрадство, которых не могла предотвратить даже неусыпная бдительность Фердинанда, были источником постоянных потерь. Даже без этого необходимость немедленной реализации, удовлетворения императивных требований казначейства и трибуналов, выбросила на рынок огромное количество собственности и товаров всех видов в принудительных продажах, которые неизбежно были принесены в жертву. Это было установленное правило, постоянно провозглашаемое, согласно которому все, кроме денег и ценных бумаг, должно было быть продано с аукциона, недвижимое имущество на тридцатый день после вынесения приговора, в присутствии распорядителя и нотариуса по наложению ареста. [1056] Несмотря на все меры предосторожности, сговор и мошенничество были постоянными. Несомненно, в попытке сдержать их Вальдес в 1547 году распорядился, чтобы недвижимость, цензоры или государственные ценные бумаги не продавались без консультации с Верховной Властью вместе с заверенным отчетом о прошлых доходах и вероятных поступлениях, а в 1553 году за этим последовал приказ о том, что имущество, находящееся в судебном процессе, не должно продаваться. [1057] Меры предосторожности, однако, оказались безуспешными. Мемориал 1623 года Верховному Правителю отмечает, что при конфискации, оценке и продаже конфискованного имущества существует много возможностей для человеческого зла; оценки обычно слишком низкие, а продажи осуществляются по самым низким ценам. Всякий раз, когда это возможно, имущество должно быть доставлено в город трибунала, должным образом оценено, и получателю должно быть запрещено продавать его дешевле. Когда продажа должна производиться в месте ареста, она должна осуществляться с публичных торгов в присутствии комиссара и знакомого, чтобы убедиться в том, что получены справедливые цены. [1058] Верховный суд, похоже, размышлял над этим до 1635 года, когда потребовал отчетов о том, каким образом проводились аукционы и были ли получены справедливые цены; если

имущество находилось в каком-то небольшом месте, его необходимо было перевезти в более крупный город, чтобы предотвратить мошенничество. [1059]

Более того, в период активной конфискации, когда богатые классы были либо разорены, либо ожидали разорения, иногда было невозможно осуществить продажу, и в условиях давления и неразберихи собственности позволялось пропадать. В письме от 20 марта 1512 года, адресованном получателю Уэски и Лериды, говорится о необитаемых домах и землях, которые не были проданы из-за невозможности установить справедливые цены, и которые вследствие этого гибли, и ему было сказано посмотреть, не сможет ли он продать их в качестве арендной платы за землю, с правом выкупа или безвозвратного погашения. [1060] Невозможно не увидеть в этом начало *деспотии*, которая более двух столетий приводила в отчаяние испанских государственных деятелей. Итак, в 1531 году дому Хуана Санса в Хативе, у которого оно было конфисковано, было позволено прийти в такое аварийное состояние, что никто не захотел брать его с учетом обременений, а арендная плата не соответствовала арендной плате за землю, поэтому оно было передано обременителям. [1061]

ВЕТХОСТЬ

Способ, которым таяло имущество, виден на примере поселения, заключенного в 1519 году, в поместье мэра де Монсона, сожженного за ересь. Оно было оценено в 110 197 мараведи, но против этого были расходы женщины и ее детей во время пребывания в тюрьме, составившие 41 100, и вдовец, Диего де Адраде, в конце концов согласился получить поместье за 17 000 мараведи, при условии предъявления к нему любых претензий. [1062] Каждый, кого это касалось, ухватился за все, что мог. В 1532 году трибунал Валенсии отправил Рафаэля Диего на Майорку арестовать и привезти Леонор Хуан, жену слепого Рамона Мартина. Она примирилась с конфискацией, и Карл V выделил мужу сто либр из наследства, но когда счет был составлен, расходов оказалось недостаточно, чтобы расплатиться с ним. Одним из пунктов, против которого он протестовал, было двадцать пять дукатов Диего за двадцать дней работы, когда его зарплата составляла всего восемьдесят дукатов в год; следовательно, Супрема приостановила действие этого пункта, но в 1545 году генеральный инквизитор Тавера приказал выплатить его. [1063]

Возможно, излишне настаивать на том, что было неизбежно в эпоху, когда честность была исключительной в государственных делах и в бизнесе, создающем особые соблазны для злоупотреблений из-за постоянной неопределенности поступлений и трудности осуществления компетентного надзора. Фердинанд делал все возможное, чтобы установить подотчетность, и его непрестанная активность проявляется в его мельчайших критических замечаниях к отчетам аудитора о счетах получателей, но даже его бдительность не могла предотвратить мошенничество и казнокрадство, и он не мог проникнуть в тайны, скрывающиеся за отчетами о поступлениях и расходах, когда получатели были склонны использовать средства как свои собственные. Когда Хуан Денбин, управляющий Сарагосой, умер и его счета были сбалансированы, после того как были сделаны все возможные выплаты, в 1500 году выяснилось, что он задолжал 9367 суэльдо, которые Фердинанд тщетно пытался взыскать со своего наследника, аббата Веруэлы. Заместитель Денбина в Калатаюде последовал его примеру, и в 1499 году было обнаружено, что ему не хватает 24 000 суэльдо, из которых он заплатил 8000, а остальное пообещал в размере 4000 в год; взнос в размере 1500 был получен

после некоторой задержки, и, когда мы в последний раз слышим о нем, Фердинанд пытался добиться выплаты в 1501 году. [1064]

Легко понять хроническое нежелание таких должностных лиц делать заявления, и переписка Фердинанда показывает, как трудно было заставить их сделать это. Много наводящего на размышления содержится в письме от 15 октября 1498 года, адресованном маэстре Расовому, или генеральному аудитору Каталонии, в котором говорится, что, поскольку Хайм де ла Рам, бывший управляющий, и Педро де Бадиа, нынешний, под различными предложениями отказываются передать свои бухгалтерские книги, чтобы можно было урегулировать их счета, он должен предпринять юридические шаги, чтобы заставить это сделать; у них может быть время до 1 марта 1499 года, чтобы подчиниться, и, если они все еще отказываются, их зарплата должна быть остановлена. Когда книги получены, нельзя терять времени на подведение баланса, и следует проявлять особую осторожность, чтобы они не присвоили себе мошеннические кредиты. Хуан де Монтанья, получатель "Уэски" и "Лериды", был еще одним человеком, чьи счета были хронически просрочены. [1065] Это продолжалось до конца правления Фердинанда. В 1515 году мы находим его в письме получателю, который наотрез отказался подчиниться приказу Хименеса отправиться в Валенсию со своими книгами и бумагами и предоставить отчет о своих коллекциях, за настойчивость, с которой король пригрозил ему судебным преследованием. [1066] После своей смерти Хименес энергично трудился, чтобы вызвать порядок из беспорядка. Он назначил генерального распорядителя, уполномоченного взимать путем взимания, исполнения и продажи все денежные средства, причитающиеся получателям, а также все штрафы, епитимьи, компенсации и реабилитации; более того, новому генеральному аудитору Эрнандо де Вилье он обратился к седуле 21 февраля 1517 года, сообщив, что получатели собрали из конфискации и других источников крупные суммы, о которых они долгое время не отчитывались, поэтому ему было поручено посетить каждый трибунал, потребовать от получателя отчета, изучить все бумаги и ваучеры и установить остатки, подлежащие уплате. , в то время как всем нотариусам было поручено предоставлять любые документы, которые он мог запросить, и он был уполномочен приводить в исполнение свои приказы с наказанием по своему усмотрению. [1067]

ПРОДУКТИВНОСТЬ

Возможно, это привело к улучшению, но если это было так, то лишь временно. Мы только что видели, насколько непокорным в отношении своих счетов был Педро де Бадиа, управляющий "Барселоной"; ему не стало лучше, и когда он умер в 1513 году, то оставил свой офис в плохом состоянии. Его заменил Мартин де Маррано, переведенный с Майорки, который показал себя не лучше. В 1520 году кардинал Адриан, чтобы наказать его, снизил его жалованье до 2880 суэльдо, а затем, 16 апреля 1521 года, написал инквизиторам длинное и возмущенное письмо, в основном посвященное проступкам Маррано, среди которых был отказ расплатиться по его счетам и утверждения о претензиях, на которые у него не было подтверждений. Тем не менее, судя по всему, с необъяснимой нежностью, проявленной к официальным виновникам, он был сохранен на своем посту. [1068] Трибунал Сицилии, где конфискации были крупными, оказался в еще худших руках. Диего де Обрегон, который служил приемщиком с 1500 по 1514 год, оставил свои дела в прискорбном беспорядке. Его сменил Гарси Сид, которого послали навести порядок. Как он этого добился, видно из отчета Бенито Меркадера, отправленного в качестве инспектора, в котором управление финансами характеризуется всеми пороками, в то время как казнокрадство было распространено среди всех чиновников. Гарси Сид вернулся в Испанию в

1520 году, и только в 1542 году Верховный суд приказал ему выплатить 1420 дукатов, которые он, как было установлено, задолжал, а также то, что он собрал из еще 9300 обвинений, предъявленных ему. [1069] Ситуация не улучшилась, поскольку, как мы видели, Зурита, ставший генеральным аудитором Арагона в 1548 году, описывает свое расследование сицилийских счетов, которые не поступали в течение двадцати лет и находились в крайнем беспорядке. [1070]

Очевидно, что поступления в королевскую казну составляли лишь часть суммы, выжатой из жертв. Что это были за расписки, мы не имеем возможности узнать, но в 1524 году лицензиат Тристан де Леон в тщательно продуманном меморандуме, адресованном Карлу V, утверждал, что Фердинанд и Изабелла получили из этого источника огромную сумму в 10 000 000 дукатов, которая оказала им большую помощь в войне с маврами. [1071] Иногда у нас встречаются разрозненные указания на продуктивность инквизиторских трудов. Так, во время небольшой временной геронимитской инквизиции Гваделупы в 1485 году монархи направили вырученные средства на возведение королевской резиденции за свои частые молитвенные посещения святыни. Это был великолепный дворец, стоимость которого - 2 732 333 мараведи - была почти полностью оплачена из этого источника. [1072] В 1486 году трибунал в Валенсии, должно быть, был продуктивным, поскольку Фердинанд написал из Галисии получателю Жоану Раму, чтобы тот предоставил все необходимое для флота, поскольку у него не было денег при дворе. [1073] Впечатление, произведенное на современников, передано в мрачном замечании Эрнандо де Пульгара, когда, описывая насильственное изгнание графа Фуэнсалиды из Толедо, он добавляет, что население, подобно суровым инквизиторам веры, обнаруживало ересь во владениях крестьян графа, которые они грабили и сжигали. [1074]

Крупные суммы, которые были собраны в различных композициях в обмен на очень незначительные предлагаемые льготы, являются показателем масштаба конфискаций, как и предложение, сделанное Фердинанду и отклоненное, о займе в размере 600 000 дукатов, если он передаст рассмотрение таких вопросов светским судам. [1075] Хотя поступления, возможно, уменьшились, мы видели, что с отсевом иудействующих новых христиан (Т. I, стр. 220) предложение, сделанное в 1519 году Карлу V, предоставить пожертвование, которое покрыло бы все жалованье и расходы инквизиции, и, кроме того, выплатить ему 400 000 дукатов в качестве компенсации за отказ от конфискаций. Вскоре после этого было сделано еще одно предложение в размере 700 000 дукатов, которое, по-видимому, рассматривалось в течение года или двух. [1076]

ПРОДУКТИВНОСТЬ

В течение оставшейся части шестнадцатого века постоянные призывы Верховного Суда к нескольким трибуналам показывают, что они, как правило, обеспечивали себя сами, за счет излишков для центральной организации, хотя иногда трибуналу, которому не повезло, приходилось прибегать к помощи какого-нибудь более удачливого брата. Предоставление в 1559 году пребенды в каждом соборе и коллегиальной церкви восполнило растущий дефицит конфискаций, но последние получили заметное увеличение после аннексии Португалии в 1580 году. За этим последовал большой приток новых христиан из более бедных стран в более богатые королевства, где их деловые способности быстро привели к приобретению богатства, в то время как их приверженность древней вере открыла инквизиции новое и прибыльное поле

деятельности. Позже мы увидим любопытную сделку, посредством которой в 1604 году они приобрели кратковременный иммунитет, и это привело вскоре после этого к предложению Новыми христианами Севильи и западных провинций 1 600 000 дукатов за сорокалетнюю отсрочку конфискации в сочетании с освобождением потомков от инвалидности и позора, оценкой показаний по их истинной ценности и вмешательством папы вместе с королем в вынесение приговоров. Предложение было серьезно рассмотрено, но проверка казначейских счетов показала, что в финансовом аспекте это была бы проигрышная сделка для короны, которой пришлось бы поддерживать инквизицию, и оно было отклонено. [1077]

Преследования в Перу и Мексике предоставили доказательства против богатых торговцев на родине, которые были использованы с выгодой. В 1635 году были замешаны Перейры, которые были крупными подрядчиками в Мадриде, а также “Пасариньо и все богатые купцы Севильи”. Тогда же был обвинен Франсиско Иллан из Мадрида, оцененный в 300 000 дукатов, и мы слышим об аресте Хуана Родригеса Мусы, которого описывают как богатого севильского купца. [1078] Это правда, что когда в 1633 году Хуан Нуньес Сарабиа был арестован, а в его книгах обнаружилось состояние в 600 000 дукатов, надежда рухнула из-за Габриэля Ортиса де Сотомайора, члена Супремы, который потребовал большую часть денег в качестве вклада, внесенного им как куратором доньи Марии Ортис и душеприказчиком дона Бернабе де Виванко. [1079] Тем не менее, класс преступников, подобных этим, состоящий из богатых банкиров и торговцев, давал широкие возможности для увеличения активов Святой Канцелярии. В 1654 году на аутодафе в Куэнке присутствовало пятьдесят пять иудействующих, многие из которых, очевидно, находились в стесненных обстоятельствах, один из которых сказал по дороге в бразеро, что его шансы попасть в рай стоят ему 200 000 дукатов. [1080] Тем не менее, это были неопределенные ресурсы, и мы видели, что Suprema в своем бюджете на 1657 год рассчитывала получить от трибуналов только 755 520 мараведи, или около 2000 дукатов, но, с другой стороны, в консультациях от 11 мая 1676 года она хвасталась, что в течение нескольких лет внесла свой вклад в королевскую казну конфисковано 772 748 веллонских дукатов и 884 979 песо серебром. [1081] В дополнение к этому конфискации не только покрывали любые недостатки в его доходах, но и постепенно обогащали его, поскольку в 1661-1668 годах излишек средств Верховного суда и трибуналов, вложенных в государственные ценные бумаги, составил 21 064 дуката. [1082]

Ближе к концу семнадцатого века преследование новых христиан-иудействующих усилилось, и мы видели большие результаты, достигнутые в 1679 году трибуналом Майорки в результате массового судебного преследования конверсос из Пальмы. Это преследование продолжалось примерно до середины восемнадцатого века, с большим числом жертв, и, поскольку они в значительной степени принадлежали к коммерческому классу, доходы, должно быть, были значительными. В шестидесяти шести аутодафе, отмечавшихся в период с 1721 по 1727 год, было вынесено 776 приговоров о конфискации. Многие из них были непродуктивными, поскольку конфискация включалась в приговор независимо от того, было у виновного имущество или нет, и формула “конфискация имущества, которого у него нет” — имущества, которого у него нет, — встречается часто, но, несомненно, было достаточно богатых людей, чтобы составить справедливое среднее значение. [1083] Тогда время от времени случались неожиданные поступления не от иудаистов, как в случае с Мельхором Маканазом в 1716 году. Управление финансами, похоже, не улучшилось со времен Фердинанда. Никаких отчетов о

состоянии поместья не поступало до 31 декабря 1723 года. Это показывает, что его недвижимост принесла доход в размере 1269 либр, что указывает на стоимость около 25 000 либр. Было собрано 9320ll. 7s. 10d. и израсходовано 5838ll. 1s., в результате чего остаток составил 3482ll. 6s. 10d. Если результаты не были выше, то не из-за каких-либо угрызений совести. У брата Мельчора Луиса была доля в 770 дублонов в бухгалтерских книгах стекольного завода в Тортосе. Было высказано предположение, что у него не было достаточного капитала, чтобы оправдать такие инвестиции, поэтому Мадридский трибунал 21 октября 1716 года приказал Валенсии наложить на него арест. [1084] Другой удачей стало открытие в 1727 году организации морисков, которые сохранили свою веру и чьи конфискации были настолько прибыльными, что главный информатор, Диего Диас, получал в качестве награды бессрочную пенсию в размере 100 дукатов в год. [1085]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КВИТАНЦИЙ

По мере продвижения восемнадцатого века конфискация постепенно выходила из употребления. Ересь была настолько успешно искоренена, что расслабленность и примирение становились все реже и реже. В протоколах трибунала Толедо, датируемых 1794 годом, нет ни одного приговора о конфискации позднее 1738 года. [1086] В переписи всех трибуналов, примерно за 1745 год, есть только один *судебный совет лос-биенес*, хотя иногда мы обнаруживаем, что эта должность была приравнена к инквизиции, как в Валенсии в 1795 году, где к жалованью прибавили 52 триллиона 10 шиллингов, но то, что это была синекура, очевидно из того факта, что в отчете о приговорах этого трибунала с 1780 по 1820 год нет ни одного случая конфискации. [1087]

Небезынтересно изучить, как использовались крупные поступления в ранний период, когда они находились под контролем Фердинанда и Карла V, и до того, как Верховная власть монополизировала их для поддержки судов, за исключением случайных уступок, вымогаемых короной. Пулгар и Зурита искренне заверяют нас, что, какими бы большими они ни были, монархи использовали их исключительно для продвижения веры — войны с Гранадой, содержания инквизиции и других благочестивых целей. [1088] Современные авторы, поддерживаемые этими властями, предполагают, что суверенам нельзя приписать алчность при использовании этих средств на благо общества. [1089]

К сожалению, записи не подтверждают эти лестные заверения. Инквизиция, конечно, имела первую претензию на продукт своих трудов, и ее расходы покрывались из этого источника. Я встречался всего с двумя случаями, одним в 1500 году и одним в 1501 году, когда зарплата выплачивалась из королевской казны, и в обоих случаях получателем был Диего Лопес, член Верховного суда и королевский секретарь — дублирующая должность, которая могла бы оправдать обращение к любому источнику снабжения. [1090] Во время войны с Гранадой, закончившейся в 1491 году, несомненно, средства, полученные от деятельности Святой Канцелярии, были в значительной степени использованы для ее судебного преследования, что, согласно стандартам того времени, было не только патриотическим, но и в высшей степени благочестивым использованием. Пока продолжалась эта утечка, маловероятно, что большая часть конфискаций была использована иным образом, и я встретил лишь один или два

благочестивых дара — в 1486 году тысячу суэльдо на строительство лазарета для францисканского монастыря Санта-Мария-де-Хесус, а в 1491 году арендную плату в размере пятисот суэльдо в год для церкви Сан-Хуана Калатаюдского. [1091] После завоевания Гранады мы находим случайные субсидии монастырям и церквям, но они не часты и, как правило, скудны по сравнению с тем изобилием, которое расточалось придворным и слугам. Единственным крупным получателем щедрот, по-видимому, был любимый Фердинандом монастырь иеронимитов Санта-Энграсия в Сарагосе, которому в 1495 году он пожертвовал тринадцать тысяч суэльдо на покупку определенных земель и садов, а в 1498 году - еще десять тысяч. Кроме того, существовало ежегодное пособие в размере шести тысяч суэльдо на содержание слабых; выплата этого пособия была приостановлена в 1498 году из-за нехватки средств, но Фердинанд, после некоторых колебаний, компенсировал это, передав монастырю некоторые цензуры, которые были присвоены инквизиции. [1092] В его переписке за этот период, вплоть до 1515 года, упоминается еще о нескольких благочестивых расходах, но все они имеют умеренную сумму и никоим образом не подтверждают утверждение о том, что конфискации были в значительной степени израсходованы таким образом.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ИЗБРАННЫМ

Жадный до наживы секретарь Кальчена получал гораздо более частую выгоду. Его положение давало ему исключительные возможности наблюдать за конфискациями и извлекать выгоду из своих знаний. Его имя постоянно упоминается как получателя даров в виде цензоров, домов и денег, и у него были косвенные средства для участия, как мы видели, когда он участвовал в разорении архидьякона Кастро. Некоторый свет проливается на методы, вошедшие в моду, когда в 1500 году было конфисковано поместье Франсиско Лопеса из Калатаюда. При этом были включены несколько домов стоимостью в десять тысяч суэльдо, которые сын Лопеса надеялся сохранить как принадлежащие приданому его матери, но документы отца были изъяты, и брачный договор был недоступен. После этого сын пообещал Кальчене треть стоимости за копию документа; попытка провалилась, дома были конфискованы, и Фердинанд, сочувствуя потере Кальчены, не только отдал ему обещанную треть, но и пообещал защитить титул в случае нападения. [1093] Это наводит на мысль о возможном источнике прибыли в пользу пострадавших путем конфискации. Выше было приведено много примеров доброго отношения Фердинанда к смягчению исключительных трудностей, и у нас будет возможность сослаться на другие; было бы приятно приписать их полностью той стороне его характера, которая до сих пор не проявилась в истории, но нельзя отделаться от неприятного подозрения, что, поскольку Кальчена была каналом, по которому текли эти щедроты, по крайней мере, в некоторых случаях успешными просителями были те, кто сделал так, чтобы его помощь стоила того, чтобы помочь им.

Злоупотребление предоставлением грантов избранным за счет конфискаций предшествовало созданию инквизиции. Кортесы 1447 года подали петицию против этого, и Хуан II согласился, но слишком двусмысленно, чтобы надеяться на улучшение ситуации. [1094] Это продолжалось, и когда собственность Новых христиан хлынула рекой, Фердинанд уступил жадности своих придворных и знати с такой щедростью, которая объясняет, куда исчезла большая часть конфискованных продуктов. Его безрассудство в этом вопросе иллюстрируется жалобой адмирала Кастилии, поданной в 1500 году, в которой утверждалось, что ему было предоставлено цензо на его вискондадо Кабрера, конфискованное в имени Хуана Бельтрана, но что определенные стороны, которым оно также было предоставлено, подали на него в суд за

это. Фердинанд, очевидно, не вел записей об этих необдуманных подарках, поскольку он ничего не мог вспомнить об этом дублировании, и он обратился в суд за перечнем положений, касающихся наследственного имущества, чтобы он мог принять решение между истцами. [1095]

Его единственное серьезное столкновение с инквизицией возникло из-за этого источника, и он считал ее порицания более эффективными, чем его собственные. Его расточительность истощала трибуналы до такой степени, что часто не хватало денег на выплату жалованья. Еще в 1488 году инквизиторы, собравшиеся в Вальядолиде, жаловались на это и умоляли суверенов приказывать получателям выплатить жалованье, прежде чем выполнять королевские призывы; если у них не будет достаточно средств для выплаты жалованья, они должны быть отстранены инквизиторами. [1096] Это было неэффективно; королевская казна была хроническим банкротом, выносливость перестала быть добродетелью, и вопрос встал остро в конце 1497 года. 15 ноября Фердинанд написал управляющему Хуану Ройсу из Сарагосы, чтобы тот выплатил небольшие суммы, всего менее ста дукатов, в основном необходимые для инспекции и реформирования францисканских монастырей, находившихся в то время в пешем порядке. По его словам, он знал, что трибунал Сарагосы находится в большом затруднении, но он не может предоставить деньги сам, и необходимо найти средства, чтобы собрать их, не вынуждая его писать снова. Ройз, однако, отказался производить выплаты, заявив, что генеральные инквизиторы подвергли его отлучению от церкви, если он будет выплачивать какие-либо королевские субсидии. Фердинанд передал приказ получателю штрафов и епитимий, но генеральные инквизиторы заранее договорились с ним, отстранив этого чиновника. Сбитый с толку, он написал им 28 января 1498 года, сообщив, что эти выплаты абсолютно необходимы и ему нечем их удовлетворить; кроме того, есть и другие неотложные требования. Кортесы собирались встретиться в Сарагосе, и он распорядился произвести некоторые перестройки в Альхафери, чтобы приспособить ее для проживания, стоимость которых Ройз отказался оплачивать, и работы были остановлены. Была также гробница его отца и матери со статуями из алебаstra, которую он строил в аббатстве Поблет (усыпальница королей Арагона) стоимостью в полторы тысячи дукатов; пять тысяч суэльдо были причитающиеся архитектору мэтру Жилу Морлану, и когда Ройз отказался выплатить эту сумму из конфискации, Фердинанд приказал взыскать эту сумму из арендной платы за землю в Параскуэллосе, но случилось так, что сам Ройз был должен эту арендную плату и не спешил ее выплачивать. Тем временем жалованье было выплачено, но отлучение от церкви все еще висело над Ройзом, и он упрямо отказывался выделять деньги на эти нужды и еще на некоторые, которые набивались. 28 февраля Фердинанд тщетно пытался убедить инквизитора заставить Ройса сдаться, отлучив его от церкви, а затем обратился к Суаресу де Фуэнтельсасу, одному из генеральных инквизиторов, но также безуспешно. Наконец, 30 марта он написал Торквемаде через специального посыльного с приказом доставить ответ, в котором говорилось, что, поскольку жалованье выплачено, отлучение от церкви должно быть снято, поскольку он этого не допустит. Это было успешно, и 10 апреля он снова написал, пообещав, что в будущем не будет получать субсидии за счет конфискаций и епитимий. 20 апреля он сообщил Ройзу о снятии отлучения от церкви и призвал к скорейшему завершению переделок Альхафери и выплате Санта-Энграсии причитающейся суммы. [1097] Так закончился этот эпизод, который проливает любопытный свет на отношения Фердинанда с инквизицией и на ненадежный характер государственных финансов того времени.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ИЗБРАННЫМ

Отлучение от церкви не ограничивалось Сарагосой и не было снято где-либо еще, когда Сарагоса выплачивала свое жалование. В июле 1500 года мы обнаруживаем, что Фердинанд спорит с упрямым Хуаном де Монтаньей, получателем Уэски и Лериды, о том, что это не относится к завершению старого пожертвования церкви Лериды, которое так и не было полностью оплачено. Впоследствии мы ничего не слышали о порицании, хотя жалобы на задолженность по зарплате продолжались, и архидьякон Алмазана, который был инквизитором в Калатаюде, следовательно, был не в состоянии выплатить свои долги, когда в 1500 году его перевели в Барселону. Трибунал Валенсии был безнадежным банкротом, когда в 1501 году прибыло удачное соглашение с наследниками Хуана Масипа на сумму шестьдесят тысяч суэлько, которые Фердинанд приказал применить к его обязательствам, чтобы на этот раз избавиться от долгов. [1098] Вряд ли нужно добавлять, что обещание Фердинанда больше не предоставлять субсидий было нарушено почти сразу же после того, как было дано.

Из того изобилия, которое истощало трибуналы, никоим образом не следовало, что те, кто не имел влияния, пользовались королевской благосклонностью. В 1493 году Фердинанд пожаловал Леонор Эрнандес две тысячи суэлько в качестве приданого за брак. Под различными предложениями от выплаты уклонялись. Леонор вышла замуж и умерла, оставив иск своему мужу и брату, которые в 1502 году добились от Фердинанда распоряжения о его немедленном урегулировании, но было ли это выполнено, остается под вопросом. [1099] Еще более отложенной была уступка в 1491 году Мартину Марину из Калатаюда трех тысяч суэлько в счет конфискации имущества его тестя и тещи; в 1512 году Марин заявил, что он так и не смог их получить, и Фердинанд распорядился выплатить их немедленно. Эти отсрочки не всегда были вызваны бедностью. В 1491 году Антону дель Муру, королевскому альгуасилу, был пожалован виноградник, входивший в состав конфискованного поместья Паскуаля де Санта-Крус. Управляющий Ройз из Сарагосы ответил, что виноградник был продан, но когда король приказал ему передать выручку дель Муру, последний ничего не получил, и Ройзу удалось обманным путем сохранить виноградник в руках третьей стороны. Через девятнадцать лет, в 1510 году, дель Мур возобновил дело, когда Фердинанд приказал инквизитору и приемщику выяснить, кому принадлежал виноградник и на каком праве, и, если не будет установлено, что Ройз продал его по справедливой цене, дель Мур должен был перейти во владение. [1100]

Жажда заполучить эти трофеи была такова, что требования на них предъявлялись, не дожидаясь постановления о конфискации, и очевидно, что, когда арестовывали богатого человека, находились агентства, которые сообщали новость ожидающим, и добыча делилась до того, как добыча была убита. После смерти Изабеллы в 1504 году эти гранты были экономичным способом заручиться неустойчивой лояльностью кастильской знати, которой Филипп Австрийский был готов воспользоваться, а дворяне стремились извлечь из этого выгоду. Когда лицензиат де Медина из Вальядолида был арестован, адмирал Кастилии Фадрике Энрикес немедленно подал ему прошение о конфискации, и Филипп из Брюсселя 5 мая 1505 года удовлетворил просьбу, повторив ее шесть месяцев спустя. Ожидая заключения Хуаны, перед отплытием в Испанию, супруги 12 сентября разослали приказы всем городам, дворянам и чиновникам не подчиняться Фердинанду и не платить ему налоги, а судебным исполнителям было специально приказано воздержаться от конфискаций. [1101] Приказы Филиппа из Фландрии, однако, не пользовались большим уважением, и его правление в Кастилии было слишком кратковременным, чтобы он мог оказать какое-либо заметное влияние на распределение конфискаций.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ИЗБРАННЫМ

Что касается Фердинанда, то то, что он давал одной рукой, он удерживал другой. 23 февраля 1510 года он издал седулу для всех получателей, в которой говорилось, что вследствие сокращения конфискаций, если все субсидии, которые он сделал и делает, будут выплачены, чиновники не получат своего жалованья и оставят работу, к великой медвежьей услуге Бога, поэтому в будущем, независимо от того, какие приказы он или генеральный инквизитор могут издавать, никакие субсидии не должны выплачиваться до тех пор, пока все чиновники не получат свое жалованье и *ayudas de costa*, и, когда такие субсидии будут предоставлены, следует проконсультироваться с ним или генеральным инквизитором. Правило должно было заключаться в том, что сначала должны быть выплачены долги, затем заработная плата и гранты, а не в последнюю очередь. [1102] Тем не менее, за день до этого он передал Фернандо де Мазуэко, члену *Suprema*, некоторые оливковые сады и цензо, конфискованные у Гонсало Хименеса из Севильи; в тот же день он приказал получателю Хаена вычесть двадцать тысяч мараведи из оценочной стоимости некоторых конфискованных домов, разыскиваемых доктором Хуаном де Сантойо, бывшим судьей. о конфискациях Джаэна, и он продолжал делать подарки с безрассудной расточительностью, как будто королевская казна была переполнена, а инквизиция щедро одарена. В январе адмирал Кастилии получил в дар дома стоимостью восемь или девять тысяч суэльдо, а 2 апреля он приказал управляющим Толедо, Севильи, Кордовы и Хаэна выплатить по 375 000 мараведи, или всего 1 500 000 долларов, своему слуге Хуану Родригесу де Портокарреро. [1103] По-видимому, для инквизиции было исключительным наслаждаться результатом своих усилий, поскольку в мае мы видим, как он заверяет Верховную Судью, что никто не просил его конфисковать 100 000 мараведи, только что приготовленных в Вальядолиде, и что он прибережет их для известных нужд этого трибунала, а в июле, хотя он был гораздо домогаясь очередной конфискации, он отказывается в ней, чтобы чиновники не страдали от нужды. [1104] Нет необходимости указывать, какой стимул такое положение вещей дало осуждению тех, чье имущество обещало облегчение.

Фердинанд продолжал в том же духе, что и прежде, и было бы излишним умножать примеры его безрассудной расточительности, за исключением того, что мы можем упомянуть подарок его жене королеве Жермене в 1515 году в размере 10 000 флоринов из конфискованных сицилийских земель, и мы можем вспомнить его попытку предоставить 10 000 дукатов маркизу Дении из сочинения Кордовы. [1105] В этой общей борьбе за фрагменты добычи есть один момент, который можно отметить — спрос на привлекательных девушек-рабынь. Как об их существовании стало известно тем, кто просил о них, мы можем только догадываться, и было бы нескромно спрашивать, почему почтенные члены *Супремы*, похоже, особенно стремятся к таким приобретениям. 7 апреля 1510 года Фердинанд пишет получателю из Картахены, что ему сообщили, что в конфискованном имуществе Рамадо Мартин де Санта Крус есть мавританка-рабыня по имени Алиа; если это так, то она должна быть доставлена доктору Пересу Гонсало Мансо из *Супремы* в качестве его собственности в качестве подарка. 18 марта 1514 года лицензиат Феррандо де Мазуекос из *Супремы* ходатайствует о мавританской рабыне, конфискованной среди имущества Хуана де Тена из Сьюдад-Реаля, и Фердинанд приказывает отдать ее ему, чтобы он делал с ней все, что ему заблагорассудится. Было какое-то соперничество из-за Фатимы, белой мавританки-рабыни, конфискованной в поместье Алонсо Санчеса дель Кастильо. Маркиз Вильена попросил о ней, и Фердинанд удовлетворил его просьбу 15 июня 1514 года, но когда приказ был отправлен в Толедо, заместитель управляющего отказался подчиниться ему, утверждая, что он был получен путем ложных

заверений, поскольку Супрема уже передала ее фискалу Мартину Хименесу. На это был незамедлительно дан ответ в письме, подписанном не только Кальценой, но и членами Suprema, в котором подтверждался грант Вильене и предписывалось получателю возместить Хименесу ее стоимость. [1106] Наводит на мысль, что никто не проявляет такого рвения к получению рабов мужского пола.

Сам Фердинанд не гнушался присваивать предметы, найденные среди трофеев его подданных. В 1502 году мы находим, что он вывез пятьдесят пять жемчужин с Сардинии - часть конфискации Микера Режаделя, сожженного за ересь. Иногда он даже не дожидался приговора владельца, как в случае с лошадью, которую в 1501 году он подарил инквизитору Кордовы, а затем, узнав, что животное пригодится ему в охоте, приказал прислать его инквизитору и выплатить четыре тысячи мараведи, на которые можно было купить лошадь или мула. [1107] Он был еще более беспринципным, в 1501 году, когда в Гранаде, услышав о смерти Бернальдаллы, еще не осужденного заключенного, он приказал конфисковать принадлежащий ему сад на Рамбле и передать принцессе Хуане для ее развлечения, хотя он не знал, был ли он конфискован. [1108] Это свидетельствует о неизменной уверенности в осуждении всех, кто попал в руки инквизиции.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ИЗБРАННЫМ

И все же было бы несправедливо по отношению к Фердинанду снова не упомянуть о многочисленных случаях, когда он смягчал тяготы конфискации уступками пострадавшим или их представителям — и это тогда, когда, как мы видели, его собственная казна была пуста. Несомненно, во многих случаях влияние Кальчены было приобретено, но в целом их слишком много, чтобы не искать их истоки в доброте, которая считалась чуждой суровому консолидатору испанской монархии, и Кальчена не мог рискнуть зайти слишком далеко в течение долгого ряда лет, превращая своего хозяина в бессознательного жертвователя. Двух или трех примеров этого должно быть достаточно, чтобы показать, какой дух движет им. В 1509 году Хуан де Перальта из Сеговии обручился с Франциской Нуньес, дочерью Лопе де Молины и его жены, которые были узниками трибунала Хаэна. Они были осуждены и сожжены, их имущество конфисковано, и Перальта обратился с петицией к королю, заявив, что он не может жениться без приданого и просить пособие из состояния, после чего Фердинанд приказал получателю выдать им двести тысяч мараведи. Инквизиции нельзя было помешать; Франциска, в свою очередь, предстала перед судом и смирилась с конфискацией. Перальта подал еще одну апелляцию, и на этот раз Фердинанд предоставил двадцать тысяч мараведи. [1109] 21 октября 1500 года он пишет получателю Леона, чтобы тот передал Леонор Гонсалес, примирившись, конфискованный у нее виноградник стоимостью в две тысячи мараведи, потому что она бедна и у нее есть дочь, на которой нужно жениться. [1110] В 1510 году он поручает приемнику Барселоны Бадии взыскать с епископа Уржеля девяносто либр в счет конфискованного имущества Гильена Дала, и, ввиду бедности и невзгод Беатрис, Виоланты, Изабель и Альдонсы, его дочерей, деньги должны быть выплачены им. Был также старый долг, причитающийся Дала отцу Фердинанда, Хуану II; он приказывает взыскать его с арендной платы за имущество, отложенной на благо души Хуана, а также выплатить дочерям. [1111] Это лишь примеры многочисленных подобных действий, которые приносят долгожданное чувство облегчения, поскольку в некоторой степени смягчают страдания, причиняемые тысячам беспомощных в результате безжалостного применения жестоких законов Церкви.

Было бы неправильно также не засвидетельствовать дух справедливости, который проявляется во многих решениях Фердинанда по поставленным перед ним вопросам. Так, 8 января 1502 года, инструктируя приемщика по поводу ценso в споре с Гальчераном де Сантанхелем, он в заключение посоветовал ему действовать без юридических проволочек, чтобы правосудие могло вершиться прямо и быстро, и чтобы ничего не могло быть взято, кроме того, что принадлежит *fisc*, не причинив никому вреда. 12 сентября 1502 года он написал, что Гарси Кортс жалуется на то, что он предоставил ему определенные цензуры, а затем вторым письмом остановил передачу, после чего теперь он приказывает урегулировать вопрос по справедливости, без ссылки на то, что он мог написать об обратном, поскольку в его волю не входит причинять кому-либо зло. [1112] Было бы легко умножить эти примеры из его конфиденциальной переписки с официальными лицами, когда не могло быть никакой возможной цели в лицемерном притворстве справедливости. Если он нередко упрекал инквизиторов и распорядителей за небрежность при сборе конфискации, то можно с уверенностью сказать, что чаще он ругал их за неоправданную суровость и задержку в рассмотрении честных исков.

Давление на Фердинанда с требованием выплат за счет конфискации продолжалось до последнего, и ему поддавались чаще, чем того требовало благоразумие. Придворные поддерживали связь с трибуналами, чтобы получить рекомендации до ареста или осуждения богатых Конверсос, чтобы подать заявление на раннем этапе, и случайные письма короля получателям, в которых он запрашивал информацию о таких поместьях и запрещал их продажу без дальнейших распоряжений, указывают на растущее чувство с его стороны необходимости осторожности. Одним из его последних высказываний, когда смертельная болезнь подкрадывалась к нему, является письмо от 23 сентября 1515 года к управляющему делами в Толедо, очевидно, в ответ на изложенное таким образом заявление. По его словам, он получил информацию о конфискованном имуществе Перо Диаса и его жены, а также представление о неотложных потребностях трибунала, с учетом которых он изменит свое решение и не выделит из него никаких субсидий, за исключением ста тысяч мараведи своему казначею Варгасу для возмещения ему определенных расходов. [1113] Таким образом, до конца продолжалась борьба между теми, кто трудился ради урожая, и теми, кто стремился пожать его плоды.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРИЕМНИКОВ

Когда после своей смерти Хименес попытался навести порядок в финансах инквизиции, он, по-видимому, почувствовал, что его объединенной власти генерал-инквизитора и губернатора недостаточно для исправления этих злоупотреблений, и он добыл у молодого короля Карла прагматику, датированную Гентом 14 июня 1517 года, которая, несомненно, была составлена им самим. В нем говорится, что жалованье и обычные расходы инквизиции покрываются за счет конфискации, но опыт показывает, что часто они не могут быть выплачены из-за субсидий, предоставляемых короной; это должно быть исправлено, иначе инквизиция не может быть продолжена, к большому ущербу королевской совести, и поэтому, пока король благоволит и пока не будут обеспечены жалованье и обычные расходы, никакие милости, пожертвования или послабления не могут быть выполнены под страхом штрафа в тысячу золотых дукатов. Копии этого постановления должны быть разосланы во все судебные инстанции, и всем должностным лицам настоятельно рекомендуется следить за его исполнением. [1114] Блеск, приданный этому документу кардиналом Адрианом при отправке его в трибунал Сицилии, показывает, что не было никаких колебаний в наиболее свободном толковании его положений. Он говорит, что

слышал, что многие получают субсидии на сицилийские конфискации; то, что было собрано при Фердинанде, должно быть использовано по его приказу, а именно на покупку арендной платы для поддержки трибунала. Новая прагматика откладывает все субсидии на жалование и сборы инквизиции, и, поскольку Сицилия должна обеспечивать поддержку Верховного суда и некоторых местных трибуналов, можно обвинить ее в отказе выплачивать все представленные субсидии, поэтому ни одна из них не должна выплачиваться без консультации с ним. [1115]

Опубликовав эту прагматику, Чарльз приступил к аннулированию ее со всей возможной скоростью, но это послужило оправданием для получателей, оказавших ему сопротивление. Три месяца спустя, 19 сентября, он высадился в Испании, окруженный толпой голодных и алчных фламандских фаворитов, жаждущих обогатиться за счет своего господина и его подданных. По сравнению с этим усилением назойливых местных попрошаек изобилие Фердинанда казалось скупостью. Питер Мартир рассказывает нам, что фламандцы менее чем через десять месяцев после своего прибытия уже отправили домой тысячу сто тысяч дукатов, взятых частично из индульгенций Санта-Крусасы, а частично из средств инквизиции, поскольку они получили субсидии не только на конфискованное имущество, но и на имущество заключенных, все еще находящихся под судом, что показывает, как быстро они установили связи, которые давали им секретную информацию о действиях трибуналов, и как мало шансов на побег имели незадачливые заключенные, чье имущество пришлось бы вернуть, если бы они не были осуждены. Это было одно из злоупотреблений, лекарство от которого искали в проекте реформы 1518 года, который провалился из-за смерти Жана ле Соважа. [1116]

Добыча, полученная таким образом фламандцами, показывает, насколько увеличились конфискации под этим давлением, тем более что испанцы были не менее нетерпеливы, если не сказать более удачливы. Эта бездумная расточительность Чарльза подчеркивается тем фактом, что он обнищал в разгар своей расточительности. 5 июля 1519 года мы находим, что он приказал приемнику Картахоны выплатить ничтожную сумму в тридцать дукатов Фернандо де Сальмерону, генеральному приемнику Супремы, возместить ему ссуду в размере этой суммы. [1117] Получатели сделали все, что могли, чтобы проверить эти экстравагантные щедрости, поскольку, какими бы большими ни были квитанции, трибуналам угрожало банкротство. Сарагоса, сообщая 18 марта 1519 года Верховному суду о некоторых предстоящих судебных приговорах, попыталась предотвратить растрату результатов, представив их бедность; зарплата большинства должностных лиц была просрочена более чем на год, и, если король не проявит большей сдержанности, трибунал больше не сможет существовать. [1118]

Один или два примера борьбы между получателями королевской награды проиллюстрируют существующие условия и, попутно, покажут, как Адриан и Супрема были вынуждены подчиниться буре и потворствовать разграблению ресурсов Святой Канцелярии. В письме Карла от 19 января 1519 года Хуану дель Посо, приемнику Толедо, рассказывается о том, как он разрешил г-ну де Сетебруну, своему телохранителю, конфисковать Алонсо де Баэну и приказал Посо обратить его в деньги и выплатить ему; как впоследствии Посо был уведомлен, что Сетебрун продал его Иньиго де Баэне, сыну Алонсо, и ему было приказано передать его последнему; как ни один из них не смог заставить его отдать его; как ему вручили еще один королевский приказ, а затем еще один королевский орден. от Адриана и Супремы, безрезультатно, кроме утверждения, что у него нет средств; о том, как Баэна совершил четыре поездки в Мадрид, к своим большим потерям и расходам, и все закончилось безапелляционным приказом подчиняться неоднократным указаниям без дальнейших

задержек или оправданий. Вероятно, для получения собственности потребовались еще более энергичные меры, поскольку Посо был упрямым человеком. В письме Карла к нему от 5 сентября 1519 года говорится о наложенном на него взыскании шестисот дукатов в пользу месье Бодре, которые остались невыплаченными, несмотря на неоднократные приказы короля и кардинала Адриана, чем Бодре очень огорчен, тем более что он за свой счет держал человека в Толедо для их получения. Теперь Карл приказывает выплатить его в течение шестидесяти дней, в противном случае Посо должен в течение двадцати дней после этого явиться в суд, где бы он ни оказался, со всеми своими книгами и бумагами для ознакомления. Это была самая грозная угроза, и, возможно, Позо смирился, поскольку 2 декабря мы находим, что ему приказали немедленно выплатить четыреста дукатов Ла Шолю, как прокурору Туазон д'Ор, а на следующий день еще пятьсот - Жану Виньякуру, дворянину королевской палаты. [1119]

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРИЕМНИКОВ

Кристофером де Прадо, принимающим "Куэнку", был еще один неприятный субъект. Карл пожаловал Кортавиле и Армасторфу, двум своим камергерам, конфискованное имущество Франсиско Мартинеса и его жены. Должно быть, это была крупная сумма, поскольку было предложено выдать придворным четыре тысячи дукатов и зарезервировать две тысячи для выплаты жалованья, но они потребовали всю сумму целиком, и Карл 10 апреля 1518 года приказал передать ее им, и, если какая-то часть была передана в пользование инквизиции, она должна была быть возмещена за счет других конфискаций. Прадо откладывал это почти на восемнадцать месяцев, делая вид, что колеблется по поводу включения приданого и брачной части детей, пока Карл 5 сентября 1519 года не приказал включить все это в грант. Вскоре после этого, 9 ноября, произошла очередная серия конфискаций на автосалоне в Куэнке, когда, готовясь к новым выплатам, Сальмерону, генеральному распорядителю, было приказано доложить об их стоимости, а также о состоянии заработной платы и другой задолженности. Вероятно, это на некоторое время лишило Прадо возможности оправдываться, и мы больше не слышим об отказах в оплате до 16 апреля 1520 года. Герцог Эскалона потребовал конфискации имущества трех своих вассалов в Аларконе на сумму в триста пятьдесят дукатов, но Прадо заявил, что только две из названных сторон были осуждены и что приказ, следовательно, должен быть тайным. Он написал в этом смысле Чарльзу и Супреме, но 7 сентября ему было приказано выплатить долг, и письмо было подписано доктором Мансо из Супремы и скреплено подписью кардинала Адриана. Куэнка в то время, должно быть, была кладезем богатства. Незадолго до отплытия из Коруньи Карл 8 мая 1520 года приказал Прадо выплатить тысячу дукатов Антуану де Крою, двести - Анри д'Эспинелю, четыреста - Симону Фисналю, майордому Шарля де Кроя, принца Шимейского, и пятьсот - Адольфу, герцогу Клевскому. 23 октября Шарль пишет, что его секретарь Ги Морильон, которому были поручены эти коллекции, сообщил, что Прадо отказался их выплачивать, но он добавляет, что, поскольку сейчас средств достаточно, после выплаты зарплаты и расходов, а также тысячи дукатов кардиналу Адриану, они должны быть выплачены в качестве предпочтения последующим грантам. Поскольку Адриан был заинтересован в этом тяжелом налете на Куэнку, вполне вероятно, что Прадо был принужден к повиновению. [1120]

Наш старый друг Виллачис из Севильи был осторожен и опытен и привык к сильным ударам. Он доставлял придворным бесконечные хлопоты, но дел, в которых он был замешан, было слишком много, чтобы описывать их здесь подробно, и место нашлось только для одного из пятисот дукатов Франсиско Гусману и Антонио Товару, джентльменам королевской палаты.

Первоначально это было нарисовано в Куэнке, но Прадо сочли слишком непроницаемым, и картину перенесли в Севилью. Виллачис уклонялся от уплаты долга, пока Чарльз 6 мая 1519 года не пригрозил ему *мерседом*, отданным на милость короля, если сумма не будет выплачена немедленно. Это было серьезно, но Виллачис остался непоколебим и просто ответил, что у него нет денег, чтобы выплатить просроченную зарплату, помимо крупных сумм, причитающихся за услуги и за судебные решения, вынесенные против конфискаций. Дело тянулось до тех пор, пока 23 августа 1520 года Адриан и Супрема не распорядились о немедленном урегулировании, в случае невыполнения которого за его счет будет послан агент, который сделает это лично. Вероятно, это было эффективно, поскольку мы больше об этом не слышим. [1121]

ОПАСНОСТЬ БОГАТСТВА

Алиага Валенсийский был одним из старейших и наиболее доверенных приемников Фердинанда и продемонстрировал аналогичную силу сопротивления, если мы можем судить по упреждающим мерам, принятым, когда были затронуты интересы могущественного фаворита, принца Химайского. Когда до суда дошла весть о примирении и конфискации имущества богатого Алонсо де Абельи из Валенсии, между стервятниками произошел быстрый раздел. Восемьсот дукатов были переданы Жану де Бодре и Филиберу де ла Больму, джентльменам палаты, триста - другому джентльмену, Джейму де ла Труллера, а остальное имущество - принцу Шимейскому после выплаты жалованья, если его нельзя было покрыть за счет других конфискаций. Приказ на этот счет был отправлен в Алиагу 5 июля 1519 года вместе с настоящим письмом Карла инквизиторам. Очевидно, бенефициары сочли, что необходимы более активные меры; Симон Тисно, мажордом принца, был уполномочен получить имущество, и 9 июля в качестве его агента Ги Морильон был отправлен в Валенсию с письмами инквизиторам, губернатору Валенсии и Алиаге. Инквизиторам было сказано, что, поскольку пункт о жалованье может быть истолкован так, что оно поглотит все имущество, они должны приказать Алиаге, под страхом отлучения от церкви, передать агенту Чимая в течение трех дней все имущество, товары, долги и деньги, подлежащие конфискации, за исключением тысячи ста дукатов другим придворным; если потребности трибунала требуют какой-либо части, она должна быть очень умеренной, чтобы Чимай, по возможности, мог получить все. Губернатору было приказано помочь Тисноту и призвать инквизиторов принудить Алиагу к повиновению. Алиаге было сказано, что под страхом лишения должности он должен доставить имущество Мориллону в течение трех дней и должен напрячь все силы, чтобы удовлетворить потребности трибунала из других источников, чтобы Шимай не пострадал от вычетов. Если бы спасение монархии зависело от реализации грантов, письма вряд ли могли бы быть более яростными. Однако все было напрасно; Алиага был невозмутим, и 8 декабря Карл выразил свое неудовольствие по поводу того, что тысяча сто дукатов еще не были выплачены, хотя он и отложил им выплату пособия Чиме, но маловероятно, что его туманные угрозы в случае дальнейшей задержки возымели действие. [1122]

В этом карнавале грабежей есть небольшой риск предположить, что давление на суды послужило стимулом для судебного преследования более богатого класса конверсос и что богатство стало более чем когда-либо источником опасности. Фактически, количество крупных поместий, упомянутых в этих сделках, по-видимому, указывает на то, что мало кому удалось спастись, чья жертва обеспечила бы необходимые средства инквизиции, потакая при этом алчности придворных. Поэтому неудивительно, что Новые христиане, которым угрожала опасность, в своем отчаянии обратились ко Льву X и сочли, что ему стоило того, чтобы

возразить Карлу. Однако последний, тысячами раздавая дукаты своим подхалимам, имел наглость поручить своему посланнику Лопе Уртадо де Мендоса 24 сентября 1519 г. развеять иллюзии папы относительно обвинения в том, что инквизиция преследует богатых за конфискации, на самом деле все или почти все привлеченные к ответственности были бедняками, и что *fisc* приходилось содержать их в тюрьме и платить их адвокатам и прокураторам. [1123]

После отъезда Карла в мае 1520 года, чтобы принять императорское достоинство, мы слышим о нескольких новых пожалованиях. Он быстро вырос под грузом огромной ответственности, навалившейся на него, и начинал понимать, что его положение предполагает и другие обязанности' помимо удовлетворения жадности его придворных. Казалось бы, он охотно переложил на генерального инквизитора и Супрему бремя таких тривиальных вопросов и предоставил им соглашаться на те милости, которыми он мог бы их одарить, или не соглашаться с ними. Грант из конфискации в Сарагосе, датированный Брюсселем 1 октября 1520 года, содержит формулировку, что он составлен с согласия и по совету генерального инквизитора и Совета Арагона, и, хотя он подписан Уго де Уррисом по приказу императора, на нем есть *подпись* кардинала Адриана. [1124] Практически таким образом контроль был передан Верховному суду, потребности которого, как мы видели, предотвратили любое накопление в трибуналах, и впоследствии мы почти ничего не слышим об этом растрачивании конфискации.

Результаты

Если я так подробно остановился на деталях этой отрасли инквизиционной деятельности, то это потому, что ее важность едва ли признавалась теми, кто писал об инквизиции. Это не только обеспечивало средства к существованию института в период его наибольшей активности, но и было признано самими инквизиторами как их самое мощное оружие и то, чего больше всего боялись трудолюбивые классы, составлявшие их основную сферу деятельности. Его мощь является мерой страданий, которые он причинял на протяжении долгих поколений невинным и беспомощным, намного превосходя муки тех, кто погиб на костре. Этому в значительной степени было обусловлено окончательное исчезновение иудаизма в Испании, поскольку возвышенный героизм, который мог бы отважиться на ужасы *брасеро*, вполне мог уступить перед перспективой бедности, которую придется терпеть потомкам, лишенным наследства. Этому также в значительной степени объясняется застой испанской торговли и промышленности, поскольку торговля не могла процветать, когда кредит был ослаблен, и доверие не могло существовать, когда торговцы и промышленники с самым высоким положением могли в любой момент попасть в руки трибунала и все их активы были конфискованы. Даже щедрость испанской инквизиции, не конфисковавшей долги, причитающиеся еретикам, была лишь слабым смягчением этого, поскольку кредитор мог разориться из-за трудностей и задержек, возникавших при реализации его кредитов, а прошлые сделки не были безопасными до тех пор, пока не были защищены запретом сроком на сорок лет. Инквизиция появилась в то время, когда географические открытия произвели революцию в мировой торговле, когда зарождалась эра индустриализма, и будущее принадлежало нациям, у которых должно было быть меньше препятствий для адаптации к новым веяниям. Позиция Испании была такова, что давала ей контроль над безграничными возможностями будущего, но она слепо отказалась от всех своих преимуществ, отдав их в руки

еретиков Голландии и Англии. Этому способствовали многие причины, слишком сложные, чтобы обсуждать их здесь, но не последней среди них было вековое обескровливание производительных классов и ненадежность, которую применение конфискации наложило на все операции торговли и промышленности.

ГЛАВА II.

ШТРАФЫ И ЕПИТИМЬИ.

ХОТЯ, по крайней мере, в более ранний период, конфискация была основной финансовой опорой инквизиции, у нее были и другие ресурсы. Продуктивным из них было денежное взыскание, которое суды имели дискреционное право налагать на тех, чьи преступления сводились только к подозрению в ереси, а не к формальной ереси, которая влекла за собой примирение или смягчение наказания с конфискацией.

Раздача милостыни во искупление грехов была характерной чертой церковной практики, и в средние века схоластам не составило труда доказать, что денежное покаяние было более эффективным, чем любое другое [1125]— и это, безусловно, было более эффективным в том смысле, что огромные богатства Церкви были в значительной степени собраны из этого источника. Более того, инквизитор унаследовал от своих средневековых предшественников неопределенную дублирующую функцию исповедника и судьи — его преступники были кающимися, а наказания, которые он налагал, были епитимьями. [1126] Даже когда каноническое право требовало, чтобы закоренелые или рецидивирующие еретики были переданы светской власти для сожжения, на них иногда ссылаются как на *penitenciados* [1127] Когда в соответствии с ранними эдиктами Милосердия кающиеся тысячами стекались, чтобы исповедаться в своих грехах и избежать телесных наказаний и конфискации, инквизитору было поручено заставить их отдавать в качестве “милостыни” часть своего имущества в соответствии с качествами человека, характером и продолжительностью его проступков, и эти *денежные покаяния* должны были быть применены к войне с Гранадой как к самому благочестивому из дел. [1128] Таким образом, в начале денежная епитимья и раздача милостыни рассматривались как взаимозаменяемые термины, оба в равной степени применимые к произвольным штрафам, которые инквизитор мог наложить на своего кающегося. Существовало техническое, хотя и не практическое, различие между ними и наказаниями, налагаемыми на правонарушителей не только за духовные преступления, в рамках осуществления королевской юрисдикции, возложенной на Святую Канцелярию. Они вместе сформировали общий фонд, который был известен как фонд *penas y penitencias*- штрафов и епитимий, — из которых первые взимались со светской, а вторые - с духовной юрисдикции. Это различие в лучшем случае было прозрачным, и хотя поначалу оно соблюдалось, со временем трибуналы стали равнодушными и признали, что епитимья - это наказание.

Самая ранняя формальность наблюдается в деле Брианды де Бардакси, где консульта де Фе 18 марта 1492 года объявляет ее виновной в яростных подозрениях и требует наказания по усмотрению инквизиторов. Соответственно, 20 марта инквизиторы обсудили “епитимью” и объявили *Impositio penitentiae*, состоящее из пяти лет тюремного заключения с соблюдением

определенных духовных обрядов: “и, более того, мы накладываем на нее епитимью в виде третьей части всего ее имущества, которую мы направляем в казну этого трибунала и на расходы по ее судебному разбирательству, и эту третью часть, или ее истинную стоимость, мы приказываем выплатить в течение десяти дней Мартину де Коте, исполнителю епитимий”. [1129] К середине шестнадцатого века это сомнение было преодолено. В случае с Мари Серрана в Толедо в 1545 году совет федерации, правда, голосует за то, чтобы на нее была наложена “епитимья” в размере трети ее имущества, но публичный приговор, в котором обычно не указывалась сумма, после перечисления определенных духовных обрядов добавляет: “также денежное наказание, наложенное на нее по определенной причине, отложено до настоящего времени”. Так, в случае с Мари Гомес в 1551 году указано, что она “осуждена” на двадцать дукатов за судебные расходы, которые она должна выплатить получателю в течение девяти дней. Когда в зале для аудиенций ей зачитали приговор, она спросила, как ей выплатить двадцать дукатов, и ей ответили, что они будут получены из имущества, конфискованного при ее аресте. [1130] Наложение ареста, как мы можем заметить, позволило суду по своему усмотрению распоряжаться имуществом виновного и соразмерять наказание с его возможностями.

ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ КОНФИСКАЦИИ

У инквизиции было преимущество рассматривать эти штрафы как покаянные, поскольку покаяние было частью таинства отпущения грехов, которое являлось церковной функцией, доходы от которой контролировались Церковью, и, таким образом, оно полностью отличалось от конфискации. Это правда, что практически это было просто словесное жонглирование, поскольку инквизитор не отпускал грехи, и, поскольку он не обязательно был священником, в его обязанности не входило отправление таинств, но словесного жонглирования было достаточно, и оно служит для объяснения жесткого разделения средств, получаемых от епитимьи и от конфискации, даже после того, как и то, и другое находилось под контролем инквизиции. Мы видели (т. I, стр. 338) длительную борьбу Фердинанда за получение епитимий, которая в конце концов завершилась в пользу инквизиции. Это было скорее выгодно обвиняемому, поскольку трибунал был бы склонен признать его виновным только по подозрению в ереси, что позволило бы ему наложить денежную епитимью в своих интересах, а не в формальной ереси, которая предполагала конфискацию. Конечно, это прошло, когда финансовый контроль практически перешел к Верховному, но различие между фондами все еще сохранялось.

В более ранний период это различие подчеркивалось должностью специального распорядителя епитимий, который, по-видимому, подчинялся генеральному инквизитору, в то время как распорядитель конфискации находился у короля. Таким образом, приговор Брианде де Бардакси показывает нам Мартина де Кота в качестве получателя епитимий в Сарагосе в 1492 году, и мы все еще слышим о нем на этом посту в 1497 году, в то время как Фердинанд назначил своим приемником Хуана Денбина, которого сменил Хуан Ройс. Уже в 1486 году Эстеве Коста был “распорядителем наказаний” в Валенсии, чье жалованье в пятьдесят либр свидетельствует о том, что эта должность имеет гораздо меньшее значение, чем должность получателя конфискации. [1131] Тем не менее, на этот счет не было установленного правила. В 1498 году Хуан Ройс был получателем как епитимий, так и конфискации в Сарагосе, а в

Валенсии Хуан де Монастерио был инквизитором и одновременно получателем епитимий, в то время как в 1512 году в Барселоне фискал также исполнял последнюю должность, как мы узнаем из того, что его зарплата была приостановлена до тех пор, пока он не представит отчет о своих поступлениях. [1132] Еще в 1515 году в Уэске все еще был специальный получатель епитимий, каноник Перо Перес, смерть которого показала, что он был неплательщиком в размере четырех тысяч суэльдо, когда должность была объединена с должностью попечителя. [1133] В 1516 году, среди других своих реформ, Хименес упразднил эту специальную должность и передал штрафы и епитимьи в руки получателей конфискации, однако с инструкциями хранить средства отдельно и не выплачивать штрафы и епитимьи, кроме как по приказу генерального инквизитора. Ранее в Верховной раде существовал генеральный распорядитель штрафов и епитимий, должность, которая также была упразднена, и все доходы были переданы в ведение одного должностного лица, что было подтверждено Манрике в 1524 году. [1134]

ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ КОНФИСКАЦИИ

Было трудно предотвратить несанкционированный сбор этих средств другими должностными лицами с последующим отсутствием ответственности и риска растраты. В инструкциях по предотвращению злоупотреблений от 10 октября 1546 года предписано, чтобы все штрафы выплачивались получателю; опять же, 20 августа 1547 года приказано, чтобы ни инквизиторы, ни другие должностные лица, кроме получателя, не взыскивали епитимий или других денежных средств. Проверка трибунала Барселоны в 1549 году показала, что это не было выполнено; другие должностные лица производили сборы, и о них не сообщалось получателю, все это было запрещено на будущее, но приказ 1547 года пришлось повторить 4 декабря 1551 года, 9 мая 1553 года и 20 декабря 1555 года. [1135] Очевидно, имели место утечки, которые Suprema тщетно пыталась остановить. 12 января 1549 года Херонимо Зурите, как контадору королевств Арагон, было дано специальное поручение провести ревизию счетов всех получателей, прошлых, настоящих и будущих, в отношении штрафов, епитимий и других *казуальных сторон*, с полными полномочиями посылать за лицами и бумагами, подвергнутыми таким наказаниям, какие он может назначить, что весьма важно. [1136] Возможно, его расследования привели к изданию carta acordada от 23 сентября 1551 г., в котором говорится, что в некоторых судах некоторые денежные штрафы не заносятся в Книгу наказаний; поэтому нотариусам секвестраций настоятельно предписано, под святым послушанием и серьезным отлучением от церкви, делать такие записи, когда приговор будет вынесен. *latæ sententiæ* вынесенные, с указанием, применимы ли они к инквизиции или к какой-либо благочестивой работе, чтобы контадор мог знать, взысканы ли они, и все пропущенные таким образом штрафы подлежат вычету из заработной платы нотариусов. [1137] Поскольку к этому времени к инквизиции неизменно применялись штрафы, предлог присвоения для благочестивых целей, по-видимому, был простым приемом для их присвоения. У Верховного, очевидно, не было никаких сомнений на этот счет, когда инквизиторы Барселоны в деле Пирро де Гонзага наложили епитимью в размере трехсот дукатов и выделили двадцать пять монастырю Н. Сеньора де лос-Анхелес, двадцать пять монахиням Сан-Херонимо, а остальное - на кровати и одежду для бедных. В 1568 году он сообщил им, что все штрафы покрывают расходы инквизиции, и потребовал от них в течение тридцати дней представить подлинные доказательства распоряжения двумястами пятьюдесятью дукатами под страхом строгого судебного разбирательства против них. [1138] Что касается привлечения нотариусов к ответственности, то в этом была явная несправедливость, поскольку они были бессильны предотвратить мошенничество инквизиторов. В 1525 году в некоторых инструкциях трибуналу Сицилии упоминается, что нотариус неоднократно и тщетно

просил уведомить его обо всех наложенных епитимьях, чтобы он мог возложить их на получателя. [1139] Насколько безрассудными иногда были инквизиторы, видно из дела об убийстве Хуана Антонио Манагата, заместителя приемника в Пуйсерде. В 1565 году три барселонских инквизитора наложили на обвиняемых несколько крупных штрафов, которые были должным образом собраны и помещены в сундук с тремя ключами, после чего они хладнокровно положили себе по тысяче реалов каждый под предлогом того, что это было для оплаты судебного разбирательства. Обнаружив это в ходе проверки, проведенной де Сото Салазаром, Верховный судья распорядился вернуть деньги в казну и предоставить удовлетворительные доказательства возмещения ущерба в течение тридцати дней. [1140]

Различие между конфискациями и штрафами и епитимьями строго соблюдалось, когда и то, и другое было сосредоточено в руках получателя. Была выдана специальная комиссия, разрешающая ему получать последнюю [1141] и ему было строго поручено хранить учетные записи отдельно. Конфискации направлялись на заработную плату и, если был избыток, на инвестиции более или менее постоянного характера, в то время как штрафы и епитимьи взымались, как обычно выражалась формула приговоров, на *экстраординарные расходы*— прочие чрезвычайные расходы судов. Тем не менее, когда конфискации закончились, не было никаких колебаний в использовании другого фонда, хотя для его санкционирования требовалось специальное распоряжение Верховного суда. Аюды де коста, как правило, взымались за счет штрафов и епитимий, хотя часто получателю говорят выплатить их из любых имеющихся в наличии средств. [1142] В 1525 году Манрике распорядился выплачивать арендную плату чиновникам за жилье из штрафов и епитимий; в 1540 году Тавера выделил из того же фонда в Валенсии три тысячи суэльдо женскому монастырю Санта-Джулия в качестве приданого примиренной Мориски, помещенной туда для спасения ее души; в 1543 году он призывает получателя Гранады выплатить выделить из того же источника двести дукатов Хуану Мартинесу Лассао, секретарю Верховного суда, по случаю его женитьбы; в 1557 году инквизиторам Сарагосы было разрешено таким же образом оплатить расходы на переоборудование Альхаферии. [1143] Короче говоря, ожидалось, что этот фонд покроет бесчисленные разные расходы трибуналов и восполнит все недостатки, что заставит инквизиторов следить за тем, чтобы его было в избытке.

Были случаи, когда епитимьи заменяли конфискации, к явному преимуществу трибуналов. Таким образом, в 1519 году, когда имущество Фернандо де Вильяреала подлежало конфискации, Карл V разрешил инквизиторам наложить на него такую епитимью, какую они сочтут подходящей, и отпустил ему излишки. Маловероятно, что этот излишек был допущен до больших размеров, поскольку, когда в 1535 году трибунал Валенсии рассматривал дело Бачиллера Молины и узнал, что вице-король пообещал жене Молины, что в случае конфискации он попросит императора отказаться от него, инквизиторы написали Верховному судье, что они предлагают не конфисковать его имущество, а наложить епитимью в размере, меньшем его стоимости. [1144] Это указывает на то, что епитимьи не были наложены короной, и, таким образом, это разоблачает лицемерие Верховного Суда, ответившего на петицию Валенсии в кортах Монсон в 1537 году о том, что инквизиции следует запретить наказывать морисков. В нем утверждалось, что эти денежные взыскания были наложены на королевскую казну и что его величество не следует просить о их выплате или просить папу римского отменить то, что предписывают каноны. [1145]

ЗАМЕНИТЬ КОНФИСКАЦИЮ

Каноны предписывали конфискацию, но, как мы только что видели, не было никаких колебаний в замене епитимьи. В наибольших масштабах это было опробовано в королевствах Арагон, где мориски были в основном вассалами дворянства, которые пострадали, когда они обнищали и их земли были отобраны. Фуэрос Валенсии предусматривали, что феодальные земли, конфискованные за ересь или по другой причине, должны вернуться к господу, и Фердинанд и Карл неоднократно клялись в этом, но инквизиция спокойно игнорировала все законы и настаивала на конфискации в своих интересах. Даже распоряжение Павла III от 2 августа 1546 года, постановляющее, что в течение десяти лет и впоследствии, по воле Святого Престола, на морисков не должно налагаться никаких конфискаций или денежных епитимий, не получило внимания, и практическим ответом на протесты кортов 1564 года стало конкретное указание Верховного суда трибуналу Валенсии продолжать конфискации, независимо от того, что люди могут сказать об их привилегиях. [1146] Тем временем Арагон получил в 1534 году прагматический акт, по которому Карл отказался от своего права на конфискации мориско, которые должны были вернуться к наследникам или быть распределены по завещанию, и на это было получено согласие Верховного суда. Однако это было практически сведено к нулю, поскольку в 1547 году Корты пожаловались, что конфискации были заменены епитимьями, превышающими богатство виновных, которые были вынуждены продать все свое имущество и, вдобавок, разорить своих родственников, на что Верховный Суд высокомерно ответил, что, если кто-то пострадал, он может обратиться к нему или к инквизиторам. [1147]

Наконец-то была заключена выгодная сделка с Валенсией, где проживало самое большое количество мориско. В 1537 году корты предложили, чтобы за выплату 400 дукатов в год инквизиция воздерживалась от наказания морисков, но Супрема отказалась на том основании, что это было бы медвежьей услугой Богу. Это было проницательно, поскольку в 1571 году оно заключило соглашение, согласно которому за ежегодную выплату в размере 50 000 суэльдо (2500 дукатов) оно отказалось от конфискации и ограничило наказание 10 дукатов, выплата которых была обеспечена путем взимания их с алиментов виновных. [1148] Каким бы благоприятным это ни было, инквизиторы не стали сдерживать себя в его соблюдении. На аутодафе от 7 января 1607 года была наложена епитимья в размере 50 дукатов, одна из 30 и одна из 20, и, хотя было всего восемь примирений, было наложено двадцать епитимий в размере 10 дукатов. Верховный суд возразил против этого, заявив, что без примирения штрафы были неуместны в отсутствие какого-либо особого правонарушения. [1149] Соглашение, по сути, было тем, по которому выгоды трибунала ограничивались только его промышленностью, поскольку недостатка в отступниках-мориско не было. Маленькая деревушка Мислата, недалеко от города, должно быть, была на грани банкротства, поскольку несла ответственность за епитимьи своих жителей, которых в 1591 году было восемьдесят три, а в 1592-м - семнадцать. [1150]

По мере сокращения конфискаций по всей Испании как нельзя кстати появились неограниченные полномочия по наложению штрафов и епитимий для восполнения недостатков. Они могли взиматься в самых разных случаях — не только за подозрение в ереси и за подлог, но и за двоеженство, богохульство, нецензурные выражения и все преступления против трибунала и его должностных лиц, а также за преступления самих должностных лиц и

приближенных. Временная юрисдикция особенно предоставляла большие возможности, поскольку обвиняемый, независимо от того, был ли он знакомым или посторонним, всегда мог быть оштрафован в пользу трибунала, и это редко упускалось из виду. В Святой канцелярии ни для кого не было секретом, что эта дискреционная власть должна была осуществляться не в соответствии с существом дела, а в соответствии с потребностями инквизиции. Еще в 1538 году об этом говорилось в инструкциях инквизитору Вальдеолиту Наваррскому, когда его отправляли с визитом для расследования колдовства. Ему было запрещено проводить конфискации, но ему сказали, что он может налагать штрафы и епитимьи пропорционально правонарушениям и богатству виновных, чтобы покрыть расходы и дать возможность получателю выплачивать зарплату. [1151] Со временем Верховный стал более откровенным. Хартия акордада от 22 октября 1575 года гласила инквизиторам, что они могут налагать денежные штрафы во время посещений, а также во время заседаний трибунала, и должны иметь в виду бедность Верховного суда, а также богатство виновных и характер преступления. Это повторилось в 1580 году, а в 1595 году было обращено внимание на необходимость удовлетворения потребностей инквизиции таким образом, увещание повторилось в 1624 году. [1152]

ПРОДУКТИВНОСТЬ

Это стимулирование, по-видимому, было излишним, поскольку инквизиторы использовали свои полномочия в этом отношении до такой степени, что иногда даже Верховный Суд прибегал к порицанию. При посещении Жероны и Эльне доктором Зуритой из Барселоны в 1564 году мы находим, что он постоянно накладывал штрафы и епитимьи в размере 4, 6, 10, 20, 30 или 100 дукатов, очевидно, ограниченные только средствами жертвы. Его коллега, доктор Мехия, во время посещения наложил на Дамиана Кортеса штраф в 100 дукатов за то, что тридцать лет назад, когда кто-то посоветовал ему довериться Богу, он воскликнул: “Доверься Богу! Доверившись Богу, в прошлом году я потерял 50 дукатов”, и, когда Хуан Барберо прокомментировал это предложение, он был оштрафован на 20 дукатов и дополнительные расходы. Когда де Сото Салазар сообщил об этом последнем подвиге, Верховный суд распорядился возместить штрафы в размере 60, 40 и 15 дукатов, наложенные Мексией на Бэйла Виндоли и двух хурадо за нарушение, настолько незначительное, что их имена было приказано вычеркнуть из записей. Заседая в качестве трибунала, эти инквизиторы были еще более либеральны к самим себе, поскольку они оштрафовали настоятеля Риполя на 400 дукатов за содержание монахини в качестве любовницы — преступление, полностью выходящее за рамки их юрисдикции. [1153] Еще в 1687 году трибунал Логроньо представил вопиющий пример такого злоупотребления произвольной властью, когда он отлучил от церкви и оштрафовал на 200 дукатов Д. Мигеля Урбана де Эспиносу, рыцаря Сантьяго и фамильяра, за то, что, когда его вызвали присутствовать при публикации Эдикта веры, он попытался войти в церковь с мечом. Генеральный инквизитор немедленно распорядился о его отпущении грехов и приостановил выплату штрафа до получения дополнительной информации. [1154]

Поступления от епитимий, хотя и колебались, были существенным дополнением к доходу. В Севильском аутодафе от 13 мая 1585 года кающийся, обвиненный в лютеранстве, был оштрафован на 100 дукатов, двоеженец - на 200, при условии, что это не превышало половины его имущества; за утверждение, что блуд не является грехом, один человек был оштрафован на 200 дукатов или меньше, в зависимости от его состояния, другой - на 200 и двое - на 1000

мараведи за штуку, в то время как за укрывательство еретиков была наложена епитимья в размере 50 дукатов. Всего за автомобиль было продано 850 дукатов и 2000 мараведи. [1155] Еще более продуктивным было аутодафе 14 июня 1579 года в Льерене, где трибунал собрал 626 000 мараведи и 2700 дукатов, или около 4375 дукатов в целом — благодаря тому, что некоторые из кающихся были зажиточными священнослужителями, приверженцами иллюминизма. [1156] Толедо в 1604 году наложил епитимью в 3000 дукатов на Хиральдо Париса, немца из Мадрида, виновного во множестве еретических высказываний, включая утверждение, что святой Иов был алхимиком. [1157] Тот же суд в 1649 и 1650 годах наказал четырех человек, пытавшихся защитить иудействующего, двоим из них по 500, а двум другим по 300 дукатов каждому. В 1654 году, опять же, в двух экземплярах, 8 ноября и 27 декабря, было реализовано в общей сложности 4000 дукатов. После этого ему время от времени везло, и в 1669 году ему в высшей степени повезло с богатым кающимся доном Алонсо Санчесом, священником и врачом трибунала Куэнки, которого суд признал виновным в пособничестве и наложил епитимью в размере крупной суммы в 13 000 дукатов. [1158] В 1654 году Куэнка реализовала 2250 дукатов, помимо тринадцати конфискаций, из своего автомобиля от 29 июня. [1159] Кордове повезло больше, в результате автокатастрофы 3 мая 1655 года, когда группа богатых иудействующих и их друзья пожертвовали в общей сложности 7000 дукатов. [1160]

В дополнение к этому источнику дохода от епитимий, налагаемых на кающихся, существовали штрафы, налагаемые при осуществлении светской юрисдикции инквизиции. Насколько свободно осуществлялась эта власть, даже когда преступники были должностными лицами, видно из защиты, предложенной Верховной властью в 1632 году, когда были поданы энергичные жалобы на фамильяров Валенсии. В качестве примера приведено дело Хайме Блау, который был оштрафован на 600 либр, половину в пользу заявителя и половину в пользу fisc; Висенте де Сан-Херман оштрафован на 300 либр; Иеронимо Льодра на 500 дукатов; Педро Карбонель на 500 дукатов; Томас Реаль на 300 дукатов; Мигель Рубио на 400 либр и Иеронимо Пиларт на 500 либр. [1161] Несомненно, благодаря этим наказаниям виновные избежали гораздо менее терпимых телесных наказаний, и они служат объяснением постоянного увеличения числа приближенных в сочетании с пренебрежением к характеру назначенцев. То же самое было с посторонними, которых преследовали за преступления против должностных лиц, как, например, когда в 1565 году дон Тристан де Уррия из Сарагосы был оштрафован на 60 дукатов за оскорбление нотариуса. [1162]

ПРИБЫЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В семнадцатом веке Верховная власть провозгласила эти штрафы своей особой привилегией. Например, когда Хайме Блау был переведен в 300 дукатов для fisc, как только Верховный суд узнал об этом, он приказал немедленно перечислить сумму, и продолжительность последовавшей переписки указывает на то, что это было новшество, которому неохотно подчинились. [1163] Даже штраф в размере 100 либр, наложенный на Игнасио Наварро в 1636 году, был взыскан немедленно и отменен, как и вскоре после этого 100 дукатов, которыми он купил свое помилование; поскольку он был немедленно снова арестован за убийство дона Хуана Августина Салуко, он, вероятно, получил еще ряд штрафов. [1164] В условиях крайней нужды королевской казны король потребовал часть этих поступлений и указом от 30 сентября 1639 года приказал выплачивать четвертую часть всех штрафов за светские правонарушения должностному лицу, назначенному для получения штрафов королевских судов. [1165]

При недобросовестном использовании дискреционной власти часто налагались штрафы и епитимьи, превышающие возможности виновного заплатить, и у инквизиторов была привычка добавлять в приговор альтернативу некоторым телесным наказаниям, таким как галеры, бичевание или вергуэнца, с целью побудить родственников внести свой вклад, чтобы отвратить от семьи позор публичного причинения вреда. Инструкции 1561 года строго запрещают подобную жестокость; приговоры должны быть без каких-либо условий или альтернативы, и таким образом не допускается невозможность заплатить. [1166] Этому почти не подчинились. В 1568 году это была обычная практика барселонского трибунала - добиваться выплаты своих произвольных штрафов альтернативой такому наказанию. [1167] Однако примерно в 1640 году инквизитор сообщил нам, что этот вопрос был обойден благоразумным обычаем отправлять бедняков на галеры и налагать денежную епитимью на богатых. [1168]

На самом деле, после середины семнадцатого века количество таких епитимий уменьшилось, и обычно они касались больших сумм. В списке автомобильных магазинов Толедо с 1648 по 1794 год есть только один, стоимость которого меньше 100 дукатов, и тот стоит 50. Всего было наложено всего шестьдесят четыре епитимьи до 1742 года и ни одной впоследствии. Общая сумма составляет 30 600 дукатов, не считая четырнадцати из половины имущества преступника. [1169] То ли из-за растущего ощущения своей непристойности, то ли из-за нехватки материала обычай наложения денежных епитимий быстро пришел в упадок в восемнадцатом веке. В коллекции из шестидесяти шести автографов, составленных между 1721 и 1745 годами, всего 962 случая, нет ни одного денежного взыскания. [1170] Штрафы, однако, продолжали налагаться до последнего. 27 марта 1816 года Паскуаль Франчини из Мадрида за хранение двух непристойных картин был оштрафован на 100 дукатов, и, поскольку они определены как применимые к королевской казне, создается впечатление, что корона поглотила этот незначительный источник дохода. [1171]

В этом вопросе римская инквизиция представляла собой достойный контраст с испанской. За исключением Милана, Кремоны и других мест, находившихся под властью Испании, денежные наказания применялись редко; требовалось согласие Конгрегации кардиналов, и они сразу же должны были быть распределены на благочестивые цели, за которые требовался строгий отчет. Так, в 1595 году одна из 4000 крон была роздана бедным Генуи, а в том же году в Неаполе одна из 400 крон была распределена между благотворительными учреждениями. Даже это считалось умаляющим характер Святой канцелярии, и в 1632 году Урбан VIII издал указ, согласно которому в каждом конкретном случае необходимо было получить папское подтверждение, и в то же время отменил особые привилегии миланских трибуналов. [1172] Отвращение, испытываемое в Риме к этому коммерциализированному рвению к вере, было настолько сильным, что, когда фискал Кабрера представлял там инквизицию в деле Вильянуэвы, Арсе и Рейносо отправили ему для представления папе отчет об автомобиле, отмеченном трибуналом Сантьяго, в надежде вызвать его симпатию к учреждению, которое так много делало для защиты веры. что касается религии, то Кабрера ответил 6 января 1656 года, что он не будет представлять ее без специального приказа. Александр VII, по его словам, не любил денежные взыскания в вопросах веры, и некоторые из них были указаны в отчете; его Святейшество уже говорил с ним на эту тему, и было бы разумнее не привлекать его внимание к этому снова. [1173]

ГЛАВА III.

УСТРОЕНИЯ.

Римская курия так долго приучала христианский мир к идее, что прощение последствий греха можно купить, что мы не удивляемся, если освобождение от наказаний, налагаемых инквизицией, было востребованным товаром, который можно было рассматривать как источник дохода. Мы уже видели это на примере составов для конфискации, и это было сделано в отношении более личных причин, предписанных каноническим и муниципальным правом, — инвалидности виновных и их потомков, упомянутых выше (стр. 287). Инструкции 1484 и 1488 годов утвердили их и расширили правила роскоши, включив в них ношение оружия и верховую езду; они расширили список запрещенных занятий и применили их все к потомкам тех, кто был сожжен лично или чучело. Затем Фердинанд и Изабелла прагматичным решением в 1501 году сделали запрет на занятие должностей и занятие многочисленными профессиями вопросом муниципального права, оставив за собой право предоставлять льготы по королевским лицензиям. Таким образом, эти недостатки, которые жестоко ложились бременем на кающихся и их потомков, происходили из разных источников. Финансовые ограничения, которые стали известны как *cosas arbitrarias*, считались актом трибунала, который мог их снять. Разрешение занимать должность или следовать запрещенным призваниям было королевской прерогативой, в то время как Святой Престол, как хранитель веры и канонического права и как высший источник инквизиторской юрисдикции, претендовал на общий контроль, который был неохотно признан.

В дополнение к этим ограничениям были личные наказания, освобождения от которых требовала инквизиция. Нас здесь интересуют галеры, ссылка, тюремное заключение и ношение санбенито или “хабито” — разновидности желтой туники с красным Андреевским крестом — знака позора и сурового наказания, поскольку это в значительной степени препятствовало попыткам кающегося добыть средства к существованию.

Курия не заставила себя долго ждать, признав изобилие рынка, открытого для ее раздачи большим количеством людей с ограниченными возможностями. В налогах Пенитенциарного учреждения был включен пункт, предлагающий максимально полное разрешение для “Маррании”. Для священнослужителя цена составляла 60 *гро турнуа*, или 15 дукатов; для мирянина 40 гро, или 10 дукатов, помимо платы за хранение в размере 20 гро. Когда разрешение было частичным, позволяя мирянину следовать своему обычному призванию или священнику отслужить мессу, плата составляла 12 грошей, или 3 дуката, но, если это была профессия врача или адвоката, плата была двойной. [1174]

Мы видели крайнюю ревность, которая существовала по отношению к любому вмешательству папы в инквизицию, и неоднократные попытки Фердинанда скрыть папские письма, но власть издавать эти распоряжения не могла быть подвергнута сомнению. Кардинал Мендоса, архиепископ Толедский, получил от Иннокентия VIII право на реабилитацию, и одно из них, выданное Перу Диасу из Сифуэнтеса, мать которого была сожжена, было признано и подтверждено в 1520 году Верховной властью и Карлом V. [1175] В то же время инквизиция заявила о праве контролировать освобождение от наказаний, которые она применяла, и провела эти милости обходится гораздо дороже, чем дешевые папские разрешения. Анчиас, секретарь трибунала Сарагосы, рассказывает нам, как Хуан Херонимо был приговорен носить

санбенито и носил его долгое время, пока его отец не заплатил за него трибуналу тысячу флоринов за разрешение отказаться от него. Часть золота оказалась невесомой, и с него потребовали восемнадцать или двадцать флоринов, чтобы восполнить недостачу, когда он вручил их посыльному со словами: “Как это? Разве сеньорам не хорошо заплатили за товар, который они мне продали? Но бери его и добро пожаловать. [1176] Когда были возможны поборы такого масштаба, мы с готовностью можем поверить, что доктор Гуираль, инквизитор Кордовы, растративший деньги, мог легко получить сто пятьдесят тысяч мараведи от раздач, проданных тем, кто носил санбенито (Vol. I, стр. 190), и мы не можем удивляться, что Святая канцелярия была полна решимости сохранить контроль над столь плодовитым источником наживы.

СОСТЯЗАНИЕ С КОРОНОЙ

Ситуация осложнялась претензиями монархов вмешаться и потребовать свою долю, и это они стремились установить, добившись от Александра VI заключения от 18 февраля 1495 г., в котором говорится, что инквизиторы собирают различные суммы с тех, кто добился папской реабилитации и сохранил их; все такие деньги, полученные до и после этого для смягчения наказания и реабилитации, должны были быть предоставлены в распоряжение монархов под страхом *ipso facto* отлучения от церкви. [1177] Из этого очевидно, что папские разрешения не допускались без взимания дополнительных платежей; что папа был доволен этим, пока налоги на содержание Пенитенциарных учреждений выплачивались в Риме, и что Фердинанд был озабочен только назначением доходов и был вполне готов признать папскую власть, когда она использовалась в его интересах. Он, не теряя времени, воспользовался папским грантом в больших масштабах, и еще до истечения года мы видим, как он массово продавал помощь всем инвалидам по решению суда Толедо, сделка, которая принесла большую прибыль, поскольку в 1497 году Алонсо де Моралес, королевский казначей, подтверждает получение 6 499 028 мараведи от толедских компаний по замене и реабилитации, и это, несомненно, была лишь одна из многочисленных подобных композиций. [1178]

Инквизиция не была расположена отказываться от своей прибыльной торговли. Верховный суд продолжал утверждать свой контроль в инструкциях от 3 июня 1497 года, приказав инквизиторам не брать платы за реабилитацию без консультации с ним; 25 мая 1498 года он объявил, что если бы не было генеральных инквизиторов, никто не смог бы обеспечить реабилитацию или освободить от санбенитоса, и он запретил трибуналам заменять тюремное заключение иным способом, кроме как духовной епитимьей. [1179] Очевидно, что между инквизицией и Фердинандом шло состязание, подробности которого утеряны, поскольку у нас есть письмо от него 24 февраля 1498 г. трибуналу, в котором он говорит: “Вы знаете, что мы предоставили привилегию, благодаря которой дети осужденных еретиков реабилитируются в отношении *арбитражных дел*, наложенных тобой. Поскольку мы хотим, чтобы эта привилегия была сохранена, мы просим вас не взимать с них никаких сборов или отнимать что-либо для пользования ею, и если, возможно, генеральные инквизиторы написали или напишут что-либо противоречащее этому, проконсультируйтесь с нами, прежде чем действовать в соответствии с этим, и мы напишем им и вам то, что наиболее соответствует нашей службе”. [1180]

Монархи, однако, достигли точки, когда седuloй от 12 января 1499 года они официально передали генеральным инквизиторам все денежные средства, полученные в результате епитимий, смягчений наказания и реабилитации в королевствах Кастилия и Арагон, чтобы

обеспечить выплату жалованья, но это пособие, как обычно, практически зависело от потребностей королевской казны, и обещание выполнялось нерегулярно. [1181] Инквизиторы, похоже, быстро присвоили себе эту выгодную привилегию, поскольку Инструкции 1500 года запрещают им предоставлять разрешения и замены, право на которые принадлежит генеральным инквизиторам. [1182] Однако этому сильно помешал следующий ход в игре, "прагматикас" 1501 года, который сделал невозможность занимать должность или следовать многочисленным призваниям предметом муниципального права и оставил за короной право выдавать лицензии в отступление от него, тем самым лишив инквизицию контроля над этим важным разделом наказаний.

ПАПСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Хотя Фердинанд таким образом получил долю в бизнесе, он полностью признал необходимость папской реабилитации в качестве прецедентного условия. В 1510 году, в письме члену Suprema о реабилитации Хурадо Алонсо де Медины, выданном по просьбе королевы Хуаны, он говорит, что оно было предоставлено на основании убеждения, что Медина получил папское поручение; если он этого не сделал, оно было недействительным, поскольку сначала должна быть папская реабилитация. Однако действия папы в этих вопросах ничего не значили без королевского разрешения. Примерно в это же время к нему обратился лицензиат Портильо, заявив, что, поскольку память его деда была осуждена, он не может занимать должность; он был реабилитирован папой, и теперь он попросил лицензию ввиду определенных оказанных услуг, и Фердинанд удовлетворил молитву. Строгость, с которой толковались эти лицензии, проиллюстрирована петицией от доктора Хайме де Лиса, врача из Логроньо, поданной в 1515 году, в которой говорилось, что из-за осуждения его родителей он был недееспособен; он получил папское предписание, разрешающее ему практиковать повсюду, и королевскую лицензию на практику в Логроньо. Не в силах сопротивляться назойливости, он превысил границы дозволенного, за что просил прощения, а также разрешения посетить герцога Наджеры, который присоединился к мольбе. Это было удовлетворено с предупреждением впредь не преступать границы дозволенного, и трибуналу Калахорры и магистратам всех городов было поручено заставить его соблюдать ограничения. [1183]

Когда папское разрешение было выдано духовенству, король не вмешивался, но не может быть никаких сомнений в том, что *vidimus*, или подтверждение Верховной Власти, было необходимо и за него нужно было заплатить, поскольку 8 января и 12 февраля 1498 года все примиренные кающиеся были призваны представить отпущения грехов и разрешения, которые они получили в Риме, что является важным признаком того, что в противном случае их не будут уважать. [1184] Такие разрешения выдавались так же легко, как и мирянам, хотя, как мы видели, цена составляла пятьдесят процентов. выше. Таким образом, 8 апреля 1514 года Лев X освободил Кристобала Родриго, священника из Лудуэны, от инвалидности, полученной в результате осуждения его родителей, и разрешил ему сохранять свои пособия, приобретать других людей и выполнять все свои функции. Точно так же, 3 ноября 1514 года, он избавил Бартоломе Эруэло, получавшего пособие в монастыре Санта-Крус в Сарагосе, от всех болезней, вызванных ересью его деда по отцовской линии. [1185]

Тем не менее, часто встречаются случаи реабилитации, в которых нет упоминания о вмешательстве папы, при обстоятельствах, когда на него едва ли можно было бы не сослаться, если бы оно существовало. [1186], Похоже, не было и мысли о том, чтобы призвать Святой

Престол к сотрудничеству в великом собрании Севильи, в соответствии с которым Фердинанд получил двадцать тысяч дукатов только на реабилитацию, и, когда оно было распространено на Кордову и другие места, они стали частью предложенных поощрений. [1187] Итак, когда кардинал Манрике выдавал оптом лицензии на занятие должности крупным округам Севильи, Кордовы, Гранады и Леона, нет никаких намеков на папские разрешения. По какой-то причине, вероятно финансовой, эти лицензии выдавались на короткий срок и требовали продления; в одном случае документ, выданный в феврале 1528 года, продлил срок действия до 15 апреля, а затем, 6 апреля, был продлен до конца июня. [1188]

Это пренебрежение папским участием, по-видимому, спровоцировало курию на ответные действия, и она выпустила реабилитационные документы с порицаниями и наказаниями для всех, кто мог им препятствовать, тем самым сделав ненужным согласие короля и инквизиции. Вслед за этим Карл переиздал "прагматику" 1501 года и уполномочил инквизицию обеспечивать их соблюдение, в то время как Верховный суд объяснил трибуналам, что в соответствии с канонами существует инвалидность, а в соответствии с "прагматикой" - другая, так что папской реабилитации было недостаточно без королевской, и наоборот, поэтому инквизиторам было поручено внимательно изучить это и преследовать в судебном порядке тех, кто не обладал и тем, и другим. Однако он отказался от этой позиции и издал *cartas acordadas* 15 мая 1530 и 16 мая 1531 годов, жалуясь на эту новую форму папских распоряжений. Если бы этому было позволено продолжаться, говорилось в нем, все инвалиды были бы реабилитированы, а законы королевства были бы аннулированы, поэтому, когда были представлены такие письма, фискалу было приказано составить прошение к папе римскому, в котором говорилось, что инвалидность была установлена законами страны и что опытным путем было установлено, что эти дети еретиков, если они получают судебные должности, несправедливо приговаривают христиан к смерти или, если они становятся врачами, хирургами или аптекарями, дают своим пациентам яды вместо лекарств. Все эти мольбы должны были быть отправлены Верховной власти, которая переправила бы их римскому агенту инквизиции, а тем временем, мы можем предположить, действие папских писем было приостановлено. В другом документе того периода противодействие папским реабилитациям перечислено как одна из постоянных обязанностей фискалов. Несколько примечательно, что это, по-видимому, касалось только Кастилии, поскольку в 1535 году Верховный суд узнал, что трибунал Валенсии принял и уважает папские реабилитации, и поспешил проинструктировать его следовать кастильскому методу. Борьба продолжалась, и инструкции 1531 года были повторены 19 июля, 26 октября 1543 года и 14 мая 1546 года. [1189]

ПАПСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Напряженные дни правления Фердинанда миновали, и сопротивление было тщетным. Курия невозмутимо продолжала продавать разрешения самого либерального характера, которые полностью отменяли испанское законодательство. Одно, носящее имя Павла III, 1 февраля 1545 г., выданное Хуану де Аро из Хаэна, чьи бабушка и дедушка были сожжены в виде чучела, заверяет в его высоких заслугах и признает, что, даже если его предки были осуждены и сожжены, он может получить степени бакалавра, лиценциата и доктора; он может занять должность судьи, коррехидора, адвоката, прокуратора и нотариуса, легата, нунция, врача, хирурга, аптекаря, фермера, собирающего подати, а также все почести и звания. звания, включая профессорские кафедры; он может носить одежду любого цвета и материала, украшения из золота, серебра и драгоценных камней; он может носить оружие и ездить верхом

на лошадях и мулах, наследовать от любого рода, приобретать собственность любого рода, становиться священником и получать любое достоинство или привилегии, и всем инквизиторам и светским властям запрещено вмешиваться в пользование им этими привилегиями. [1190] Очевидно, это обычная формула этих устроений, и было досадно, что законы страны и юрисдикция инквизиции таким образом спокойно сведены на нет, но с этим ничего нельзя было поделать. Иногда, однако, получатели этих папских реабилитаций считали разумным проявить смирение, и в этом случае они были вполне уверены в благожелательном приеме. В 1548 году трибунал Сарагосы приговорил к смертной казни пятерых идалъго, вассалов графа Рибаторца, что лишило их права занимать государственные должности. Они раздобыли письма из Рима, но представили их Верховной власти и отказались ими воспользоваться, после чего Вальдес велел инквизиторам следить за письмами и избавлять кающихся от их инвалидности. [1191]

Римская конкуренция, однако, ни в коем случае не уничтожила домашнюю торговлю диспенсациями. Все, что было навязано инквизиторами, могло быть отменено генеральными инквизиторами, как тогда, когда Вальдес 27 мая 1551 года выдал Леандро де Лорису разрешение занять должность ассессора в бейле Валенсии после того, как трибунал лишил его права занимать какие-либо должности судьи. [1192] Однако, когда инвалидность была результатом прагматики, было признано, что их устранение было функцией коронки. Таким образом, в 1549 году Верховный Суд выражает удовлетворение тем, что те, кто примирился в соответствии с Эдиктом Милосердия, должны добиться реабилитации от короля, а в 1564 году он объясняет, что разрешения, предоставленные генеральным инквизитором, относятся только к субсидиям *cosas arbitrarias*, так что те, кто их получает и превышает в этом, подлежат судебному преследованию. [1193] Функции инквизиции, таким образом, ограничивались предоставлением инвалидам возможности носить дорогую одежду и драгоценности, носить оружие и ездить верхом. Они, известные как разрешения “*en lo arbitrario*”, пользовались большим спросом, и в них велся оживленный бизнес. В записях, конечно, ничего не говорится об их продаже или о заплаченных за них ценах, которые, несомненно, были пропорциональны положению или богатству кающегося или его родственников, но о том, что они были предметом торговли, свидетельствует то, что их часто выдавали в качестве вознаграждения низшим чиновникам, выдавали чистыми, чтобы продать по лучшей цене, какую только можно было получить. [1194] Действительно, вопрос об этих разрешениях стал настолько обычным, что ближе к концу шестнадцатого века Пенья завершает свои замечания об инвалидности, говоря, что по прошествии времени от них принято отказываться. [1195]

Восстановление права занимать должности и заниматься торговлей также было источником прибыли для короны и ее чиновников. Продажа их стала настолько повсеместной, что в 1552 году она стала предметом жалобы мадридского суда, который утверждал, что дети и внуки осужденных еретиков были богаты и добились реабилитации от короля в нарушение прагматики, к большому ущербу для Республики. На прошение о том, чтобы это прекратилось, последовал ответ, что просьба будет принята во внимание и будут соблюдены практические рекомендации. [1196] В том, что это обещание было выполнено, вполне можно усомниться, тем более что со временем курия отказалась от своих претензий на выдачу разрешений такого рода. Когда в 1603 и 1604 годах к нему было подано несколько прошений о такой милости, Конгрегация инквизиции отказалась вмешиваться. [1197]

КОММУТАЦИИ

Курия никогда не предполагала вмешиваться в смягчение или искупление наказаний, наложенных инквизицией. Таким образом, в этих делах у него были развязаны руки, и полученный доход, должно быть, был важен, поскольку он всегда был готов проявить милосердие за разумное вознаграждение. Спекулятивная ценность таких замен была признана, по крайней мере, еще в 1498 году, когда они уже рассматривались как постоянный источник дохода, поскольку Хуан де Монастиерио тогда характеризовался как инквизитор Валенсии и принимающий епитимьи и замены. [1198] В 1524 году мы находим, что Манрике поручил Франсиско де Сальмерону собрать у судебных исполнителей все “наказания и покаяния, исправления и абилитации”, и аналогичная группировка в 1540 и 1544 годах показывает, что все они продолжали быть источниками, вносящими вклад в общий фонд. [1199]

Из этих наказаний самым результативным и наиболее часто смягчаемым было санбенито, или покаянная привычка, освобождение от которой в ранний период, как мы видели, оценивалось, по крайней мере в одном случае, в тысячу золотых флоринов. Тяжесть причинения вреда хорошо изложена в петиции, поданной около 1560 года “поверо нотариусом Якобо Дамиано” в сицилийский трибунал. Он говорит, что всеми способами пытался заработать на жизнь, но безуспешно, и его единственный ресурс - это возвращение на родину, в Ракальмута, где его семья поможет ему прокормиться и он сможет прожить несколько дней, оставшихся до его возраста и немощей, но, поскольку его родственники - люди чести, если он придет с санбенито, они прогонят его и оставят умирать с голоду. Поэтому он просит заменить эту привычку денежной выплатой для выкупа пленников и какой-либо другой епитимьей, и он соберет сумму у своей семьи; в противном случае ему грозит смерть от нужды, поскольку он всеми покинут. [1200] Учитывая деградацию и препятствия на пути к получению средств к существованию, лица, подвергшиеся наказанию, и их родственники, скорее всего, заплатили бы любую сумму, которую могли себе позволить, за освобождение. Это обычно сочеталось с тюремным заключением — “карцель и абито” обычно применялись вместе, и смягчение наказания касалось обоих.

Как правило, инквизиторам запрещалось предоставлять подобные льготы — соблазн сохранить выручку, несомненно, был слишком велик. В 1513 году Хименес, узнав, что некоторые инквизиторы делают это, запретил это на будущее и оставил право за генеральным инквизитором. [1201] Однако были некоторые исключения, особенно в случае удаленных трибуналов, как в комиссии, предоставленной Сицилии в 1519 году, Наварре в 1520 году и ограниченной Майорке в 1523 году. [1202] Как правило, все заявления подавались в Верховный суд, который давал необходимые инструкции и направлял деньги, которые должны были быть переведены ему или удерживаться по его распоряжению для благочестивых целей. [1203] Полное осознание финансовых возможностей этого дела видно из инструкций Барселоне — и, несомненно, другим трибуналам — от 1519 года сообщать, сколько кающихся были одеты в санбенито и сколько с них можно было получить за замену. [1204] Когда обвинительный приговор принесет не только конфискацию, но и перспективу очередного взноса от сородичей, станет понятно, насколько велико было искушение применить суровость.

“Благочестивые цели”, за которые якобы поступали платежи, были различными. Доктор Арганда, инквизитор Куэнки, делая 9 мая 1585 года заявление, свидетельствующее о дефиците

доходов, повторил просьбу, высказанную месяцем ранее, о том, чтобы Супрема даровал трибуналу освобождение Франсиско Абиста и Хуана Хоайбета, морисков; они были очень стары, были приговорены десять лет назад и умрут маврами; поэтому было бы хорошо, если бы трибунал воспользовался четырьмя тысячами реалов, которые они предложили. Верховный ответил вопросом, было ли это самым большим, что можно было от них получить. Затем, 9 августа, инквизитор настоял на принятии предложения, чтобы деньги можно было использовать для строительства столь необходимой тюрьмы для фамильяров и других целей, и напомнил Верховной власти, что в 1583 году она предоставила аналогичную компенсацию за здание. [1205] Другим благочестивым использованием было предоставление доктору Ортису, когда его отправили на Сицилию в качестве инквизитора в 1541 году, определенных льгот в качестве части его жалованья. Они, должно быть, были значительными, поскольку гонорар, причитавшийся за них секретарю Зурите, составлял пятьдесят пять дукатов. [1206] Еще одно благочестивое использование указано в приказе Верховного суда от 1549 года трибуналу Гранады о замене санбенито Каталины Рамирес духовными работами и такой денежной епитимьей, какую она могла оплатить за благочестивое использование. Последним в сопроводительной частной записке-инструкции объясняется, что они должны хранить деньги до тех пор, пока аппарирующий Куэбас не женится на своей дочери, когда ему потребуется помощь с ними. Очевидно, он ходатайствовал о “совместном проживании”, и оно было удовлетворено в такой форме. [1207]

КОММУТАЦИИ

Эти обмены, по сути, стали своего рода валютой, в которой просили и предоставляли услуги, заменив, в некоторой степени, конфискации более раннего периода. Так, в 1589 году валенсийский монастырь новоиспеченных кармелиток Санта-Терезы обратился с петицией о даровании некоторых санбенитосов, и вскоре после этого доминиканский монастырь обратился с аналогичной просьбой. [1208] Однако наиболее обычной благочестивой работой, для которой они якобы использовались, была помощь в выкупе пленников. Тем не менее, эта формула часто распространялась и на другие направления, как в случае с Мартином де Бургуэрой из Калатаюдэ, который был освобожден из тюрьмы и санбенито за пятнадцать дукатов “para reducion de cautivos”, и дукаты были одновременно предоставлены Педро Сальвану, судебному приставу Сарагосского трибунала. [1209] Когда вырученные средства действительно должны были быть использованы для выкупа пленников, были приняты меры предосторожности, чтобы убедиться, что они были применены именно так. Они выражены Вальдесом 18 января 1559 года инквизитору Сицилии Гороско де Арсе, когда он уполномочивает его смягчить наказание четверем кающимся, при условии, что их приговоры не являются непоправимыми и они отбыли три года тюремного заключения, когда, помимо денежной выплаты, полагается простая епитимья в виде поста, молитвы и паломничества. Раскаивающиеся должны быть назначены Николасом Кальдероном или его агентом, который будет торговаться относительно сумм выплаты, и деньги должны быть переданы ему для выкупа его матери, сестры и двух племянниц под его гарантии, что в течение срока, назначенного инквизитором, он представит их трибуналу или вернет деньги. [1210] Условие о том, что смягченное наказание не должно быть непоправимым, соблюдалось не всегда. Такие приговоры, как мы увидим, были зарезервированы для случаев особой вины, но они уступали место мощному платежеспособному средству - деньгам, за которые, по-видимому, требовали более высокую цену. Таким образом, 7 марта 1560 года сицилийскому инквизитору было

приказано выбрать кого-нибудь, кто отсидел не менее девяти лет по такому приговору, и смягчить его ради выкупа жены Чибдаделлы. [1211]

Даже каторга, которая считалась гораздо более суровым наказанием, чем “карцель и абито”, подлежала замене, хотя, поскольку заключенный был обузой, в то время как галерный раб был полезен, а запасов всегда не хватало, мы можем сделать вывод, что за его смягчение была назначена более высокая цена. Приговор к галерам также был гораздо менее частым, чем к санбенито, и, конечно, применялся только к трудоспособным мужчинам, так что случаи его смягчения встречаются не в таком изобилии. Тем не менее, их было достаточно много, чтобы привести к жалобе Верховного суда Карлу V в 1528 году на то, что, когда он отправил гонцов для освобождения тех, чьи приговоры были таким образом смягчены, командиры галер отказались выдать их, после чего Карл издал седулу, предписывающую их освобождение под страхом штрафа в две тысячи флоринов. [1212]

КОММУТАЦИИ

Переходы на галеры имели различную форму. В 1543 году дон Луис Муньос, сеньор Айодана, предложил двух рабов в качестве замены двум своим вассалам-мориско, Хуану Маймону и Хуану Муньосу, осужденным служить, одному на десять, а другому на двенадцать лет, из которых три истекли, и, после расследования, чтобы убедиться, что заменители были трудоспособны, сделка была закрыта. В 1547 году Мигель Меркадо получил оставшуюся часть своего срока на галерах, замененную службой на французской границе, когда, предположительно, было получено некоторое денежное вознаграждение. [1213] Вероятно, что обмены за деньги стали слишком частыми на благо военно-морской службы, поскольку в 1556 году Верховный суд строго запретил их на будущее, несомненно, под королевским командованием. [1214] Этот запрет, по-видимому, действовал в течение значительного времени, поскольку испанская армада остро нуждалась в людях, и мы случайно не сталкивались со случаями почти до конца столетия, когда они вновь появляются в записях Валенсии. В 1590 году Хусепе Гасет, знакомый, осужденный за убийство своей жены, добился смягчения приговора. В 1596 году новообращенный христианин Гаспар Муа договорился об освобождении от трехлетнего срока, который ему еще предстояло отсидеть, и после изучения его средств сумма была установлена в размере семисот либр и одного раба. Однако Мойкс, выйдя на свободу, обнаружил, что его санбенито не было включено в сделку, и ему пришлось заплатить еще сто либр за его изъятие. В 1597 году Онуфре Кинтана предложил две тысячи реалов и раба, которые были приняты. В том же году Мигель Саусер подал прошение о смягчении наказания, когда Верховный суд поручил трибуналу выяснить, сколько он заплатит за это, и тот же ответ был дан, в 1600 году, на аналогичное ходатайство Хайме Корнексо. [1215] Из высокой стоимости этих милостей очевидно, что сравнительно немногие осужденные могли позволить себе их покупку.

Очевидно, Верховный Суд мало обращал внимания на указания Филиппа II Манрике де Лара в 1595 году быть очень осторожным в предоставлении разрешений на каторгу, ссылку, затворничество и санбенитос; для этого должны быть достаточные основания, и не следует обращать внимания на молитвы и одолжения, поскольку важно, чтобы приговоры приводились в исполнение полностью. Это было повторено, с некоторым усилением, Карлосом II в 1695 году, показывая, что все еще есть повод удержать Святую Канцелярию от обмена помилований на деньги. [1216]

ГЛАВА IV.

ПОСОБИЯ.

КОГДА была учреждена инквизиция, было очевидно, что если бы ее чиновники или часть из них могли быть расквартированы за счет Церкви, то конфискации из королевской казны расходовались бы меньше. В самом начале, в 1480 году, Фердинанд и Изабелла получили от Сикста IV индульгенцию, разрешающую им представить четырех первых инквизиторов бенефициям, разумеется, без обязательства проживать. Однако инквизиция еще не внушила всеобщего ужаса, и народ отказался впустить незваных гостей, после чего монархи предоставили им четырех капелланов в королевской часовне. [1217] Попытка не была оставлена, и в дополнительных инструкциях от декабря 1484 года Торквемада объявил, что монархи намеревались получить папское разрешение, разрешающее им даровать бенефиции не только инквизиторам, но и всем священнослужителям, занятым в святом деле. [1218] Нечто подобное, очевидно, было получено, поскольку, когда Святая канцелярия была организована в 1485 году при Торквемаде, документ, подтверждающий его назначение, освобождал от места жительства всех должностных лиц на ее службе, которые имели или могли впоследствии получить привилегии; новые назначенцы были освобождены от обычного временного места жительства, и все они были уверены в своих доходах в полном объеме без вычетов, все апостольские и несмотря на соборные постановления об обратном. [1219] В этом не было ничего, что могло бы шокировать общественное мнение, поскольку каноническое право разрешало отсутствовать каноникам для учебы в любом признанном университете, а повсеместное пользование пособиями представителями курии было узаконено путем признания службы папе эквивалентной службе в капитуле. [1220] Однако испанская церковь, по-видимому, не была расположена спокойно подчиняться этому, и ее сопротивление можно предположить как причину другого распоряжения Иннокентия VIII от 8 февраля 1486 г., которое ограничивало грант пятью годами и требовало от получателя предоставить викария на его место. В то же время он определил, что все должностные лица, вплоть до посыльных и тюремщиков, имеют право на его льготы, и предусмотрел противодействие, назначив епископов Кордовы и Леона и аббата Сан-Эмилиано Бургосского исполнителями, наделенными всеми полномочиями по подавлению непокорных. [1221] По истечении пяти лет индульгенция была продлена еще на пять лет, и так продолжалось до конца инквизиции — папы упорно отказывались продлевать срок, поскольку это давало им важное преимущество в их частых столкновениях со Святой Канцелярией Испании, не говоря уже о гонорах, вытекающих из выпуска столь объемистых и ценных материалов.

Следующим шагом было получение права вручать бенефиции, и это было закреплено другим указом Иннокентия VIII в 1488 году, дарующим суверенам покровительство пребенды в каждой митрополии, соборе и коллегиальной церкви, за исключением, из благоразумного уважения к Священной коллегии, тех, епископы которых также были кардиналами. В соответствии с этим поручением Алонсо де Бургос был назначен исполнителем, что позволило ему высказывать резкие порицания и предпринимать все необходимые шаги до тех пор, пока назначенный не получит в мирное распоряжение свой пребенд. В соответствии с ним Фердинанд и Изабелла 30 октября того же года провели первые презентации в количестве десяти человек, шестеро из

которых были инквизиторами, двое фискалами, один - привидением и один, назначенный просто как должностное лицо. [1222]

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ГЛАВ

Этот краткий отчет, вероятно, был рассчитан только на пять лет, поскольку в 1494 году монархи получили от Александра VI другой, с расширенными полномочиями, исполнителем которого был Мартин Понсе, епископ Авильский. В соответствии с этим, 11 апреля 1495 года они произвели двадцать четыре назначения, в основном инквизиторов, но в том числе семи фискалов, двух членов Верховного суда и двух римских агентов инквизиции. Среди инквизиторов мы узнаем печально известного Лусеро и его предшественника в Кордове, растратившего деньги доктора Гуираля. [1223] Вполне вероятно, что эти сводки встретили сопротивление, поскольку в этом последнем случае мы случайно услышали о длительной борьбе, потребовавшейся для включения доктора Мануэля Фернандеса Ангуло из Suprema в переданный ему севильский канон. [1224] Надменные каноники благородной крови вполне могли бы возмутиться вторжению чиновников низкого происхождения, таких, как Фердинанд, иногда навязываемых им. Так, в 1499 году, после смерти инквизитора Севальоса из Барселоны, его первого назначения пребендой в церкви Санта-Ана в том же городе, он заменил его Хуаном Мойей, простым клерком с пострижением в tonsuru и тюремщиком трибунала, и это был не единственный случай подобного злоупотребления покровительством. [1225] Он также в значительной степени воспользовался привилегией не проживать, назначая каноников и других привилегированных клерков на должности в трибуналах, и его письма того периода многочисленны, в которых он уведомляет капитулы о том, что их члены были таким образом призваны на службу Богу, во время которой они, согласно папским письмам, должны считаться присутствующими и не должны быть лишены каких-либо привилегий. плоды их предпочтения. Поэтому, когда он забрал лиценциата Перо Гонсалеса Мансо из профессуры права в Вальядолиде, он сказал колледжу, что на время отсутствия Мансо кафедру займет заместитель за полцены. [1226] Инквизиции было подчинено все, и все другие учреждения должны были удовлетворять ее потребности.

Когда Юлий II 16 ноября 1505 года возобновил пятилетнюю индульгенцию, он больше не назначал исполнителей, но уполномочил генерального инквизитора порицаниями принуждать капитулы отчитываться и выплачивать назначенным лицам доходы от их бенефиций. Похоже, что иногда они заставляли назначенцев соглашаться под присягой, что они возьмут только часть плодов, поскольку Юлий объявлял такие соглашения недействительными и освобождал должностных лиц от их клятв. Это краткое изложение он повторил 8 сентября 1508 года с некоторыми дополнениями, о которых подробнее ниже. [1227] Противодействие орденов, по сути, нисколько не уменьшилось, а поражение, казалось, только усилило их упрямство. Когда в 1501 году Диего де Роблес, фискал Супремы, получил каноническое звание в церкви Самора, настойчивость капитула довела дело до Рима, где Грасиан де Вальдес, племянник епископа, похвастался, что добьется, чтобы папа оставил это пособие за собой. Это вызвало бесконечную досаду Фердинанда, который 24 июля написал каноникам, что, если они не впустят Роблеса в течение трех дней, они должны покинуть город и предстать перед ним в течение тридцати дней под страхом лишения гражданства и временных прав. Аналогичные приказы были отправлены провизору; коррехидору было приказано проследить за их исполнением, в то время как в Рим были отправлены срочные письма, чтобы противодействовать трудам Вальдеса. Эти энергичные меры привели капитул к согласию, и 2 сентября Фердинанд принял их подчинение,

отменив их изгнание, вступившее в силу после передачи ими владения Роблесу. [1228] Одновременно подобная ссора разгорелась с капитулом Барселоны из-за предоставления канонического звания инквизитору Сарагосы, который уже был архидьяконом Алмазана, и это также было перенесено в Рим. [1229] Ордена так решительно сопротивлялись вторжению в их права, что Энгуэре, генеральному инквизитору Арагона и епископу Лериды, в 1512 году пришлось сослаться как на королевскую, так и на папскую власть, чтобы обеспечить поступления от бенефиций, проводимых им в церквях Таррагоны и Лериды, а в отношении последнего папа был обязан назначить исполнителей для исполнения его предписаний. [1230]

Если Фердинанд ожидал, что таким злоупотреблением покровительством облегчит бремя поддержки инквизиции, он был обречен на разочарование. Вероятно, он пришел к выводу, что на тех, кто таким образом получал должности пожизненно, нельзя было рассчитывать в выполнении безвозмездной службы в трибуналах. Им должно было выплачиваться полное жалованье, а их пособия были лишь дополнительным удовлетворением, так что его беспокойство по поводу обеспечения их для них должно быть объяснено его желанием заполучить способных и энергичных людей за умеренное вознаграждение, предусмотренное платежной ведомостью. Когда Педро де Белорадо был отправлен на Сицилию в 1501 году в качестве архиепископа Мессины, а также инквизитора, получателю было приказано продолжать выплачивать ему жалованье, выплачиваемое его предшественнику Сгаламбро. [1231] Так продолжалось. Когда в 1540 году Блас Ортис был назначен инквизитором Валенсии, было приказано выплачивать ему обычное жалованье в размере шести тысяч суэльдо, хотя, как каноник Толедо, он обладал солидным доходом. [1232]

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ГЛАВ

К этому времени эти вопросы находились в руках Верховного суда, а его члены и должностные лица были слишком страстными искателями плюрализма, чтобы не проводить в жизнь папские индульгенции энергично, что привело к непрекращающейся борьбе с непокорными церквями. Таким образом, в 1546 году, когда Педро Понсе де Леон был принят в члены церкви, он был *маэстро эскуэлой* в церкви Алькала-де-Энарес. У него возникли проблемы с доходами, поскольку 27 февраля 1547 года Вальдес вызвал аббата и капитул, чтобы они продолжали платить ему, и выразил надежду, что они не вынудят его прибегнуть к порицаниям. Аналогичные письма, примерно в то же время, были отправлены от имени личного секретаря Вальдеса Фортуну де Ибаркена, который был ненасытным плюралистом, будучи архидьяконом Сигуэнсы и каноником церквей Леона и Овьедо. Одновременно были отправлены письма в капитул Сеговии о доходах его настоятеля и каноника Мигеля де Арены, который был инквизитором Севильи, и в капитул Сигуэнсы для его казначея и каноника Менендо де Вальдеса, который был инквизитором Вальядолида. Пару месяцев спустя в капитул Бадахоса пришли письма о канонике Бальтодано, который был инквизитором Толедо, а в августе - в капитул Майорки о Джоане Гарсии, который был назначен консультантом трибунала Сарагосы. В октябре было возбуждено судебное преследование против непокорного капитула Леона, который отказался выплатить плоды канонизации Ибаргуэна и Сервантеса, инквизитора Кордовы. [1233]

Было бы бесполезно приводить примеры этой непрекращающейся борьбы, в ходе которой капитулы настойчиво, но безуспешно пытались предотвратить поглощение их доходов Святой Канцелярией. Сопротивление было безнадежным, поскольку даже самое решительное было лишь вопросом времени, когда сопротивление было сломлено отлучением от церкви и вызовом

к Верховному судье, в то время как обращение в Рим было бесплодным, когда долгом испанского посла было следить за подобными случаями и противодействовать им. [1234] Конечно, большинство сдалось без возражений, и мы слышим только о тех, кто осмелился оказать бесполезное сопротивление.

Очевидно, что все случаи, которые таким образом предстают перед нами, связаны с благотворительностью, а не с исцелением душ. Папские обиды охватывали как тех, у кого было такое лечение, так и без него, и не следует предполагать, что первые не использовались широко, хотя мы и не слышим о них, потому что в таких случаях не было организованной организации, которая чувствовала бы себя обиженной и поднимала бы спор. Когда началась контрреформация, Тридентский собор решительно выступил против отсутствия места жительства у бенефициаров "исцеления душ"; для отсутствия требовалось специальное епископское разрешение, которое, за исключением исключительных случаев, не могло превышать двух месяцев, и никаких привилегий не могло быть испрашено. [1235] Соответственно, когда в 1567 году Пий V был призван возобновить пятилетний индульгенцию, он прямо исключил приходские церкви и благотворительные организации, занимающиеся исцелением душ. Это требование было выполнено с некоторым опозданием, и только 8 июня 1571 года Верховный суд объявил об ограничении. [1236]

Было еще одно положение Тридентского собора, которое соблюдалось в меньшей степени. Требовалось, чтобы все получившие привилегии любого рода в течение двух месяцев заявили о своей вере в руках ординария или капитула. На это не было обращено никакого внимания, и главы, осознав преимущество, которое это им давало, отказались платить плоды, что привело к многочисленным искам. Наконец, в 1612 году от Павла V была получена краткая справка, в которой говорилось, что работа инквизиторов крайне необходима Церкви и ее нельзя прерывать для поездок в отдаленные места их бенефиций. Поэтому он отозвал все незавершенные дела, наложив на капитулы вечное молчание и подтвердив все выплаты, произведенные должностным лицам, которым было разрешено выполнять свои обязанности в Испании шесть месяцев, а в колониях - два года; в будущем должно быть достаточно делать это по месту жительства и предоставлять публичный документ, подтверждающий этот факт в течение шести месяцев или двух лет. [1237] Тридентский собор не имел большого значения, когда столкнулся с инквизицией.

ДОКТОРСКИЕ И МАГИСТРАТУРНЫЕ ЗВАНИЯ

Наконец Филипп III выслушал жалобы капитулов и в указе от 24 декабря 1599 года, адресованном Верховному собранию, обратил внимание на ущерб, нанесенный службам собора отстранением каноников от их обязанностей, и приказал в будущем проявлять большую осторожность, особенно в отношении деканов, докторских и магистратурных каноников и пенитенциарных учреждений. [1238] Если это и произвело эффект, то лишь временный. В 1655 году мы случайно узнали, что в трибунале Кордовы из трех инквизиторов Бернардино де Леон де ла Роча был пребендарием Кордовы и коллегиалом кафедрального собора Куэнки; Бартоломе Бужан де Сомоса был каноником Куэнки, а Фернандо де Вильегас был коллегиалом Сан-Бартоломе. Кроме того, финансовый директор Хуан Мария де Родесно был коллегой Куэнки, а секретарь Педро де Армента был пребендарием Кордовы. [1239] Таким образом, этот единственный трибунал лишил Куэнку трех своих высокопоставленных лиц, а Кордову - двух.

Особое недовольство вызывали каноны докторантуры и магистратуры, на которые ссылался Филипп. Это были кабинеты в каждом отделении, которые должны были занимать соответственно доктор юридических наук и магистр теологии, очевидно, с целью предоставления церкви того, что ей могло понадобиться в отношении закона и веры. Они были учреждены Сикстом IV, который постановил, что держатели не должны отсутствовать более двух месяцев без специального разрешения капитула под страхом конфискации. Инквизиция была обеспокоена этим ограничением своей стяжательской деятельности, и по ее особой просьбе Юлий II в своем втором брифинге от 8 сентября 1508 года отменил указ Сикста и включил их в число бенефиций, которыми могли пользоваться чиновники без места жительства. [1240] Наконец, в 1599 году кордовский капитул в споре по этому вопросу добился разрешения папы на проживание каноника-доктора, который не должен был быть освобожден от должности под предлогом службы инквизиции. [1241] Очевидно, это было проигнорировано, поскольку Филипп III в своих инструкциях Сандовалю-и-Рохасу от 1608 года обратил особое внимание на этот вопрос. [1242] Даже это не удалось, пока не возник острый конфликт с орденом Толедо по делу доктора Бернардо де Рохаса, в котором орден победил, и он был вынужден отказаться от назначения инквизитором. Затем этот вопрос снова возник в 1640 году, когда Филипп IV назначил доктора Андреса де Руэда Рико нештатным членом Suprema; он возмутился вторжением и обратился к королю с очень свободной консультацией, в которой особо подчеркнул, что он является докторантом Кордовы и, следовательно, обязан проживать. И все же, несмотря на это, когда орден Кордовы отказался выплатить ему его плоды, Супрема решил этого не делать. Затем капитул перенес дело в Рим, где, как сообщил агент инквизиции, 12 сентября 1640 года Урбан VIII, чтобы уклониться от прямого решения, возродил постановление Сикста IV, запрещающее использование докторских и магистратурных степеней подобным образом. Кордова продолжила свою победу и в 1641 году получила еще одно предписание, запрещающее Руэде получать плоды и назначающее нунция и ординарных исполнителей Кордовы для обеспечения его исполнения и освобождения капитула от любых нареканий, вызванных этим. Верховный суд был воодушевлен своей недавней победой над капитулом Валенсии в вопросе о пребывании Сотомайора в должности пребенда и пенсии, и в 1642 году он обратился к королю с настоятельным призывом подавить все подобные иски, как это сделал Фердинанд, и выразил стремление курии уничтожить независимость инквизиции и прерогативы короны. Филипп, однако, теперь был смущен каталонским и португальским восстаниями и на этот раз проявил умеренность, просто приказав капитулу воздержаться от апелляции и сдать дела, в то время как генеральный инквизитор должен потребовать от Руэды отказаться от канонизма, видя, что ему достаточно на жизнь, с его зарплатой в Suprema и богатым архидиакономатом Кастро, который он также занимал. Между прочим, Супрема заявил, что магистратура вне досягаемости, а докторантура - нет, вероятно, полагаясь на королевское невежество. [1243]

Неприятности продолжались до самого конца. В 1684 году капитул Сантьяго энергично оспаривал право генерального приемника Супремы занимать каноническую должность и, несмотря на запрет апеллировать к Риму, передал дело туда, утверждая, что должностные лица Супремы не были включены в папские отчеты. В этом его поддержали церкви в целом, которые объединились в мемориале Святому Престолу, но усилия оказались бесплодными. [1244], похоже, внимательно следили за истечением пятилетних периодов, поскольку в 1728 году капитул Валенсии отказался от ежедневных выплат членам-нерезидентам на том основании, что индульгенция закончилась; трибунал обратился к Верховному суду, который ответил 22

апреля копией постановления о продлении гранта Бенедиктом XIII, передав его в 1733 год. [1245] По-видимому, чуть было не произошел сбой.

РАЗГРАБЛЕНИЕ ЦЕРКВИ

Комиссары часто избирались из числа глав по месту их жительства, и вопрос о том, имеют ли они право на постоянное проживание, долго обсуждался, учитывая, что их обязанности были эпизодическими и в основном местными. В конце концов было решено, что они должны наслаждаться плодами, когда отсутствуют на службе у инквизиции, но даже это было оспорено в 1780 году коллегиальной церковью Сан-Ильдефонсо Льеренского в случае пребендаря Педро Энрикеса Веронеса, комиссара трибунала Вальядолида, которому по приказу инквизиторов было отказано в его доле в распределении во время отсутствия. Генеральный инквизитор Бертран пожаловался Карлосу III, который безапелляционно приказал выплачивать деньги за каждое отсутствие по делам веры. Аналогичный вопрос, по-видимому, возник в 1818 году, поскольку 18 июля Верховный суд направил в трибунал Льерены изложение дела с копией письма Карлоса. [1246]

Наполеоновские войны привели к небольшому спаду в пятилетних индульгенциях. Срок действия одного из них истек 6 февраля 1813 года, за несколько дней до опубликования эдикта о подавлении властями Кадиса. Когда инквизиция была восстановлена, она незамедлительно подала заявку на продление привилегии, и 19 ноября 1814 года Верховный суд объявил, что Пий VII не только предоставил ее, но и ратифицировал получение доходов нерезидентами в течение этого периода. Срок действия этого продления истек 6 февраля 1818 года, когда произошла задержка, и новое краткое изложение было опубликовано только 15 марта, но не похоже, чтобы какая-либо глава воспользовалась этим перерывом. [1247] Когда срок действия этого срока истек, действующей инквизиции больше не существовало.

Разросшийся церковный истеблишмент Испании с его накоплением богатств давал хорошую оценку стяжательству, и было предпринято несколько попыток получить от него постоянную основу для инквизиции. Мы видели, как расточительство, не говоря уже о казнокрадстве, несмотря на активную деятельность по конфискации, затрудняло в 1497 и 1498 годах выплату жалованья чиновникам. Средство от этого искали в разграблении Церкви, и Фердинанд и Изабелла обратились к Александру VI, заявив о постоянном росте ереси, дополнительных усилиях, необходимых для ее искоренения, и недостаточности конфискаций для покрытия расходов. Если святое дело не должно было закончиться, требовалась помощь, и те, кто в нем участвовал, совершали служение Богу, эквивалентное служению канонов при чтении ежедневных богослужений. Если бы каноническое сообщество со своим пребеном в каждой митрополии, кафедральном соборе и коллегиальной церкви было посвящено поддержке официальных лиц, пока длилась инквизиция, это было бы великой защитой веры и помощью в уничтожении ереси. Александр удовлетворил просьбу и своим указом от 25 ноября 1501 года учредил в инквизиции каноническое братство и пребенду в каждой церкви, разрешив генеральному инквизитору занять первые вакантные места и назначив епископов Бургоса, Кордовы и Тортосы исполнителями, имеющими право подавлять любое сопротивление без апелляции. [1248]

ПОЖАЛОВАНИЕ КАНОНОВ

Примечательно, что мы больше ничего не слышим об этом знаменательном гранте. До нас не дошло никаких свидетельств о каких-либо попытках его применения или о каком-либо сопротивлении. Вероятно, даже Фердинанд признал оппозицию слишком опасной, чтобы ее провоцировать, и удовлетворился использованием ее в качестве угрозы непокорным орденам, которые возражали против того, что он использовал каноников для оплаты своих инквизиторов. В проекте реформы, составленном в 1518 году, предлагалось, чтобы вместо того, чтобы жить на конфискации и епитимьи, инквизиторы имели одного или двух каноников для своей поддержки. После того, как этот план провалился, Карл остался верен идее и 29 октября поручил своему послу в Риме получить от Льва X справку, аналогичную справке Александра VI; по его словам, без такой поддержки было бы невозможно заручиться услугами людей с надлежащим характером и образованием. [1249] Лев не был таким покладистым, как Александр, хотя Карл повторил просьбу в личном письме к нему 3 сентября 1520 года. [1250] Затем, 14 августа 1521 года, кардинал Адриан написал Чарльзу, напомнив ему, что задолго до этого папа разрешил пребенду в каждой церкви, где существовал трибунал, чтобы устранить позор, приписываемый некоторыми инквизиторами, в том, что они желают осуждения обвиняемых, чтобы заручиться их поддержкой. Эта уступка не была приведена в исполнение, главным образом потому, что ожидалась отмена буллы против инквизиции. Теперь епископ Алгера, римский агент инквизиции, объявил об отмене буллы и, чтобы устранить позор и увековечить инквизицию, он призывает Чарльза написать дону Хуану Мануэлю в Рим, чтобы добиться предоставления пребендов в соответствии со списком, подготовленным епископом Алгера. [1251] Чарльз, вероятно, был слишком поглощен попыткой подавить Лютера, чтобы уделять этому вопросу много внимания, и Адриан, когда он унаследовал папство, не использовал свою власть для получения гранта, хотя он был вовлечен в ссору с упрямым капитулом Альмерии, который отказался признать его передачу инквизитору Чурруке из Валенсии наследника престола. регентство, которое он занимал в этой церкви, — ссора, которая длилась до 1524 года и потребовала совместных усилий Верховного суда, трибунала Мурсии и императора, чтобы положить ей конец. [1252]

В настоящее время мы больше ничего не слышим об этих усилиях, но Карл так сильно помнил об этом, что в своем завещании, составленном в Брюсселе 6 июня 1554 года, он подробно остановился на преимуществах этой меры и приказал Филиппу, в случае его собственной смерти, не получив ее, сотрудничать со Святым Отцом, чтобы раздобыть то, что принесло бы такую пользу инквизиции и служению Богу. [1253] Повод наступил через несколько лет с паникой, вызванной открытием протестантизма среди нескольких высокопоставленных людей — паникой, умело стимулируемой и эксплуатируемой. Филипп убедил своего посла Варгаса получить от Павла IV субсидию в размере одного процента. лишение церковных доходов для удовлетворения насущных потребностей и подавление канонизма и пребенды в каждом соборе и коллегиальной церкви. 9 сентября 1558 года Супрема сообщил папе римскому о тревожном прогрессе лютеранства. После преувеличения опасности и трудов инквизиции, которые могли продолжаться только благодаря пожертвованию десяти тысяч дукатов королем и жертвованиям Вальдеса, поскольку у нее не было ни гроша, в отчете далее говорилось, что, когда инквизиция была учреждена, трибунал существовал почти в каждом епископстве, но по мере того, как конфискации прекратились, их количество сократилось до немногих оставшихся, так что в округе было пятнадцать епархий, и у нее не было средств, достаточных для выплаты небольшого жалованья своим чиновникам. Хотя об этом неоднократно заявлялось папам, никаких средств правовой защиты предоставлено не было, но теперь, в эти опасные времена

ереси, казалось необходимым, чтобы трибуналы были умножены, как в начале, и стали постоянными. Всего этого можно было бы очень легко достичь, если бы папа направил некоторые церковные доходы, которые мало служили Богу и могли бы быть лучше использованы для поддержания Святой Канцелярии, ныне столь ослабленной из-за нехватки средств. Хотя его работа продвигалась со всем возможным усердием, ее будущее было неопределенным, если ее не удастся поддерживать, и решение этой проблемы зависело от его Святейшества. [1254]

Это лживое заявление усилило давление, оказанное королем, и 10 декабря Варгас смог сообщить, что он и кардинал Пачеко получили аудиенцию у папы римского, который проявил большую доброжелательность и предложил предоставить льготу в размере ста тысяч дукатов для взимания с духовенства вместо одного процента. об их доходах. Рассмотрев вопрос о пребндах, включая докторские и магистратурные, он удовлетворился тем, что подал в инквизицию прошение о первой вакансии в каждом соборе и коллегиальной церкви Испании. Этому, добавляет Варгас, следует уделить особое внимание, поскольку в этом может быть отказано другим папой, и, когда это будет достигнуто, если расходы инквизиции увеличатся, не составит особого труда добиться его дублирования. [1255] Распространение ереси во Франции и страх того, что она заразит Испанию, привели курию к уступчивому настроению.

Верховного не нужно было уговаривать, чтобы заполучить столь крупный приз без потери времени. У Рима и Мадрида могло быть мало возможностей для обсуждения деталей, поскольку бриф был подписан 7 января 1559 года. В нем приводились причины, изложенные в отчете от 9 сентября, и утверждалось, что, поскольку церкви не могут существовать без веры, для них лучше пожертвовать частью своего имущества, чем рисковать всем целиком. Поэтому, *motu proprio*, с определенным знанием дела и в полноте апостольской власти, папа упразднил единое каноническое братство и пребенду во всех кафедральных и коллегиальных церквях Испании и Канарских островов, причем первое место оказалось вакантным, независимо от того, кто мог бы его занять, и направил его доходы на вечные нужды инквизиции. Когда каждая из них становилась вакантной, генеральный инквизитор должен был присвоить ее и собрать плоды, согласия епархиального или любого другого лица никоим образом не требовалось, несмотря на все соборные декреты и папские конституции, утверждающие обратное, или требования владельцев ожидаемых прав или реверсий, или длинного списка возможных претендентов, который показывает, как эти льготы стали предметом торговли всеми возможными способами. [1256]

ПОЖАЛОВАНИЕ КАНОНОВ

Возможно, только поспешность, с которой был подготовлен этот длинный и тщательно продуманный документ, объясняет бездействие исполнителей, уполномоченных сломить сопротивление, которого следовало ожидать от всей испанской иерархии. Вальдес, однако, смело предположил, что у него есть власть. 29 апреля он разослал папское письмо всем прелатам и капитулам с посланием, призывающим епископов под страхом запрета на вход в их церкви и требующим от всех деканов, капитулов и т.д., под страхом отлучения от церкви и двух тысяч золотых дукатов, считать подавленным, исчезнувшим и навечно связанным с инквизицией первое вакантное каноническое звание и пребенду. От имени инквизиции он принял их и объявил включенными в нее, а также приказал отозвать все кандидатуры и сопоставления, которые могли быть сделаны с момента получения писем или могли быть

сделаны впоследствии. Капитулам было приказано выплачивать все вознаграждения так же полно, как если бы канонизм обслуживался должностным лицом на всех службах, а инквизиторы были уполномочены преследовать всех, кто сопротивлялся, и наносить порицания и штрафы, а также назначать прокураторов для вступления во владение и сбора доходов — и все это, как он дерзко заявил, он делал “в силу упомянутой апостольской власти, предоставленной нам”. [1257]

Пий IV умер 9 декабря 1565 года, а Вальдеса отправили в отставку в 1566 году. Бриф наделял властью как его преемников, так и его самого, и в его подтверждении не было необходимости, но оно было получено от Пия V 15 июля 1566 года. Целью, очевидно, было устранить недостаток в отношении исполнителей, которые теперь были назначены с полными и произвольными полномочиями, названными епископами Сигуэнсы и Паленсии и генеральным аудитором папской канцелярии. Были добавлены некоторые детали, необычной особенностью которых был запрет критиковать письма как тайные, показывая, что этот аргумент был свободно использован в попытке избежать их действия. Дальнейшее подтверждение было получено от Григория XIII 8 июля 1574 года, но, похоже, впоследствии ни одно из них не было сочтено необходимым. [1258]

Не было потеряно ни минуты, чтобы пожать плоды папского гранта. 16 апреля 1559 года было отправлено распоряжение о вступлении во владение пребендой, которая освободилась в церкви Паленсии; 27 апреля - еще одна для одной в Леоне, а вскоре после этого - для других в Калаорре и Сарагосе. Часто обнаруживалось, что они обременены пенсиями, которые необходимо было признавать, но процесс продолжался, и, по-видимому, через сравнительно несколько лет в большинстве отделений появились вакансии. [1259] Владение, однако, не было достигнуто без сильного сопротивления, во время которого, в тот или иной момент, почти все главы были отлучены от церкви. К судебным разбирательствам часто прибегали в отчаянной надежде предотвратить поглощение, но это было тщетно. Верховным судом был апелляционный суд, дела практически рассматривались заранее еще до их возбуждения, и выхода не было.

ПОЖАЛОВАНИЕ КАНОНОВ

В конце концов, конечно, это мало что изменило, но вряд ли можно представить себе более бесстыдную насмешку над правосудием, чем та, которая сделала трибунал, получивший выгоду от подавления дела, судьей в своем собственном деле. За процессом можно проследить в рамках объемного судебного разбирательства, связанного с захватом пребенды в коллегиальной церкви Бельмонте — города, имеющего некоторое значение в епархии Куэнки. В 1559 году он опустел из-за смерти Грегорио Осорио и был заполнен назначением Франсиско Гарсиа дель Эспинара по просьбе герцога Эскалоны, который, по-видимому, провел сверку. Вальдес приказал наложить на него арест, и дело приняло форму судебного иска между фискалом трибунала Куэнки, с одной стороны, и герцогом Эспинаром, а также приором и капитулом Бельмонте, с трибуналом Куэнки в качестве судьи, на основании поручения Вальдеса, с другой стороны. Судебный фарс закончился 8 октября 1560 года, когда инквизиторы серьезно заявили, что они заслушали дело и должным образом рассмотрели его с помощью людей совести и образованности и вынесли решение в пользу фискалов, отменив пребенду и приказав передать все доходы получателю трибунала, включая те, что накопились

после смерти Осорио. Поразительной иллюстрацией извращения чувства справедливости, вызванного инквизиционным процессом, является то, что они не осознавали гротескности такого представления, которое завершалось длинным и подробным перечислением наказаний за неповиновение — сначала штраф в две тысячи дукатов, а затем все этапы отлучения от церкви, анафемы и проклятия с колокольчиком, книгой и свечой, а также интердикт на город Бельмонте. Этот грозный приговор был вынесен 15 октября каждому члену ордена, и о вручении был составлен нотариальный акт. Сопротивление было сочтено бесполезным. 16-го капитул собрался и принял официальный акт повиновения, заявив, что это было из-за страха перед грозными наказаниями; было приказано внести запись о пресечении пребенды в записи капитула с добавлением, что, поскольку в приговоре не содержалось указаний относительно зависящих от него служб или месс, или относительно выплаты накопленных доходов, полученных Эспинаром, необходимые действия будут предприняты впоследствии. [1260]

Таким образом, неукоснительно соблюдая папский грант, инквизиция благоразумно уважала папские нарушения. Было использовано папское право на все бенефиции, остававшиеся вакантными, пока их владельцы находились в Риме, — несомненно, дорогостоящее разбирательство, но все же лучше, чем конфискация. Таким образом, Гаспар Эскудеро немедленно отправился в Рим и передал свое каноническое звание Калаорры в руки папы римского, а его брат Рафаэль получил за это буллы - вероятно, с выплатой пенсии. Точно так же Диего де Ортега проявил себя в той же форме, а Франсиско де Велласанье защитил "буллз". Инквизиторы заявили о них как о вакантных местах, но оспаривать папскую прерогативу было рискованно; Вальдес решил 6 и 8 июля 1559 года, в обоих случаях, что вакансии появились в Риме и что буллы были хорошими. В 1560 году мы встречаемся с несколькими подобными случаями в Кордове, Алькала-де-Энарес и Туделе, где после более или менее энергичных разбирательств действия папы были удовлетворены. [1261] Другим способом спасти что-либо с места крушения было получение папских пенсий. Таким образом, 29 января 1560 года Андрес Мартин вручил буллы, дающие ему право на пенсию в размере тридцати дукатов в каноническом монастыре Калаорра, освобожденном после смерти его брата, и было приказано выплатить ее. То же самое было с пенсией в пятьдесят дукатов в закрытом каноническом собрании Куэнки, за которую Хуан Родригес и Педро Вара получили быков. [1262]

Поначалу уважение также проявлялось к каноникам, находящимся под королевским покровительством. В Логроньо инквизиторы захватили один из них в церкви Святой Марии ла Редонда, но он оказался родовым и был освобожден. [1263] Однако со временем это уважение к короне было преодолено, как мы видели в столетнем споре о канонизме Антекеры, Малаги и Канарских островов. [1264]

Было необходимо систематизировать новое дело, таким образом возложенное на трибуналы, и в августе 1560 года в инквизиционных округах были назначены агенты для наблюдения за появлением вакансий и принятия необходимых мер. Они также производили сборы и предоставляли счета; но, поскольку доход в основном выплачивался натурой, распоряжение которой было предметом судебного решения, они не должны были осуществлять ни продаж без консультации с Suprema, ни платежей без ее распоряжений. [1265] Такое расположение вскоре было признано неудовлетворительным. Переменный характер доходов, в основном основанных на десятине и зависящих от урожаев и рынков сбыта, предоставлял широкие возможности для злоупотреблений; казалось, лучше всего прийти к некоторому взаимопониманию с капитулами, и после тщательного изучения деталей была принята политика передачи им пребендов по

наследству. В 1565 и 1566 годах мы находим множество соглашений подобного рода. Это тоже оказалось недолговечным, и в 1567 году было решено передать их по лучшей цене. Наконец, в 1570 году были приняты правила для их выставления на аукцион, что обеспечило полную конкуренцию и предотвратило сговор, а в 1586 году возвраты должны были помещаться в сундуки с тремя ключами — система, которая, похоже, сохранялась до конца. [1266]

ДОХОД ОТ КАНОНИЗАЦИИ

Было много запутанных вопросов, дававших множество поводов для ссор, чтобы поддерживать враждебность между орденами и инквизицией, порожденную захватом; были частые обращения в Рим, которые, по-видимому, редко приносили пользу апеллянту, и инквизиция в конце концов осталась в надежном владении своими приобретениями. Тем не менее трения были постоянными, что было неизбежно при столь тесных отношениях между сторонами, которые недолго любили друг друга и не доверяли им. Таким образом, в 1665 году мы находим, что Suprema упрекает трибунал Барселоны за то, что он потребовал от капитула выставить свои книги, чтобы показать, какие ассигнования были сделаны постоянным каноникам; информация, по его словам, могла быть получена менее оскорбительным способом. Опять же, примерно в то же время, когда трибунал обязал управляющего доходами пребенды Гизаны расследовать, не обманывал ли его капитул, Супрема написал, что, поскольку таким образом невозможно добиться увеличения доходов, было бы благоразумнее хранить молчание, особенно если фермер был пользующимся благосклонностью членом церкви; было бы лучше приказать комиссару в Аграмонте изучить книги капитула, потому что пятьдесят либр, выплаченных фермером, по сравнению с двумя сотнями, распределенными каноникам, были слишком малы. На это трибунал ответил, что некоторые отделения уже давно сталкивались с мошенничеством и сокрытием ценности фруктов; что касается дела Гизаны, было бы бесполезно изучать бухгалтерские книги, поскольку контадор был бы первым из заговорщиков. [1267]

Мелкие ссоры, подобные этой, имеют большое значение для многого из того, что происходило повсюду, и для хронической вражды между трибуналами и капитулами. Первые, несомненно, получили значительно меньше положенных им взносов, а вторые, считая себя ограбленными, сочли оправданным утаить от спойлера все, что могли, *по закону и невиновности*. Тем не менее, как бы сильно ни пострадали доходы таким образом, пребенды составляли, как мы увидим ниже, три восьмых ресурсов трибуналов, достигнув в 1731 году почти шестисот тысяч реалов в год и позволив им продлить свое существование в более поздний период, когда конфискации, штрафы и реабилитации перестали обеспечивать доступные средства к существованию. Если бы не блестящий удар, которым Вальдес добился их освобождения в 1559 году, можно усомниться в том, что инквизиция не оказалась бы настолько тяжелым бременем, что Карлос III позволил бы ей погибнуть от бездействия.

ГЛАВА V.

ФИНАНСЫ.

Имеются достаточные указания на то, что, когда инквизиция была учреждена, она рассматривалась не как постоянный институт, а как институт, который будет действовать только до тех пор, пока не очистит землю от еврейских отступников. Если бы можно было ожидать его длительного существования, то, несомненно, в начальный период крупных конфискаций было бы предусмотрено выделение средств, достаточных для его поддержки после того, как волна грабежей должна была бы пойти на убыль. Фердинанд время от времени проявлял желание создать фонд для его содержания, но его собственные потребности и жадное стремление к грантам сводили на нет любые намерения подобного рода, которые он мог время от времени вынашивать. В предложении, сделанном Карлу V в 1519 году, есть намек на такой план, предложенный Фердинандом, по проведению цензуры, которая должна поставить учреждение на прочную финансовую основу и которая была частично осуществлена в некоторых местах. [1268], однако, нет никаких сведений о каких-либо результатах такой политики. Когда на Сицилии произошли крупные конфискации, он приказал 27 июня 1513 года, чтобы ни одна из полученных таким образом ценз не продавалась, но чтобы они хранились для поддержки трибунала. Очевидно, этого не сделал получатель, Диего де Обрегон, который, покидая Сицилию в 1514 году, оставил после себя значительную сумму в тысячу двести унций, которую Фердинанд приказал своему преемнику Гарси Сиду вложить в *sensos*, [1269] но последующее условие трибунала показывает, что казнокрадство и расточительность сделали невозможным какое-либо накопление. Мы видели, что в 1517 году Севилья и Кордова зарезервировали средства в государственных ценных бумагах, но они были поглощены Верховной властью. [1270] Возможно, они были взяты из великого сочинения, описанного выше; седула с именем королевы Хуаны, 24 февраля 1516 года, гласит, что она была посвящена покупке цензор для инквизиции, но у нас была возможность увидеть, как ее растратили, так что до места назначения дошла лишь небольшая часть. [1271] Трибунал Толедо в 1515 году получил от Фердинанда абсолютное право собственности на занимаемое им здание и некоторые другие объекты недвижимости. [1272] Несомненно, были и другие пожертвования большей или меньшей суммы, но это единственные ассигнования на постоянную поддержку трибуналов Кастилии, с которыми я встречался.

Что касается Арагона, письмо кардинала Адриана от 30 января 1520 г., разрешающее Сарагосе оплачивать свои расходы за счет штрафов и епитимий до тех пор, пока она не получит некоторые конфискации, показывает, что у нее не было другого источника поддержки. [1273] Положение Барселоны было несколько лучше, поскольку местное правительство, принимая во внимание Конкордию 1520 года, выделило ей двенадцать тысяч либр, и, хотя инквизиция впоследствии сочла нужным опровергнуть это, письмо Верховного суда от 1521 года, предписывающее дипутадо вложить в *sensos* сумму, которую они уже внесли, показывает, что с их стороны, по крайней мере, сделка была честно заключена. [1274] Что общего между этим и результатами несколько нерегулярного усердия инквизиторов, трибунал, должно быть, был довольно хорошо обеспечен, поскольку в 1550 году мы случайно услышали об аюде де коста в размере двадцати четырех дукатов, выданной его нотариусу Бартоломе Гарсиа за его труд по переписыванию цензурных книг, которые хранились в Перпиньяне, и счетов получателя. [1275] Что касается Валенсии, то на этот период я не встречал никаких данных.

НЕПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Эти указания фрагментарны, но их достаточно, чтобы обосновать вывод о том, что доходы от крупных конфискаций в ранний период были растрочены без создания каких-либо постоянных резервов на будущее. Поскольку Верховный суд на протяжении первой половины шестнадцатого века постоянно обращался к трибуналам, это доказывает, что, как правило, они зарабатывали больше, чем свои расходы, и что, когда у кого-то из них заканчивался бюджет, его дефицит восполнялся за счет кого-то более удачливого. Грант в 1559 году в размере ста тысяч дукатов, взимаемый с испанских священнослужителей, вероятно, по большей части был инвестирован Suprema в свою пользу, хотя десять тысяч дукатов были переданы в руки мэра Альгвасила Ибарры для использования в особых целях. [1276] Затем последовало подавление пребендов, которое, как ожидалось, облегчит все потребности, но, похоже, привело к непредусмотрительности, поскольку в 1573 году Верховный суд пожаловался, что деньги, полученные от выкупа цензоров, не были реинвестированы, а были потрачены, и потребовал отчетов о полученных и израсходованных суммах. Очевидно, эти объяснения не были удовлетворительными, поскольку в 1579 году был издан императивный приказ о том, что, когда ченсо выплачивается, деньги должны быть реинвестированы в другое, какими бы настоящими ни были другие требования. [1277] Таким образом, в 1586 году к трибуналам обратились за отчетами о своих доходах, поскольку было понятно, что они увеличились, вместе с заявлениями о результатах предварительных проверок и цензур. [1278] Маловероятно, что они были полностью и откровенно воспроизведены. Согласно правилам, как мы увидим, требовались ежемесячные отчеты, что должно было сделать требования о специальных отчетах излишними, но трибуналы были склонны проявлять по отношению к Верховной Власти ту же сдержанность, которую она проявляла по отношению к королю. Так получилось, что у нас есть отчет Валенсии, составленный в 1587 году в ответ на этот приказ, и мы находим, что он весьма несовершенен. О конфискациях и епитимьях не упоминается, а различные предметы опущены, в то время как 2500 дукатов, взимаемых с морисков, сокращаются до 1500 либр, а общая сумма составляет около 5000 либр за год. [1279] Тем не менее, Валенсия, должно быть, была в изобилии снабжена, поскольку, когда в 1601 году Верховный суд разрешил установить навес для чрезвычайных приговоров стоимостью не более 500 дукатов, когда он был завершен, счет составил более 900. Верховный поворчал на такую расточительность, но в конце концов приказал заплатить. [1280] Трибунал Логроньо, должно быть, также располагал средствами, поскольку мы случайно узнали, что в 1587 году он одолжил графине Осорно сумму в 155 535 реалов 17 млн. за что он получал годовой процент в размере 4552 реалов 5 млн., или около трех процентов. [1281]

В этот период инквизиция должна была быть финансово обеспеченной, с ее пребендами и обычными источниками дохода, помимо того, что почти все ее высшие должностные лица были расквартированы в церквях, но падение покупательной способности денег потребовало повышения заработной платы, и она не замедлила подать жалобу. В 1595 году в меморандуме Suprema Филиппу II говорится о частых предыдущих обращениях, связанных с уменьшением его имущества и доходов, а также с увеличением числа должностных лиц, и объявляется, что, если какое-либо средство правовой защиты не будет найдено, король будет обязан восполнить недостаток. [1282] Вскоре после этого трибуналы королевств Арагон значительно пострадали от изгнания морисков в 1609-10 годах, в которое они внесли столь значительный вклад. Особенно серьезный удар пришелся по Валенсии, где мавританское население было самым многочисленным, и трибунал лишился своих 2500 дукатов в год и неограниченного права

налагать штрафы в десять дукатов. В 1615 году мы находим, что Верховный распорядился о пропорциональном распределении жалованья в соответствии со сборами, хотя в то же время алькаиду Хиль Ногеролу было назначено жалованье в размере 40 000 мараведи, а Николасу Клаверу, управляющему тюрьмой, было велено поискать что—нибудь, из чего ему можно было бы выделить грант. [1283]

ЖАЛОБЫ НА БЕДНОСТЬ

Бедственное положение в Арагоне широко использовалось для стимулирования королевской щедрости. 30 января 1617 года Верховный суд представил его Филиппу III, но из-за своей расточительности он остался без гроша в кармане, и апелляция осталась без ответа. Суд вернулся к обвинению 22 октября 1618 года, возможно, решив, что падение герцога Лермы может привести к более благоприятному слушанию. Состояние трибунала Майорки было представлено как плачевное; Валенсия больше не могла помочь ему, как раньше, поскольку у этого трибунала ежегодный дефицит составлял 400 дукатов. Барселона находилась в столь же тяжелом положении, и суды Кастилии больше не могли оказывать ей той помощи, которую они обычно оказывали. Что касается Сарагосы, то о ее бедствии уже было доложено королю, которого умоляли приказать вице-канцлеру Арагона принять меры для оказания помощи. [1284] Затем, в другой консультации 1619 года, Супрема утверждал, что, принимая инквизицию в целом, ее расходы превышают доходы и что дефицит должен быть восполнен королем; в качестве убедительного аргумента он добавил, что при появлении вакансий он предложил упразднить три должности инквизитора, шестнадцать должностей секретаря и трех своих собственных нештатных членов — намерение это не удалось реализовать. [1285] Мы можем разумно колебаться принимать эти громкие жалобы на бедность, когда Suprema так тщательно держала суверена в неведении относительно своих реальных ресурсов, и нелегко согласовать с ними утверждение Фрай Бледы в 1618 году о том, что испанская инквизиция была настолько богато обеспечена, что у нее были сотни мест, получавших доходы, превышающие доходы многих итальянских епископств. [1286]

Несомненно, в последующий период войны, плохого управления и изощренных финансовых просчетов инквизиция в какой-то степени разделяла бедствие, охватившее всю Испанию, но у нее было больше доступных ресурсов и она более ревностно берегла их, чем другие государственные ведомства; она подвергалась меньшему давлению и ей удавалось удовлетворять непрекращающиеся требования Филиппа IV без особых жертв вложенного капитала. Конечно, обычные жалобы продолжались. В консультациях от 28 марта 1681 года Suprema посетовала на бедность организации, нехватку средств у трибуналов для выплаты заработной платы и содержания заключенных, которые она неоднократно представляла, с заявлениями генерального контадора, показывающими доходы каждого трибунала с учетом его дефицита. [1287] Это могло быть правдой в отношении некоторых из них по особым причинам. Таким образом, консультация от 6 ноября 1677 года утверждает, что Конкордия 1646 года довела Сарагосу до такой нищеты, что в последнем заявлении о ее очень умеренных окладах указывалась сумма в 111 246 серебряных суэльдо, причитающаяся чиновникам, что вынудило Suprema в этом году оказать ей помощь 1750 восьмью монетами - субсидию, которую она не может повторить из-за своих очень ограниченных средств. [1288] В других случаях бедствие может быть объяснено неизлечимой халатностью руководства, как в случае с Толедо, где в выписке от 1647 года указано, что получатель выплатил 105 984 mrs. инквизитору Сантосу де Сан-Педро, сопровождаемое замечанием о том, что нехватка средств не позволяет ему

выплатить все еще причитающийся остаток. Но это также показывает, что у получателя было 801 724 мр. обязательств, настолько бесполезных, что аудитор не считал целесообразным какие-либо попытки их взыскания, и что имелась задолженность по переписям и другим источникам дохода на сумму 1 353 452 мр. [1289]

СИЛА ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Это оправдывает то, что утверждается в прямолинейном меморандуме Верховному Суду от 1623 года — что по небрежности были понесены такие убытки, что, если бы их удалось избежать, трибуналы были бы в изобилии обеспечены. Это объясняется нищенской зарплатой финансовых чиновников; не имея средств к существованию, они занимаются другими занятиями и, будучи уверены в своей зарплате, не обращают внимания на свои обязанности. Другой результат заключается в том, что необходимо назначать туземцев, которые из-за родства или боязни обидеть своих соседей не выполняют приказы или допускают такие задержки, что теряются шансы на взыскание. Более того, поскольку они не получают никакой платы за поиск доказательств и документов, иски терпят неудачу. [1290] Некомпетентная, неряшливая и часто коррумпированная администрация, подобная этой, дает исчерпывающее объяснение любого бедствия, которое могло иметь место. Рассмотрение дел о злоупотреблениях также не ограничивалось местными трибуналами. В ноябре 1642 года Мадрид был поражен, когда по приказу генерального инквизитора председатель Верховного суда Педро Пачечо был внезапно арестован за злоупотребления при исполнении служебных обязанностей и поспешно отправлен в Леон, не позволив ему связаться с королем или с Оливаресом, и все говорили, что это был Божий суд над ним за его вымогательства [1291] — тот самый Пачеко, которому Филипп только что пожаловал около 30 000 дукатов, вырученных от продажи офисов (стр. 215). Есть смысл в осторожном замечании Пеллисера от 15 августа 1643 года, сравнивающего смерть дон-Альфонсо де Моралеса, члена Совета Кастилии, который умер очень бедным, и инквизитора Альседо, Верховного судьи, который умер очень богатым, оставив 40 000 дукатов золотом и серебром. [1292]

Финансовая эластичность трибуналов была поразительной, особенно когда она стимулировалась давлением бедности, поскольку они держали средства на восстановление в своих собственных руках. Валенсия, несомненно, некоторое время страдала от изгнания мориско, но в 1630 году мы случайно узнали, что 45 500 дукатов было инвестировано в муниципальные облигации под пять процентов, что принесло доход в 2275 дукатов. В 1633 году Верховный суд ругает его за расточительность в иллюминации и боях быков, и в том же году он ищет инвестиции для своих свободных средств. Это процветание продолжалось, и в 1660 году отчет о его доходах показывает 4600 либр от процентов по облигациям и 530 от арендной платы за некоторые дома, в дополнение к четырем канонизациям и штрафам и конфискациям. [1293] После подавления каталонского восстания в 1652 году восстановленному трибуналу Барселоны пришлось перестраиваться с фундамента, но он быстро стал богатым, поскольку в 1662-4 годах он потратил более 4200 либр на дамасские портьеры, ремонт и необычные аюды де коста, а в 1666 году вложил 1000 либр в здание суда. [1294]

Как и в *duty bound*, часть сбережений инквизиции была вложена в государственные ценные бумаги. Между 1661 и 1667 годами таким образом из доходов от конфискаций были размещены суммы на сумму 691 272 млн., а в 1668 году это число было увеличено на 202 771, общая сумма на эту дату составляла 7 877 999. С обычным фаворитизмом его владения были освобождены от

вычетов, что приравнивалось к частичному отказу, в котором испанские финансы нуждались в облегчении. [1295]

Принимая это в целом, я думаю, мы можем предположить, что во время превратностей семнадцатого века инквизиция располагала достаточными средствами для своего содержания и что, несмотря на ее непрекращающиеся жалобы на бедность, она меньше страдала от требований времени, чем любое другое ведомство правительства. Внутреннее бесхозяйственность или внешние причины, возможно, вызвали временные затруднения у отдельных судов, но преследование по-прежнему было прибыльным бизнесом, и такие проблемы быстро решались. Что касается Suprema, мы видели, что у нее всегда были средства не только на свои нужды, но и на предметы роскоши и на щедроты, которыми она осыпала своих членов и подчиненных, в то время как изучение большой серии квитанций о заработной плате и привилегиях показывает, что выплаты производились с пунктуальностью, редкой для испанской администрации того периода. Несомненно то, что граф Фриджилиана в своем дополнении к *Великой консультации* 1696 года предполагает, что инквизиция была щедро наделена пребендами, недвижимостью, приобретенной в результате конфискации, цензуры и других инвестиций, которые она накопила. [1296]

Начало восемнадцатого века предвещало грядущие неприятности. Война за наследство привела все в беспорядок. Пострадали не только финансы инквизиции, но и требования правительства Бурбонов, вынудившие его взимать поборы, на которые Филипп IV в своем глубочайшем горе не отважился. Примерно в 1704 году был введен налог в размере пяти процентов. на жалованье всех чиновников был установлен налог, который вскоре после этого был увеличен до десяти. Затем, в 1707 году, инквизиции пришлось внести свой вклад в общее пожертвование, сбор которого был поручен епископам, как будто Верховной власти не доверяли, а в 1709 году за этим последовало "honesto subsidio". [1297] Чтобы получить за это некоторую отдачу, Супрема приказал составить списки всех пособий, не требующих проживания на всей территории Испании, находящихся под королевским покровительством, и попросил короля включить их в список инквизиции, но в этой несколько дерзкой просьбе было отказано. [1298]

СОСТОЯНИЕ В 1731 ГОДУ

Жалобы на бедность продолжались, и, если мы можем доверять сводному отчету о поступлениях и расходах каждого трибунала, составленному в 1731 году, они были полностью оправданы, поскольку финансы, должно быть, претерпели наиболее заметное ухудшение при Филиппе V. Действительно, остается загадкой, как учреждение продолжало существовать в таких условиях, при ежегодном дефиците более полумиллиона реалов и почти полутора миллионах просроченной заработной платы своим сотрудникам. [1299] Расходы Suprema представлены как примерно вдвое превышающие ее поступления. Только два трибунала, в Сантьяго и Севилье, демонстрируют небольшое превышение доходов, в то время как Валенсия предусмотрительно сводит свои счета с мараведи. Все остальные демонстрируют больший или меньший дефицит. Верховный суд больше не использует трибуналы по своему усмотрению, но некоторые из них должны вносить в него определенные субсидии; таким образом, Сантьяго обязан внести 18 000 реалов, Кордова - 10 000, Севилья - 20 000, Мурсия - 45 000 и Майорка - 10 000, остальные - ничего, но на каком принципе были основаны эти выплаты, не указано. Каждый

трибунал, хотя и подчиняется Верховному суду в финансовых вопросах, имеет свой собственный бюджет, свои собственные независимые ресурсы, и ему остается управлять своим дефицитом как можно лучше. Результат, как и следовало ожидать, различен. Кордова, Мурсия и Майорка были бы платежеспособными, если бы не субсидии Suprema. Суд малой Майорки, ранее столь необходимый, теперь имеет самую большую зарплатную ведомость из всех, составляющую 104 694 реала, но он также получает самый большой доход от инвестиций, 96 829, естественно, полученных от его удачных конфискации в 1678 и 1691 годах, от которых он, несомненно, получил пожертвования. Толедо, с умеренным дефицитом в 27 000 реалов, задолжал своим чиновникам более 250 000 реалов. Сарагосе по-прежнему не везет; она была исключена из состава Альхафери, вероятно, в результате войны за наследство, но Филипп V в 1708 году выделил ей 5200 дукатов в год из конфискованных средств на аренду зданий. Это было отменено в 1725 году, а в 1727 году Suprema обратилась к королю с прискорбным отчетом о своем состоянии, зависящем от пребендов и доходе, составляющем менее половины ее платежной ведомости. [1300] Его положение не улучшилось в 1731 году. Оно взяло на себя обязательство возвести новые здания, на которые было потрачено 20 000 дукатов, и для их завершения потребовалось еще более 20 000 дополнительных. Управление было очень дорогостоящим, зарплатный лист составлял почти 93 000 реалов, а общие расходы - 118 000 при доходе около 80 000, в то время как "Барселона" выплачивала зарплату всего в 50 000, а все ее расходы составляли менее 60 000 при доходе в 48 000. Сантьяго повезло с его пребендами, которые приносили почти 88 000 долларов в год; помимо этого, у него было всего 5000 долларов от инвестиций, но он был в состоянии выплачивать свою субсидию и имел профицит почти в 4000 долларов. Только в четырех трибуналах — Сантьяго, Севилье, Мурсии и Валенсии — заработная плата была выплачена полностью.

Все это заявление иллюстрирует любопытное отсутствие системы, в рамках которой инквизиция продолжала свою деятельность с момента своего основания. При Фердинанде он распоряжался его финансами как своими собственными, используя их в соответствии со своими потребностями, с непредусмотрительным пренебрежением к будущему и без разработки механизма, с помощью которого его дела могли бы быть поставлены на стабильную основу, хотя его доходы были случайными и неизбежно подлежали уменьшению по мере достижения цели его создания. Затем, при Карле V, Супрема взяла на себя контроль, удовлетворяя свои собственные потребности за счет любых излишков, предположительно имеющихся в любом суде, и перевода суммы от одного к другому по мере возникновения необходимости в колеблющемся потоке конфискации. Поглощение пребендов впервые обеспечило более стабильный доход, хотя и он тоже был переменным. Каждый трибунал приобрел те, которые относились к его округу, таким образом, получив неравную поддержку и став в определенном смысле финансово независимым, хотя и находящимся под пристальным вниманием и контролем Верховного суда. Таким образом, один мог быть богатым, а другой - бедным. Не было солидарности, не было общей казны, в которую поступали доходы каждого и из которой обеспечивались их потребности. У Suprema была канцелярия генерального аудитора, которой передавались отчеты всех получателей или казначеев, что позволяло ей осуществлять надзор и более или менее порывистое и эффективное руководство, но она была больше нацелена на обеспечение своих собственных нужд, чем на возложение ответственности на местных финансовых чиновников. Суд растрачивал свою энергию на мельчайшие детали, в то время как расстояние и трудности в общении вынуждали его практически оставлять важные вопросы на усмотрение трибуналов. Аномальная финансовая организация, которая сложилась

таким образом, сочетала в себе пороки централизации и местного самоуправления с разделенной ответственностью и неэффективным надзором. Трибунал, которому посчастливилось получить крупные конфискации или многочисленные и прибыльные пребенды, при честном и способном управлении процветал, в то время как другие, не столь удачливые, были доведены до нищеты.

ПРОЕКТЫ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ

Ближе к середине века состояние, по-видимому, немного улучшилось. Писатель, очевидно, хорошо информированный, который горько жалуется на то, что полезность инквизиции была сведена на нет неадекватными средствами, утверждает, что ее доходы составляют 948 000 реалов, полученных от вложенной собственности, и 637 000 от ста пребендов и некоторых пенсий, в то время как ее заработная плата и расходы составляют 1 900 000, оставляя дефицит в 400 000. Он предлагает, чтобы имущество, полученное в результате конфискации, представляющее собой капитал в 36 000 000 долларов, было передано королю и чтобы Церковь была обложена налогом для увеличения общего дохода до 2 700 000 долларов, который, по его мнению, абсолютно необходим. Вряд ли есть необходимость вдаваться в подробности этого предлагаемого сбора, за исключением упоминания того, что, по его словам, существовало сто тринадцать коллегиальных церквей, в которых не было отменено ни одного пребенда, и это, при средней стоимости 2500 реалов, давало бы 282 500 в год; также было сорок девять инквизиторов, получавших пребенды и бенефиции, в среднем 11 000 в год, которые должны быть включены, что дает 539 000. [\[1301\]](#)

Другой автор того же периода ищет облегчения, устраняя ненужных чиновников и поглощая еще несколько пребендов, после чего король должен взять на себя всю ответственность, назначая чиновников, получающих жалованье, собирая доходы и оплачивая расходы, когда, если бы ему пришлось восполнить дефицит, он не мог бы направить государственные деньги на более полезное и справедливое дело. Этот автор также самым серьезным образом призывает к увеличению жалованья низшим чиновникам, которые, по его словам, были объектами народных насмешек из-за своей подлой внешности. Когда кто-то умирал, расходы, связанные с его болезнью и погребением, должны были покрываться судом в форме аюда де кост, и при жизни они были обременены долгами, которые у них не было средств выплатить, о чем свидетельствует количество требований, поданных кредиторами. В провинциях им часто приходилось пополнять свое жалованье попрошайничеством, и их честность страдала, поскольку голодающие легко поддаются искушениям. [\[1302\]](#)

Я не встречался со статистикой относительно последующего состояния каждого трибунала, но есть признаки того, что, по крайней мере, некоторые из них были обеспечены с комфортом. Таким образом, Валенсия, которая в 1731 году демонстрировала тщательно сбалансированный отчет о поступлениях и расходах, в 1773 и 1774 годах покупала недвижимость в качестве инвестиции избыточных средств. [\[1303\]](#) В 1792 году Верховный суд в ответ на требование об увеличении заработной платы распорядился представить всем трибуналам отчет о доходах и расходах за семь лет, 1784-90 гг. Отчет "Возвращение Валенсии" показывает, что за 1790 год доход составлял 12 207 либр, а расходы - 7777, или профицит - 4430, хотя в его платежной ведомости числилось двадцать пять чиновников, получавших в общей сложности 5616. В то время в его казне хранилось 32 707 либр, хотя в течение пяти предыдущих лет компания тратила в среднем 5000 либр в год на постоянные улучшения и инвестиции. Возможно, это вряд ли

можно привести в пример для всех трибуналов, но это указывало бы на то, что, по крайней мере, некоторые из них не были угнетены бедностью, в то время как абсурдно маленькая сумма в 39 либр 4 суэльдо, затраченная на содержание заключенных в 1790 году, указывает на то, как мало реальной работы выполнял его разросшийся персонал. [1304]

Этому процветающему состоянию не суждено было продолжаться. Потребности правительства в его глупых войнах с Францией, Англией и Португалией заставили его обратиться к инквизиции с просьбой перевести его инвестиции в государственные фонды. Трибунал Валенсии доложил Верховному суду 23 февраля 1802 года, что в соответствии с его распоряжением от 22 января от продажи ферм была выручена сумма в 62 584 либры, которая была должным образом выплачена "Каха консолидации долин", и, конечно, все эти патриотические пожертвования исчезли в последовавшие за этим годы смуты. Столь же неудачным было вложение в 1795 году, также по приказу Верховного суда, 6640 либр в обязательство Real Compañía Marítima, по которому, как она сообщила в 1805 году, она никогда не получала никаких процентов. В том же году оно представило скорбный отчет о нищете своих чиновников, которые из-за своей недостаточной заработной платы были вынуждены делать добровольные пожертвования в размере четырех процентов правительству и, под давлением генерал-капитана, внести 175 реалов на поддержку шелкоткачей, оставшихся без работы, которые, как предлагалось, должны быть выплачены за них трибуналом, поскольку в течение двух с половиной лет у него не было фискалов, и таким образом он сэкономил его зарплату. [1305] Трибунал Логроньо, должно быть, сэкономил свои ресурсы, поскольку 23 июля 1808 года он смог ссудить властям 30 000 реалов в фонд, который потребовал французский генерал Вердьё за воздержание от разграбления города. При реставрации тщетно требовалось вернуть ссуду. [1306]

ПРИЕМНИК

Худшее было впереди в последовавшие за этим революционные времена. Наполеон по прибытии в Мадрид 4 декабря 1808 года издал указ об упразднении инквизиции и конфискации ее имущества в пользу короны, и это, конечно же, исполнялось везде, куда проникали французские армии. С другой стороны, суды Кадиса на примере инквизиции усвоили, что бесполезные пособия являются финансовым ресурсом, и одним из их первых актов был указ от 1 декабря 1810 года, запрещающий назначать должностных лиц во все пребенды, *расы* и бенефиции, вакантные или приближающиеся к вакантным, за исключением магистральных, докторских, лекторских и пенитенциарных пребендов, или бенефиций по исцелению душ, в соответствии с которыми запрещенные каноны были призваны вносить вклад в Войну за независимость. [1307] Святая канцелярия фактически прекратила свое существование, когда была подавлена Кортами в 1813 году, и позже мы увидим, насколько болезненным было восстановление ее финансов при Реставрации.

Финансовая организация инквизиции поначалу была простой и даже грубоватой. Распорядителем конфискаций, или казначеем, был королевский чиновник. Фердинанд всегда говорит о нем как о *mi receptor*, и именно король давал поручения всем должностным лицам, отвечающим за финансовую часть судов — получателю, аудитору и судье по конфискациям, — хотя после объединения пребендов генеральный инквизитор добавил полномочия по

управлению доходами из церковных источников, поскольку это была его исключительная компетенция согласно папским сводкам. [1308] Когда Фердинанд умер 23 января 1516 года, неудивительно, что на пути получателей возникли трудности на том основании, что их полномочия истекли вместе с ним. В связи с этим им были разосланы письма от имени королевы Хуаны от 28 февраля и 4 марта, в которых им указывалось, что они все еще находятся на своем посту, имея все полномочия производить сборы и выплачивать жалование и расходы. [1309] Ко времени отставки Карла V система утвердилась настолько прочно, что никаких вопросов, похоже, не возникало, хотя, вероятно, с каждым новым монархом комиссии возобновлялись.

Управление по праву считалось очень важным, особенно в начальный период крупных конфискаций. В 1486 году в платежной ведомости Сарагосы указано, что получатель получал жалование от 3000 суэльдо до 4000 для инквизиторов, в то время как в ведомостях Медини-дель-Кампо и Хаэна у него было от 80 000 до 60 000 суэльдо для инквизиторов. В 1515 году получатель и инквизитор на Сицилии оба получают по 300 дукатов. [1310] Получателю обязательно требовались помощники и агенты, поскольку находящиеся в его ведении объекты были разбросаны по всему его району. Сначала они оплачивались fisc, но Хименес в своей реформе 1516 года потребовал, чтобы получатели платили за них из своей зарплаты в 60 000 мр. — экономия сомнительной мудрости. [1311] Со временем сравнительная важность получателя уменьшилась, и в середине восемнадцатого века мы находим, что его — или казначея, как его тогда называли — оценивали в 400 дукатов, в то время как у инквизиторов и фискалов было 800. [1312] Иногда были разные получатели конфискаций и штрафов, епитимий и реабилитации, но обычно хватало одного, хотя счета велись отдельно. Согласно Инструкциям от 1498 года, получатель должен был предоставить удовлетворительные облигации на сумму 300 000 mrs. [1313] Постановление 1579 года предписывало, что эти узы должны были возобновляться каждые три года и что, когда один из поручителей умирал, он должен был быть немедленно заменен под страхом серьезного отлучения от церкви, *поздние сентенции*, но частота, с которой это правило провозглашалось, указывает на то, насколько сложным было его соблюдение. [1314]

ТРЕБУЮТСЯ ПОДРОБНЫЕ УЧЕТНЫЕ ЗАПИСИ

В то время как возможности получателя в сборе средств были почти безграничны, в выплатах он был предусмотрительно ограничен. Инструкция Дезы от 1504 года требует, чтобы аудиторы не передавали в счетах ни одной статьи, в отношении которой получатель не мог предъявить приказ короля, генерального инквизитора, Верховного судьи или судьи по конфискациям в делах, рассматриваемых им. [1315] В Арагоне отчетность была проверена *маэстро расовым* или генеральным аудитором королевства, а в Кастилии - аудитором Верховного суда, после чего они были представлены Фердинанду, который тщательно изучил их и принял решение относительно статей, запрещенных аудиторами. [1316] Все это, как мы видели, перешло в руки Верховного суда, который осуществлял самый тщательный надзор за всеми *чрезвычайными делами*, или расходами, отличными от регулярной выплаты жалования и тому подобного. Так, в 1645 году Мартин Претель, казначей Толедо, выплатил по приказу инквизиторов 190½ реала на ремонт дома, занимаемого одним из них, и 116 реалов на ремонт тюрьмы. Аудитор отказался перечислять эти тривиальные расходы, и только в 1654 году Верховный суд разрешил их, предупредив, что в будущем необходимо соблюдать *cartas acordadas*. [1317]

Были соблюдены предельная точность и мельчайшие детали, с использованием тщательно продуманных ваучеров, содержащих распоряжение, санкционирующее платеж, и квитанцию получателя платежа. В отчетах Кристофеля де Медины, управляющего делами Валенсии, за 1524 год он цитирует приказ инквизиторов отцу Сорелю, который ремонтировал дворец инквизиции, выдать ему старую цепь, которая висела под некоторыми окнами, и он включает расписку Сореля в получении этой цепи. [1318] Аналогичным образом в отчетах Валенсии за 1759 год мы находим, что инквизиторы издавали приказы и квитанции, взятые по делу уборщицы Хосефы Серра, которой заплатили 3 либры за уборку комнат с 1 января по день Святого Иоанна и 5 либр за перенос почетного места дважды в церковь Санта-Ана и один раз в Сан-Сальвадор. Так и в случае с Хуаном Гарсией, заплатил 1 10 фунтов стерлингов за то, чтобы поднять и положить коврики, и 1 4 фунта стерлингов за два шнура для колодца. [1319]

Возможно, было какое-то оправдание медлительности в составлении столь тщательно составленных отчетов, сопровождаемых необходимыми приказами и квитанциями, но более действенной причиной было то, что получатель был склонен к просрочке, используя средства для собственной выгоды вопреки строгим правилам, и за предоставлением его счета обязательно следовало требование выплатить причитающийся остаток. Фердинанд, как мы видели, а после него и Супрема тщетно старались добиться оперативности и регулярности. В 1560 году он разработал тщательно продуманный план назначения аудитора для каждого двух трибуналов с зарплатой в 40 000 мр., для чего он должен был поочередно тратить годы на изучение нескольких их счетов. Сговор между ним и получателями был предотвращен суровыми наказаниями за выплату ему заработной платы, за исключением приказов Верховного Суда, и угрозами судебного преследования за пренебрежение служебным положением. Когда баланс был достигнут, получатель должен был в течение девяти дней положить его в сундук трибунала и представить Верховному Судье доказательства этого факта еще в течение девяти дней; если он не справится с этим, инквизиторы должны были заключить его в тюрьму под страхом лишения с этого времени своего жалованья. По мере заполнения каждого счета аудитор должен был направлять копию Супреме, и далее он должен был контролировать счета сборщиков изъятых пребендов и следить за тем, чтобы все квитанции были должным образом положены в сундук. [1320] Схема представляет интерес благодаря пониманию беспорядка и ветхости, характерных для инквизиционных финансов, а не из-за каких-либо улучшений, которые она вызвала, поскольку, похоже, она оказалась невыполнимой. Это правда, что в 1570 году были некоторые дополнительные инструкции относительно деталей, которые выглядят так, как будто по прошествии десяти лет предпринимались попытки заставить ее работать, но вскоре от нее отказались, и в 1572 году был произведен возврат к старой системе путем направления каждому трибуналу ежегодного отчета. [1321] За этим последовало требование ежемесячного отчета об управлении имуществом и собранных доходах, но, похоже, этому так же мало подчинились, как и предыдущим инструкциям. [1322]

Меморандум 1623 года Верховному суду настоятельно призывает к исполнению инструкций 1560 года — аудитор должен каждый год проверять счета казначея в присутствии инквизитора под страхом конфискации годового жалованья обоими. Составленные таким образом отчеты должны быть затем проверены финансовым управлением Верховного суда с помощью опытного бухгалтера, поскольку из-за отсутствия этого в предыдущих отчетах были допущены большие ошибки, и если бы они были просмотрены проницательным экспертом, было бы обнаружено, насколько велики были убытки. [1323] Автор, очевидно, мало верил в генеральных распорядителей и аудиторов, от которых зависела Suprema, но его предложения не были

приняты, и Suprema довольствовалась тем, что обращалась к медлительным казначеям за годовыми отчетами и время от времени получала их отчеты. Секрет задержки указан в инструкциях трибуналу Валенсии от 1633 года, согласно которым, когда Мельчор де Мендоса, казначей, завершит начатые им счета, необходимо оказать давление, чтобы заставить его выплатить остаток против него. [1324]

НЕБРЕЖНОСТЬ При СОСТАВЛЕНИИ ОТЧЕТНОСТИ

Депозитарии де лос Претендьентес, которые отвечали за депозиты тех, кто искал доказательства существования *limpieza*, подражали казначеям. Письмо от 28 марта 1665 года в суд Барселоны обращает внимание на хартию законов от 16 января 1620 года, предписывающую включать счета депозитария в годовые отчеты, требуемые для генерального аудитора. Последний, однако, сообщает, что он ничего не получал в течение многих лет, поэтому предписано составить подробное заявление, включая все, что было сделано с момента последнего предоставления отчета, с указанием того, что причитается всем заинтересованным сторонам. Могут возникнуть обоснованные сомнения в том, что команда была выполнена. В 1713 году в Валенсию был направлен приказ о том, что, если депозитарий не выплатит остаток средств в течение четырех месяцев, на него должно быть оказано давление, и секретари должны быть вынуждены выплатить ему то, что они ему задолжали. Давление было безуспешным, поскольку на протяжении всего 1714 года по этому вопросу велась длительная переписка. Однако ближе к концу столетия мы обнаруживаем, что депозитарий Валенсии делает заявления с определенной степенью регулярности каждые два года. [1325]

Если бы отчеты трибуналов велись таким небрежным образом, отчеты Верховного суда выглядели бы столь же неупорядоченными. По крайней мере, такой вывод оправдан, когда в 1685 году мы обнаружили, что компания запросила у трибунала Валенсии отчет о денежных переводах, которые она направила генеральному казначею. В 1695 году запрос повторяется для 1693 и 1694 годов и снова в 1714, 1715 и 1726 годах — все это свидетельствует о крайне неряшливом ведении бухгалтерского учета. [1326]

К концу своей карьеры инквизиции, по-видимому, удалось установить более методичную систему. В 1803 году Барселона с похвальной регулярностью представляет ежемесячные отчеты о поступлениях и расходах, и мы можем отнести к политическим потрясениям тот факт, что счета Валенсии за 1807, 1809 и 1810 годы не проверялись Верховным судом до 1816 года. [1327]

Уверенность в честности среднестатистического получателя, очевидно, не была ни ощутимой, ни заслуженной, и в ранний период было принято устройство *arca de tres llaves*— сундук, помещенный в *secreto*, с тремя замками, ключи от которых находились у получателя, инквизитора и распорядителя секвестраций, так что открыть его можно было только в присутствии всех троих. В это хранилище получатель должен был помещать все деньги, поступающие в его руки, и так оно и оставалось до последнего, как прекрасный пример архаичной простоты. В связи с этим время от времени возникали вариации, такие как требование двух аркас, одной для конфискации, а другой для штрафов и епитимий, или, когда

трибуналы жили на свои доходы, одной для капитала, а другой для доходов. Однако, как правило, хватало одного, и обычно его делили на два отделения - для конфискации, штрафов и епитимий соответственно.

Правила, предписанные в 1514 году генеральным инквизитором Меркадером, указывают на меры предосторожности, которые считаются необходимыми для сведения к минимуму искушений получателя. Он не должен был получать денег иначе, как в присутствии распорядителя секвестров или секретаря. Все коллекции должны были быть помещены в сундук в течение трех дней с момента их получения в присутствии инквизитора и писца. Когда подчиненные приносили средства из других мест, они должны были быть доставлены ему в течение двух дней в присутствии писца, и он должен был внести их на счет в течение двадцати четырех часов. Мошенничество и лживость, говорит Меркадер, должны прекратиться при сборе и продаже конфискованных товаров, а также при депонировании и изъятии денег из казны. Все расходы, обычные и экстраординарные, должны были оплачиваться деньгами, взятыми из казны. Переписчик должен собственноручно вести дублирующие книги с датированными записями обо всех депозитах и снятиях средств, причем один экземпляр должен храниться в его распоряжении, а другой - в сундуке. Никакие денежные средства не должны быть взяты в займы или на другие цели, за исключением расходов судов, без специального разрешения короля и генерального инквизитора. Каждые два месяца получатель и переписчик в присутствии инквизитора должны проверять счета и имеющиеся в наличии деньги и направлять письменное заявление о последних генеральному инквизитору. Любое упущение или отклонение от этого со стороны приемника, инквизитора или писца каралось отлучением от церкви и штрафом в размере пятисот дукатов. Все заинтересованные должностные лица должны были быть снабжены копиями этих инструкций, и одна из них должна была быть помещена в сундук. [1328]

СУНДУК С ТРЕМЯ КЛЮЧАМИ

Одно дело - сформулировать точные правила, и совсем другое - обеспечить их соблюдение. Эти инструкции были отправлены на Сицилию в 1515 году, но были быстро изобретены отговорки, поскольку уже в 1516 году в письме Супремы утверждается, что опыт показал, что хранители трех ключей, одалживая их друг другу, совершали махинации с деньгами в сундуке. Чтобы предотвратить это, он разработал совершенно неэффективные правила относительно сторон, которым следует передавать ключи, в отсутствие постоянных хранителей, чтобы, как он наивно заметил, в будущем не было допущено мошенничества. [1329]

Это свидетельствует о необычайно оптимистичном настрое Suprema, если она ожидала, что такие меры предосторожности предотвратят растрату, когда уровень официальной морали был настолько низок, что злоупотребления были распространены повсеместно и редко, если вообще когда-либо, наказывались увольнением с должности. Насколько трепетно относились к подобным неосторожностям, видно из случая, произошедшего в Барселоне в 1514 году. Франсиско де Сан-Климент задолжал 186 либр конфискованному имуществу Бернардо и Диониса Венет; его отец заплатил 150 либр по счету, но они не были зачислены, поскольку были явно присвоены, и 13 июня Фердинанд приказал получателю Матео де Моррано не подавать иск против Сан-Климента из-за ущерба, который это нанесло бы чести должностных лиц - дело следовало замять, чтобы спасти репутацию трибунала. [1330] Когда воровство было таким образом оправдано, нам не нужно удивляться состоянию *приемной* Сарагосы,

характеризующемуся мошенничеством, беспорядком и запущенностью, как описано аудитором Антоном Наварро в письме, которое Фердинанд передал в 1515 году архидьякону Алмазана, отправляя его туда в качестве инспектора. [1331]

Выше был сделан намек на средство правовой защиты, которого добивался Хименес в 1517 году, направив генерального аудитора для проверки всех судов и установления причитающихся остатков. Вероятно, именно вследствие этого Хуан Мартинес де Гильестеги, бывший управляющий Толедо, был признан должником в размере 51 500 мр., но о наказании его и не думали, и с обычной мягкостью Карл V простил ему половину долга и пообещал, что после выплаты этой суммы он будет свободен от всех дальнейших претензий. [1332] Очевидно, что получатели должны быть в долгу перед *fisc*, хотя, если соблюдались правила, касающиеся трехклавишной кассы, у них не было возможности задолжать. Фактически правила безнаказанно игнорировались. Генеральный инквизитор Манрике в письме на Сицилию в 1525 году говорит, что они не соблюдались в течение нескольких лет, и приказывает применять к ним предписанные меры наказания, но поскольку он не применял эти меры наказания за прошлое неповиновение, его угрозы были просто *жестоким расправой*. [1333]

Последствия такого попустительства халатности проявляются всякий раз, когда появляется возможность расследования. Одним из самых доверенных приемников Фердинанда был Амадор де Алиага из Валенсии. После его смерти, примерно в 1529 году, когда скрывать это было уже невозможно, он был признан неплательщиком, и, поскольку один из инквизиторов был его наследником, Супрема приказал ему возместить дефицит из состояния. Затем Педро Сорелль, нотариус *secreto*, пользовался некоторыми конфискованными домами, подаренными ему Фердинандом, на сумму 2975 суэльдо; эта сумма была тайно выплачена из средств трибунала; Сорелль отказался от реституции, и Супрема просто велел инквизиторам убедить его возместить сумму без судебного иска. Тот же самый Сорелль тайно, через третью сторону, приобрел ченсо в 8000 суэльдо, особенно хорошо обеспеченных, проданных *fisc* для выплаты заработной платы. Верховный суд упрекнул трибунал в отказе от столь выгодных инвестиций, но об увольнении или наказании виновного нотариуса речи не шло. [1334] Когда должностные лица безнаказанно обогащались, нетрудно понять непрекращающиеся жалобы на бедность трибуналов.

ГАСИЕНДСКАЯ ХУНТА

На то, что получатель должен был использовать деньги, находящиеся в его руках, и задолжать, указывает письмо верховного суда от 1542 года, в котором сообщалось о смерти Рамона де Эспарсы, получателя Майорки. Он не отправил свои счета, и инквизитор был уполномочен заставить его наследников подать заявление и выплатить любую причитающуюся сумму. [1335] Устройство сундука, очевидно, пришло в полное запустение, и Супрема попытался реанимировать его с помощью *carta acordada* от 9 декабря 1545 года, которая предписывала, что все сборы должны быть сданы на хранение в течение трех дней с момента получения, если они сделаны в городе, или в течение четырех дней, если сделаны в стране, а заработная плата и другие расходы должны были выплачиваться только из денег в кассе. сундук под страхом отлучения от церкви с *опозданием* и десяти дукатов за каждое нарушение. Это было началом бесконечной серии законодательных актов, повторяющих или изменяющих правила таким образом, чтобы показать, насколько невозможно обеспечить их соблюдение. Срок, разрешенный для внесения депозита, был увеличен с трех дней до десяти; получатели должны

были приносить присягу на повиновение; отчеты обо всех депозитах и снятиях средств должны были представляться каждые четыре месяца. Эти постоянные повторения являются показателем их неэффективности, а о закоренелом безразличии получателей свидетельствует жалоба Рейносо, инквизитора Толедо, в 1556 году на то, что, поскольку счета получателя были сбалансированы, он получил крупные суммы, которые отказался положить в казну, заявив, что его счета были урегулированы. Затем, в 1560 году, был переиздан приказ 1545 года с инструкциями о том, что в случае нарушения получатель должен быть привлечен к ответственности и наказан, доказательства чего должны быть представлены Верховному суду. [1336] Все было напрасно, и получатели продолжали хранить свои коллекции там, где им было удобно.

В 1569 году с целью наведения некоторого порядка в финансах трибуналов в каждом из них была создана *хунта гасиенды*, или финансовый комитет, состоящий из инквизиторов, судьи по конфискациям, распорядителя и нотариуса секвестров, который должен был собираться в последний день каждого месяца и рассматривать все вопросы собственности и доходов, решая их большинством голосов. Это, со случайными изменениями, оставалось постоянной чертой трибуналов, хотя неоднократные призывы и распоряжения о регулярном проведении заседаний показывают, насколько трудно было обеспечить деловые действия и управление. [1337] Была предпринята попытка использовать эту организацию, чтобы заставить получателей внести свои коллекции в казну. В 1576 году и снова в 1579 году были изданы приказы о том, что на ежемесячных собраниях получатель должен объявлять под присягой и под отлучением от церкви сумму денег, находящуюся у него на руках, что он собрал и что положил в сундук. Это оказалось безрезультатным, и тогда была предпринята попытка заставить нотариуса по секвестрированию сделать заявление о том, что получатель передал на хранение все, что, по его признанию, получил. Затем, в 1584 году, была сделана уступка, позволившая получателю ежемесячно вносить свои депозиты, что, конечно, только увеличивало риск просчетов. В 1586 году за этим последовали приказы о том, что он должен быть вынужден незамедлительно собирать и депонировать доходы пребендов и что на ежемесячных собраниях должен быть изучен график поступлений, чтобы увидеть, что было собрано и депонировано. [1338] Было бы утомительно продолжать разбираться в этих деталях, которые продолжались бесконечно, с бесконечными и безрезультатными повторениями, чтобы заставить получателей без промедления передать свои коллекции. Вряд ли требуется утверждение мемориала 1623 года о том, что сундук использовался лишь в очень немногих местах в качестве хранилища средств трибуналов. Автор добавляет, что получатели, таким образом, подвергаются отлучению от церкви и ежемесячно совершают лжесвидетельство; финансы терпят большие убытки, а получатели разоряются из-за разбазаривания денег, но единственное средство, которое он может предложить, - это ужесточение наказаний и издание строгих приказов о том, что ни под каким предлогом средства не должны оставаться вне казны. Эти средства были многократно испробованы, но из-за отсутствия жесткой дисциплины и наказания нарушителей они были и продолжали оставаться бесплодными. Другим и наиболее серьезным упущением, на которое указывалось, было то, что во многих судах не существовало *Libro Becerro* или реестра имущества с описаниями и титулами, отсутствие которого приводило к большим потерям и большим трудностям при составлении коллекций. [1339] Причину бедности, на которую жалуются, искать недалеко.

ДЕФАЛЬКАЦИИ

При вопиющем игнорировании предписанных мер предосторожности неудивительно, что нарушения в расчетах были отнюдь не редкостью. Общая небрежность и нежность, проявляемые к должностным преступлениям, способствовали и поощряли растрату. Это можно было скрыть с помощью искусно сфальсифицированных заявлений, но, когда получатель умер, нередко обнаруживалось, что его имущество находится в долгу перед fisc. Таким образом, в счете Лазаро дель Мара из Валенсии за 1647 год есть пункт в 372 лл. 14 шилл. 2., который все еще должен наследникам покойного получателя Минуарте, хотя и составляет 2400 лл. они уже были собраны за предыдущие пять или шесть лет. [1340] Итак, когда в 1664 году был убит Джоан Матеу, управляющий "Барселоны", и его счета были наконец приведены в порядок, в 1666 году было обнаружено, что на них не хватает крупной суммы в 47 359 лл. 1. Вдова подала прошение об освобождении или, по крайней мере, об уменьшении суммы, в чем ей было отказано, но ей дали два года тюремного заключения. который нужно урегулировать. [1341]

Несколько типичным предсмертным случаем был случай с Карлосом Альборносом, управляющим делами Валенсии, который, как следует помнить, пытался в 1713 году добиться возвращения должности своему двенадцатилетнему сыну, и несколько лет спустя ему это удалось. Было нелегко заставить его представить свои отчеты за 1723 год и три или четыре последующих года и заставить его оплатить довольно крупные конфискации Аларкона и Маканаса. В 1727 году ему было разрешено уйти в отставку в пользу своего сына, а в 1728 году были приняты активные меры, чтобы заставить его предоставить свои счета и произвести платежи, в результате чего было получено 6000 реалов и выписка. В связи с этим в декабре 1728 года генеральный аудитор обнаружил остаток против него в размере 6248 млрд. 10 шилл. 1 д. помимо сумм, выплаченных городами Вильянуэва-де-Кастельон и Дения, которые не были внесены в его бухгалтерские книги. Затем началась попытка заключить мировое соглашение, которая продолжалась до 1734 года с более или менее успехом, тем временем его сын продолжал занимать свой пост, в то время как во всей объемистой переписке нет и намека на какую-либо мысль о наказании его за закоренелое непослушание и нечестность. [1342] Конфискации, по-видимому, действительно несли с собой инфекцию. Лицензиат Висенте Видаль был администратором валенсийской части поместья Маканас, и при расчете по его счетам было обнаружено, что он задолжал около 1800 миллиардов долларов. Управление было передано Мануэлю Мольнеру, которому он передал документ об аренде имущества за 100 миллиардов долларов.; в 1729 году он выплатил свой долг, а затем, в 1732 году, у него хватило наглости попросить Супрему возместить ему арендную плату, полученную от его имущества, находившегося в руках Мольнера. [1343]

Хотя, таким образом, большая часть хронических жалоб на нужду может быть обоснованно отнесена к бесхозяйственности и казнокрадству, было бы несправедливо по отношению к инквизиции приписывать ей особенно дурное влияние в этом отношении. Вероятно, это было ни лучше, ни хуже, чем в других правительственных ведомствах. Пренебрежение долгом и незаконное присвоение средств, достаточно распространенные по сей день в государственных делах, в прошлые времена были скорее правилом, чем исключением, и процветали в Испании, возможно, в большей степени, чем где-либо еще. Увеличение должностей и неадекватное жалование являются прямыми стимулами к нерегулярным доходам, а практический иммунитет правонарушителей, вызванный неразумными усилиями сохранить внешнюю репутацию Священной канцелярии, был стимулом, который не мог не привести к неряшливой службе, неподчинению правилам и частым растратам.

КНИГА VI.

ПРАКТИКА.

ГЛАВА I.

ЭДИКТ БЛАГОДАТИ.

Выше был сделан намек на Эдикты Милосердия, которые в более ранний период играли важную роль в механизме инквизиции. Это был обычай, унаследованный от XIII века, условия которого, принятые в Испании, изложены в Инструкциях 1484 года. Когда в каком-либо месте открывался трибунал, по окончании первой проповеди инквизиторы должны были объявить Отсрочку сроком на тридцать или сорок дней, в течение которых те, кто сознает ересь, могли выйти вперед, полностью признавшись во всех запомнившихся ошибках, включая ошибки других. Их должны были заверить, что все, кто сделает это с раскаянием и желанием отречься, будут приняты милосердно, получат спасительную епитимию и не будут приговорены к смерти, вечному тюремному заключению или конфискации, но инквизиторы были уполномочены примирить их и, по своему усмотрению, потребовать от них пожертвовать в качестве милостыни определенную часть своего имущества в помощь священной войне с маврами. Спонтанное признание по истечении срока отсрочки, при условии, что против сторон не были даны показания, обеспечивало примирение с конфискацией; в случае получения отрицательных показаний могло быть назначено более суровое наказание, вплоть до пожизненного заключения. [1344] В дополнительных инструкциях от 6 декабря 1484 года Торквемада добавил, что монархи предоставили тем, кто таким образом примирился, право взыскивать долги и подтвердили все отчуждения, произведенные до примирения, но что никакие последующие отчуждения или обременения недвижимости не будут действительны без специальной королевской лицензии. [1345] Это все еще оставляло вопросы нерешенными и в дальнейших Инструкциях Торквемады от 5 января 1485 г. было предусмотрено, что, если примиренные занимали государственные должности, они должны были быть временно нетрудоспособны, пока не будет доказана их стойкость в вере; те, кому болезнь или другие справедливые препятствия не позволили воспользоваться Сроком помилования, были освобождены. должны быть допущены, но, если против них имелись доказательства, они подлежали конфискации, и их дела были переданы на рассмотрение королевского суда. Те, кто не признавался полностью перед собой и другими, должны были рассматриваться как фиктивные новообращенные и, если против них были получены доказательства, подлежали преследованию со всей строгостью. Скрывающиеся от правосудия лица, явившиеся в течение срока, должны были быть допущены. [1346]

Случай, произошедший в 1483 году, показывает, что это было смягчением безжалостной строгости, с которой соблюдались пределы Срока Отсрочки. Когда в декабре того же года Хуан Чинчилла предстал перед судом в Сьюдад-Реале, одной из статей обвинения было то, что он не выступал в течение срока полномочий. В ответ он заявил, что комендадор дель Карраль отослал его за это время; что он пошел к инквизиции, чтобы исповедаться, но падре Каэтано удалился после прослушивания мессы, и ему сказали вернуться в другое время; затем он пошел к получателю и умолял его, ради Бога, допустить его; получатель пообещал сделать это и пришел вызывать его; он думал, что его ведут к инквизиторам, но оказался брошенным в тюрьму. Его

объяснения ему ничего не помогли, как и его свободное признание своих ошибок, и он был должным образом сожжен. [1347] В ужасной неразберихе и спешке тех первых лет такие случаи, должно быть, были частыми. Было соблюдено мало формальностей, поскольку не было времени разработать сложный порядок действий, и каждый инквизитор, в значительной степени, следовал своим собственным уловкам.

ПРИЗНАНИЯ В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ

Я нигде не встречал полного текста Эдикта Милосердия, но содержательная формула приведена в приговоре, вынесенном 30 января 1484 года в Сьюдад-Реале против беглецов Санчо де Сьюдад и его жены. Здесь говорится, что, поскольку было публичное сообщение о том, что в Сьюдад-Реале многие номинальные христиане следовали Закону Моисея, инквизиторы подтвердили это свидетельскими показаниями; что, желая отнестись к ним с милосердием, они издали свой Указ о том, что все виновные должны выйти вперед и отречься от престола в течение тридцати дней, когда с ними будут обращаться со всей возможной милостью; что они продлили это действие еще на тридцать дней и приняли всех, кто пожелал явиться, после чего они издали свои повестки и указ против всех, кто бежал и против кого были даны показания как против подозреваемых и порочащих за ересь. [1348]

Мы видели, в чем заключалась эта милость, в покаянных процессиях и тяжелых наказаниях, и мы увидим, насколько иллюзорной во многих случаях была обещанная неприкосновенность из-за *уменьшения* или несовершенства исповеди. Требовалось быть полными в отношении себя и других; неизбежно предполагалось, что в глубине души они были подлинными новообращенными и как таковые должны были стремиться не только искупить свою совесть за все прошлые ошибки, но и помочь в наказании всех еретиков и отступников, включая самых близких им людей. Все, кроме этого, показывало, что их признание было вымышленным, и, таким образом, это только усугубляло их вину. Против них было получено достаточно улик не только от многочисленных и активных осведомителей, но и из признаний других лиц, независимо от того, поступали ли они по указу или предстали перед судом. Трибуналы тщательно использовали все эти материалы, и примирение в соответствии с эдиктом могло быть дополнено арестом и осуждением.

Признания в соответствии с Эдиктами Благодати - жалкое чтение. Бедняги, естественно, признают как можно меньше в надежде уменьшить денежное наказание. Они стремятся смягчить свои ошибки и свалить вину на тех, кто ввел их в заблуждение; они пресмыкаются перед инквизиторами, выражают глубочайшее раскаяние и обещают непоколебимое упорство в вере. Они редко делают все возможное, чтобы скомпрометировать других, но они откровенно заявляют, кто именно развратил их, и без колебаний обвиняют родителей, родственников и благодетелей. В отличие от священника на исповеди, инквизиторы воздерживались от допросов и выяснения информации о себе или других. В их политику не входило стимулировать исповедь, и кающемуся было позволено говорить так много или так мало, как он хотел. Результаты, очевидно, являются самостоятельной работой кающихся, непоследовательной, бессвязной, часто почти неразборчивой, написанной ими самими или дословно записанной нотариусами, поскольку было важно, чтобы они были зафиксированы, чтобы их можно было привлечь к ответственности в вероятном случае отступничества или свидетельствования об упущенных фактах. В качестве образца можно взять исповедь Марии Гонсалес де ла Панпана, Сьюдад-Реаль, 9 октября 1483 года. В нем она возлагает всю вину на своего мужа и

рассказывает о побоях, полученных от его рук, чтобы заставить ее следовать еврейским обрядам. Она была должным образом допущена к примирению, но примерно через три месяца ее арестовали, судили и сожгли во время великого аутодафе 23 февраля 1484 года. [1349] Необоснованный характер милости, обещанной в Эдикте Благодати, иллюстрируется типичным случаем Андреса Гонсалеса, приходского священника Талаверы. Вскоре после организации Толедского трибунала и до того, как в архидиаконате Талаверы было сделано какое-либо заявление, он попытался защитить себя, явившись в трибунал, сделав признание и добившись примирения. Несомненно, заключенные на суде дали показания против него, поскольку вскоре после этого он был арестован. 5 ноября 1484 года он сделал более полное признание, охватив все аспекты иудаизма и неверия в таинства, которые он совершал. Несмотря на его заявления о раскаянии, фискал утверждал, что это было вызвано страхом, и представил показания десяти свидетелей, чьи показания в целом были лишь подтверждением его признания. Своим самоотречением он ничего не добился; он был лишен сана и сожжен на аутодафе 17 августа 1486 года. [1350]

ВРЕМЯ МИЛОСЕРДИЯ

Таким образом, если Эдикт Благодати принес мало пользы новым христианам, то инквизиции он сослужил огромную службу. Множество людей, выступавших вперед, жертвовали большие суммы в качестве “милостыни”; они предоставили трибуналам обширные сведения о подозреваемых и средства для последующего вынесения им обвинительного приговора на основании их несовершенно признаний, поскольку их признания не могли не быть технически несовершенно совершенными. Более того, необходимость изобличения всех сообщников дала неоценимую массу свидетельских показаний для дальнейшего судебного преследования. Таким образом, благодаря этому простому и, по-видимому, милосердному способу инквизитор был обеспечен средствами и ему была поручена его работа, позволившая ему собрать свою жатву с небольшим трудом расследования и с полной уверенностью в результатах. У fisc также было дополнительное преимущество в возможности, предоставленной несовершенно совершенными признаниями примиренных. Помимо общих составов для конфискации, описанных выше, существовали специальные составы, освобождающие Конверсос от этой конкретной опасности. Так, королевская седула от 6 апреля 1491 г. дарует жителям Валенсии за пять тысяч дукатов освобождение от конфискации за все несовершенно совершенные признания и за ересь, совершенные до этой даты, за исключением случаев рецидива. [1351] На их страхах спекулировали всеми возможными способами.

Это, вероятно, объясняет некоторые неясные намеки на Время Милосердия, в отличие от Времени Благодати, самое ясное описание которого, которое у нас есть, относится к Майорке. Современник рассказывает, что “Через несколько лет после Периода Благодати, возможно, через два, когда многие еретики признались в некоторых ошибках, но не во всех, и скрыли имена многих сообщников, против них было начато строгое расследование. Затем, по настоянию некоего великого раввина, почти все отступники, видя постигшие их бедствия, пришли во дворец инквизиторов с громкими криками и слезами (я хотел бы, чтобы они были искренними), умоляя о прощении. Затем были сделаны новые признания, и по приказу генерального инквизитора, с согласия короля Фердинанда, они были помилованы умеренным денежным штрафом для выкупа их законно конфискованного имущества. И это время было названо Временем Милосердия. И это произошло в нашем городе королевства Майорка, а именно во Времена Благодати в 1488 году и во Времена Милосердия в 1490 году, когда мне было

десять лет. Тем не менее, благодать и милосердие были бесполезны, поскольку с тех пор и до текущего 1524 года инквизиция против них никогда не прекращалась; многие были преданы светскому суду, и очень многие были подвергнуты позору и пожизненному заключению, а их имущество конфисковано, но они никогда не исправились”. [1352]

Каким бы успешным ни было устройство Эдикта Благодати, с точки зрения инквизитора и короля, оно, очевидно, мало кого привлекло к вере, и после сравнительно короткого опыта Конверсос осознали, что те, кто воспользовался им, оказались в значительно худшем положении, чем раньше, поскольку их признания были зарегистрированы против них в случае рецидива, и они подвергались дополнительной опасности, заключающейся в том, что любые несовершенства в этих признаниях были юридически истолкованы как нераскаянность, которая была смертельной. Рассматривая тему исповеди, мы увидим, что этот вопрос несовершенства рассматривался настолько жестко, что сделать его избежание практически невозможным, и инквизиция в полной мере воспользовалась этим, поскольку мы находим, что Верховный Суд предписывает трибуналам тщательно изучать все признания, сделанные теми, кто находится под судом, и сравнивать их с теми, которые были представлены во Времена Благодати, чтобы увидеть, было ли что-либо скрыто и советовались ли так называемые кающиеся друг с другом, чтобы защитить своих друзей и родных. [1353] Этот последний пункт указывает на еще одно серьезное препятствие для успеха Эдиктов Благодати, заключающееся в обязательстве изобличать сообщников, что влекло за собой привлечение к ответственности всех друзей и родственников кающегося. Это было особенно ощутимо, когда принудительное обращение морисков подвергло их инквизиции, поскольку, как нам сказали, одним из их дурных качеств было то, что, хотя их можно было заставить свободно признаться о себе, их нельзя было заставить предать своих соседей, поэтому они были сожжены за нераскаянность. [1354]

Мориско предлагали самое большое поле для разработки "Условий благодати" почти за столетие. По государственным соображениям было искреннее желание добиться их обращения, и им были сделаны особые уступки, но без особого результата. Подробности этого будет удобнее рассмотреть позже, а здесь будет достаточно упомянуть, что Филипп II ближе к концу своего правления предложил издать эдикт всеобъемлющего характера, который должен был решить вопрос об изгнании. Убежденный в бесполезности подобных мер, связанных с разоблачением сообщников, он обратился к Клименту VIII за разрешением опустить это, но понтифик был более жестким, чем король, и в своем кратком утверждении эдикта настаивал на разоблачении отступников. [1355] Смерть Филиппа в 1598 году отложила выпуск эдикта до 22 августа 1599 года. Было приложено все усилия, чтобы сделать его успешным, и отведенные на него двенадцать месяцев были продлены до восемнадцати, истекающих 28 февраля 1601 года. Результаты ждали с тревогой, и 22 августа 1601 года инквизиторы сообщили, что за весь срок им воспользовались только тринадцать человек, и они сделали такие несовершенные признания и так прикрывали своих сообщников, что заслуживали скорее осуждения, чем отпущения грехов. [1356]

В СТАДИИ РЕСТАВРАЦИИ

В течение двух столетий после изгнания морисков мы больше ничего не слышим об Эдиктах Милосердия. В Испании больше не было групп еретиков или подозреваемых, к которым были применимы подобные меры, и желаемое единство веры было обеспечено, насколько это было

практически возможно, но с наполеоновскими войнами появились новые источники инфекции. Испанию из конца в конец пересекли армии, состоящие из еретиков, подобных англичанам, или в основном из свободомыслящих, подобных французам. Евреи воспользовались смутными временами, чтобы осквернить священную землю, и либеральные идеи, одинаково ненавидимые Церковью и государством, получили широкие возможности для распространения. С восстановлением инквизиции в 1814 году показалось подходящим противостоять потоку ереси и распутства старыми методами. Таким образом, 2 января, 10 февраля и 5 апреля 1815 года генеральный инквизитор издал Указы о помиловании, обещая, что все, кто в течение текущего года выступит и осудит себя за ересь или другие преступления, подлежащие суду инквизиции, должны быть освобождены от наказания и без обязательства изобличать сообщников. За этим последовал, 12 апреля, приказ собрать всю возможную информацию, но не возбуждать уголовного дела до истечения срока, когда все, кто не должен был спонтанно представляться, должны были предстать перед судом. Этот всеобъемлющий план вряд ли можно назвать успешным. Записи показывают, что несколько *эспонтанеадос* воспользовались обещанной благодатью, но их число было прискорбно незначительным. Это не способствовало продлению срока, и 12 января 1816 года другой эдикт объявил об истечении срока его действия и возрождении старого обязательства сообщать обо всех преступлениях, известных кающемуся. [1357], Похоже, никакой вспышки судебного преследования не последовало. Трибуналы, несомненно, были слишком заняты восстановлением своего пошатнувшегося состояния, чтобы тратить много времени на сбор информации о еретиках.

ГЛАВА II.

ИНКВИЗИЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС.

Рассматривая судебные функции инквизиции, мы столкнемся со многим, что противоречит нашим представлениям о справедливости. Мы увидим, что обвиняемый считался виновным и что целью трибунала было побудить его признать свою вину; что с этой целью он был в значительной степени лишен возможностей для защиты и что результат, по большей части, зависел от его выдержки, которую судьи, по своему усмотрению, могли максимально проверить. Было бы нелегко построить систему, более несовместимую с рациональными методами установления истины.

В то же время пороки инквизиционного процесса в рассматриваемый период не ограничивались полностью инквизицией. Это правда, что она была ответственна за их возникновение в тринадцатом веке, когда юриспруденция Европы переживала перестройку, и методы, которые она использовала для осуждения за ересь, давали такие преимущества обвинению, что они были приняты светскими судами почти всех стран, где обосновалась Святая канцелярия, и стали неотъемлемой частью уголовных кодексов. Судья, вместо беспристрастного вершителя правосудия, превратился фактически в прокурора, обладающего неограниченной властью выбивать признание из обвиняемого; последний был практически вынужден доказывать свою невиновность, а тренированный и тонкий интеллект присяжных был вовлечен в конфликт с хитростью или глупостью несчастных, представших перед ними. С одной

стороны, была гордость, решившая не поддаваться обману, с другой - отчаянное усилие самосохранения и в неравной борьбе невинность была гораздо более склонна страдать, чем чувство вины спастись бегством. Это отождествление судьи и обвинителя настолько полно доминировало в уголовной юриспруденции Латинской Европы, что во Франции до принятия закона от 8 декабря 1897 г., после того как система присяжных использовалась в течение столетия, судья, вооруженный *сумарией* или *досье* с изобличающими доказательствами, открывал процесс допросом обвиняемого и предполагал, что его вина — допрос, который мог быстро перерасти в дуэль между ними, в ходе которой судья пытался разрушить линию защиты, которую обвиняемый был вынужден неквалифицированно раскрывать. [1358]

В этом отношении королевства Арагон были поразительно исключительными, поскольку инквизиционный процесс, как мы видели, был запрещен. В самом Арагоне интересы обвиняемых тщательно охранялись. Были разработаны положения, запрещающие произвольный арест, хотя допуск к освобождению под залог был ограничен. Обвинители должны были предоставить обеспечение и были обязаны удвоить расходы и ущерб в случае недоказанности обвинений. Свидетели подвергались тщательному перекрестному допросу, а в делах, предусматривающих серьезное наказание, при вынесении приговора, который имел право на апелляцию, судье помогали пять незаинтересованных юристов. До пересмотра процедуры кортесом Монсона в 1510 году в стране не было государственного обвинителя, а затем потребовалось много лет, чтобы ввести эту должность в общее пользование. Существовало злоупотребление заочным судебным преследованием *in absentia* хотя, если обвиняемый впоследствии появлялся, он имел право подать апелляцию, и еще хуже был обычай держать заключенного в цепях до завершения судебного разбирательства. [1359] В Валенсии, и, вероятно, в других местах, существовала особенно ценная привилегия: никто, будь то обвиняемый или свидетель, не был вынужден отвечать на вопросы, которые могли бы привлечь его к уголовной ответственности. [1360] В Бискайе фуэрос, пересмотренные в 1526 году и действовавшие до революции, были очень настойчивы в предоставлении обвиняемому всей информации, необходимой для его защиты. [1361]

СВЕТСКАЯ ПРОЦЕДУРА

В Кастилии применялись как обвинительные процессы, так и инквизиция. Обвинитель, однако, был обязан обеспечить безопасность и подвергался штрафам, если оказывалось, что он действовал по злему умыслу. Если обвинителя не было, судья или алькальд проводил расследование и приступал к рассмотрению дела в упрощенном порядке. Когда, по настоянию Изабеллы и под руководством Альфонсо Диаса де Монтальво, суды Толедо в 1480 году пересмотрели уголовное законодательство страны, их действия послужили основой для всего последующего законодательства. Она дышит духом справедливости — строгого наказания виновных и избежания наказания невинных. Судам предписывалось быстро отправляться в суд, обвиняемый должен был иметь все необходимые возможности для защиты; в случае неудовлетворительного состояния адвокат предоставлялся за государственный счет; он мог заявить отвод любому судье по уважительной причине и обжаловать любое решение, и он всегда имел право внести залог. Судебное преследование *заочно*, однако, было разрешено; после трех повесток по девять дней каждая обвиняемый мог быть привлечен к ответственности *в ребельдии* как непокорный и быть осужденным. [1362]

Хотя, таким образом, законодательство Кастилии было продиктовано искренним стремлением к справедливости, на практике обвиняемый подвергался ненужным неудобствам и лишениям. Нам довелось ознакомиться с процессом по делу Франсиско Фернандеса де Монтемайора из Севильи, судимого в Сьюдад-Реале в 1499 году по обвинению в мелких кражах у соседей по постоялому двору, в котором общий ход процедуры достаточно схож с процедурой инквизиции, чтобы показать, что последняя заимствовала свои формы у светских судов с изменениями, облегчающими вынесение обвинительного приговора. Когда Монтемайор был арестован в своей гостинице 10 сентября, его вещи были изъяты, заперты в сундуке и оставлены на попечение хозяина гостиницы. Когда ему понадобились деньги на тюремные расходы, судьи по его ходатайству послали тюремного писца снять установленную сумму в присутствии свидетелей. Свидетели с обеих сторон были допрошены в ходе серии письменных допросов, что является наиболее несовершенным методом, и не подвергались перекрестному допросу. Их имена не были скрыты, но обвиняемый содержался в тюрьме и не присутствовал. Его собственный допрос был проведен судьями на *аудиенции в Карселе*. Ему разрешили нанять адвоката, который представил письменную защиту. Обвинения были надуманными, и 28 октября судьи постановили, что фискал не доказал свою правоту, что оправдало заключенного. С ним обращались в тюрьме сурово; он был идалго, и через несколько дней после ареста он попросил, чтобы с ним обращались как с человеком хорошего происхождения и не водили вместе с преступниками, после чего его поместили в камеру с тяжелой цепью под строгой охраной. После оправдательного приговора он умолял освободить его от оков, что было сделано после его клятвы не покидать тюрьму, поскольку он не был освобожден. К несчастью, показания содержали несколько еретических речей, хотя свидетели считали, что они были произнесены в шутку, поскольку он всегда старался быть шутливым. Светский суд не мог принять их к сведению, но инквизиция предъявила на него свои права, и он был доставлен туда в цепях 9 ноября. Суд над ним длился шесть недель; инквизиция продержала его под стражей два года, а 10 ноября 1501 года наложила на него епитимью и заставила отречься от *де вементи*. Несомненно, бедняга был разорен. [1363]

ДУХОВНЫЕ СУДЫ

Если мы найдем основания полагать, что трибуналы инквизиции в значительной степени руководствовались страстью или жадностью, то они были в этом ничуть не хуже светских судов. Постоянно повторяющиеся жалобы Кортесов в течение шестнадцатого века предполагают, что вся судебная система Кастилии, от высшей до низшей, была не столько инструментом правосудия, сколько продажной организацией, вымогавшей как можно большие суммы у просителей и угнетавшей бедных в пользу богатых. [1364] Мы могли бы, возможно, расценить это как риторическое преувеличение, если бы у нас не было возможности увидеть, как суд высочайшего ранга — королевская аудиенция Севильи — в 1598 году пренебрег всеми законами и правосудием, когда стремился удовлетворить свою злобу на магистратуру этого города. Мы видели (т. I, стр. 362) абсурдную ссору, затеянную инквизиторами с судьями по случаю погребения Филиппа II. Судьи, не имея возможности отомстить трибуналу, обрушили свой гнев на гражданские власти, которые пытались выступить посредниками и сохранить мир. Они арестовали на месте нескольких высших должностных лиц, включая двух членов великого дома Понсе де Леон, и, несмотря на неприличие выступать в качестве судей по их собственному делу, они привлекли к ответственности своих заключенных. Они выслушали показания тридцати семи свидетелей в письменных протоколах допросов, содержащих наводящие вопросы, и приняли к сведению свидетельства с чужих слов о самых правдивых сплетнях.

Обвиняемым было разрешено ознакомиться с обвинением, изложенным налоговым органом, но не с доказательствами, и не было предоставлено никакой возможности выступить в защиту. После этого их адвокаты заявили судьям самоотвод, но отвод был не только отклонен в день его представления, но и обвиняемые и их адвокаты были все крупно оштрафованы за его предложение, а на следующий день был вынесен приговор, приговаривающий заключенных к различным срокам отстранения от должности, ссылки, штрафам и издержкам. И они, и налоговый орган подали апелляцию, и было проведено второе слушание, на котором ответчикам наконец-то разрешили ознакомиться с доказательствами. Тем временем обе стороны обращались в Совет Кастилии, который постановил, что приговор не должен утверждаться без предварительного представления ему, но судьи предвидели это и за день до получения приказа поспешно собрались при закрытых дверях и в отсутствие обвиняемых и их адвоката подтвердили решение и распорядились о его немедленном приведении в исполнение, за исключением Понсе де Леона Альмансы, который приходился родственником одному из них. Приговоры приводились в исполнение с жестокой мстительностью. В районе, куда были отправлены изгнанники, свирепствовала эпидемия, и их привезли больными обратно в Севилью, где алькальд-мэр Хуан Понсе де Леон умер, а с остальными обращались крайне сурово. [1365] Когда королевские суды позволили себе такие произвольные извращения правосудия, нам не нужно удивляться тому, что инквизиция действовала безрассудно, будучи защищенной от ответственности непроницаемой тайной. Между ними испанский народ был крайне раздосадован.

Этому духовные суды противопоставляли свою обычную благосклонность к церковным правонарушителям, доходящую почти до иммунитета. Ход процедуры заключался в том, что, когда донос подавался провизору или генеральному викарию, он снимал показания или посылал должностное лицо для проведения расследования; обвиняемый вызывался и освобождался под залог; судебный процесс проходил в форме судебного разбирательства между ним и фискалом, который предъявлял обвинение, на которое защита давала ответ. Были допрошены свидетели защиты, были опубликованы доказательства, и, когда обе стороны пришли к выводу, судья назначил день для вынесения приговора. Из двух дел шестнадцатого века, документы о которых находятся передо мной, следует, что задержка была небольшой, формальности соблюдались неукоснительно и что вошедшая в поговорку снисходительность, проявленная к ткани, сделала все это дело сравнительно безразличным. Один из них иллюстрирует истекающую епископальную юрисдикцию в отношении ереси и ее вытеснение инквизицией. В 1551 году Диего де Каркано, священник из Сьюдад-Реаля, предстал перед судом за еретические поступки и речи, в которых он свободно признался, сказав, что это была шутка и что ему не следовало шутить с делами Божьими. Судебный процесс завершился в течение трех недель, и Диего был заключен на несколько дней в приходскую церковь для духовных упражнений, помимо оплаты расходов, составивших около тридцати двух реалов. Два года спустя инквизитор Вальтодано, находясь в гостях, случайно услышал об этом деле; он счел епископальный процесс недействительным и вместе отстоял веру и юрисдикцию инквизиции повторным судебным преследованием незадачливого священника. [1366]

Распущенность Церкви по отношению к своим заблудшим членам была еще более проиллюстрирована реформами, принятыми на провинциальном синоде Толедо, созданном в 1565 году для принятия Тридентского собора. Фискалу было приказано ни на кого не доносить судье; никакого расследования не должно было проводиться, если только не было законного общего заявления против виновного, и тогда судья должен был тщательно расследовать, было

ли это вызвано злонамеренностью или со стороны уважаемых людей. Если фискал желал обвинить кого-либо, на него распространялись законы, касающиеся обвинителей, и, если он не мог доказать обвинения, он нес ответственность за издержки и наказание по усмотрению судьи. Все денежные штрафы должны были расходоваться на благочестивые цели, а не в интересах епископа или его главного викария, и для их получения и строгого отчета должно было быть назначено должностное лицо. [1367]

Наиболее заметным отличием процедуры инквизиции от процедуры других юрисдикций была нерушимая тайна, которой были окутаны все ее операции. Действительно, существовали и другие злые особенности, но именно эта причиняла величайшее зло своим жертвам и подвергала инквизитора сильнейшему искушению злоупотребить своей властью. Это было наследием тринадцатого века, когда инквизиция рано обнаружила большую свободу действий и возросший народный страх, вызванный таинственностью, которая освобождала ее от общественного мнения и скрывала все ее действия, пока их исход не был раскрыт в торжественных церемониях аутодафе. Римская инквизиция сохранила его, но в несколько измененной степени. Все его должностные лица поклялись хранить молчание обо всем, что происходило в Конгрегации, но в 1629 году это было объяснено как ограниченное только вопросами, которые могли нанести ущерб делу. [1368] Совсем иным было ужасное молчание, настолько навязанное Испании, что оно стало важным фактором власти Святой Канцелярии.

СЕКРЕТНОСТЬ

Примечательно, что, когда этот институт был введен в Кастилии, о его практической работе было известно так мало, что процедура его проведения была публичной, как в светских и духовных судах. Так, в 1483 году в протоколе судебного процесса в Сьюдад-Реале говорится об инквизиторах, сидевших на публичной аудиенции; нотариусы указывают в качестве присутствующих на слушании определенных лиц по имени “и многих других, кто там присутствовал”; инквизиторы слушали всех, кто предстал перед ними, в то время как фискал и нотариус составляли отчеты. [1369] Было сочтено необходимым, чтобы присутствующие были свидетелями судебного разбирательства; иногда это были люди, связанные с трибуналом, иногда это были граждане, вызванные для этой цели, чьи имена регулярно заносятся в протокол. [1370] Даже тюрьма, впоследствии так ревностно охранявшаяся, тогда еще была известна не как *секретный центр карселеса*, а как *общественный центр карселеса*. [1371] В 1488 году Инструкции предписывают хранить записи “в общественном месте, где инквизиторы обычно выполняют обязанности инквизиции”. [1372] Самое раннее указание на изменение в этом отношении встречается в Инструкциях 1498 года, где присяга, предписанная для инквизиторов и других должностных лиц, содержит обещание хранить тайну. [1373] Это, однако, еще не привело к полному исключению публичности, поскольку на некоторых судебных процессах в Толедо 1501 года фискал излагал свою *clamosa*, или требование судебного преследования, где инквизиторы сидели, как обычно, в своей публичной аудитории, но во время самого судебного процесса они сидели в “аудитории карсель”. [1374] Из использованных выражений мы можем предположить, что здание инквизиции и тюрьма были разделены; что публичные аудиенции проводились в первом, а во втором была комната, в которую обвиняемого можно было привести из его камеры во время судебного разбирательства. *Secreto*, который

впоследствии охватил тюрьму и все, что находилось за пределами приемных, пока что обозначал только сундук или комнату, в которой в безопасности хранились записи. [1375]

Однако даже в этот ранний период в определенных областях судопроизводства началась практика секретности, которая заметно отличала инквизицию от церковных и светских судов. Соккрытие имен и личности свидетелей и строгая изоляция заключенных от внешнего мира - это вопросы, которые будут более подробно рассмотрены ниже, но они уже стали отличительными чертами инквизиционного процесса, причиняя обвиняемым большие трудности, что остро ощущалось. Тенденция всех подобных злоупотреблений к развитию, легкость, с которой причины, приводимые в оправдание, могли распространяться на все действия инквизиции, и привлекательность полученной таким образом произвольной и безответственной власти легко объясняют быстрый эволюционный процесс, окутавший непроницаемой завесой тайны все, что связано с трибуналами, от предварительного следствия и ареста обвиняемого до его освобождения или явки с повинной.

СЕКРЕТНОСТЬ

Обязательство клятвы хранить тайну было жестко истолковано, когда в 1523 году генеральный викарий Сарагосы, по-видимому, проболтался о том, что он услышал, когда его вызвали для голосования на консультацию, и Верховный суд приказал инквизиторам вызвать его и предупредить, чтобы он не разглашал секреты Святой Канцелярии. [1376] В 1544 году Мари Серрана на суде в Толедо была обвинена в препятствовании инквизиции, потому что она пыталась выяснить, давал ли определенный человек показания по другому делу и что он сказал — простая попытка узнать, что происходило в этих таинственных стенах, рассматривалась как преступление. [1377] В 1547 году, когда трибунал Гранады был переведен в новые помещения, его секретность оказалась под угрозой из—за того, что на него выходили некоторые окна в доме Франсиско де Санта-Круса, и по своей жалобе принцу Филиппу он приказал коррехидору закрыть эти окна - по-видимому, без компенсации владельцу. [1378] Настолько непроницаемой была пелена, окутывающая все, что происходило в трибунале, что, когда Филипп II счел необходимым проконсультироваться с арестованным выдающимся хирургом, генеральный инквизитор Кирога оставил два заявления без ответа, а на третье ответил, что, если человек был там, его нельзя было вывести, и даже нельзя было сказать, был он там или нет пленник, после чего король отказался от своей просьбы. По этому поводу инквизитор замечает, что на все запросы ответом должно быть то, что ничего не известно. [1379] Итак, когда в 1643 году Супрема выступил против требования Арагонской юстиции удовлетворить его *манифестацию* или *хабеас корпус* в светских делах, главной причиной было то, что, если бы от трибунала можно было потребовать отличать религиозные дела от других и признать, что в его тюрьме содержится определенное лицо и причина, его тайна была бы нарушена. [1380] Это было подчеркнуто в 1678 году заявлением Верховного Суда о том, что инквизитор, признающий, что какой-либо человек находился в секретной тюрьме, подвергнется отлучению от церкви, снимаемому только папой римским. [1381] Легко понять, почему тюрьма обычно называлась *карселес секретас* и почему, когда человека арестовывали, он исчезал так бесследно, как будто его проглотила земля.

На каждом этапе расследования дела принимались мельчайшие меры предосторожности для обеспечения абсолютной секретности. Таким образом, были приведены к присяге не только все должностные лица, но и обвинитель, обвиняемые и их свидетели были подвергнуты такому же

обязательству. Еще в 1531 году свидетелю, которого уволили, было приказано хранить молчание обо всем, что он сказал или слышал, под страхом отлучения от церкви и штрафа в тысячу дукатов, а также других наказаний для тех, кто нарушает тайну Священной Канцелярии. [1382] Еще в 1817 году по пустяковому делу, которое было приостановлено, информатор был оштрафован за несоблюдение секретности. [1383] То же самое было и с обвиняемым. На самой первой аудиенции присяга говорить правду содержала пункт, обязывающий его хранить молчание не только о своем собственном деле, но и обо всем, что он может увидеть или услышать. Когда его увольняли, будь то для наказания или для выхода на свободу, от него требовали подписать аналогичное обязательство под присягой, к которому добавлялась угроза наказания, иногда принимавшая форму ста или двухсот ударов плетью. [1384] В последующие годы инквизиции это часто подкреплялось включением в приговор пункта, запрещающего преступнику каким-либо образом рассказывать о своем деле. [1385] Таким образом, трибунал был освобожден от ответственности и мог совершать несправедливые поступки, не опасаясь неприятных разоблачений, а Святая Канцелярия могла, как обычно, похвастаться исключительной справедливостью своих решений, не опасаясь противоречий. В какой степени это было оправдано, можно догадаться из замечания Пеня о том, что не допускалась проверка действий трибуналов, поскольку они часто противоречили общему праву и всеобщему мнению врачей. [1386]

Ничему, связанному с деятельностью инквизиции, не разрешалось оставаться за ее стенами. Каждое отправленное письмо, или мандат, или инструкция, или ордер неизменно требовались возвращать с ответом или одобрением их исполнения. Даже Эдикты веры и Анафемы, выданные для опубликования в церквях, были возвращены с указанием дня, в который они были публично зачитаны. [1387] Это относится к адвокату, которому доверена защита обвиняемого. Он не только поклялся хранить тайну и ни с кем не общаться по этим делам, но и доверенные ему скудные бумаги должны были храниться под замком и быть скрупулезно возвращены трибуналу, чтобы не осталось никаких следов или воспоминаний о них. Официальная защита, которую он подготовил, должна была быть написана его собственной рукой, и ее черновик не сохранился; ни одному печатнику не разрешалось печатать такой документ, как, впрочем, и любой другой документ, имеющий отношение к инквизиции, без специального разрешения генерального инквизитора или Suprema, под страхом отлучения от церкви и штрафа в сто дукатов. [1388] Эта ревнивая сдержанность объясняет форму, в которой до нас доходят записи инквизиции — записи каждого процесса грубо, но прочно сшиты и никогда не переплетены, поскольку их нельзя было отдать переплетчику и никого нельзя было впустить в священные пределы secreto. Этим предписаниям о соблюдении секретности не было позволено стать пустой буквой. В Эдиктах веры специальные положения призывали к денонсации всех случаев нарушения или к тому, чтобы документы, касающиеся его действий, находились в чем-либо распоряжении. [1389]

СЕКРЕТНОСТЬ

Его процедура с такой же трепетной тщательностью скрывалась от общественности. В 1573 году Леонардо Донато, венецианский посланник, который считал инквизицию необходимой для Испании, описывает ее действия как настолько секретные, что ничего не было известно о ее жертвах и их делах до тех пор, пока их приговоры не были опубликованы в autos de fe, но страх перед этим был настолько всеобщим, что о нем мало говорили из-за боязни вызвать подозрения. Ему ничего не удалось узнать о его методах, но ему сказали, что они хороши и что

приговоры всегда справедливы. [1390] Фактически, никому не разрешалось знать, в какой форме проводится процедура. Инструкции, правда, обязательно были напечатаны. В 1536 году в Севилье вышло издание "*Antigua*", переизданное в Мадриде в 1576 году. *Нуэва* 1561 года были напечатаны в 1612 году, и все они были переработаны Аргуэльо, должностным лицом Suprema, в 1627 и 1630 годах, но они были строго зарезервированы для использования в трибуналах, и их детали постоянно изменялись *картами акордадас* Suprema, которые так и не увидели свет. Опытные инквизиторы составили руководства по практике, многие из которых до сих пор хранятся в рукописях архивов и библиотек, но это знание *estilo* или методов процедуры было строго ограничено должностными лицами, поклявшимися хранить тайну. По-видимому, вскоре после подготовки Инструкций 1561 года врач Бласко де Алагона имел наглость попросить их копию, когда фискал, которому было передано ходатайство, заявил, что удовлетворение такой просьбы не имело бы аналогов, и ему не составило труда доказать, что стороны в суде не имели права интересоваться его методами; инструкции были даны исключительно для руководства и должны были быть известны другим только по их результатам при отправлении правосудия. Если бы они стали достоянием общественности, люди со злыми намерениями могли бы обсудить, было ли *estilo* инквизиции хорошим или плохим. [1391]

СЕКРЕТНОСТЬ

Чрезвычайная важность "печати" была полностью признана в обеспечении свободы безответственных действий и в создании у населения впечатления таинственной безупречности. Филипп II в своих инструкциях Манрике де Ларе в 1595 году подробно остановился на этом и указал, что "без этого Святая Канцелярия не смогла бы беспрепятственно выполнять свои функции", поэтому любое должностное лицо, нарушившее его, должно быть наказано со всей строгостью. [1392] По-видимому, имели место случаи нарушения, вытекающие из Suprema a carta acordada, указывающей, что вся власть, авторитетность и репутация тех, кто служит в Священной Канцелярии, основаны на секретности. Чем более секретными были его дела, тем больше их почитали те, от кого они были скрыты. Пренебрежение этим вызвало в Верховном Суде величайшее негодование, поскольку это имело столь важное значение для оценки и уважения, с которыми всегда относились к делам и членам инквизиции. Поэтому было решено, что клятва хранить тайну, данная при вступлении в должность, должна быть истолкована таким образом, чтобы ее нарушение представляло собой лжесвидетельство и супружескую неверность. Для вынесения обвинительного приговора должно быть достаточно одного свидетеля; за первое преступление виновный должен быть безвозвратно отстранен от должности на год и заплатить пятьдесят дукатов, а при повторении - уволен навсегда. Даже если его не осудят, он должен понимать, что на форуме совести он мог не получать свою зарплату. Эта тайна касалась не только вопросов веры и зависимости от нее, но и всех голосований, приказов, определений, писем Верховного Суда, информации о лимпьеze и всех других вопросов, никакая информация по которым не должна была передаваться заинтересованным сторонам или какому-либо внешнему лицу, в то время как даже публичные заявления трибуналов не подлежали огласке. Более того, вышеупомянутые наказания и серьезное отлучение от церкви были понесены всеми, кто, зная о нарушениях секретности, не сообщил о них Верховному Правителю. Наконец, было приказано приложить эту хартию к Инструкциям для ежегодного зачитывания собравшимся должностным лицам. [1393]

Инструкции комиссарам предупреждали их, что существование и сохранение инквизиции зависит главным образом от соблюдения абсолютной секретности во всех ее делах. [1394] Это продолжалось до конца. В указе Верховного суда от 7 декабря 1814 года говорится о печати, которая является душой инквизиции. [1395] Фактически, не было никаких колебаний приравнять это к печати исповеди и использовать казуистику, которая оправдывала исповедника в отрицании под присягой того, что он узнал на исповеди. Точно так же чиновнику было сказано, что никакая клятва не является обязательной, когда речь идет о делах инквизиции — он может рассказать о том, что он знал как частное лицо, но не о том, что он знал как должностное лицо, которому доверены ее секреты. [1396] Мы можем понять значение популярной поговорки *король и инквизиция, хитон!*— храните молчание относительно короля и инквизиции.

Даже в рамках судебных органов такая же таинственность наблюдалась при расследовании дел о нарушениях. Когда был получен намек на то, что секретность была нарушена, младший инквизитор изучил его и собственноручно записал "информацию", не позволяя никому узнать об этом. Затем это было помещено в отдельный сундук, ключ от которого находился у старшего инквитора; Супрема был проинформирован об этом вопросе и ожидал его инструкций. [1397]

Не менее важным результатом этой секретности был тот факт, что она позволяла инквизиции сочетать законодательные и судебные функции способом, известным ни одному другому суду. Он разработал свой собственный код и управлял им в темноте. Это правда, как мы еще увидим, что многие положения и ограничения Инструкций были продиктованы чувством справедливости, но это мало что значило, когда секретность, столь ревностно охраняемая, практически оставляла все на усмотрение трибунала, пока Верховная Власть не поглотила и не централизовала все в себе. Огражденный от ответственности — за исключением более или менее небрежных случайных визитов инспектора, — он почти не допускал несправедливости, которую нельзя было бы безопасно совершить, или враждебности, которую лжесвидетель не мог бы удовлетворить. Секреты этих мрачных тюрем никогда не будут известны, даже по записям, поскольку они были созданы теми, о чьих деяниях они повествуют, и они могут быть правдивыми или фальсифицированными. Каково было реальное отправление так называемого правосудия, можно только догадываться по случайным разоблачениям, таким, как те, которые мы случайно получили на процессах над архиепископом Каррансой, монахинями Сан-Плачидо, Херонимо де Вильянуэва, фраем Фройланом Диасом, и, когда принципы правосудия были сведены на нет главами инквизиции в делах столь выдающихся людей, маловероятно, что трибуналы относились к малоизвестным с большим вниманием. В лучшем случае инквизиционный процесс во многом зависел от характера и расположения судьи; с изменениями, внесенными инквизицией, судьба обвиняемого фактически зависела от усмотрения трибунала, и это усмотрение было освобождено от полезного ограничения публичности. В то время, когда, как мы видели, светские суды, хотя и были открыты для публики, были немногим лучше инструментов угнетения и вымогательства, не следует воображать, что инквизиционные трибуналы, окутанные непроницаемой тайной и в значительной степени зависевшие от штрафов и конфискаций, были скрупулезны в применении жестоких законов против ереси.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИСКАЛЬНОГО

В первоначальной средневековой инквизиции процедура была чистым *inquisitio*, инквизитор откровенно выступал одновременно в качестве обвинителя и судьи, собирая показания, допрашивая свидетелей, стремясь заставить обвиняемого признаться или признать себя виновным и выносить приговор. Поскольку в пятнадцатом веке это учреждение пришло в упадок и стало дезорганизованным, его обязанности были в некоторой степени возобновлены епископами, в судах которых из-за давления различных дел уже давно возникла необходимость в прокуроре, известном как фискал-промоутер, должным образом обученном гражданскому и каноническому праву. Дела о ереси неизбежно следовали заведенному порядку суда и, следовательно, принимали форму исков между налоговым органом и обвиняемым, как истцом и ответчиком, с епископом или его должностным лицом в качестве судьи. [1398]

Это, по крайней мере внешне, устранило одну из самых отталкивающих черт чисто инквизиционного процесса, поскольку судья больше не был стороной в деле и мог сохранять видимость беспристрастности, даже если на самом деле он был инициатором судебного преследования. Когда Святая канцелярия была учреждена в Кастилии, она считалась просто продолжением Старой инквизиции; в ее коллекции привилегий были включены папские буллы XIII века, наряду с современными, и свирепые законы Фредерика II с седулами католических королей. [1399] Тем не менее, он так мало знал о старых формулах и процедуре, что перенял их у светских и духовных трибуналов того периода, и, таким образом, его практика приняла внешнюю форму *accusatio*, а не *inquisitio*, с фискалом или государственным прокурором в качестве обвинителя. Хотя на первый взгляд это был шаг к справедливости, была предпринята забота о том, чтобы интересы веры не пострадали. Это дало инквизиторам помощь опытного юриста, в обязанности которого входило доказывать свои обвинения, который не упускал возможности преувеличить преступления, вменяемые обвиняемому, который предполагал, что они были доказаны, который сопротивлялся всем попыткам защиты опровергнуть их и который был свободен от всех наказаний и ответственности обвинителя. Форма приговора, принятая в начале и неукоснительно соблюдаемая, утверждает, что судьи слушали дело, находящееся на рассмотрении между налоговиком и ответчиком, и они пришли к выводу, что налоговик либо полностью или частично доказал свои обвинения, либо не смог этого сделать. [1400] Это предположение было совершенно ложным и имело целью ввести людей в заблуждение при чтении в автоматическом режиме.

Именно инквизиторы собирали свидетельские показания. Инструкции 1484 года прямо предписывают, чтобы допрос свидетелей производился лично инквизитором и не передавался нотариусу, за исключением случаев, когда свидетель слишком болен, чтобы явиться, и инквизитору должно быть неприлично обращаться к нему, когда он мог бы уполномочить церковного судью выполнять свои обязанности с нотариусом. [1401] Однако дела были слишком срочными, чтобы инквизиторы всегда допрашивали свидетелей, и они часто назначали заместителей, которые действовали от их имени, но эти заместители никогда не были фискалами, и извиняющийся тон комиссии показывает, что это было нерегулярно и требовало оправдания. [1402] С течением времени тенденция к уклонению от работы усилилась; согласно Инструкциям 1498 года, нотариусам было разрешено проводить экспертизу при условии, что это происходило в присутствии инквизитора; затем этим условием пренебрегли, несмотря на яростные протесты Верховного суда, и, наконец, в более поздний период, когда серьезной работы требовалось выполнить мало, специальные комиссии, как мы уже говорили, замеченные, были обычным явлением, очевидно, не имевшим большего оправдания, чем леность инквизиторов. [1403]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИСКАЛЬНОГО

Тем не менее, сохранился вымысел о том, что свидетели были представлены фискалами, хотя Верховный суд в 1534 году сообщил им, что сбор доказательств не входит в их обязанности, хотя, если они их получают, они должны будут сообщить об этом инквизиторам. [1404] Фактически в их обязанности, помимо добивания осуждения обвиняемых, входили обязанности вышестоящего судебного секретаря — составлять обвинения, вести переписку, консультировать инквизиторов, систематизировать доказательства, поддерживать в порядке записи или следить за тем, чтобы это делали секретари, следить за исполнением приговоров и осуществлять общий надзор за должностными лицами, помимо участия в заседаниях *хунты гасиенды* и обеспечения финансовых интересов трибунала. [1405] Фискал, кроме того, служил полезной цели в качестве пугала для запугивания обвиняемых, которым постоянно угрожали тем, что произойдет, если они не сознаются до того, как ему разрешат предъявить официальное обвинение, в котором он обычно требовал пыток и послабления для них — но, в конце концов, его главным использованием было сохранение иллюзии, что судебное преследование было действием между сторонами. Как говорит Симанкас, даже когда виновный признается, налоговый орган должен предъявить обвинение, чтобы судебное решение могло основываться на обвинителе, обвиняемом и судье. [1406] Короче говоря, он был просто одним из судебных чиновников, который, как опытный юрист, предоставил инквизиторам, которые были склонны быть теологами, преимущество своих юридических знаний. Его единственное реальное положение как стороны в судебном процессе было явно невыгодным для обвиняемого, поскольку в случае оправдания или приговора, который он считал слишком мягким, он имел право, которым нередко пользовался, подать апелляцию в Верховный суд, и, следовательно, его согласие с решением было необходимо. По мере того, как его достоинство постепенно возрастало, в 1646 году арагонский суд причислил его к лику судей; [1407] мы видели, как он в конце концов стал известен как “инквизитор-фискал” и как его место обычно занимал один из инквизиторов, который, однако, воздержался при окончательном голосовании по делу. Действительно, фискал с самого начала был допущен в совет федерации, где он мог излагать факты и выдвигать аргументы — самая неприличная привилегия, — хотя от него требовали удалиться до проведения голосования. В 1660 году это было прекращено не из-за его шокирующей несообразности, а потому, что возник спорный вопрос о старшинстве между ним и ординарием епископальной церкви, обязанностью которого было присутствовать. [1408]

В функции фискала не входило ничего, что могло бы помешать инквизитору возбудить судебное разбирательство на основании любых слухов, которые могли до него дойти, или компрометирующих доказательств, собранных на основе признаний других лиц. Ему не нужно было ждать действий фискала, но он мог распорядиться о проведении расследования и снятии показаний, и, когда это было сделано, они передавались фискалу для оформления официального обвинения. Каким бы честным ни был инквизитор, сам факт того, что он отдал приказ об аресте и судебном разбирательстве, неизбежно укреплял его в вере в виновность обвиняемого; он с самого начала был бессознательно предубежден, и оправдать его стоило больших усилий, чем осудить. Таким образом, хотя внешне форма процедуры была *accusatio*, на самом деле это была *инквизиция*, и привлечение фискала в качестве обвинителя только уменьшило шансы защиты, предоставив инквизиторам опытного помощника юриста в ведении судебного преследования, в котором все они были обвинителями.

Однако, что бы мы ни думали о нравственности инквизиционного процесса, не может быть никаких сомнений в его эффективности. При изучении длинных и подробных протоколов судебных процессов, где каждая деталь изложена в письменном виде, поучительно видеть, как часто обвиняемый, который начинает с того, что смело заявляет о своей ортодоксальности, приходит на последовательные аудиенции, чтобы сделать какое-то признание, которым умело пользуются, и постепенно отрицание ослабевает или, возможно, уступает ужасам обвинения и публикации доказательств, заканчиваясь полным признанием и горячим упоминанием родных и друзей. Положение обвиняемого, по сути, было беспомощным. Стоять в одиночестве перед суровыми увещеваниями опытного и безжалостного судьи; размышлять в своей камере, отрезанный от всех внешних коммуникаций, в течение недель или месяцев между аудиенциями; очевидно забытый, но живущий в постоянной неуверенности, что его в любой момент вызовут на явку; терзать свой разум впечатлением, которое могли произвести его высказывания, или выводами, сделанными из его признаний или отрицаний; балансировать между шансами на побег путем настойчивых утверждений о невиновности и шансами на осуждение как *impenitente negativo*, и подстегиваемый его столь - вызванный адвокат должен был признаться и сдаться на милость трибунала — требовался исключительно решительный темперамент, чтобы выдержать длительное напряжение, зная, что противник в смертельной игре всегда имел в запасе ужасный ресурс камеры пыток. Весь ход процедуры был основан на предположении, что обвиняемый виновен; что в компетенцию трибунала входило побудить его признать свою вину, и в подавляющем большинстве случаев это предположение было правильным. Для тех, кто считал отклонения от веры величайшим из преступлений перед Богом и человеком, а наказание за них - наиболее приемлемой услугой, которую человек может оказать Богу, эта презумпция виновности служила оправданием жестокости процедуры и отказа во всех средствах защиты, которые тем, кто знаком с принципами английского правосудия, кажутся неотъемлемым правом обвиняемого, невиновного или нет.

ИДЕАЛ ИНКВИЗИЦИИ

Действительно, не может быть никаких сомнений в том, что среди жадности и черствого безразличия к справедливости были люди, занятые на службе, которые считали, что выполняют работу Бога и что их методы были милосердными. Инквизиция не была похожа на другие трибуналы, которые наказывали только тело; она утверждала свою высокую и святую миссию - спасение душ. Как сказали инквизиторы Валенсии в 1536 году Мигелю Меските на суде по обвинению в лютеранстве, они не требовали от него ничего, кроме правды, и, если он впадал в ошибку, они стремились разуверить его и исцелить его совесть, чтобы его душа не была потеряна. [1409]

Инструкции 1561 года, которые до последнего оставались основой процедуры, настоятельно предупреждают инквизиторов, чтобы они не сбивались с пути ни свидетелями, ни признаниями обвиняемых, но рассматривали все дела в соответствии с истиной и справедливостью; они должны сохранять строгую беспристрастность, поскольку, если они склонятся на ту или иную сторону, их легко можно обмануть. [1410] Если мы можем верить ветерану-инквизитору Парамо, Святая Канцелярия проводилась на этом высоком уровне так, что являлась несомненным благословением для земли. Его святость, говорит он, настолько очевидна, что нет места ненависти, благосклонности, подкупу, любви, заступничеству или другим человеческим побуждениям. Каждое действие совершается с такой добросовестностью и уважением к равенству и справедливости; инквизиторы так тщательно расследуют все, что им не мешает

толпа, что они внушают всем людям ужас перед преступлениями, которые предстают перед ними, и во всепроникающей тишине они действуют с невероятной добросовестностью. Показания свидетелей тщательно проверяются с учетом их характера и качества, и те, кто уличен в лжесвидетельстве, подвергаются самому суровому наказанию. С обвиняемыми, содержащимися в тюрьмах, обращаются доброжелательно и щедро, в соответствии с их положением; бедные и больные в изобилии обеспечиваются едой и лекарствами за счет *fisc*, и им оказывают всяческое содействие. Мало того, что показания свидетелей расследуются с недоверием, но, поскольку время раскрывает истину, дела не заканчиваются поспешно, а благоразумно затягиваются, как и требуется, когда существует такая опасность для жизни, славы и имущества не только обвиняемого, но и его родственников. Если его невиновность представляется вероятной, прилагаются все усилия, чтобы доказать это и, если это будет доказано, предотвратить от него какую-либо потерю репутации, по этой причине его везут верхом на лошади, украшенного лаврами и пальмами, как победителя во время триумфа — зрелище, вдохновляющее души робких, подавленных суровостью, с которой наказываются виновные. Те, кто после такой опасности вернулся к своему прежнему состоянию, никогда не перестают благодарить Бога за то, что он поместил на земле трибунал, главная забота которого — поддерживать честь невиновных. Когда инквизиторы наказывают еретиков, это происходит не с желанием уничтожить их, а с тем, чтобы они были обращены и жили. Судя и наказывая, Святая Канцелярия стремится исправить того, кого она наказывает, или принести пользу другим своим наказанием, чтобы они могли жить в безопасности, когда нечестивые будут удалены. [1411]

В какой степени эта идеализация методов инквизиции была оправдана, у нас была возможность убедиться, и у нас будет еще больше.

ГЛАВА III.

АРЕСТ И НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО.

ХОТЯ право произвольного ареста было неотъемлемо от инквизиторских функций, и все светские должностные лица были обязаны оказывать помощь в случае необходимости, все же на практике это требовало обоснования достаточными доказательствами. Это было получено различными способами. Инквизитор мог узнать, что публичные слухи объявляют человека виновным в еретических действиях, и мог вызвать тайное расследование для проверки. В распространенных формах ереси, таких как иудейская и мавританская отступники, наиболее частым источником обвинений были признания сообщников на суде или в соответствии с эдиктами Милосердия. В других вопросах инициатива исходила в основном от доносов, которые всячески поощрялись, особенно благодаря секретности, которая освобождала информатора от ответственности.

Ни одна обязанность не внушалась народу так настойчиво, как обязанность осуждать любое высказывание или действие, относящееся к *calidad de oficio*, то есть относящееся к ведению Святой Канцелярии. Божественный закон требовал этого под страхом наказания за смертный грех, а церковный — под страхом отлучения от церкви. [1412] От этого никакие кровные узы не освобождают. Это правда, что в соответствии с имперской юриспруденцией обвинения ближайших родственников были запрещены; мать не могла обвинять сына, кроме как в преступлениях против себя, и даже мужчина, воспитанный в чужом доме, не мог обвинять своего благодетеля. [1413] Но Симанкас, хотя и весьма одобряет это, говорит, что есть два

случая, в которых сын должен обвинить своего отца — один, когда его допрашивает инквизиция, другой, когда отец является упорным еретиком, и, поскольку обязательства сына перед отцом являются наивысшими, это включает в себя все остальные случаи. [1414] Инструкции 1484 года предлагают смягчение наказания несовершеннолетним детям, которые спонтанно выдают своих родителей, и Альфонсо де Кастро рассказывает, что он отказал в отпущении грехов молодому человеку, совершенно ортодоксальному по вере, который на исповеди, в ответ на допросы, признал, что его отец был иудействующим, но отказался выдать его ввиду последствий для себя бедности и позора. [1415]

Ежегодное издание Эдикта веры с сопровождающими его анафемами самым торжественным образом провозглашало это императивное обязательство и в то же время содержало список преступлений, подлежащих осуждению, что превращало каждого в шпиона за своим соседом. Донос мог быть как устным, так и письменным и, в случае написания, либо анонимным, либо подписанным; он мог быть направлен в суд или любому уполномоченному, и ожидалось, что в нем будут указаны имена свидетелей, которые будут вызваны в его поддержку. Эти доносы стали поступать чаще после опубликования Эдикта веры, а также накануне Пасхи, когда верующие исповедовались, готовясь к обязательному пасхальному причастию, и исповедники спрашивали, осудили ли они все, что слышали, видели или поняли, что противоречило вере или правам инквизиции, и тем, кто отказывался это сделать, отказывалось в отпущении грехов. Этот донос и показания свидетелей, вызванных в его поддержку, или показания, полученные в ходе расследования, или признания лиц, находящихся под судом, составили *sumaria*— *подготовительную инструкцию* французской практики.

Однако суд постановил не действовать в упрощенном порядке в таком серьезном деле, как арест, бросающий тень позора на всю родословную. После первого бурного периода, когда никто не был застрахован от произвольного тюремного заключения, части доказательств, которые передавали характер обвинения, без указания имени обвиняемого, прошли процедуру *калибровки*, или цензуры, чтобы определить, представляют ли они *calidad de oficio*. Мы видели в делах Каррансы, Вильянуэвы и Фройлана Диаса, насколько важной была функция *calificadores*, или цензоров, и как многое иногда зависело от способа представления им доказательств. При реабилитации монахинь Сан-Плачидо они позаботились заявить, что, если бы им пришлось действовать на основании показаний, представленных их предшественниками, они пришли бы к тому же выводу. От такого искажения информации не могло быть никакой гарантии из-за глубокой секретности, окутывающей каждое действие трибуналов.

КАЛИФОРНИЯ

Калификадоры были учеными богословами, о чьих обязанностях мы уже упоминали (стр. 263). Некоторые из них были штатными назначенцами, но любой мог быть призван, и он не мог отказаться служить без оплаты. Когда не было единодушия, инквизиторы принимали решение или передавали дело другим. По-видимому, не существовало какого-либо установленного или абсолютного правила. В 1634 году в деле Жака Гаррига, странствующего французского нищего, исповедовавшего святость и целебные способности и утверждавшего, что он посланник Бога, не без признаков безумия, два инквизитора присоединились к четырем калификадорам при рассмотрении доказательств перед арестом, но это, по-видимому, исключение. [1416] Обращение к калификадорам в неясных случаях часто приводило лишь к безнадежному расхождению во мнениях, скорее сбивая с толку, чем помогая инквизиторам. Когда в 1640 году

брат-бернардинец Томас де Ниба защищал некоторые тонкие выводы в схоластическом богословии, на службу было призвано одиннадцать калификадоров, из которых одни не находили ничего заслуживающего порицания, другие считали доктрину осужденной, третьи снова говорили, что она просто приближается к ошибке. В том же году, в аналогичном деле францисканского брата Хуана Ласаро, один калификадор объявил его доктрину неясной и опасной, если не формально, то, по крайней мере, фактически, еретической; другой - что защищать ее было самой серьезной ошибкой, в то время как двое других не смогли найти в ней ничего предосудительного. Тем не менее, Лазаро предстал перед судом, и после того, как дело в течение нескольких месяцев проходило различные стадии, оно было приостановлено, хотя в будущем Лазаро было приказано придерживаться противоположного мнения. [1417]

В конце концов, акордадская хартия от 8 октября 1708 года попыталась урегулировать эту систему. Во всех случаях, требующих уточнения, из доказательств должна была быть сделана правильная выписка относительно обвиняемых действий и речей со всеми обстоятельствами, способствующими ясному пониманию. Это письмо должно было быть отправлено одному из калификадоров, который должен был хранить его по меньшей мере три дня и вернуть со своим мнением не только относительно требуемого порицания, но и относительно возможной защиты. Таким образом, дело должно было перейти от одного к другому, после чего трибунал должен был созвать их вместе, чтобы выработать общее мнение. С книгами и бумагами следовало обращаться таким же образом, и между вызванными сторонами не было никаких обязательств по сохранению тайны. [1418]

Все категории обвинений не подлежали каллизации, поскольку существовали многочисленные и важные группы правонарушителей, которые были лишены этой гарантии, какой бы незначительной она ни была в лучшем случае. Иудаисты и мориски, ренегаты, двоеженцы, те, кто совершал таинства, не состоя в священническом сане, и поверенные женщин на исповеди не имели на это права. [1419] Таким образом, взятая в целом, до середины восемнадцатого века основная часть деятельности трибуналов была освобождена от уголовной ответственности и практически ограничивалась изощрениями предприимчивых теологов, степенью ереси, проявляющейся в более или менее живописном богохульстве, виновностью неосторожных или безрассудных ораторов и подразумеваемый договор с демоном в заклинаниях мудрых женщин и искателей сокровищ. Как и многое другое в инквизиции, предназначенное для защиты невиновности, его рабочий эффект был сведен к минимуму.

КЛАМОЗА И КОНСУЛЬТА

В какой период был введен *calificación*, трудно сказать с точностью. Льоренте уверяет нас, что в 1550 году им еще не пользовались. [1420] Это неверно, поскольку в 1520 году мы находим постановление Верховного Суда о том, что калификадорес не должен назначаться без его согласия и по простому ходатайству претендентов. [1421] К тому времени обычай, очевидно, утвердился, и в 1556 году Супрема объяснил это не как защиту невиновности, а как средство успокоить рядовых и показать им, что инквизиторы не стремятся распространить свою юрисдикцию за пределы ереси. [1422] Инструкции 1561 года просто предусматривают, что при наличии достаточных свидетельских показаний по делу, относящемуся к инквизиции, если это требует каллизации, следует консультироваться с теологами одобренной учености и репутации, таким образом делая вывод, что в этом нет необходимости, когда речь идет о церемониях,

известных как еврейские или мавританские, или о проявлении ереси или вероотступничества. [1423] Верховный суд считал необходимым в carta acordada от 11 июля 1569 года предупредить *calificadores*, чтобы они ограничились определением характера представленных предложений и не говорили, существует ли *calidad de oficio*— ограничение, которое они переросли. Другая хартия от 22 ноября 1577 года показывает, что к этому времени она стала признанным предварительным условием ареста, предписывая, что, если арест будет необходим без нее, должна быть, по крайней мере, каликация до предъявления официального обвинения, что произошло на более поздней стадии разбирательства. [1424]

По мере постепенного поглощения всей инициативы Верховной властью, так что в конечном итоге ни один арест не мог быть произведен без ее приказа, важность калифасьон снижалась. Калификадорес продолжали назначать, но они, по-видимому, были скорее декоративными, чем полезными членами чиновничьей семьи, если мы можем судить по различиям в количестве членов различных трибуналов. Таблица в приложении показывает, что в 1746 году у Мадрида и Льерены их не было ни одного, в то время как Валенсия радовалась сорока. Однако они все еще выполняли функцию цензуры прессы, и трибуналы, которые были недостаточно обеспечены, всегда могли призвать на помощь богословов, когда необходимость требовала их услуг.

Поскольку сумария старательно повторяла, что имеются достаточные доказательства, что все формальности были соблюдены и что в дальнейшем расследовании нет необходимости, *calificacion* завершила предварительные слушания. Следующим шагом было предъявление фискалом его *претензии* или требование об аресте обвиняемого. В полностью разработанной формуле этого он представил и поклялся суду сумарии и воплотил обвинение как доказательство того, что виновный заслуживает самого сурового наказания, с целью чего он потребовал ареста и тюремного заключения с наложением ареста или эмбарго на имущество, пообещав в надлежащее время предъявить официальное обвинение и попросив, чтобы тем временем были изучены реестры других судов с целью получения дополнительных доказательств. Были предусмотрены формы, подходящие для различных категорий преступлений и для случаев отсутствия или смерти. [1425]

Это свидетельствует о похвальном желании избежать поспешных действий, поскольку консультация инквизиторов с консультантами и ординарцами все еще технически требовалась перед выдачей ордера на арест. На существование чего-либо подобного указывает еще в 1509 году постановление Верховного суда о том, что в случае отсутствия единогласия с ним необходимо проконсультироваться, прежде чем производить арест. [1426] Тем не менее, в 1521 году специальный приказ, требующий проведения такой консультации в случае с Мориско, позволил бы сделать вывод, что в остальном правило было устаревшим. [1427] То, что это было так, подтверждается последующими делами, и даже в отношении Мориско в ряде судебных разбирательств в Даймиэле между 1540 и 1550 годами ордера выдаются немедленно по предъявлении *кламосы*. [1428] Инструкции 1561 года возродили эту практику, но не предписывали ее как существенную, оставляя ее фактически на усмотрение инквизиторов. [1429] После этого мы обнаруживаем, что это часто наблюдается, и в случае с Эльвирой дель Кампо, обвиняемой в еврейских обычаях в 1567 году, перед *кламозой* проводится консультация, а вторая - после, перед выдачей ордера на арест. [1430] Когда инквизиции было подвергнуто домогательство в исповедальне, желание скрыть преступление привело к постановлению 1564

года о том, что для консультаций следует привлекать только генерального викария, а в 1600 году даже он был исключен; инквизиторы должны были консультироваться только друг с другом, а затем ожидать приказов Верховного. [1431] Поскольку установилось правило, что перед арестом следует проконсультироваться с Верховным судьей, эти формальные предварительные процедуры стали менее важными, и в восемнадцатом веке нам сообщили, что консультации больше не проводились, предположительно по причине того, что инквизиторы тогда были юристами. [1432]

ПРОИЗВОЛЬНЫЙ АРЕСТ

Помимо этих формальностей, со стороны руководителей инквизиции было очевидное желание предотвратить несправедливость, возникшую в результате поспешных и необдуманных действий. В реформаторских инструкциях 1498 года инквизиторам предписывается быть осторожными и никого не арестовывать на основании недостаточных улик — приказ, частое повторение которого доказывает, насколько мало к нему относились. [1433] Было полностью осознано, что сам факт тюремного заключения навлек на него неизгладимый позор, и все власти призывают к максимальной осторожности при использовании этой огромной власти. [1434] Следовательно, инквизиторам, по крайней мере теоретически, требовались более веские доказательства, чем судьям других судов; они должны были быть такими же вескими, как те, которые оправдывали пытку — то, что было известно как *семиплена* — но это просто заключалось в показаниях единственного неопровержимого свидетеля; когда возникало опасение побега, требовалось меньше, и Соуза, португальский авторитет, говорит нам, что в бегство от ереси всегда следует опасаться. [1435] Это правда, что в 1630 году Верховный суд постановил, что арест на основании показаний единственного свидетеля не должен производиться без его разрешения, но это проявило мало сдержанности. Подобный арест был произведен в 1638 году Доминго де Мескита со своего рода извиняющимся объяснением, что он португалец и уже предстал перед судом по тому же обвинению в иудаизме. [1436]

Одно или два дела покажут, насколько мало реальной пользы на практике обвиняемый извлек из всего этого тщательно продуманного парада предварительных мер предосторожности. В Толедо 5 июня 1501 года фискал сообщил трибуналу, что Изабель, дочь Альваро Ортоланго, была обвинена в ереси, и потребовал ее ареста. Инквизиторы ответили, что прикажут сделать это, если будут представлены достаточные доказательства, после чего он привел показания заключенной о том, что она слышала, как Изабель говорила, что соблюдает еврейские посты, и на основании этого был немедленно выдан ордер на арест. Учитывая, что обвиняемой был ребенок десяти лет от роду, ее арест без суда на основании столь ненадежных улик показывает, насколько мало впечатления произвели Инструкции 1498 года. [1437] Толедские инквизиторы со временем не стали более осторожными. 16 сентября 1541 года перед ними предстали двое рабочих собора и обвинили Хуана Гарсию, своего товарища по работе, в том, что он получал откровения от Бога во сне. Немедленно был выписан ордер; носильщику было приказано явиться к нему в тот же день и, если он будет возражать, отвести его в тюрьму. Соответственно, в тот же день он получил свою первую аудиенцию. [1438]

В этих произвольных разбирательствах функция фискала была чисто фиктивной, и он и инквизитор, если бы у них было хоть какое-то чувство юмора, должно быть, улыбались, разыгрывая свои роли в трагикомедии. В 1532 году перед Фернандо Лоазесом, выдающимся

инквизитором Барселоны, предстает фискал и устно заявляет, что ему стало известно, что, когда нераскаявшаяся и закоренелая еретичка Хоана, жена Хила Тасиса, должна была быть арестована, ее муж пытался скрыть ее, поэтому он должен быть арестован как сторонник ереси и противодействующий инквизиции, и в свое время будет представлена надлежащая “информация”. Единственной уликой было свидетельство Джоаны, взятое самим Лоаззом, но он серьезно потребовал, чтобы его проинформировали, и приказал вызвать всех свидетелей, которых фискал пожелал представить. Затем налоговый инспектор, чтобы просветить его, представляет доказательства из протокола; Лоузз приказывает включить их в материалы дела, объявляет их достаточными и выдает ордер на арест. [1439]

Таким образом, в условиях секретности трибуналов ничто не препятствовало осуществлению дискреционных полномочий по притеснению невиновных, а также наказанию виновных. То, что им так злоупотребляли, явствует из заявления судов королевств Арагон, около 1530 года, в котором они жаловались на то, что инквизиторы арестовывали людей по малейшим поводам и просто по доносу, а затем иногда отпускали своих заключенных без епитимьи или с очень незначительными приговорами, тем самым навлекая позор на стороны, их родственников и потомков, который не был стерт освобождением. Аресты, настаивали они, должны производиться только за тяжкие преступления и при наличии достаточных доказательств. На это генеральный инквизитор презрительно ответил, что законы были соблюдены; если заявители думают иначе, пусть приводят примеры. [1440] Этот дух не обещал изменений, и, хотя Инструкции 1561 года предписывали осторожность и сдержанность, дела, должно быть, ухудшились из-за того, что подчиненные подражали своим хозяевам, поскольку Конкордия 1568 года предусматривает, что фамильярам нельзя разрешать производить аресты без приказа инквизиторов. [1441]

СЕГРЕГАЦИЯ ОБВИНЯЕМЫХ

Даже после того, как Верховный суд потребовал, чтобы с ним проконсультировались, прежде чем отдавать приказ об аресте, формальностям уделялось мало внимания. Критикуя 25 августа 1695 года отчет о делах, находящихся на рассмотрении в Валенсии, Верховный суд выражает удивление по поводу того, что арест должен был быть произведен до предъявления обвинений. В этом случае обвиняемый был брошен в тюрьму 22 октября 1694 года, а 9 февраля 1695 года последовала каликация, но Верховный Суд удовлетворился этим упреком и просто приказал прекратить преследование и не допустить обретения бессмертия. [1442] Верховной Власти не нужно было удивляться этой незначительной неформальности, учитывая жестокость группы дел, включенных в отчет Вальядолида от июля 1699 года. Франсиско Эрнандес Кастанеда был заключен в тюрьму 30 августа 1697 года; его дело рассматривается в том же состоянии, что и раньше, свидетельских показаний против него нет. 14-летний Бальтазар Гонсалес Кардосо был арестован 15 августа 1698 года, и против него нет никаких улик. 9-летняя Ана Гутьеррес была арестована 14 августа 1697 года, и против нее пока ничего не возбуждено. Леона де Пас была арестована 15 сентября 1698 года, и против нее нет никаких доказательств. [1443] Таким образом, эти бедняги провели в тюрьме один или два года без малейших доказательств, оправдывающих их арест, и тот факт, что трибунал хладнокровно составляет этот отчет, указывает на то, что в нем не было ничего необычного или рассматриваемого как скандальный.

Среди реформ, которые Карлос III пытался провести в конце восемнадцатого века, была реформа, предусматривающая требование явных доказательств ереси в качестве необходимого

предварительного условия для ареста, но Льоренте сообщает нам, что его указам не подчинились. [1444] Тем не менее, со временем в этом, как и во многих других направлениях, произошли улучшения, возможно, частично под влиянием бедности Святой Канцелярии и ее желания избежать содержания бедных заключенных. Так, в деле в Куэнке Хуана Франсиско де ла Ландеры, *дзубиладского* нотариуса по конфискациям, привлеченного к уголовной ответственности в 1816 году по подозрению в том, что он является автором мемориала королю и других правонарушений, ему было разрешено находиться на свободе в течение почти всего судебного процесса, и только после предъявления обвинения и его ответа было принято решение заключить его в тюрьму и наложить эмбарго на его имущество. [1445]

Причиной, на которую обычно ссылались в осуждение безрассудного ареста, было бесчестье, нависшее над обвиняемым и его родственниками, но это ни в коем случае не было единственным наказанием, характерным для инквизиции. Особые трудности были связаны с изоляцией, сразу же введенной для заключенного. С момента его ареста были приняты все меры предосторожности, чтобы он ни с кем не перекинулся ни словом. Когда это происходило на расстоянии, комиссару было поручено соблюдать это со всей строгостью, как при заключении заключенного под стражу, так и при отправке его в трибунал. Если одновременно арестовывались двое или больше, их строго держали порознь, как в тюрьме, так и в дороге. Таким образом, в 1678 году, когда в Пастране должны были быть схвачены несколько иудействующих, инструкции из Толедо заключались в том, что их следовало немедленно запереть, *incomunicado*, в домах чиновников и отправлять в Толедо по одному, соблюдая строгие меры предосторожности, чтобы они ни с кем не разговаривали. Каждый должен был находиться под присмотром фамильяра, а если их не хватало в Пастране, следовало призвать людей из соседних городов. [1446] Страдания, причиненные заключенному и его семье арестом, усилились из-за внезапного прекращения всякого обмена привязанностями и всех наставлений и советов относительно того, что им следует делать в своей беде.

ВАЖНОСТЬ СЕКВЕСТРАЦИИ

Еще одна особенность, с особой суровостью обрушившаяся на беднейшие классы, возникла из правила инквизиции возлагать все расходы на своих заключенных. Офицеру, производившему арест, было приказано взять с собой определенную сумму, которая должна быть внесена в тюремный отдел на содержание заключенного, а также кровать для него, чтобы он мог спать, и одежду для него. Если, как это обычно бывало, требуемая сумма наличными не обнаруживалась среди вещей преступника, на аукционе продавалось достаточное количество его предметов домашнего обихода, чтобы удовлетворить спрос. Действие этого можно увидеть на примере Бенито Пеньяса, бедного пахаря из Кобеньи, недалеко от Алькала—де-Энарес - полусумасшедшего преданного, который устроил скандал, отрицая, что Христос умер на кресте. Приказ о его аресте, изданный трибуналом Толедо 25 января 1641 года, требовал, чтобы фамильяр взял с собой 30 дукатов на расходы и постель. Единственные монеты, найденные при Бенито, составили 19 куарто веллонов, что эквивалентно примерно 2½ реалам: таким образом, в воскресенье, 10 февраля, все его небольшие пожитки - инструменты, мебель и одежда, за исключением одежды на нем и двух старых рубашек, были проданы на аукционе. Даже четки в его руках были включены в стоимость, но общая выручка, за вычетом сборов, составила всего 20 дукатов. Из этой суммы около половины ушло на оплату охраны и доставку в Толедо, и только

105 с половиной реалов были доставлены с ним в карселес секретас, из которых трибунал отказался что-либо выплачивать фамильяру за его время и труд. Психическое расстройство Бенито быстро развилось во время его заключения, и в августе он был выписан как безответственный. Власти Кобеньи были вынуждены забрать его домой за свой счет и, несомненно, содержать его впоследствии, поскольку он был лишен всех средств к существованию, в то время как, согласно обычной инквизиционной логике, несмотря на его безумие, он был приговорен носить одежду серо-зеленого цвета в наказание за свою ересь. [1447] В случае с религиозным лицом, если его *имущества* было недостаточно для получения желаемой суммы, ее должен был заполнить настоятель его монастыря. [1448]

Другой чертой крайней суровости, которая, однако, была характерна для светской и епископальной, а также для инквизиционной практики, был наложение ареста секвестра, сопровождавшее арест во всех случаях, связанных с конфискацией. Потери и трудности, связанные с этим, были полностью признаны в светском судопроизводстве, и в 1646 году суды Арагона попытались смягчить их, а также предотвратить мошенничества, которые, как было признано, были частыми. [1449] С другой стороны, иметь имущество обвиняемого во власти его семьи означало рисковать его растратой до завершения судебного разбирательства; его нужно было сохранить любой ценой, и единственный способ сделать это - убедиться в этом путем наложения ареста. Важность, придаваемая этому Священной Канцелярией, видна по деталям, которые составляют столь заметную часть Инструкций. Это правда, что каноническое право строго запрещало наложение ареста на имущество до вынесения должным образом обвинительного приговора, но это было сформулировано в то время, когда светские владыки наслаждались конфискациями, и было проигнорировано, когда они пошли на пользу тем, кто их вынес. [1450]

Альгуазиль, исполнявший ордер на арест, сопровождался *notario de secrestos*, или нотариусом секвестраций, который немедленно наложил арест на все видимое имущество и составил подробную опись. Затем он передавался в руки *секвестратора* или *депозитария*, который держал его до вынесения решения по делу, когда, в случае вынесения решения о конфискации, он передавал его получателю; в противном случае он возвращался или то, что от него осталось, владельцу.

Согласно самым ранним инструкциям, получатель и его переписчик сопровождали нотариуса секвестра, и были сделаны две копии описи. Последовало много противоречивых законодательных актов, направленных на поиск средств для предотвращения присвоения получателем части конфискованных активов, но проблема была постоянной, и в протоколах допросов, составленных для инспекторов во время их посещений, был один, который требовал от всех должностных лиц заявить, забрал ли получатель какое-либо конфискованное имущество, прежде чем будет установлен случай с владельцем. [1451]

ИНВЕНТАРЬ

Нарушения продолжались, и в 1633 году интересам обвиняемого было уделено некоторое внимание в соответствии с правилом, согласно которому назначенный им представитель должен присутствовать вместе с получателем и нотариусом при наложении ареста на

имущество и составлении описи. В 1635 году за этим последовало требование от старшего инквизитора незамедлительно сообщать Верховной власти все подробности относительно вида и количества конфискованного имущества, а также о том, имел ли место какой—либо сговор или утаивание товаров - предписание, частое повторение которого показывает сложность его исполнения. [1452] Наконец, в 1654 году Филипп IV собрал хунту для разработки правил, с помощью которых при аресте фермеров, получающих доход, могли быть защищены интересы королевского fisc, всех кредиторов и владельца, если его оправдают. Они предусматривали, что первой обязанностью при аресте является обыск заключенного на предмет документов и ключей. Затем ему было сказано назвать представителя, который будет присутствовать при аресте и описи имущества. Если час подходил, это делалось немедленно, в противном случае это откладывалось на следующий день, тем временем на все вешались замки и выставлялся один или два охранника. Опись была составлена в мельчайших деталях, от комнаты к комнате, с указанием содержимого всех столов, сундуков, ларя и других емкостей. Затем ключи были переданы выбранному депозитарию, который получил расписку в получении имущества и стал нести за него ответственность. Затем немедленно последовала *аудиенция гасиенды*, на которой заключенного заставили дать отчет обо всем его имуществе. Если среди изъятых вещей были вещи, требующие продажи, или если это было необходимо для обеспечения питания заключенного, они продавались на аукционе после оценки, произведенной в присутствии его представителя. [1453]

Поскольку инвентаризация была основой всех дальнейших разбирательств, с самого раннего периода были изданы жесткие инструкции о том, что она должна быть полной до мельчайших деталей. Каждая бумага, найденная у заключенного, подлежала перечислению; в 1607 году Верховный суд пожаловался на небрежность в этом отношении и распорядился, чтобы в будущем описывалась не только каждая бумага, но также ее характер и содержание. [1454] Такие перечни, с которыми я имел возможность ознакомиться, показывают трудоемкость выполнения этих инструкций. В случае, например, Маргариты Альтамира в 1681 году список занимает четыре страницы, исписанные мелким почерком, и состоит из таких записей, как “старые ножницы”, “поношенное махровое полотенце”, “старая метла”, “старый глиняный горшок” и т.д. Она была женой сельскохозяйственного рабочего, очевидно, разлученная со своим мужем и не имевшая ничего, кроме своего небольшого домашнего убранства и одежды. [1455] Служебное рвение иногда превосходит благоразумие, серьезно затрагивая интересы других, как, например, в 1597 году Верховный суд был вынужден издать инструкции о том, что при аресте капитанов-еретиков в морских портах конфискации подлежат только их собственные вещи, а не корабли и грузы. [1456] Было неизбежно, что имущество третьих лиц, находящееся в руках обвиняемого, должно быть включено в сферу ареста, и, как мы видели, с самого начала были отданы распоряжения о том, что такие товары должны быть возвращены, как только владельцы докажут свои права. Такие случаи происходили постоянно, причиняя большой ущерб или неудобства, и сопровождались раздражающими задержками. Дочери Брианды Ройз, примирившиеся с конфискацией, предъявили 19 марта 1530 года иск на около семидесяти предметов домашней обстановки, которые были переданы им только 7 июля 1531 года. В список входила пара цыплят, которые, несомненно, задолго до этого исчезли в олле. [1457] Случай Маргариты Альтамира дает несколько причудливых иллюстраций неприятностей, причиняемых тем, кто случайно имел дело с обвиняемой. Она была арестована в ноябре 1681 года, а 8 апреля 1682 года священник Франсиско Хуан Санс представил петицию, в которой говорилось, что среди конфискованного имущества было много рубашек и нижнего белья,

список которых он предоставил — Маргарита, по-видимому, была его прачкой. Документ был одобрен к отправке, а его подтверждение должно быть получено в надлежащее время. Подходящее время приближалось медленно, поскольку в августе добрый падре снова подал прошение о своих рубашках, но вернул ли он их в конце концов, документы не показывают. Год спустя, 3 августа 1683 года, Маргарита Батлле подала заявку на колыбель, которую, по ее словам, она одолжила Альтамире. Дело было передано получателю, который сообщил, что в ходе конфискации была изъята старая колыбель, за которую в случае продажи можно было бы выручить два или три реала. Затем, 25 августа, инквизиторы решили, что, поскольку она не представляла такой большой ценности, ее можно передать ей, если она подтвердит право собственности под присягой, и 6 октября она была должным образом приведена к присяге и осмотрена; она описала колыбель, сказала, у кого она была куплена по цене двух реалов, объяснила, почему она одолжила ее и почему она не вернула ее до ареста Альтамиры, после чего было приказано вернуть ее ей. [1458] Очевидно, что не было никакой спешки в удовлетворении потребностей тех, кто попал в полосу секвестра.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЕЙ

Это был очень правильный кардинальный принцип, который часто повторялся, что конфискованная собственность священна и не должна быть растрочена, какой бы большой ни была необходимость. [1459] Однако было легче провозгласить такое самоотверженное постановление, чем соблюдать его в учреждении, практически защищенном от надзора. Фердинанд подал пример, продав или предоставив в качестве милости многочисленные дома в Перпиньяне, покинутые беглецами еще до того, как в Руссильоне начала действовать инквизиция, и он без колебаний принял на себя ответственность за осуждение владельцев до того, как началось их судебное преследование. [1460] Мы видели, как в 1644 году Верховный суд признался Филиппу IV, что для удовлетворения его потребностей он продал конфискованную собственность, за которую требовали владельцы, которые были оправданы. [1461] Фактически, использование такого имущества стало привычным для того, чтобы к концу столетия мы обнаружили официального *депозитария* Верховного суда, отвечающего за наложение секвестра, который привык покрывать из имеющихся у него средств расходы мадридского трибунала, при условии, конечно, возмещения. В ходе одной из подобных сделок аванс, внесенный 3 июля 1680 года, не был возвращен до 17 ноября 1681 года. [1462] Таким образом, трибунал подвергался риску того, что на его решения могло повлиять состояние его счета в депозитарии.

Поначалу могло показаться, что семье заключенного, чье имущество было таким внезапным образом конфисковано, ничего не было предусмотрено. Они были брошены на произвол судьбы и лишены средств к существованию, несмотря на то, что решение о конфискации могло и не быть принято. В ранних Инструкциях нет договоренности об их поддержке во время судебного разбирательства, и любые исключения из этого правила были делом чести, как, например, когда Фердинанд 11 июля 1486 года написал управляющему Сарагосы, что, поскольку земли и личная жизнь Хуана Наварро были конфискованы, поскольку у его детей не было другой поддержки, и поскольку один из них оказал ему хорошую услугу, вся арендная плата и прибыль от поместья должны быть выплачены им во время рассмотрения дела. [1463] Общая гуманность требовала, чтобы некоторое внимание уделялось нуждам невинных и беспомощных, пока конфискация была еще неопределенной, и со временем эта строгость была смягчена, хотя нельзя с уверенностью сказать, когда это началось. Самый ранний намек на это,

который я встречал, встречается в мемориале Льерены 1506 года, в котором, осуждая жестокость изгнания семьи ночью на улицу, признается, что им была выплачена некоторая компенсация за счет секвестров. Однако он жалуется, что этой суммы было катастрофически недостаточно и выплачивалась она настолько нерегулярно, что иногда проходили месяцы, а мы ничего не получали. В одном случае две маленькие дочери богатого заключенного умерли от голода, а их старшие сестры по ночам попрошайничали. Женщине, оставшейся таким образом с десятью душами на иждивении, разрешалось двадцать пять мараведи в день, когда требовалось двести пятьдесят, и даже из этих грошей она ничего не получала в течение трех месяцев. [1464]

Этот вопрос требовал регламентации, и время от времени издавались различные инструкции по проведению экспериментов. Обеспечить абсолютную аранжировку было нелегко, и в период с 1538 по 1558 год ряд высказываний показывают трудность достижения удовлетворительного результата. Общие черты этих мер заключаются в том, что инквизиторы должны консультироваться с получателем и нотариусом секвестра и назначать пособие, пропорциональное размеру имущества и положению получателей, при этом следует учитывать способность отдельных лиц зарабатывать на жизнь, при условии, что это не унижает их ранг. [1465] В Инструкциях 1561 года была окончательно достигнута определенная политика, которая оставалась стандартом. Они предусматривают, что, если жена или дети заключенного обращаются за поддержкой, с ним следует проконсультироваться и, если он того пожелает, им должно быть выплачено пособие из средств к существованию пропорционально их положению, но если есть люди трудоспособного возраста, они должны обеспечивать себя сами. Это было вопросом милосердия, а не права, поскольку последующее постановление ограничивает субсидию ограниченным сроком, поскольку судебное разбирательство может затянуться и может оказаться целесообразным прекратить выплаты. В 1567 году было добавлено, что можно выдавать обычную одежду и постельные принадлежности, но каждый предмет должен быть указан отдельно, поскольку депозитарии были склонны быть слишком либеральными, если их не ограничивать. [1466] Таким образом, установившимся принципом стало то, что о семье заключенного следует заботиться из-за ареста ее главы, если у него есть имущество, и в печатной форме ордера на арест 1696 года это указано как цель передачи его в руки депозитария, выбранного заключенным. [1467]

СЕКРЕТАРША

Признавая гуманность этих положений, можно усомниться в том, насколько они облегчали тяготы иждивенцев, особенно в более поздний период, когда медлительные методы инквизиции чрезмерно затягивали судебные процессы. Если только поместье не было необычайно большим, оно было склонно к быстрому расходованию за счет расточительных методов и накопления расходов. Как мы увидим далее, если только обвиняемый не был без гроша в кармане, расходы на его содержание в тюрьме были первым залогом на его арестованное имущество, а если свободных денег не было, его имущество продавалось с аукциона, чтобы пополнить его. Строгость правила оплаты всех расходов за счет наложенного ареста проиллюстрирована на примере двух детей Антонио Энрикеса Барриоса, содержащихся вместе со своим отцом в тюрьме Мадридского трибунала. Когда они были выписаны, 1423 реала - стоимость их одежды и продуктов питания - были взысканы из конфискованного имущества их

отца, судебный процесс над которым был незакончен. [1468] Можно предположить, что при такой системе, когда обвиняемый бежал без конфискации, ему возвращалась только часть его имущества, тем более что он должен был принять на счет депозитария все, что трибунал приказал выплатить из суммы ареста, и довольствоваться остатком, в то время как все, что он мог задолжать за содержание в тюрьме, должно было быть выплачено до вынесения постановления снять эмбарго. В этом отношении приостановление рассмотрения дела было равносильно оправдательному приговору и давало ему право возобновить владение тем, что осталось от его собственности. [1469]

Конечно, ничто не могло компенсировать человеку, занятому торговлей, то, что он таким образом на долгие годы запер все свои деловые заботы. Для такого человека арест с наложением ареста на имущество означал разорение, как бы ясно ни была доказана его невиновность после длительного разбирательства в трибунале. Любопытная опись захваченной таким образом типографии свидетельствует о крахе предприятия и уничтожении средств к существованию. Один из лотов - "сто двадцать пачек третьего тома Родригеса, книга, находящаяся в настоящее время в продаже", что наводит на мысль об убытках, нанесенных без возмещения другим заинтересованным сторонам, как автору, так и издателю, а также о жертвах, понесенных в результате принудительной продажи таких материалов с аукциона. [1470]

В более ранний период должность секретаря или депозитария, по-видимому, считалась желательной, и это, безусловно, открывало возможности для нечестных людей. То, что они иногда совершенствовались, видно из случая, произошедшего в 1510 году с Фернандо де Меса, хурадо из Кордовы, который был секретарем поместья некоего Селамина. К тому времени, когда последний был осужден, Меса умер, и конфискованное имущество так и не было получено. Он пристроил четырех дочерей монахинями в монастырь Санта-Инес, и их доля в убытке составила тридцать тысяч мараведи, но монастырь сослался на неспособность заплатить из-за бедности, и Фердинанд любезно простил ему долг. [1471]

Однако, честно говоря, этот офис был нежелателен во всех отношениях. Это требовало труда, беспокойства и ответственности без оплаты, но, после отбора и утверждения, назначенец был обязан служить под страхом отлучения от церкви и штрафа в размере десяти или двадцати тысяч мараведи. Было рекомендовано, чтобы он, по возможности, не был родственником заключенного или собеседником и всегда имел хорошую репутацию и положение в обществе. [1472] Если обвиняемый был домовладельцем, дом запирался, а ключи передавались депозитарию; в противном случае ему оплачивались расходы по хранению; он был обязан подписать бумагу, согласно которой подвергался наказаниям, наложенным на него альгуазилем, и передавал свою личность и имущество в залог для устранения любых недостатков, возникших по ошибке или небрежности, за что он отказался от своего фуэро и полностью подчинился закону. Инквизиция. [1473] Затруднения и невзгоды, которым он подвергался, иллюстрируются затруднениями и невзгодами Жауме Таксеса, который служил депозитарием в деле Маргариты Альтамира. 26 апреля 1682 года он подал апелляцию инквизиторам, утверждая, что при наложении ареста ему был выдан ключ от дома, но теперь он обязан передать его владельцу и обеспечить безопасное хранение вещей; у него нет для них места в его собственном доме, и он просит передать их кому-нибудь другому. На это не было

обращено никакого внимания, и 14 мая владелец дома, священник по имени Франсиско Канудес, выступил с жалобой; 26 марта он получил заказ на ключ, но Налоговики отказываются отдать его, поэтому он желает, чтобы его заставили это сделать и выплатили ему арендную плату за шесть месяцев. [1474] Документы не сообщают нам, каким было решение проблемы, которую трибунал таким образом создал, но это дело иллюстрирует, каким образом инквизиция имела обыкновение обращаться за безвозмездными услугами и мало обращать внимания на удобство или интересы тех, на кого она налагала обременительные обязанности.

ОГРАНИЧЕНИЯ

Существовали некоторые ограничения на силу секвестрации. Оно ограничивалось имуществом, находившимся во владении обвиняемого; все, чем он владел и что находилось в руках третьих лиц, не могло быть конфисковано и должно было ожидать приговора о конфискации, прежде чем на это можно было наложить арест. [1475] Применение этого принципа привело к несколько примечательному правилу, согласно которому при судебном преследовании умерших не может быть наложен арест, какими бы убедительными ни были доказательства вины, поскольку имущество преступника перешло в руки третьих лиц. Еще в 1537 году это было предписано Верховной властью в письме трибуналу Барселоны, и это было воплощено в Инstrukциях 1561 года. [1476]

Более важное ограничение ограничивало секвестр арестом по обвинению в официальной ереси, и от фискала требовалось в его *clamora* указать, просил ли он об этом, хотя еще в 1575 году Suprema был обязан уведомить трибунал Валенсии о том, что ересь является предварительным условием секвестра. [1477] Определение ереси, однако, было несколько эластичным и когда в 1573 году были предприняты решительные усилия по искоренению распространенного мнения о том, что блуд между неженатыми не является смертным грехом, было приказано преследовать как ересь с конфискацией имущества. [1478] Когда речь шла о формальной ереси, должен был быть объявлен секвестр, независимо от того, было ли у обвиняемого имущество или нет, и в 1665 году Верховный суд упрекнул трибунал Барселоны за то, что он не включил его в дело о галерном рабе. [1479]

Инквизиция, в конце концов, забеспокоилась из-за ограничения секвестра официальной ересью, поскольку по мере того, как еретиков становилось все меньше, она освобождала от ответственности значительную часть дел, которыми в настоящее время занимаются суды, включая богохульство, колдовство, двоеженство, домогательства, браки священнослужителей, скандальные, дерзкие или дурно звучащие утверждения, владение запрещенными книгами и, фактически, как нам сказали, все преступления, которые по закону не влекут конфискации. [1480] В этих случаях ордер на арест в шестнадцатом веке предписывал альгуазилям принять меры к тому, чтобы заключенный мог оставить свое имущество в руках любого, кого он выберет, для использования на содержание себя и своей семьи, и должна была быть составлена опись для предотвращения незаконного присвоения. [1481] Со временем инквизиция переросла это уважение к невинным страдальцам, которое свелось к тому, что она делилась с ними тем, что могло исчезнуть в ходе затяжных судебных процессов. Чтобы исправить это и, насколько представляется, без каких-либо юридических оснований, был придуман способ заменить слово "секвестр" эвфемистическим термином "эмбарго" и предписать наложить эмбарго на имущество всех заключенных, не подлежащих конфискации. Эти слова имели одно и то же значение и в прежние времена использовались как идентичные, часто в сочетании как

“эмбарго и секретность” — простой плеоназм юридической фразеологии, контекст которого показывает, что имелся в виду арест. [1482] Небольшая разница заключалась в том, что в эмбарго заключенный выбирал депозитария, который должен был хранить имущество и оплачивать из него расходы на его содержание в тюрьме во время судебного разбирательства. [1483] Таким образом, наложение ареста под непрочной маской, называющей это эмбарго, стало само собой разумеющимся при всех арестах, и налоговому ведомству было поручено, когда каликация была официальной ересью, просить наложить арест, в других случаях - наложить эмбарго, а когда виновниками были хрупкие люди, наложить арест на их имущество и документы. Это было настолько общепринятым, что в 1665 году Верховный суд потребовал от трибунала Барселоны представить основания для отказа в наложении ареста на имущество в любом случае ареста за незначительные правонарушения. [1484] Так продолжалось до конца. В 1815 году мы находим многочисленные случаи эмбарго при арестах по обвинению в двоеженстве, домогательствах, непочтительности, предложениях и тому подобном, в то время как на доминиканского брата Томаса Гарсиа за совершение мессы без приказа священников наложили эмбарго на его деятельность. [1485]

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ СЛУЧАЙ

В этом незаконном продлении секвестра есть что-то особенно бессердечное. Когда инкриминируемое преступление предполагало конфискацию, существовало какое-то оправдание для того, чтобы убедиться, что имущество не будет утаено или растрчено, но в незначительных случаях подвергать преступника и его семью лишениям и, возможно, разорению, вызванным конфискацией его имущества и удержанием его во время неспешного судебного разбирательства, просто для того, чтобы обеспечить трибуналу возмещение его содержания в тюрьме, показывает, насколько жестокой стала Святая Канцелярия к человеческим страданиям и как ее эгоистичная жадность заглушила все побуждения человечества.

Практическую иллюстрацию процесса ареста и конфискации имущества дает случай Аны де Торрес, двадцатидвухлетней женщины, недавно вышедшей замуж за Гаспара Агустина, кондитера из Сьюдад-Реаля. Против нее были собраны свидетельства иудаизма, и 9 мая 1680 года трибунал Толедо приказал своему знакомому, дону Альваро Муньосу де Фигероа, рыцарю Сантьяго, арестовать ее, наложить арест на ее имущество и отправить в Толедо с постелью, одеждой и 100 дукатами. 17 мая Муньос сообщил, что, узнав ее адрес, он отправился к ней домой в девять часов вечера вместе с нотариусом, знакомыми и слугами, увез ее к себе, выставив мужа и приставив двух охранников, чтобы арест мог быть произведен на следующий день. Судя по тому, что он мог видеть, все содержимое дома не стоило и 100 дукатов, и ему сказали, что они принадлежали мужу, поскольку она приехала в Сьюдад-Реаль в сентябре ни с чем, кроме своей персоны. Более того, она уже пять или шесть месяцев была беременна. Он попросил инструкций, которые были даны с явным пренебрежением к правам мужа, поскольку ему было приказано произвести арест и отправить ее с постелью, одеждой и всем, что он сможет достать для ее вещей. 24 мая он сообщил, что отправил ее в путешествие с 400 реалами (около 36 дукатов) - это было все, что он выручил от продажи вещей. Сменявшиеся друг за другом знакомые носили ее бесплатно, и на следующий день получатель из Толедо подтвердил получение 400 реалов для оплаты ее еды. Затем, 6 июля, алькайда сообщила, что страдает от

воспаления горла, которое в ее состоянии грозит серьезными осложнениями. Был вызван *врач*, который прописал кровотечение, полоскания и удаление из тюрьмы спертых воздуха. Ее доставили в дом алькаиды, где ей должным образом пустили кровь, и 18 июля она достаточно оправилась, чтобы попросить аудиенции. В свое время, 13 сентября, алькаид сообщил о ее родах и о том, что он предоставил акушерку, когда ему было приказано позаботиться о том, чтобы у нее было все необходимое для выздоровления и комфорта. 29 сентября ребенок был крещен, и мать доставили обратно в тюрьму, где ее поместили в камеру с двумя другими женщинами, а в октябре были выписаны ордера на 146 реалов для оплаты одежды и пеленок младенца и на 14 реалов в часовню собора для его крещения. [1486]

Спасительные черты этих последних деталей дают желанное облегчение низменному рвению инквизиции ухватиться за все, что находится в пределах ее досягаемости, чтобы избежать издержек преследования, независимо от страданий, которые оно причиняет. В данном случае мы ничего не узнаем о муже, предположительно невиновном, которого таким образом выгнали из дома и лишили мебели. Это не касалось Святой Канцелярии.

ГЛАВА IV.

ТАЙНАЯ ТЮРЬМА.

THE *Карселес секретас*, или секретная тюрьма, была официальным обозначением места заключения во время суда над обвиняемыми в ереси. Она являлась частью здания инквизиции, так что заключенный мог в любой момент быть приведен в зал для аудиенций, не выставляясь на всеобщее обозрение — такой случай, как у Каррансы, когда заключение проходило в другом месте и инквизиторы отправились туда, был совершенно исключительным. Секретная тюрьма предназначалась исключительно для содержания под стражей, *каса де пенененсия*, или карательная тюрьма, была совершенно иной, и контраст между ними — мягкость тюремного заключения в качестве наказания виновных и его строгость по отношению к тем, чья вина еще не была установлена, — не последняя из аномалий Святой Канцелярии.

Как общее правило, можно сказать, что тюремное заключение следовало за арестом и что освобождение под залог было исключительной услугой в первое время, а впоследствии практически отменено. В 1530 году у нас есть пример в деле Антонио де Парехо, священника, чьи преступления не были квалифицированы как формальная ересь, который был освобожден трибуналом Толедо из секретной тюрьмы и передан городу в качестве тюрьмы под залог в 100 000 мараведи, предоставленный его братом Вискайно, который отрекся от своего фуэро; Более того, Парехо дал торжественную клятву не покидать Толедо ни своими ногами, ни ногами других, и что некий Матео Перес всегда может сказать, где его найти. [1487] Различные постановления 1535 и 1537 годов допускают освобождение под залог в случаях, когда аресты производились на основании слабых улик, но в 1560 году Вальдес приказал не делать исключений, когда обвинение касалось ереси. [1488]

С теми, кто содержался по менее серьезным обвинениям, обращались менее строго. Юрисдикция инквизиции распространялась на широкий круг преступлений, более или менее тривиальных, и трибуналы не заботились о том, чтобы быть обремененными расходами на заключенных, которые вряд ли искали спасения в бегстве или предупреждали своих сообщников. Для них существовали различные степени заключения в соответствии с

практикой, известной как *aplacería*, когда город использовался в качестве тюрьмы, или дома преступника, или менее строгой тюрьмы для должностных лиц, находящихся под судом, известной как *карсель-де-фамильярес*. Так, примерно в 1640 году один писатель говорит, что в случаях богохульства обвиняемому может быть назначен город в качестве тюрьмы или, если преступление было особенно бесстыдным и скандальным и повторялось неоднократно, может быть уместно заключить его на карсель-де-фамильярес или, если ожидается бегство, даже в секретную тюрьму, хотя сейчас такая строгость не практикуется. Он добавляет, что, когда астрологи спонтанно выдают себя, их бросают не в тайную тюрьму, а на карсель-де-фамильярес, или им выделяют собственные дома или город в качестве тюрьмы. [1489] Монахов часто, если обвинения не были особо тяжкими, направляли для содержания под стражей в монастырь их Ордена в соответствии с общей политикой защиты чести Церкви. Когда тюрьмы трибуналов были переполнены, монастыри также иногда использовались в качестве вспомогательных тюрем, поскольку в них были оборудованы камеры для содержания под стражей.

МЕНЕЕ СУРОВО, ЧЕМ В ДРУГИХ ТЮРЬМАХ

В некоторых судах мы также слышим о *карселес медиас*, *карселес комунес* и *карселес публикас* за преступления, не связанные с вероисповеданием. Они, по-видимому, похожи на *карсель-де-фамильярес*, и во всех них заключение проводилось так, чтобы не нанести несмываемого пятна секретной тюрьмы. Как правило, заключенный в них не был лишен общения со своими друзьями, хотя он мог быть заключен под стражу за *общение*. Фактически, все дело оставалось на усмотрение трибунала. Мы видели, как в страстных конфликтах юрисдикции инквизиторы иногда мстили своим противникам, подвергая их позору заключения в тайную тюрьму. Так, с другой стороны, обвиняемых в ереси, когда доказательства казались слабыми, иногда помещали в *карселесские СМИ*, а затем, по мере продвижения процесса и появления все более компрометирующих улик, переводили в секретную тюрьму. Так, в 1678 году Анхела Перес, которую судил за иудаизм трибунал Толедо, 22 июня была переведена из *сми* в *secretas*; то же самое произошло в Вальядолиде в 1697 году по нескольким делам об иудаизме, и уже в 1818 году есть пример в Севилье, где Ана Мария Барберо, судимая за суеверия и богохульства, была аналогичным образом перенесена, когда дело дошло до стадии официального обвинения. [1490]

Сочувствуя тяготам тайной тюрьмы, нельзя упускать из виду ужасы тюрем того периода, и при сравнении мы увидим, что тюрьмы инквизиции были менее мерзкими, чем тюрьмы других юрисдикций. Это правда, что древние законы Кастилии провозглашали, что тюрьмы предназначены не для наказания, а для содержания под стражей в ожидании суда, и что Фердинанд и Изабелла в 1489 году приказали судьям проводить еженедельные проверки, которые должны были выслушивать все жалобы заключенных, и это положение повторил Карл V в 1525 году. [1491] Тем не менее, петиция мадридского суда в 1534 году показывает, насколько мало внимания уделялось этим просвещенным актам, и о состоянии тюрем можно судить по тому, что было в Валенсии, где около 1630 года содержался Педро Бонет, секретарь инквизиции, в то время как над ним велась судебная тяжба, и когда он был передан трибуналу, он был арестован. был в таком состоянии, что умер в течение трех дней. [1492] Несомненно, инквизиция считала свою тайную тюрьму более гуманной, чем королевская тюрьма, даже в

наше время, поскольку в 1816 году, когда дон Агустин Пирала предстал перед судом обеих юрисдикций за определенные нерелигиозные и “антиполитические” утверждения, мадридский трибунал, добиваясь его перевода в свои камеры, утверждал, что это должно было избавить его от неизбежных тягот королевской тюрьмы, в которой он содержался. [1493]

Это вполне может быть правдой, поскольку тайная тюрьма имела репутацию менее суровой, чем тюрьмы духовной юрисдикции. В 1629 году брат Диего де Медина, когда предстал перед трибуналом Вальядолида за высказывание некоторых радикальных ересей, объяснил, что в своем монастыре Виктория его держали в колодках монастырской тюрьмы, и он высказывал еретические утверждения, чтобы быть переведенным на более мягкое обращение инквизиции, после чего он был уволен с выговором. Мы могли бы рассматривать это как единичный случай, если бы не аналогичный случай около 1675 года, когда священнослужитель, заключенный в епископальную тюрьму, притворился иудаистом с целью передачи инквизиции. В этом случае трибунал вынес ему обвинительный приговор и передал его на попечение своего епископа. [1494]

Независимо от того, были ли секретные тюрьмы лучше или хуже королевских и церковных тюрем, они были мрачными и нездоровыми местами заключения. Конечно, как структуры они сильно различались. Немногие здания инквизиции, если вообще какие-либо, были построены для ее использования. В Сарагосе был занят королевский замок Альхаферия, в Барселоне - королевский дворец, в Валенсии - архиепископский дворец, в Севилье - замок Триана, в Кордове - Алькасар, и в других местах были захвачены те здания, которые казались подходящими. В тех, которые служили замками, уже были оборудованы подземелья; в других были построены камеры. В сложившихся обстоятельствах не могло быть общего плана и общего стандарта удобства или полезности для здоровья. Остается надеяться, что не многие из них были похожи на Палермо, где были огромные подземные пещеры, в которых инквизиторы строили камеры для своих заключенных, но, вероятно, не намного лучше была часть секретной тюрьмы Толедо, которую мы видели мельком в 1592 году. Мари Родригес, пролежавшая там девять месяцев с годовалым ребенком, попросила аудиенции и умоляла вывести ее из камеры, потому что было совершенно темно, и она и ее товарищи сильно страдали и были больны, на что инквизитор холодно ответил, что все, что ей нужно, - это очистить свою совесть и спасти свою душу, а в остальном она должна добиться справедливости. [1495]

То, что тюрьмы должны быть антисанитарными, было само собой разумеющимся в то время, и уровень смертности, должно быть, был большим, особенно во время эпидемий, которые постоянно повторяются в анналах того времени. Статистические данные, конечно, недоступны, но в отчетах часто упоминается смерть заключенных во время судебных процессов. В Вальядолиде отчет 1630 года для Верховного суда включает имена двенадцати умерших заключенных с указанием текущего состояния их дел, а во время великого мадридского аутодафе 1680 года все умершие, чьи чучела были сожжены, в количестве восьми человек, умерли в тюрьмах. [1496]

ВНУШЕННЫЙ УЖАС

Заключение в тайной тюрьме считалось одним из самых серьезных несчастий, которые могли выпасть на долю человека, из-за несмываемого пятна, которое оно наносило ему и его потомкам. В "Великом совете" 1696 года красноречиво говорится об ужасе, внушаемом таким заключением, и несправедливости подвергания ему по прихоти инквизитора тех, чьи преступления не имели никакого отношения к вере. В подтверждение этого приводится случай с женщиной из Севильи в 1682 году, которая перекинулась парой слов с женой секретаря трибунала; альгвасил был послан арестовать ее, и в своем безумном желании избежать тюремного заключения она выбросилась из окна верхнего этажа и сломала обе ноги. Консультанта добавляет, что тех, кто был виновен только в оскорблении фамильяра, нередко бросали в самые глубокие подземелья секретных тюрем. [1497] Вызванный таким образом террор был оценен как одна из самых эффективных сил, которыми обладала инквизиция. Когда в 1622 году Григорий XV предоставил епископам параллельную юрисдикцию в отношении преступления вымогательства, увещевания, адресованные ему из Испании, представляли этот страх как сдерживающий фактор, гораздо более мощный, чем все, что могли применить епископы. В королевских инструкциях герцогу Альбуркерке, тогдашнему послу в Риме, утверждается, что страх перед позором, навлекаемым тюрьмами инквизиции, сдерживает самых закоренелых преступников. [1498] Властью, подобной этой, постоянно злоупотребляли, даже после того, как Верховный суд лишил суды инициативы, и, когда в 1798 году к этому было привлечено внимание Карлоса IV, в связи с делом Рамона де Саласа, профессора из Саламанки, он предложил потребовать специального королевского разрешения перед отправкой в секретную тюрьму, но Льоренте говорит нам, что придворные интриги помешали введению в действие закона. эта благотворная реформа. [1499]

Жестокость, при которой всех заключенных держали в цепях, не была характерна для инквизиции, поскольку мы видели, что это было обычной практикой в светских тюрьмах. Итальянец, посетивший Мадрид в 1592 году, описывает три тамошние тюрьмы: придворную, городскую и священнической, и говорит, что все заключенные, какими бы незначительными ни были их проступки, были закованы в кандалы. Очевидно, это было для него в новинку, и он пытался объяснить это ненадежностью зданий. [1500] Ни в одной из Инструкций цепи не упоминаются, но случайный намек на Пабло Гарсиа показывает, что их использование предполагалось как нечто само собой разумеющееся, и это иногда проявляется в судебных процессах, например, когда в 1565 году Пьер де Бонневиль попросил снять их, чтобы дать ему возможность сменить панталоны, а в 1647 году Алонсо Веласкес, который сбежал и был пойман, описывает как он избавился от них. [1501]

Хотя, таким образом, инквизицию нельзя обвинять в особой жестокости за то, что она следовала всеобщему обычаю, у нее были свои собственные методы причинения невыносимых лишений в особых случаях. Когда еретик оказывался нераскаившимся, к нему применяли *мордаза*, или кляп. Какова была точная форма этого орудия пытки, сказать невозможно, но упоминания о нем показывают, что оно рассматривалось как тяжкое телесное повреждение. Ношение такого одеяния в тюрьме было не просто мерой предосторожности против распространения заключенным своей ереси, поскольку приказ Верховного Главнокомандующего предписывает, чтобы никому не разрешалось разговаривать с ним, кроме духовника, присланного к нему в ночь перед казнью, хотя даже тогда мордаза не должна была сниматься. [1502] Существовало еще одно устройство чистой жестокости — *амиго* —

железная вилка или промежность, прикрепляемая к подбородку и закрепляемая лентой вокруг шеи или талии, чтобы держать голову поднятой и жестко зафиксированной. Обычно это применялось к преступникам, которых бичевали по улицам или выставляли напоказ в *вергуэнце*, но иногда это использовалось для усиления страданий заключенных, либо из-за простой злонамеренности, либо для того, чтобы побудить к признанию вины. Когда знаменитый врач Агустин Касалья был сожжен в Вальядолиде в 1559 году, посланцы трибунала, отправленные к нему за день до аутодафе, нашли его в темной камере, закованного в цепи и одетого в амиго, хотя он добровольно признался, отрекся от своих показаний и молил о пощаде. [1503] В 1599 году по делу Жака Пинзона, французского кальвиниста, в Толедо, который устроил беспорядки в тюрьме, было применено пятьдесят ударов плетью и 20 апреля был назначен пье амиго. На аудиенции, предоставленной ему шесть месяцев спустя, 19 октября, он, по описанию, все еще носил его, а также две пары оков и, в данном случае, амиго, протянувшееся от шеи до правой руки. [1504]

ПОБЕГ

Несмотря на кандалы, побег из тайной тюрьмы ни в коем случае не был редкостью, но в конечном итоге он не часто оказывался успешным, поскольку организация инквизиции, как правило, позволяла ей поймать беглеца. Немедленно было распространено описание преступника с предписанием гражданским властям призвать всех на помощь, а приближенным и комиссарам прочесать дороги под страхом отлучения от церкви и выплаты пятисот дукатов. [1505] Таким образом, армия быстро переходила в наступление, каждый подозрительный незнакомец подвергался тщательному досмотру, и беглеца обычно вскоре арестовывали и возвращали. В юриспруденции того периода побег из тюрьмы считался признанием вины, и некоторые авторитеты считали, что это применимо к заключенным инквизиции, но Симанкас и Рохас сходятся во мнении, что это чрезмерная суровость. Если беглеца ловили, обычной практикой было нанести ему одну или двести ударов плетью; суд над ним возобновлялся и доводился до конца. Если его не поймали, против него было возбуждено уголовное дело за неповиновение *заочно*. [1506] Многочисленные случаи подтверждают точность этого, хотя, когда виновником был человек с состоянием здоровья, бичевание заменялось более строгим заключением и ужесточением приговора. [1507] Для тех, кто избежал поимки, судебное преследование за неповиновение имело только один конец — отсутствующий считался признавшимся в содеянном и нераскаявшимся еретиком, годным только на костер. Так, в 1586 году француз Жану де Салинсу, находившемуся под судом за лютеранство в Валенсии, удалось совершить побег вместе с несколькими другими заключенными. Он не был пойман; необходимые указы о вызове были изданы в установленном порядке, и, как упрямый еретик, он был сожжен в виде чучела 23 января 1590 года, хотя на момент его бегства его дело уже было рассмотрено на голосовании с незначительным приговором об отречении от престола *де леви* и шестимесячном уединении. [1508]

Самой жестокой чертой тюремной дисциплины инквизиции было жесткое отрицание любых контактов с внешним миром. В светских тюрьмах государство всегда имело право заключать в тюрьму *за грех сообщества*, когда были особые причины для такой строгости, но в секретных тюрьмах Святой Канцелярии это было универсальным правилом, соблюдавшимся с особой

тщательностью как неотъемлемая часть ее высоко ценимой секретности. Мы видели, что с момента ареста и до передачи тюремщику заключенному не разрешалось перекидываться ни словом ни с кем, кроме официальных лиц, и это продолжалось с той же строгостью, когда он находился в стенах тюрьмы, что касалось внешнего мира, для которого он был таким же единым целым, как и в могиле. Он ничего не мог узнать о тех, кто был ему дорог, и они не могли догадаться о его судьбе до тех пор, пока, возможно, по прошествии лет, он не появился в аутодафе как человек, обреченный на костер, или на галеры, или на вечное заключение. Было бы невозможно подсчитать сумму человеческих страданий, столь бессмысленно причиненных инквизицией за столетия ее существования, — страданий, единственным оправданием для которых было то, что общение с друзьями могло помочь в его защите. Согласно теории инквизиции, презумпция вины была настолько абсолютной, что были оправданы все меры, которые препятствовали бы мошеннической защите.

СЕГРЕГАЦИЯ

Поначалу эта строгость не соблюдалась. Инструкции 1488 года обращают внимание на зло, возникающее от общения с заключенными, и приказывают инквизиторам в будущем следить за тем, чтобы это не допускалось, за исключением допуска религиозных лиц для их духовного блага. [1509] Этому уделили мало внимания, поскольку Инструкции 1498 года предписывают альгвазилам и тюремщикам не разрешать въезд женам или родственникам, и все, что отправляется заключенным, должно проверяться, чтобы убедиться, что до них не дойдут письма или послания. Даже инквизиторам и другим должностным лицам было запрещено разговаривать с заключенными, кроме как в присутствии другого должностного лица. [1510] Эта строгость была смягчена по приказу Верховного суда в 1514 году при условии, что никто извне не должен разговаривать с заключенным, кроме как по специальному разрешению инквизитора, и то только в его присутствии или в присутствии нотариуса, а еще одной уступкой в 1536 году было то, что, если заключенный желал свидания со своей женой, инквизитор, если он считал нужным, мог поговорить с ней. мог бы дать разрешение. [1511] Однако вскоре эти незначительные уступки были отменены, и в 1546 году чиновникам напомнили, что могут быть допущены только те, которые разрешены Инструкциями, и любые нарушения будут строго наказаны. [1512] Тайные коммуникации было трудно предотвратить, и чиновникам так мало доверяли, что требовалось два замка на двери каждой камеры, чтобы алькаид или тюремщик не могли войти без своего помощника. [1513] Успех, с которым все это было приведено в исполнение, хвастливо упоминается в отчете судебного заседания Вальядолида от 21 мая 1559 г., где заявлено, что инквизиционный процесс был настолько секретным, что никто не знал, в чем заключался проступок заключенного, пока он не появился на эшафоте. [1514]

Растущее значение, придаваемое этому, проявляется в Инструкциях 1561 года, которые считают само собой разумеющимся, что любой доступ извне запрещен, и которые регулируют внутреннюю жизнь тюрьмы с той же целью. Обо всем, что приносили заключенному, будь то провизия или другие предметы, сообщалось инквизиторам, которые решали вопрос о его доставке; если разрешалось, оно тщательно проверялось, чтобы убедиться, что оно не передает никакого сообщения. Если обнаруживалось, что заключенные общались друг с другом, не жалели сил, чтобы выяснить, как это было сделано и что произошло между ними. Когда заключенных держали вместе, если их камеру меняли, их держали вместе, а не разбрасывали по другим камерам. Изоляция от мира сохранялась до конца; на аутодафе никому не разрешалось разговаривать с кающимися, кроме назначенных к ним исповедников, и те, кто

был сожжен, были отправлены на последний суд, не получив возможности узнать, какова судьба тех, кто был им дорог. Когда кающиеся покидали тюрьму после аутодафе, они подвергались *судебному разбирательству в карселесе*, в ходе которого их допрашивали под присягой относительно всего, что они видели или слышали, находясь в заключении, и под угрозой суровых наказаний приказали ничего не рассказывать о своем собственном опыте. [1515] Все это не было бессмысленной и хладнокровной жестокостью; это было просто безжалостное исполнение правила, которое было выше всех побуждений человечества.

Во исполнение этого правила были умножены и повторены мельчайшие предписания. Алькайда предупредила, чтобы он был особенно осторожен со своей женой и детьми, которым никогда не разрешалось видаться с заключенными; в камеры не допускался никто, кроме присяжного служителя, который подавал еду, а когда, как в некоторых трибуналах, ее подавали сырой для приготовления заключенными, ее не заворачивали в бумагу, а приносили в глиняных горшочках. При подаче пищи и уборке камер дверь одной камеры всегда должна была быть надежно заперта, прежде чем открывать другую; не разрешалось открывать окна, выходящие на камеры; в Мурсии водоносу, служившему инквизиции, не разрешалось выходить во двор, чтобы наполнить кувшины, но он мог делать это из окна, выходящего во двор, или иметь воду в комнате, где кувшины можно было наполнить. [1516] Никакая предосторожность не была слишком тщательной, никакая бдительность - слишком тщательной, когда высшая цель заключалась в изоляции заключенных от их друзей и друг от друга.

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Однако существовали способы ускользнуть от бдительности трибуналов, из которых наиболее частым был подкуп подчиненных. Даже алкаиды не были бесчувственны к подобным соблазнам, и писатель советует им принять предупреждение на примере тех, кто с честью вступает в должность и покидает ее с позором. [1517] Родственники и друзья заключенных часто были людьми со средствами, и не могло быть никаких колебаний в расходах, чтобы обойти жестокие правила, которые запрещали им и пленным что-либо знать о судьбе друг друга. Инквизиция ни в коей мере не была последовательна в своем обращении с теми, кто таким образом нарушал ее предписания. В 1635 году Мигель де Марадильо, каменщик, работавший на крыше тюрьмы Вальядолида, передал сообщение от одного заключенного другому, в котором сообщалось, что его жена и сын арестованы. В другой раз он сказал тому же заключенному, что его дочь освобождена из санбенито, и передал им бумагу от него. В этом им, по-видимому, двигало просто сострадание, и его наказание было легким — выговор, шестимесячное изгнание из Вальядолида и запрет в будущем работать в здании инквизиции. В 1655 году Франсиско Лопес Кападокия, судимый трибуналом Вальядолида, был подвергнут второму судебному преследованию за общение с другими заключенными и был приговорен только к выговору и ссылке. [1518], По-видимому, большая строгость была проявлена, когда виновными сторонами были сотрудники трибуналов. В 1591 году, когда дон Алонсо де Мендоса был заключен в тюрьму в Толедо по обвинению в ереси, его друзья за пределами города наладили переписку с помощью повара Франциски де Сааведра, которая передавала письма в посуде. Она призналась в получении взяток на сумму 8160 мараведи и была наказана штрафом в размере 6000, помимо ста ударов плетью и четырехлетнего изгнания. [1519] Еще более суровым было обращение примерно в 1650 году в Мексике с Эстебаном Доминго, негром-рабом, нанятым помощником в переполненной тюрьме инквизиции. Он был уличен в передаче за деньги

сообщений между заключенными и их друзьями, за что был приговорен к двумстам ударам плетью и шести годам каторги. [1520]

Ближе к концу своей карьеры Инквизиция, похоже, проявляет склонность несколько ослабить свою жесткость. В 1815 году мадридский трибунал передал Верховному суду ходатайство доньи Мануэлы Осорно о разрешении увидеться со своим мужем, доном Висенте Лемой, находившимся в то время в тюрьме. Ответ заключался в том, что после того, как он завершит свои заявления, ей, возможно, разрешат видеться с ним один или два раза в неделю в присутствии инквизитора, но только для обсуждения их домашних дел. К этой тенденции также можно отнести снисходительность, проявленную к Альфонсо Гонсалесу, цирюльнику трибунала Мурсии, который использовал свое положение, чтобы передавать письма и бумагу заключенному Франсиско Вильяескузе, и с которым инквизиция обошлась благожелательно, сделав выговор и лишив возможности занимать должности. [1521]

Необходимой чертой запрета общения было то, что заключенным запрещалось пользоваться письменными принадлежностями, за исключением случаев, когда они находились под строжайшим надзором. Некоторое использование их было неизбежно при составлении защиты или петиции в трибунал, в возможности которой никогда не отказывали, но от них требовалось обратиться к инквизиторам за бумагой с указанием количества требуемых листов, когда они были тщательно пронумерованы и проставлены рубрикацией секретарем в правом верхнем углу и должны были быть скрупулезно возвращены, чтобы не было возможности утаить что-либо для другой цели. Это устройство было предписано Верховной властью в 1534 году и оставалось неизменным правилом. [1522] Таким образом, когда брат Висенте Селлес в Валенсии на аудиенции 27 июня 1692 года попросил два листа бумаги, а 30 июня вернул полтора чистых, сказав, что то, что он написал на другой половине листа, было ложью, и он выбросил ее в грязь, его заставили принести ее, какой бы грязной она ни была. [1523] Ему выдавали любое количество, которое просил заключенный, и немного израсходованной бумаги по просьбе — действительно, брат Луис де Леон избавил от скуки и беспокойства своего четырехлетнего заключения в Вальядолиде, написав свое классическое религиозное произведение “Номбре Кристо”.

Хотя, как мы видели, были предприняты большие меры для предотвращения общения заключенных друг с другом, из этого никоим образом не следует, что заключение было одиночным. Как общее правило, считалось предпочтительным, чтобы заключенные-мужчины находились в одиночестве, а женщины - в компании, но жесткой линии придерживаться было нельзя, за исключением того, что сообщников и *негативистов* (тех, кто отрицал обвинение) не следовало помещать вместе. Таким образом, муж и жена всегда находились порознь, но, когда требовал случай, они без колебаний собирались вместе вчетвером или впятером, и в беспечной уверенности в общей беде это часто открывало ценный источник информации, поскольку, по-видимому, никогда не испытывали никаких угрызений совести, предавая эту уверенность в надежде снискать расположение трибунала, сообщая о компрометирующих высказываниях сокамерников. Цель разлучения тех, кто был сообщниками, состояла в том, чтобы не допустить, чтобы они поощряли друг друга к отрицанию и согласовывали общую линию защиты. Мужчины, которые были заперты в одиночестве, иногда просили компаньонку, а женщины делали это чаще. [1524]

ПРАВИЛА

Было невозможно, чтобы дисциплина была единообразной во все времена и в разных местах, и иногда мы находим ее чрезвычайно слабой. Это свидетельствует о большой раскованности, когда в 1546 году Верховный суд счел необходимым проявить осторожность, разрешая заключенным свободно навещать друг друга, и на суде над Изабель Рейнер в Толедо в 1570 году мы находим, что она заявила на аудиенции, что, проходя через тюрьму, она увидела товарища по заключению, который сообщил ей, что ее муж и Эстебан Карриер также были заключенными, и который спросил ее, почему она была заключена в тюрьму. [1525] На самом деле, как мы заключаем из случайных упоминаний в судебных процессах, должна была быть определенная свобода передвижения. В случае с Бенито Феррером в 1621 году в Толедо было проведено расследование относительно его вменяемости, в ходе которого алькаид рассказал о том, что он регулярно ходил к цистерне за водой и готовил себе еду, как и все остальные, в то время как помощник описал, что водил его в уборные по желанию. Из судебного процесса над Жаком Пинзоном в Гранаде в 1599 году мы узнаем, что утром алькаид приносил заключенным воду и возвращался после мессы с едой; упоминание о кастрюле для золы показывает, что у них был огонь, и мы слышим о кастрюлях, ложках и другой утвари. [1526] Очевидно, что в разных трибуналах существовали различные распорядки, и когда Вальдесу в 1562 году пришлось приказать, чтобы заключенные не ходили за своим пайком, потому что они встречались со слугами поставщика, и что алькаид должен был получать еду и относить ее в камеры, это доказывает, что, по крайней мере, в некоторых трибуналах существовала значительная свобода передвижения. [1527]

В 1662 году был опубликован подробный свод инструкций для алькаиды, который показывает нам, какими в то время были правила. Встав утром, он должен посетить все камеры и посмотреть, как там заключенные; он должен тщательно осмотреть отверстия, через которые они могут сообщаться друг с другом; двери должны быть тщательно закрыты, и он не должен оставлять заключенным ножи, веревки или ножницы — если ножницы понадобятся, он должен остаться, пока ими пользуются, и забрать их. Он не должен давать им книги для чтения без разрешения инквизиторов. Пайки выдаются два раза в неделю — по воскресеньям и четвергам, — и накануне днем он должен встретиться с каждым заключенным, выяснить, чего тот хочет, и занести это в книгу, чтобы поставщик мог предоставить это. Каждую ночь он должен осматривать камеры на случай попыток побега, ища под подушками предметы, которые помогли бы сбежать, или письменные принадлежности. Заключенные, способные готовить пищу, будут делать это в *бразеро*; для тех, кто не может, приготовлением пищи занимается лицо, назначенное трибуналом. [1528] Все это демонстрирует похвальное желание избежать ненужной суровости, однако правила предписывают одно затруднение, которое, по-видимому, было универсальным во все периоды после самого раннего — запрет на освещение, суровое наказание, поскольку в темноте камер часы темноты, должно быть, казались бесконечными. Вероятно, поначалу это не было правилом, поскольку в 1497 году в Валенсии в отчете о расходах Алонсо де Романа, который пролежал в секретной тюрьме девять месяцев и девять дней, появилась статья в 7 шилл. 4д. на освещение. [1529]

Конечно, при общей продажности того периода тюремные чиновники не всегда были недоступны для взяточничества, и за деньги можно было добиться смягчения правил, но при обнаружении этого к ним применяли суровость, которую не часто проявляют к чиновникам-правонарушителям. Это иллюстрируется случаем в Толедо в 1591 году, когда разумная

либеральность обеспечила незаконные привилегии, такие как открытые двери камер, разрешение общения и другие подобные послабления. Франсиско Мендес де Лема, алькаид, попытался бежать, но был пойман и приговорен к ста ударам плетью, каторге, ссылке и лишению должности. Его двоюродный брат и помощник Мигель де Хеа частично сознался и был подвергнут пыткам, но больше ничего не добился; он отделался увольнением, нетрудоспособностью и четырьмя годами ссылки. [1530]

Существовало одно правило, которое особенно строго касалось невинных, в то время как еретику оно было безразлично. Это было лишение всякого религиозного утешения в период, часто растягивающийся на годы, тюремного заключения. Трудно понять это профессорам теологии, которые учат бесконечной важности таинств как помощи духовному развитию, а также спасению, особенно когда столь большая часть заключенных были добрыми католиками, осужденными по обвинениям, которые не предполагали формальной ереси. Возможно, это объясняется обычным допущением вины обвиняемого, который таким образом был *ipso facto* отлучен от церкви, и испанская инквизиция привела в пример римскую, заключенным которой также не разрешалось принимать причастия или слушать мессу. [1531] Однако великий канонист Аспилькуэта, внимание которого, вероятно, было привлечено к этому вопросу делом его клиента Каррансы, таким образом, лишено причастия на восемнадцать лет, говорит нам, что нет закона, оправдывающего испанскую инквизицию в этом, хотя, возможно, у нее могут быть особые полномочия, а также веские причины. Однако ему казалось, что таинства смягчат сердца заключенных и приведут их к исповеди, в то время как было жестоко оставлять их беззащитными перед нападениями демона на протяжении многих лет их заточения. [1532] Однако отказ был абсолютным. Брат Луис де Леон после трех лет тюремного заключения искренне умолял о причастии, но единственным ответом Верховного суда на его петицию было указание трибуналу Вальядолида завершить дело как можно скорее. [1533]

САКРАМЕНТАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ

В то время как таинства были запрещены, sacramентальная исповедь была разрешена, хотя, конечно, священник не мог даровать отпущение грехов. Самое раннее упоминание об этом, которое я встречал, - это приказ кардинала Манрики от 1529 года, а в 1540 году были изданы официальные инструкции о том, что, когда заключенный просит позвать исповедника, если это допускает дело, ему должен быть предоставлен соответствующий человек. [1534] Эта привилегия была несколько урезана подробными положениями Инструкций 1561 года, которые сформулированы так, чтобы использовать ее в своих интересах. Если заключенный, находящийся в добром здравии, просит позвать духовника, безопаснее не удовлетворять его просьбу, если только он не признался в судебном порядке и не удовлетворил доказательства. Но, поскольку он не может быть освобожден от ереси до тех пор, пока не примирится с Церковью, такое признание не имеет полной силы, если только он не находится при смертной казни или женщине не угрожает опасность рождения ребенка, и в этом случае должны соблюдаться канонические законы. Если больной просит позвать исповедника, у него должен быть духовник, который должен поклясться хранить тайну и сообщать трибуналу о любом порученном ему поручении, если оно не касается исповеди, и отказываться от него, если оно касается исповеди; инквизиторы должны проинструктировать его сказать заключенному, что он не может быть освобожден от ответственности, если он виновен, если он не признается в

судебном порядке. Если его судебное признание удовлетворяет доказательствам, он должен быть формально примирен перед смертью, и, получив судебное отпущение грехов, духовник должен отпустить ему грехи сакраментально, когда, если этому ничто не помешает, он сможет быть похоронен по-христиански, как можно более тайно. Если больной человек не просит исповеди, а врач опасается результата, он должен всячески убеждать его исповедаться. [1535] Преимущество, которое, таким образом, дает исповедь, проиллюстрировано на судебном процессе по обвинению в иудаизме Аны Лопес в Вальядолиде в 1637 году. Она отрицала это, но заболела, и врач объявил, что ей угрожает опасность. Духовнику она призналась, что в возрасте семнадцати лет ее обучали иудаизму, что впоследствии она вернулась к истинной вере, пока, приехав в Вальядолид, одна женщина не совратила ее. Духовник предупредил ее, что она должна исповедаться в судебном порядке; она уполномочила его сообщить о своем признании, и он отпустил ей грехи сакраментальным образом. Инквизитор с нотариусом зашли в ее камеру, когда она повторила свое признание и назвала имя женщины, которая ее развратила, и, после ее выздоровления, суд над ней был возобновлен, когда она подтвердила свое признание. [1536]

Согласно доброму правилу Церкви, умирающему никогда не должно быть отказано в отпущении грехов; он должен быть спасен из ада и может расплатиться за свои грехи в чистилище, индульгенцией или мессой на привилегированном алтаре. Инквизиция не вмешивалась в это, поскольку ее заявленной целью было спасение душ, и она даже, согласно хартии акордада 1632 года, разрешала причащение умирающим еретикам, которые исповедовались в судебном порядке и удовлетворились доказательствами. Однако требовалось, чтобы облатка была освящена в суде, если было время; если спешка была крайней, ее можно было принести из приходской церкви, но без помпы или процессии. [1537] Даже почитание Божества должно было уступить секретности, которая запрещала разглашать, что заключенный умирает в Священной Канцелярии. В том же духе, когда заключенный умирал без примирения, алькаид сообщал об этом инквизиторам, которые приказывали секретарю опознать тело и тайно похоронить его. [1538] Его бросили в яму, и его семья не знала о его судьбе до тех пор, пока, если суд над ним не был завершен, его наследники не были вызваны для защиты его славы и памяти или, если дело дошло до того, что мог быть вынесен приговор, они не увидели, как его чучело примирили или сожгли во время аутодафе. Даже когда он исповедался и примирился на смертном одре, мы только что видели, что его христианское погребение должно было быть как можно более тайным. Когда судебное разбирательство заканчивалось оправдательным приговором или отсрочкой исполнения приговора, если на его имущество был наложен арест, об отмене секвестра сообщали наследникам; в противном случае, похоже, не было никакого положения об их уведомлении. Самоубийство в тюрьме, что было нередким явлением, рассматривалось как убедительное доказательство нераскаянности, даже если заключенный сознавался и заявлял о раскаянии, но его наследникам разрешалось защищать его на основании невменяемости, в противном случае его чучело сжигали. [1539]

ЖЕНЩИНЫ-ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

Болезни случались часто, и к ним относились с похвальной гуманностью. Инструкции 1561 года требуют, чтобы за больными оказывался любой уход и чтобы им предоставлялось все, что врач сочтет необходимым. [1540] Конечно, выполнение этого приказа должно было варьироваться в зависимости от настроения трибуналов, но, тем не менее, дух, диктующий это, резко контрастирует

с поведением в тюрьмах того периода. Когда дела выходили за рамки возможностей инквизиции, обычным способом было перевести пациента в больницу, пренебрегая строгой тюремной тайной. Примеры этого достаточно распространены в отчетах, и для иллюстрации будет достаточно одного случая. 6 ноября 1641 года Хуан де Вальдес, которого судили за двоеженство в Вальядолиде, попросил аудиенции, чтобы умолять об отправке, поскольку был очень болен. Это было подтверждено алькаидом и врачом, которые сказали, что в течение девятнадцати дней у него был терциан, и он был слишком слаб, чтобы пускать кровь, и, более того, он страдал от камней и странностей; что его нельзя вылечить в тюрьме и его следует перевести в больницу. Это было сделано, и руководство больницы было уведомлено о том, чтобы оно не позволило ему сбежать и держало трибунал в курсе его состояния. В январе 1642 года сообщалось, что он все еще находится в смертельной опасности, но он выздоровел, был возвращен в секретную тюрьму и 21 августа был приговорен. [\[1541\]](#)

Уход за женщинами-заключенными, естественно, вызывал некоторое недоумение, тем более что утонченность матрон и помощниц была неизвестна инквизиции. Когда Инструкции от 1498 года предписывают, чтобы тюрьма для мужчин и женщин была разделена, [\[1542\]](#) из этого не следует, что ранее они содержались вместе в беспорядочных связях, но что в будущем для полов должны быть предусмотрены отдельные помещения — положение, которое не было соблюдено, поскольку было сочтено достаточным, чтобы женщины содержались отдельно, чтобы между ними и мужчинами не могло быть общения. Легко представить положение беспомощных женщин, фактически находящихся во власти своих слуг-мужчин, в тайне, которая окутывала все в тюремных стенах, и, должно быть, в 1512 году Хименесу стало известно о бесчинствах, которые пробудили в нем осознание существующих опасных возможностей, поскольку в том году был издан приказ, угрожающий смертью любому слуге, который вступит в половую связь с женщиной-заключенной. [\[1543\]](#) Суровость наказания соответствовала серьезности необходимости, требовавшей его, но, как и многие другие благотворные положения, трибуналы были слишком милосердны, чтобы применять его к своим подчиненным. В 1590 году Андрес де Кастро, алькаид тюрьмы Валенсии, предстал перед судом за соращение женщины-заключенной, поцелуи и приставания к другим, разрешение общения между заключенными и получение взяток от их родственников. Было двадцать девять свидетелей обвинения; он отрицал обвинения, но фактически признал их правдивость, сбежав из тюрьмы. После поимки за эту сложную серию преступлений он отделался сотней ударов плетью, тремя годами каторги, вечным изгнанием из Валенсии и лишением права занимать должности в инквизиции — приговор, который по сравнению с обычной суровостью трибуналов показывает, насколько легкомысленно судьи отнеслись к его сексуальному преступлению. [\[1544\]](#) Дело было не в том, что смертная казнь была отменена, поскольку мы находим ее повторенной в 1652 году в инструкциях Логроньо алькаидесу. [\[1545\]](#) Несомненно, упомянутое выше правило о том, что женщин следует собирать вместе в их камерах, было разработано для обеспечения им защиты от тюремщиков.

В нередком случае ареста беременных женщин должное внимание было уделено их состоянию, и для них было найдено подходящее временное жилье во время заключения за пределами тюрьмы. Так, в деле Марии Родригес в трибунале Вальядолида, которая была арестована 3 июня 1641 года, задержка с предъявлением обвинения до 16 сентября объясняется в протоколе тем, что она была беременна и ее перевели из тюрьмы до выздоровления. [\[1546\]](#) Это было

улучшением по сравнению с более ранней практикой, если мы можем верить мемориалу Льерены 1506 года, в котором говорится, что женщинам в муках родов было отказано во всякой помощи, даже акушерке; они были предоставлены природе, и в результате многие погибли. [1547]

ГУМАННЫЕ ПРАВИЛА

Забота о благополучии заключенных проявляется не только в общих предписаниях Инструкций. В том же духе отдаются время от времени специальные распоряжения, касающиеся деталей. Так, в 1517 году кардинал Адриан сказал сицилийским инквизиторам (в письме, вероятно, адресованном всем трибуналам), что они должны обращать особое внимание на качества, необходимые тюремщику; они должны тщательно помнить, что тюрьма предназначена для содержания под стражей, а не для наказания; с заключенными следует хорошо обращаться и не допускать обмана в еде, которой должно быть достаточно; тюрьма должна инспектироваться каждую субботу одним из инквизиторов, а не раз в две недели, как предусмотрено в Инструкциях; те из заключенных, у кого есть профессии, должны работать и, таким образом, не допускать обмана в еде. вносите свой вклад в их поддержку, и, если чиновники поручают женщинам шитье, им должно быть заплачено. [1548] Выдержка, сделанная в 1645 году из сборника инструкций, который ежегодно зачитывался в трибуналах, показывает, что эта достойная похвалы забота о благополучии заключенных была постоянной политикой инквизиции. Он предписывает с предельной пунктуальностью осматривать камеры каждые две недели и узнавать, чего желают заключенные, сообщая об этом трибуналу, который решал, что должен иметь каждый из них, и, если имелся избыток пайков, из которых это можно было достать, надзирателю немедленно приказывалось проследить, чтобы поставщик это купил; если он чем-то пренебрегал, его следовало упрекнуть в проступке, заключающемся в его непунктуальности. Особое внимание было уделено раздаче пайков по утрам, чтобы заключенные могли приготовить себе полдник. Мясо должно было выдаваться ежедневно, и только на один день за раз в жаркую погоду, чтобы оно не испортилось; в прохладную погоду - на два дня; и это было настолько важно для здоровья заключенных, что за этим должен был присматривать кто-то особый, в то время как инквизитору следовало время от времени присматривать за этим. [1549]

Все это достойно восхищения по тону и духу; к сожалению, его исполнение зависело от соблюдения инквизиторами, от их регулярного проведения проверок и от привлечения тюремщиков к ответственности путем строгого наказания за нарушения. Обязанность инспектирования инквизиторами была предписана как необходимая Инструкциями 1488 года, но заставить их подчиниться было невозможно, и жалобы на их халатность поступали часто. В 1632 году было признано необходимым переиздать Инструкции 1488 года; в 1644 году у нас есть свидетельство современника о том, что, по крайней мере, в некоторых местах это выполнялось регулярно, хотя и небрежно, а инструкции Логроньо от 1652 года вменяют в обязанность алькаиде напоминать инквизиторам об этом каждые две недели, потому что об этом обычно забывают. [1550] Также отсутствовало другое требование - строгость наказания за бездействие из-за обычной мягкости, проявляемой к должностным лицам-правонарушителям.

Было бы явно несправедливо осуждать руководство тюрем в целом; в равной степени было бы неоправданно хвалить их без разбора. Все зависело от добросовестного исполнения

инквизиторами своих обязанностей, и нельзя составить никакого общего суждения о состоянии стольких тюрем на протяжении трех столетий, за исключением того, что их средний уровень был значительно выше, чем в других юрисдикциях, и что, если и существовали обители ужаса, подобные тем, что были описаны писателями с богатым воображением, то они были совершенно исключительными. Были хорошие и были плохие. Мемориалы Льерены и Хаэна 1506 года описывают их как ужасные логова, кишящие крысами, змеями и другими паразитами, где несчастные пленники страдали от отчаяния и голодали из-за растраты значительной части денег, выделенных на их содержание, в то время как ни одному врачу не разрешалось ухаживать за больными, а санитары обращались с ними как с собаками. [1551] Делая поправку на риторическое преувеличение, мы можем представить, что это описание было применимо к Кордове при Лусеро. Похоже, не намного лучше обстояли дела в Севилье в 1560 году, где притеснения алькайда Гаспара де Бенавидеса спровоцировали отчаянное восстание, в ходе которого его помощник был смертельно ранен. Участникам драки была отомщена месть, из которых один был сожжен заживо, а другой, четырнадцатилетний мальчик, получил четыреста ударов плетью и был пожизненно отправлен на галеры, в то время как Гаспар, спровоцировавший это, отделался участием в аутодафе, конфискацией жалованья и вечным изгнанием из Севильи. [1552]

ПЕРЕМЕННАЯ ОБРАБОТКА

Когда должностные преступления обходились без такой необдуманной снисходительности, поддерживать дисциплину было невозможно, и заключенные соответственно страдали. В результате инспекции Барселоны доктором Алонсо Пересом пастора Алькаиде Монсеррат в 1544 году отчитали за то, что он содержал любовницу в своем доме, назначил родственника ответственным за тюрьму и отсутствовал сам, за получение подарков от освобожденных заключенных, за частые отлучки, оставление тюрьмы без охраны, за совмещение несовместимых должностей тюремщика и *диспенсера*, а также за то, что он заставлял женщин-заключенных работать и забирал их заработок, но пастор получил только выговор и приказал вернуть подарки и заработок женщинам. Фактический иммунитет способствовал продолжению злоупотреблений, и в 1550 году, после очередной проверки, мы обнаруживаем, что Супрема снова ссылается на пагубные результаты объединения функций тюремщика и диспенсера и приказывает инквизиторам занять последнюю должность. [1553]

Временами кажется, что тюрьма Канарского трибунала управлялась столь же неумело. Англичанин по имени Джон Хилл был доставлен туда из Ферро 23 июня 1574 года без ничего, кроме одежды и денег. В течение девяти месяцев его жалобы были громкими и частыми; дневного рациона было недостаточно для одного приема пищи; он просил еще хлеба и воды, а также циновку для лежания, поскольку ему приходилось спать на земле и он не мог отдохнуть из-за вшей и блох; более двух месяцев он молился о рубашке, чтобы прикрыть свою наготу, и, хотя 22 января был издан приказ выдать ему рубашку, его пришлось повторить 18 февраля. Еще в 1792 году дон Хуан Пердомо жаловался, что в течение четырнадцати месяцев алькаиде держал его на диете из соленой рыбы, что он позволял ему менять белье только раз в две недели и что он заставлял его испытывать такие мучения от жажды, что он выходил во двор и громко плакал, надеясь, что какой-нибудь прохожий позовет алькаиде. [1554]

Однако другие отрывки из записей Канарейки демонстрируют похвальное желание облегчить суровые условия заключения, и в целом можно сказать, что состояние заключенных полностью

зависело от характера ответственных должностных лиц. Когда они были добры, заключенные были избавлены от ненужных лишений. Франсиско Ортис в 1529 году в Толедо охотно свидетельствовал о хорошем обращении, которого он не ожидал. [1555] В 1563 году Фернандо Диас, крестьянин, после месячного заключения в Толедо, говорит об улучшении здоровья; здесь, по его словам, он ест баранину, в то время как дома у него были только сардины. [1556] В 1567 году член Супремы, посетивший тюрьму Вальядолида, узнал от Леонор де Сиснерос, что ей не на что жаловаться; у нее были баранина, хлеб, вино и фрукты, и с ней хорошо обращались. [1557] Поскольку у нее был рецидив, муж которой был сожжен восемь лет назад, у нее, вероятно, не было собственности, и расходы были покрыты судом.

Это ни в коем случае не единичные случаи. В 1541 году в Толедо Хуан Гарсия, поденщик, находившийся под судом, после шести недель тюремного заключения попросил выдать ему ночную одежду, как и другим заключенным, поскольку он был вынужден спать в одежде, которую носил днем, когда инквизитор немедленно приказал снабдить его. [1558] В 1657 году в отчетах мадридского трибунала указано, что 447½ реала было потрачено на одежду для бедного заключенного, а в отчетах Верховного суда в 1690 году на те же цели было выделено 688 реалов. [1559] Мы видели, что в ордерах на арест предписывалось приносить кровати вместе с заключенным, поскольку инквизиция не предоставила их в соответствии с приказом от 1525 года, который предполагает, что это должно было облегчить тяготы тех, кого привезли издалека. [1560] Тем не менее, даже в условиях финансового кризиса семнадцатого века, в отчетах Мадридского трибунала 1659 года мы находим приказ от 11 июля получателю выплатить 230 реалов за наем кроватей для бедных заключенных до 15 июля. [1561] Еще более примечательны некоторые записи, связанные с судебным процессом над Франсиско де Матосом в Мадриде в 1680-81 годах. Кажется, у него было пятеро детей, на содержание которых было потрачено примерно за год, начиная с сентября 1680 года, 3519 реалов, из которых 1284 были выплачены Hospicio Real de Pobres за уход за тремя из них во время болезни. [1562] Трибунал, очевидно, чувствовал себя обязанным позаботиться о беспомощных детях, и подобные инциденты служат доказательством того, что, когда у инквизиторов были гуманитарные инстинкты, в политике Святой Канцелярии не было ничего, что могло бы помешать их полному проявлению.

РАСХОДЫ

Примечательно, что в период наиболее активной работы, по-видимому, не существовало общей устоявшейся системы оплаты содержания заключенных. В инструкциях 1484 года это не предусмотрено, но в дополнительных распоряжениях Торквемады от декабря получатели были обязаны оплатить расходы. [1563] Тем не менее, мы видели, что сразу после этого альгвасил получил жалованье, равное или превышающее жалованье инквизиторов потому что, как сказал Фердинанд, он должен был выполнять большую обязанность заключенных — “tiene tan gran costo con los presos” — и, как мы находим это в списках жалованья Сарагосы, Бургоса. В Медине-дель-Кампо и Севилье это, казалось бы, общее правило, в то время как Инструкции 1498 года, по-видимому, показывают, что оно все еще в силе. [1564] Тем не менее, отчеты трибунала Валенсии за 1497-8 гг. указывают на то, что содержание тех, у кого было имущество, осуществлялось за счет конфискаций, в то время как “несчастных, оставшихся без попечения родителей” поддерживали сторонние друзья или родственники, которые впоследствии были

возмещены получателем. Суточные составляли 9 обедов для мужчин и 8 для женщин, в то время как Али Дивиту, мавру и, предположительно, воздержанному, полагалось 5. [1565]

Письмо Фердинанда от 1501 года, разрешающее правителю Сардинии включать в свои выплаты расходы на содержание заключенных, указывает на то, что это становилось правилом, но другое письмо от той же даты, в котором содержится требование о возмещении Антону Лопесу, йомену из его охраны, которому инквизитор приказал содержать определенных заключенных, показывает, что определенной системы еще не было установлено. [1566] Эти незаконные методы давали возможность для хищений и вымогательства, что, несомненно, приводило к большим страданиям среди пленников. Мемориалы Льерены и Хаэна в 1506 году жалуются на заговор чиновников с целью урезания пайков и на то, что разрешалось есть только 10 мараведи в день, из которых 2 вычитались на бритье, белье и приготовление пищи, тогда как по нынешним ценам требовалось 25 или 30 только на хлеб. [1567]

Наконец, алькаид, или тюремщик, появляется как должностное лицо, распоряжающееся средствами, когда в 1510 году Фердинанд приказал Виллачису, управляющему Севильей, выплатить ему 5000 мараведи за то, что он кормил заключенных во время эпидемии. [1568] Очевидно, что это был исключительный случай, возникший в результате чрезвычайной ситуации, но он был принят в 1516 и 1517 годах в некоторых инструкциях Верховного суда трибуналу Сицилии; там, где были конфискации, сумма должна была быть взята из них; в случаях крайней бедности получатель мог покрыть расходы на умеренное питание за счет конфискации. [1569]

С момента основания инквизиции прошло почти сорок лет — годы напряженной деятельности — и до сих пор в столь важном деле не было принято никакой регулярной системы.

Необходимость была осознана, и в 1518 году от имени Карла V был издан приказ, который показывает, что родственники или друзья заключенного должны были приносить ему еду в тюрьму. В приказе говорится, что, поскольку они приезжают со всех концов округа и находятся далеко от своих семей и имущества, они сильно страдают. Следовательно, в случае с нерезидентами города получатель должен оплатить еду и предметы первой необходимости в соответствии с инструкциями инквизитора. С каждым заключенным должен вестись учет, и, если он освобожден, он должен вернуть долг получателю до снятия ареста; если он беден, с него не должны спрашивать об этом, и аудитор должен внести эту статью в счета получателя. [1570] Либеральность этого пункта, по-видимому, была новинкой, и потребовалось некоторое время, чтобы установить обязанность инквизиции не допускать голодной смерти своих бедных заключенных, поскольку мы находим, что королева-регентша в 1531 году разрешила их содержание в Барселоне за счет *fisc*. [1571]

ПАЕК

Однако это не рассматривалось как освобождение семьи от необходимости поддерживать, насколько это возможно, заключенного члена семьи. Отчет диспенсера, или управляющего тюрьмой Валенсии, за период с 8 октября 1540 года по 5 мая 1541 года показывает, что в течение этого периода двадцать пять заключенных содержались таким образом, по крайней мере частично: мужья платили за жен, жены за мужей, сыновья за отцов и т.д. Полученные суммы были небольшими и свидетельствуют о борьбе, которую переживали семьи за то, чтобы внести свой вклад в обеспечение потребностей тех, кто находится в тюрьме; они выплачивались незначительными суммами от 5,5 до 8,8 шиллингов, что, вероятно, составляло ежемесячный

взнос, и это ни в коем случае не было непрерывным, поскольку в восьми случаях зарегистрирован только один платеж и только в одном случае было произведено более двух платежей. За весь период общая сумма составила всего 15 либр 19 шилл. 4д., в то время как за это время управляющий получил от получателя 120 либр 2 шилл., которые, вероятно, включали то, что должен был заплатить *fisc*, и то, что было взято из конфискации имущества более состоятельных заключенных. [1572] Что касается последнего, то правилом было продавать сначала личное имущество, а затем недвижимость, и в 1547 году инквизиторам было настоятельно рекомендовано не торопиться со сбором выручки, поскольку секвестры, как правило, расходовались на содержание семьи, не оставляя ничего, чтобы погасить *fisc* за его авансы. [1573]

Обязанностью инквизитора, когда приводили заключенного, было выяснить у получателя и нотариуса секвестраций его положение в жизни и его богатство и установить размер его содержания в соответствии с текущими ценами на провизию, но богатый человек мог тратить больше, если хотел, и, если знатный человек желал иметь одного или двух слуг, заключенных вместе с ним, как в случае с Каррансой, это было разрешено; то, что могло остаться с их стола, должно было быть отдано бедным, а не стать источником прибыли для бедных. алькайде и диспенсеро. [1574] В этом была щедрость, поскольку в случае конфискации имущество уменьшалось за счет дополнительных расходов. Даже обычное пособие находилось в распоряжении заключенного, который мог экономить на нем и тратить его любым способом по своему выбору. [1575]

Таким образом, фиксированного и абсолютного рациона никогда не существовало, хотя, конечно, существовал общий минимальный стандарт для бедных, которых нужно было содержать. Что бы это ни было, оно могло быть изменено в зависимости от обстоятельств. После того, как Жак Пинзон был заключен в тюрьму в Гранаде 25 февраля 1599 года, 9 марта алькаид сообщил, что он съел за один день двухразовый рацион и умирал от голода, после чего инквизиторы любезно увеличили его порцию до реала в день; это заставляло его молчать в течение трех месяцев, пока не поступила новая жалоба и не было добавлено 5 мараведи. [1576] В 1616 году падре Иеронимо де ла Мадре де Диос, судимый за мистицизм, обратился к своей первой аудитории с жалобой на недостаточный рацион; он хотел бы, чтобы его увеличили на один реал в день, который можно было бы отнести на счет его конфискованного имущества. [1577] Очевидно, что заключенные без колебаний заявляли о своих желаниях и были готовы их выслушать.

С постепенной концентрацией власти в руках Верховного суда это стало регулироваться во всех трибуналах. В 1635 году Валенсия сообщила, что из-за дороговизны хлеба заключенные страдают от голода, и обратилась к властям с просьбой увеличить рацион. Верховный совещался в течение пяти недель, а затем приказал увеличить сумму “с великим состраданием”. Осуществляемый тщательный надзор указан в 1695 году в критике ежемесячного отчета того же трибунала, в котором одним из отмеченных упущений является то, что не указан рацион, назначенный каждому заключенному. [1578]

Падение покупательной способности денег, и особенно обесценившейся веллонской чеканки, потребовало увеличения пайка. В 1641 году в Толедо обычная суточная норма составляла 1½ реала, которая к 1677 году удвоилась до 3 реалов. [1579] В Валенсии обычный рацион увеличился до 22 *dineros* в 1688 году, а в 1756 году - до 2 *suealdos*. [1580]

ВЗИМАНИЕ РАСХОДОВ

Когда тюрьмы были переполнены, а судебные процессы, после первой спешки, становились все более и более затяжными, расходы на содержание были немалыми, как можно заключить из случайных свидетельств. Таким образом, в 1566 году мы находим, что Супрема приказала своему мэру альгуазилия перечислить трибуналу Калаорры 400 дукатов на питание заключенных.

[1581] В 1586 году Бенито Сангуино, управляющий Валенсией, при сведении своих счетов потребовал зачисления 19 856s. 11d., выплаченных диспенсеро на содержание бедных заключенных, в дополнение к тому, что он выделил на эти цели по приказу инквизиторов, нарушение, за которое Верховный суд потребовал объяснений. [1582] Некоторый свет проливает на то, каким образом эти расходы были накоплены в связи с делом Фрая Лукаса де Альенде, настоятеля францисканского монастыря Мадрида и одной из обманутых Лукрецией де Леон, *беаты ревеландера*. Когда его арестовали в 1590 году, его брат, Алонсо де Альенде, попросил разрешения выдавать ему пособие в размере одного реала в день — просьба, которая оказалась дорогостоящей, поскольку судебный процесс длился шесть лет и два месяца. [1583] В 1659 году заказы Мадридского трибунала на питание и прочие нужды для бедных заключенных, которых, по-видимому, было в среднем около десяти человек, достигли в общей сложности 12 874 реалов, а в 1681 году эта сумма составляла 25 748. [1584] Поскольку активность инквизиции уменьшилась, и, возможно, также из-за нехватки ее ресурсов, эта утечка ее финансов была значительно сокращена. В отчете о расходах трибунала Валенсии с 1784 по 1790 год включительно плата за содержание бедных заключенных становится незначительной. Общие расходы за эти семь лет составили 501 либру 18 шилл., из которых 300 либр 8 шилл. были взысканы со сторон, в результате чего чистые расходы составили 201 либру 10 шилл., или менее 30 либр в год. [1585]

Суды были неумолимы во взыскании этих расходов со всех, кого можно было привлечь к ответственности. В случае с *frailes*, которые не могли владеть имуществом, ответственность несли их общины. Так, в 1649 году трибунал Валенсии издает приказ о взыскании с провинциальных августинцев 600 реалов для некоторых членов его Ордена, находившихся в его тюрьме. Когда суд над фраем Эстеваном Рамонедой завершился 12 сентября 1696 года, трибунал Барселоны предъявил его ордену Мерсед счет на 730 реалов в счет его расходов. Провинциал проверил это на всех новообращенных наемниках Каталонии, и 15 ноября инквизиторы отчитали настоятеля монастыря Барселоны за задержку, когда он ответил, что его монастырь выплатил свою долю, но другие медлят. В 1709 году Верховный суд издал приказ о том, что не должно быть исключений даже для босоногих францисканцев, показывая, что они пытались добиться освобождения. [1586]

Инквизиция вряд ли была бы более снисходительна к мирянам. Его решимость добиться возмещения ущерба видна из постановления трибунала Валенсии от 1636 года, согласно которому, когда Франсиско Моралес отбудет срок галерной службы, к которой он был приговорен, он должен быть продан своим соседям, чтобы возместить то, что он стоил *fisc*. [1587] Эти расходы были связаны не просто с содержанием в тюрьме, а с расходами на арест и судебное разбирательство, включая оплату услуг адвоката и прокурорши и все понесенные почтовые расходы. Все это было первым наложением ареста на имущество заключенного, и, если он был *филиусом семьи*, его отец нес ответственность и мог быть вынужден заплатить. [1588] Перед судебным разбирательством распорядитель и нотариус секвестров тщательно составили отчет о каждом раскаявшемся который избежал конфискации, и в обязанности

фискала входило следить за тем, чтобы, если у него было имущество, он рассчитался или дал обязательство рассчитаться, а если он был беден, дал клятву заплатить, когда сможет. [1589] Насколько раздулись эти сведения, видно из решения барселонского трибунала, вынесенного в 1756 году дону Антонио Адорно, солдату благородных кровей Астурийского полка. Он провел в тюрьме всего пятьдесят восемь дней, что при 2 суэльдо в день составляло чуть меньше 6 либр, но общая сумма счета составляла 26. Он подписал это как точное указание своего имени, заявив, что у него нет имущества, которым можно было бы оплатить эту сумму, но что, если Бог ниспошлет ему лучшую судьбу, он обязуется выплатить ее получателю или его должным образом уполномоченному представителю. Поскольку его приговором было изгнание из испанских владений, это была чистая формальность, но ее нельзя было опустить. [1590] Несколько месяцев спустя мы получили жалобное письмо от доктора Агустина Тамарита, врача из города Салас, враги которого связали его с инквизицией, в результате чего против него было выдвинуто обвинение в 5 либрах 16 шиллингов. В ответ на требование оплаты он протестует, что он ужасно беден. Во время его вынужденного отсутствия его коллега, доктор Руберт, взыскал с города *conducta*, или заявленную зарплату, причитающуюся обоим, и отказывается выплачивать свою долю; если суд вынудит Руберта урегулировать дело, он попытается продать немного пшеницы и оплатить счет. [1591]

В целом мы можем заключить, что тайные тюрьмы инквизиции были менее невыносимыми местами пребывания, чем епископальные и общественные тюрьмы. Общая политика в отношении них была более гуманной и просвещенной, чем в других юрисдикциях, будь то в Испании или где-либо еще, хотя небрежный надзор допускал злоупотребления и в резерве имелись достаточные ресурсы строгости, когда нужно было сломить упрямство нераскаявшихся. Единственной непростительной чертой было уединение, которое держало несчастного пленника в неведении обо всем, что происходило за пределами его тюремных стен, и лишало его возможностей для защиты и общения с семьей и друзьями. Это делало вдвойне горьким длительное заключение, которое часто годами держало его в напряжении относительно их судьбы и лишало их всякой информации о нем.

ГЛАВА V.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

В уголовном процессе характер допустимых доказательств и методы, используемые для проверки их достоверности, имеют такое определяющее значение, что необходимо исследование системы, которой придерживается инквизиция, если мы хотим правильно оценить отправление ею правосудия. При этом следует иметь в виду тот факт, что сложные правила доказывания, характерные для английского права, выросли из суда присяжных, где те, кто должен излагать факты, предположительно, не обучены оценивать показания, так что их приходится тщательно просеивать, прежде чем допустить к ним, в то время как то, что допущено, подвергается процессу перекрестного допроса. Все этому не было места в системах, которые Континентальная Европа унаследовала от гражданского права. Предполагалось, что судья является опытным юристом, способным отличать правду от лжи, так что ему можно было представить самые надуманные доказательства, гарантируя, что их бесполезность не повлияет на его суждение, в то время как они могли дать какой-то ключ,

ведущий к истине. Недостатки этого были сильно преувеличены в инквизиции, где судьям, которые в основном были богословами, предоставлялась неограниченная свобода действий, стремящимися доказать малейшее отклонение от веры и наказать за него, и где сохраняемая в тайне информация об именах и личностях свидетелей обвинения исключала всякую мысль о перекрестном допросе, хотя история Сюзанны и Старейшин вполне могла служить предупреждением об опасности несправедливого суда без посторонней помощи.

По древнему кастильскому праву обе стороны судебного процесса приводили свидетелей к присяге, но судьи допрашивали их тайно, очевидно, в качестве меры предосторожности, чтобы их не подделали. Большое внимание уделялось их характеру, и исключались те, кто имел дурную репутацию, или был заключен в тюрьму, или лжесвидетельствовал, или были евреями, маврами, еретиками, отступниками, или кто был заинтересован в деле, или находился на иждивении у одной из сторон, или был моложе четырнадцати лет, или очень беден, если не было доказано, что они пользуются хорошей репутацией, в то время как в уголовных делах не привлекался ни один свидетель, который был моложе двадцати и не был членом религиозного ордена. [1592] В Арагоне предписывалось проявлять максимальную осторожность в отношении характера свидетелей; если они не были лично известны судье, факт должен был быть занесен в протокол, и судья должен был лично подвергнуть их перекрестному допросу относительно всех мельчайших деталей, которые могли бы привести к разоблачению фальшивых показаний. [1593] Согласно гражданскому законодательству, родителям и детям не разрешалось давать показания друг против друга, а вольноотпущенник не мог быть свидетелем против своего покровителя. [1594]

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Все эти предосторожности, которые, как показал опыт веков, были необходимы для защиты от несправедливости в рамках процессуальных систем, где судья был также в некотором роде прокурором, были отброшены инквизицией в ее рвении сохранить чистоту веры. Грубейшая пристрастность проявилась в проведении различия в отношении приемлемости свидетелей обвинения и свидетелей защиты. У первых не было никаких недостатков, кроме смертельной вражды к обвиняемому. С самых ранних времен Церковь предписывала четырнадцать лет в качестве минимального возраста для свидетелей [1595] а в Испании, где совершеннолетие достигалось только в возрасте двадцати пяти лет, несовершеннолетние моложе этого возраста не допускались к уголовным делам. Соответственно, в протоколах инквизиции свидетели обычно описываются как *мэры* или *меноры*, но не было никакой разницы в принятии их показаний, и Рохас говорит нам, что раньше он считал, что ересь не может быть доказана двумя свидетелями моложе двадцати пяти лет, но правило таково, что фискал не обязан доказывать, что его свидетели являются законными; предполагается, что таковыми являются все, и его показания должны быть получены до тех пор, пока не будет выдвинуто возражение, что, учитывая, что их личность тщательно скрывалась от защиты, равносильно утверждению, что ни один из них не является законным. может быть отклонен на этот счет. [1596] Поэтому без колебаний были допущены свидетели самых нежных лет. В деле Хуана Васкеса, которого судили в Толедо за колдовство в 1605 году, одной из свидетельниц была двенадцатилетняя девочка. В том же суде в 1579 году был заслушан свидетель всего одиннадцати или двенадцати лет против Франсиско дель Эспинара за жестокое обращение с крестом, и виновник, которому было всего тринадцать, был привлечен к ответственности. [1597] Свидетели моложе двенадцати лет не приводились к присяге, поскольку считалось, что они неспособны понимать природу присяги,

но их показания были получены и записаны без нее, как указано в отчете о судебном разбирательстве в Валенсии в 1607 году. [1598] В Римской инквизиции к каноническому праву относились с большим уважением, и фискалам не разрешалось представлять свидетелей моложе четырнадцати лет. [1599]

По-видимому, сначала велась некоторая дискуссия относительно допустимости показаний рабов против своих хозяев, но в 1509 году она была урегулирована постановлением Верховного суда, объявляющим ее законной, но поскольку в случаях ереси они боролись за свою свободу, осуждая своих хозяев, их показания должны быть тщательно изучены и, если они покажутся сомнительными, их следует подтвердить путем пыток. [1600] Был также вопрос относительно евреев, поскольку законы *Fuero Juzgo* (Lib. XII, Тит. ii, п. 9, 10) запрещал им свидетельствовать против христиан, но они были приняты Старой инквизицией, а Новая не была более жесткой. [1601] Что касается сородичей, Симанкас говорит нам, что, хотя им не разрешается давать показания в пользу обвинения в других преступлениях, в ереси они являются лучшими свидетелями, поскольку их нельзя заподозрить во вражде, и их нужно заставить давать показания, потому что религия предпочтительнее родства. [1602] Фактически, большая часть доказательств была получена от них, поскольку ни одно признание не считалось полным, которое не включало бы донос на сообщников, и те, кто признавался, чтобы спасти свои жизни, были волей-неволей вынуждены предавать свои семьи. Вызванная таким образом мучительная борьба между естественной привязанностью и инстинктом самосохранения проиллюстрирована на примере Марии Лопес в 1646 году в Вальядолиде. Почти четыре месяца она решительно все отрицала, но в конце концов ее терпение истощилось, и 25 и 27 апреля она призналась во всем себе и другим и подтвердила это 7 мая. В своей камере она размышляла об этом до 25 июня, когда алькайда сообщила, что она пыталась задушить себя обрывком своей сорочки. Инквизитор поспешил в ее камеру и обнаружил, что бедняжка прячется под кроватью. На вопрос о ее мотивах она сказала, что женщина, которая ложно обвинила своего мужа и единственную дочь, а также свою мать и тетю, не заслуживает того, чтобы жить, после чего она полностью отказалась от своего признания, как в отношении себя, так и в отношении других. Как *ревокант*, безжалостные правила инквизиции обрекли ее на костер; ее страхи восторжествовали, и 28 июля она подтвердила свое апрельское признание, за исключением того, что касалось ее мужа. 29 ноября она была приговорена к примирению, конфискации и тюремному заключению с санбенито, и она появилась в авто 23 июня 1647 года. [1603] Римская инквизиция была несколько менее бесчеловечной и не требовала, чтобы муж и жена свидетельствовали друг против друга. [1604]

Из всего этого естественным образом следовало, что в испанской инквизиции соблюдалось правило, согласно которому в тех случаях, когда речь шла о ереси, допускались все свидетели, какими бы печально известными они ни были. Отлучение от церкви не было отклонено, и, похоже, что даже душевнобольные считались правомочными, поскольку в 1680 году Томас Кастелланос на суде в Толедо признался в том, что он лютеранин, атеист и исповедовал другие ереси, за что его милосердно отправили не на костер, а в психиатрическую лечебницу, однако он был принят в качестве свидетеля против Анджелы Перес относительно ее высказываний в его адрес в тюрьме. Он был должным образом приведен к присяге Богом и на святом кресте, хотя, если он в здравом уме и атеист, в такой клятве не могло быть силы. [1605] Короче говоря, единственным недостатком обвиняющего свидетеля была смертельная вражда. Все другие исключения, известные светскому законодательству — меньшинство, ересь, лжесвидетельство, позор, соучастие, осуждение за преступление — были проигнорированы, хотя они могли

повлиять на его авторитет. Смертельная вражда трудно поддавалась определению, но врачи были достаточно либеральны, допуская в пользу этого термина любую ссору серьезного характера, но доказывание затруднялось из-за отказа получить доказательства относительно нее от кого-либо в пределах четырех степеней родства с обвиняемым. [1606]

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ

Это правда, что были предписаны некоторые меры предосторожности для предотвращения дачи бесполезных показаний, но само их изложение доказывает, насколько недобросовестной была нынешняя практика.

В 1516 году Верховный суд предупредил суды, что, когда правдивость свидетеля вызывает сомнения, его показания должны быть проверены, а в 1543 году было приказано фиксировать личность свидетелей, чтобы они служили мерилom значимости их высказываний. [1607] В отношении всех свидетелей также применялась формальность, при начале их допроса со стороны так называемых *генеральных прокуроров* относительно их осведомленности о сторонах дела и любой вражды или другого вопроса, который мог нанести ущерб их показаниям, ответы на которые всегда, конечно, были удовлетворительными. Однако в долгосрочной перспективе все это, как и большинство других вопросов, было оставлено на усмотрение судов, которые на практике допускали все инстанции и использовали их доказательства без какой-либо дискриминации.

Это относится исключительно к свидетелям обвинения. Когда мы переходим к защите, контраст между возмутительной расплывчатостью правил, предписанных для первых, и столь же возмутительной жесткостью правил, применяемых ко вторым, является самым ярким доказательством того, что целью инквизиции было не правосудие, а наказание. Во всей судебной системе жизненный принцип заключался в том, что лучше, если пострадают сто невиновных, чем если один виновный скроется от правосудия. Даже формула клятв, данных двум классам в 1484 году, показывает, как рано было проведено различие между ними. Свидетели обвинения получили только торжественное предупреждение от инквизитора, в то время как сторонники защиты были приведены к присяге под самыми страшными заклинаниями Богу, чтобы Он покарал их тела в этом мире и их души в следующем за любым отклонением от истины. [1608]

Правила относительно свидетелей, допустимых для защиты, были тщательно составлены таким образом, чтобы исключить всех, кто мог быть ему полезен, на том основании, что их показания были бы ненадежными, таким образом, инквизитора тщательно оберегали от введения в заблуждение в пользу заключенного, в то время как ему доверяли различать неблагоприятные показания. Таким образом, ни одному родственнику четвертой степени не разрешалось давать показания в защиту, даже когда обвиняемый слепо стремился доказать враждебность со стороны тех, кого он считал свидетелями противной стороны. Ни один еврей, мориско или новообращенный христианин не мог предстать перед ним, хотя они были приглашены для судебного преследования, и то же самое различие применялось к слугам. Как сформулировано в Инструкции 1561 года, обвиняемому было сказано, что он не должен называть в качестве своих свидетелей родственников или слуг и что все они должны быть старыми христианами, если только на его допросы нельзя ответить иначе, и Пабло Гарсиа добавляет, что при таких обстоятельствах он должен назвать число, из числа которых инквизитор может выбрать тех, кого он сочтет наиболее подходящими. Действительно, среди властей стало обычным делом,

что свидетелями защиты должны быть ревнители веры — *zelatores fidei*. [1609] Тем не менее, на самом деле все это представляет интерес скорее как проявление всепроникающего духа инквизиции, чем из-за какого-либо практического влияния, которое она оказывала на исход судебных процессов, поскольку, как мы увидим, симулякр защиты, разрешенный обвиняемому, был настолько ограниченным, что лишь в очень немногих случаях имело значение, были у него свидетели или нет.

Разумеется, неохотные или непокорные свидетели не должны были препятствовать судебному преследованию. Трибуналы имели полное право вызывать их в суд и наказывать за отказ. Когда они проживали на расстоянии, по своему усмотрению их мог либо осмотреть уполномоченный, назначенный *ad hoc*, либо вызвать их лично. В 1524 году кардинал Манрике даже решил, что их можно перевезти из Арагона в Кастилию, хотя, как мы видели, это нарушало арагонские фуэрос, которые запрещали принуждать кого-либо покидать королевство. [1610] Официальная повестка требует, чтобы свидетель предстал перед трибуналом в течение определенного количества дней под страхом десяти тысяч мараведи и отлучения от церкви с *запоздалым вынесением приговора*, это порицание объявляется заранее с уведомлением о том, что в случае неповиновения оно будет опубликовано и против него будет возбуждено уголовное дело в соответствии с законом. Повестка должна была быть вручена в строжайшей тайне и, как и все другие документы, должна была быть возвращена трибуналу с отметкой о дате вручения. [1611]

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

Свидетели были вынуждены давать показания и подлежали наказанию, если подозревались в их утаивании. В отчете доктора Зуриты о его посещении Жероны и Эльне в 1564 году говорится, что он арестовал маэстро Хуана Фреголу, каноника Сан-Мартина из Жероны, потому что тот сказал, что не помнит обсуждаемого вопроса; таким образом, его память была освежена, и он был освобожден после дачи желаемых показаний. [1612] Это продолжалось до конца. В 1816 году Верховный суд, подтверждая решение трибунала Куэнки продолжить рассмотрение дела Антонио Гарсеса, добавляет, что он должен принять необходимые меры против свидетелей, которые отказываются давать показания. [1613]

Допрос свидетелей обвинения был обязанностью инквизиторов. Однако одно из них они возложили на нотариусов, которым Верховный суд в 1498 году приказал снимать показания только в присутствии инквизиторов, в то время как кардинал Адриан в 1522 году сказал, что, если последние слишком заняты, чтобы присутствовать, они должны, по крайней мере, прочитать показания до ухода свидетеля и провести необходимую перепроверку. [1614] Все это свидетельствует об очень рыхлой и неряшливой системе в вопросе такой первостепенной важности, унаследованной, несомненно, с давних времен, когда волна судебных преследований исключала все, кроме самого поверхностного ведения бизнеса. В тот период существовали механизмы разделения труда, поскольку в 1485 году мы слышим о чиновнике, известном как приемщик свидетелей, и о выплатах священнослужителям, чье присутствие было необходимо для дачи показаний, — устройствах, от которых отказались примерно в конце столетия. [1615] По мере того, как дела шли на спад, инквизиторы, похоже, принимали более

активное участие в допросе свидетелей обвинения, за исключением ближе к концу, когда лень привела их к выдаче комиссий для проведения допросов.

Согласно правилу, все допросы должны проводиться в зале для аудиенций, за исключением случаев крайней необходимости, когда инквизиторы могут проводить их в своих апартаментах или домах - правило, о котором Супрема был вынужден напомнить им в 1538 году и снова в 1580 году. [1616] Иногда свидетелей приводили к присяге группами, но допрашивали по отдельности в качестве разумной меры предосторожности против сговора. [1617] Когда *estilo* было доведено до совершенства, существовала предписанная форма для начала допроса: сначала спрашивали свидетеля, знает ли он или предполагает причину своего вызова; на это обычно давался отрицательный ответ, когда следующим вопросом было, знал ли он или слышал, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим вере, или тому, что не соответствовало действительности. свободное осуществление инквизиции. Это выглядело как осторожное воздержание от руководства им, но, если он настаивал на отрицательном ответе, допрос быстро приобретал характер дачи ему понять, для чего он нужен и чего от него ожидают. Так, на судебном процессе в Барселоне в 1698 году над женщиной по имени Игнасия, обвиненной в колдовстве, Хайме Гвардиола утверждал, что ему мало что известно, за исключением того, что он запретил ей посещать свой дом, когда инквизитор Вальядарес сказал ему, что инквизиция располагает информацией о том, что он использовал ее в нескольких случаях, которые он описал, поэтому он заклинал его, во имя Бога и его Пресвятой Матери, проверить его память и сказать правду. [1618] Иногда инквизитор шел дальше и открыто угрожал свидетелю, предупреждая его, из уважения к Богу, говорить правду и не присваивать дело заключенного себе. [1619] Верховный суд вполне мог бы обуздать чрезмерное рвение своих подчиненных, проинструктировав их не запугивать свидетелей и не обращаться с ними так, как если бы они были обвиняемыми сторонами. [1620]

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

Хотя, таким образом, с невольными свидетелями инквизитор выступал в качестве адвоката обвинения, с теми, кто был готов, он не делал попыток установить правдивость их рассказов. Он без утайки задавал наводящие вопросы и воздерживался от любых перекрестных допросов, которые могли бы запутать историю и разоблачить лживость. Когда на процессе над Хуаном де ла Кабальерия в Сарагосе в 1489 году его прокуратор потребовал, чтобы свидетелям были проведены определенные допросы, которые он представил, инквизиторы грубо отказались, заявив, что их официальный долг - выяснить правду для очистки своей совести. [1621] До тех пор, пока свидетели давали показания обвиняемому, как правило, не предпринималось попыток проверить их точность или получить подробную информацию о месте и времени или другие моменты, которые облегчили бы защиту от ложных обвинений. В случае с Симоном Ночо в Вальядолиде в 1642 году ему удалось добиться проведения серии допросов свидетелей, которые выявили несоответствия, выявить которые было обязанностью инквизиторов. [1622] Даже Верховный суд признал несправедливость этого в случае со священником, которого трибунал Барселоны в 1665 году приговорил к тюремному заключению за "высказывания", и приказал вызвать свидетелей и подвергнуть их перекрестному допросу, чтобы проверить их показания, а также выяснить, были ли они продиктованы враждой. [1623]

Чтобы оценить сознательную несправедливость этого, необходимо только сопоставить это с обращением с доказательствами, представленными защитой. Решение этого вопроса также

было полностью возложено на инквизитора. Все, что было позволено обвиняемому, - это представить список свидетелей и провести с ними серию допросов. В обязанности инквизитора входило вызывать свидетелей и задавать вопросы или передавать материалы допросов комиссарам с той же целью, но он имел полное дискреционное право опускать все, что ему заблагорассудится, как в отношении свидетелей, так и в отношении вопросов. Фактически, он получал допросы только *salvo jure impertinentium et non admittendorum*, и он осуществлял это право без надзора и без информирования обвиняемого или его адвоката о том, что он выкинул. В 1572 году Луис де Леон на суде представил своим свидетелям шесть серий допросов, из которых три были спокойно отвергнуты как “дерзкие”. [1624] От обвиняемого были скрыты не только все сведения об этом, но и ответы свидетелей на те вопросы, которые были разрешены. Это правда, что в 1531 году даже Верховный суд возмутился этим и приказал представить доказательства в пользу обвиняемого ему и его адвокату, чтобы нельзя было сказать, что он был лишен защиты, но несправедливость восторжествовала, и Инструкции 1561 года, предписывающие обвиняемому подавление дела, привели в качестве причины для этого то, что обвиняемому, таким образом, может быть отказано в опознании свидетелей, выступающих против него, — таким образом, показывая, как один отказ в правосудии приводил к другому. [1625] Свидетели защиты были дополнительно подвергнуты перекрестному допросу, который, по крайней мере, в более ранний период, мог проводиться налоговыми органами - непристойность, почти невероятная ввиду жестких ограничений, наложенных на защиту. [1626] Фактически различие, признаваемое в обращении с доказательствами для обвинения и защиты, нашло отражение в инструкциях, отправленных Толедо в 1550 году своему уполномоченному в Даймиэле, о даче показаний по делам некоторых мориско из этого места. Ему не велено проверять достоверность массы досужих сплетен и слухов, собранных для обвинения, но при допросе свидетелей защиты он должен подвергать их строгому перекрестному допросу, чтобы выяснить, каковы основания для их утверждений. [1627]

Существовала одна формальность, не свойственная испанской инквизиции, предназначенная для защиты обвиняемых от случайных или ложных обвинений — ратификация, которая требовалась от свидетелей по истечении определенного промежутка времени с момента их первоначальных показаний. Иногда это было полезно и, если бы сохранилось в первоначальном виде, стало бы значительной гарантией выявления лжесвидетельства. Оно проводилось в присутствии двух фрейлин, известных как *честные личности*, и фискалу не разрешили присутствовать - запрет, который Манрике был вынужден повторить в 1529 году. [1628] В самый ранний период ратификация часто пропускалась, несомненно, из-за спешки, с которой работала инквизиция, [1629] но впоследствии это считалось абсолютно необходимым. Его важность была продемонстрирована тем, что принятие ратификации стало императивной обязанностью самого инквизитора, либо вызвав свидетелей, либо отправившись к ним, но это было трудно осуществить. Кардинал Адриан в 1517 году заявил, что ратификация перед комиссаром аннулирует все разбирательство, однако в 1527 году и снова в 1532 году потребовались приказы, чтобы заставить инквизиторов выполнять свои обязанности, и, наконец, попытка была оставлена, и повсюду были наняты комиссары. [1630]

РАТИФИКАЦИЯ

Как правило, нельзя было использовать доказательства, которые не были подтверждены, и я встречался с немалым количеством дел — одно еще в 1628 году, — которые были приостановлены, а обвиняемые освобождены от ответственности, потому что свидетелей не удалось найти, когда они были нужны для этой цели. [1631] Это произошло из-за того факта, что, строго говоря, ратификация не должна была производиться непосредственно перед так называемой “публикацией доказательств”, которая была заключительным этапом обвинения, включающим значительный промежуток времени, в течение которого свидетели могли умереть или исчезнуть. [1632] Чтобы предотвратить это, постепенно вводились послабления в отношении требований о ратификации. В 1533, 1543 и 1554 годах Верховный суд логически признал, что, когда свидетели отсутствовали или умирали, их показания могли быть использованы, если этот факт был отмечен в протоколе. [1633] Были авторитеты, которые считали, что так было в Арагоне, и это практиковалось, но в других местах мнения разнились. [1634]

Наконец, был изобретен успешный способ двух форм ратификации: одна “*ad perpetuam rei memoriam*”, а другая “*en juicio plenario*”. Они были практически одинаковыми, за исключением того, что в первом случае свидетелю было сказано, что фискал будет использовать его доказательства в судебном преследовании, которое будет предъявлено в дальнейшем, а во втором - что это касается дела, находящегося в производстве суда. Вошло в обычай всегда получать подтверждение при даче показаний, а затем, если свидетель был доступен во время судебного разбирательства, подтверждение *en juicio plenario* прилагалось дополнительно. Трудно сказать, в какое время был принят этот прием, но, вероятно, это было примерно в середине семнадцатого века; самое раннее его использование, которое я встречал, относится к 1650 году в Мексике, где оно, по-видимому, уже стало обычным. [1635]

Хотя это якобы сохраняло для обвиняемого защиту ратификации, оно уничтожило всю ценность, которая имела в длительном промежутке между первоначальным внесением на хранение и его подтверждением. Сначала была назначена четырехдневная отсрочка для оформления формы *ad perpetuam*, которая, по-видимому, была сочтена достаточной, чтобы возбудить угрызения совести у возможного лжесвидетеля. [1636] Даже это было обусловлено требованиями обвинения. В тщательно разработанной серии инструкций для уполномоченных, примерно в 1770 году, им сообщается, что, по возможности, должен быть четырехдневный интервал, но если свидетель умирает или собирается отсутствовать, ратификация может быть немедленной. [1637] В одном случае 1758 года ратификацию предписано провести после трехчасового ожидания; в других, в 1781 и 1795 годах, через двадцать четыре часа; в другом, в 1783 году, зафиксировано, что для истечения было разрешено двадцать восемь часов, и все это показывает, насколько чисто формальным было все дело. [1638]

РАТИФИКАЦИЯ

По правде говоря, это была самая грубая формальность, поскольку привычный процесс лишал ратификацию того значения, которое она могла иметь изначально. Вместо того чтобы проверять память и правдивость свидетеля, заставляя его повторять свои показания, ему их просто зачитывали. В 1519 году и снова в 1546 году Супрема пытался установить некоторый предел этому злоупотреблению, приказав, чтобы после предварительных расспросов свидетеля заставляли по существу повторить свои показания, и только после этого ему зачитывали

протокол, но даже от этого вскоре отказались, и Инструкции 1561 года просто предусматривают, что свидетелю следует попросить повторить свои показания; если его подводит память, должны быть заданы вопросы, заставляющие его вспомнить это, и, если он попросит зачитать протокол, ему должны его зачитать. Конечно, свидетель всегда пользовался этой привилегией, и Пабло Гарсиа ничего не говорит о том, что он повторил свои показания, и руководит чтением протокола как само собой разумеющимся. [1639] Все дело было настолько рутинным, что трибуналы сохраняли печатные бланки для заполнения именами и датами обычного свидетельства, что свидетель заявлял, что это его показания, что они были должным образом изложены, что ему нечего было в них менять, ибо это была истина, которую он подтвердил, и при необходимости он повторял ее, не из ненависти, а для оправдания своих действий. совесть. [1640] Фактически, хотя свидетель был волен вносить любые дополнения, изменения или упущения, какие ему заблагорассудится, для него было опасно существенно сокращать запись, поскольку любой отзыв подвергал его наказанию за лжесвидетельство, и оба показания были должным образом изложены в публикации. [1641]

Епископ Симанкас сообщает нам, что при подозрении в лжесвидетельстве было принято допрашивать свидетеля повторно, но в других случаях этого не делалось, чтобы не подтолкнуть его к лжесвидетельству [1642]— нежность к свидетелю, которую лучше было бы проявить к его жертве; но Симанкас написал до того, как были изданы Инструкции 1561 года, и Рохас, чья работа была написана позже, очень вольно высказывается в своем осуждении обычной практики. Некоторые врачи, по его словам, утверждают, что ратификация заменяет ознакомление обвиняемого с именами свидетелей, но это галлюцинация, поскольку опыт показывает, что эта церемония с участием двух религиозных лиц не имеет никакой ценности, поскольку упорствовать в своих утверждениях, будь то истинных или ложных, является чертой человечности, особенно там, где существует риск лжесвидетельства, и он настаивает на том, чтобы свидетелю не разрешалось знакомиться со своими показаниями, но его следует изучить заново и сравнить два утверждения, чтобы по их различиям можно было определить достоверность его показаний и выявить лживых свидетелей. [1643] От немногих инквизиторов можно было ожидать добросовестного выполнения этого долга, но тот, кто писал о 1640 году, указывает, насколько плодотворным это могло оказаться. Он рассказывает нам, что в подозрительных случаях он находил преимущество этого плана и выявлял лжесвидетельства, которые не могли быть доказаны никаким другим способом; когда свидетели выдавали свою лживость, меняя важные детали, он заключал их в одиночные камеры, где совесть делала свое дело, и они признавались в своем мошенничестве. Он также был свидетелем многих древних процессов, в ходе которых комиссары и нотариусы были осуждены, лишены должностей и наказаны в публичных инстанциях, что неприятно свидетельствует о том, как мало полагались на должностных лиц, которые снимали доказательства. [1644]

До изобретения формулы *ad perpetuam* ратификация была сопряжена с трудностями из-за чрезмерных задержек, которые она часто вызывала. Так, Франсиско Алонсо, португалец из Саморы, обвиненный в двоеженстве, был брошен в секретную тюрьму Вальядолида 10 июля 1627 года. Поскольку предполагаемые бракосочетания были заключены в Коимбре, доказательства их заключения должны были быть получены оттуда, и прошел год, прежде чем он получил свою первую аудиенцию. Когда пришло время для ратификации, депонирования были отправлены с этой целью в Коимбру 28 сентября 1628 года, но, несмотря на неоднократную срочность, они были получены обратно только 18 декабря 1629 года. Затем дело

затянулось до тех пор, пока бедняга не умер 10 июня 1630 года, после трех лет тюремного заключения, когда оно волей-неволей было приостановлено. [1645]

СОКРЫТИЕ ИМЕН СВИДЕТЕЛЕЙ

Из всех способов поощрения доносчиков и подрыва защиты обвиняемых наиболее эффективным было сокрытие имен свидетелей обвинения. Этот позор был унаследован от Старой инквизиции. В 1298 году под предлогом того, что те, кто давал показания по делам о ереси, подлежали мести со стороны других еретиков, Бонифаций VIII постановил, что в случае угрозы такой опасности инквизиторы могут скрывать имена свидетелей, но он прямо приказал, чтобы при отсутствии такой опасности имена были опубликованы, как в других трибуналах. Очевидно, что он истолковал это буквально, поскольку, когда римские евреи пожаловались, что в их случае имена обычно скрывались, он решил, что, поскольку их было мало и они были бессильны, опасности не было и имена должны быть раскрыты. [1646] Разрешение на совершение несправедливости может практически принять характер совета, а затем и приказа, и, несмотря на оговорку Бонифация, сокрытие стало универсальной практикой инквизиции. Так было и в Испании. Сначала это было дискреционное право инквизитора, которым он пользовался в исключительных случаях, как, например, когда инквизитор Сьюдад-Реаля на процессах над Санчо де Сьюдад и его женой приказал 7 января 1484 года скрыть имена свидетелей, это было исключение, которое он объяснил тем фактом, что Санчо был регидором города, имел влиятельных друзей и что свидетелям угрожали. [1647] Аналогичным образом, в Инструкциях от ноября 1484 года сокрытие имен свидетелей было разрешительным, а не обязательным. Делался намек на опасность дачи показаний против еретиков; утверждалось, что некоторые свидетели были убиты или ранены по этой причине, поэтому инквизиторы могли скрыть их имена и все обстоятельства, которые привели бы к их идентификации. [1648] Все, что требовалось, - это разрешение, и подавление быстро стало правилом.

Конечно, время от времени возникала опасность и, конечно, предпринимались попытки угрозами или иным образом удержать информаторов и свидетелей, но это обычное дело для всего уголовного правосудия, хотя светским судам и в голову не приходило применять сокрытие. Это была привилегия исключительно в пользу веры. Учитывая провокацию и количество жертв, нападения на свидетелей представляются исключительно редкими и совершенно недостаточными для оправдания их защиты такими средствами, хотя инквизиция никогда не переставала заявлять об этом как о вездесущей опасности. В августе 1500 года Фердинанд и Изабелла потребовали от Мануэля Португальского экстрадиции Хуана де Зафры и его зятя за попытку убить Хуана Лопеса из Бадахоса, который давал показания против Зафры и, не найдя его, забил до смерти свою беременную жену и зарезал своего маленького сына и сбежал в Португалию. Они были выданы, но, похоже, прецедентов для их судебного преследования не было, и в январе 1501 года мы обнаруживаем, что Фердинанд написал письмо в севильский трибунал с просьбой провести консультацию относительно процедуры рассмотрения этого дела. И снова, в январе 1502 года, когда свидетелю в Калатаюде угрожали, Фердинанд приказал инквизитору, если сообщение соответствовало действительности, предпринять такие действия, которые соответствовали бы чести Святой Канцелярии и защите свидетелей. [1649] Очевидно, что случаи были настолько редкими, что не было сформулировано никакого метода борьбы с ними. Тем не менее, опасения были живы, и когда в 1507 году в Льерене несколько конверсос,

живших рядом с инквизицией, были заподозрены в том, что они наблюдали за тем, какие свидетели ходили туда, Фердинанд уполномочил инквизиторов удалить шестерых из них в срочном порядке и заменить их лицами вне подозрений. [1650]

Соккрытие имен свидетелей неизбежно воспринималось Конверсос как чрезвычайное затруднение, не только как препятствующее защите, но и как стимулирующее выдвижение ложных обвинений, опровергнуть которые не было никакой возможности. Мемориал Хаэна 1506 года без колебаний обвиняет должностных лиц трибунала в том, что они таким образом нагромождают фиктивные обвинения, и карьера Лусеро в Кордове показывает, насколько успешно это можно было бы сделать, когда свидетелей не нужно было ни называть, ни приводить. То, что необходимо было приложить усилия для получения помощи, было естественным. Когда в 1512 году Фердинанду не хватало средств для завоевания Наварры, ему было предложено 600 000 дукатов, если он снимет гриф секретности с имен информаторов и свидетелей, но нам сказали, что он предпочел своего Бога, свою веру и сохранение религии. Вскоре после его смерти была предпринята попытка соблазнить молодого Карла V взяткой в 800 000 крон. Его жадные советники одобрили петицию, но Хименес вмешался с решительным протестом, перечислив отказ Фердинанда и предсказав крах Святой Канцелярии. Недавно он добавил, что в Талавера-ла-Рейна иудействующий Конверсо, наказанный этим, узнал о доноскике, подстерег его и убил, и таков позор, причиненный инквизицией, и такова ненависть, порожденная этим, что, если бы имена свидетелей были опубликованы, они были бы убиты не только в уединении, но и на улицах и даже в церквях; никто не смог бы изобличить еретиков, кроме как рискуя своей жизнью, так что инквизиция была бы уничтожена, а Бог был бы уничтожен. у него не было бы защитника. Чарльз был убежден, и ослепительная взятка была отклонена. [1651]

СОКРЫТИЕ ИМЕН СВИДЕТЕЛЕЙ

Таким образом, политика инквизиции была улажена, и она настолько полно была воплощена в *estilo*, что ее часто применяли в тех случаях, когда ее мнимая причина была неприменима. Когда Хуан Франко был сожжен за протестантизм в Толедо в 1570 году, единственным свидетелем против него был другой француз, Жан де Провен, который признался в том, что был протестантским догматизатором и как таковой, несомненно, был сожжен. Его единственным доказательством был какой-то пустой разговор между ними восемь лет назад; он был в высшей степени защищен от мести, и все же его имя было тщательно замалчиваемо при публикации доказательств. [1652] При всем этом, когда правило было применено к инквизиторам, как это было при посещениях, когда инспектор допрашивал чиновников друг о друге, они полностью признали его несправедливость. Так, в 1574 году, во время проверки канарского трибунала, когда инквизитор Ортис де Фюнес был привлечен к уголовной ответственности, он горько жаловался, что из—за этого у него не было возможности проверить или признать недействительными показания свидетелей - угрызений совести, которых он никогда не испытывал при отправлении правосудия подобным образом. [1653]

Настойчиво поддерживалась фикция о том, что полезность инквизиции полностью зависит от сокращения имен свидетелей. В борьбе за передачу дела Вильянуэвы Риму главный аргумент, неоднократно выдвигавшийся Супремой, заключался в том, что, если бы апелляции к Риму были разрешены, они подорвали бы его эффективность в подавлении ереси, поскольку никто не

стал бы осуждать еретиков или свидетельствовать против них, если бы существовал риск, что их имена станут известны в Риме из доставляемых туда бумаг. [1654]

На праздность этого разговора указывают редкость случаев нанесения телесных повреждений или угроз свидетелям и умеренность, с которой они обычно наказывались. Самым серьезным делом, с которым я сталкивался, было то, которое последовало за осуждением Луиса Палласа, сеньора Кортеса, на пожизненное затворничество в монастыре трибуналом Валенсии в 1571 году за защиту своих вассалов-морисков от инквизиции. Подозрение в том, что он донес на него, пало на Франсиско Гонсалеса, и семья Паллас приказала его убить, за что в 1577 году четверо слуг Палласа были переданы генерал-капитану для казни. Этот случай был настолько необычным, что у последнего возникли сомнения относительно своего долга, которые Филипп II назвал излишними и неоправданно отсрочил наказание. [1655] Как и любое другое убийство, это влекло за собой смертную казнь, но, как правило, к преступлениям небольшой тяжести относились снисходительно. В 1631 году Франциска Муньос из Сеговии ранила Хуана Мартинеса в лицо после того, как спросила, почему он отдал ее свекровь инквизиции, за что получила всего лишь выговор в зале для аудиенций и изгнание на два года из Сеговии. [1656] В различных других случаях угроз свидетелям самое суровое наказание, которое я встречал, - это сотня ударов плетью в сочетании с более или менее изгнанием, и это, учитывая щедрость, с которой применялось бичевание, подразумевает, что преступление не рассматривалось как требующее суровых репрессий. [1657] Хотя, таким образом, штрафы не были сильно сдерживающим фактором, случаев, по-видимому, было исключительно мало. В записях Толедо с 1648 по 1794 год единственный случай произошел в 1650 году, когда Педро де Вега, алькальд Момбельтрана, после суда за предложение без вынесения обвинительного приговора угрожал и оскорблял свидетелей; за это он был привлечен к ответственности и отделался строгим выговором и предупреждением. [1658]

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Чтобы в полной мере оценить трудности, которые причиняло обвиняемому сокрытие имен свидетелей, необходимо иметь в виду, что его единственной возможностью узнать, какие доказательства были против него, была так называемая публикация. Это будет рассмотрено более подробно ниже, и здесь достаточно указать на то, как попытка ввести заключенного в заблуждение относительно личности его обвинителей привела к искажению доказательств таким образом, что это неизбежно создало препятствия для чрезвычайно ограниченных возможностей, предоставленных ему для защиты. Тем не менее, мы иногда встречаемся со случаями, которые наводят на мысль, что инквизиторы меньше заботились о безопасности своих свидетелей, чем о создании веры в безопасность, которая поощряла бы донос. Так, на процессе над Гансом из Антверпена в Толедо по обвинению в лютеранстве в 1561 году не было никаких колебаний в изложении доказательств таким образом, что он не мог не опознать свидетеля. [1659] Этого вряд ли можно было избежать в очень плодотворном источнике доказательств, добровольно предоставленном сокамерниками. Так, в толедском деле Педро Фламенко в 1570 году показания двух сокамерников относительно его разговоров и поведения в тюрьме изложены так, что их идентификация неизбежна, и, поскольку они включали их мнение о том, что он был негодяем и негодяйкой, в этой камере, должно быть, было оживленно по возвращении с аудиенции. [1660] В случаях домогательств попытка предотвратить опознание была тщетной, поскольку исповедник не мог не узнать женщин, которых он соблазнил или пытался соблазнить, на основании свободно описанных инцидентов.

В светском судопроизводстве иногда прибегали к “очной ставке” — приводу обвиняемого лицом к лицу с обвинителем или свидетелями и предоставлению им возможности обсудить вопросы, которые озадачили судей, но это считалось сомнительным средством, к которому следовало прибегать только тогда, когда все остальное не помогало. [1661] В 1491 году по делу Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа, где обвиняемые были свидетелями друг против друга и их признания под пытками были непримиримыми, была предпринята попытка очной ставки с сомнительным успехом. [1662] Это указывает на то, что под сильным давлением завеса секретности могла быть снята, и, вероятно, этому примеру иногда следовали, поскольку Вальдес в Инструкциях 1561 года счел необходимым сказать, что, хотя конфронтация практиковалась в других юрисдикциях, в инквизиции это не было принято, поскольку, помимо нарушения секретности, опыт показал, что при судебном разбирательстве это было невыгодно. [1663] Это не положило этому полного конца, поскольку в 1568 году Верховный суд резко упрекнул трибунал Барселоны в различных нарушениях, среди которых было частое обращение к конфронтации. [1664] Последний намек на практику, с которой я встречался в Испании, встречается в деле Вальядолида 1620 года о священнике Хуане де Габана и его сообщнице Херониме Гонсалес, когда консульта де Фе предложила им очную ставку, но передала дело в Верховный суд. Его решение, несомненно, было бы отрицательным, но так и не было вынесено, поскольку Габана умер до того, как он ответил. [1665] В Римской инквизиции конфронтация допускалась редко и только тогда, когда обе стороны были низкого происхождения — никогда между лицами более высокого положения или разных классов. [1666]

Хотя предпринимались тщательные меры для того, чтобы обвиняемый не смог опознать свидетелей, свидетелям часто было необходимо опознать обвиняемого, чтобы предотвратить ошибки, которые могли произойти при произвольных методах инквизиции. Это было сделано таким образом, чтобы достичь обеих целей. Несколько грубый план, принятый в 1528 году на процессе в Толедо над Диего де Учедой, заключался в том, чтобы спрятать свидетелей в камере пыток, пока по нему будут ходить взад и вперед в течение четверти часа, пока они полностью не опознают его. [1667] Впоследствии было сочтено целесообразным снабдить зал для аудиенций *целозией* — жалюзи или решеткой, сквозь которую свидетель мог заглядывать незамеченным. Его полезность была наглядно продемонстрирована в 1649 году в деле Вальядолида о предполагаемом двоеженстве, когда одну из жен, Ану Роман, привели осмотреть обвиняемого через решетку и заявили, что он не тот Хуан Гонсалес, за которого она вышла замуж, поскольку он отличался по возрасту, росту и чертам лица, после чего его уволили. [1668]

Принимая во внимание соблазн удовлетворить злой умысел, покрывая доносчиков и свидетелей, было рекомендовано проявлять особую осторожность при выявлении и наказании лжесвидетелей. Это было тем более необходимо, что лжесвидетельство было распространенным пороком, а санкция присяги считалась легкомысленной. В 1555 году кортес Вальядолида потребовал, чтобы в случаях, связанных со смертью или нанесением увечий, клятвы были отменены, поскольку они просто вели к лжесвидетельству, а в 1560 году кортес Толедо пожаловался на распространение лжесвидетельства как дела настолько обычного, что в некоторых провинциях оно было в таком же изобилии, как и любой другой товар, и открыто говорилось, что за деньги человек может привлечь столько свидетелей, сколько пожелает. [1669]

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

Мы видели, как в 1488 году в Толедо восемь евреев были растерзаны раскаленными щипцами и замазаны за лжесвидетельство против добрых христиан с целью очернить инквизицию. [1670] Это жестокое наказание странно сопоставимо со снисхождением, проявленным к оправдывающему лжесвидетельству в деле Моссена Педро де Сантанхеля, приора Дароки, который пытался с помощью нескольких лжесвидетелей спасти своего брата Луиса де Сантанхеля, сожженного за соучастие в убийстве Сан-Педро Арбуэса. Он отделался простой епитимьей, держа зажженную свечу перед главным алтарем, и к ним отнеслись столь же благожелательно. [1671] Вероятно, для обеспечения большего единообразия в Инструкциях 1498 года инквизиторам было приказано подвергать публичному наказанию, согласно закону, тех, кого они уличат в даче ложных показаний. [1672] Этот вопрос вполне мог вызвать беспокойство, поскольку очевидно, что лжесвидетельство с обеих сторон было распространено, и суды могли разумно колебаться, верить ли какому-либо свидетелю.

В 1500 и 1501 годах мы видим, как Фердинанд неоднократно вмешивался, чтобы защитить тех, к кому он благоволил и кого, по его словам, преследовали лжесвидетели, [1673] и карьера Лусеро показывает, с какой готовностью и беспринципностью их можно было использовать в тайне судебных процессов. Мемориал Хаэна 1506 года рассказывает о некоем Диего де Альхесире, которого Лусеро держал в течение пяти лет для дачи показаний против всех, кого он желал уничтожить, и которого инквизиторы Хаэна одолжили для той же цели, помимо других адептов того же типа, которых они нанимали и вознаграждали. Когда в Арьоне был совершен налет, нотариус Барзена привел с собой Луиса де Вильчеса, который, сменив имя и одежду, неоднократно давал показания разными персонажами. [1674] Одна из петиций кортеса Монзона 1512 года красноречиво свидетельствует о том же положении дел в Каталонии, поскольку в ней содержится просьба о том, чтобы, когда человек был сожжен из-за подложных показаний, инквизиторы не препятствовали королю наказывать лжесвидетелей. [1675] Такая система неизбежно порождала профессиональных лжесвидетелей, которые ради выгоды делали то, что другие могли бы сделать по злему умыслу. То, что обвиняемый прибегнет к тем же средствам, было неизбежно. В Сеговии, в 1504 году, похоже, был настоящий карнавал лжесвидетелей. 10 и 11 июля были наказаны два лжесвидетеля и двадцать два человека, которые ложно поклялись на стороне защиты; были другие, которые умерли до вынесения приговора, и еще больше тех, кто сознался и ожидал наказания, которое состояло в основном в бичевании и ссылке. [1676]

До сих пор, по-видимому, существовала неопределенность относительно юрисдикции. В каталонских усилиях по оказанию помощи от Льва X была добыта булла *Pastoralis officii*, 1 августа 1576 г., которая сделала лжесвидетельство, совершенное в инквизиции, подлежащим судебному разбирательству инквизиторами и церковными судьями совместно, но не по отдельности. [1677] Результат, естественно, был обескураживающим, и снова потребовалось вмешательство папы. В краткой записке от 14 декабря 1518 года, адресованной кардиналу Адриану, Лев выразил сожаление по поводу условий, при которых из-за лжесвидетельства виновные сбежали, а невинные пострадали, но единственным предоставленным средством правовой защиты было предоставление инквизиторам полной юрисдикции, позволяющей карать, даже путем ослабления светской власти, без совершения “нарушений”. [1678]

Таким образом, преступление было полностью передано в руки инквизиции, которая теперь не более, чем раньше, утруждала себя проверкой лжесвидетельных обвинений. Это подтвердилось, и в 1523 году суд Вальядолида потребовал, чтобы он применил к лжесвидетелям наказания, предусмотренные законами Торо 1502 года, которые постановили *талио* за лжесвидетельство, совершенное по уголовным делам. [1679] Чарльз ограничился ответом, что он попросил папу назначить генеральным инквизитором архиепископа Манрике, которому он поручил бы добиться свершения правосудия. То, что это средство оказалось бесполезным, можно почерпнуть из "Мемориала Гранады" 1526 года, в котором одним из аргументов против сокрытия имен свидетелей является количество душ, приговоренных к аду за лжесвидетельство с помощью возможностей, предлагаемых секретной системой, соблазняющей их уничтожить своих врагов или дать ложную клятву с помощью подкупа, что происходит каждый день. [1680]

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

Фактически процедура инквизиции была такова, что поощряла преступление и чрезвычайно затрудняла его раскрытие, по крайней мере, когда оно совершалось в интересах обвинения. Когда были приняты все меры предосторожности, чтобы обвиняемый не смог опознать своих обвинителей, от обычного инквизитора слишком многого ожидали, чтобы он отвлекся от рутинной работы своего ведомства и выяснил без помощи заинтересованных лиц, говорили ли свидетели, механически допрошенные им или его уполномоченным, правду или нет. Если бы в этом направлении проявлялось хоть какое-то рвение, Верховный суд не считал бы себя обязанным в 1531 году давать указания трибуналам о том, что лжесвидетели должны быть наказаны в назидание другим, уделяя должное внимание тому, были ли ими движимы злой умысел или невежество. Возможно, это подтолкнуло какой-нибудь трибунал к неудобной деятельности, поскольку в 1536 году он считал нужным умерить рвение, приказав не соблюдать строгость судебного приказа Льва X, если только кто-то не был осужден на основании ложных показаний, и даже в таком случае перед принятием решения следовало проконсультироваться с Верховным судом. [1681] Непогрешимость инквизиции была слишком важна, чтобы ее опрометчиво скомпрометировать.

Таким образом, умеренность оставалась правилом. Симанкас говорит нам, что, согласно записке Лео, лжесвидетели должны быть сожжены с конфискацией, но это должно быть сделано только тогда, когда обвиняемый серьезно пострадал; в большинстве случаев травма незначительна, за что достаточно таких наказаний, как появление в автомобиле с клеветнической митрой и бичевание, галеры или изгнание; даже при сожжении потомки не становятся инвалидами; *талио* практически устарел и должен использоваться только в крайних случаях; подкуп на лжесвидетельство даже хуже, чем лжесвидетельство, и влечет за собой такое же наказание. [1682]

Теоретически это отражает обычную практику. Я встречался лишь с одним случаем, когда был сожжен лжесвидетель, и это было на Сардинии в 1562 году, но примерно в 1640 году опытный инквизитор утверждает, что он видел записи о таких случаях в Логроньо, и вполне возможно, что они происходили время от времени. [1683] Также мы иногда сталкиваемся с бичеванием и галерами в случаях отягчающих обстоятельств, в то время как священники отделялись штрафами и ссылкой. Тем не менее, существовала тенденция к крайней умеренности. В Вальядолиде Хуан Гомес Рубио провел в заключении почти два года, с 1636 по 1638 год, по обвинению в богохульных высказываниях, когда его дело было приостановлено и он был уволен

с выговором и соответствующим позором. Его обвинителем был Педро де ла Крус, который дважды давал показания против него под вымышленными именами и подкупал других выступить против него, за что он отделался арестом в *вергуэнсе* и изгнанием. [1684]

Еще более значительным случаем был случай с Жаном де ла Барре, фламандцем, надолго обосновавшимся в Мадриде, где он был заместителем алькальда королевского дворца Пардо. Он был человеком несколько чрезмерной набожности. Он ежедневно служил мессу в королевской часовне своим собственным капелланом, пока постоянный капеллан, доктор Роблес, который также был комиссаром инквизиции, не запретил это и не отправил его в церковь тринитариев. Он пытался создать кофрадию для проведения месс, но Роблес потребовал возглавить ее и безответственно распоряжаться средствами, когда ла Барре отказался от проекта, хотя он потратил пятьсот дукатов на серебряную лампу для часовни. Естественно, они поссорились, и когда Роблес попытался примириться, его попытки были отвергнуты. В январе 1656 года он отомстил за себя, осудив ла Барра за различные еретические речи, за пренебрежение мессой и исповедью и, что, возможно, было серьезнее всего, за то, что он сказал, что инквизиторы - это грабители, которые хватают богатых людей, чтобы лишить их собственности. Ла Барр уволил нескольких рабочих за воровство и безделье, и их с готовностью вызвали в качестве подтверждающих свидетелей. Он легко опознал своих обвинителей и в свою защиту представил двадцать пять свидетелей в свою пользу, среди них пять монахинь-тринитариев и несколько чиновников высокого ранга, которые решительно свидетельствовали о его необычной набожности; он никогда не выпускал из рук четки, ежедневно посещал мессу и тратил на это три реала в день. Они также рассказали о смертельной вражде и угрозах Роблеса и уволенных рабочих и объяснили причины. Не могло быть более ясного случая подлого заговора с целью погубить невинного человека, но его приговорили к выговору и ссылке, а также пригрозили сотней ударов плетью, если он осмелится заговорить о своем обращении. То, что его дело было приостановлено и от него не требовали отречения даже *де леви*, показывает, что подозрения в ереси не были доказаны и что приговор с его позорными последствиями для него и его потомства был простым бессмысленным проявлением произвола, в то время как лжесвидетели не были обеспокоены, поскольку в протоколе нет пометок на полях, свидетельствующих о том, что из доказательств для их обвинения были взяты выдержки. [1685]

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

По-прежнему признавалось, что законным наказанием является *талио*, но что его следует применять только тогда, когда лжесвидетель признает вину своей жертвы, таким образом оценивая преступление не по его преступному характеру, а по его результату. [1686] Насколько легкомысленно относились к ложной клятве *per se*, показывает любопытный случай, произошедший в Вальядолиде в 1630 году. Студент по имени Луис Санчес обвинил некоего португальца из Саморы в попытке обратить его в свою веру. Получатель и альгуазиль были отправлены туда, но не смогли найти ни следов обвиняемых, ни даже улицы, на которой, по их описанию, они проживали. Послали за Санчесом, заставили утвердить его показания, а затем обвинили в мошенничестве и издевательствах над трибуналом. Он признал это и объяснил, что был брошен в тюрьму по делу о кобыле и придумал этот способ выбраться оттуда в надежде сбежать в приют при церкви. Суд над ним прошел все положенные этапы; голосование совета федерации было направлено в Верховный суд, который удовлетворился приговором к выговору, шестилетнему изгнанию из Вальядолида и штрафу в двести дукатов с той милосердной альтернативой, что, если он был слишком беден, он должен поклясться выплатить его, если

когда-нибудь сможет. [1687] Таким образом, инквизиция была благосклонно настроена к лжесвидетельству, светский закон не ослаблял своей строгости. В Арагоне суд Монсона в 1564 году издал постановление о *талио* по уголовным делам за обвинение лжесвидетелей и за те, которые были представлены защитой, в дополнение к наказаниям, предусмотренным фуэрос — бичеванию и вечному изгнанию, — помимо возмещения всех расходов, понесенных другой стороной. В Кастилии прагматика Филиппа II в 1566 году, подтвержденная Филиппом III в 1603 году, когда дело не касалось смертной казни, заменила талио бичеванием и пожизненными галерами. [1688] Мягкость инквизиции к таким преступлениям не была вызвана каким-либо смягчением законов страны.

С развитием *limpieza* появился новый и плодотворный источник лжесвидетельства. Те, кто пытался доказать безупречное происхождение, без колебаний восполняли любые генеалогические пробелы, подкупая свидетелей, восполняющих недостатки, а те, кто из-за зависти или злого умысла желал поражения претендента, находили готовые средства выдвинуть свидетелей, которые могли поклясться в общественной репутации или в том, что они видели санбенито предков. Еще в 1560 году и снова в 1574 году Верховный суд счел необходимым издать инструкции для рассмотрения этих дел. [1689] Судебные процессы по двоеженству также выявили группу лжесвидетелей, в основном нанятых виновной стороной, желающей вступить в повторный брак, которые поклялись, что он или она не женаты. [1690]

Несмотря на эти признания и тот факт, что в большинстве случаев сообщников было несколько, их число в записях на удивление невелико. Отчасти это объясняется чрезвычайной трудностью обнаружения из—за сокрытия имен свидетелей и препятствий, воздвигнутых на пути защиты, а отчасти безразличием трибуналов, которые, по-видимому, не считали своим долгом преследовать лжесвидетелей - по крайней мере, тех, кто выступает со стороны обвинения. Когда в 1640 году Агустин Гомес де ла Пенья, священник Пердигона, предстал перед судом в Вальядолиде за ношение неосвященных бланков во время процессии Тела Христова, и дело было приостановлено на том основании, что показания были лжесвидетельствованы, Верховный суд, одобряя голосование, счел необходимым распорядиться, чтобы налоговая служба возбудила уголовное дело против обвинителя и его свидетелей, показав, что это ни в коем случае не было само собой разумеющимся. [1691] Как бы то ни было, в протоколе Толедо, составленном с 1575 по 1610 год и охватывающем 1172 судебных процесса, содержится всего восемь дел о лжесвидетельстве, а в другом отчете того же трибунала, с 1648 по 1794 год, нет ни одного из 1205 дел в совокупности. [1692] В Вальядолиде из 667 судебных процессов, проходивших между 1622 и 1662 годами, есть только семь случаев лжесвидетельства. [1693] В мадридских архивах за период с 1703 по 1751 год упоминается лишь один судебный процесс по делу о лжесвидетельстве, и он возник в связи с браком. [1694]

К сожалению, эти незначительные доходы не доказывают, что лжесвидетельство было редкостью. Филипп V, среди других своих попыток реформ, в указе от 26 июля 1705 года обратил внимание на легкость, предоставляемую отвратительному злодейству ложных доносов и лжесвидетельства, возлагающих на многих невинных людей трудную задачу защиты чести, собственности и жизни, на извращение и скандал правосудия. Эти огромные и пагубные злоупотребления он объяснял неисполнением наказаний, предусмотренных законами, потому что умеренные наказания, которые применялись так редко, скорее поощряли, чем подавляли дерзость злонамеренных людей. Поэтому он приказал Верховному Судье проследить за

строгим применением законных наказаний, и Верховный суд послушно передал это в суды с инструкциями строго следовать им. [1695]

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

Кажется, это возымело некоторый эффект, но незначительный. В совокупности всех судебных процессов, проведенных в Испании с 1721 по 1727 год, из 962 приговоров всего семнадцать вынесены за лжесвидетельство, и это составляет лишь половину этого числа дел, поскольку в одном было пять сообщников, а в двух других - по трое в каждом. Наказания остаются прежними: бичевание, галеры и ссылка, и нет никакой разницы между нарушителями в делах о браке и теми, которые предполагают смертную казнь по обвинению в иудаизме. Один из этих последних вызвал в то время значительный интерес. Трое кающихся из Кадиса, отбывающих наказание за иудаизм, обвинили четырнадцать человек в соблюдении еврейских обрядов, но они плохо изучили свои роли, их рассказы не соответствовали друг другу, и, будучи арестованными, они сознались. Намеченные ими жертвы были удостоены специального аутодафе в Севилье 30 ноября 1722 года, на которое их доставили приближенные в самых красивых каретах города; в церкви Сан-Пабло их усадили рядом с инквизиторами, публично зачитали показания, провозгласили их невиновность, и в каретах развезли по домам. За этим последовал, 6 июня 1723 года, судебный процесс, по которому лжесвидетели были приговорены к двумстам ударам плетью каждый, а двое из них, которые были мужчинами, - к семи годам каторги. Несколько похожим был случай в Сантьяго в 1724 году, когда речь шла о пяти преступниках, лидер которых Педро Гарсиа Родригес был наказан двумястами ударами плетью и пятью годами галер, в то время как его сообщники получили удары плетью и восемь лет ссылки. [1696]

За последний период возросла умеренность в отношении лжесвидетельства. В 1817 году дьякон Мануэль Гонсалес Рибаденейра был привлечен к ответственности за это трибуналом Сантьяго, но, когда дело о *сумарии* было передано Верховному суду, он направил бенедиктинскому настоятелю Монфорте поручение предупредить преступника, что в будущем он должен соответствовать истине в своих показаниях, как подобает священнослужителю, ибо в противном случае к нему не будут относиться с той благосклонностью, которая теперь налагает на него всего восемь дней духовных упражнений в монастыре. Очевидно, даже это должно было вызвать сопротивление, поскольку дальнейшее положение угрожало ему, в случае отказа, судебным преследованием в соответствии с законом. [1697]

Теоретически была проявлена похвальная забота о достаточности доказательств для осуждения. В древнем Глоссаторе к Декрету говорится, что двух свидетелей достаточно для осуждения папы, но власти, как Старой, так и Новой инквизиции, считают, что, хотя это хорошо с точки зрения обычного права, все же в преступлении, влекущем за собой такие последствия, как ересь, особенно учитывая, что защита страдает из-за сокрытия имен свидетелей, следует проявлять большие колебания при осуждении человека на основании показаний всего двух свидетелей. [1698] Тем не менее, двое считались достаточными, если только они не были сообщниками, когда требовалось трое, и это подтверждалось другими признаками. [1699] Однако, поскольку одного свидетеля было достаточно для оправдания пыток, эти угрызения совести не спасли обвиняемого, а лишь подвергли его риску обвинить самого себя, если его выносливость не исчерпает ресурсы камеры пыток. Фактически, в условиях секретности

трибунала единственным правилом было усмотрение судей, и они могли толковать законы доказывания так, как считали нужным, как, например, когда посещение Барселоны привело к тому, что Верховный суд в 1568 году сделал инквизиторам выговор за то, что на основании показаний единственного свидетеля они привлекли к ответственности Гильена Контаду, дважды пытали его и, не признав виновным, передали его светским властям для сожжения; и он не был единственной жертвой такого рода, поскольку то же самое они сделали с Хуаном дель Пайеном. [1700] Сколько из этого произошло в других местах, мир никогда не узнает.

Теория о том, что для доказательства факта требуется два свидетеля, была развита в правило, согласно которому они должны быть *contestes* — то есть свидетелями одного и того же отдельного акта ереси, — прежде чем он может быть признан доказанным. В доводах защиты часто утверждается, что свидетели являются *единственными в своем роде*, а не *оспариваемыми*, но на практике такая защита обычно игнорировалась или, в лучшем случае, приводила лишь к неизменному использованию пыток. Так, в деле, переданном Верховному суду для принятия решения, трибунал сообщил, что было много свидетелей, которые могли доказать, что обвиняемая была еврейкой, но они не были оспариваемыми, поскольку ни один из них не привел других, но каждый назвал кого-то еще, кто мог подтвердить этот факт: они давали показания в одно и то же время и в одном месте, но различались по годам. На консультативном совете одни члены проголосовали за смягчение наказания, а другие - за пытки; дело было передано на рассмотрение Верховного суда, и, каким бы ни было его решение, обвиняемый пострадал. [1701]

ХАРАКТЕР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Даже в семнадцатом веке Эскобар безоговорочно подтверждает это правило: если один свидетель клянется, что слышал, как Педро говорил на рыночной площади, что Бог не Троица, а другой - что слышал, как он говорил это в доме, это не обвиняет его, поскольку ни тот, ни другой факт не доказан юридически. [1702] Однако такое определение создавало слишком много препятствий на пути обвинения, чтобы их нельзя было обойти, и, фактически, существовали категории дел, такие как вымогательство признательных показаний, в которых невозможно было привлечь более одного свидетеля для каждого отдельного действия. Таким образом, в судебных процессах по обвинению в иудаизме, в которых доказательства часто охватывали долгий ряд лет и касались бесконечно малых инцидентов в повседневной жизни, вряд ли можно было найти одновременных свидетелей хотя бы одного из них. Тем не менее, претензии инквизиции на крайнюю доброжелательность требовали, чтобы это понималось так, как это выражает Эскобар, в то время как на практике это игнорировалось. Было обнаружено, что свидетели могут быть *соперниками в общем*, когда они дают показания о различных актах ереси и, таким образом, дают полное доказательство. Это правда, что Рохас, сославшись на авторитеты с обеих сторон, приходит к выводу, что правило, требующее двух одновременных свидетелей факта, должно соблюдаться, но один из его авторитетов утверждает, что на практике действует обратное правило, и Верховный подтвердил это 27 июля 1590 года, приказав, чтобы в тех случаях, когда речь идет о формальной ереси, показания относительно различных церемоний и точек зрения должны проводиться как *состязания*. [1703] Это было неизбежно, и это было всего лишь санкционированием того, что долгое время было обычным делом в трибуналах.

В характере принятых доказательств было много расплывчатости. В светских судах показания с чужих слов не принимались в качестве доказательства, если только свидетель не слышал о деле от такого количества лиц, что оно приобрело общественную известность, и в этом случае ему придавался определенный вес. [1704] В инквизиции номинально соблюдалось то же правило, но на практике свидетельства с чужих слов приветствовались и использовались. Все деревенские сплетни охотно принимались и записывались, чтобы быть воспроизведенными при публикации доказательств, предоставленных обвиняемому, и они, несомненно, имели свой вес, когда были представлены на рассмотрение консультативного совета, который вынес приговор. Свидетелей часто приводили для того, чтобы они поклялись, что слышали, как непосредственный свидетель утверждал, что обвиняемый виновен в инкриминируемой ему ереси, и это рассматривалось как совокупное доказательство. Иногда случалось, что эти второстепенные свидетели давали гораздо более веские показания, чем их основные, и в таком случае налоговому органу было приказано включить в обвинение и то, и другое, с оговоркой, что прямые показания будут учтены при вынесении приговора с целью запугать заключенного и ввести его в заблуждение. [1705] Такого рода доказательства, которые были серьезно приняты и зафиксированы, можно увидеть в судебном процессе над лицензиатом Луисом де Геварой, который был примирен в ходе судебного процесса в Толедо 1594 года. В аннотации к более важным показаниям утверждается, что четвертый свидетель слышал, как мужчина говорил, что некая Мориска была отличной сукой, поскольку она спаривалась с другими собаками, имея в виду упомянутого Луиса де Гевару. [1706] Такие слухи с невероятным трудом накапливались, и легко оценить их влияние на обвиняемого, когда они хитроумно смешивались с прямыми доказательствами в публикации показаний свидетелей, на которые от него требовали отвечать на месте, пункт за пунктом, сбивая его с толку и заводя в ловушку самого себя. На судебном процессе в Вальядолиде в 1641 году над Себастьяном де лос Риосом, кюрой Томбрио, было четырнадцать свидетелей *de visu*, или прямых, и двадцать *de oídas*, или по слухам, а в 1659 году Гиомар Антунес был брошен в секретную тюрьму с наложением ареста на основании показаний одного свидетеля *de visu* и одиннадцати *de oídas*. Широтология в отношении доказательств вряд ли могла пойти дальше, чем в случае с фраем Алонсо Каперой, которого судили в 1643 году как *курандеро* за лечение болезней с помощью заклинаний, против которого дали показания двадцать свидетелей, “мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых, одни прямо, другие по слухам, третьи по подозрению”. [1707] Если вспомнить, что ни один свидетель, каким бы позорным или непригодным он ни был, не был отвергнут, мы можем представить качество доказательств, от которых зависела судьба обвиняемого.

ХАРАКТЕР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Хотя инквизиция заявляла о своей юрисдикции в отношении всей ереси, внутренней и ментальной, а также внешней и формальной, она могла преследовать в судебном порядке только тогда, когда ересь проявлялась или выводилась из внешних действий или слов, и они должны были расследоваться с предельной тщательностью. Земля была заполнена теми, чье внешнее соответствие могло быть всего лишь прикрытием для тайного инакомыслия. К новому христианину относились с подозрением, как к возможному или даже вероятному отступнику, чье крещение служило лишь для того, чтобы признать его виновным и передать под

юрисдикцию инквизиции. Он мог регулярно соблюдать религиозные обряды, быть либеральным по отношению к церкви и монашеству, быть постоянным покупателем индульгенций Cruzada и все же тайно верить в Закон Моисея или Магомета. Дело инквизиции было выявлять и наказывать этих вероотступников; они редко выдавали свою неверность опрометчивыми признаниями или поспешными речами, за исключением так называемых сообщников или сокамерников, и, в отсутствие таких свидетелей, по большей части, единственным доказательством против них была их приверженность в уединении своих домов обрядам и обычаям, которые на протяжении долгой череды поколений стали их второй натурой. Таким образом, именно от этого в значительной степени зависело судебное преследование, и самые простые действия, отдававшие иудаизмом или исламом, рассматривались как неопровержимые доказательства отступничества, требующие примирения с Церковью со всеми вытекающими отсюда последствиями и, если впоследствии они продолжались, доказывающие рецидив с наказанием в виде костра.

Поэтому знакомство с обрядами осужденных религий было частью необходимой подготовки инквизитора, и для их ознакомления были составлены длинные описательные каталоги. Также для того, чтобы люди могли быть должным образом проинструктированы и быть настороже, чтобы не обличать своих соседей, они были включены в Эдикты веры, ежегодно публикуемые во всех церквях. Большая часть доказательств, зафиксированных в ходе судебных процессов и, по большей части, принятых в качестве убедительных, состоит из действий, которые сами по себе совершенно невинны и кажутся нам совершенно безразличными и недостойными рассмотрения. Соблюдение Рамадана или поста царицы Эстер, конечно, не допускало бы никаких смягчающих обстоятельств, но существовало множество тривиальных обрядов, которые современному уму кажутся совершенно неадекватными тому значению, которое им придавалось во время судебных процессов. Эта крайняя тщательность, с которой соблюдались подобные обряды, доказывающие вероотступничество, была новшеством. Издревле Церковь признавала невозможность резкого изменения обычаев, столь прочно вошедших в рутину повседневной жизни, и, хотя такие обычаи подлежали подавлению, они не рассматривались как ересь. Великий Латеранский собор 1215 года ссылается на их частоту, но довольствуется приказом прелатам заставить новообращенных отказаться от всех остатков их старой веры. [1708] В Испании дело обстояло иначе, и доказательства, на которых основывались судебные преследования и назначенные наказания, часто казались нам весьма надуманными.

Смена нательного или столового белья в субботу, зажигание свечей в пятницу и подобные обряды были доказательствами самого пагубного характера; даже употребление *амин*-любимого евреями бульона - внесено в список правонарушений, влекущих за собой участие в аутодафе. [1709] Когда Брианда де Бардакси предстала перед судом в Сарагосе в 1491 году, она призналась, что в детстве съела несколько кусочков пасхального хлеба, который дал ей товарищ по играм, и это было подробно описано в ее приговоре как одно из доказательств "ярых подозрений", за которые она была сурово наказана. [1710] Обрезание в более поздний период было доказательством, почти решающим, и для подсудимых мужского пола осмотр хирургом трибунала был обычным делом, но в более ранние времена, до изгнания и принудительного обращения евреев, это было просто признаком того, что мужчина был новым, а не старым христианином, однако на аутодафе в Сарагосе в 1486 году Педро и Луис де Алмазан были осуждены, только на основании этого свидетельства, были приговорены к совершению епитимьи с зажженными свечами и к десяти годам ссылки. [1711] Среди морисков окрашивание ногтей хной считалось оправданием подозрений; отказ есть мясо животных,

умерших естественной смертью, наносил большой вред; склонность к чистоте путем самостоятельного мытья была признаком отступничества, и на суде над Мари Гомес в Толедо в 1550 году, как нераскаявшаяся с рецидивом, одна из самых опасных женщин. обвинение заключалось в том, что на своем предыдущем судебном процессе она не призналась в том, что примерно пятнадцать лет назад в ее доме был убит ребенок, перерезав ему горло. [1712]

ХАРАКТЕР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Насколько скудными были доказательства, необходимые для обвинения, видно из судебных процессов над целой семьей в Вальядолиде с 1622 по 1624 год. Когда доктор Джорджо Энрикес, врач герцога Альвы, умер, тело было испачкано, и его требовалось вымыть, а затем надеть чистую рубашку. После этого ряд свидетелей заявили, что оно было подготовлено к погребению в соответствии с еврейскими обрядами. Консультативная комиссия по аресту не была единогласной, и дело было передано в Верховный суд, который распорядился арестовать всех заинтересованных лиц с наложением секвестра. Вся семья, вдова, дети и слуги, а также несколько двоюродных братьев были брошены в тайную тюрьму, а старший сын, двадцатилетний юноша, умер от последствий пыток. Спустя почти два года после этого доказательства были настолько слабыми, что совет федерации проголосовал *за discordia*, и Супрема приказал оправдать заключенных. Так, в 1625 году Мануэль де Азеведо, сапожник из Саламанки, был осужден за то, что удалил кусок жира из бараньей ноги, которую отнес пекарю для запекания. Консультанта проголосовала за прекращение дела, но налоговая служба подала апелляцию в Верховный суд, который распорядился об аресте с наложением секвестра. Судебный процесс проходил по всем формам, и когда, наконец, Азеведо узнал из обвинения, в чем именно его обвиняют, он сказал, что не знал о том, что это еврейский обычай, но ему сказали, что баранья нога лучше прожаривается, когда с нее срезают жир. Когда защита была выдвинута, он со всех сторон доказал, что был Старым христианином; он не был оправдан, но дело было приостановлено. Если бы он был Новым христианином, его бы пытали и покаяли, независимо от того, преодолел он пытку или нет. В другом деле, в 1646 году, одно из обвинений заключалось в том, что обвиняемый, нарезаая хлеб, держал нож острием в сторону, а не к груди, как это было принято у христиан. Каким бы тривиальным все это ни казалось, иногда можно встретить случай, показывающий, что инквизиция не всегда напрасно тратила свою энергию на расследование самых скудных улик, какими бы великими ни были страдания, часто причиняемые невинным. В нескольких случаях с евреями в Вальядолиде в 1642 году главным доказательством было то, что мясо перед приготовлением вымачивали в воде, чтобы удалить кровь и жир. Это привело к разоблачению и наказанию как иудействующих группы из примерно пятнадцати или двадцати человек в Бенавенте, которые появились на аутодафе 1644 года. Как только одного приводили к признанию, он вовлекал в это других, и раскидывалась сеть, которая захватывала их всех. Однако тот факт, что пытки применялись свободно, вызывает неприятные сомнения в справедливости результата. [1713]

Подозрение могли вызвать как отрицательные, так и положительные признаки, и в Испании инквизиции каждому человеку надлежало быть скрупулезно точным в выполнении того, что считалось доказательствами ортодоксальности, а также избегать того, что вызывало сомнения, ибо повсюду вокруг него были ревностные шпионы, стремящиеся служить вере. В 1635 году Мануэль Мардес, путешествуя со своей женой и двумя другими женщинами, прошел мимо двух мужчин, работавших в поле, не поприветствовав их. Один из них спросил его, почему он не сказал “Хвала Иисусу Христу” или “Хвала самому Благословенному Таинству”, на что он

неосторожно ответил, что Бога не знают в его собственной стране. Рабочие немедленно донесли на него ближайшему уполномоченному инквизиции, который его арестовал. Калификадоры проголосовали за то, что это был явный иудаизм, и он был брошен в секретную тюрьму Вальядолида с конфискацией имущества. Затем поступили дополнительные показания сокамерника о том, что он мыл руки, когда вставал и перед едой. Он отрицал все свои намерения до тех пор, пока его не подвергли жестоким пыткам, когда он признался во всем, что хотел. [1714]

Естественно, трибуналы обычно искали эти отрицательные доказательства. На процессах по делам иудаизма и магометанства обвиняемого всегда допрашивали относительно его обучения христианским формулам. Его попросили процитировать кредо и обычные молитвы Патерностера, Аве Мария и *Salve Regina*, и заставили перекреститься, чтобы посмотреть, делает ли он это так, чтобы показать, что это было привычно. В Испании существовало две формы этого — *сантигуарсе* и *сигнарсе* — первое заключалось в совершении крестного знамения соединив большой и указательный пальцы, проводя ими ото лба к щеке и от левого плеча к правому; второе - в касании лба, рта и груди большим и указательным пальцами правой руки или только большим пальцем. Часто это было решающим испытанием. О Мари Гомес записано 15 июля 1550 года: “Она повторила “Аве Мария”; она была несовершенна в Патерностере и символе веры и сказала, что не знает *Salve Regina*. Она плохо исполнила *signo*, но *сантигуаду* исполнила хорошо”. [1715]

Представляется целесообразным столь подробно остановиться на деталях обращения инквизиции с доказательствами, поскольку это в значительной степени было определяющим фактором в судьбе обвиняемого. Исходя из этого исследования, невозможно удержаться от вывода о том, что процессуальная система была создана скорее для обеспечения обвинительного приговора, чем для установления истины. Факт ареста предполагал вину, и задачей трибунала было доказать это.

ГЛАВА VI.

ИСПОВЕДЬ.

Еретик был не только преступником, но и грешником. Это возлагало на инквизицию двоякую функцию — раскрывать преступления и наказывать за них и спасти душу грешника. Ее положение было аномальным. Вряд ли это можно было назвать духовным трибуналом, поскольку инквизиторы и члены Верховного суда, как мы видели, могли быть мирянами. Юрисдикцией в отношении ереси обладала специальная делегация Святого Престола, но, хотя инквизитор мог отлучить от церкви, когда порицание должно было быть снято, он не делал этого сам, а уполномочивал любого священника совершить церемонию. [1716] Он никогда не получал сакраментальных признаний и не совершал таинства покаяния; даже когда протестант обращался к нему с просьбой принять его в лоно Церкви, вызывался священник, чтобы выслушать исповедь и даровать отпущение грехов.

Таким образом, осуществляя духовную юрисдикцию, инквизитор, даже если принадлежал к духовному сану, воздерживался от выполнения духовных функций. Тем не менее, как судья, его обязанности не были чисто светскими. Теоретически целью инквизиции было спасение душ;

выявление и наказание ереси были всего лишь необходимым средством для достижения этой цели. Сожжение упрямого нераскаявшегося человека, помимо мести за оскорбление Бога, было удалением пораженного гангреной члена, чтобы уберечь тело от инфекции. Наказания, налагаемые на раскаявшегося, были не наказанием, а епитимьей, и он был не осужденным, а кающимся грешником; какое бы заявление он ни сделал во время суда, даже упрямо отрицая обвинения, это было признанием, а исправительная тюрьма, в которую он был отправлен, была *каса де пенененсия* или *мизерикордия*. Даже доносы и показания свидетелей защиты иногда назывались признаниями.

Хотя различие между судебным и сакраментальным исповеданием полностью признавалось, а инквизитор ни в коем случае не был исповедником, существовало любопытное предположение, что в трибунале исповедь носила смешанный характер, относясь к обоим классам. [1717] Вся процедура была направлена на то, чтобы побудить обвиняемого признать свои ошибки, заявить о раскаянии и просить о пощаде. Любовь Бога и его Благословенной Матери заклинала его освободить свою совесть и спасти свою душу полным признанием перед самим собой и другими, не произнося ложных показаний ни против себя, ни против них. Так называемому адвокату, который был назначен защищать его, было поручено убедить его в этом и объяснить, что Святая Канцелярия не похожа на другие суды, в обязанности которых входило наказывать тело, поскольку здесь единственной целью было вылечить душу и воссоединить с Церковью тех, кто из-за своих грехов покинул святую конгрегацию христиан в нарушение данных ими при крещении обещаний; поэтому он должен отбросить все мысли о том, что касается тела, и думать только о своей душе, исповедуясь в своих преступлениях, чтобы Святая Канцелярия могла вылечить его немощь, которая была за пределами дозволенного. власть любого другого судьи или исповедника. [1718]

Несомненно, было много инквизиторов, которые добросовестно верили, что это был высокий долг, которому они были преданы. Однако был и другой мотив, который был не лишен веса, побудив прибегнуть к серьезным, а иногда и жестоким средствам, поскольку считалось, что признание, каким бы оно ни было получено, исправит все недостатки и неправильности в судебном разбирательстве. [1719] Инквизитор, сознававший, что переступил границы дозволенного, поэтому вдвойне стремился добиться от обвиняемого признания, которое должно было его оправдать.

Таким образом, с первой аудиенции до окончательного оглашения приговора на аутодафе усилия трибунала были направлены на то, чтобы привести грешника к покаянию или, по крайней мере, к исповеди, с помощью увещаний, вводящих в заблуждение обещаний помилования, угроз и, при необходимости, пыток. По пути на костер человека, который упорно отрицал свою вину, сопровождали исповедники, убеждавшие его признать это и покаяться. Аналогичным образом воспользовались страхами перед смертным одром тех, кто умер в тюрьме, когда, как мы видели, посланным к ним исповедникам было приказано выслушать их только в том случае, если они признаются в достаточной степени, чтобы “удовлетворить” неблагоприятные показания.

СПОНТАННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Такое настойчивое стремление добиться признания приводило к естественному результату: несчастные, подвергшиеся ему, нередко были вынуждены убажывать своих судей, признаваясь во всем, что они считали необходимым, чтобы завоевать расположение трибунала. Это было

признано в предупреждении, выпущенном Верховной властью в 1541 году, о том, что при взвешивании правдивости признаний требуется большая осторожность, потому что обвиняемые по злему умыслу имели обыкновение признаваться против себя и других, чтобы скрыть правду. [1720] Это предупреждение, несомненно, было необходимо, но доказательств того, что к нему прислушались, мало. Как правило, признание принималось при условии, что оно носило достаточно криминальный характер и, насколько это касалось соучастников, использовалось для их осуждения.

Неожиданной особенностью записей инквизиции является количество *espontaneados* - тех, кто по разным мотивам добровольно обвинил себя. Из 1172 случаев, имевших место в Толедо в период с 1575 по 1610 год, таких насчитывается 170, или примерно каждый седьмой. Это, конечно, связано с предположением, что самоотречение было свидетельством раскаяния, заслуживающего снисхождения. Это правда, что в более ранний период, когда были опубликованы Эдикты милосердия, те, кто выступал в течение срока, подвергались примирению и тяжелым испытаниям; их признания записывались нотариусами, чтобы быть использованными против друзей, которых они изобличали, и против самих себя в случае рецидива. Верно также, что по истечении срока самопроизвольное признание не предотвращало конфискации и других видов наказания, которые мог наложить инквизитор, — фактически это было практически ничем не лучше, чем если бы оно было вынесено под судебным преследованием. Но после первой ярости преследований, когда спонтанное самоотречение можно было рассматривать как проистекающее из убежденности, а не из страха обвинения со стороны других, к нему отнеслись более милосердно. В 1568 году мы находим, что Верховный суд резко упрекнул трибунал Барселоны за то, что он приговорил к примирению и конфискации восемнадцатилетнюю француженку и француза Антуана Кодри, которые спонтанно признались в протестантизме и против которых не было других доказательств; конфискованное имущество должно было быть возвращено им в течение девяти дней, независимо от того, находилось оно все еще в руках получателя или нет. Трибуналу также сообщили, что он допустил прискорбную ошибку в деле Алонсо де Монтойи, который спонтанно признался в том, что был отступником, находясь в плену у мавров, и которого он бросил в секретную тюрьму и приговорил к конфискации, примирению и явке на аутодафе с митрой. [1721]

СПОНТАННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Вскоре после этого в отчетах трибунала Толедо приводятся многочисленные случаи спонтанного самоотречения, которые показывают, что его влияние на приговор варьировалось в зависимости от характера признания и мотивов, которым инквизиторы его приписывали. Был любопытный случай с двенадцатью иудействующими из Алькасар-де-Консуэгра, которые выступили с обвинениями самих себя и обвинили двенадцать других; все двадцать четыре фигурировали в великом аутодафе 1591 года, и всем было назначено полное наказание в виде примирения, конфискации и вечного заключения в тюрьме санбенито. С другой стороны, Андрес де Паласиос в 1586 году явился и признался, что во время плавания на галерах он познакомился с английским капитаном, который обратил его во все лютеранские ереси; в течение шести лет, а затем и нескольких недель, он верил в них, но теперь со слезами молил о пощаде и возвращении в лоно Церкви. Он был должным образом предан суду и в частном

порядке примирился лишь с некоторыми духовными покаяниями. В том же году произошел более сложный случай с Урсулой де ла Круа, французской монахиней из монастыря Санта-Мargarита в Алькала-де-Энарес. Она призналась тамошнему комиссару, что переняла некоторые ошибки, распространенные в ее родной стране; она намеренно была по распятию и ела мясо по пятницам. Верховный суд рассмотрел признание и приказал комиссару отпустить ей грехи. Впоследствии она вернулась, чтобы признаться, что все еще совершала ошибки, от которых она отреклась. Верховный суд приказал заключить ее в секретную тюрьму и продолжить судебный процесс, в ходе которого она повторила свое признание, умоляла о пощаде и заявила о своем желании жить и умереть в католической вере. Совет федерации был озадачен и, сославшись на Верховную власть, приказал тайно помириться с ней, немедленно удалить санбенито и на год заточить ее в монастырскую келью. Поскольку она была рецидивисткой и поскольку лютеранство было объектом особой суровости, это милосердие свидетельствует о достаточном внимании к спонтанному признанию, но произошедшее доказало, что терпение инквизиции может зайти слишком далеко. Неуравновешенный ум бедняжки продолжал терзать себя, и в 1594 году она снова обвинила себя в тех же ошибках. Трибунал доложил об этом Верховному судье с заявлением, что она уже трижды мирилась, и пришел приказ освободить ее от светских обязанностей, когда она была должным образом сожжена. [1722]

До сих пор, по-видимому, не было никаких официальных изменений Инструкций 1484 года, которые не делали никаких уступок *эспонтанеадос*, за исключением Периода отсрочки, но, очевидно, каждый случай рассматривался по существу. Только в 1605 году Верховный суд постановил, что иностранцы, добровольно признающие свои ошибки, должны быть примирены без конфискации. Это не относилось к местным жителям, особенно к иудействующим и мориско, в чьих случаях консультировались с Верховной Властью, которая обычно выносила решение о конфискации. Дело оставалось в таком неопределенном состоянии, с растущей тенденцией к снисхождению на практике. В тривиальных случаях, таких как еретическое богохульство или необдуманные предложения, преступнику делали выговор, предупреждали и просили исповедаться священным образом, даже если предыдущего доноса могло быть недостаточно для оправдания ареста. В более серьезных вопросах нам говорят, что к *эспонтанеадо* относились с большой снисходительностью, даже когда казалось, что он выступил вперед, опасаясь доноса со стороны арестованных сообщников. Ему отдали его дом или город в качестве тюрьмы, если только не было необходимости изолировать его от тех, кто хотел бы его развратить. Если он признавался в официальной ереси с верой и намерением, было принято голосовать за тайное примирение с немедленным удалением санбенито и конфискацией, но Супрема обычно освобождал последнего или соглашался на состав. В некоторых случаях в Сантьяго в семнадцатом веке стороны предлагали выплату, почти эквивалентную стоимости их имущества, но Верховный суд сказал им, что они могут сохранить ее, заплатив столько, сколько трибунал сочтет нужным. [1723]

НЕСОВЕРШЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Признание, будь то спонтанное или после ареста, чтобы быть действительным в инквизиции, подразумевало раскаяние, отказ от ошибки и молитву о возвращении в католическое единство. Хотя это и судебное исповедание, оно имело то общее с сакраментальной исповедью, что оно должно было быть полным; каждое отдельное еретическое деяние было грехом и, подобно грехам на исповеди, должно было быть перечислено. Не должно быть никаких упущений, иначе

признание было бы неоправданным, *фиктивным* и *уменьшенным*, и отягчающим вину, поскольку по-настоящему раскаявшийся грешник, как считалось, стремился раскрыть все свои грехи, чтобы получить за них отпущение, и предать всех своих сообщников, чтобы удовлетворить свою новорожденную ненависть к ереси. Таким образом, *уменьшенный* был так же плох, как и *негативный*, поскольку в душе он все еще оставался еретиком. Инструкции 1484 года трактуют *диминутов* как нераскаявшихся, подлежащих судебному преследованию, если последующие показания покажут, что они что-либо скрыли от себя или других. [1724]

Проверенные по этому стандарту признания в ранние Сроки Благодати были, как правило, несовершеннолетними, и, стремясь предотвратить ужасные последствия этого, стало обычным добавлять к ним протест, что, если по ошибке памяти факты были забыты, кающийся, вспомнив их, придет и исповедуется в них, или, если были получены показания по опущенным вопросам, теперь он принимает это как истину и спрашивает покаяние для них. Эти протесты мало что дали. В деле Менсии, жены Диего Гонсалеса, перед трибуналом Гваделупы в 1485 году она добавила это к своему признанию, но другие кающиеся дали дополнительные уличающие доказательства; она была должным образом привлечена к ответственности, и трибунал извинился за то, что не отправил ее на костер, принимая во внимание ее молодость, ее слезливое раскаяние и ее искреннее желание вернуться в лоно Церкви, поэтому она избежала пожизненного заключения. [1725]

Беатрис Нуньес повезло меньше. Она примирилась 13 января 1485 года, во Время Благодати, после долгой исповеди, включающей все признанные еврейские обычаи. 1 июля она была арестована на основании улики, относящихся к деяниям двадцатилетней давности, включающих детали, которые, как оказалось, не содержались в ее признании, хотя оно включало протест с признанием всего, чего она не помнила. Трибунал постановил, что ее признание было *уменьшенным*, что, следовательно, оно было притворным и она была нераскаявшейся еретичкой, поэтому 31 июля ее сожгли заживо. [1726]

Аналогичной была судьба Андреса Гонсалеса, приходского священника Сан-Мартин-де-Талавера, который примирился во Времена Благодати, но, будучи заключен в тюрьму 12 ноября 1485 года, сделал более полное признание, умоляя о пощаде в выражениях, выдающих крайнее отчаяние. Было всего два отрицательных свидетеля — очевидно, подсудимые, — чьи показания просто подтверждали признания, но их было достаточно. По-видимому, потребовалась некоторая задержка в том, чтобы заставить епископа и аббата низложить его, поскольку он был сожжен только 17 августа 1486 года. [1727]

Теперь во всех этих случаях признания полностью признавали иудаизм, и последующие показания были лишь дополнением к деталям. Эта жестокая практика во многом объясняет большое количество сожжений в ранний период, и она долгое время продолжала приносить жертвы. В 1531 году трибунал Толедо приговорил к примирению, конфискации и тюремному заключению старую женщину по имени Тереза де Лусена; в течение почти пятидесяти лет она жила католической жизнью, но в 1484 году ее примирили на основании признания, в котором, как показали последующие показания, были опущены некоторые еврейские обряды и не названы имена всех, кого она видела практикующей их. [1728]

Это требование к абсолютно совершенной исповеди превосходило требования исповеди на исповеди, где, как милосердно полагают, включаются забытые грехи. Это объясняет, почему инквизиторы так усердно и часто так жестоко трудились, чтобы заставить кающегося вспомнить и заявить обо всем, что свидетельствовало против него, — то, что они называли удовлетворением доказательств. Это правда, что Симанкас утверждает, что дефектная память может сделать признание несовершеннолетним, что тот, кто признает себя еретиком, включает в

себя все еретические обычаи, и что строгость закона не должна распространяться на тех, кто возвращается к католической вере, в то время как Рохас осуждает суровость тех, кто считает, что кающийся, не указывающий полного срока своей ереси, должен быть сожжен. [1729] Тем не менее, старая суровость сохранялась на протяжении всего восемнадцатого века, и единственной уступкой властей, по-видимому, является то, что, если кающийся опускает в своем признании что-либо, заслуживающее смягчения, или каких-либо сообщников, когда это доказано свидетелями, у него может быть шанс очистить себя с помощью пыток. [1730]

Однако эта свирепость стала скорее академической, чем практической. Еще в 1570 году Верховный суд постановил, что во всех случаях *уменьшения* скрываемые или опущенные вопросы должны быть зафиксированы в процессе, представлены в консультативную комиссию, а затем, не предпринимая никаких действий, отправлены ей для принятия решения. [1731] Это могло быть сделано только с целью смягчения исполнения закона без изменения его в принципе. Номинально он оставался в силе, но в более поздние периоды я не встречал ни одного случая, когда применялась бы его крайняя строгость. Нередким случаем было то, что примиренные кающиеся, согласно показаниям на более поздних судебных процессах, давали несовершенные признания. Очевидно, за этим тщательно следили, и, когда это обнаружилось, их судили снова, но во второй половине семнадцатого века приговоры были удивительно мягкими — несколько лет тюрьмы, санбенито и изгнание или, возможно, парад в *вергуэнце*. [1732] С возобновлением преследований в первой половине восемнадцатого века они стали более суровыми — пожизненная тюрьма и санбенито, а в деле 1723 года в Барселоне женщина дополнительно получила двести ударов плетью. [1733]

НАМЕРЕНИЕ

С диминицио было тесно связано признание действий, сопровождавшееся отрицанием намерения. Как мы видели, инквизиция полагалась в качестве доказательства на действия или слова, из которых выводилась еретическая вера, предполагалось, что после крещения любой человек, практикующий иудейские или мусульманские обряды или обычаи, был вероотступником. Многие из них были совершенно безразличны сами по себе, и их значение зависело от намерения, с которым они были совершены, так что для обвиняемых не было ничего необычного в том, что они признавали эти действия, отрицая при этом осведомленность об их религиозном характере. Он мог бы признаться, что избегает свинины, но утверждать, что это ему не нравится; он мог бы признать, что моет руки или меняет белье, но утверждать, что это делается ради чистоты; он мог бы не отрицать, что высказал еретическое предложение, но сказать, что это было необдуманно или шутливо. Поскольку намерения человека непостижимы, в таких случаях было неизбежно прибегать к универсальному средству устранения судебных сомнений — пыткам - по крайней мере, в более поздний период. В прежние времена его осуждение больше соответствовало обычному тогда быстрому правосудию; утверждалось, что такие действия не допускали сомнений, они сами по себе были достаточным доказательством, и обвиняемому не должна была быть предоставлена привилегия применения пыток. [1734] В более поздний период власти не были полностью единодушны, поскольку оттенки вины и сопутствующие обстоятельства варьировались настолько бесконечно, что было трудно сформулировать определенное правило. В целом это можно резюмировать как признание того,

что за еретические действия, согласно закону, нельзя ссылаться на непреднамеренность, и что преступник должен быть смягчен, но на практике он пользовался пытками; если он поддавался им, его мирили с конфискацией, галерами и пожизненным заключением; если он терпел это без признания, согласно судебной логике того времени, он не был оправдан, но был наказан, менее сурово, за подозрение. За слова, мнения и еретические утверждения, если они были серьезными, его должны были пытать намеренно, но не за более мелкие правонарушения, за которые соответствующее наказание было бы менее суровым, чем применение пыток, — и все же один автор допускает применение пыток, когда намерение отрицается в широко распространенном утверждении, что простой блуд не является грехом. Когда в этих незначительных делах применялись пытки, если, согласно юридической формулировке, их было достаточно, чтобы выбить показания, стало обычным приостановить дело или оправдать обвиняемого. [1735]

В предыдущей главе (стр. 566, 567) приведены один или два поучительных примера опасности толкования иудейских обрядов как подразумевающих еретические намерения. В более широкой сфере утверждений показательным примером является дело августинца Педро Реторни, судимого в 1601 году в Толедо за отрицание папской власти освобождать души из чистилища. Он признал это, но отрицал намерение, утверждая, что использовал эту фразу только в ходе спора. Совет федерации проголосовал за отречение от престола *де Леви* и строгий выговор, но Верховный суд распорядился, чтобы ему угрожали пытками вплоть до раздевания в камере пыток. Он вынес это, не признавшись, и приговор консульства фе был приведен в исполнение. [1736]

Одним из важнейших условий полноты исповеди было донос на всех сообщников, то есть на всех, кого кающийся знал как еретиков или пристрастившихся к еретическим практикам. Это, как мы видели, требовалось от всех, кто поступал в соответствии с Эдиктами Милосердия, и в Инструкциях 1500 года инквизитору было приказано, когда кто-либо признавался, тщательно допрашивать его относительно того, что он знал о своих родителях, братьях, родственниках и всех других лицах, и эти доказательства, которые должны были быть использованы против них, должны были заноситься в реестры отдельно от личного признания. [1737] Обычно кающийся без колебаний обвинял свою семью и друзей, поскольку они, насколько он знал, могли сами предстать перед судом и донести на него, так что любая скрытность с его стороны обвинила бы его в том, что он *уменьшитель* со всеми его роковыми последствиями. Полученная таким образом информация была занесена в алфавитные указатели, так что трибуналы получили массу доказательств против тех, кто в душе был евреем или мавром, что во многом объясняет быстрое расширение их деятельности. Ценность, придаваемая инквизицией этому источнику информации, выражена Верховным судом в его протесте Клименту VIII от 23 февраля 1595 года против юбилейной индульгенции. Одним из его главных аргументов было то, что, поскольку все еретики были связаны и известны друг другу, основным средством их обнаружения были признания тех, кто был обращен, в то время как отпущение грехов, получаемое через индульгенцию, освободило бы их от давления, и этот способ искоренения ереси был бы утрачен. [1738]

В формулах, составленных для допроса обвиняемых, мы находим особое ударение на том, чтобы заставить признающихся перечислить всех, кто присоединился к ним в вере и богослужении

или кого они знали как еретиков. Они были записаны одно за другим, при этом кающийся должен был сообщить все касающиеся их детали, включая личные описания, чтобы их можно было отследить или, если было несколько человек с одинаковыми именами, можно было избежать ошибки при их идентификации. [1739] Любые упущения в этом подвергали кающегося суровому наказанию. В севильском аутодафе от 5 июля 1722 года фигурировал Мельчор де Молина, примирившийся с иудаизмом в 1720 году. Из доказательств, собранных на последующих судебных процессах, следовало, что он не донес на всех, кого знал; против него было возбуждено новое уголовное дело, и за это, как против обвинителя и защитника сообщников, его временная тюрьма теперь стала бессрочной и неотвратимой. [1740]

ДОНОСЫ СООБЩИКОВ

Пожалуй, самую яркую иллюстрацию эффективности правила, требующего доноса на других, дает мориско из Валенсии по имени Франсиско Зафар-и-Рибера. Он был христианином только внешне, когда чудесная перемена в сердце отправила его в паломничество в Монсеррат, где он признался священнику в своей ереси. Добрый падре, не имея возможности отпустить ему грехи, передал его в суд Барселоны, где в качестве прецедентного условия от него потребовали выдать всех, кого он знал как мавров. Инквизиторы, обнаружив, что это валенсийцы, отправили его в Валенсию, где он назвал имена не менее четырех тысяч человек. Он был странствующим портным, и его знакомства были обширны. [1741]

Немногие из тех, кто попал в руки инквизиции, обладали героическим мужеством Мануэля Диаса, жертвы великого мексиканского аутодафе 8 декабря 1596 года. Хотя десять его товарищей по несчастью дали показания против него, он упорно отрицал свою вину и был стойким противником как угроз, так и уговоров инквизиторов. Не оставалось ничего другого, как сжечь его как *отрицательное обвинение*, за исключением того, что его могли использовать для обвинения других, и за это он был приговорен к пыткам *в капут алиенум*. Когда ему зачитали это предложение, он просто сказал, что готов к тому, что они будут делать с ним все, что им заблагорассудится. Ему было тридцать восемь лет, и он был сильным человеком, поскольку перенес пытки необычайной жестокости, и, хотя он кричал и умолял предать его смерти и взывал к своим мучителям сжалиться над его пятью детьми, он отрицал всякое знание Закона Моисея и пошел на костер, не дав показаний против своих братьев. Это было сочтено усугубляющим его вину, и в вынесенном приговоре он был заклеен как сторонник и защитник еретиков-иудействующих. [1742]

Если записи инквизиции иногда облагораживают человеческую натуру подобными примерами самопожертвования, то чаще они демонстрируют ее в самом презренном виде, проявляя рвение, с которым несчастные, ослабевшие и отчаявшиеся в своем затянувшемся заключении, стремятся снискать расположение безжалостных судей или сделать свои признания полными, спеша выдать секреты своих сокамерников, которые неосторожно облегчают душу в небрежных разговорах с товарищами по несчастью. неисчислимы случаи, когда получатель таких признаний сразу же просит аудиенции и доказывает искренность своего обращения, подробно описывая то, что он услышал. Однако есть определенное мрачное удовлетворение в том, что эти разоблачения, какими бы вредными они ни были для жертвы, похоже, никогда не идут на пользу доносчику, поскольку я нигде не заметил, чтобы они принимались как смягчающие обстоятельства, смягчающие его собственное наказание.

Время, в которое было сделано признание, было важным фактором при определении степени наказания. Сначала эти различия были проведены грубо, и были колебания в принятии исповеди как безошибочного признака раскаяния и обращения. В Инструкциях 1484 года просто говорится, что, если это сделано заблаговременно и до публикации доказательств, обычное наказание может быть смягчено для тех, кто проявляет раскаяние; если после публикации и до вынесения окончательного приговора виновный имеет право на примирение с пожизненным заключением, но инквизиторы должны определить, искренне ли он обратился, поскольку, если у них нет надежды на это, они должны смягчить его как нераскаявшегося еретика. По-видимому, считалось, что в соответствии с этими правилами сбежало слишком много фиктивных новообращенных, поскольку в 1498 году трибуналы были предупреждены о необходимости проявлять осторожность при допуске к примирению тех, кто признался после ареста, ввиду большого количества времени, прошедшего с момента основания инквизиции. [1743] Таким образом, после ареста признание и исповедь обращения ни в коем случае не спасали жертву от костра, но это зависело от веры инквизитора в его искренность.

ВРЕМЯ ИСПОВЕДИ

Со временем эта чрезмерная суровость была смягчена, и была установлена своего рода скользящая шкала, по которой искренность оценивалась по периоду судебного разбирательства, на котором было сделано признание. Элементарная форма этого представлена в отчете об аутодафе в Сарагосе 5 июня 1585 года, где пострадало много морисков. Есть группа из десяти человек, о которых говорят, что, как они признались в начале судебных процессов, они были заключены в тюрьму на два, три или четыре года в зависимости от тяжести их преступлений. Затем есть другие, отправленные на галеры на сроки от трех до восьми лет, потому что их признания были запоздалыми или отложены до окончания судебных процессов. Поскольку женщины были освобождены от службы на камбузе, такая классификация была для них невозможна, но сроки их тюремного заключения регулировались таким же образом, и у двоих из них по окончании разбирательства были изъяты санбенитосы, потому что они выступили с признанием вины до ареста, хотя и после того, как против них были даны показания. [1744] Эта система постепенно совершенствовалась, и, как представляется писателем середины семнадцатого века, если признание было сделано до того, как фискал предъявил свое официальное обвинение, тюрьма и санбенито назначались на очень короткое время; если после предъявления обвинения - на один или два года; если не раньше, чем после публикации доказательств, - на три года бессрочно; если после пыток - на три года бессрочно. недопустимая тюрьма и, если он будет трудоспособен, первые три-пять лет проведет на галерах. Это могло быть изменено в зависимости от проявления раскаяния и от того, был ли преступник хорошим исповедником как по отношению к себе, так и к другим, а в случае рабов, чтобы не причинить вреда владельцу, бичевание было заменено тюрьмой и галерами. [1745] Впоследствии этот способ бичевания свободно применялся к тем, кто не был рабом, и во время частых автокатастроф 1721 года и последующих лет было много случаев, когда мужчин и женщин приговаривали к двумстам ударам плетью, тюремному заключению и санбенито в качестве особого наказания за несвоевременное признание. [1746]

Признание под пыткой изначально не рассматривалось как добровольное и не освобождало от послаблений, что показывает, что оно применялось к преступнику, который отрицал это, либо

просто для удовлетворения любопытства, либо для получения информации о сообщниках.

[1747] Последующие казуисты, однако, утверждали, что ратификация признания, которая была необходима по истечении двадцати четырех часов, делала его добровольным, и более обычной практикой было допускать такие случаи к примирению. Инструкции 1561 года признают это, но предупреждают инквизиторов, что они должны соблюдать большую осторожность в отношении подобных случаев и учитывать качество ересей, а также то, был ли преступник просто обучен или обучал других. [1748] Тем не менее, это различие было проигнорировано, и Симанкас говорит нам, что универсальной практикой было принимать для примирения тех, кто признался под пытками. [1749]

Легко понять, что те, кто признавался под внушающими благоговейный трепет формальностями судебного процесса, под давлением длительного тюремного заключения, угрозы пыток и страха креста, и чьи признания приходили постепенно, с большей или меньшей полнотой, по мере того как они колебались между противоположными влияниями, нередко были непоследовательны и непостоянны в своих высказываниях. Это, естественно, спровоцировало инквизитора, и *варио*, который таким образом колебался, поставил под сомнение искренность его раскаяния. Действительно, он был допущен к примирению, но поплатился за свое колебание дополнительным наказанием. Так, в ходе судебного разбирательства в Мурсии от 18 октября 1722 года Франсиско Энрикес де Медина-и-Мело, помимо обычной епитимьи, был приговорен к ста ударам плетью “за варио ан сус конфессионес”. [1750]

Еще более провокационным был *отказник*, который отозвал признание — явление отнюдь не редкое, как можно было ожидать, исходя из методов, использованных для его получения. Все авторы трактуют это как нераскаянность, требующую смягчения в случаях формальной ереси. [1751] На практике это рассматривалось как общее правило, но иногда мы находим исключительные случаи, в которых, однако, обычно принимались меры для назначения более сурового наказания, чем если бы признание было соблюдено. В авто в Толедо в 1603 году Мориско Андрес Муньос, который отказался от своего признания и, следовательно, был приговорен к смягчению наказания, был спасен Верховной властью, которая приказала применить пытки и, когда он преодолел их, приговорила его к пяти годам галер и крупному штрафу. Другой случай произошел в Гранаде в 1593 году, когда португалец Хусуарте Лопес признался в иудаизме, а затем, обнаружив, что против него мало улик, отозвал свое признание и был приговорен к пяти годам галер, за которыми последовали пожизненная тюрьма и санбенито. [1752]

АННУЛИРОВАНИЕ

Это очевидное несоответствие возникло из-за бесконечных затруднений, которые доставляли добросовестному инквизитору произвольные методы, используемые для побуждения или вымогательства признания. Мы получаем представление об этом из замечаний старого инквизитора, примерно в 1640 году, который, установив правило послабления, продолжает предупреждать судью, что ему следует действовать осторожно и учитывать обстоятельства, при которых было сделано признание. Я знал, добавляет он, простой страх, вызванный официальным требованием фискала применить пытки в конце предъявления обвинения, принести признание, которое требовало пыток, чтобы установить его истинность. В 1628 году у меня был случай в Сарагосе, когда француз добровольно признался, что он был лютеранином и

что, как таковой, он был примирен в Толедо. Будучи арестованным, он заявил, что его отец научил его лютеранству и что он примирился в Толедо. После нескольких аудиенций он отменил это и заявил, что то, что он исповедал в Толедо, было ложью; что там, откуда он родом, не было еретиков и что его отец не учил его, а затем в свою защиту он доказал это и что и он, и его отец были католиками. Я голосовал за смягчение наказания, но Верховный распорядился о пытках; он преодолел пытки и в конце концов был приговорен к отречению от *власти*, к публичной *вергуэнце* и к вечному изгнанию из Испании. Если отзыв, заключает автор, касается вещей, в отношении которых есть *полупленные* доказательства [со слов одного свидетеля], и кажется, что это сделано для защиты сообщников и друзей, то в случае строгости он должен быть смягчен, но в наше время смягчение редко бывает, если он признается в достаточной степени, чтобы оправдать примирение. [1753]

То, что ужасы ситуации часто доводили заключенного до психического состояния, которое было практически безответственным, иллюстрируется тривиальным случаем, касающимся популярного утверждения, что простой блуд не был грехом. В 1579 году в Толедо Диего Редондо из Прадо на суде по этому делу сначала все отрицал; затем, когда было зачитано обвинение с обычным требованием пыток, он признался; затем, когда в публикации были зачитаны показания пяти свидетелей, он отменил свое признание, сказав, что оно было сделано из страха; он не знал, сделал он это или нет, но если он это сделал, то был не в себе; он вспомнил, что сказал, сам не зная что, и отказался от этого, и он не помнил, и вот что он сказал. Эта безумная непоследовательность озадачила трибунал; он передал дело в Верховный суд, который милосердно приговорил его отслужить торжественную мессу в Прадо, пока его приговор публично зачитывался, а затем провести два года в изгнании. [1754]

Существовала и другая форма отзыва, которая сильно шокировала инквизицию из-за отражения ее методов. Это было утверждение кающихся после суда, что они невиновны и признались только из страха перед последствиями отрицания. Это было достаточно частым явлением, чтобы быть включенным в Эдикты веры в число преступлений, подлежащих осуждению всеми, кто знал о нем. В самых ранних Инstrukциях 1484 года предписывается, чтобы такие преступники содержались как нераскаявшиеся и фиктивно обратившиеся в христианство и преследовались как таковые — что, конечно, означало послабление. [1755] Эта жестокость была вовремя смягчена, но правонарушение все равно было наказано таким образом, чтобы не допустить его повторения. В 1578 году Никколо Салари, который был примирен трибуналом Сардинии, имел неосторожность подать Верховному суду прошение об отмене своего признания; за это его судили в Толедо, и он отделался двухлетним изгнанием с Сардинии и королевского двора. [1756]

ОТРИЦАНИЕ ВИНЫ

Массовый случай подобного рода в Валенсии в 1540 году вызвал большой ажиотаж. Большое количество видных конверсос были наказаны — некоторые с послаблением — по обвинению в проведении собраний, на которых соблюдались еврейские посты и бичевалось распятие. Впоследствии они утверждали, что их признания были вымоганы из-за страха; народные настроения были возбуждены, и существовала опасность, что инквизиция будет серьезно дискредитирована, поскольку духовные лица с высокой репутацией рекомендовали им отозвать свои признания и присоединились к письму по этому поводу генеральному инквизитору Тавере.

Честь инквизиции должна была быть сохранена при любых опасностях. Доктор Азев был направлен в качестве специального уполномоченного для расследования, и его отчет усилил беспокойство. Чтобы укрепить трибунал Валенсии, в мае 1541 года Тавера призвал Лоазеса из Барселоны поспешить туда и взять на себя ответственность за это дело, пообещав ему поддержку в его продвижении. Затем, в октябре, два члена Верховного суда были отправлены туда для оказания помощи, и к работе были привлечены еще два инквизитора. Кризис, очевидно, был тревожным, и у них у всех было достаточно дел. Против всех, кто отказался от своих признательных показаний, было возбуждено уголовное дело. Их держали отдельно, чтобы предотвратить сговор, и, поскольку секретная тюрьма трибунала была недостаточной, инквизиторы и чиновники были изгнаны из своих помещений, а семь прилегающих домов были наняты и превращены в тюрьмы. О каком количестве шла речь, не указано, но в письме от 26 ноября 1543 года упоминается, что по двадцати двум делам было проведено голосование, еще по двадцати было в процессе, над которыми они работали днем и ночью и в праздничные дни, а остальные надеялись завершить, чтобы все можно было включить в единый проект. У пленников не было ни единого шанса. В письме Верховного суда предлагается не публиковать доказательства, поскольку многие свидетели отказались от своих показаний, и знание этого побудило бы обвиняемых выступить в свою защиту; совещательные органы должны были быть заполнены, при этом следили за тем, чтобы не допустить никого, кто был бы им благосклонен, и при таких условиях результат был неизбежен. Полных подробностей не хватает; мы знаем только, что были проведены аутодафе, на которых виновные предстали перед судом во второй раз, приговоры, похоже, не были суровыми, но честь инквизиции была восстановлена. [1757]

The *Heratиво*, который упорно отрицал свою вину перед лицом компетентных показаний, повсеместно считался упорствующим нераскаившимся еретиком, для которого не было иного выхода, кроме сожжения заживо, хотя, как говорит Симанкас, он мог бы тысячу раз заявить, что он католик и желает жить и умереть в вере. [1758] Такова была неизбежная логика ситуации, поскольку в противном случае виновный мог сбежать простой ценой утверждения своей невиновности, и усилия по очищению земли с таким же успехом можно было бы прекратить. Действительно, было сравнительно мало тех, кто поначалу не отстаивал свою ортодоксальность, и не много тех, кто в конечном итоге не поддавался эффективным методам получения исповеди. Те, кто сопротивлялся до конца и шел на костер, отстаивая свой католицизм, были, несомненно, добрыми христианами, которые предпочитали самую страшную смерть, чем признать, что они были еретиками, исповедовать и отречься от ересей, которых они никогда не исповедовали, ибо, если они действительно были виновны, отрицанием можно было добиться большего, чем дерзким признанием своих убеждений. Случаи такого рода ни в коем случае не были редкостью. Между 1575 и 1606 годами в Толедо их было пять; в Гранаде в 1593 году их было три в одном автомобиле; в большом мадридском автомобиле 1680 года был один и два в автомобилях на Майорке в 1691 году. [1759] Сами инквизиторы признали опасность сожжения доброго католика, чья совесть не позволила бы ему обвинить себя в ереси, и Пенья довольно подробно рассматривает вопрос, допустимо ли под давлением приближающейся смерти в огне делать ложное признание. Он приходит к выводу, что это ни в коем случае не допустимо, и утешает жертву, заверяя ее, что его постоянство принесет ему пальму первенства мученичества. [1760] Церковь никогда не узнает, скольких мучеников такого рода инквизиция внесла в свой список неканонизированных святых.

Истинно верующему действительно требовалось упорное постоянство, чтобы до конца упорствовать в отрицании, ибо инквизиция держала открытой дверь к покаянию до самого последнего возможного момента. Если на аутодафе *негативист* просил аудиенции, она немедленно предоставлялась. Он был отстранен от постановки, у него была возможность признаться и заявить о переходе в другую веру, его дело было рассмотрено, и на него была наложена такая епитимья, какой требовали тяжесть обвинений и задержка с признанием. [1761] Такие случаи ни в коем случае не были редкостью и свидетельствуют об ужасном перенапряжении слабости обычной человеческой натуры.

Когда никакими другими способами не удавалось добиться удовлетворительного признания, включая донос на сообщников, всегда оставалось в запасе мощное средство убеждения - пытки.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ.

Я.

Эдикт веры.

Опубликовано в Мексике 3 ноября 1571 г.

(Мисс *обращается ко мне* от имени генерала Висенте Рива Паласио).

(См. стр. 92).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

Nos, el Doctor Don Pedro Moya de Contreras, Inquisidor Apostolico etc. A todos los vecinos y moradores estantes y residentes en toda las ciudades, villas y lugares de los dichos arzobispados, obispados y distrito de cualquier estado, condicion, preeminencia ó dignidad que sean, exentos y non exentos, y á cada uno y cualesquier de vos á cuya noticia viniere lo contenido en esta nuestra carta en cualquier manera, Salud en Jesu Cristo que es verdadera salud y á los nuestros mandamientos que mas verdaderamente son dichos Apostolicos, firmamente obedecer, guardar y cumplir. Sabed que ... por parte del promotor fiscal de este Santo Oficio nos ha sido hecha relacion diciendo que por no se haber publicado carta de Edicto ni hecho visita general por el Santo Oficio de la Inquisicion en esta ciudad y arzobispado y distrito no habria venido á nuestra noticia muchos delitos que se habran cometido y perpetrado contra nuestra Santa Fé catolica y ley evangelica y estaban por punir y castigar y que de ello se seguia deservicio á nuestro Señor y gran daño y perjuicio á la religion cristiana. Por ende que nos pedia mandasemos hacer y hiciesemos la dicha Inquisicion y visita general leyendo para ello edictos publicos y castigando á los que se hallaren culpados, de manera que nuestra Santa Fé catolica siempre fuese ensalzada y aumentada, y por nos visto ser justo su pedimento y quisiendo proveer y remediar acerca de ello lo que conviene al servicio de nuestro Señor mandamos dar y dimos la presente para vos en la dicha razon. Por lo qual vos exortamos y requerimos que si alguno de vos supieredes ó hubieredes visto ú oido decir que alguna ó algunas personas, vivas, presentes ó ausentes ó difuntas ayan hecho ó dicho alguna cosa contra nuestra Santa Fé catolica y contra lo que está ordenado y establecido por la sagrada escritura y ley evangelica y por los sacros concilios y doctrina comun de los Santos y contra lo que tiene y enseña la Santa Iglesia catolica Romana, usos y ceremonias de ella, especialmente los que hubieren hecho ó dicho alguna cosa que sea contra los

articulos de la fé, mandamientos de la ley y de la Iglesia, y de los santos sacramentos, ó si alguno hubiere hecho ó dicho alguna cosa en favor de la ley muerta de Moisen de los Judios ó hecho ceremonias de ella ó de la malvada secta de Mahoma ó de la secta de Martin Lutero y sus secuaces y de los otros hereges condenados por la Iglesia, y si saben que alguna ó algunas personas hayan tenido y tengan libros de la secta y opiniones del dicho Martin Lutero y sus secuaces, ó el Alcoran y otros libros de la secta de Mahoma, ó biblias en romance ó otros cualesquier libros de los reprobados por las censuras y catalogos dados y publicados por el santo oficio de la Inquisicion. Los cuales mandamos se traigan ante nos dentro del termino que de juso ira declarado. Y si saben que algunas personas no cumpliendo lo que son obligadas han dejado de decir y manifestar lo que saben, ó que hayan dicho y persuadido á otras personas que no vinieren á decir y manifestar lo que sabian tocante al Santo Oficio, ó que hayan subornado testigos para tachar falsamente lo que han depuesto en el Santo Oficio, ó si algunas personas hubiesen depuesto falsamente contra otras por hacerles mal y daño y macular su honra, ó que hayan encubierto, receptado ó favorecido algunos hereges dandoles favor y ayuda ú ocultando ó encubriendo sus personas ó sus bienes, ó que hayan impedido ó puesto impedimento por si ó por otros á la libre administracion del Santo Oficio de la Inquisicion para efecto que los tales hereges no pudiesen ser acusados ni castigados, ó hayan dicho palabras en desacato del Santo Oficio, oficiales y ministros, ó de lo que hayan quitado ó hecho quitar algunos Sambenitos de donde estaban puestos por el Santo Oficio, ó los que han sido reconciliados ó penitenciados por el Santo Oficio no han guardado ni cumplido las carcelerias y penitencias que les fueron impuestas, ó si han dejado de traer publicamente el habito de reconciliacion sobre sus vestiduras, ó si saben que alguno de los reconciliados ó penitenciados haya dicho publica ó secretamente que lo que confesó en el Santo Oficio ansi de si como de otras personas no fuere verdad, ni lo habia hecho ni cometido y que lo dijo por temor ó por otros respetos, ó que hayan descubierto el secreto que les fué encomendado, ó si saben que alguno haya dicho que los relajados por el Santo Oficio fueron condenados sin culpa y que murieron martires, ó si saben que algunos que hayan sido reconciliados ó hijos ó nietos de condenados por el crimen de la heregia hayan usado de las cosas que les son prohibidas por derecho comun, leyes y pregmaticas de los Reinos é instrucciones del Santo Oficio, asi como si han sido corregidores, alcaldes, jueces, notarios, regidores, jurados, mayordomos, alcaldes, maestre salas, fieles publicos, mercaderes, escribanos, abogados, procuradores, secretarios, contadores, concilleres, tesoreros, medicos, cirujanos, sangradores, boticarios, corredores, cambiadores, cogedores, arrendadores de rentas, alguaciles, ó hayan usado de otros oficios publicos ó de honra por si ó por interpositas personas, ó que se hayan hecho clerigos ó que tengan algun dignidad eclesiastica ó seglar ó insignias de ella, ó hayan traído armas, seda, oro, plata, corales, perlas, chamelotes, paño fino ó cabalgado á caballo, ó si alguno tubiere habilitacion para poder usar de los dichos oficios ó de las cosas prohibidas, lo traiga y presente ante nos en el termino aqui contenido. Ansi mismo mandamos á cualesquier escribanos ó notarios ante quien hayan pasado ó esten cualesquier provanzas, dichos de testigos, autos y procesos de algunos de los dichos crímenes y delitos en esta nuestra carta referidos ó de otro alguno tocante á heregia, lo traigan exhiben y presenten ante nos originalmente, y á las personas que supieren ó hubieren oido decir en cuyo poder estan los tales procesos y denunciaciones lo vengán á decir y manifestar ante nos, y por la presente prohibimos y mandamos á todos los confesores y clerigos, presbiteros y religiosos y seglares no absuelvan á las personas que algunas cosas de lo en esta carte contenido supieren sino antes los remitan ante nos por cuanto la absolucion de los que ansi hubieren incurrido nos es reservada, y ansi la reservamos. Lo cual los unos y los otros ansi hagan y cumplan so pena de excomunion, y mandamos que para que mejor se sepa la verdad y se guarde el secreto, los que alguna cosa supieredes y entendieredes ó hayais visto ó entendido ú oido en cualquiera manera sabido de lo que

en esta carta contenido, no lo comuniquéis con persona alguna eclesiastica ni seglar, sino solamente lo vengais diciendo y manifestando ante nos con todo el secreto que ser pueda, y por el mejor modo que os pareciere por que quando lo dijeredes y manifestaredes se vera y acordara si es caso que el Santo Oficio deba conocer. Por ende, por el tenor de la presente vos mandamos en virtud de Santa obediencia y so pena de excomunion mayor, trina canonica monitione premissa, que dentro de seis dias primeros siguientes despues que esta nuestra carta fuere leida y publicada y de ella supieredes en cualquier manera, los quales os damos y asignamos por tres plazos y termino, cada dos dias por un termino y todos seis dias por tres terminos y el ultimo perentorio, vengais y parezcais ante nos personalmente en la sala de nuestra audiencia á decir y manifestar lo que supieredes, hubieredes hecho, visto hacer ó decir cerca de las cosas arriba dichas y declaradas ó otras cualesquier cosas de cualquier calidad que sean tocantes á nuestra Santa Fé catolica y al Santo Oficio, ansi de vivos, presentes, ausentes como de difuntos, por manera que la verdad se sepa y los malos sean castigados y los buenos y fieles cristianos conocidos y honrados y nuestra Santa Fé catolica aumentada y ensalzada. Y por que lo susodicho venga á noticia de todos y ninguno de ello pueda pretender ignorancia se manda publicar. Dado en Mexico, tres dias del mes de Noviembre de 1571 años. El Doctor Moya de Contreras. Por mandado del S. Inquisidor, Pedro de los Rios.

II.

Исповедное письмо об отпущении грехов, выданное Папской пенитенциарией 4 декабря 1481 г. (см. Стр. 105).

(Archivo General de Simancas, Patronato Real; Inquisicion, Legajo unico, fol. 19).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

Julianus miseratione divina Episcopus Sabinensis dilectis in Christo Francisco Ferdinandi de Sevilla et Blancæ Ferdinandi ejus uxori ac Floræ Martin ejusdem Francisci matri, civibus Ispalensibus, Salutem in Domino. Sedes Apostolica pia mater de vestro et aliorum Christifidelium salute sollicita, libenter vobis illa concedit per quæ conscientiæ pacem et animæ salutem Deo propitio consequi valeatis. Nos igitur auctoritate domini Papæ cujus pœnitentiariæ curam gerimus, et de ejus speciali mandato super hoc vivæ vocis oraculo nobis facto, devotioni vestræ concedimus quatenus liceat vobis ydoneum et discretum presbyterum sæcularem vel cujusvis ordinis regularem in confessorem eligere qui vos et quemlibet vestrum, detestatis prius in ejus manibus secrete apostasiæ secta, superstitionibus et hæresis reatibus ac omnibus hæreticis reatibus, etiam si de præmissis diffamati, suspecti, convicti, probationibus superati, aut per hæreticæ pravitatis inquisitores seu loci ordinarium vocati et apprehensi ac post eorum monitiones deliqueritis, aut etiam quod alios hujusmodi criminum complices non manifestaveritis censuris ecclesiasticis illaqueati et ut tales publicati, ac in eisdem censuris per annum et ultra permanseritis, vel ut hæretici diffamati perseveraveritis, aut alias contra vos, præmissorum occasione, quomodolibet sit processum, a dictis sectæ superstitionibus reatibus et censuris ac excessibus hujusmodi, etiam si ritus et ceremonias judaicas observando et illos vel illas alios docendo, et ab orthodoxæ fidei credulitate recadendo alterius hæresis et apostasiæ notam incurreritis etiam a suis errorum [*sic*] anathematizationis et maledictionis æternæ censuris et pœnis in tales tam per processus apostolicos quam alias a jure etiam per inquisitores prædictos et suos assessores et ordinarios vel alias quomodolibet latis et promulgatis præter præmissa incursis, absolvat in forma ecclesiæ consueta et injungat vobis pro modo culpæ pœnam salutarem et secretam, ac a vobis omnem infamiæ maculam omnesque alias juris pœnas etiam corporis afflictivas absolvat et totaliter remittat, et vos ad cœtum christifidelium et sanctæ matris ecclesiæ necnon

unitatem catholicæ ecclesiæ, ac in pristinum et purum statum in quo eratis antequam in prædictos excessus prolapsi fuissetis auctoritate et mandato prædictis reponat, reintegrat, restituat et reducat, contradictores per censuras ecclesiasticas auctoritate et mandato prædictis compescat, et omnibus juris remediis opportunis vobis assistat. Datum Romæ apud Sanctum Petrum sub sigillo officii pœnitentiariæ, II. Non. Decembris, Pontificatus domini Sixti papa IIII. Anno duodecimo.

III.

Отмена грамот об отпущении грехов и исключений, 17 мая 1488 г.

(Archivio Vaticano, Reg. 686 (Innoc. VIII) фол. 103.—Буларио де ла Орден де Сантьяго, Том I. фол. 94). (См. стр. 31, 112).

Innocentius Episcopus Servus Servorum Dei dilectis filiis universis et singulis locorum ordinariis et inquisitoribus hæreticæ pravitatis in regnis et dominiis charissimi in Christo filii Ferdinandi Regis et charissimæ in Christo filiæ Helisabeth Reginæ Castiliæ et Legionis illustrium salutem et apostolicam benedictionem. Quia secut accepimus quamplurimi hæresis et fidei apostasiæ crimine polluti infra limites vestræ jurisdictionis degentes ut criminum hujusmodi publicam juxta sanctorum patrum decreta abjuramentum vestramque jurisdictionem evitent, tam a fel. запись. Сиксто папа III. quam a nobis super eorum exemptione a potestate et jurisdictione vestra necnon abjuramentibus errorum suorum aliter quam in forma juris faciendis, ac alias diversimode literas obtinuerunt, quibus obstantibus quæ vestro incumbunt officio quo ad eos exequi hactenus non potuistis nec potestis non sine animarum eorundem periculo, orthodoxæ fidei detrimento, mali exempli pernicie et scandalo plurimorum. Ne igitur hac via tantæ pietatis officio tam grande impedimentum præstetur et ut commissi vobis officii debitum liberius et plenius exercere possitis felicitis recordationis Clementis Papæ iii. et aliorum prædecessorum nostrorum vestigiis inhærentes, motu proprio et ex certa scientia et mera deliberatione vobis committimus et mandamus ut quoscunque de hæresis et apostasiæ criminibus hujusmodi culpabiles suspectos vel diffamatos ac fautores receptatores et defensores eorum in Regnis et dominiis prædictis qui hactenus hujusmodi exemptionis privilegia et inquisitionis de eorum excessibus commissionem et super admittendis eorum abjuramentibus aliter quam in forma juris literas hujusmodi a nobis seu Sixto prædecessore præfato obtinuerunt ad abjurandos errores eorum publice servata forma juris etiam si quovismodo relapsi dici possent infra mensem postquam presentes literæ fuerint in cathedrali et parrochiali ecclesia eorum publicatæ ita ut de illis nequeant ignorantiam allegare, recipiatis et admittatis perinde acsi relapsi non forent. Mense vero prædicto elapso, Deum præ oculis habentes contra eos et quoscunque alios ejusdem criminis reos, juxta sacrorum canonum instituta procedatis, commissionibus hujusmodi ac literis ad alios judices directis et quas dirigi contingat, necnon privilegiis quibuscunque personis cujusvis dignitatis, gradus, ordinis vel conditionis existant, etiam si Cistercientium Prædicatorum et Minorum aut alterius cujusvis ordinis et religionis fuerint, sub quacunque verborum expressione et cum quibusvis etiam motus proprii et certæ scientiæ ac plenitudinis potestatis aliisve fortioribus et efficacioribus clausulis etiam derogatoriorum derogatoriis concessis et concedendis, que omnia cum inde secutis pro infectis haberi volumus, necnon constitutionibus et ordinationibus apostolicis cæterisque contrariis nonobstantibus quibuscunque. Datum Romæ apud Sanctum Petrum, anno incarnationis Dominicæ millesimo quadringentesimo octuagesimo octavo, sexto decimo Kalendis Junii, pontificatus nostri anno quarto.

Gratis de mandato S. D. n. papæ. F. de Valentia.

IV.

Петиция Джеронимо Зуриты.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 40, Libro 4, fol. 239).

(См. стр. 194).

Illmo y Rr^{mo} Сеньор:

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

El contador Geronimo Zurita dice que va en veinte y quatro años que serbe en el sancto officio de la Inquisicion: los doce serbio en Consejo de la general Inquisicion de secretario y va en doce que tiene a su cargo la contaduria general de los Inquisiciones de la corona de Aragon y en este tiempo a rrecibido las quantas de la Inquisicion de Sicilia que avia veinte años que no se rrecibian y se fenecieron, harto beneficio de aquella Inquisicion por estar las quantas de los receptores passados muy ofuscados y en muy mala orden, como es notorio en aquella Inquisicion, y assimismo ha recibido y fenecido las otras quantas questan a su cargo con toda la justicia y cuidado posible y con menos salario que se dio al contador mosen Granada que no entendio en las quantas de la Inquisicion de Cecilia, y en todo esto se a ocupado con grande trabajo y fatiga de su persona y con gastar su patrimonio sin rrecibir merced ni remuneracion ninguna de sus servicios. Suplico a vuestra señoria Illma que considerando que a enbejecido en este officio y no espera por ello otras mercedes y que a dejado otros caminos adonde se le ofrecian mayores esperanças y mas ciertos de poder medrar y todo lo pospuesto por acabar en servicio del sancto officio se le haga merced de dalle por aljunto en el dicho officio de contador á miguel çurita su hijo al qual aunques mozo de diez y ocho años es bien abil y muy bien dotrinado y inclinado con admitirle en el con mayor aficion se dispondra a exercitarse e yndustrarse en todo lo que concierne al dicho officio y el dicho contador empleara lo que le queda de la vida en su cargo.

En la ciudad de toledo a dos de mayo de quinientos y sesenta años vista esta piticion presentado por geronimo çorita contador general por el rr^{mo} señor don fernando de baldes arçobispo de sebilla enquisidor general y por los señores don diego de los cobos obispo de avila y licenciado valtodano y doctores andres peres y simancas y hernan peres del consejo de la santa general Inquisicion dixeron que teniendo el dicho miguel çurita su hijo hedad y la habilidad que se rrequiere para serbir el dicho officio de contador se terna consideracion a lo mucho y con el cuidado y fidelidad quel dicho geronimo çurita y juan garcia su suegro an serbido en el sancto officio para le hazer la merced que suplica. Lo que paso ante mi pedro de tapia secretario del dicho consejo.—Pedro de Tapia.

V.

Подробности организации инквизиции Мурсии, о чем сообщалось Верховному в 1746 году.

(Archivo de Simancas, Inquisicion de Corte, Legajo 359, vol. 3). (See pp. 216, 248, 268).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

(В реале веллон).

—

	Зарплата.	Ayuda de costa.
Фелипе Муньос, инквизитор	7352.34	1470.20
Также судебный процесс	1176.15	—
Антонио Сильвестре Эспиноса, инквизитор	7352.34	1470.20
Андрес де Приего-и-Кабрехас, фискал [Зарплата не указана, но, несомненно, такая же, как у инквизитора]		
Джозеф де Буэндиа, мэр Альгуасиля (сменил Конде дель Валье де С. Хуан в 1717 году)	2352,30	588,8
Сальвадор Эрмоса—и—Эспехо, секретарь (начал работать приемником в 1713 году; должность секретаря была добавлена в 1715 году, назначен приемником в 1723 году с зарплатой 250 дукатов в дополнение к зарплате секретаря)	2352,30	588,8
Педро де Паррага—и—Бозайя, секретарь	2352,30	588,8
Антонио Гонсалес Кампурано, секретарь (работает без жалованья вместо своего отца; унаследует его после смерти)	—	—
Фернандо Айлон, секретарь (был комиссаром; в 1738 году назначен депозитариум претендентов; в 1741 году назначен секретарем без жалованья)	—	-
Андрес Гарсия и Бенито, секретарь (в 1739 году назначен почетным секретарем без жалованья; в 1745 году назначен полным секретарем без жалованья, но с гонорарами и вознаграждениями)	-	-
Джозеф Гонсалес Кампурано (назначен секретарем в 1692 году; уволен в 1736 году с полным жалованьем)	2352,30	588,8
Антонио де Эльгета Виджил (назначен секретарем в 1717 году; в 1732 году назначен приемником с жалованьем-. Также jubilated секретарь без зарплаты)	5955.30	588.8
Франсиско де Гузман (назначен секретарем)	2944	

в 1699 году, jubilated в 1716 году с зарплаты)

Антонио Виллафранка, секретарь (назначенный в 1744 году)	2352.30	588.8
Джозеф Фернандес де Лима, адвокат дель с Fisco	294.4	
Диего Фернандес де Zengano, секретарь (в Логроньо по приказу Супрема)	2352.30	588.8
Антонио де Арнуэро, секретарь (служащий в корте по приказу Супрема)	2352.30	588.8
Матиас Rosique, адвокат дель с Fisco (при отсутствии и болезни Фернандес де Лима и рисует свою зарплату)	—	—
Мигеля Мороте, адвокат заключенных (отсутствующих и больных)	294.4	—
Хуан Игнасио Наварро, адвокат осужденных (без зарплаты)	—	—
Алехо Manrresa, нотариус, секвестрации (отделение продается Сотомайор (1632-43) четыре жизни, которые Manrresa последний)	2205.29	—
Джозеф-де-Еаго-Карреньо, Нотариус суд (назначен в 1733 году, с устройением дела доказательств этого отделения продается Сотомайор за четыре жизни которого это уже третий)	294.4	—
Бальтазар Эспин г Bienbengut, Ревизор (назначал король в 1745 году. Офис обслуживал его заместитель Педро Кармено с зарплатой. Этот офис был продан Сотомайором за четыре жизни, из которых эта третья)	729.14	—
Антонио де Паладио, Алькаид секретной тюрьмы (с 1736 г. С 1741 года он служит депозитарием претендентов, без зарплаты, но с комиссией в размере двух процентов от суммы вкладов. Этот депозитарий был продан Сотомайором на три жизни, две из которых истекли; третья принадлежит	2352.32	—

Себастьяну де Пинеде, который не имеет квалификации и титула, поэтому офис обслуживается так, как указано выше)		
Альфонсо Манреса (Юбиляр в 1720 году в качестве Алькайда секретной тюрьмы)	330.—	
Джозеф Гарсиа Бентура, нотариус асотацион	2491.5	
доказательства лимпьезы (у него нет титула)	235.10	
Педро Кармона-и-Вехар, нунций (также является заместителем аудитора Бальтасара Эспина выше. Также в качестве алькайда тюрьмы фамильяров, без зарплаты, за исключением дома)	1470.20	
Фелипе Гарсиа Конде, Портеро де Камара	1470.20	
Джозеф де Элизондо, Алькаид кающейся тюрьмы	235.10	
Александро Росике, прокурор fisc	235.10	
Антонио Роше, хирург	235.10	

Антонио Фернандо Алонсо, заместитель
портеро.

Antonio Irles. Заместитель нотариуса по
секвестрациям
(С зарплатой в 550 реалов, выплачиваемой ему
владельцем, Манресой.)

Калификадорес

В Мурсии

Фрей Педро Пабло
Фрей Сальвадор Серон
Фрей Антонио Капестрано Ризо
Фрей Джозеф Бланко
Доктор Francisco López Oliver
Fray Isidro de Murcia
Fray Joachim Petrel
Fray Francisco Pérez
Fray Antonio Tomás

In Cartagena

Fray Balthasar de la Fuente

В Альбасете

Брат Джозеф Педрено

В Вильене	Доктор Хуан Альфонсо Меллинас
В Монфорте	доктор Франсиско Кремадес
In Cuenca	Alonso Camacho
	Fray Joseph Fernández Quevedo
	Fray Juan Calatrava
	Fray Nicolas Clarer.
Комиссары в портах	
В Аликанте	Луис Канизия и Хуан
	Хуан Канизия Дория с каноником Карлосом
	Кампосом в качестве нотариуса
В Картахене	Сальвадор Гарсия Силес с Педро де Тапия в
	качестве нотариуса
В Ориуэле	Доктор Хуан Тимер, юбиляр
	Франсиско Роз де ла Вальеста с Педро
	Куилесом в качестве нотариуса.

Знакомые. В Мурсии и других частях округа не только нет штатных сотрудников, но и есть много вакансий, так что во многих местах нам приходится прибегать к услугам священнослужителей и других компетентных лиц для выполнения необходимых обязанностей.

Уполномоченные. То же самое с уполномоченными и нотариусами. Во многих местах, где раньше были уполномоченные, заявителей нет. В других местах есть много претендентов, и было сочтено необходимым назначить кого-то из них туда, где их нет. Трибунал оказывается без министров, которые могли бы выполнять его приказы во многих местах.

VI.

Поручение инквизитора.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 8, fol. 108). (См. стр. [236](#)).

Nos, Don Juan Tabera, por la miseracion divina Cardenal en la Sancta Iglesia de Roma, titulo de Sant Juan ante Portam Latinam, Arzobispo de Toledo, primado de las Españas, Chanceller mayor de Castilla, gobernador de estos Reinos e inquisidor apostolico general contra la heretica pravedad y apostasia en todos los Reinos y señorios de sus magestades etcetera.

Confiando de las letras y recta consciencia de vos el Doctor Blas Ortiz, canonigo de la sancta Iglesia de Toledo, y que sois tal persona que bien y fielmente y diligentemente hareis lo que por nos vos fuere cometido y encomendado, por el tenor de la presente, por la auctoridad apostolica á nos concedida de que en esta presente usamos, vos facemos, constituimos, creamos e deputamos inquisidor apostolico contra la dicha heretica pravedad y apostasia en el Reino de Valencia y su distrito y jurisdiccion y os damos poder y facultad simul et in solidum con el venerable Doctor Juan Gonzalez, inquisidor del dicho partido para que podades inquirir e inquirades contra todas y qualesquiera personas ansi hombres como mugeres, vivos y defunctos, absentes e presentes de qualquier estado, condicion, prerrogativa, preeminencia y dignidad que sean, exentos y no sean exentos, vecinos y moradores que son ó han sido en las ciudades, villas y lugares del dicho Reino de Valencia y su distrito que se hallaren culpantes sospechosos e infamados en el dicho delito y crimen de heregia y

apostasia y contra todos los fautores, defensores y receptatores de ellos y para que podais facer y fagais contra ellos y contra cada uno de ellos vuestros procesos en forma debida de derecho segun los sacros canones lo disponen y para que podais tomar y rescibir qualesquiera procesos y causas pendientes sobre los dichos crímenes ó qualquiera de ellos ante qualquiera inquisidor que haya sido en el dicho partido en el punto e estado en que estan y continuarlos y facer y determinar en ellos lo que fuere justicia y para que podades á los dichos culpantes encarcelar, penitenciar, punir y castigar y si de justicia fuere relaxarlos al brazo seglar y facer todos los otros casos al dicho oficio de inquisidor tocantes y pertenecientes, para lo qual todo lo que dicho es y cada una cosa y parte della con todas sus incidencias y dependencias, anexidades y conexidades vos damos poder cumplido y cometemos nuestras veces fasta que nos especial y expresamente las revoquemos. En testimonio de lo qual mandamos dar y dimos la presente firmada de nuestro nombre y refrendada del secretario infrascripto.

Dada en la villa de Madrid á cinco dias del mes de Abril de mil quinientos quarenta años.

Дж. Кардиналис.

Por mandado de su ilustrisima y reverendisima señoria.

Jeronimo Zurita, secretario.

Con señales de loe señores Licenciado Aguirre y Obispo de Badajoz y Prior de Roncesvalles.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

VII.

Личный состав инквизиции в 1746 году.

(Взято из Архива де Симанкаса, Инквизиция Корте, Закон 359, т. 1). (См. стр. 248).

	Ма др ид -	Се ви лья	- Ко рд ов а	- Гр ан ад а	Валь ядол ид	- Му рс ия	Ль ер ен а	Ку эн ка	Лог рон ьо	- Бар сел она	- Са нть яго	- Вал енс ия	Са раг оса	- Ма льо рка	То ле до	кан аре ек
инкви зитор ы и фиска лы	2	2	4	3	5	3	3	4	3	3	3	3	5	2	4	3
секрет аре	11	13	9	7	4	10	8	5	9	2	5	6	6	4	9	3
ревиз оров	2	2	1	1	1	2	1	1	2		1	2	2	1	1	1
Alcaid	1	2	1	1	2	2	3	1	1		1	3	1	1	4	1

ес секрет ные тюрьм ы																
Porter os	1	-	1	2	1	2	1	2	1	-	1	1	1	1	1	1
нунци ев	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	-	1
Сторо нники пленн ых и казну	3	-	3	1	1	4	1	3	1	-	1	-	2	5	1	2
враче й,	2	2	2	1	1	1	-	1	1	-	1	-	3	-	-	-
хирург ов	2	1	2	1	1	1	-	1	1	-	1	-	-	-	-	-
Alguac iles	-	1	1	1	1	1	1	-	2	1	1	1	1	-	-	1
полож ения лиц																
-	-	2	1	1	-	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2
ресив еры																
Защит ники казны	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Депоз итария ми	-	1	1	-	1	1	1	1	1	1	1	-	-	-	1	-
проку роры из казны	-	1	1	-	1	1	1	1	1	-	-	-	1	1	-	1
капелл анов	-	2	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2
комис сары	-	6	4	6	6	7	6	2	5	28	6	7	38	-	-	23
С нотар иусам	-	-	-	3	-	-	-	-	-	4	-	50	7	-	-	22

[illegible]

Итого 25 53 61 49 43 59 32 32 36 70 30 118 135 54 31 83,

VIII.

Сертификат на Лимпьезу.

(Archivo de Simancas, Registro de Genealogias, No. 916, fol. 12). (См. стр. [312](#)).

D. Cristóval de Cos y Vivero, Secretario etc. Certifico: Que por el Exmo Señor Obispo Inquisidor General se hizo gracia de pruebas para Ministro Oficial del Santo Oficio al Exmo Señor Don Carlos Miguel Fízt James Stuart, Silva, Stolberg y Palafox, Duque de Vervich y Alba, y la de que se le recibiesen en esta Corte por Patria comun con dispensa de la extrangería de su Padre y Abuela Paterna y teniendose por bastantes las partidas que acompaña legalizadas, en su consecuencia por mandado de los señores del expresado consejo se recibieron dichas ynformaciones al tenor de las Memorias de sus Padres y Abuelos que presentó y es del modo siguiente.—Arbol genealogico del Exmo Señor Duque de Vervich y Alba D. Carlos Miguel. El Exmo Señor Don Carlos Miguel Fízt James Stuart, Silva, Stolberg, Palafox, Duque de Vervich y Alba, Marques del Carpio, Alguacil mayor de la Santa Inquisicion de Córdoba, nació en Madrid el año de 1794.—Padres. El Exmo Señor Don Jacobo Felipe Carlos María Fízt James Stuart y Stolberg, Duque de Vervich y Liria, Grande de España de primera clase, nació en Paris el año de 1773, Difunto. La Exma Señora Doña María Teresa de Silva y Palafox nació en Madrid, año de 1772.—Abuelos Paternos. El Exmo Señor Don Carlos Fernández Fízt James Stuart, Duque de Vervich y Liria, Grande de España de primera clase, nació en Liria año de 1752, Difunto. La Exma Señora Doña Carolina Augusta de Stolberg, Princesa de Stolberg nació en la Aldea de Geudem de Alemania año de 1755.—Abuelos Maternos. El Exmo Señor Don Pedro de Alcántara Fadrique Fernández de Hajar, Silva, Duque de Hajar, Grande de España de primera clase, Presidente del Real Consejo de las Ordenes, Difunto, nació en Villaruvia de los Ojos de Gadiana año de 1741. La Exma Señora Doña Rafaela de Palafox Croy de Habre nació en Ariza año de 1744, Difunta.—Como agente de la casa de su Exmo presento testimoniadas las partidas de bautismo de los Señores comprehendidos en el arbol genealogico que antecede, cuya procedencia de Cristianos viejos, limpios de toda mala raza por notoriedad certifico y juro en Madrid á 26 de Junio de 1815.—Miguel Antonio Forrent.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

Y executadas las referidas ynformaciones en esta Corte por patria comun con arreglo á las referidas gracias y segun practica del Santo Oficio; vistas por los Señores del mencionado Consejo, por su auto que proveyeron con fecha de este dia los aprobaron y dieron por bastantes para que el nominado Exmo Señor Don Carlos Miguel Fízt James Stuart puede ser y sea Ministro oficial del Santo Oficio segun mas por menor resulta de dichas ynformaciones que por ahora quedan originales en la Secretaria de mi cargo á que me remito. Y para que conste donde convenga, en virtud de orden del propio consejo doy la presente al susodicho Exmo Señor Don Carlos Miguel Fízt James Stuart, sellada con el sello de la General Inquisicion en Madrid á veinte y quatro dias del mes de Mayo de mil ochocientos diez y seis.—D. Cristóval de Cos y Vivero. [\[1762\]](#)

IX.

Расписка Жены Примирившегося еретика от 30 марта 1524 года в получении приданого из Конфискованного имущества.

(Archivo Histórico Nacional, Inquisicion de Valencia, Legajo 371.) (См. стр. [333](#)).

Sea a todos manifiesto que yo Dona Beatrix Despuch y de Sant Boy, muger que soy de Pere Alcañiz y presente aquel y de voluntad de aquel de grado y de mi cierta ciencia otorgo haber habido y en poder mio recebido en la forma infrascrita de vos el magnifico Cristoval de Medina receptor de los bienes confiscados por el crimen de la heregia y apostasia en el Sancto Oficio de la Inqⁿ de Valencia que soys presente, es a saber treynta y dos libras siete sueldos moneda reales de Valencia, los quales me aveys dado y pagado á toda mi voluntad en paga rata de las cantidades que yo tengo de haber y cobrar por razon de mi dote in virtud de una sentencia dada por el muy R^{do} Doctor Micer Melchior Esteve teniente de Inquisidor y Juez subdelegado de bienes confiscados en dicho Sancto Oficio, que dada fue en veynte y dos dias del mes de Decembre proximo pasado de mil quinientos veinte y tres que pasó ante el discreto Francisco Mudarra Notario Escribano de la Audiencia y Judicatura de dichos bienes confiscados y por las causas y razones en la dicha Sentencia contenidas.

El modo de la paga de las dichas treinta y dos libras siete sueldos de la dicha moneda es este, que de mi voluntad os las reteneys por consemblante cantidad que yo os debia de los precios y bienes muebles por mi comprados del inventario y secresto de dicho Pero Alcañiz mi marido como parece por acto recebido por el Notario infrascrito á treinta dias del mes de Junio del presente año (*sic*) la cual confesion y apoca otorgo y hago sin su perjuicio de mis derechos por quanto yo pretendo que los dichos bienes o parte de ellos que yo compré son mios propios y de los contenidos en el pagamiento que el dicho Pere Alcañiz mi marido me fizo, e porque es verdad por tanto renunciando toda excepcion de frao ó de engaño otorgo y fago vos la presente apoca en poder del Notario infrascrito que fecha fué en la Ciudad de Valencia á treinta dias del mes de Marzo del año del nacimiento de nuestro Salvador Jesu Cristo de mil quinientos veinte y quatro. + (se) ñal de mi la dicha Doña Beatriz Despuch y de Sant Boy que las dichas cosas otorgo y firmo.

Testimonio que fueron presentes á las dichas cosas los honrados Fran^{co} Mudarra Not^o, y Martin de Durango Scribiente y Visitadores de Valencia.

X.

Выписка из частичной квитанции, предъявленной канонику Жоану де Асторга, Получателю конфискаций в Валенсии за 1493 год. [\[1763\]](#)

(Archivo Historico Nacional, Inquisicion de Valencia, Legajo 383). (См. стр. [367](#))

6 февраля.	От Виоланты Доменеге за ссуду, предоставленную ее мачехой Виолантой Доменегой relaxed, Джорди в обмен на пару золотых браслетов, проценты по которой составили 3 дуката	200 шекелей.
------------	--	--------------

	От портнихи из Майорки в связи с упомянутой Доменегой	8.8дня рождения.
6 февраля.	От Виоланты Доменегии двадцать золотых монет, спрятанных ее мачехой в седле, всего на сумму	319.—
19 апреля.	Конфискация Изабель Амороаса, освобождена. Продажа с аукциона ее вещей согласно описи	2.10
2 мая.	Конфискация мастера Энтони Тристана. Продажа с аукциона его имущества согласно описи	137.—
	Конфискация мастера Йохана Арагонеса и его жены. Продажа с аукциона его имущества согласно описи. (Сумма не указана.)	
Сентябрь. 10.	Продажа с аукциона Гаспару Ферролла дома саида Хуана Арагонеса	1100 года.—
	Продажа с аукциона Саймону Санчесу соседнего дома	1200.—
	Оценка по приказу короля трех полей и двух виноградников Хуана Арагонеса, после вычета обременений, полей по 37 либр и виноградников по 53, что в сумме эквивалентно	1800 году.—
23 июля	Конфискация Луиса Сариньяны. Дом, оцененный экспертами в 45 либр. Поскольку король выделил Жуано и Франсиско Сариньянам по 50 фунтов стерлингов. за пределами поместья дом был передан им.	

	Конфискация Гальчерана Надаля в Хативе.	3.—
	Продажа Луису Косте дома в Хативе за вознаграждение в размере 100 суэльдо в год	
	Конфискация Франциски Косты из Хативы.	10.—
	Продажа Гильену Мурте плантации шелковицы, за вознаграждение в размере 32 суэльдо	
августа. 9.	Конфискация Даниэля Сапаты.	1500.—
	В соответствии с королевским указом, composition заключил со своей женой Леонор Сапатой сделку о передаче всего своего имущества на сумму 5000 суэльдо, из которых 1500 выплачены авансом, 1500 должны быть выплачены через шесть месяцев и 2000 через один год, при этом упомянутая Леонор подала иск о своем приданом и других крупных суммах, от которых она отказалась	
	Конфискация Мануэля Сапаты.	80.—
	Получено от наследников Блэя де Камеса и Марии Вискайны возмещение, причитающееся саиду Мануэлю,	
13 февраля.	Конфискация Берната Мансипа смягчена.	6205,7—
	Продано с аукциона Хуану Гильену Каталанскому с цензурой на корпорацию Валенсии в размере 6000 долларов основной суммы и 400 процентов, подлежащей	

	выплате 14 сентября каждого года. С начисленными процентами за 5 месяцев и один день Продан наследникам Мосена Хуана де Пеньяроса цензура на города Херика, лас-Баррагуас и Пина, основная сумма 15000 суэльдо и 1000 процентов, подлежащая выплате 27 мая. С начисленными процентами Продано с аукциона Виоланту Катале, цензору корпорации Валенсии, за 7500 суэльдо основной суммы и 500 процентов, подлежащей выплате 2 октября. С начисленными процентами за 4 месяца и 12 дней	15211.1 7733.4
18 февраля.	Продано Кристобалу де Басурто два цензала в городе Хатива, один из 6000 шекелей основной суммы и 375 процентов, подлежащий выплате 29 октября, другой из 5000 шекелей основной суммы и 312 шекелей 6долларовых процентов, подлежащий выплате 8 ноября. с начисленными процентами	11251,10
23 февраля.	Продано с аукциона кабальеро Йохану Луису де Виларасе три цензала указанного Берната Мансипа, один в городе Валенсия, стоимостью 13 000 шекелей основной суммы и 1056 s. 8d. проценты, подлежащие выплате 14 июля. Один на королевство Валенсия в	700 либр, 5 евро. [1764]

	размере 13 200 фунтов стерлингов основной суммы и 880 процентов, подлежащий выплате 30 марта. Еще один на ту же сумму в размере 11 250 s. основная сумма и 650 процентов, подлежащие выплате в сентябре. 7. Выручка от всех трех сделок с начисленными процентами.	
21 февраля.	Конфискация Бригиды, жены Берната Кортеллеса. Получено от упомянутого Берната в счет 1200 суэльдо, которые он должен заплатить за приданое упомянутой Бригиды	400.
8 февраля.	Конфискация Мигеля де Прочиты. Арендовал Франше Куачу дом Саида Мигеля де Прочита на двенадцать лет по 12 либр в год и получил 6	120 либр.
11 февраля.	Конфискация Мигеля Андреу Роселла была прекращена. Получено от Франсиско Бердума в счет долга перед Роселлем	32.—
5 сентября.	Дом продан Габриэлю Андреу Роселлю с учетом штрафа в размере 7000 суэльдо, а также 500 и 400 шилл. , взимаемого с него, и всех других платежей	10.—

XI.

Король Фердинанд - Торквемаде, 30 марта 1498г.

(Archivo General de Simancas, Consejo de la Inquisicion, Libro I). (См. стр. [374](#)).

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

Venerable y devoto padre Prior. A causa de mi yda que en breves dias ha de ser para Zaragoza, Dios mediante, embie á mandar á mi Receptor Royz que diesse mucha priessa en acabar una escalera e las cavallerizas e otras cosas muy necesarias para mi aposentamiento en el palacio Real de la Aljaferia, y andando ya la obra quasi en acabamiento á causa de las excomunicaciones que le haveys embiado me escribe que ha parado la obra. E tambien diz que no pagare á los prior e frayles de Santa Engracia aquellos quatro mil sueldos que en cada un año les he yo mandado pagar en aquella rectoria fasta que yo les haya provehido en otra parte, lo qual fize por no les traspasar luego los censales de la Inquisicion, porque despues de remediado de otra parte los censales quedassen al Oficio. Ciertamente tengo desto algun enojo. E fuera razon que se mirara mejor en poner mas limitadas las excomunicaciones para que se salvara á lo menos lo que sea á mi servicio, ha respeto specialmente que en aquella rectoria, á Dios gracias, todos los oficiales estan bien pagados e á nadie se deve salario ni otra cosa alguna, y desto es razon que vos y estos perlados que con vos residen vos contenteyss. E que no se ponga excomunicacion pues no hay necesidad para las poner porque seria forzado de otra manera proverlo. E aunque sobre ello he aquí fablado con el Obispo de Lugo [1765] para que lo remediase no lo ha querido fazer. Por ende he acordado de vos escrevir la presente por la qual vos ruego y encargo que sin dilacion alguna alceys y fagays alçar qualquiera excomunicacion con que se haya puesto a aquel receptor, pues todos los oficiales como dicho es, estan bien pagados en aquella Inquisicion, á Dios gracias, no deve nada á nadie. Y en esto no se ponga dilacion o dificultad alguna, porque havria enojo della, allende que no lo permitiera. Luego me respondet con este mensajero que por sola esta causa vos le embio. Dada en Alcalá de Henares á xxx dias de Marzo de xcviij.—Yo el Rey.

XII.

Указ короля Фердинанда от 23 февраля 1510 г. об уменьшении поступлений от конфискации.

(Archivo General de Simancas, Inquisicion, Libro III, fol. 61).

(См. стр. 376).

El Rey.

A todos los receptores que soys o fueredes de los bienes confiscados e aplicados a la camara e fisco por el delito de la heregia en todas las ynquisiciones destos reynos e señorios e a cada uno de vos a quien esta mi cedula fuese mostrada o su traslado señado de escrivano publico, por quanto yo soy informado que en las dichas ynquisiciones tiene alguna necesidad a causa de los pocos bienes que se confiscan e si se cumpliesen primero las mercedes que yo he hecho e fago en los dichos bienes los oficiales e menistros de las dichas ynquisiciones no serian pagados de sus salarios e ahuiran dexar el oficio de lo qual seria dios muy deservido, por ende yo vos mando que agora ni de aqui adelante no cumplays ningunas mercedes que yo aya echo e fago de los dichos bienes confiscados hasta que primeramente sean pagados los ynquisidores e oficiales e menistros de las dichas ynquisiciones de sus salarios e ayudas de costa que yo les mandare dar, no embargante qualesquier cartas o mandamientos que yo o les ynquisidores generales ayamos hecho e hicieremos en contrario e sy algunas cedulas o provisiones de merced se vos presentasen las obedeced e quanto al cumplimiento consultareys conmigo e con los dichos generales ynquisidores que asi cumple al servicio de dios e mio e los unos ni los otros non fagades ende al por alguna manera so pena de la mi merced. Fecha en la villa de Madrid a 23 dias del mes de hebrero de quinientos e diez años. Y esto se entiende con tanto que primeramente se paguen las deudas que deva el oficio antes que salarios ni otra cosa alguna. Yo

el Rey. Por mandado de su alteza Juan Roiz de Calcena. Ya señalada por los del consejo de la ynquisicion.

XIII.

Чтение Эдикта Благодати в Сьюдад-Реале, 1483 год.

(Archivo histórico nacional, Inquisicion de Toledo, Legajo 139, n. 145).

(См. стр. [459](#)).

Como sobre la fama publica e notoria que en este Ciudad Real avia que muchos de los que estavan con nombre de Cristianos e en posesion de tales hereticavan e guardavan la ley de Moyses, ovimos nuestra informacion de algunas personas, por do nos constó la dicha fama ser verdad y que muchos de los vezinos e moradores de la dicha ciudad seguian y solemnizaban e guardavan en quanto en ellos era e podia la ley de Moyses, haciendo sus ceremonias, siguiendo sus antiquos ritos Judaycos, e queriendo usar con ellos e cada uno dellos de clemencia e piedad dimos e descernimos nuestra carta de cita e hedito para que todas las personas desta dicha Ciudad e su tierra que en la dicha eregia de seguir la ley de Moyses ubiesen caido e incurrido, que dentro de, treynta dias primeras siguientes veniesen ante nos confesando sus herrores e abjurando e renunciando e partiendo de si la dicha eregia e abrasandose con nuestra santa madre la Iglesia e ayuntamiento de los fieles Cristianos, e que los recibiriamos usando con ellos de toda piedad e misericordia que pudieremos, e non solamente en el dicho termino de los treynta dias mas por otros treynta despues los esperamos e rescibimos todos los que quisieran venir a confesar y dezir sus pecados cerca de la dicha heregia, e pasado el dicho termino de los dichos sesenta dias e mas tiempo, contra los que non venieran ni parecieran, en especial contra los que huyeron por themor de la dicha nuestra Inquisicion, de los quales teniamos informacion e eran testiguados cerca de nos, e siendo requeridos por nuestro promotor fiscal, avida nuestra informacion sumaria de la fuga e ausentamiento dellos e de la dicha heregia que avian cometido, mandamos dar nuestra carta de llamamiento e hedito contra las personas sospechosas e infamadas e que si se ausentaron. E porque entre ellas nos consta ser muy publico e notorio Sancho de Ciudad e Mari Dias su muger etc.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

XIV.

Исповедь по Эдикту Милости, 9 октября 1483 года, Марии Гонсалес, впоследствии сожженной на аутодафе 23 февраля 1484 года.

(Archivo histórico nacional, Inquisicion de Toledo, Legajo 154, n. 375).

(См. стр. [460](#)).

Maria Gonsales, muger de Juan Panpano, vecino de la collacion de Santiago, con mi omill reverencia, paresco ante vos e mi encomiendo a vuestra merced, ante lo qual paresco con gran arrepentimiento e contricion de mis pecados, e digo que puede aver vjx o cinco (*sic*) años que yo case con el e al tiempo que con el case era buen xpristiano, e en este tiempo puede aver dies e seys años, poco mas o menos, quel tomo otra opinion de se mudar de bevir en la santa fe catolica e faser cerimonias judaicas, e de esta cabsa porque yo non queria seguir su ayuno malo quel levava me dio muchas feridas e muchas contra mi voluntad que non filase el sabado e guysase de comer el viernes para el

sabado e algunas veces comia dello e otras non queria comerlo, porque mi padre syempre vivio e murio conmo buen xpristiano, loqual me duro faser seis o syete años, e porque yo sabia que non traya carne de la carniceria non la queria comer, e de esta cabsa por muchas feridas que me dio algunas ves me la fasia comer e yo ha dies años que bivo syn el porquel se fue desta cibdad e yo nunca quise yr con el, teniendo que me faria bevir en el error quel tenia, y vino aqui una noche, puede aver seys años, a me rogar que fuese con el e non le quise acoger en mi casa e se fue luego, e puede aver dos años, poco mas o menos, quel me fizo coser pan cenceno dos o tres veses e contra mi voltad me lo fiso comer, por non pasar mala vida que continuamente me dava, e despues quel se fue yo non filava algunos sabados e confeselo con el cura de Santiago e me mando que filase e yo despues aca syempre he filado e fago mis haciendas conmo buena xpristiana, e despues quel se fue la segunda ves me ha embiado a rogar que me fuese con el e vendiese esta hacienda que aqui tenia, lo qual nunca quise faser ni fise por non bevir con el de cabsa de su mal bevir, el qual me vendio dos pares de casas que me dio mi padre e una posada de colmenas, e quisiera vender estas casas en que yo moro e una viña por me dexar pobre e yo nunca lo consenti. Desto mi arepiento de buen coraçon e de buena voluntad e pido a Dios misericordia e a vosotros señores me deys penetencia lo qual yo con buen coraçon esto para la recebir, e dixo que su marido se degollava los abes quel avia de comer.

XV.

Отказ в запросе копии Инструкций.

(Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 214 фол. Cédulas en favor). [1766]

(См. стр. 475).

Мои плохие^{решения мос} сеньоров:

El Licen^{do} Alonso de la Peña, promotor y abogado fiscal del S^{to} Off^{io} como de derecho mejor puedo, con protestacion que antes todas cosas hago de no consentir en contestacion de causa por este acto ó por otros que por escripto ó por palabra hago á la respuesta de cierta nulla peticion por parte del Doctor Blasco de Alagona ante VV. SS. presentada, cuyo thenor havido aqui por repetido, so la misma protestacion la digo nulla, de ningun valor y efecto, y como tal debe no ser por VV. SS. decretada ó justamente no admittida. Por lo siguiente. Lo uno por las razones generales. Lo otro por no ser presentada por parte ni contra parte, ni en tiempo ni forma. Lo otro por tratarse de dar copia de los statutes y instrucciones y nuevas refformas deste S^{to} Off^{io} y su archivo secreto de donde xamas se acostumbra ni es cosa conveniente darse por los daños que se siguirian. Y, caso negado, que lo fuera de derecho esta cada uno obligado, para fundar la yntencion de su demanda, buscar cerca de si las cosas que le son nezesarias. Lo otro por no ser las dhas ynstruciones, statutos y nuevas refformas hechas ni dadas en juycio contencioso, ni en contradicion de partes, ni daño de ellas, sino solo para ynstrucion, orden y buen gobierno tanto de la una audiencia como de la otra. Lo otro porque si los dhos oficiales y ministros de este S^{to} Off^{io} ubiessen de dar sus deposiciones sobre este particular como el dho Blasco de Alagona pretende se siguiera el mismo y mayor ynconveniente de que los estatutos ynstruciones y nuevas refformas dadas al S^{to} Off^{io}, las quales solo se han de conocer y saver por los effectos de la Justicia que en el se administra, se supiessen patentamente por todos y alguno de mala yntencion quisiesse de redarguir de bueno ó malo stilo el que en el S^{to} Off^{io} ay.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОКУМЕНТАМ

Otrosi. Respondiendo á los méritos de su injusta demanda y petition nulla, digo que quando en este S^{to} Tribunal no ubiera la obligacion que ay de tener en buena custodia y secreto sus ordenaciones, statutos y refformas, no se le debia dar tal copia por la yncertitud, confusion y daño que se seguiría a las demas personas cuyas causas en el mismo tiempo fueron por los dhos jueces ordinarios determinadas. Las quales todas fueron juridicas y dadas por personas que tenian entera juriadiction para ello, que quando no la tubieran, la buena fe y comun opinion en que estaban de derecho se la daba. Lo otro y mas principal que ciera la puerta á que no se le ay de dar á lo dho Blasco de Alagona las dhas copias que pretende es que caso que la dha refforma fuesse como el dize que quitase los jueces ordinarios, aquella se debe y ha de intender seria quanto al conocimiento y difinicion de las causas que despues de ella se comenzasen y no de aquellas que ya estaban comenzadas y su jurisdiction perpetuada y las dhas causas quasi conclusas para diffinitiva.

Por las quales razones y otras muchas y mas eficaces que al savio parecer de VV. SS. reservo, cuyo auxilio para este efecto ynvoco, parece claro no debe se le dar al dho Blasco de Alagona las dhas copias de las ynstrucciones de los oficiales y ministros del S^{to} Off^{io}, antes ponerlos de nuevo perpetuo silencio para que cumplan y guarden el secreto de las cosas que en este S^{to} Off^{io} tienen jurado y prometido. Sobre que demando justicia y el officio de VV. SS. imploro.

XVI.

Акордадская хартия от 26 февраля 1607 года, соблюдающая секретность.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 942, fol. 62).

(См. стр. 477).

Como en el secreto del Sancto Oficio consista todo su poder y autoridad y la rreputacion de las personas que en el sirven, assi la falta que de el ha havido y hay generalmente en todas las Inquisiciones y su publicidad nos ha causado grandisimo sentimiento y obligado a proveer del remedio necesario para que cesen los grandes daños y quiebras que se han seguido del rompimiento que ha habido en cossas tan importantes á la estimacion y respeto que siempre se ha tenido á las cosas de la Sancta Inquisicion y á sus ministros, pues quanto mas secretas son las materias que se tratan tanto mas son tenidas por sagradas y estimadas de los que no tienen noticia de ellas, y habiendo platicado sobre el remedio de este abuso introducido en estos tiempos en los tribunales, y considerando con el Ilustri^{mo} Señor Patriarca Inquisidor general, ha parecido estender y aumentar por via de declaracion el juramento que todos hacen antes de ser admitidos á sus officios con todas las fuerzas, vinculos y estrechezas que el derecho requiere y dispone para que sea avido y caiga en pena de perjuro y de infidelidad quien fuere contra el tal juramento, y siendo convencido por indicios ó testigos aunque sean singulares por la primera vez sea suspendido de su officio por un año yrremisiblemente y pague cincuenta ducados de pena, y por la segunda privado perpetuamente y que lo contrario haciendo aunque no sea deducido en juicio el exceso no pueda en el fuero de la conciencia hacer suyo ni recibir los salarios de su plaza, declarando que la observancia del dicho secreto, demas de las cosas de la fee ó en qualquiera manera dependientes de ella sea y se entienda asi mismo de los votos, ordenes, determinaciones, cartas del Consejo en todas partes y materias sin dar noticia de ellas á las partes ni á personas fuera del secreto como se ha entendido que algunos indebidamente lo han hecho, y de las informaciones de la limpieza que se hubieren hecho ó hicieren para Inquisidores, Oficiales, Comisarios, Notarios y familiares, y de todas las cosas tocantes á ellas y de todos los votos y determinaciones de los Inquisidores de qualesquiera cosas y causas aunque

sean publicas, pues en todas hay precisa obligacion de guardar el secreto de lo que cada uno vota. Y assimismo mandamos so pena de excomunion mayor y de la dicha pena de suspension y privacion de su officio á todos los que supieren ó entendieren que qualquiera persona que sirve en el Sancto Officio de la Inquisicion quebrantare en qualquiera manera el dicho secreto directa ó indirectamente lo manifieste secretamente al Ilustrisimo Señor Inquisidor General ó al Consejo por que asi conviene para que no quede sin castigo tan grande delito. Y para que en todo tiempo todos tengan noticia de esto y nadie se excuse con su ignorancia, queremos que esta nuestra carta acordada y provision se ponga con las instrucciones y cartas acordadas que se acostumbran á leer en el principio de cada año en la sala del secreto á todos los Ministros del Sancto Officio de la Inquisicion quando se presentaren ó se les de su titulo en el ingreso de sus Officios, y en recibiendo esta mandareis juntar á todos los Officiales en la sala del secreto donde se les leera.—En Madrid, 26 de hebrero de 1607 años.

El ylustrisimo Señor Patriarca Inquisidor General estando en el Consejo de su Magestad en la Sancta General Inquisicion, haviendose leido en presencia de su Señoria Ilustrisima y de los Señores de el la carta acordada de arriva tocante al secreto del Sancto Officio de la Inquisicion, dixo que su intencion y voluntad y de los dichos Señores era que obligue y se entienda desde la persona de su Ilustrisima y señores del dicho Consejo hasta los oficiales de el, y mando que asi se pusiese por auto y que se notificase á todos y a los dichos Officiales de los dichos secretos y al nuncio y porteros, lo qual yo el presente secretario cumpli, de que doy fee.—Hernando de Villegas, Secretario del Consejo.

XVII.

Финансы инквизиции в 1731 году.

(From Archivo de Alcalá de Henares, Hacienda, Legajo 544² (Libro 8).) (См. стр. 440).

Estado de las rentas, salarios y gastos de el consexo y tribunales de inquisicion de estos reynos.

Rentas corrientes.					
Inquiciones	Rentas de canongias y dos Pensiones	Consignacione s para el Consejo.	Rente de Juros corrientes	Censos y Haciendas confiscadas.	Total en Reales Vellon.
Consejo y Tribunal de Corte	—	213,000.	95,695.9	92,396.	401,291.29
La de Toledo	42,348.7	—	1,719.18	4,506.	48,573.25
La de Logroño	41,646.3	—	—	8,619.15	50,265.18
La de Cuenca	32,700.	—	174.	22,373.9	55,247.9
La de Canarias	12,750.	—	1,879.	22,531.23	37,160.26
La de Zaragoza	41,613.22	—	4,259.26	30,969.14	79,842.28
La de Barcelona	29,403.	—	—	18,952.8	48,355.8
La de Santiago	87,861.18	—	—	5,236.8	93,097.26

La de Llerena	30,283.26	—	266.2	30,600.	61,149.28
La de Valladolid	48,724.5	—	6,000.	16,839.	71,573.5
La de Granada	15,530.18	—	—	77,879.	93,409.18
La de Córdoba	35,167.27	—	1,035.30	50,997.	87,200.23
La de Sevilla	43,976.23	—	5,846.	68,000.	117,822.23
La de Murcia.	42,783.9	—	—	90,580.	133,363.9
La de Mallorca	25,449.24	—	—	96,829.14	122,279.4
La de Valencia	46,974.4	—	—	56,185.20	103,159.24
	580,212.16	213,000.	116,876.3	693,694.12	1,603,782.31

Salarios y Gastos.

Inquisiciones	Salarios.	Gastos y Alimentos de Reos.	Consignaciones que pagan al Consejo.	Total de Cargas.	Lo que falta á cada Tribunal.	Lo que se esta deviendo á sus Ministros.
Consejo y Tribunal de Corte	678,816.4	107,500.	—	786,316.4	385,024.9	546,437.5
La de Toledo	66,351.2	9,330.	—	75,681.2	27,107.11	255,108.23
La de Logroño	51,224.14	9,000.	—	60,224.14	9,958.30	122,930.
La de Cuenca	50,587.	8,500.	—	59,087.	3,839.25	55,057.
La de Canarias	52,512.	7,500.	—	60,012.	22,851.8	45,625.
La de Zaragoza	92,782.17	25,454.4	—	118,236.21	38,393.27	165,554.6
La de Barcelona	50,430.	8,699.	—	39,129.	10,773.26	45,636.
La de Santiago	57,709.3	13,687.	18,000.	89,396.3	—	—
La de Llerena	55,158.	9,900.	—	65,058.	3,948.6	48,692.
La de Valladolid	66,543.	13,400.	—	81,943.	10,379.29	37,875.
La de Granada	82,184.20	25,000.	—	107,184.20	13,775.2	75,528.

La de Córdoba	69,485.	17,500.	10,000.	96,985.	9,784.12	25,842.
La de Sevilla	73,650.	20,000.	20,000.	113,650.	—	—
La de Murcia	74,073.12	17,980.	45,000.	137,053.12	3,690.3	—
La de Mallorca	104,694.12	12,163.	20,000.	136,857.12	14,578.8	30,336.
La de Valencia	85,545	17,614.24	—	103,159.24	—	—
	1,711,745.1 6	325,227.28	113,000.	2,149,973.1 0	554,064.25	1,454,621.

Por manera que importan las rentas del Consejo y Tribunales, 1,603,782 rs. y 31 mrs de vellon, y necessitando para los salarios de sus Ministros y cargas precisas 2,149,973 rs. y 10 mrs. faltan en cada año 546,190 rs. y 13 mrs. segun ba demostrado. Previnien dose que aunque el resumen se allan 554,064 rs. 25 mrs. consiste la diferencia en el corto sobrante de las Inquisiciones de Santiago y Sevilla, lo que se hace presente; y tambien que el mas cargo de 100,000 rs. que resulta al Consexo de consignaciones de los Tribunales es por la que se considera en el de Mexico. Asimismo se advierte que por haver quedado la de Zaragoza sin el palacio de la Aljaferia que ocupaba y buscando casa de alquiler la concedió el Señor Don Phelipe 5, el año de 1708, 5.200 ducados de plata sobre bienes confiscados y habiendo cesado por la paz de Viena; haviendo sido preciso fabricar casa se ha empeñado en 24,000 libras y necesita para acabarla mas de otras 20,000. Madrid 8 de Noviembre de 1731.

Феликс Гарсия дель Пулгар.

СНОСКИ:

[1] Hæreticus animal pestilentissimum est: quamobrem punire debet antequam virus impietatis evomat, forasque projiciat.—Simancæ de Cathol. Institt., Tit. II, п. 17.

[2] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 153, n. 331.—Burriel, Vidas de los Arzobispos de Toledo (Bibl. национальный, рукопись. Ff, 194, fol. 8).

[3] Лас Квинквагенас, I, 342 (Мадрид, 1880).

[4] Критический обзор истории и литературы, V, 148.

[5] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 522, следующий. 2.

[6] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. VIII.

[7] Инструкции 1484, § 12 (Аргуэлло, следующий раздел 4).

[8] История архива. национальная инквизиция Толедо, Закон № 158, п. 431, 435.

[9] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 44.

[10] Там же, стр. 23.

[11] Тем не менее, моряки-протестанты, прибывающие в испанские порты, когда они не защищены договором, и даже военнопленные в американских колониях, как мы увидим ниже, были востребованы инквизицией.

[12] Феррарис, *Prompta Bibliotheca*, s. v. *Хересус*, № 1-10.—*Avila de Censuris ecclesiasticis*, P. I, Dub. 10 (Лугдуни, 1609).—Парамо, стр. 570.

[13] Глава 1, § 1, Глава v, iii.

[14] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, X, 157, фол. 244.

[15] Болетин, XV, 579, 594.

[16] Мичиган. Alberti Repert. Инквизитор. с. против *Эпископа*. —Апн. Albertini de agnoscendis Assertionibus Catholicis, Q. XI, n. 1 (Valentiæ, 1534).—*Simancæ de Cath. Institt.* Синица. XXV, п. 2, 3, 4. —Комментарий Пегна. Прямая жизнь в Эймерики. П. III.—Парамо, стр. 536.

Рохас (*De Hæret.* P. I, № 442-3), по-видимому, единственный автор, который предполагает, что клементины придают епископальной юрисдикции чисто консультативный характер.

[17] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[18] Симанс де Кат. *Institt.*, Tit. XXV, п. 5.

[19] Льоренте, Аньялес, II, 335.

[20] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 139.

[21] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 688, fol. 228, 517; Libro 939, fol. 69.

[22] Краткое содержание. Тарраконенс. ann. 1591, Lib. v, Тит. vi, Глава 2 (Агиппе, VI, 319).

[23] *Decreta Sac. Congr. S. Officii*, p. 284 (R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. del S. Offizio, vol. 3).

Политика римской инквизиции была совершенно иной. Она признавала традиционную юрисдикцию епископов и приглашала их к сотрудничеству. Епископ издавал эдикты по своему усмотрению и мог возбуждать судебные преследования. Согласие, конечно, было необходимо при вынесении приговоров о пытках и вынесении окончательного приговора, но, если обвинителем был епископ, инквизитор отправлялся в епископский дворец для консультаций, а также в других случаях, когда епископ действовал лично, а не через своего ординарца. Все это было в соответствии с учением Клементинок, за исключением того, что все окончательные предложения требовали подтверждения Конгрегацией.— Там же. Стр. 174-5, 177, 266-8, 272-3.

[24] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 45, fol. 168.

[25] Порядок действий, fol. 107 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).

[26] Libro XIII de Cartas (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

- [27] Бенедикти С. XIV de Synodo diœcesana, Lib. IX, глава. iv, п. 3.
- [28] Архив де Симанкаса, Библиотека 78, fol. 80.
- [29] Там же, библиотека 83, fol. 106.
- [30] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 232.
- [31] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 562, фол. 28.
- [32] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 100.
- [33] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека. 435²; Библиотека. 890.
- [34] Парамо, стр. 136.—Болетин, XV, 462.
- [35] Болетин, XV, 475.
- [36] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, I, 37.
- [37] Инструкции 1484, § 26 (Аргуэлло, следующий раздел 8).
- [38] Архив gen. de la C. de Aragon, Registro 3684, fol. 76, 92, 97.
- [39] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 3.—В последующих комиссиях такого пункта нет.
- [40] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [41] Там же, Библиотека 3, следующий. 27, 28, 62, 63, 72, 73, 186, 204, 242, 336.
- [42] Там же, библиотека 939, fol. 69.
- [43] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 43.
- [44] Прагматика и другие проблемы Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава. 1; Capitols concedits, § 26; Там же, глава 2 (Барселона, 1569, стр. 16, 19).—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. I de copias, fol. 219.
- [45] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, фол. 69, 118.
- [46] Библ. pública de Toledo, Sala 5, Estante II, Tab. 3.
- [47] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 76, fol. 360; Библиотека 77, fol. 30; Библиотека 939, fol. 104.
- [48] Библ. pública de Toledo, *loc. cit.*
- [49] РУКОПИСЬ. *пеняет мне.*
- [50] Мадрид-дель-аньо-де-МДЛИИ, Пэт. ликс (Вальядолид, 1558, фол. xiv).
- [51] Архив Симанкаса, Реальное покровительство, Инквизиция, Лег. унико, фол. 76.
- [52] Там же, Visitos de Barcelona, Этап 15, следующий. 2.

[53] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. III, XI.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, фол. 69.

Однако подпись ординарца приложена к оправдательному приговору фраю Жозефу де Сигуэнса в 1592 году.—РУКОПИСЬ из Галле, Yc, 20, том IV.

[54] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Том VII.

[55] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 82, фол. 93.

[56] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Часть 9, № 1, фол. 261, 275; Часть 9, № 2, фол. 342.

[57] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 39, Раздел 52, следующий. 2.

[58] Там же, библиотека 876, fol. 1, 17, 30, 41, 42, 46.— Архиво-де-Алькала, Эстадо, округ Колумбия, 2843.

[59] Обсуждение проекта инквизиции, стр. 449 (Кадис, 1813).

[60] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотеки 559, 890.

[61] Urbani PP. Ви, Бык. *Apostolatus* (Bullar. Римлянин. I, 261).

[62] Главы 3, 4, доп. Commun. Глава V, Тит. ix.

[63] Краткое содержание. Трезубец. Сессия, XXIV, О реформе, глава 6. —Официальный комментарий американского директора. П. III.

[64] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, fol. 92.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека. 926, fol. 260.

[65] Инструкция 1484, § 5 (Аргуэлло, следующий раздел 4).

[66] Клемент. С. VII, Бык. *Cum sicut* (Pegnæ Append, ad Eymerici Director.).

[67] Директор Эймерики. П. III, № 59 с комментариями Пегна, xii.—Место судебного разбирательства, с. против *Абсолютизма* № 7 (Рим, 1570).

[68] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.—“Por la presente damos licencia a qualquiera sacerdote secular ó regular para que en forma de la santa Madre Iglesia pueda absolver y absuelve á F. de la excomunion por nos puesta á pedimiento de F., imponiendole penitencia saludable á su anima y conciencia.”

[69] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 214 фол.—РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, свод A, подзаголовки 15.

[70] Симанс де Кат. Institt., Tit. III, п. 5.

[71] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[72] Симанс де Кат. Institt., Tit. XIII, п. 22.

[73] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 126.

- [74] Корелла, Исповедальная практика, П. I, Трактат, i, глава 1, п. 8.
- [75] Архивная история. национальная инквизиция Толедо, Раздел 111, № 42.
- [76] Там же, Инквизиция Валенсии, Раздел 15, п. 11, fol. 17.
- [77] Обсуждение проекта инквизиции, стр. 446 (Кадис, 1863).
- [78] РУКОПИСЬ. Библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Expediente 5270.
- [79] Симанс де Кат. Institt., Tit. XLII, № 14.
- [80] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 559.
- [81] Архив Симанкаса, Библиотека 82, fol. 89; Библиотека 939, fol. 126.
- [82] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. III, fol. 464.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 83, fol. 30; Lib. 939, fol. 126; Lib. 941, fol. 3.
- [83] Смотрите “Историю ушной исповеди и индульгенций” автора, Приложение к Vol. III.
- [84] Комментарий Pegnae. XXV в Америке Режиссер. П. II.
- [85] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 126.
- [86] Hinojosa, Los Despachos de la Diplomacia Pontificia, I, 330.—Danvila y Collado, La Expulsion de los Moriscos, p. 223.—Bibl. национальный архив, MSS, D, 118, fol. 243.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 940, fol. 12.
- [87] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 54, fol. 176.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 39, 40, 52, 75, 114, 118.
- [88] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 326-7, 337.
- [89] Данвила-и-Колладо, Изгнание лос-Морисков, стр. 126, 129, 181, 183, 194.
- [90] Lucii Стр. III Послание. 171 ("Патруль Миня", CCI, 1299).
- [91] Рипол, Буллар. Ord. Традиционный. I, 252.—Директор Эймерики. Инквизиция. П. III, Q, ххviii.—История. инквизиция средневековья, III, 71 кв.
- [92] Рейнальд. Летопись. 1329, № 70-2.
- [93] Комментарий Пегна. LXXVII в Eymerici Director. P. III.—Буллар. Роман. I, 420.
- [94] Рипол, Буллар., IV, 22.—Ватин, Летопись. Minor. ann. 1487, n. 8.
- [95] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, fol. 94.—Архив Ватикана, Невиновен. VIII, Регистр. 686, фол. 103.—Болетин, XV, 582.
- [96] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 106.
- [97] Вата, указ. соч. Т. VIII, Переиздание, № xxi.

Я не встречал каких—либо особых указаний на освобождение доминиканцев, но краткое послание Льва X от 14 мая 1517 г., подтверждающее все их привилегии без исключения, могло быть истолковано как охватывающее это.—Рипол, IV, 343.

[98] Archivo de Simancas, *ubi sup.*

[99] Вата, ann. 1524, n. xxiii.

[100] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 115.

[101] Архив де Симанкаса, *ubi supp.*

[102] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 79, 96.—Páramo, p. 607.

Это было распространено на Италию в сводке от 15 января 1530 г.—Clem. PP. VII, Булла *cum sicut* (Дополнение Pegnæ, ad Eymerici Director. стр. 107).

[103] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 106.

[104] Вата, указ. соч., Том. VIII, Регест. стр. 225-6.

[105] Фонтана, Ватиканский документ против Лютеранской Эрезии, стр. 122 (Рим, 1892).

[106] Pauli PP. III Булла. *In Apostolici*, 21 марта 1592 г. (прил. Директор ad Eymerici. стр. 109).

[107] П. Паули. IV Бык. *Cum sicut nuper*, 16 Apl. 1559 (Bullar. Римлянин. II, 48).

[108] Библ. Ватикана, г-жа Оттобониано, Лат. 495, стр. 7.

[109] Инохоса, Департамент Понтифической дипломатии, I, 326, 332.

[110] Библ. Ватикана, г-жа Оттобониано, Лат. 495, фол. 50.

[111] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 53, fol. 20; Защита и правосудие, Закон № 621, fol. 116.

[112] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, т. 109, 111.—Парамо, с. 885.

[113] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, стр. 149; Библиотека V, стр. 77.

[114] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Libro V, fol. 73, 77.

[115] Там же, Библиотека V, fol. 78.

[116] Копия этого указа, напечатанная крупным шрифтом, находится в Бодлианской библиотеке, Arch. S, 130.

[117] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 4, fol. 148.

[118] Глава 16 в сексте, V, 3.—Мичиган. Alberti Repertor. Inquisit. s. v. *Episcopus*.

[119] См. I, стр. 147.

[120] Среди ведущих епископов еврейского происхождения того времени перечисляет Амадор де лос Риос (указ. соч. III, 241) Алонсо из Бургоса, Хуан де Мальвенда из Кории, Альфонсо де

Вальядолид из Вальядолида, Алонсо де Паленсуэла из Сьюдад-Родриго, Педро де Аранда из Калаорры, Хуан Ариас Давила из Сеговии и Эрнандо де Талавера из Гранады.

[121] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, fol. 36.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 930, fol. 18.

[122] Парамо, стр. 151.

[123] Амадор-де-лос-Риос, III, 129-30.

[124] Кольменарес, История Сеговии, глава xxxiii, § 2; глава xxxv, §§ 7, 13.

[125] Бергенрот, Календарь государственных документов Испании, I, xlv.

[126] Сборник документов, XVIII, 290.

[127] Льоренте, Аньялес, I, 212, 242.—Болетин, XV, 578, 590.—Дневник Бурчарди, II, 409, 459, 494-5; III, 13 (Изд. Туасне).

[128] Архив Симанкаса, Реального Патронатоа, Инквизиция, Лег. унико, фол. 22.

[129] Известен несколько загадочный случай, когда в 1516 году “епископу Дароки”, находившемуся тогда в Бургосе, было приказано явиться к Хименесу в течение пятнадцати дней под страхом потери временных прав и гражданства. Оно было приложено к письму коррехидора Бургоса с инструкциями вручить его в присутствии нотариуса, и, если епископ не подчинится, он должен был быть отправлен в суд под надежной охраной. Дарока - город недалеко от Сарагосы, который никогда не был резиденцией епископата, но повестка была подписана кардиналом Адрианом, тогдашним генеральным инквизитором Арагона, и Кальценой от имени губернаторов и скреплена подписями членов Верховного суда.—Архив де Симанкас, Инквизиция, Lib. III, фол. 448.

[130] Дормер, Аньялес-де-Арагон, Либерия. I, глава xxvii; Библиотека. II, cap. xx.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. III, fol. 521.—Гашард, Корреспонденция Шарля-Квинта и д'Адриана VI, стр. 171.—Феррер дель Рио, Коммуны Кастилии, стр. 300-2, 393, 397, 399.—Константин в. Хефлер, дон Антонио де Акунья, стр. 79.

[131] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 98.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 930, fol. 98.

[132] Документы судебного процесса над Каррансой, охватывающие около сорока тысяч страниц, хранятся в двадцати двух фолиантах в библиотеке Реальной академии истории, и даже из них отсутствует один том. Единственными авторами, чьи рассказы основаны на этих оригинальных источниках, являются Льоренте (Хист. crít. cap. xxxii-iv) и Менендес Пелайо ("Неортодоксальные испанцы", II, 359-415) — один защитник обвиняемого, а другой из Священной канцелярии. У меня не было возможности ознакомиться с этими документами, но многие из наиболее важных были напечатаны, и есть источники, помимо записей инквизиции, которые проливают свет на мотивы, вызвавшие и контролировавшие события. Они были недоступны Льоренте и, похоже, ускользнули от внимания Менендеса Пелайо.

[133] Гашар, Воссоздание смерти Шарля-квинта, II, 187, 188, 191, 202.

[134] Гашар, указ. соч., II, 195, 199, 354.

[135] Гашард, указ. соч., стр. 417, 418.

[136] Менендес Пелайо, Неортодоксальные, II, 395.

[137] В 1608 году доход епархии Куско оценивался в 40 000 дукатов в год.—Кабреpa, Relaciones, стр. 346.

[138] Салазар де Мендоса, Вида де Фрай Д. Бартоломе де Карранса и де Миранда, кап. I-VII.—Салазар был тюремщиком Толедского собора и написал эту работу по просьбе преемника Каррансы, генерального инквизитора Кироги. Это не печаталось до тех пор, пока Вальядарес не выпустил издание в 1788 году. Этого я не видел, и мои ссылки относятся к копии MS.

[139] Летопись Бзовии. Eccles. ann. 1566, № 89.—Салазар, указ. соч., сар. VIII-X.

[140] Салазар, глава XI.—Собрание документов, V, 528.

[141] Салазар, глава XII.

[142] Controversia de necessaria Residentia personali Episcoporum et aliorum inferiorum Pastorum. Lugduni, 1550. Первое издание вышло в Венеции в 1547 году; было третье, в Антверпене, в 1554 году, и переиздание в Мадриде в 1767 году.

[143] Кабальеро, Вид де Фрай Мельчор Кано, стр. 624 (Мадрид, 1871).

[144] “Консультация Филиппа” *parecer* Кано, которые были напечатаны Усозом-и-Рио в его “Реформистах против Испании” (Dos Informaciones, Приложение. стр. 27, Мадрид, 1857), а совсем недавно Кабальеро, Вида де Мельчор Кано, стр. 512.

[145] Caballero, стр. 502, 507, 508, 527-9, 530-2, 534-5.

[146] Льоренте, Hist. крит. глава. XXXII, ст. 1, п. 3.—Салазар, глава. VIII.—Menéndez Pelayo, II, 378.

[147] Schäfer, Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus, III, 785-88, 791.

Рассматриваемое соображение, как там указано, находится не под № 65, а под № 54 как в оригинальном базельском издании “Центо и дичи божественного рассмотрения” (1550), так и в испанской версии 1558 года, напечатанной Усозом и Рио. Вероятно, ошибка переписчика, перепутавшего LIV и LXV. Испанская версия, по-видимому, была распространена среди небольшой группы еретиков в Вальядолиде.

[148] Döllinger, Beiträge zur politischen, Kirchlichen u. История культуры, I, 574.—Паллавичини, История. Продолжение. Трезубец. Lib. XIV, сар. лии, № 4-6.—Бзовии аннал. 1566, № 90.

[149] Шефер, Бейтраге, III, 792.—См. в общих чертах стр. 727-812.

[150] Исторический архив. национальный, Инквизиция Толедо, Раздел 112, п. 64, fol. 2.

[151] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 228.—Гашар, Перерисовка и Смерть, II, 422.

Персонажем, о котором шла речь, был некий Хуан Санчес, не представлявший особой важности. Он был арестован во Фландрии в мае 1559 года и сожжен заживо как нераскаившийся в автокатастрофе 8 октября 1559 года. —Шефер, указ. соч., I, 254, 307, 313-14; III, 796-803.

[152] Комментарии, Prologo, fol. 2^b.

[153] Политика испанской церкви была решительно выражена собором в Саламанке в 1565 году. “Само название еретиков должно быть настолько ненавистным для верующих, что оно никогда не должно слетать с наших уст, если этого можно избежать. Проповедники должны излагать доктрины веры и приводить их доводы и авторитеты, но никогда не должны ссылаться на секты еретиков или на их аргументы. В схоластических диспутах не должны использоваться еретические, опасные или ошибочные утверждения, даже с целью упражнения, а только те, которые одобрены обычаями каждого университета”. —Консилиум. Salmanticens. ann. 1655, Декр. xxxii (Агирре, V, 453).

[154] Комментарии, fol. 219^a, 162^a.

[155] Bzovii Annal. ann. 1566, n. 89.—Собрание документов, V, 518.

[156] Гашар, указ. соч., II, 427.

[157] Салазар, глава. XIV, XV.—Гашар, I, 319, 321, 344, 348, 355, 356, 364, 374, 381, 385, 387, 389, 406, 410; II, 43-5, 469, 475, 477, 484, 491, 492, 494.— Сандовал, Карлос V ан Жюст, § xvi.— Собрание документов, V, 423.

[158] Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 40, Lib. 4, fol. 232.—“Aunque fuesen personas constituidas en qualquier dignidad seglar ó pontifical y eclesiastica y de qualquier orden, habito y religion y estado.”

[159] Льоренте, Hist. критическая глава. XXXII, статья iii, № 12.—Менендес Пелайо, II, 386.

[160] Кабальеро, стр. 651.

[161] Льоренте, источник. цит. по—Coleccion de Documentos, V, 518.

[162] Кабальеро, стр. 627.

[163] Салазар, глава. XVII, XVIII, XXXVI.

[164] Сборник документов, V, 508-17.

[165] Сборник документов, V, 515, 521.

[166] Льоренте, История. критика. XXV, статья i, n. 11, 31, 57, 66, 77, 78, 95, 103; Статья ii, n. 13; загл. XXIX, статья i, n. 4, 6, 8, 11, 12.— Ср. Данвила и Колладо, "Изгнание лос-Морисков", стр. 156.

[167] Рейнальд. Annal. ann. 1559, n. 19.— Стоит отметить, что копия этого отчета в архивах инквизиции (Simancas, Lib. 930, fol. 24) продлевает срок с двух лет до трех и добавляет к условию предполагаемого побега фразу “aut alias tibi videtur expedire”, таким образом предоставляя Вальдесу полную свободу действий при аресте. Эти махинации были необходимы для

оправдания его действий. Как выяснил Райнальдус из папских реестров, его версия дела, конечно, верна.

[168] Менендес Пelayo, II, 386.

[169] Сборник документов, V, 522.

[170] Там же, стр. 504.

[171] Кабальеро, стр. 617-18.

[172] Там же, стр. 616, 618, 619, 621, 624-7.

[173] Ibidem, pp. 620, 621, 624.

[174] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 234.

[175] Деллингер, Бейтраге, I, 256.

[176] Ibidem, p. 254.—Caballero, p. 615.

[177] Кабальеро, стр. 624, 625.

[178] Менендес Пelayo, II, 387.

[179] Подробности ареста Каррансы содержатся в официальном повествовании Амбросио де Моралеса, хрониста Филиппа II, составленном по приказу короля для хранения в библиотеке Эскориала. Краткое изложение этого, настолько модернизированное, что не вполне заслуживает доверия, напечатано в Colección de Documentos, V, 465 кв. Я предпочел использовать MS. в Библ. nacional, Мм, 475. Он будет упоминаться как “Моралес”.

Родриго де Кастро был сыном графа Лемоса. Он оказался полезным и был последовательно вознагражден епископствами Саморы и Куэнки, а также архиепископством Севильи. Он был произведен в кардиналы в 1583 году и умер со всеми почестями в 1600 году.

[180] Моралес, *местный житель*. cit.—Салазар, сар. XXIII.

[181] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 239.

[182] Моралес говорит, что Карранса слышал его имя в брифинге. Если так, то это, должно быть, была интерполяция, поскольку ордер был выдан в соответствии с ордером от 7 января, который был общим по своим условиям.

[183] Моралес, *указ. соч.*—Салазар, глава XXI.

[184] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 108, № 3.

[185] Салазар, глава. XXV, XXVII.—Моралес, *местный житель*.

[186] Салазар, глава. XXIV.

[187] Льоренте, сар. XXXIII, статья iii, п. 2.

[188] Сборник документов, V, 415.

- [189] Салазар, глава. XXVI.
- [190] Сборник документов, V, 533-53.
- [191] Салазар, глава XXI.—Менендес Пелайо, II, 395.
- [192] Рейнальд. Annal, ann. 1560, n. 22, 23.—Döllinger, Beiträge, I, 329, 335-6.
- [193] Bulario de la Orden de Santiago, Lib. III, фол. 72. Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol.. 236, 237, 239, 240, 242, 246.— Салазар, глава. XXVII.
- [194] Дипломатический корпус Португалии, VIII, 248, 252.
- [195] Relazioni Venete, Серия I, T. V, стр. 94-5.
- [196] Библ. nacional, MSS., X, 157, fol. 244.—Archivio Vaticano, Nunziatura di Spagna, Tom. I, карты 6, 8.
- [197] Адольфо де Кастро, испанские протестанты, стр. 221.
- [198] Библия. насьональ, *местный житель*—Салазар, кап. XXV.
- [199] Собрание документов, V, 553-82.
- [200] Там же, стр. 438, 443.—Менендес-и-Пелайо, II, 402-3.
- [201] Сборник документов, V, 424-38.
- [202] Там же, стр. 523.
- [203] Льоренте, сар. XXXIV, Art. iv, n. 1.—Döllinger, Beiträge, I, 472.
- [204] Паллавичини, Hist. Продолжение. Трезубец. Библиотека. XXI, глава. vii, n. 7.
- [205] С. Трезубец. Заседание. XIII, Глава о реформе. viii; Заседание. XXIV, Глава о реформе. v.
- [206] Письмо Калини (Бал. et Mansi, IV, 314). —Салазар, глава. XXII.—Симанкас (Адольфо де Кастро, указ. соч., стр. 214-15). —Рейнальд. Annal. ann. 1563, № 137.—Bzovii Annal. ann. 1566, № 91.—Собрание документов, V, 501.
- [207] Льоренте, сар. XXXIII, статья iv, п. 9.
- [208] Коллекция документов, V, 495.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 976, fol. 49.
- [209] Архив Ватикана, Нунциатура Испании, Т. I, карты 4, 5.
- [210] Архив Ватикана, Нунциатура Испании, Т. I, карты 12, 13, 14, 15.—Депеши М. де Фуркево, I, 11 (Париж, 1896).
- [211] Архив Ватикана, Нунциатура Испании, Т. I.
- [212] Библ. nacional, рукопись, X, 157, fol. 244.—Салазар, загл. XXVIII.—Menéndez Pelayo, II, 404.—Dépêches de Fourquevaux, I, 19, 37, 46.
- [213] Деллингер, Бейтраге, I, 628.

- [214] Сборник документов, LXVIII, 456.
- [215] Моралес (Собрание документов, V, 478).—Салазар, глава. XXIX.
- [216] Моралес, *представитель ubi*
- [217] Анналы Ладерчи, 1566, № 484.—Архив Ватикана, Нунциатура Испании, Т. I, карта 1.
- [218] Моралес (Собрание документов, V, 480).
- [219] Менендес Пелайо, II, 405.
- [220] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 144.
- [221] Салазар, глава. XXVIIbis, XXIX.
- [222] Сборник документов, LXVIII, 460-2.
- [223] Салазар, глава. XXXI.—Льоренте, капитан. XXXIV, статья 11, п. 1. —Адо́льфо де Кастро, указ. соч. стр. 229.
- Катена в своем полуофициальном жизнеописании Пия просто говорит “la [causa] condusae quasi à sentenza”.-Вита папы Пио Квинто, стр. 109 (Рома, 1587).
- [224] Симанкас (Адо́льфо де Кастро, стр. 227).
- [225] Салазар, сар. XXXI.—Coleccion de Documentos, LXVIII, 465-71.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 1049.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. III, fol. 158.—Льоренте, глава. XXV, п. 11, 31; глава. XXIX, статья 1, п. 4, 6, 7. —Менендес Пелайо, II, 406.
- [226] Сборник документов, LXVIII, 472, 473.
- [227] Сборник документов, LXVIII, 478.
- [228] Салазар, сар. XXXIII.—Моралес (Собрание документов, V, 490).—Archivo de Simancas, Lib. 976, fol. 52.
- [229] Салазар, сар. XXXIII.—Адо́льфо де Кастро, стр. 233.
- [230] Тейнер, Летопись. Екклесиаст. II. 244.
- [231] Салазар, сар. XXXIV.—Симанкас (Адо́льфо де Кастро, стр. 234).
- [232] Салазар, сар. XXXV.
- [233] Сборник документов LXVIII, 479.
- [234] Библ. национальный, рукопись, Мм, 475.
- [235] Салазар, главный редактор
- [236] Рейнальд. Летопись. ann. 1560, № 23.—История Паллавичини. Продолжение. Трезубец. Библиотека. XIV, глава 12, п. 4.
- [237] Библиотека нова, с. в. *Бартоломаус Карранса*.

[238] Сравнительный анализ протестантизма с католицизмом, II, 301, 306 (Барселона, 1844). See also Tournon, *Hommes illustres de l'Ordre de Saint Dominique*, IV, 438. Следует добавить, что Менендес Пелайо (II, 376) после изучения показаний утверждает, что их было достаточно для обоснования обвинения. Это может быть так, согласно инквизиционным методам, но не из-за последовавшего за этим упорного преследования.

[239] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. IV, фол. 68.

[240] Инохоса, Департамент Понтифической дипломатии, I, 303.

[241] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 63.

[242] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, фол. 91.

[243] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 20, fol. 38; Библиотека 52, fol. 21.

[244] Архив Симанкаса, Библиотека 25, fol. 66; Библиотека 52, fol. 100, 125, 335.

[245] Буларио—де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека V, фол. 141, 144, 150.-Архив Симанкаса, Инквизиция, Легахос 418, 419, 1577.

[246] Собрание важных дел и т.д. Д. Мануэля Абада Кейпо, Обиспо электо—де-Мехоакан, Мексика, 1813 г. - У меня есть копия указа, изданного им 8 октября 1810 г. как избранным епископом, в котором он ссылается на два предыдущих, отлучающих Идальго и его последователей от церкви. .

[247] Симанс де Кат. Institt. Синица. XXV, n. 11.—Trimarchi de Confessore abutente Sacramento PœNit., стр. 172 (Genuæ, 1636).—Собрание документов о преследовании преступников в Асунсьоне, I, ix (Мадрид, 1768). —Ср. Откр. de las Indias, Lib. I, Тит. vii, лей 51.

[248] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 877, fol. 266; Libro 890.—Родриго, История. verdadera, III, 492.

[249] Мариана, История Испании, Библиотека. XXIV, глава XVII.

[250] Директор Эймеричи, П. III, № 52, 53.

[251] Инструкции 1484, § 2 (Аргуэлло, следующий раздел 3).

[252] Инструкции 1500, § 12 (Аргуэлло, fol. 13).

[253] Ла Мантия, Инквизиция на Сицилии, стр. 26.

[254] Прагматика и другие проблемы Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава 1.

[255] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[256] Там же, Патронато Реал, Инквизиция, Лег. унико, фол. 43.

[257] Библ. nacional, рукопись, D, 118, стр. 148. См. также Льоренте, История. критика. Приложение., XI.

[258] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498; Inquisicion de Valencia, Lib. VII автобиография, Часть 2, фол. 61.

[259] Там же, Инквизиция Толедо, стр. 251.

[260] РУКОПИСЬ. Archivo municipal de Sevilla, Seccion especial, Siglo XVIII, Letra A, Tomo IV, n. 44.—Cf. Archivo de Simancas, Inquisicion, Leg. 1475, fol. 52; Leg. 1478, fol. 106.

[261] Библия. национальный, рукопись, D, 118, стр. 79; S, 294, fol. 21, 74.—Рукопись. Archivo municipal de Sevilla, Seccion especial, Siglo XVIII, Letra A, Tomo IV, n. 43.—Archivo hist. nacional, Inquisicion de Valencia, Lib. VII Автограф, Часть 2, fol. 64; Инквизиция Толедо, Часть 251.

[262] Sayri Clavis Regia Sacerdotum, Библиотека. XII, глава xiv, n. 32-34.

[263] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 939, fol. 84, 140; Визитас де Барселона, этап 15, fol. 2. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 16, fol. 272.

[264] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, fol. 4,—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 309, Cuentas, fol. 3; Раздел. 299.

[265] Трибунал крестца Бордони, глава. XXX, 481, 506-10 (Рим, 1648).

[266] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека V, fol. 89.

[267] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Часть 9, № 1, fol. 329; Часть 10, № 2, fol. 110.

[268] Библия. nacional, рукопись, D, 118, fol. 261, n. 69.

[269] РУКОПИСЬ Библиотеки Уайта, Корнельский университет, № 616, фол. 60, 61.

[270] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 15, № 10, fol. 92; Раздел 16, № 6, fol. 41; Раздел 17, № 3, fol. 21.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 2843.

[271] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 4.

[272] Процесс против Ханса Брунсви (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. III).

[273] Там же, Yc, 20, Том I.

[274] РУКОПИСЬ Утра. Философия. Общество.

[275] Процесс против Дона Томаса Санса (МИСС *пеняет мне*).

[276] Вальядарес, Семанарио эрудито, XXIV, 194-204.

[277] Пулгар, Хроника, Стр. II, загл. lxxvii.

[278] Конечно, цена на них варьировалась в зависимости от обстоятельств. Современный документ (Summaria Declaratio Bullæ Indulgentiarum Ecclesiae Xanctonensi concessarum, 1482) сообщает нам, что цена в Риме на них в обычной форме составляла почти три флорина. В Германии в начале шестнадцатого века *Beichtbriefe* продавались по четверти гульдена за штуку (Грене, Тетцель и Лютер, стр. 196).

[279] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 1.

В этом случае папскими письмами были назначены специальные лица, которые должны были действовать в соответствии с ним в качестве исполнителей — форма, известная как *Absolutio in vim commissionis apostolicæ*.—See *Formularium Instrumentorum ad usum curie Romane*, fol. 2, 3 (Hain, 7276).

[280] Исторический архив. национальный, Инквизиция Толедо, раздел 185, № 820.

[281] Шестой стр. IV, Бык. *Quoniam nonnulli*, §§ 4, 6.—Julii PP. III, Бык. *Rationi congruit* (Bullar. Римлянин. I, 428, 786).

Когда в 1562 году Пий IV реформировал Пенитенциарную систему, он ограничился письмами об отпущении грехов на форуме совести.—Буллa. *In sublimi* (Bullar. II, 75).

[282] *Collectio Decretorum Sacrae Congregationis S^{ti} Officii*, стр. 245 (MS. *penes me*).

[283] Льоренте, Привет. критерий, Приложение. № 3.—Парамо, стр. 137.—Болетин, XV, 472, 474.

[284] Напечатано Льоренте, Приложение. № 4. То, что это было приобретено и, конечно же, оплачено *Conversos*, очевидно из того факта, что оригинал был представлен 4 января 1484 года Гарсии де Менесесу, епископу Эворы в Португалии, Хуаном де Севильей, который просил, поскольку это предусматривало, что следует полностью доверять всем нотариальным документам. стенограммы, заверенные печатью епископа, что он уполномочит нотариуса Нуньеса Лоренцо сделать стенограммы и прикрепить печать, на что епископ дал согласие.—*Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 20.*

Таким образом, булла была доставлена в Испанию Конверсос; требовались копии, и либо они не осмелились доверить оригинал ни одному испанскому епископу, либо не смогли найти никого, кто осмелился бы помочь в ее размножении; поэтому буллу перевезли в Португалию, где епископы не были стеснены в средствах.

[285] Болетин, XV, 489.—Льоренте, история. критическая глава. V, статья iv, п. 20.

[286] *Archivio Vaticano, Sisto IV, Registro 677, Tom. XVIII, т. 498.*

[287] Пулгар, Хроника, III, xxxviii.

[288] См. I, Приложение, стр. 572.

[289] Архив *gen. de la K. de Aragon*, Регистрационный номер 3684, fol. 33

[290] *Archivo gen. de la K. de Aragon*, Регистрационный номер 3684, fol. 45.—Парамо, стр. 137.

[291] Информация о Кесаде (Библ. *nacional*, рукопись, Tj, 28).

[292] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. Я, фол. 8.—Cf. *Somoza de Salgado de Retentione Bullarum*, P. II, cap. xxxiii, n. 85, 86.

[293] Болетин, XV, 579.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 260.

[294] Болетин, XV, 581.

[295] Сомоса, *город*, № 127.—Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, fol. 94.—Архив Ватикана, Innoc. VIII, Regist. 686, fol. 103. (См. Приложение).

[296] Bulario de la Orden de Santiago. Библиотека. I, fol. 44.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека. 926, fol. 274.—Льоренте, Аньялес, I, 146.

[297] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I.

[298] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 46.

[299] Сомоса, *указ. соч.*, P. II, глава xxxiii, n. 85, 86.

[300] Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 22.

[301] Болетин, XV, 572.

[302] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 939, fol. 114.

[303] Болетин, XV, 597.

[304] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фолк. 15.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. III, fol. 95.—Дневник Бурхарди (изд. Thuasne, II, 491).—Villari, Niccolò Machiavelli, I, 249, 279 (Milano, 1895).

[305] Льоренте, Hist. критерий, Приложение VII. —Новая редакция. Библиотека. VIII, Тит. ii, лист 2.

[306] Однако, несомненно, часто возникает вопрос о возврате лицензии. Компромиссы и уступки, как мы увидим, были признанным источником дохода, и документ того периода содержит предложение от определенных лиц, получивших в Риме отпущение грехов, семи тысяч дукатов и нескольких домов за разрешение проживать в Испании и предстать перед инквизицией для искупительной епитимьи.—Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisition, Leg. único, fol. 5.

[307] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[308] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, fol. 47; Библиотека. 3, fol. 32.—Архив да Симанкас, Инквизиция, библиотека. 933.

[309] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, X, 157, фол. 244; D, 118, фол. 39, 41, 104.

[310] Гашар, "Путешествие Суверена в Пэй-Бас", I, 548.

[311] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. I, фол. 13, 15.

[312] Буларио, Библиотека. I, фол. 50.

[313] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 104.

[314] Сомоса, *указ. соч.*, П. II, глава xxxiii, № 50.

[315] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 7. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 16, fol. 296.

Сомоса (указ. соч., П. II, глава xxxiii, № 40) печатает это с датой 17 марта 1510 г. — вероятно, переиздание.

[316] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 71, 75, 77.

[317] Döllinger, Beiträge zur politischen, kirchlichen u. Cultur-geschichte, T. III, с. 204. —Библ. nacional, рукопись, D, 118, n. 2, fol. 8.

[318] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias fol. 50.

[319] Архив Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1465, фол. 28.

[320] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 133.

[321] Там же, Библиотека 3, fol. 149, 274.

[322] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. II, фол. 19, 21.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 72, фол. 61; Библиотека 74, фол. 56, 62.

[323] Льоренте, Аньялес, II, 106.

[324] Сомоса, П. II, глава xxxiii, № 85, 86.

[325] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 15.

[326] Там же, Библиотека 9, fol. 16.

[327] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 59.

[328] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 55-58.—Bibl. национальный архив, Рукопись, Д. 118, № 2, фол. 31, 104.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 14, фол. 17, 18.—Льоренте, История. критическая глава. XI, ст. v, п. 9.

[329] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 23.

[330] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 104.

[331] Льоренте, Аньялес, II, 181, 208, 227.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 4, fol. 9; Lib. 9, fol. 14; Leg. 1465, fol. 28.—Библ. nacional, рукопись, D, 118, № 54, fol. 104; fol. 177.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 16, fol. 196.

[332] Библ. nacional, MSS., D, 118, n. 54, fol. 8, 104, 177.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 14, fol. 55-7.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. I de copias, fol. 65, 68, 72.—Llorente, Añales, II, 207, 216, 243.

[333] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 104.

[334] Там же, fol. 39, n. 17.

[335] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. I de copias, fol. 26, 74, 81, 83, 85.—Páramo, p. 607.

[336] Сомоса, указ. соч., П. II, глава xxxiii, № 41.—Льоренте, Аньялес, II, 334, 335.

- [337] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. III de copias, fol. 133.
- [338] Böhmer, Francisca Hernández und Francisco Ortiz, pp. 174-5 (Leipzig, 1865).
- [339] Льоренте, Hist. критическая глава. XIV, статья ii, п. 4-10.
- [340] Сомоса, указ. соч., П. II, глава xxxiii, № 87.
- [341] Хуан де Суньига, посол в Риме, утверждает, что когда в 1572 году был подготовлен проект указа Педро Понсе де Леона в качестве генерального инквизитора, Григорий XIII испытывал сильное желание ограничить свои полномочия, чтобы подчинить испанскую инквизицию Римской конгрегации, и что потребовался бесконечный труд, чтобы получить его в обычной форме. Возможно, на это нововведение натолкнул случай с Каррансой.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. IV, fol. 77.
- [342] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 13, fol. 21.
- [343] Там же, Библиотека 79, fol. 99.—Somoza, P. II, глава xxxiii, п. 112.
- [344] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 32, 35, 39; Libro IV, fol. 2.
- [345] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 214 фол.
- [346] Библ. nacional, рукопись, D, 118, № 55, fol. 175.
- [347] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Инквизиция, Раздел 621, fol. 171.—Библ. nacional, MSS., D, 118, п. 12, fol. 442.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. IV, fol. 77, 81, 83, 87; Lib. III, fol. 442.—Тейнер, Летопись. Экклезиаест. III, 361-2.
- [348] Инохоса, Глава Понтификата, I, 252-4, 358.
- [349] Архив Симанкаса, Инквизиция, Лег. 1465, фол. 28.
- [350] Сомоса, указ. соч., П. II, глава xxxiii, № 138.—РУКОПИСЬ. Библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Expediente 5270.
- [351] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том I.
- [352] Зурита, Аньялес де Арагон, Библиотека XX, глава xlix.—Парамо, стр. 151.
- [353] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 285.
- [354] Там же, Gracia y Justicia, Инквизиция, Закон № 621, fol. 139.
- [355] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 25, fol. 56; Lib. 52, fol. 186; Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 102.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. V, fol. 51, 52.
- [356] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 145.
- [357] Архивная история. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, п. 4, fol. 23.

Большей частью более ранней истории этого дела я в долгу у Мисс “Relacion sumaria de la causa que a seguido en el santo oficio de la Inquisicion del Reyno de Toledo contra Don Gerónimo de Villanueva” in the Simancas archives, Lib. 53, fol. 250-98. На нем нет даты, но, по-видимому, он был

составлен в 1647 году в качестве официального обоснования приговора и представляет предмет с точки зрения обвинения. Это будет называться “Relacion”.

Другая сторона истории монастыря Сан-Плачидо изложена в апелляции доньи Терезы об отмене вынесенного ей приговора. Сохранилось несколько копий этого документа. Тот, который я использовал, содержится в Библии. nacional, рукопись, S, 294, fol. 387. Более подробные сведения об этом любопытном монастырском эпизоде можно найти в моих “Главах из религиозной истории Испании”, стр. 309-18.

[358] Две копии приговора Кальдерона находятся в Бодлианской библиотеке, Arch. C. 130 и A. Подт. 11. It has also been printed by Eyssenhardt, Mittheilungen aus der Stadtbibliothek zu Hamburg, 1886.

Краткий отчет об аутодафе 1630 года можно найти в Приложении к “Главам из религиозной истории Испании”.

[359] Ссылка, fol. 258, 297.

[360] Ссылка, fol. 259-60, 290.

[361] Ibidem, fol. 261-7.—“Que por lo que tocava á Don Gerónimo no tocava al santo oficio el proceder en esta causa, por no tener calidad de oficio lo contra el testificado.”

[362] Relacion, fol. 267-8.—Библ. национальный, рукопись, S, 294, fol. 387.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Lib. VII автобиография, Часть 2, фол. 27.

[363] Стр. Ви, Бык. *Inter multiplices* (Lib. V, in Septimo, ii, 10).

[364] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Инквизиция, Раздел 621, fol. 156-60.

[365] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 53, фол. 54, 60.

[366] Ссылка, fol. 291.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 53, fol. 81; Защита и Правосудие, Инквизиция, Раздел 621, fol. 135, 137, 171, 188.

[367] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 53, fol. 53, 55, 60-2.—Relacion, fol. 268-9.

[368] Ссылка, fol. 270-89.

[369] Ссылка, fol. 289.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 53, fol. 63-4.—Пеллисер, Историческая справка (*Semanario erúdito*, XXXIII, 225).

[370] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 53, fol. 64; Библиотека 54, fol. 411.—Пеллисер (*Semanario*, XXXIII, 231, 250).

[371] Relacion, fol. 290, 291.—Картас де Иезуитас (Мемориальная история. español, XVIII, 39).—*Archivo de Simancas*, Inquisicion, Lib. 53, fol. 86, 92, 104.

[372] Ссылка, fol. 292.

[373] Ссылка, источник. цит. по—*Archivo de Simancas*, Inquisicion, Libro 54, fol. 409.—*Cartas de Jesuitas* (Memorial hist. español, XVIII, 473).

[374] Реляция, фол. 293.—Картас де Иезуитас (Мемориал, XIX, 5).

[375] Ссылка, fol. 293.—Мартин. П. П. V Булла *Inter cunctas*, 22 февраля 1418 г. (Приложение Pagnæ, ad Eymeric., стр. 76).—Cartas de Jesuitas (XIX, 5-7).

[376] Архив Симанкаса, Инквизиция, Легаджо 1495, фол. 73.

[377] Там же, Gracia y Justicia, Инквизиция, Закон. 621, фол. 111, 131, 132.—Библ. национальный, РУКОПИСЬ, X, 157, фол. 244.

[378] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 54, fol. 128; Суд над Инквизицией, Закон. 621, fol. 112. 114.

[379] Библия. национальный, рукопись, C, 291, фол. 214.

[380] Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 115.

[381] Там же, стр. 116.

[382] Ibidem, fol. 118, 122, 130, 131, 132, 133, 151.

[383] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 54, fol. 416.

[384] Ibidem, Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 154, 171.

[385] Ibidem, Leg. 621, fol. 134, 135.

[386] Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 136, 184.

[387] Там же, стр. 139.

[388] Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Leg. 621, fol. 154, 197.

[389] Ibidem, fol. 164, 141, 171.

[390] Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 155.

[391] Там же, стр. 164-8, 181.

[392] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Инквизиция, Раздел 621, fol. 171.

[393] Ibidem, fol. 170: Libro 54, fol. 330, 332.

[394] Архив Симанкаса, Грация и правосудие, Инквизиция, Закон. 621, фол. 172, 173, 175, 176; Инквизиция, Библиотека. 54, фол. 20, 342, 378.

[395] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 54, fol. 1, 6, 20, 26, 29, 31, 35.

[396] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 54, fol. 31; Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 184.

[397] Там же, Библиотека 54, фол. 44, 54, 80.—Салазар, генеральный изобретатель Королевской семьи Испании, фол. 142 (Париж, 1612).

[398] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 54, fol. 44.

[399] Ibidem, Lib. 54, fol. 40; Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 186, 187.

[400] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 54, фол. 61, 69, 78.

[401] Там же, Инквизиция, Библиотека. 54, fol. 84, 94. Cp. fol. 294.

[402] Там же, стр. 100, 116, 120; Защита и правосудие, Инквизиция, Закон № 621, стр. 110.

Об интригах, связанных с браком Барбарино, см. злобный памфлет Гуальди [Грегорио Лети] “Жизнь донны Олимпии Малдачини”, стр. 185, 199. *Cosmopoli* [Leyden], 1666.

[403] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 54, фол. 128, 132, 188, 292.

[404] Там же, Legajo 1465, fol. 73; Libro 54, fol. 230, 292, 330, 332.— Буларио Ордена Сантьяго, Библиотека V, фол. 71.

[405] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 25, fol. 103; Библиотека 52, fol. 125.

[406] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 52, fol. 335.

[407] Критический обзор истории и литературы, январь-март 1900 г.—Мемориал доктора Дона Луиса Беллуги, Мурсия, 1709.

[408] РУКОПИСЬ Тринити-колледжа, Дублин, класс 3, том 27.

[409] Архив Симанкаса, Инквизиция, 1465, фол. 17.

[410] Краткое содержание. Plenar. Латинская Америка, Тит. I, глава. viii, № 65, 66, 72 (Т. I, стр. 37, 40. Рома, 1900).

[411] Поттаст, Регеста, № 23,302.

[412] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 118, 137.—Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inquisicion, Legajo 629.

[413] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 72, fol. 45, 49, 80, 81, 103.

[414] Там же, Gracia y Justicia, Inquisicion, Legajo 621, fol. 63.—Cp. Eymerici Director. P. III, Q. vi.—Simancæ de Cath. Institt. Синица. XXXIV, § 14.

[415] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 50, fol. 82.—Там же, Сала 39, Раздел 4, следующий. 57.

[416] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 15, n. 11, fol. 30; Leg. 16, n. 6, fol. 33; no. 9, fol. 17, 26.

[417] Аргуэлло, фол. 9.

[418] См. I, Приложение, стр. 578.

[419] Аргуэлло, фол. 22.

[420] Аргуэлло, Фолкленд. 9. В копии этих Инструкций Симанкаса (Lib. 933) это один из инквизиторов или ассессор, на которого была возложена эта обязанность.

[421] Там же, стр. 13.

[422] Аргуэлло, фол. 16, 20, 23.

[423] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933, стр. 89.

[424] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 219.

[425] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 72, fol. 49.

[426] Архив Алькала, Эстадо, Лег. 3137.

[427] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 68; Библиотека 72, fol. 45.

Во время разделения инквизиций у каждой, конечно, был свой Супрема, и даже после их объединения при Адриане партикуляристские тенденции королевств некоторое время сохраняли отдельные организации. Адриан продолжал подписываться как генеральный инквизитор Арагона во всех делах, связанных с этой короной (Archivo de Simancas, Libro 940, fol. 190). Два совета продолжали поддерживать целостность своих организаций, за исключением того, что один представитель выполнял функции обоих (там же, стр. 188, 191; Сала 40, Библиотека 4, стр. 98). Даже в 1540 году мы видели, что выплаты Арагону требовали особых полномочий от короля (Sala 40, Lib. 4, fol. 107). До последнего было два секретаря, один от Кастилии, другой от Арагона (там же, Lib. 940, fol. 65-7).

[428] Там же, библиотека 940, fol. 53.

[429] Там же, Библиотека 5, fol. 21.

[430] Салазар-и-Мендоса, Crónica del Cardenal Juan Tavera, стр. 217 (Толедо, 1603).

[431] Парамо, стр. 150.

[432] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 31, fol. 34.

[433] Там же, Gracia y Justicia, Legajo 624, fol. 181.

[434] Архив Симанкаса, Инквизиция, Реестр генеалогий, № 916, фол. 66.

[435] Там же, библиотека 5, fol. 29; Библиотека 73, fol. 52, 100, 115, 142, 143, 144, 182, 193, 240, 315; Библиотека 74, фол. 116.

[436] Там же, Библиотека 76, fol. 227, 235.

[437] Там же, Libro 939, fol. 136; Sala 40, Libro 4, fol. 104, 115.

[438] Аргуэлло, фол. 27.

[439] Cabrera, Relaciones, Приложение. стр. 571.

[440] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 31, фол. 34.

[441] Libro XIII de Cartas (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

[442] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 1, п. 4. При Рокаберти в 1696 году появилась еще одна формула “El ex^{mo} сеньор инквизитор-генеральный консул сеньорес дель консехо”. —Там же, стр. 194.

[443] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, fol. 136.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 320.

[444] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 10).—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 341.

[445] Библ. nacional, рукопись, стр. 28, §§ 58-88.

[446] Томас Санчес, верховный испанский богослов, говорит: “Законный вопрос есть вопрос, не требующий осуждения, действующий, подтверждающий истинность и особенности славы и как утилитарный инструмент, применяемый благоразумным судебным органом id expedire.... Ex levitate tamen et curiositate quadam res vanas et inutiles interrogare dæmonem in energumeno existentem est veniale propter actus imperfectionem.”—In Præcepta Decalogi Lib. II, глава. xlii, № 24, 25.

Преступление Вильянуэвы состояло в том, что он интересовался будущим и верил ответам демонов. Это было гадание, которое подразумевает отрицание свободы воли и поэтому запрещено как еретическое. Это четко определено в Эдикте веры 1696 года, который ограничивает преступление вопросами о будущем — “О си сабейс ... que alguna ó algunas personas ayan preguntado en los cuerpos endemoniados ó los espiritados ó lunáticos cosas por venir ocultas, preguntandolas á los demonios.”

[447] S. Th. Aquinat. Summæ Sec. Sec. Q. XCV, Art. iv ad 1. “Aliud autem est inquirere aliquid a dæmone sponte occurrente; quod quandoque licet propter utilitatem aliorum, maxime quando divina virtute potest compelli ad vera dicenda.”

[448] РУКОПИСЬ. Библ. nacional de Lima, Protocolo 225, Expediente 5278.

[449] Большинство подробностей этого дела мы обязаны анонимным мемуарам, очевидно, написанным Фольчем де Кардоной. Он был широко распространен в MS. и, наконец, был напечатан Вальядаресом в 1788 году под названием “Молниеносный уголовный процесс против Р.^{мо} П. М. Фрай Фройлан Диас”, за которым последовал другой том того же издания “Criticos Documentos que sirven como de segunda parte al Proceso criminal etc.”

Консультации Кардоны от имени Верховного находятся в Библ. национальная рукопись, G, 61; D, 118. Обзор дела с римской точки зрения находится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине, класс 3, том 27. Указ от 3 ноября 1704 г. также находится в Simancas, Inquisicion, Legajo 1465, fol. 74.

[450] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 1, № 4, фол. 123, 134; Часть 13, № 2, фол. 13, 17, 54.

[451] РУКОПИСЬ. Тринити-колледж, Дублин, округ Колумбия.

[452] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека 5, fol. 137.

[453] Библ. nacional, рукопись, G, 61, fol. 208.

- [454] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933, fol. 136.
- [455] Там же, Библиотека. 939, fol. 936.
- [456] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 105.
- [457] Там же, Библиотека. 1; Библиотека. 933.
- [458] Там же, Библиотека 78, fol. 114.
- [459] Там же, Библиотека 78, fol. 235, 275.
- [460] МИСС *пенес меня*.
- [461] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 191; Библиотека 98, fol. 144.
- [462] Аргуэлло, фол. 36.
- [463] Архив Симанкаса, Визитас де Барселона, Этап 15, следующий. 20.
- [464] Там же, Libro 939, fol. 121.
- [465] РУКОПИСЬ Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.
- [466] Процесс против Мари Ваез (МИСС *пенес меня*).
- [467] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. VIII.
- [468] Там же, Yc, 20, T. III.
- [469] Архив Симанкаса, Инквизиция, Закон 1157, fol. 153-55.
- [470] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 81, fol. 27.
- [471] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 252.—Исторический архив. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 8, № 2, fol. 533, 547, 553, 667; Раздел 9, № 2. fol. 234; Раздел 12, № 2, fol. 126; Раздел 11, № 1, fol. 247, 278.—Архив Сала 39, Раздел 4, fol. 23.—Libro XIII de Cartas, fol. 266, 274-5 (Рукописи Am. Философ. Общество).e Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Lib. 6, Lib. 10.—Archivo de Simancas, Inquisicion,
- [472] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 185
- [473] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 17, n. 3, fol. 18. Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 559.
- [474] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 240, fol. 340.
- [475] Там же, Раздел. 522.
- [476] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 34.
- [477] Архив инквизиции де Симанкас, Раздел 552, fol. 52.
- [478] Объем. I, Приложение, стр. 580.

- [479] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 105.
- [480] Там же, стр. 89.
- [481] Там же, fol. 105.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 242.
- [482] Новые инструкции, § 5 (Аргуэлло, fol. 28).
- [483] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, *цит. по*:
- [484] Библия. nacional, рукопись, стр. 28.
- [485] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, Мм, 130.
- [486] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.
- [487] Там же.
- [488] Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552.
- [489] Процесс против Маргариты Альтамиры, фол. 198-99 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).
- [490] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 890.
- [491] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 219.
- [492] Архив Симанкаса, Грация и правосудие, Инквизиция, Библиотека 621, fol. 165.
- [493] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 5, fol. 24.
- [494] Ibidem, Sala 40, Lib. 4, fol. 99.
- [495] Ibidem, Lib. 77, fol. 354.
- [496] Ibidem, Sala 40, Lib. 4, fol. 105.
- [497] Архив Алькала, Эстадо, Лег. 3137.
- [498] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 79, fol. 173.
- [499] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 135.
- [500] Ibidem, Lib. 3, fol. 225, 313.
- [501] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 227; Визитас де Барселона, Этап 15, fol. 20.
- [502] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 212.
- [503] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, этап 9, № 1, следующий. 7, 8, 9, 13, 19, 276, 277, 278; № 3, следующий. 142, 253, 259, 320, 323, 324, 332; Глава 17, № 10, фол. 47, 81, 99.—Libro XIII de Cartas, фол. 11 (Рукопись Утра. Философ. Соч.).
- [504] Архиво де Симанкас, Инквизиция, библиотека 939, том 132.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 165, 166.
- [505] Libro XIII de Cartas, fol. 84, 89, 114 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

[506] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib 890; Lib. 435².

[507] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 5, фол. 15, 21.

[508] Там же, Библиотека 3, фол. 397, 446; Библиотека 940, фол. 84; Библиотека 5, фол. 6, 16, 21. Ср. Библиотека 9, фол. 27, 66, 192.

О поселении в 1502 году см. Lib. 2, fol. 35.

[509] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 73, fol. 106, 107.

[510] Там же, Сала 40, Библиотека 4, следующий. 107, 110, 113, 114, 115, 118, 137, 139, и т.д. — Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Lib. VII de Autos, Раздел 2, fol. 327; Там же, Раздел 10, п. 2, fol. 164.

[511] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 184.

[512] Там же, стр. 124, 226; Библиотека 940, стр. 41, 43, 184.

[513] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 9, № 2, фол. 177, 238; Часть 14, № 2, фол. 41.

[514] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, фол. 43, 44.

[515] Там же, Библиотека. 559.

[516] Там же, Библиотека 9, следующий раздел 8.

[517] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 192; Сала 40, Библиотека 4, fol. 169, 239.

В качестве вклада в жизнь человека, перед которым в долгу все испанские студенты, я печатаю петицию Зуриты в Приложении. Вероятно, ему хорошо заплатили за его услуги; в 1542 году от приемника Арагона поступило распоряжение выплатить ему ayuda de costa, или чаевые, в размере 600 дукатов (Там же, Lib. 940, fol. 42).

В 1519 году в Верховной раде был секретарь по имени Джеронимо Зурита — вероятно, дядя историка (Арх. хист. nacional, Inq. de Valencia, Этап 371).

[518] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 5, фол. 6, 16, 21.

[519] Библия. nacional, рукопись, D, 150, стр. 224.

[520] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 30, fol. 647, 653.

[521] Архив Симанкаса, Библиотека 940, fol. 205.

[522] Там же, Lib. 31, fol. 637.— Эти королевские привилегии спокойно оставались неоплаченными, пока в 1640 году Филипп в отчаянии внезапно не вспомнил о них и не приказал получателю представить отчет о причитающейся ему сумме, до погашения которой не должны были производиться никакие другие выплаты. На это Верховный ответил, что были отданы приказы о немедленном урегулировании этого вопроса. Это было легче сказать, чем сделать, поскольку три месяца спустя он заявил, что щедро откликнулся на его требования; он выплатил

35 000 реалов задолженности и надеялся увеличить сумму до 40 000 и умолял простить остаток, но король был непреклонен.—Ibidem, Lib. 21, fol. 223, 231. Корона продолжала пользоваться этими привилегиями. В 1670 году был издан приказ о выплате люминариев по случаю восшествия на престол Климента IX, возглавляемого Карлосом II, на сумму 114 240 млн.—Ibidem, Leg. 1476, fol. 7.

[523] Архив инквизиции де Симанкас, Раздел 1480, fol. 1.

[524] Там же, Библиотека 21, fol. 252.

[525] Там же, Раздел 1480, fol. 1, 10, 16.

[526] Там же, Раздел 1476, следующий. 7.

[527] Там же, Раздел 1475, fol. 1, 2, 4, 19.

[528] Там же, Раздел 1477, fol. 154.

[529] Архив Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1477, fol. 45.

[530] Выплаты Веллона составили 1940 реалов за установку сцены и 100 за натяжение тента. Серебряные изделия были

Для компаний игроков	516	реалов.
авторы	500	автомобилей“
хранительницы гардероба	16	“
танцоры	48	“
три тренера для игроков	24	“
Хуан Рана	32	“
три альгвасила	32	“

Архив де Симанкаса, Инквизиция, 1475 год, фол. 52.

В 1665 году, чтобы сократить расходы, Филипп IV распорядился, чтобы эти автопробеги проводились не отдельно перед каждым королевским советом, а коллективно перед ними всеми на площади.—Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 10).

[531] Архив Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1477, фол. 95, 100.

К статьям учетной записи относятся:—

	Рупий.	Миссис
весом 95 фунтов. Генуэзские сладости - 10½ рупий веллон	1008	
,32 блюда Талавера - 5 кварто	18	28
, 4 корзиночки - 7½ рупий	30	
. 6 Подносов по 2	12	
замков для корзин по 2½	10	
32 бокала по 9 кварто	33	30
6 венецианских бокалов для членов Совета	34	

2 тарелки Talavera	10
4 двойных писсуара с крышками по цене 3 рупий.	12
30 фунтов. из обычных конфет и печенья для обслуживающего персонала - 5 рупий.	150
Носильщиков, чтобы отнести сладости в дома чиновников, а посуду - в Буэн Ретиро	15

Напитки:—

20 ацумб (около 10 галлонов) лимонада	рупий	Миссис
10 фунтов сахарной пудры за 3 рупии	30	
Лимоны	6	
1 унция ароматизированных пастилок	4	
20 граммов воды с корицей		
15 фунтов сахара	45	
½ фунта корицы	20	
Уголь для варки	5	
1 унция. ароматизированных пастилок	4	
20 стаканов вишневой воды		
15 фунтов. сахара	45	
18 фунтов. из вишни на 6 куарто	13	
1 унция ароматизированных леденцов	4	
10 Арроб (250 фунтов) снега для всех напитков за 9 рупий	90	
1 “, присланный из Ретиро, чтобы банки не растаяли	9	
Аренда 14 гаррафа (банок с ведерками для льда) за 3½ рупии	49	
Стоимость сломанного одного из них	12	
Аренда 3 маленьких для Совета	3	
3 щепотки соли для заморозки напитков за 22 куарто	10	17
2 носильщика для снега и холодильных банок	10	
8 до. отнести их в Ретиро и вернуть	24	
Труд чиновника, который ведет счет	50	
	----	433 17
Оформление и меблировка сцены		300
		2067 7

Очевидно, посуда была принадлежностью прислуги, поскольку каждый раз ее обставляли заново.

[532] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1477, фол. 106.

[533] Библия. nacional, MSS., D, 122 (Modo de procesar, fol. 10-12); Ibidem, D, 150, fol. 1.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Lib. 9).

[534] Дж. Т. Медина, Инквизиция в Картахене, стр. 266 (Сантьяго, Чили, 1899).

[535] РУКОПИСЬ Библ. nacional de Lima, Protocolo 225, Expediente 5278.

[536] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 31, fol. 637.

[537] Там же, Библиотека. 21, fol. 231.—Библия. nacional, рукопись, D, 150, стр. 224.

[538] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 240, fol. 360; Библиотека 559.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 180.—Archivo hist. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 16, n. 9, fol. 7.

[539] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Libro 10). Это утверждение показывает

	Реалы.	Миссис
Жалованье Супремы	337 274	28
В трех больших залах	157 290	
В пяти меньших.	73 836	32
Табладо (бои быков).	21 000	
Дома для чиновников.	65,156	
Девять светил	50,618	5
Заработная плата Мадридского трибунала	24,258	12
Содержание бедных заключенных (по оценкам)	3,000	
Suprema	30,000	
Ayudas de costa и чаевые	8,000	
В помощь трибуналу Толедо и другим лицам	50,000	
Налоги и обременения на имущество	17,500	
	837,934	9

[540] Архиво де Симанкас, Inq., Leg. 1286, fol. 20; Leg. 1478, fol. 1-41, 61-87.

[541] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 16, № 9, следующая за 20; Часть 17, № 4, следующая. 7; Раздел 4, n. 3, fol. 173-258.

[542] Архив Алькала, Гасиенда, участок 544² (Библиотека 10).

[543] Llorente, Añales, l. 282.

[544] Архивное поколение. de la C. de Aragon, Registro 3684, fol. 68.

[545] Такие подробности, с которыми я встречался в отношении учреждения и прекращения деятельности различных трибуналов, можно найти в Приложении к Тому I.

[546] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1.

[547] Там же.

[548] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 3, fol. 447; Lib. 4, fol. 6; Lib. 5, fol. 19; Lib. 9, fol. 65.

[549] Ibidem, Lib. 3, fol. 395, 447.

[550] Там же, Библиотека 3, фол. 216, 454, 455; Библиотека 9, фол. 23, 34.

[551] Там же, Раздел 1465, fol. 105.

[552] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 933; Lib. 75, fol. 25.

[553] Там же, Legajo 787; Sala 40, Lib. 4, fol. 220.—Lib. XIII де Картас (РУКОПИСЬ Am. Philos. Общество).

[554] Кабрера, Relaciones, стр. 489.

[555] Порядок действий, фол. 46 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).

[556] Объем. I, Приложение, стр. 572. Ср. Аргуэлло, том 21.

[557] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 87, 92, 95.

[558] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1.

[559] Объем. I, Приложение, стр. 568.

[560] Archivo gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 92, 94.

[561] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas de los Reyes Católicos, Leg. 2.

[562] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 408.

[563] Библ. nacional, рукопись, D, 118, стр. 102.

[564] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, этап 9, № 3, след.. 123, 166, 215, 240, 271; Этап 10, № 2, след. 29, 30, 33, 76.

[565] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Том. 17.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 33, fol. 846, 847, 851; Библиотека 35, fol. 509, 567.

[566] Fueros y Actos de Corte, стр. 10-11 (Сарагоса, 1647).

[567] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 67, fol. 155.

[568] Ibidem, Lib. 939, fol. 273.

[569] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 35, fol. 106.

[570] Ibidem, Leg. 1465, fol. 23.

[571] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, p. 1, fol. 530, 533, 539, 547, 558, 560, 568; n. 2, fol. 210.—Archivo de Simancas, Inquisicion de Corte, Leg. 359, fol. 3; Ibidem, Inquisicion, Lib. 21, fol. 162, 317.

[572] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, № 213, fol., стр. 114, 224.

[573] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 50, fol. 82; Lib. 22, fol. 10; Leg. 1465, fol. 76. Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, № 213, fol., стр. 114.

[574] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 4, n. 2, fol. 137.

[575] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 35, fol. 249.

[576] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 3, № 7, fol. 40; Раздел 4, № 2, fol. 137; Раздел 9, № 2, fol. 243.—Библ. национальный, Рукопись, D, 118, fol. 146.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 300-1.

[577] РУКОПИСЬ. Библ. nacional de Lima, Protocolo 225, Expediente 5278.

[578] Исторический архив. национальный, Инквизиция Валенсии, Раздел 16, № 5, fol. 69; № 6, fol. 23.

[579] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 10); Эстадо, стр. 2843.—Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 10, № 2, fol. 155; Часть 12, № 2, fol. 128; Часть 13, № 2, fol. 180; Часть 14, № 1, fol. 133; № 2, fol. 77.

[580] Censo español en el año de 1787 (Madrid, Imprenta Real).

[581] Процесс против Розы Конехос (МИСС *пенес меня*).

[582] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 15, № 11, fol. 31; Часть 16, № 6, fol. 34; № 9, fol. 18; Часть 17, № 3, fol. 4.

[583] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 4, № 3, fol. 166, 260; Часть 16, № 9, fol. 34.

[584] Instruccion que han de guardar los Comisarios.

[585] Уже в 1680 году это можно было наблюдать на суде в Толедо над Анджелой Перес (МИСС Пенес ме). В 1728 году это, по-видимому, было обычным делом в Валенсии (Исторический архив. nacional, Inq. de Valencia, Этап 390). Я даже встречался с делом, в котором поручение было просто устным (там же, Инквизиция Толедо, Закон 228, п. 28).

[586] РУКОПИСЬ Утра. Философия. Общество.

[587] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 27, 46, 163.

[588] Аргуэлло, fol. 13.

[589] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 76, fol. 394.

[590] Ibidem, Inquisicion de Canarias, Visitas, Leg. 250, Lib. 1, fol. 7, 844, 935-6.—Modo de Proceder, fol. 62 (Bibl. nacional, рукопись, D, 122).

[591] РУКОПИСЬ Библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Expediente 5270.

- [592] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1.
- [593] Ibidem, Sala 40, Lib. 4, fol. 121, 122, 128, 148, 167.
- [594] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 3, n. 17, fol. 218, 225.
- [595] Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 40, Lib. 4, fol. 165, 166.
- [596] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 86, 99, 118, 128, 138.
- [597] Там же, Раздел 5, № 1, фол. 100, 410, 414-17; Раздел 8, № 1, фол. 15, 36, 39; Раздел 9, № 1, фол. 349, 357, 365; Раздел 11, № 2, фол. 98, 99, 157, 216, 218, 296-8; Нога. 372; Нога. 383.
- [598] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.
- [599] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Lib. 10).
- [600] Archivo de Simancas, Registro de Genealogías, n. 916, fol. 74.
- [601] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 6, n. 2, fol. 270, 278.
- [602] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 327.
- [603] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 56, n. 22.
- [604] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 152, 157.
- [605] Аргуэлло, фол. 13.
- [606] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 926, fol. 308.
- [607] Там же, Библиотека 3, fol. 394, 395, 412.
- [608] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Lib. 10).
- [609] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Этап 9, № 3, следующий. 30, 60, 80, 89, 94, 157, 162, 211.— Там же, Библиотека 7 автографов, Раздел 2, fol. 341.—Ср. Раздел 11, n. 1, fol. 93, 198-99, 226; n. 3, fol. 167; Раздел 12, n. 1, fol. 120, 129.—Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 56, n. 22.
- [610] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 19. Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 184, 201.
- [611] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 33.
- [612] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 18.
- [613] Инструкции 1498 г., § 15 (Аргуэлло, fol. 13).—Архив Симанкаса, Инквизиция Канарских островов, Рекомендации по посещению, раздел 250, Библиотека 1, fol. 6.
- [614] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 76, fol. 227; Визитас де Барселона, Этап 15, fol. 2, 20.
- [615] Там же, библиотека 926, fol. 28.

[616] Там же, Библиотека 73, следующий. 84, 85, 183, 188, 201; Библиотека. 76, fol. 415; Библиотека. 933.

[617] Там же, Библиотека 77, fol. 169, 256.

[618] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 82, fol. 89; Библиотека 939, fol. 64, 66; Библиотека 941, fol. 20.

[619] Там же, Библиотека 78, fol. 272; Библиотека 79, fol. 7, 239; Библиотека 939, fol. 64.

[620] Там же, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унικο, фол. 28.

[621] Там же, Библиотека 1.

[622] Аргуэлло, Фолкленд. 22. Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, фол. 140.

[623] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 2, fol. 25.

[624] Там же, Библиотека 3, fol. 22, 396; Библиотека 5, fol. 14.

[625] Там же, Библиотека 3, fol. 251, 316; Библиотека 933.

[626] Там же, библиотека 9, fol. 63.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Hacienda, Leg. 10.

[627] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, фол. 44, 69.

[628] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 10).

[629] Архив Симанкаса, Инквизиция Канарских островов, Экспедиции для посещения, Раздел 250, Библиотека 1.

[630] Порядок действий, fol. 60-1 (Библ. национальный, рукопись, D, 122).—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, fol. 301-2.

[631] Расследование против доктора Хуана де ла Камары (рукопись Дэвида Фергюссона, эсквайра).

[632] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 36, fol. 263.

[633] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 68.

[634] Аргуэлло, Фолкленд. 13.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 933.—Ibidem, Vistas de Barcelona, Leg. 15, fol. 2.

[635] Там же, библиотека. 933; Библиотека. 942, fol. 21.

[636] Порядок действий, fol. 62 (Библ. национальный, рукопись, D, 122). (Иногда, однако, торжественные мероприятия в зале для аудиенций проходили при открытых дверях.)

[637] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 84, n. 30.

[638] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 11, n. 3, fol. 110, 114.

[639] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 37.

- [640] Том. I, Приложение, стр. 578.
- [641] История архива. национальная инквизиция Толедо, Статья 137, № 98; Статья 138, № 143; Статья 150, № 299.
- [642] Фуэрос—де-Арагон, фол. 133 (Сарагоса, 1624).-Архив Алькала, Эстадо, Лег. 3137.
- [643] Архив gen. de la C. de Aragon, Registro 3684, fol. 92.
- [644] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [645] Акт суда над Рейно де Арагон, фол. 94 (Сарагоса, 1664).—Библ. nacional, рукопись, D, 118, стр. 102.
- [646] Болетин, XV, 449.—Глава 2, Клементин. Глава V, Раздел iii.
- [647] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 122.
- [648] Т. I, Приложение, стр. 572.
- [649] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, fol. 32; Lib. I de copias, fol. 5, 8.—Bibl. nacional, рукопись, D, 118, fol. 92.
- [650] Буларио, Библиотека. I, fol. 57; Lib. I de copias, fol. 11, 12.
- [651] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 10, 13, 15, 20, 23.
- [652] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 420.
- [653] Парамо, стр. 172, 189.
- [654] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.
- [655] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 200, 255.
- [656] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 33, fol. 852.
- [657] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.—Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 544² (Библиотека 10)—Комиссию, назначающую инквизитора, можно найти в Приложении.
- [658] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, том 131; Библиотека. I de copias, fol. 26, 32, 35, 39, 118. Cf. Archivo de Alcalá, Hacienda, n. 473; Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 33, fol. 328.
- [659] Буларио, Библиотека. IV, fol. 137; Библиотека V, fol.. 117, 136, 138, 151, 199, 200, 251, 264, 295.—Архив Симанкаса, Грация и правосудие, Закон. 629.
- [660] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 16, n. 5, fol. 42, 68.
- [661] Архив gen. de la C. de Aragon, Regist. 3684, fol. 68.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1.
- [662] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 111, 159, 161; Библиотека 939, fol. 62. Библия. nacional, MSS., Pp. 28.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 2843.

[663] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 81. Архив Алькалы, *уби суп.*—Библ. национальный, *поддержка ubi*.

[664] Порядок действий, fol. 62 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).

[665] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 76, fol. 91.

[666] Инструкции 1498, §§ 1, 12; de 1500, § 12 (Аргуэлло, fol. 12, 13, 14).

[667] Инструкции 1561 г., § 73 (Аргуэлло, fol. 37).

[668] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 146.

[669] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 303, 304.

[670] Там же.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 140.

[671] Порядок действий, fol. 49-59 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).

[672] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 9.

[673] Archivo de Simancas, Inquisicion, Visitas de Barcelona, Leg. 15, fol. 5, 8, 9, 20.

[674] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 225.

[675] Там же, библиотека 942, fol. 61.

[676] Там же, библиотека 939, fol. 140.

[677] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 5, № 1, фол. 379, 380; № 2, фол. 88; Часть 6, № 2, фол. 106, 418; Часть 8, № 1, фол. 218, 278, 389; № 2, фол. 101, 118, 119, 127, 160, 269, 281; № 2, фол. 380, 631, 635; Раздел 9, № 1, фол. 47, 179, 199, 324; № 3, фол. 207, 341, 350, 393, 420; № 2, след. 9, 12, 132, 139, 164, 182, 187.— Libro XIII de Cartas, след. 6, 139, 143, 217, 224, 227 (Рукопись Утра. Философ. Соч.).

[678] Инструкции 1498 года, § 1 (Аргуэлло, fol. 12).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933; Библиотека 939, fol. 63.

[679] Там же, Библиотека 45, fol. 210.

[680] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 1, fol. 81, 110.

[681] Инструкция 1498 года (Аргуэлло, fol. 22).

[682] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[683] Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 40, Lib. 4, fol. 104, 111, 225.

[684] Инструкции 1484, §§ 19, 20 (Аргуэлло, fol. 7).—Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 112, № 74, следующий за 15.

[685] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, том 68.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 185.—Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 116.

[686] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, *лок. цит.*—Библ. национальный, *местный*,—Archivo de Alcalá, Hacienda, No. 473.

[687] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, fol. 271.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 184.

[688] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 3, fol. 83.

[689] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 124, n. 44.

[690] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 186, 255.

[691] Процесс против Исабель де Монтойя, Мексика, 1661, 1663, фол. 195, 211, 318, 328 (г-жа *пенес меня*).—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 890, fol. 17.

[692] Матуте—и-Лукен, Автосервисы Кордовы, стр. 135.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 112, n. 66, fol. 8. Архив инквизиции де Симанкас, 1473 год.

[693] Archivo gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 68.

[694] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 926, fol. 23.

[695] Там же, Библиотека 21, том 115.—Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Часть 1.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 226.

[696] Аргуэлло, фол. 22.

[697] Исторический архив. национальный, Инквизиция Толедо, стр. 251.

[698] Исторический архив, Инквизиция Валенсии, Раздел 10, № 2. fol. 33, 46, 61; Раздел 13, № 3, fol. 42, 47.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 228.

[699] Archivo gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 92, 94.—Аргуэльо, фол. 22.

[700] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 3, fol. 438.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 2843.

[701] Архив Алькала, Гасиенда, № 473.

[702] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 83, fol. 16, 30.

[703] Archivo de Alcalá, Hacienda, n. 437.

[704] Инструкции 1488, § 5; 1498 (Аргуэлло, fol. 11, 17).—Архив генерала. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, fol. 96. Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 2, фол. 25.

[705] Archivo de Simancas, Inquisicion, Leg. 1465, fol. 105.—Matute y Luquin, Autos de fe de Córdoba, p. 137.—MSS. Archivo municipal de Sevilla, Seccion especial, Siglo XVIII, Letra A, Tomo 4, n. 50, 52.—Archivo de Simancas, Inquisicion de Corte, Leg. 351, fol. 1.

[706] Инструкции 1488 г., § 9 (Аргуэлло, fol. 10).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 2, fol. 7; Сала 40, Глава 4, фол. 218.

- [707] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, фол. 124, 129, 148.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 110.
- [708] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 309, Cuentas, fol. 1, 4.
- [709] Авто-и-Акуэрдос-дель-Консехо, фол. 52, 53 (Мадрид, 1649).
- [710] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 238.—Исторический архив. национальная инквизиция Толедо, Раздел 228, № 18; Инквизиция Валенсии, Раздел 4, № 2, следующий. 41, 111, 115, 205, 251; п. 3, стр. 140; Часть 3, п. 7, стр. 103.
- [711] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [712] Там же, Библиотека 3, fol. 438.
- [713] Там же, Сала 40, Библиотека 4, фол. 110, 111, 118, 130.
- [714] См. Приложение.
- [715] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 56; Раздел 1480, fol. 13.
- [716] Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 544² (Библиотека 10).
- [717] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 89, 92, 94.
- [718] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 88.
- [719] Там же, Библиотека. 1.
- [720] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 6, n. 2, fol. 230.
- [721] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 80.—Архив Алькалы, *ubi supp.*
- [722] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 3, fol. 447, 450.
- [723] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 79.
- [724] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 64.
- [725] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 3, fol. 123, 166.
- [726] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 12, n. 1, fol. 46, 48, 61, 108.
- [727] Там же, Инквизиция Толедо, Раздел 498; Инквизиция Валенсии, Раздел 6, n. 2, fol. 217.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 942, fol. 64.
- [728] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.
- [729] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 169; Библиотека 979, fol. 21, 25, 139.—Библ. национальный, Рукопись, li, 16. —Исторический архив. nacional, Inquisition de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 10, n. 9, fol. 34.
- [730] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 146, n. 49.

[731] Там же, D, 150, fol. 1.

[732] Там же, Мм, 130.

[733] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 1, fol. 410; Leg. 309, Cuentas, fol. 4; Hoga. 371; Hoga. 372.

[734] Архив Симанкаса, Инквизиция, 1479, 1480 гг.

[735] Libro XIII de Cartas, fol. 20, 21, 26, 27, 28 (РУКОПИСЬ Утра. Философ. Общество).

[736] Т. I, Приложение, стр. 578.

[737] Аргуэлло, фол. 22.

[738] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 2, fol. 1, 15.

[739] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 41, 42, 308.

[740] Там же, стр. 397, 408, 418.

[741] Там же, Libro 9, fol. 140, 194.

[742] Там же, Сала 40, Библиотека 4, следующий. 106, 107, 111, 116, 124.

[743] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 227, 228, 233, 234, 237, 241, 247, 251, 253, 261, 263, 267.

[744] Там же, Раздел. 787; Раздел. 552, fol. 43. Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, этап 5, № 1, следующий за. 41, 201, 274, 296, 407; № 2, следующий за 236, 290, 330.

[745] Архив де Симанкаса Инквизиции, Закон 1478, fol. 96; Сала 40, Библиотека 4, fol. 225, 247, 265.—Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 8, n. 2, fol. 19; Часть 9, n. 1, fol. 190, 232.—Lib. XIII, де Картас, фол. 85, 110, 122 (Рукопись Ам. Философ. Общество).

[746] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 17, n. 3, fol. 26.

[747] Т. I, Приложение, стр. 575.—Аргуэлло, том 16.

[748] Инструкции 1488 г., § 7 (Аргуэлло, следующий раздел 10).

[749] Инструкции 1498 г., § 10 (Аргуэлло, fol. 13).

[750] Аргуэлло, фол. 14.

[751] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 262, n. 1; Inquisicion de Valencia, Leg. 299.

[752] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 233.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 137; Библиотека 83, fol. 8.

[753] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 3, fol. 197.

[754] Ibidem, Lib. 933.

[755] Там же, Sala 40, Lib. 4, fol. 171, 218, 219.

[756] Ibidem, Lib. 926, fol. 292.

[757] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 160; Библиотека 926, fol. 287.

[758] Там же, Визитас де Барселона, Этап 15, фол. 2, 20.

[759] Там же, библиотека 926, fol. 23.

[760] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 939, fol. 127.

Льоренте говорит (История. крит., загл. XIV, ст. 3, п. 16), что из-за неправильности составления документов судебного разбирательства Верховный суд 22 марта 1531 года распорядился принять меры, чтобы избежать этого в будущем. Это привело к тому, что трибуналы записывали каждый акт на отдельном листе, а не раскладывали их по страницам, чтобы вопросы могли быть внесены, изъяты или изменены по своему усмотрению при передаче дела в консультативную комиссию или Верховный суд. Он говорит нам, что многое из этого было в судебном преследовании Каррансы и что он сам видел, как это делалось по приказу Нублы и Севальоса, инквизиторов Мадридского трибунала.

Все это может быть так, но carta acordada от 22 марта 1531 г. прямо предписывает, чтобы листы были пронумерованы (Archivo de Simancas, Lib. 939, fol. 137). Практика не была единообразной. Я сталкивался с судебными процессами, как пронумерованными, так и ненумерованными.

[761] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 233.

[762] Там же, стр. 266.

[763] Инструкции 1561, § 14 (Аргуэлло, fol. 29).

[764] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 1002; Регистрация адвокатов, А, 7, fol. 1. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 66, 100.

[765] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 940, fol. 175.

[766] Картас дель Философо рансио, I, 316 (Мадрид, 1824).

[767] Паретс, Сучесос-де-Каталония (Память. история. español, XX, 19).—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 11, п. 1, fol. 168.

[768] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 136.

[769] Аргуэлло, фол. 27.

[770] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 940, fol. 175, 176; Lib. 926, fol. 19.

[771] Лоренцо Вильянуэва в “Обсуждении проекта в соборе инквизиции”, стр. 449 (Кадис, 1813).

[772] Инструкции 1488 г., § 4 (Аргуэлло, следующий раздел 9).

[773] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Закон № 158, п. 431, 435.

- [774] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, следующий раздел. 3.
- [775] Там же, стр. 420, 421.
- [776] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 70.
- [777] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 134.
- [778] Там же, fol. 208, 223, 252; Библиотека 939, fol. 70.—Рохас де Эрет. Стр. 1, № 434.
- [779] Порядок действий, fol. 17 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).
- [780] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.
- [781] См. Приложение.
- [782] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 29.
- [783] Ibidem, Lib. 78, fol. 168.
- [784] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 197.
- [785] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299.
- [786] Archivo de Simancas, Inquisicion, Visitas de Barcelona, Leg. 15, fol. 2.
- [787] Там же, библиотека 939, fol. 81.
- [788] Ibidem, Visitas de Barcelona, Leg. 15, fol. 20.
- [789] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.—Деяния Корте дель Рейно де Арагон, fol. 95.
- [790] Конституции Суда 1599 года, глава 26 (Барселона, 1603).—Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, Раздел 17, следующий. 5.
- [791] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 81.
- [792] Библия. nacional, рукопись, D, 118, fol. 172, n. 53.
- [793] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Том VI.—Библ. nacional, Рукопись, S, 294, fol. 120.—Архив Алькала, Гасиенда, Раздел 544,² (Библиотека 6).
- [794] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 150.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 8, fol. 405.
- [795] Библия. nacional, рукопись, Стр. 28.
- [796] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Часть 10, № 2, fol. 170; Часть 2, № 18.
- [797] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 559.
- [798] Глава 2, Фрагмент. Библия против Тита. iii.
- [799] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 147.

[800] Там же, Библиотека. 3, fol. 376.

[801] Архив Симанкаса, Patronato Real, Inq. Leg. unico, fol. 38, 39.

[802] Конституции Суда Испании 1547 года (Барселона, 1548, fol. xxxv).

[803] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 270; Библиотека 926, fol. 33; Библиотека 940, fol. 172; Библиотека 941, fol. 12; Библиотека 942, fol. 48; Раздел 1157, fol. 182.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 181.

[804] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, фол. 203, 206, 208, 211.

[805] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 216; Библиотека 942, fol. 20, 23, 24.

[806] Библ. национальный, Рукопись, D, 118, fol. 172, n. 63.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 181.

[807] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 20, fol. 338.

[808] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 183.

[809] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 9.

[810] Библ. национальный, рукопись, стр. 28.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 318^b, стр. 181-8.

[811] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 5, № 2, фол. 91, 291, 308; Часть 6, № 2, фол. 217; Часть 8, № 1, фол. 1, 2, 6, 240, 241, 334, 431; № 2, фол. 64, 209, 358; Часть 9, № 2, фол. 5, 153; Часть 11, № 1, фол. 3, 4, 14, 15, 59, 121, 131; Раздел 14, п. 1, следующий. 86, 87, 89, 92, 98, 103.

[812] Modo de Procesar, fol. 3 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).

[813] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 2.

[814] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, fol. 182, 186.

[815] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 688, фол. 45, 50, 56.

[816] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544¹ (Библиотека 6).

[817] Там же, Раздел. 544² (Библиотека. 10).

[818] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 14, фол. 62, 63.

[819] Там же, библиотека. 939, fol. 950.—Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 299. —Библ. nacional, MSS., R, 128.—Modo de Proceder, fol. 7 (Bibl. nacional, рукопись, D, 122).

[820] РУКОПИСЬ. Archivo municipal de Sevilla, Seccion especial, Siglo XVIII, Letra A, Tomo 4, n. 46.—Archivo hist. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.

[821] Библия. nacional, MSS., D, 122, fol. 267; R, 128.—Matute y Luquin, Autos de fe de Córdoba, p. 155.—Olmo, Relacion del Auto general de la Fee, p. 19 (Madrid, 1680).

- [822] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 149.—Королевская библиотека Мюнхена, Cod. Испанец, 79 фол. 29.
- [823] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 6, fol. 444.
- [824] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 559; Там же, Раздел 1473.—Седулас и др. де Фернандо VII, стр. 317 (Валенсия, 1814).
- [825] Амадор-де-лос-Риос, III, 153.
- [826] Я нахожу эту текстовую цитату в мемориале Конверсосо Филиппу IV (Рукопись Бодлианской библиотеки, архив S, 130). В соборных сборниках такого синодика нет.
- [827] Таронджи, Религиозный фонд Мальорки, стр. 237-8 (Пальма, 1877).
- [828] Эрнандо де Пульгар, Эпист. XXX.
- [829] Архив Ватикана, Регистрационный номер 685 (Innoc. VIII).—Páramo, p. 139.
- [830] Рипол Буллар. Орден. И ДАЛЕЕ. Предписание. IV, 125. Ср. стр. 590.
- [831] Инструкция 1488, § 11 (Аргуэлло, следующий раздел 10).
- [832] Новая редакция, библиотека. VIII, Тит. iii, leyes 3, 4.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 108.
- [833] Содержит. Коллегии С. Ildefonsi, §§ 6, 7, 9, 36, 47, 48 (Gomesii de Rebus Gestis, Append.).
- [834] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 109.
- [835] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. I de copias, fol. 115.
- [836] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 112, n. 74, fol. 9.
- [837] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 404.
- [838] Colmeiro, Córtes de los Antiguos Reinos, II, 165.
- [839] Рипол, VII, 131, 134.
- [840] Труд Кайетани. Т. I, Трактат. xxxi, Отвечаю. 6.
- [841] Бурриэль, Видас де лос Арзобиспос де Толедо (библ. nacional, рукопись, Ff, 194, fol. 46-8).
- [842] Рипол, IV, 566.
- [843] Там же, стр. 608.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 142.
- [844] Новая редакция. Библиотека. I, Тит. vii, лей 22.
- [845] Juan Gómez Bravo, Catálogo de los Obispos de Córdoba, pp. 431, 435, 453, 513.
- [846] Берриэль, указ. соч. (Библия. национальная, рукопись, Ff, 194, fol. 2, 3).
- [847] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Том I.—Ср. Агирре, V, 495.

- [848] Салазар-и-Мендоса, Хроника Карденаля Дона Хуана Таверы, стр. 212, 214-15 (Тоledo, 1603).
- [849] Берриэль, указ. соч. (Библия. национальная, рукопись, Ff, 194, fol. 2-68).
- [850] Библия. национальный, рукопись, Q, 418.
- [851] Relazioni Venete, Серия I, Т. VI, стр. 404.
- [852] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 79, fol. 8.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. I, фол. 119.
- [853] Баррантес, Отрывок из истории Эстремадуры, II, 181.
- [854] Döllinger, Beiträge zur politischen, kirchlichen u. Cultur-Geschichte, I, 640.
- [855] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 172.—Новая редакция. Библиотека. IV, Раздел i, лей 18, глава 2.
- [856] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 154.
- [857] Там же, библиотека 926, fol. 33.
- [858] Там же, библиотека 922, fol. 15.
- [859] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 170, 171, 173; Библиотека 79, fol. 30.
- [860] Там же, библиотека 939, fol. 66; Sala 40, Библиотека 4, fol. 172, 203, 208, 215.
- [861] Там же, библиотека 939, fol. 148.
- [862] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 267; Визитас де Барселона, Этап 15, fol. 2, 20.
- [863] Данвила-и-Колладо, Изгнание лос-Морискос, стр. 169.
- [864] Архив де Симанкаса, Сала 40, Библиотека 4, fol. 226.
- [865] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 16, fol. 226.
- [866] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 215; Библиотека 939, fol. 148; Библиотека 942, fol. 21.
- [867] Там же, библиотека 942, fol. 24; Библиотека 939, fol. 141, 148.
- [868] Archivo de Simancas, Inquisicion, Canarias, Expedientes de Visitas, Leg. 250, Lib. 3, fol. 11.
- [869] Там же, библиотека 939, fol. 271. Несмотря на запрет Филиппа, диспенсации не были чем-то неизвестным. В 1615 году Супрема приказывает Валенсии передать его поручение дону Хуану Заногуре и “не обижаться на потомков Иудеев”. — Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 6, n. 2, fol. 11.
- [870] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 339.
- [871] Relazioni Venete, Серия I, Т. VI, стр. 405.

[872] Хуан Эскобар де Корро, Двухпартийный Трактат о пуританах и нобилитетах пробанды, П. II, Q. iv, ст. 3, п. 1-2 (Лугдуни, 1633).

[873] Это небольшое произведение стало известно как *"Тизон де ла Ноблеза"*, или пятно на дворянстве. Оно было широко распространено в MS. и у меня есть перевод MS. на французский, показывающий, что его оценили по обе стороны Пиренеев. Наконец она была напечатана в Барселоне в 1880 году.

[874] Поместье Лимпьеца (библ. национальный, рукопись, Q, 418).

[875] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, арх. Часть. А, подраздел 11.

[876] Tratado de los Estatutos de Limpieza (Bibl. национальный, рукопись, Q, 418).

[877] Эскобар, указ. соч., П. I, Q. iv, § 3, н. 55-6; Q. xii, § 2, н. 46-50; Q. xiv, § 4, н. 19; П. II, Q. ii, н. 85; Q. iii, н. 1 кв.

[878] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 402.

[879] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив Seld. A, подпункт 11.

[880] Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 89.

[881] Мемориальная история. español, T. XVIII, pp. xxv, xxxii.

[882] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 10).—РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 141.

[883] Педраса, Инструкция для действующих комиссаров (ср., Куэнка, 1667).—РУКОПИСЬ Утра. Философия. Общество.

[884] Педраса, указ. соч.— Эта небольшая работа, по-видимому, никогда не печаталась. Мой экземпляр прекрасно украшен искусно иллюстрированным гербовым посвящением генерал-инквизитору Нитхарду — очевидно, подаренным ему.

[885] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 8, n. 1, fol. 367.

[886] Libro XIII de Cartas, fol. 127-9, 187, 276 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

Предварительный счет расходов выглядит следующим образом:—

Diligencias y comunicacion	4	(sueldos)
Auto de entrar en ellas	2	
Deposito y registro	4	
Comision, instruccion y interrogacion	12	
Al comisario de Cambrils, D. Tiladot, 10 dietas	200	
Su nuncio, las mismas	40	
Al Sr D. Martin Calderon (Secretario) 20 dietas	600	

De escriptura de 18 hojas, de letra muy metida	38.	10
Auto y comn para las diligencias	6	
Seguro de deposito	2	
Auto y remision al concejo	6	
Ajustar la quenta, libranza y registro	4	
	918.	10
Al contador por su derecho, 2 per 100	18.	9
Al depositario “ “ “	18.	9
	955.	8

[887] Там же, стр. 246-7, 252.

[888] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 498.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 559.

[889] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 926, fol. 22, Библиотека 942, fol. 51; Библиотека 979, fol. 32.—Lib. XIII де Картас, fol. 62 (Рукопись Am. Philos. Soc.).—Исторический архив. национальная инквизиция Валенсии, Часть 3, № 7, fol. 226, 229, 239; Часть 9, № 3, fol. 240; Часть 11, № 2, fol. 113-14.

[890] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, том 142.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 258.

[891] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[892] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 398-401.—Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 6).

[893] Defensa de los Estatutos y Nobleza españolas. Destierro de los Abusos y Rigores de los Informantes (Zaragoza, 1637).

Трактат о Фрае Салусио был перепечатан Вальядаресом в "Семанарио эрудито", том XV.

[894] Новизна. Повторяю. Библиотека. XI. Тит. xxvii, лист 22.—Согласно этому закону, "*Libro verde de Aragon*" Анчиаса разделила судьбу менее авторитетных сборников, но копия избежала уничтожения в библиотеке Колумбина в Севилье, где она была обнаружена Амадором де лос Риосом, а большая часть была опубликована его сыном Родриго Амадором де лос Риосом в "*Revista de los Rios*", 1885.

[895] Tratado de los Estatutos de Limpieza, cap. 1, 16 (Bibl. nacional, рукопись, Q, 418).

[896] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 fol., стр. 105; 218^b, стр. 198.

[897] Трасада-де-лос-Эстатутос-де-Лимпьеца, главы 2, 3 (Библ. nacional, рукопись, Q, 418).

[898] Эскобар де Пурит. et Nobil. пробанда, П. II, Q. 1, Глоссарий. viii, п. 20.

[899] Cinco Excelencias del Español, фол. 98 кв. (Памплона, 1629)

[900] Relazioni Venete, Серия I, T. V, стр. 242, 451.

[901] Наваррете, Консерватория Монаркиас, стр. 51-3 (Мадрид, 1626).

[902] Fray Salucio does not exaggerate when he says “No hay peste en el mundo tan contagiosa, y el ayre de ella sola basta á inficionar y donde entre la mancha no es posible que salga; y poquita levadura corrompe toda la masa” (Semanario erúdito, XV, 172).

[903] Франсиско Сантос, Закон об импорте Испании, стр. 175 (Мадрид, 1668).

[904] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 293.

[905] Ibidem, Lib. 43, fol. 131.

[906] Архив Симанкаса, Генеалогический реестр, № 916, фол. 10, 22, 23, 29.

[907] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 17, n. 4, fol. 19, 39, 101.

[908] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 559.

[909] Там же, Библиотека. 435².

[910] Там же, Генеалогический реестр, № 916. В качестве возможного интереса я включаю в Приложение свидетельство, выданное 24 мая 1816 года Фиц-Джеймсу Стюарту, герцогу Бервика и Алвы, чтобы позволить ему занять должность в инквизиции.

[911] Таронджи, Религиозный центр и др. на Мальорке, стр. 278.

[912] Гарау, триумфатор гонорара Ла Гонорар, автосалоны знаменитостей на Майорке, в Санто-офис Инквизиции, стр. 158, 161-3 (Ред. 1755).

[913] Новизна. Повторение. Библиотека. XII, Тит. 1, лей 6.

[914] Taronji, Estado religioso y social de la Isla de Mallorca (Palma, 1877).—Soler, Un Milagro y una Mentira (Valencia, 1858).

[915] Симанс де Катол. Institt. Синица. IX, п. 223.

[916] Состав. 13, 15, 17 Код. I, v; 2, 3, 4, 7, 8, 9 Код. IX, xlix; 6, 7, 8 Код. IX, viii.—Конспект. Турон. анна. 1163, глава. 4.—Луций, стр. III, Послание. 171.

[917] Часть, П. VIII, Тит. xxxvi, лей 2.

[918] Орденансас Реалес, Библиотека. VIII, Тит. iv, страницы 3, 4.

[919] Repertorium de Pravitare Heret. s. v. *Divisio Bonorum* (Валентия, 1494).

[920] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Статья 137, № 98; Статья 138, № 123; Статья 140, № 162; Статья 153, № 333; Статья 154, № 356.—Болетин, V, 404.

[921] Инструкция 1484, § 20 (Аргуэлло, fol. 7).—Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Статья 137, № 98; Статья 165, № 551.

Однако в дополнительных инструкциях Торквемады от декабря 1484 года система конфискации во всей ее строгости применяется к тем, кто примирился вне Льготного периода.—См. Том. I, стр. 573.

[922] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 63.

[923] РУКОПИСЬ Национальной библиотеки Франции, фонд Испании, 81.

[924] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 120.

[925] Пабло Гарсия, Орден де Процесар, фол. 31, 43.

[926] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 8, n. 1, fol. 371.

[927] Инструкции 1561 г., § 74 (Аргуэлло, fol. 37).

[928] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 9, fol. 49; Льоренте, Аньялес I, 363; II, 15.

[929] Симанс де Кат. Institt. Тит. ix, № 91, 92.

[930] Archivo de Simancas, Lib. 942, fol. 25.

[931] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава. ii, § 13; загл. iii, § 9.—Архив Алькала, Гасиенда, Раздел 544² (Библиотека 6). —Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Часть 1.—Местонахождение судебного акта. Инквизитор. стр. 473.

[932] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas de los Reyes Católicos, Leg. 1. Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 3, тома 30, 37.

[933] Там же, Библиотека 3, фол. 389, 391; Библиотека 4, фол. 8.

[934] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 3, fol. 446; Библиотека 5, fol. 20; Библиотека 9, fol. 18, 30.

[935] Там же, Библиотека 3, fol. 427, 440.

[936] Инструкции 1484, §§ 3, 7 (Аргуэлло, fol. 3, 4).

[937] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 98.

[938] Инструкции 1484, §§ 8, 23 (Аргуэлло, fol. 4, 8).

[939] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 132.

[940] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[941] Карбонель де Гестис Эретикор. (Полковник де Док. де ла К. де Арагон, XXVIII, 120). — Исторический архив. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[942] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 fol., стр. 123, 130; 218^b, стр. 389.—Modo de Proceder, fol. 65 (Библ. национальный, рукопись, D, 122). —Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 31, 299.—Proceso contra Ana Enríquez (MS. *penes me*).

- [943] Архивная история. национальная инквизиция Валенсии, этап 300, П. I, № 31, 33, 35, 40.
- [944] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 96.
- [945] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [946] Порядок действий, фол. 79 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).
- [947] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1. Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552, фол. 52.
- [948] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas de los Reyes Catolicos, Leg. 2.
- [949] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [950] Ibidem.
- [951] Там же, Библиотека 3, fol. 23, 100, 121, 302.
- [952] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [953] Смотрите “Инквизицию средневековья” автора, I, 509, 522-4.
- [954] Инструкции 1485 года (Аргуэлло, fol. 23-4). Приписывается 1484 году в Архиве Симанкаса, Инквизиция, библиотека 933.
- Эта статья содержится в дополнительных инструкциях от декабря 1484 года, но там проводится различие, ограничиваясь примиренными и делая вывод, что в отношении осужденных была применена строгость закона. Существует также статья, освобождающая от уплаты долгов и отчуждения лиц, примиренных в течение Льготного периода. См. Том I, стр. 573.
- [955] Аргуэлло, фол. 20, 22.
- [956] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 3, fol. 42.
- [957] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава 2, § 15.
- [958] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 933. Этого дополнения к § 20 нет ни в сборнике Гранады 1537 года, ни в Аргуэлло, т. 7.
- [959] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 338.
- [960] Ibidem, Lib. 933.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. 1 de copias, fol. 219.—Pragmáticas y altres Drets de Cathalunya, Lib. I, Тит. viii, § 3.
- [961] Córtes de loa antiguos Reinos de Leon y de Castilla, IV, 589.
- [962] Симанс де Кат. Institt., Tit. IX, п. 133, 134.
- [963] Падре Фидель Фита (Болетин, XV, 317-23).
- [964] Аргуэлло, фол. 24.
- [965] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, fol. 96.—Fueros de Aragon, fol. 119, 193 (Zaragoza, 1624).

- [966] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [967] Аргуэлло, фол. 12, 18, 20.
- [968] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 3, fol. 334.
- [969] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 300.
- [970] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека. 939, fol. 128.—Ср. Симанкай де Катх. Institt. Синица. IX, п. 151-2.
- [971] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. V.
- [972] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 22.
- [973] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 174, 389.
- [974] Coleccion de los Tratados de Paz; Carlos II, Parte I, p. 11.
- [975] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 243.
- [976] Там же, библиотека 6, fol. 94.
- [977] История архива. национальная инквизиция Валенсии, № 300, П. I, № 51.
- [978] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 78.
- [979] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, раздел 300, P. I, № 46; P. II, № 9; P. III, № 9, 22.
- В Приложении вы найдете квитанцию доньи Беатрис Деспуч, жены отца Альканьяиса, о получении ее приданого; она оставляет деньги в руках получателя, ожидая решения по ее иску о праве собственности на определенные предметы домашнего обихода, которые она купила из конфискованного имущества.
- [980] Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 40, Lib. 4, fol. 178.
- [981] Leyes de Toro, ley lxxvii.—Hugo de Celso, Repertorio de las leyes de Castilla, s. v. *Herege* (Alcalá, 1540).—Nueva Recop. Библиотека. V, Раздел. ix, лей 10.—Новизна. Повторная версия. Библиотека. X, раздел. iv, лей 10.
- [982] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 6, fol. 27.
- [983] Исторический архив. национальный, Инквизиция Валенсии, раздел 300, Стр. III, № 4.
- [984] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 40.
- [985] Библия. nacional, рукопись, Dd, 145, fol. 352.
- [986] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 78, fol. 192.
- [987] Симанс де Кат. Institt. Синица. IX, п. 4.
- [988] Instruccion de 1484, § 22 (Arguello, fol. 8).

- [989] Archivo gen. de la K. de Aragon, Registracionный номер 3684, fol. 103.
- [990] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1; Lib. 3, fol. 441.
- [991] Собрание Седулас, IV, 310 (Мадрид, 1830).
- [992] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 244.
- [993] Ibidem, Lib. 9, fol. 195.
- [994] Ibidem, Lib. 3, fol. 164.
- [995] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib, 1.
- [996] Ibidem, Lib. 3, fol. 142.
- [997] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 49, fol. 58, 193.—Рукопись Бодлианской библиотеки, архив С, 130.
- [998] Аргуэлло, fol. 20, 22, 23, 24.
- [999] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 78, fol. 235.
- [1000] Блеск Archidiaconi, суперсексто, Сиськи. де Херет., загл. *Cum secundum* (Eymerici Director. P. II).—Bernardi Comens. Lucerna Inquis. s. v. *Bona hæreticor.* § 4.Симанс де Катх. Institt. Синица. IX, п. 29.
- [1001] Инструкция 1484, глава 24 (Аргуэлло, следующий раздел 8).
- [1002] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1003] Архив истории. nacional, Инквизиция Валенсии, Стр. 300, P. I, № 26.
- [1004] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1005] Там же, библиотека. 1.
- [1006] Напечатано падре Фиделем Фитой, Болетин, XXIII, 393.
- [1007] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 48.
- [1008] Архив истории. nacional, Инквизиция Валенсии, Стр. 300, P. I, № 25.
- [1009] Там же, П. I, № 67.
- [1010] Там же, П. I, № 27.
- [1011] Архивное издание. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, fol. 12.
- [1012] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 61.
- [1013] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 300, Стр. III, № 16.
- [1014] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1015] Там же.

- [1016] Там же.
- [1017] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1018] Там же, Библиотека 3, fol. 394.
- [1019] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 93.
- [1020] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 98.
- [1021] Там же, стр. 128, 140.
- [1022] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 103.
- [1023] Там же, Библиотека 9, fol. 56.
- [1024] РУКОПИСЬ Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. VI.
- [1025] Библ. национальный, рукопись, D, 153.
- [1026] Фредерик, Свод документов. Инквизиция. Нирландия., IV, 241.
- [1027] Colmeiro, Córtes de los antiguos Reynos, II, 179, 217, 250.—Córtes de Valladolid del año de MDLV, Pet. xii (Вальядолид, 1558, фол. xxxiv).
- [1028] Архив gén. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 87, 92, 95.
- [1029] Том. I, Приложение, стр. 573.
- [1030] Информация о Кесаде (Библ. nacional, рукопись, Tj, 28). —Ср. Зуньига, "Анналы Севильи", Lib. XII, año 1480.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 3137.
- [1031] Болетин, XXIII, 293.
- [1032] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1033] Там же, Библиотека 3, fol. 29, 31, 297.
- [1034] Историко-правовой сборник инквизиции, стр. 137 (Вальядолид, 1803).
- [1035] Архив Алькалы, Эстадо, Лег. 3137.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 929, fol. 294.
- [1036] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 69.
- [1037] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 929, fol. 295.
- [1038] Salgado de Somoza de Retentione Bullarum, P. II, cap. xxxiii, n. 13.
- [1039] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 303, 304, 310.
- [1040] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека 1 копий, fol. 224.
- [1041] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 9.

[1042] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 98; Cartas de los Reyes Católicos, Leg. 2. Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[1043] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 63.

[1044] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[1045] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 2, fol. 26, 28, 29, 30; Библиотека 926, fol. 211.

[1046] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека 1 копий, fol. 219.

[1047] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 1; Библиотека 933; Библиотека 3, fol. 181, 408, 419.

[1048] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 18.

[1049] Там же, Библиотека 3, fol. 371.

[1050] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933; Библиотека 3, fol. 19, 46, 65, 78, 79, 91, 107, 386, 403; Глава 9, фол. 3.

[1051] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 190; Библиотека 3, fol. 378, 386, 400, 401, 402.

[1052] Там же, Библиотека 3, fol. 367, 372.

[1053] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 430, 449, 450, 451, 453, 455; Библиотека. 927, fol. 301.

[1054] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 3, фол. 403, 428, 432; Библиотека 4, фол. 1-3, 5, 96; Библиотека 5, фол. 17, 20, 25, 95; Библиотека 9, фол.. 3, 5, 28, 29, 30, 58.

[1055] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. уни, фол. 76.

[1056] Инструкция 1498 года (Аргуэлло, fol. 18).—Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 112, n. 39.

Информацию о некоторых особых исключениях см. В Archivo hist. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas de los Reyes Católicos, Leg. 2. Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 2, фол. 29; Библиотека 3, фол. 263.

[1057] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 128.

[1058] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 21.

[1059] Библия. национальный, рукопись, D, 118, fol. 167.

[1060] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 182.

[1061] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 300, Стр. II, № 18.

[1062] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 54.

[1063] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 148.

[1064] Там же, Библиотека 1.

[1065] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 3, fol. 67.

[1066] Там же, Библиотека 3, fol. 332.

[1067] Там же, библиотека 5, следующий раздел 8.

[1068] Там же, Библиотека 3, fol. 225; Библиотека 933.

[1069] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 239, 294, 296, 314; Библиотека 933; Библиотека 940, fol. 47, 68.

[1070] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 239.

[1071] Там же, Patronato Real, Инквизиция, Лег. уни, фол. 35.

[1072] Падре Фидель Фита (Болетин, XXIII, 286).

[1073] Дон Рамон Санта Мария (Болетин, XXII, 373). Краткое изложение частичного отчета о поступлениях в Валенсии за 1493 год приведено в Приложении. Некоторые детали иллюстрируют текущую деятельность офиса.

[1074] Пулгар, Письмо XXV (стр. 58).

[1075] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. уни, фол. 27.

[1076] Там же, fol. 35. Вероятно, именно на это намекает Мартин де Салинас 10 ноября 1527 года в письме Фердинанду Австрийскому, когда, перечисляя источники, из которых Карл рассчитывал вести войну, он включает более миллиона золотых, предложенных Новыми христианами, “не беспокоя инквизицию”. Нет никаких признаков того, что проект был успешным. —А. Родригес Вилья, “Император Карлос V и су Корт”, стр. 386 (Мадрид, 1903).

[1077] РУКОПИСЬ муниципального архива Севильи, Специальная секция, Siglo XVIII, Letra A, T. 4, n. 46.

[1078] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 812, фол. 3, 4, 9.

[1079] Там же, Gracia y Justicia, Инквизиция, Закон. 621, fol. 80-1.

[1080] Библия. nacional, рукопись, S, 294, fol. 375.

[1081] Там же, D, 150, fol. 224.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 40, fol. 138.

[1082] Архив Симанкаса, Инквизиция, 1465, фол. 30.

[1083] Королевская библиотека Берлина, Q¹ 9548.

[1084] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 13, № 2, fol. 224; Часть 14, № 1, fol. 8.

[1085] Архив Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1479, фол. 2.

[1086] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

- [1087] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 10, n. 9, fol. 7.— Там же, Стр. 100.
- [1088] Пулгар, Cronica, Стр. II, загл. lxxvii.—Зурита, Аньялес, Библиотека XX, глава xlix.
- [1089] Родриго, История вердадеры, II, 53.
- [1090] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1091] Архив gen. de la C. de Aragon, Regist. 3684, fol. 99.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1.
- [1092] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1093] Ibidem.
- [1094] Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, III, 535.
- [1095] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1096] Инструкция 1488, § 13 (Аргуэлло, fol. 11).
- [1097] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.—Письмо Фердинанда с просьбой снять с Торквемады отлучение от церкви можно найти в Приложении.
- [1098] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1099] Ibidem, Lib. 2, fol. 15, 17.
- [1100] Там же, Библиотека 3, fol. 50, 58, 59, 188.
- [1101] Сборник документов, VIII, 295, 330, 365.
- [1102] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 61. См. [Приложение](#).
- [1103] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 50, 62, 63, 80.
- [1104] Там же, стр. 91, 106.
- [1105] Там же, стр. 331. См. также fol.. 73, 76, 86, 87, 101, 103, 105, 112, 133, 136, 137, 138, 145, 169, и т.д.
- [1106] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 84, 368, 377, 378, 383.
- [1107] Там же, Библиотека 2, fol. 1, 26.
- [1108] Там же, Библиотека. 1.
- [1109] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 33, 79.
- [1110] Там же, Библиотека 1.
- [1111] Там же, Библиотека 3, fol. 105.
- [1112] Там же, библиотека 1; Библиотека 2, fol. 11.
- [1113] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 421, 422, 426.

- [1114] Там же, Библиотека 74, fol. 90; Библиотека 688, fol. 509.
- [1115] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1116] Домашнее животное. Март. Послание. 622.—Библия. nacional, Рукопись, D, 153.
- [1117] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 49.
- [1118] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 921, fol. 88.
- [1119] Там же, Библиотека 9, fol. 23, 60, 70.
- [1120] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 9, fol. 60, 72; Библиотека 5, fol. 26; Библиотека 6, fol. 74.
- [1121] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 9, fol. 12, 33; Библиотека 5, fol. 26; Библиотека 6, fol. 95.
- [1122] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, фол. 47, 48, 51, 71.
- [1123] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Hacienda, Leg. 10.
- [1124] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 6, фол. 71.
- [1125] Дж. Фрибургенс. Итоги исповеди. Lib. III, Тит. xxxiv, Q. 123.
- [1126] В самый ранний период это было выражено в приговоре, вынесенном трибуналом Гваделупы 20 ноября 1485 года по делу Мурсии, жены Диего Гонсалеса. — “Принудительное наказание и дамось в покаянии в эмиенде и удовлетворении бессрочных наказаний еретиков”. к чему приводит покаяние за грехи”. — Исторический архив. национальная инквизиция Толедо, раздел 133, № 46.
- [1127] Так в описании Мадридского автосалона от 4 июля 1642 года, в архиве Алькала, Гасиенда, Стр. 544¹ (Библиотека 6).
- [1128] Инструкции 1484, § vii (Аргуэлло, следующий раздел 4).
- [1129] Bibliothèque nationale de France, fonds espagnol, 80, fol. 169.
- [1130] РУКОПИСЬ. *пеняет мне*.
- [1131] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 89.
- [1132] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 3, fol. 176.
- [1133] Там же, Библиотека 3, fol. 351.
- [1134] Аргуэлло, фол. 20, 25.—Арх. де Симанкас, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 98.
- [1135] Архив Инквизиции де Симанкаса, Библиотека. 926, fol. 33; Библиотека. 939, fol. 119; Библиотека. 79, fol. 170; Sala 40, Lib. 4, fol. 173.
- [1136] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 168.
- [1137] Там же, библиотека 942, fol. 16.

- [1138] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 20.
- [1139] Там же, библиотека. 933.
- [1140] Там же, Визитас де Барселона, этап 15, следующий. 20.
- [1141] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 173, 220, 222, 229.
- [1142] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, фол. 163, 164, 165, 168 и т.д.
- [1143] Там же, Библиотека 75, fol. 25; Сала 40, Глава 4, фол. 109, 127, 277.
- [1144] Там же, библиотека 9, fol. 32; Библиотека 77, fol. 354.
- [1145] Там же, Библиотека 78, fol. 193.
- [1146] Подробнее смотрите в книге автора “Мориски Испании”, стр. 120-4.
- [1147] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 9; Lib. 922, fol. 15.
- [1148] Там же, Библиотека 78, fol. 168.—Данвила-и-Колладо, Изгнание лос-Морисков, стр. 183-88.
- [1149] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 79.
- [1150] Там же, Раздел 98.
- [1151] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 216.
- [1152] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 234.—Рукопись Национальной библиотеки Лимы, Протокол 223, Expediente 5270.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 941, fol. 1.
- [1153] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Часть 15, следующие 9, 20.
- [1154] Н. Хергета, (Болетин, XLV, 434).
- [1155] Архив Симанкаса, Инквизиция, Легаджо 787.
- [1156] Библия. nacional, рукопись, S, 121, fol. 54-67.
- [1157] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Том I.
- [1158] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [1159] Библия. nacional, рукопись, D, 118, стр. 409.
- [1160] Матуте-и-Лукен, Автобиография Кордовы, стр. 177-8.
- [1161] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 20, fol. 135.
- [1162] Там же, Библиотека. 716.
- [1163] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 8, n. 2, fol. 279, 290, 421, 426.
- [1164] Там же, Раздел 9, n. 1, следующий. 70, 72, 82, 135, 142.

- [1165] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 236.
- [1166] Инструкции 1561 г., § 65 (Аргуэлло, fol. 36).
- [1167] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Этап 15, следующий. 20.
- [1168] Библия. nacional, Рукопись, V, 377, стр. 4.
- [1169] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [1170] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.
- [1171] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.
- [1172] Расшифровка. Мешок. Congr. S. Officii, pp. 437-8 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. del S. Offizio, Vol. 3.)
- [1173] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 54, fol. 166, 176.
- [1174] Налог на случайные вечеринки в бутике Пап, стр. 169 (Лион, 1564).
- [1175] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 13.
- [1176] Libro verde de Aragon (Revista de Aragona, CVI, 274).
- [1177] Boletin XV, 594.—Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. I de copias, fol. 51.
- [1178] Catálogo de las causas seguidas ante el Tribunal de Toledo, p. 139 (Madrid, 1903).—Melgares Marin, Procedimientos de la Inquisicion, I. 119 (Madrid, 1866).
- [1179] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933; Библиотека 939, fol. 119.
- [1180] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1181] См. I, стр. 580.
- [1182] Там же.
- [1183] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 56, 90, 405.
- [1184] Там же, Библиотека 3, fol. 114.
- [1185] Хергенретер, Леонис X Регеста, № 7875-6, 12507-8.
- [1186] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 103, 370, 373, 382.
- [1187] Там же, стр. 387, 403.
- [1188] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 100.
- [1189] Там же, Библиотека. 942, fol. 12; Библиотека. 949, fol. 68, 108, 109; Библиотека. 77, fol. 354.
- [1190] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека 3, fol. 9.

- [1191] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 167.
- [1192] Там же, fol. 204.
- [1193] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, фол. 108, 115.
- [1194] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, фол. 213, 223, 228.
- [1195] Комментарий Pegnæ. 8 в Eumerici Director. P. III.
- [1196] Кортес-де-Мадрид, аньо-де-МДЛИИ, Пэт. liii (Вальядолид, 1558, след. xiii).
- [1197] Decreta Sac. Конгр. C^{ti} Officii, стр. 142-3 (Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. del S. Offizio, Vol. 3).
- [1198] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1199] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, фол. 98, 114, 135, 136.
- [1200] Ла Мантия, Инквизиция на Сицилии, стр. 57.
- [1201] Льоренте, Аньялес, II, 31.
- [1202] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 73, fol. 16, 65, 339.
- [1203] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 175, 176.
- [1204] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 73, fol. 19.
- [1205] Там же, Раздел 1157, fol. 143, 156.
- [1206] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 129.
- [1207] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 182.
- [1208] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 1, fol. 233, 254
- [1209] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 128. См. также фол. 139, 161, 177.
- [1210] Там же, стр. 229. См. также фол. 189, 233.
- [1211] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 238.—Ср. fol. 215, 229.
- [1212] Франчини, Краткий отчет Трибунала Сицилии, стр. 141-45 (Палермо, 1744).
- [1213] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, фол. 125, 131, 163.
- [1214] Там же, библиотека 939, fol. 119.
- [1215] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 282, 360, 43, 63, 69, 75, 97, 167, 100, 110, 114, 115, 121, 287.
- [1216] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 272.—Архив Алькала, Гасиенда, участок 544² (Библиотека 10)

- [1217] Информация о Кесаде (Библ. nacional, рукопись, Tj, 28.)
- [1218] См. I, стр. 572.
- [1219] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, фол. 32.
- [1220] Загл. 12, 13, Дополнительно, Библиотека. III, Раздел iv.
- [1221] Архив Ватикана, Иннок. СТР. VIII, Registro 685, fol. 461.
- [1222] Информация о Кесаде, *представитель ubi*.
- [1223] Там же.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1224] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 24, 25.
- [1225] Архив де Симанкаса, Библиотека 1; Библиотека 2, fol. 4, 5.
- [1226] Там же, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1227] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, стр. 155, 157.
- [1228] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1465, fol. 28; Библиотека. 1.
- [1229] Там же, Библиотека. 1.
- [1230] Там же, библиотека 3, fol. 187; Библиотека 940, fol. 200.
- [1231] Там же, Библиотека 1.
- [1232] Там же, Sala 40, Lib. 4, fol. 108.
- [1233] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, фол. 158, 161, 164, 177.
- [1234] Там же, далее. 226, 243, 245, 247, 248, 251, 261—Собрание документов, LXVIII, 458.
- [1235] С. Trident., Sess. XXIII, De Reform. глава 1.
- [1236] Буларио—де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека 3, fol. 102.-Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 939, fol. 62.
- [1237] С. Trident., Sess. XXIV, De Reform. cap. 12.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. 4, fol. 176.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 925, fol. 228.
- [1238] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 274.
- [1239] Матуте и Лукен, Автобиография Кордовы, стр. 134-5.
- [1240] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. I, фол. 157.
- [1241] Постановление Правительства Российской Федерации. Конгр. S^{ti} Officii, p. 162 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. del S. Offizio, Vol. 3).
- [1242] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.

[1243] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.—Буларио де ла Орден де Сантьяго, Библиотека V, fol. 59.—Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 103.

[1244] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 44², fol. 557.

[1245] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 14, n. 1, fol. 137.

[1246] Архив Симанкаса, Реестр генеалогий, № 916, фол. 69.

[1247] Там же, Библиотека. 559.

[1248] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, фол. 60.

[1249] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, фол. 14, 15.

[1250] Льоренте, Аньялес, II, 222.

[1251] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 73, fol. 240; Библиотека 940, fol. 94.

[1252] Архив де Симанкаса, *официальный сайт*

[1253] Сандовал, Вида-дель-Эми. Карлос V, Том 2, стр. 780 (Барселона, 1625).

[1254] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 231 (см. Приложение к т. III).

Смотрите также письма принцессы Хуаны кардиналу Пачеко и папе римскому в Döllinger, Beiträge zur politischen, Kirchlichen u. Cultur-Geschichte, I, 247-8.

[1255] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 232.

[1256] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. III, fol. 68.—Библия. nacional, Рукопись, R, 90, fol. 249.

[1257] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. III, фол. 68.

[1258] Там же, fol. 99.—Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 1049.

[1259] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 234; Лаборатория. 940, fol. 96-99.

[1260] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, фол. 144.

[1261] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 235, 240, 242, 249, 254.

[1262] Там же, стр. 237, 261.

[1263] Там же, стр. 249.

[1264] Библия. национальный сборник, РУКОПИСЬ, X, 157, фол. 244.

[1265] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 243-6.

[1266] Там же, fol. 100-102.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 fol., стр. 135-9.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 16, fol. 189.

[1267] Libro XIII de Cartas, fol. 82, 164, 166 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

[1268] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фолл. 49.—“lo que ya esta comprado e consynado para ella en algunas partes, comprandolo de la manera e segund que el rey católico lo tenya mandado e començado á comprar.”

[1269] Там же, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 239, 314.

[1270] Там же, Библиотека 5, fol. 15.

[1271] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 403, 428, 430; Библиотека 5, fol. 9; Библиотека 9, фол. 26.

[1272] Там же, Библиотека. 3, fol. 412.

[1273] Там же, Библиотека 73, fol. 144.

[1274] Там же, стр. 186.

[1275] Там же, Библиотека 40, fol. 201.

[1276] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 238, 248, 270; Библиотека 940, fol. 43.

[1277] Архив Алькалы, Гасиенда, № 473.—Архив Симанкаса, Библиотека 939, fol. 128.

[1278] Там же, библиотека. 942, fol. 48.

[1279] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 403.

Сводная информация о доходах такова:

Censos de la Ciudad de Valencia, valen	648ll.	3s.	—d.
Censos en el Reyno de Valencia, valen	625	6	6
Canonicato de Valencia, valen	503	14	
Derecho Portugues	—	—	—
La canongia de Tortosa	147	3	
La conongia de Teruel	—	—	—
La canongia de Xativa	—	—	—
La canongia de Segorbe	—	—	—
Los Moriscos de Valencia	1500	—	
Las casas valen	1500		

В конце указаны различные предметы, полученные от каноников Теруэля, на общую сумму 51 лл. 3с. 5д. Также два платежа от Játiva на общую сумму 149ll. 17s. 10d.

[1280] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 289, 332.

[1281] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 559.

[1282] Там же, библиотека. 939, fol. 274.

- [1283] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 2, 5, 36, 40, 68.
- [1284] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 19, fol. 100.
- [1285] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, X, 157, фол. 244.
- [1286] Бледа, Хроника испанского Мороса, стр. 914 (Валенсия, 1618).
- [1287] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 26, fol. 35.
- [1288] Архив gen. de la C. de Aragon, Leg. 528.
- [1289] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Contabilidad, Leg. 241, n. 33.
- [1290] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 19.
- [1291] Картас де Иезуитас (Память. история. Español, XIX, 360).
- [1292] История человечества (Семанарио эрудито, XXXIII, 60).
- [1293] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 1, № 1, fol 609; № 6, fol. 331; Часть 8, № 2, fol. 462, 477, 578, 579, 616, 618; Раздел 9, № 1, фол. 292; Раздел 3, фол. 382; Раздел 11, № 1, фол. 94-5; Раздел 371; Раздел 377; Раздел 621, фол. 108.
- [1294] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 67, fol. 26.—Libro XIII de Cartas, fol. 181, 136, 146, 244 (Рукописи Ам. Философ. Общество).
- [1295] Архив де Симанкаса, Инквизиция, 1465, фол. 30.
- [1296] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, Вопрос, 4.
- [1297] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 9, № 2, следующий. 166, 199, 209, 219, 222, 228.
- [1298] Ibidem, fol. 173.
- [1299] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 9). Более подробную информацию смотрите в Приложении.
- [1300] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 27, фол. 87.
- [1301] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, Мм, 130.

Автор утверждает, что в Испании насчитывалось 1193 кафедральных канонизации, в	11 930
среднем на 11 000 реалов в год, что составляло	000
, а также 3500 в коллегиальных церквях на сумму 2500	8 750
	000
	20 680
	000

Поскольку они в основном поступали от десятины, это показывает, какое тяжелое бремя легло на сельское хозяйство из-за этой единственной особенности церковного учреждения.

[1302] Архив Алькалы, Эстадо, Лег. 2843.

[1303] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 15, n. 10, fol. 42, 68.

[1304] Архивная история. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 16, n. 9, fol. 7.

[1305] Там же, Раздел 4, n. 3, fol. 252, 310, 321.

[1306] Н. Хергета (Болетин, XLV, 436).

[1307] Código del Reinado intruso de José Napoleon Bonaparte, p. 43 (Madrid, 1845).—Coleccion de los Decretos y Ordenes de las Córtes, I, 33 (Madrid, 1820).

[1308] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 10).

[1309] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 358.

[1310] Архив gen. de la C. de Aragon, Regist. 3684, fol. 77, 92, 94.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 3, fol. 343.

[1311] Инструкции по рецепторам, § 11 (Аргуэлло, fol. 18).

[1312] Архив Алькалы, Эстадо, Лег. 2843.

[1313] Аргуэлло, фол. 18.

[1314] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 5, № 1, fol. 18; Раздел 10, № 2, fol. 223.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 942, fol. 47.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218°, стр. 247.

[1315] Инструкции по рецепторам, § 10 (Аргуэлло, fol. 18).

[1316] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[1317] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Contabilidad, Leg. 241, n. 32.

[1318] Там же, Инквизиция Валенсии, стр. 371.

[1319] Там же, стр. 309, Куэнтас, fol. 1-5.

[1320] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 244.

[1321] Там же, библиотека 939, fol. 133.

[1322] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg 5, n. 2, fol. 334.

[1323] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 21.

[1324] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 8, n. 2, fol. 327.

[1325] Libro XIII de Cartas (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).—Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 13, № 2, следующая. 52, 159, 161, 162, 165, 169, 185; Часть 15, № 10, следующая. 11, 14, 62, 94, 109.

[1326] Там же, Раздел 12, н. 1, fol. 29, 78, 167; н. 2, fol. 118; Раздел 13, н. 2, fol. 158, 226; Раздел 14, н. 1, fol. 128.

[1327] РУКОПИСЬ Утра. Философ. Общество.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 17, н. 4, fol. 104.

[1328] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[1329] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 314-15; Библиотека 933.

[1330] Там же, Библиотека 3, fol. 304.

[1331] Там же, Библиотека 3, fol. 318.

[1332] Там же, библиотека 9, fol. 1.

[1333] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[1334] Там же, Библиотека 76, fol. 235.

[1335] Там же, Библиотека 240, fol. 122.

[1336] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 31, 130; Сала 40, Библиотека 4, fol. 223.

[1337] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 209.—Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 5, № 2, fol. 181; Раздел 9, № 2, fol. 223, 249; Раздел 399.—Библ. nacional, рукопись, Стр. 28.

[1338] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 979, fol. 32; Библиотека 939, fol. 130, 131, 132; Библиотека 942, fol. 21. Архив Алькала, Гасиенда, № 473. —Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, н. 1, fol. 100.

[1339] Архив Саламанки, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 21, 26.

[1340] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Часть 9, н. 2, fol. 198; Часть 371.

[1341] Libro XIII de Cartas, fol. 135, 181, 193 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

[1342] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 13, № 2, fol. 132, 145-6; Часть 14, № 1, fol. 6 кв., 56, 63-7, 110, 116, 119, 123, 138, 141, 144, 147, 150, 154; Раздел. 14, № 2, следующий. 1, 4, 6, 7, 11, 13, 17, 18, 26; Раздел. 14, № 2, следующий. 62, 72, 73, 79, 81, 88, 118.

[1343] Там же, Раздел 14, н. 2, fol. 61.

[1344] Инструкции по 1484, §§ 3, 7, 8 (Аргуэльо, стр. 3, 4).

[1345] См. I, стр. 573.

[1346] См. I, стр. 576.

[1347] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 140, № 162.

- [1348] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, раздел 139, fol. 145 (см. Приложение).
- [1349] Архив истории. nacional, Инквизиция Толедо, Закон № 154, п. 375 (см. Приложение).
- [1350] Там же, Раздел 153, п. 331.
- [1351] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 98.
- [1352] Альберт. Альбартини Повторение новы, fol. cxlii, № 4 (Валентия, 1534).
- [1353] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1354] Гвадалахара-и-Ксавьерр, Изгнание лос-Морискос, фол. 159 (Памплона, 1613).
- [1355] Краткое содержание Климента напечатано в Приложении к книге автора “Мориски Испании”.
- [1356] Смотрите Приложение к книге автора “Мориски Испании”.
- [1357] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XLIV, ст. 1, п. 20.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 559.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 100; Cartas del Consejo, Leg. 17, n. 4, fol. 55.
- [1358] Жан Круппи, "Курс помощи", стр. 132-7 (Париж, 1898).
- [1359] Фуэрос-де-Арагон, fol. 96-7, 150, 154-61, 163-4, 187, 195, 200-1, 204, 213-14, 236 (Сапароса, 1624).—Observantiae Regni Aragonum, fol. 32 (Сапароса, 1624).
- [1360] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 61.
- [1361] Фуэрос де Вискайя, подтверждение прав короля Карлоса III, титул xi, лей 7 (Бильбао, 1761, стр. 95).
- [1362] Córtes de Toledo, 1436; de Madrigal, 1438 (Córtes de los Antiguos Reinos, III, 304-5, 336).—Ordenanzas Reales, VIII, i, 1, 3, 6, 10; v, 1; xi, 9.—Novís. Краткое описание. Библиотека. XII, Tit. xxxiii, leyes 1-3.—Córtes de Toledo, 1480, n. 13, 38, 39, 41, 42, 44, 45, 60 (Córtes de los Reynos, etc., T. IV).—См. также "Записки Монтальво к Партидас", Севилья, 1491, Стр. III, Тит. iv, 1. 22; vi, 6, 13; viii, 7.
- [1363] Архив истории. nacional, Inquisicion de Sevilla, Leg. 146, n. 243.
- [1364] Colmeiro, Córtes de los Reinos de Leon y de Castilla, II, 146, 159-60, 170, 177-9, 191, 198, 216, 234-7, 264, 270.
- [1365] Ариньо, Сучесос-де-Севилья, Приложение (Севилья, 1873).
- [1366] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 233, № 100; Раздел 110, № 17, fol. 1-11.
- [1367] Краткое содержание. Толетан. 1565, глава xii, xiii, xiv (Агирре, V, 396)
- [1368] Collectio Decretorum Sac. Конгр. S^{ti} Officii, стр. 217, 219, 323 (Г-жа пенес меня).
- [1369] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Закон 139, № 145.

[1370] Там же, Раздел. 137, № 98; Раздел. 138, № 123; Раздел. 150, № 299; Раздел. 165, № 551; Раздел. 176, № 679.

[1371] Там же, Раздел 153, п. 331.

[1372] Инструкции 1488 г., § 7 (Аргуэлло, следующий раздел 10).

[1373] Инструкции Авилы, (Аргуэлло, fol. 21).

[1374] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Закон № 158, п. 431, 435.

[1375] Инструкции Авилы, 1498, § 10 (Аргуэлло, fol. 13).

[1376] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 73, fol. 362.

[1377] Процесс против Мари Серраны, fol. xix (МИСС *пеняет мне*).

[1378] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 299.

[1379] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 335.

[1380] Архив gen. de la C. de Aragon, Leg. 528.

[1381] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 69, fol. 3.

[1382] Публичная библиотека Толедо, Зал 5, Эстанте 11, Табла 3.

[1383] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 392.

[1384] Там же, Инквизиция Толедо, стр. 498; Инквизиция Валенсии, стр. 372—Пабло Гарсия, Орден Процесса, fol. 37.

[1385] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.

[1386] Комментарий Pegnæ, xcvi в Eymerici Director, Стр. III.

[1387] Порядок действий, fol. 55 (Библ. nacional, рукопись, D, 122). Конечно, существовали публичные указы, напечатанные для вывешивания на дверях церквей. Они содержали наказания за порчу или удаление.

[1388] Архив Алькала, Гасиенда, участок 544² (Библиотека 6).—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, п. 2, fol. 5. Однако в гражданских делах суды могут выдавать лицензии на печать.

[1389] Библия. nacional, рукопись, D, 118, стр. 148.

[1390] Relazioni Venete, Серия I, Т. VI, стр. 371.

[1391] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 214 фол. (см. Приложение).

Это объясняет, почему, в отличие от объемистых итальянских работ по инквизиционной практике, испанская литература на эту тему столь бесплодна. Пабло Гарсия, секретарь Верховного суда, составил “Порядок судопроизводства в Санто-Официо”, но он предназначался только для использования в трибуналах. В 1592 году есть распоряжение

генерального распорядителя Верховного суда о выплате “за впечатление от свободного процесса в санто-оффицио” (Archivo de Simancas, Lib. 940, fol. 18), показывающий, что это строго официальное руководство. Оно было переиздано в 1628 году “en la Imprenta Real”.

В 1494 году в Валенсии появился “Repertorium perutile de pravitate hereticorum”, который обычно известен под именем Мигеля Альберто. Он основан на Старой инквизиции, но содержит некоторые ссылки на испанскую практику. Переиздано в Венеции в 1588 году.

Нечто подобное также можно найти в двух работах Арнальдо Альбертино, инквизитора Сицилии — “Повторении новы”, Валенсия, 1534 год, и “Утверждении католицизма”, напечатанном после его смерти в Палермо, 1553 год, и Риме, 1572 год.

Более полезной является работа епископа Симанкаса “Об институционализации католицизма”, Вальядолид, 1552, Венеция, 1573, Рим, 1575 и Феррара, 1692. В нем много отсылок к испанской практике. Еще более практична его “Теория и практика совершения преступлений против религии”, впервые напечатанная в 1568 году и повторно в Венеции в 1573 году.

Хуан де Рохас, инквизитор Валенсии, напечатал (Валенсия, 1572 г.) и посвятил генеральному инквизитору Эспинозе свой “De hereticis una cum quinquaginta analyticis assertionibus et privilegiis Inquisitorum”, содержащий обсуждения инквизиционной практики.

В приложении к книге Луиса де Парамо “О происхождении и прогрессе Священной инквизиции” (Мадрид, 1598) приведены некоторые диссертации по различным аспектам практики.

Многое можно почерпнуть из издания “Директории” Эймериха Франсиско Пеньи с подробными комментариями (Рим, 1578 г., и неоднократно в других местах). Их сборник, составленный фра Луиджи Бариолой, появился в Милане в 1610 году под названием “Flores Commentariorum R. D. Franciaci Pegnæ”.

Giovanni Alberghini’s “Manuale Qualificatorum S. Инквизиция” (Сапагоа, 1671, также Кельн, 1740 и Венеция, 1754) также представляет ценность для практики испанской инквизиции.

[1392] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 273.

[1393] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 943, fol. 62.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 346 (см. Приложение).

[1394] Инструкция по охране Комиссариата, Толедо, s. d.

[1395] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.

[1396] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 261.

[1397] Там же, стр. 250.

[1398] Смотрите обращения в Baluz. et Mansi Miscell. II, 289.—Fredericq, Corpus Documentt Inquisitionis Neerlandicæ, I, 330-1, 362-3, 365, 398.—Dressel, Vier Documente aus römischen Archiven, pp. 1-48 (Berlin, 1872).

[1399] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека. 926, 927, 933.

- [1400] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 154, n. 356.—Pablo García, Orden de Processar, fol. 31.
- [1401] Инструкции 1484, § 16 (Аргуэлло, следующий раздел 6).
- [1402] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Статья 139, № 145; Статья 140, № 162; Статья 148, № 207; Статья 154, № 356-375.
- [1403] Аргуэлло, фол. 13, 16.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1404] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 85
- [1405] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 392-7.—Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 6).
- [1406] Симанс де Кат. Институт., Тит. LIII, № 5.
- [1407] Fueros y Actos de Corte de Zaragoza, 1645-6 (Сарагоса, 1647, стр. 10-11).
- [1408] Симанча, указ. соч., Тит. LIII, № 10.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 397.
- [1409] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 317.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 31.
- [1410] Инструкции 1561 г., § 16 (Аргуэлло, fol. 29).
- [1411] Парамо, стр. 269.
- [1412] Ледесма, "Отчаянный республиканец", стр. 96 (Мексика, 1700 г.).—Альбергини, Квалификационное руководство, глава 34 (Август 1671 г.).
- [1413] Constt. 13, 14, 17, 18, 20, 21, Треска. IX, 1.
- [1414] Симанс де Кат. Институт, Тит. XXIX, № 35-45
- [1415] Альф. де Кастро де Жюст. Punit. Hæres., Lib. II, глава xxvi
- [1416] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Seccion varios, Leg. 394, n. 25, fol. 13.
- [1417] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 26.
- [1418] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 207.
- [1419] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 6).
- [1420] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XVIII, ст. 1, п. 11.
- [1421] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 136.
- [1422] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 88.
- [1423] Инструкция 1561, § 1 (Аргуэлло, стр. 27). — Пабло Гарсия, однако, говорит (Порядок обработки, стр. 1) что мавританские церемонии иногда являются *calificadas*.

- [1424] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 88.
- [1425] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 404-17.
- [1426] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 105.
- [1427] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 89.
- [1428] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Этап 372.—РУКОПИСЬ. *прости меня*.
- [1429] Инструкции 1561 г., § 3 (Аргуэлло, fol. 27).
- [1430] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 138.
- [1431] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 942, фол. 26, 52.
- [1432] Praxis procedendi, cap. iv, № 1 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).
- [1433] Инструкции 1498 года, § 3 (Аргуэлло, fol. 12).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 88.
- [1434] Разъяснения Священной службы, § 1 (Архив Алькалы, Гасиенда, Раздел 544², Библиотека 4).—Simancæ Enchiridion, Тит. xxv, n. 3; Исключен. de Cath. Институт, Тит. xvi, № 1, 2.
- [1435] Praxis procedendi, глава 6, n. 9 (*поддержка ubi*).—Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.—Афоризм Соуза. Инквизиция. Библиотека. II, глава 26, n. 11, 12, 15.
- [1436] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 9, № 1, fol. 388; Раздел 299, fol. 80.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 26.
- [1437] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Закон 183, № 779.
- [1438] Там же, Раздел 114, n. 14.
- [1439] Proceso contra Gil Taxis (РУКОПИСЬ Am. Философское общество).
- [1440] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 37, 38.
- [1441] Деяния Корте-дель-Рейно-де-Арагон, фол. 96 (Сарагоса, 1664).
- [1442] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 12, n. 2, fol. 126.
- [1443] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 52.
- [1444] Льоренте, История, критик, загл. XLII, статья 1, n. 13.
- [1445] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890, fol. 28.
- [1446] Инструкции 1561, § 10 (Аргуэлло, fol 28).—Instruccion y Pratica del Comisario, n. 34.—Proceso contra Angela Nuñez Marques, fol. 82 (MS. *penes me*).
- [1447] Процесс против Бенито Пеньяса (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. VI.) —Пабло Гарсия, Орден процесса, фол. 6.

Римская инквизиция гораздо больше заботилась об интересах обвиняемых. Инквизитору было дано указание ни в коем случае не закладывать или продавать посуду, движимое имущество, инструменты торговли или недвижимость, но ограничиваться доходами или арендной платой с последней. Транспортные расходы возлагались на местного епископа или папскую камеру, но они обычно были небольшими ввиду многочисленных мелких трибуналов, поскольку они имелись в каждом месте любого размера. Были приняты меры к сокращению расходов, и во многих местах инквизиция состояла из пары комнат в монастыре, к которому принадлежал инквизитор, поскольку он был либо францисканцем, либо доминиканцем. Транспортировку осужденных на галеры оплачивали города; содержание бедных заключенных - епископы или, если они были постоянными членами Ордена, к которому они принадлежали.— Декр. Сакр. Конгр. S^{ti} Officii, стр. 47, 48, 178, 192, 256 кв. (Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. del. S. Offizio, Vol. 3).

[1448] Процесс против брата Эстевана Рамонеды (MSS. из Am. Философское общество).

[1449] Fueros y Actos de Corte en Zaragoza, 1645-6, стр. 4-5 (Caparosa, 1647).

[1450] Глава 19, раздел ii, в Сексто Lib. V.

[1451] Аргуэлло, Фолкленд. 17.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.—Там же, Настоящий патронат Инквизиции, Лег. унико, fol. 44.—Ibidem, Canarias, Expedientes de Visitas, Leg. 250, Lib. 1, fol. 9

[1452] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 19, 20. 130.— Исторический архив. национальная инквизиция Валенсии, Часть 10, № 2, фол. 37; Часть 14, № 2, фол. 12, 126

[1453] Архив Симанкаса, Инквизиция, 1465, fol. 72.—Библия. nacional, Рукопись, D, 118, fol. 112, n. 39; fol. 167.

[1454] Аргуэлло, Фолкленд. 13.—Instrucciones de 1561, § 8.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 942, fol. 62. Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 228.

[1455] Процесс против Маргариты Альтамира, фол. 87-88 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

[1456] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 129.

[1457] Архив истории. nacional, Инквизиция Валенсии, Стр. 300, P. I, № 71.

[1458] Процесс против Маргариты Альтамиры (*супруг ubi.*).

[1459] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 131; 318^b, стр. 218, 317.

[1460] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотеки 1, 2

[1461] Arch. de Simancas, Lib. 40, fol. 328.

[1462] Там же, Раздел 1480, следующий. 13.

[1463] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 99, 100.

[1464] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 44.

[1465] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 942, fol. 13; Библиотека 939, fol. 94.—
Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 213 т., стр. 115.

[1466] Инструкции 1561, § 76 (Аргуэльо, fol. 37).—Пабло Гарсия, Судебный процесс, fol. 44. Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 979, фол. 30.

[1467] Процесс против Франсиско Эрнандеса (РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эсквайр).

[1468] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1477, фол. 149.

[1469] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 42.—Процесс против Иеронима. о Божьей матери (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. VII). —Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 167.

[1470] РУКОПИСЬ Утра. Философия. Общество.

[1471] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 3, fol. 78.

[1472] История архива. nacional, Инквизиция Толедо, Раздел 138; Раздел 112, № 71, fol. 36. Процесс против Мари Лопес де Саседы, фол. 9 (МИСС *пеняет мне*).—Archivo de Simancas, Inquisición, Lib. 979, fol. 28.—Инструкции 1561 г., § 7 (Аргуэлло, фол. 28).

[1473] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, фол. 101.

[1474] Процесс против Маргариты Альтамиры (РУКОПИСЬ Ам. Философ. Общество).

[1475] Инструкция 1561, § 6 (Аргуэлло, fol. 28).

[1476] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 96.—Instrucciones de 1561, § 61 (Arguello, fol. 35).—Pablo García, Orden de Processar, fol. 42.

[1477] Инструкции 1561 г., § 6 (*поддержка ubi*).—Архив Алькала, Гасиенда, участок 544^a (Библиотека 4).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 82, fol. 132.

[1478] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 260.

[1479] Libro XIII de Cartas, fol. 17 (РУКОПИСЬ Утра. Философ. Общество).

[1480] Разъяснение Священной службы, § 11 Архив Алькала, Гасиенда, Закон. 544², (Библиотека. 4).

[1481] Пабло Гарсия, Орден процесса, fol. 7.

[1482] Там же, fol. 42.

[1483] Praxis procedendi, cap. vi, № 4 (Архив истории. nacional, Inquisición de Valencia).

[1484] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 394, 417, 422.—Libro XIII de Cartas, fol. 17 (Рукопись Ам. Философ. Общество).

[1485] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.

- [1486] Процессо де Ана де Торрес, фол. 15-25, 39 (МИСС *пенес меня*).
- [1487] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 231, № 71, fol. 38.
- [1488] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 125.
- [1489] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава i; глава xiv, § 3.
- [1490] Процесс против Анджелы Перес (МИСС *пеняет мне*).—Archivo de Simancas, Inquisicion, Leg. 552, fol. 52; Libra 890.
- [1491] Часть, П. VII, Тит. xxix, лей 11.—Новизна. Копия., Библиотека. XII, Тит. xxxix, лей 6.
- [1492] Кортес—де-лос-Антигуос-Рейнос, IV, 599, 605.-Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 21, fol. 127.
- [1493] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.
- [1494] Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552, fol. 11.—Elucidationes Sancti Officii, § 30 (Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Lib. 4).
- [1495] Франчини, Краткое изложение судебной практики CC. Inquisizione di Sicilia, p. 31.—Proceso contra Mari Rodriguez (MS. *penes me*).
- [1496] Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552, fol. 13.Олмо, Отношение к делу о плате за 1680 год, стр. 247-52.
- [1497] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.
- [1498] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, fol. 216.
- [1499] История. критерий, глава. XLIII, статья iii, № 9; статья v, № 9.
- [1500] Джанбаттиста Конфалоньери (Spicilegio Vaticano, I, 456).
- [1501] Порядок обработки, fol. 21.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. V.—Архив де Симанкас, Инквизиция, Стр. 552, фол. 35.
- [1502] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 121.
- [1503] Мисцеланеа де Сапата (Память. история. español, XI, 202).
- [1504] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. VIII.
- [1505] Порядок действий, фол. 74 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).
- [1506] Симанс де Кат. Institt. Синица. XVI, № 23; Ejusd. Adnotat. в Занхиниуме, глава 9.—Рохас де Херет., Стр. II, № 185-7.
- [1507] Альбергини, Квалификатор руководства., глава xxxiii, п. 9.
- [1508] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 31.
- [1509] Инструкция 1488, § 5 (Аргуэлло, следующий раздел 10).

- [1510] Инструкции 1498 года (Там же, стр. 16, 21).
- [1511] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 91, 96.
- [1512] Там же, библиотека 926, fol. 33.
- [1513] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 949, fol. 96.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544¹ (Lib. 6).
- [1514] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, С, 121.
- [1515] Инструкции по 1561, §§ 11, 12, 58, 62, 70, 78 (Аргуэльо, fol.. 29, 35, 36, 37).— Пабло Гарсия, Орден процесса, fol. 36
- [1516] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 979, фол. 22-26.—Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 84, п. 40.
- [1517] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544¹ (Библиотека 6).
- [1518] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, фол. 17, 40.
- [1519] Рукопись Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.
- [1520] Мексиканский музей, Т. I, стр. 362 (Мексика, 1843).
- [1521] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.
- [1522] Там же, библиотека 939, fol. 91.
- [1523] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 15.
- [1524] Афоризм Союза. Библиотека. II, глава 26, № 20, 21.—Архив Симанкаса инквизиции, Посещение Барселоны, Часть 15, следующая. 2.—Там же, библиотека 939, фол. 92.
- [1525] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 92.Процесс против Изабель Рейнер (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Ус, 20, Т. III).
- [1526] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Том. VIII, X.
- [1527] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 92.
- [1528] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544¹ (Библиотека 6).
- [1529] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 383.
- [1530] Рукопись Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.
- [1531] Расшифровка. Мешок. Конгр. S^{ti}. Officii, p. 47 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. del S. Offizio, Vol. 3).
- [1532] Проповедь Оратора, глава xxii, № 10 (Рим, 1578).
- [1533] Судебный процесс против брата Луиса де Леона (Coll. de Documentos, XI, 50, 52).
- [1534] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 120.

- [1535] Инструкции 1561, § 71 (Аргуэлло, fol. 36).
- [1536] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 22.
- [1537] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 257.
- [1538] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.
- [1539] Альбергини, Руководство по квалификации, глава xxxiii, № 10.
- [1540] Инструкции 1561, § 71 (Аргуэлло, fol. 36).
- [1541] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, фол. 28, 29.
- [1542] Инструкции 1498 г., § 14 (Аргуэлло, fol. 13).
- [1543] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 77.
- [1544] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 666.
- [1545] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544¹ (Библиотека 6).
- [1546] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 31.
- [1547] Там же, Патронато Реал, Инквизиция, Лег. уни, фол. 44.
- [1548] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1549] Библия. национальный архив, рукопись, Д. 118, фол. 84, № 30.—Архив Симанкаса, Визитас де Барселона, Часть 15, фол. 2.
- [1550] Инструкции 1488 года, § 5 (Аргуэлло, fol. 10).—Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 933; Библиотека 76. fol. 227; Библиотека 4, fol. 192; Visitas de Barcelona, Раздел 15, fol. 20.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 213 томов, стр. 138.—Картас де Иезуитас (Память. история. español, XVII, 419).—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544¹ (Lib. 6).
- [1551] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 44.
- [1552] Льоренте, Hist. критерий, глава. XXI, статья ii, п. 21
- [1553] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, фол. 147, 197.
- [1554] Берч, Каталог рукописей инквизиции Канарских островов, I, 221, 235-40; II, 975.
- [1555] Эдуард Бемер, Франциска Эрнандес, стр. 89, 91.
- [1556] Процесс борьбы Эрнандо Диаса (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Ус, 20, Т. III).
- [1557] Schäfer, Beiträge zur Geschichte der spanischen Protestantismus, III, 129.
- [1558] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 114, № 14.
- [1559] Архив Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1474, fol. 47; Закон. 1477, fol. 149.
- [1560] Там же, библиотека. 933.

- [1561] Там же, Раздел 1475, fol. 134.
- [1562] Там же, Раздел 1480, fol. 110, 128.
- [1563] См. I, стр. 575.—Аргуэлло, том 19
- [1564] Архив gen. de la C. de Aragon, Regist. 3684, fol. 68, 86, 92, 94, 102.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1. Инструкция 1498 года, § 15 (Аргуэлло, глава 22).
- [1565] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Legajos 377, 383.
- [1566] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1567] Там же, Патронато Реал, Инквизиция, Лег. унико, фол. 44.
- [1568] Там же, Библиотека 3, fol. 56.
- [1569] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1570] Там же, библиотека 9, fol. 18; Библиотека 926, fol. 166.
- [1571] Там же, библиотека. 933; Библиотека. 926, fol. 167.
- [1572] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 389.
- [1573] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 92.
- [1574] Там же, библиотека 939, fol. 29.—Instrucciones de 1561, § 75 (Аргуэлло, стр. 87).
- [1575] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 6).
- [1576] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. VIII.
- [1577] Там же, Том. VII.
- [1578] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 1, fol. 4; Раздел 12, п. 2, фол. 126.
- [1579] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. VI.—Proceso contra Ana Enríquez, fol. 55 (Г-жа пенес меня).
- [1580] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 2, № 15.—Процесс против Антонио Адорно (Рукопись Am. Philos. Общество).
- [1581] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, фол. 44, 69.
- [1582] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 1, fol. 94.
- [1583] Архив Симанкаса, Инквизиция Толедо, стр. 428.
- [1584] Там же, Раздел. 1475, fol. 134; Раздел. 1480, fol. 127.
- [1585] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 16, n. 9.

- [1586] Там же, Раздел 9, n. 2, fol. 235; n. 3, fol. 299.—Libro XIII de Cartas, fol. 172, 174 (Рукописи Ам. Философ. Общество).
- [1587] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 1, fol. 143.
- [1588] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 fol., стр. 163; 218^b, стр. 239, 316.
- [1589] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена. 318^b, стр. 397.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 74.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg 544² (Lib. 6).
- [1590] РУКОПИСЬ Утра. Философ. Общество.—Отчеты испанской инквизиции, стр. 113-48. (Бостон, 1828).
- [1591] РУКОПИСЬ Утра. Философия. Общество.
- [1592] Jacobo de las Leyes, Flores de las Leyes, Lib. II, Тит. vii, viii (Память, история. español, II, 230-33).
- [1593] Фуэрос-де-Арагон, фол. 96-7 (Сарагоса, 1624).
- [1594] Константы 6, 11, 12, Код. IV, XX.
- [1595] Краткое содержание. Карфаген. VII, ann. 419, глава. 4.—Грациани Декрет. П. II, Кауз. iv, Q. 1, глава 1.
- [1596] Рохас де Херетисис, П. II, № 89-91.
- [1597] РУКОПИСЬ Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. 1.
- [1598] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 46.
- [1599] Ристретто, посвященное частому посещению С. Оффицио, стр. 144 (г-жа *пенес меня*).
- [1600] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [1601] Падре Фидель Фита исследовал этот вопрос со своей обычной тщательностью в *Boletin*, XXIII, 406 кв.
- [1602] Симанс Энчирид. Синица. XXXV, п. 25-6.
- [1603] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 35.
- [1604] Collectio Decretorum Sac. Cong. S. Officii, стр. 404 (Г-жа *пеняет мне*).
- [1605] Praxis procedendi, глава 1, n. 4 (Архив истории. национальная инквизиция Валенсии).—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 259.—Процесс против Анджелы Перес (МИСС *пенес меня*).
- [1606] Таковы афоризмы Инквизиции. Библиотека. II, глава xxxiv, № 8, 9, 11, 12.
- [1607] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 86.
- [1608] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Закон 140, № 16; 148, № 262.

[1609] Инструкции 1561 г., § 36 (Аргуэльо, стр. 32).—Пабло Гарсия, Процессуальный кодекс, стр. 25.—Рохас де Эрет. П. II, № 377-9.—Симанча Энчирид. Синица. XXXV, n. 23, 24.—Elucidationes Sancti Officii, § 26 (Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Lib. 6).

[1610] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 86.

[1611] Пабло Гарсия, Орден Процесса, fol. 44.—Modo de Proceder, fol. 58 (Bibl. nacional, рукопись, D, 122).

[1612] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 9.

[1613] Там же, библиотека 890, fol. 28.

[1614] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, фол. 72, 73.

[1615] Архив gen. de la C. de Aragon, Regist. 3684, fol. 68, 69.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1.

[1616] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 95.

[1617] Архив истории. национальный, Инквизиция Толедо, Статья 132, № 31; Статья 140, № 162; Статья 148, № 267.

[1618] Процесс против Игнации (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

[1619] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 138.

[1620] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, фол. 86, 96.

[1621] РУКОПИСЬ Библ. nationale de France, fonda espagnol, n. 81.

[1622] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 31.

[1623] Libro XIII de Cartas, fol. 71 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).

[1624] Сборник документов, XI, 273.

[1625] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 979, fol. 19.—Инструкции 1561 г., §§ 36, 39 (Аргуэльо, стр. 32).

[1626] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Статья 183, № 779; Статья 112, № 73, fol. 18.

[1627] Процесс против Мари Гомес, fol. xlii (МИСС *пеняет мне*).

[1628] Инструкции 1498 г., §§ 11, 16 (Аргуэльо, fol. 13).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 68.

В тексте Аргуэльо говорится, что *официальные лица* присутствовать не должны, явная опечатка для *финансовых* документов, приведенных в рукописи Симанкаса (Библиотека 933).

[1629] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Статья 99, № 15; Статья 139, № 145; Статья 143, № 196.

[1630] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933; Библиотека 939, fol. 99.—Пабло Гарсия, Орден процесса, fol. 46.

[1631] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 716; Раздел 522, fol. 11. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 79. Рукопись Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.

[1632] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 100.

[1633] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 100, 101.

[1634] Там же, Visitas de Barcelona, участок 15, fol. 2. Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, раздел 299, fol. 80.—Praxis Procedendi, глава 1, n. 8; глава 13, n. 10 (там же).

[1635] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 246, 407.—Praxis procedendi, глава 13, № 5 (*ubi sup.*).—Proceso contra Josepha de San Luis Beltran, fol. 116-17 (Рукопись Дэвида Фергюссона, Эсквайр.).

[1636] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 246.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 2, fol. 243.

[1637] Инструкция по практике комиссара, № 25 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).

[1638] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 228, № 24; Раздел 229, № 42; Раздел 230, № 60; Инквизиция Валенсии, Раздел 365, № 42.

[1639] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека. 939, fol. 99.—Инструкции 1561, § 30 (Аргуэлло, fol. 31).—Пабло Гарсия, Процессуальный кодекс, fol. 20.

[1640] Пабло Гарсия, fol. 21.—Coleccion de Documentos, X, 32, 43, 46.

[1641] Praxis Procedendi, глава 13, n. 12; глава 14, n. 3 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).

[1642] Симанс де Кат. Институт. Синица. LXVI, № 24.

[1643] Рохас де Эрет. П. II, № 104-5, 108, 110.

[1644] Библ. nacional, Рукопись V, 377, глава xxiii, § 6.

[1645] Архив инквизиции де Симанкас, Раздел 552, fol. 13.

[1646] Глава 20 в Сексто Lib. V, Тит. ii.—Digard, Реестры Бонифация VIII, Т. II, стр. 412, n. 3063.

Была предпринята тщетная попытка оправдать это подавление отрывком из "Partidas" (III, xvii, 11).

[1647] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 139, № 145; Раздел 143, в. 196.

[1648] Инструкция 1484, § 16 (Аргуэлло, следующий раздел 6).

[1649] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[1650] Там же, библиотека. 926, fol. 285.

[1651] Картас де Хименес, стр. 261-3.—Парамо, стр. 159.

Подлинность мемориала, приписываемого Хименесу, была поставлена под сомнение, но свидетельства Парамо показывают, что Хименес действительно возражал Чарльзу по этому поводу, и, независимо от того, был он автором или нет, это, несомненно, отражает официальную точку зрения на этот вопрос того времени.

Убийство осведомителя в Талавере, вероятно, относится к делу Бернардино Диаса, последствия которого вызвали охлаждение между Львом X и испанской инквизицией. См. выше, стр. 123.

[1652] Процесс против Хуана Франко, том 15 (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. III).

[1653] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 73, fol. 6.—Ibidem, Inquisicion de Canarias, Expedientes de Visitas, Leg. 250, Lib. 3, fol. 10.

[1654] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 54, фол. 31, 69, 190.

[1655] Боронат, испанские мориски, I, 569.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 16, fol. 269.

[1656] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 15.

[1657] Там же, Visitas de Barcelona, участок 15, fol. 9; Libro 716; Leg. 552, fol. 35. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 2; Раздел. 372.

[1658] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[1659] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 110, № 31, следующий за 10.

[1660] Процесс борьбы Педро Фламенко (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. III).

[1661] Урочище Зангери. de Quæstionibus, cap. ii, n. 49-50 (Francofurti, 1730).

[1662] Болетин, XI, 94-5 (падре Фидель Фита).

[1663] Инструкции 1561 г., § 72 (Аргуэлло, fol. 37).

[1664] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 20.

[1665] Там же, Раздел 552, следующий. 14.

[1666] Расшифровка. Мешок. Конгр. S^{ti} Officii, p. 68 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. del S. Offizio, Vol. 3).

[1667] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 112, № 74, следующий. 4.

[1668] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека. 939, fol. 86; Раздел. 552, fol. 37.

- [1669] Кольмейро, Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, II, 249, 275.
- [1670] Отношение инквизиции Толеданы (Болетин, XI, 293-4).—Pulgar, Crónica, P. III, cap. 54, 100.
- [1671] MS. Memoria de diversos Autos, Авто 27 (т. I, Приложение, стр. 609).
- [1672] Инструкции 1498 г., § 8 (Аргуэлло, fol. 13).
- [1673] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [1674] Архив Симанкаса, Реального Патронатоа, Инквизиция, Лег. унико, фол. 43.
- [1675] Pragmáticas y altres Drets de Cathalunya, Библиотека. I, Тит. viii, глава 1, § 12.
- [1676] Архив Симанкаса, Реального Патронатоа, Инквизиция, Лег. унико, фол. 47.
- [1677] Pragmáticas и др., *поддержка ubi*
- [1678] Леонис П.П. X Константа. *Intelleximus* (Bullar. Римлянин. I, 594).
- [1679] Córtes de Valladolid, 1523, Art. 54 (Córtes de Leon y Castilla, IV, 381).—Leyes de Toro, ley 83.
- [1680] См. I, Приложение, стр. 585.
- [1681] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 86.
- [1682] Симанс де Кат. Institt. Синица. LXIV, n. 90-6; Ejusd. Энчирид. Синица. XXXVIII.
- [1683] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 270.—Библ. nacional, РУКОПИСЬ V, 377, загл. XXIII, §§ 1, 2.
- [1684] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 22-3.
- [1685] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 111; Leg. 1, año 1656.
- [1686] Там же, Инквизиция Валенсии, стр. 299, fol. 80.
- [1687] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 13.
- [1688] Фуэрос-де-Арагон, фол. 205 (Сарагоса, 1624).—Новая редакция. Глава V, Тит. xvii, лист 7.
- [1689] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, фол. 141, 142.
- [1690] Матуте и Лукен, Автобиография Кордовы, стр. 211.—Королевская библиотека Берлина, Кв. 9548.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 100.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 890.
- [1691] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 26.
- [1692] Библиотека Университета Галле, Yc, 20, Т. I.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [1693] Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552.
- [1694] Там же, библиотека. 876.

[1695] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 184, 185.

[1696] Библи. nacional, рукопись, R, 128, стр. 42.—Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[1697] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.

[1698] Глянец. в главе 2, Decreti P. II, Caus. ii, Q. 4.—Эймерический. Прямой. Запрос. P. III, глава. 71.—Guid. Ответ. Вопросы, Q. XV (Карена де Офф. СС. Инквизиция. Изд. 1669, стр. 392).—С. Антонини Итоги П. III, Тит. xviii, глава 2, § 5. —Сумма Табиены против *инквизитора*, п. 37.—Фр. Официальный комментарий. СХХ в директ. Запрос. П. III.—Рохас де Херет. П. II, № 100-3.

[1699] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[1700] Архив Симанкаса, Инквизиция, Визитас де Барселона, Этап 15, следующий. 20.

[1701] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 937, fol. 212.

[1702] Эскобар де Нобиль. et Purit. пробанда, П. I, Q. ix, § 3, п. 18.

[1703] Симанс Энчирид. Тит. xxxvii, № 8.—Парамо, стр. 871-2.—Рохас де Херет. П. II, № 139-45.—Архив Симанкаса, Библиотека 939, фол. 87.

[1704] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 1, fol. 401.

В древнем фуэро Теруэля, действовавшем с 1176 по 1597 год, для придания юридической силы требовалось свидетельство как зрения, так и слуха — “Нулевое про сольное видение, а также про сольную проверку, подлежащую получению в свидетельстве, *juxta forum*”.—Форум Туролии, правитель Арагонии Адефонсо реге, Anno Dominice nativitatis mclxxvi, ст. 245 (Сапароса. 1905).

[1705] Praxis Procedendi, глава 10, n. 4 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).

[1706] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[1707] Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552, фол. 28, 42, 33.

[1708] Краткое содержание. Латеранский. IV, ann. 1215, глава lxx.

[1709] Память о различных автомобилях (Приложение к т. I, стр. 593, 594).

[1710] Главы из религиозной истории Испании, стр. 473, 478.

[1711] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 148.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.—Memoria de diversos Autos (*ubi sup.* p. 600).

[1712] См. “Мориски Испании”, стр. 116, 129-30.

[1713] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, фол. 3, 6, 31, 33.

[1714] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 17.

[1715] Процесс против Мари Гомес (МИСС *пенес меня*).

[1716] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.

[1717] Симанс де Кат. Institt. Тит. xiii, № 20.

[1718] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 6).

[1719] Рохас де Эрет. П. II, Утверждение. 25, № 258.—Praxis Procedendi, глава 8, № 22 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).

[1720] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 95.

[1721] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 20.

[1722] Рукопись Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.

[1723] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Стр. 61; Стр. 299, фол. 80.—Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544^a (Библиотека 4).—Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава 4.

[1724] Инструкции 1484, § 13 (Аргуэлло, следующий раздел 5).

[1725] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, раздел 133, № 40. The artless formula of protest is “Y porque la memoria es deleznable e puede ser que algunas otras cosas aya herrado de que agora no tengo memoria, protesto ante vuestra merced que cada y de algunas otras cosas me acordare lo vendre a declarar y dezyr, desde agora pido penitencia, que por mas me aclarar e alympiar digo que si algunas personas vinieren diciendo otras cosas de mas de las desuso declaradas que ayendo tales que vuestra reverencia les debe dar fe, desde agora yo las apruevo e digo que son verdaderas y pido penitencia dellas.”

[1726] Болетин, XXIII, 289-312.

[1727] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 153, № 331.

[1728] Д. Мануэль Серрено-и-Санс, в *Revista de Archivos* др., Abril, 1902, стр. 294.

[1729] Симанс де Кат. Institt. Синица. XLVIII, № 28; Ejusd. Энчирид. Синица. LXI, § 5.—Рохас де Эрет. П. I, № 597.

[1730] Разъяснения^{ti} Officii, § 17 (Архив Алькалы, Гасиенда, Закон. 544², Библиотека. 4).—Библ. nacional, рукопись, Стр. 28; V, 377, глава. ii, § 7

Это не ограничивалось испанской инквизицией, но было текущей практикой Церкви там, где она имела власть. См. Farinacii de Hæres. Q. 187, n. 133.

[1731] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 145.

[1732] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[1733] Там же.—Матуте и Лукен, Автобиография Кордовы, стр. 232—Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[1734] Альберт. Альбертин. Утверждают знатоки. Катол., Q. xxxvi, *подробно*.—Комментарий Пегна. 75 в Eymerici Direct. P. II.

[1735] Библ. национальный, рукопись, Стр. 28; V, 377, глава. ii, §§ 4, 6. —Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.—Elucidationes S^{ti} Officii, § 16 (Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Lib. 4).

- [1736] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.
- [1737] См. Приложение к Vol. I, стр. 580.
- [1738] Библ. nacional, рукопись, S, 294, fol. 243.
- [1739] Библ. nacional, рукопись, V, 377, fol. 53.
- [1740] Королевская библиотека Берлина, Qt., 9548.
- [1741] Бледа, Краника-де-лос-Морос, стр. 929.
- [1742] Процесс против Мануэля Диаса (МИСС *пеняет мне*).
- [1743] Инструкции 1484, §§ 11, 12; Инструкции 1498, 7 § (Аргуэлло, fol. 5, 13).
- [1744] Библ. nacional, MSS, PV, 3, № 20.—Несколько аналогична классификация морисков в автографе Толедо 1594 года (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I.).
- [1745] Разъяснения Sti Officii, § 4 (Архив Алькалы, Гасиенда, Раздел 544², Библиотека 4).—Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава. ii, § 14.
- [1746] Королевская библиотека Берлина, Кв. 9548.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [1747] Инструкции 1484, § 15 (Аргуэлло, следующий раздел 6).
- [1748] Инструкции 1561 г., § 53 (Аргуэлло, fol. 34) —Разъяснения с^{ti} официальных лиц, § 22 (*поддержка ubi.*).
- [1749] Симанс де Кат. Институт. Т. XLVII, № 45, 46.—Ejusd. Энчирид. Синица. LVIII, № 14.
- [1750] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.
- [1751] Архив Симанкаса Инквизиции, Libro 939, fol. 342.—Разъяснения с^{ti} Officii, § 5 (*ubi sup.*).—Библия. nacional, рукопись, Стр. 28.
- [1752] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I.—Библ. nacional, рукопись, G, 50, fol. 241.
- [1753] Библия. nacional, рукопись, V, 377, глава 5, §§ 1-3.
- [1754] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I
- [1755] Инструкции 1484, § 13 (Аргуэлло, следующий раздел 5).
- [1756] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.
- [1757] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 116-17, 120-1, 126, 130-4, 137, 139, 141, 161-2; Библиотека. 78, далее. 275, 282, 295, 322.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 385.

[1758] Рохас де Эрет., P. I, № 69, 72, 75-6.—Симанс де Кат. Institt. Синица. XLVIII, № 25.— Арнальд. Альбертин. de agnoscendis Assertt. Катол. Q. 3, n. 16. — Это было унаследовано от средневековой инквизиции. Смотрите Eymerici Direct. P. II, Q. xxxiv и комментарий Пеньи.

[1759] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—Библ. nacional, рукопись, G, 50, fol. 249.—Olmo, Relacion и др., стр. 255.—Гаpay, La Fee triunfante, стр. 75-8, 97.

[1760] Комментарий Pegnæ. XLVIII в "Эймерикском директоре", П. III.

[1761] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[1762] Обычно клятву в правдивости генеалогии и чистоте родословной дает лично заявитель, и она варьируется в зависимости от его вкуса. На нескольких образцах будут показаны различные принятые формулы. Some are specific and in detail as Doctor Bernardino Martinez Palomino, prebendary of Toledo, September 7, 1816.—“Los contenidos en esta genealogia son mis Padres y Abuelos Paternos y Maternos de la naturaleza que queda referida, todos legítimos y de legítimo matrimonio, limpios y de limpia sangre, sin raza de Moros, Judíos, Luteranos, Calvinistas, ni otra secta, ni procesados ni castigados por el Santo Oficio segun mi saber y entender, pues asi lo juro in verbo sacerdotis.”—Ibidem, fol. 24.

Mariano Bias Garoz for himself and his wife, March 7, 1816, is specially anxious to assert his gentility—“Todos los quales son descendientes de families ylustres, distinguidas, limpias de toda mala raza de Negros, Moros, Judíos y recien convertidos, y no han exercido oficios viles ni mecanicos y de ser asi cierto no constandome cosa alguna en contrario lo juro y firmo.”—Ibidem, fol. 28.

Ramon Nieto y Herrera, July 28, 1816 contents himself with “Todos los quales juro han sido mis Padres y Abuelos Paternos y Maternos.”—Ibidem, fol. 33.

[1763] Документ неполный, и я опустил длинное перечисление тривиальных взысканных долгов.

[1764] Здесь очевидная ошибка переписчика. Основная сумма и начисленные проценты по этим трем переписям составляют 39 230 шилл. 4d., или 1961 l. 10 шилл. 4d. Получатель, допустивший такую жертву, вряд ли осмелился бы сообщить об этом Фердинанду.

[1765] Алонсо Суарес де Фуэнтельсас, один из генеральных инквизиторов.

[1766] В этом сборнике есть две копии этой статьи, одна со множеством подчисток и, по-видимому, первый черновик, другая чистая и окончательная.

Типографские ошибки, исправленные переписчиком текста:

Вильянуэва и семья=> Вильянуэва и семья {стр. 134}

Инквизиция совершила=> Инквизиция совершила {стр. 153}

против его славы => против его славы {стр. 157}

исключения инквизиции=> исключения инквизиции {стр. 211}

доказательства в свою пользу=> доказательства в свою пользу {стр. 288}

колледжи Саламанаки => колледжи Саламанки { стр. 307}

Сицилия должна предоставить=> Сицилия должна предоставить {стр. 381}

Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 941, fol. 1.=> Архив Симанкаса, Инквизиция,
библиотека 941, fol. 1. {стр. 396 [fn. 1152]}

для дознавателей=> для инквизиторов {стр. 446}

Архив Симанкаса, Инквизиция=> Архив Симанкаса, Инквизиция {стр. 515 [fn. 1513]}

Провинциальная комиссия=> Провинциальный суд {стр. 533}
